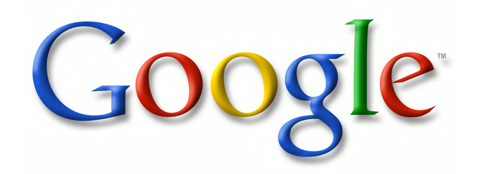

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

МАРТЪ. 1898.

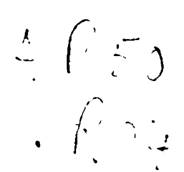
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 24 Февраля 1898 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

№ 3. Отдѣлъ I.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".

Гг. подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ 3 руб., контора редакціи покорнѣйше проситъ поспѣшить уплатой слѣдующаго взноса, съ приложеніемъ печатнаго адреса, по которому высылается журналъ.

Подписчики, живущіе въ Москвѣ, для избѣжанія лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (*Никитскія ворота, д. Гагарина*), обязательно представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

Лицамъ, не приславшимъ своевременно второго взноса, высылка журнала съ апрѣльской книжки будетъ прекращена.

ВЫЛѢЧИЛЪ...

(Изъ разсказовъ стараго доктора).

Мнѣ долго пришлось бродить по владѣніямъ Бакланихи, разыскивая квартиру Лаврентьевыхъ. Шесть флигелей, застроившихъ огромное мѣсто, всѣ на одинъ фасонъ — деревянные въ два этажа съ мезонинами, когда-то новые и голубые, но давно уже сѣрые и старые,—не нумеровались и значились у жильцовъ подъ неопредѣленными терминами: «у воротъ», «къ саду», «въ переулокъ», а безчисленныя маленькія квартирки, на которыя были раздѣлены Баклановскіе дома, совсѣмъ никакъ не значились. Разыскать кого-нибудь въ Баклановкѣ было тѣмъ болѣе трудно, что легковой извозчикъ, функціонировавшій въ качествѣ дворника, днемъ исполнялъ свои извозчичьи функціи и фигурировалъ въ качествѣ дворника только ночью.

Здѣсь ютились всякіе отчисленные отъ жизни люди,—чиновникъ на пенсіи, отставной офицеръ, приказчикъ безъ мѣста, вдовы, имѣвшія дѣтей и не имѣвшія денегъ кормить ихъ, всякій людъ, которому жизнь въ той или другой формѣ дала отставку. Это были люди, не претендовавшіе на кривыя лѣстницы и сломанныя ступени, на вѣчную полутьму грязноватыхъ квартиръ, на случавшіеся инциденты съ воплями, пьяными криками и полицейскими протоколами, но весьма цѣнившіе широкія права жильцовъ на пользованіе чердаками и безчисленными чуланами и дорожившіе отсутствіемъ строгой регламентаціи въ уплатѣ квартирныхъ денегъ семидесятилѣтней Бакланихѣ, давно не пользовавшейся въ полной мѣрѣ своими умственными способностями.

Баклановка была очень извѣстна въ городѣ, такъ какъ въ большихъ размѣрахъ поставляла обывателямъ горничныхъ, бѣлошвеекъ, домовыхъ портнихъ, а также гимназистовъ и гимназистокъ, охотно дававшихъ уроки за три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ въ какой угодно части города при неопредѣленномъ количествѣ ежедневныхъ занятій.

Я также хорошо зналъ Баклановку и довольно часто бы-

валъ въ ней, но фамилію Лаврентьевыхъ слышалъ въ первый разъ. Мнѣ помогъ Баклановскій старожилъ, капитанъ Копыловъ, указавшій домъ «въ углу» и велѣвшій мнѣ лѣзть выше.

Это была бѣдность,—опрятная, стыдливая, хоронящаяся бѣдность. Двѣ низенькихъ комнатки мезонина выглядѣли чистенько и даже уютно. Бѣлые половики покрывали кривыя половицы пола, на столикахъ виднѣлись вязаныя салфеточки, на одной стѣнѣ висѣлъ «Боярскій пиръ», а напротивъ, надъ клеенчатымъ диваномъ съ заплатой по срединѣ, ютилась кучка фотографическихъ карточекъ въ черныхъ рамкахъ. Въ углу стояла этажерка съ пасхальными яйцами, серебряными ложками и мельхіоровыми подстаканниками.

За столомъ на диванѣ, заткнувши уши пальцами, учила уроки гимназистка, лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, въ углу о чемъ-то ссорились два мальчика въ чистенькихъ ситцевыхъ рубашкахъ, въ сосѣдней комнатѣ, служившей и кухней, у окна съ геранью и подвѣшаннымъ горшечкомъ какихъ-то цвѣтовъ, спускавшихся внизъ зелеными нитями, сидѣла, низко наклонившись надъ пяльцами, молодая дѣвушка съ длинной свѣтлой косой и съ бумажными папильотками на лбу.

Въ окна глядѣлъ садъ съ бузиной, рябиной, двумя-тремя кустами сирени и разросшимися кучами высокой, зеленой и сочной крапивы.

Высокая, костистая женщина съ сухимъ, неподвижнымъ лицомъ и тѣмъ особеннымъ унылымъ выраженіемъ, которое было спеціально присуще обитательницамъ Баклановки,—въ черномъ платьѣ, съ низко спущеннымъ на лобъ темнымъ платкомъ, провела меня за перегородку въ маленькую темную каморку, сплошь заставленную сундуками. Зажженная свѣчка освѣтила большой голый черепъ, широкую волнистую сѣдую бороду и маленькое сморщенное старческое лицо, казавшееся такимъ жалкимъ и такимъ маленькимъ, при этой огромной бородѣ и большомъ блестящемъ черепѣ. Дѣло было ясно,—у старика оказалось крупозное воспаленіе легкихъ. Онъ былъ очень слабъ и тяжело дышалъ.

Послѣ осмотра я прошелъ въ кухню и объяснилъ женѣ больного, что воспаленіе легкихъ въ старческомъ возрастѣ переносится трудно, что больной очень слабъ, и я не могу ручаться за исходъ и что предъ нами четыре-пять очень опасныхъ дней до кризиса.

Темная женщина слушала внимательно съ своимъ неподвижнымъ унылымъ лицомъ.

— Въ больницу бы его...—отвѣтила она мнѣ.—Все равно помретъ.

Я объяснилъ, какъ опасно въ ноябрьскую непогодь вести больного съ крупознымъ воспаленіемъ легкихъ въ больницу

черезъ весь городъ за двѣ версты, и повторилъ, что дѣло сводится къ четыремъ-пяти днямъ.

Отъ пялецъ поднялась бѣлокурая голова съ папильотками, и на меня упорно смотрѣли усталые печальные глаза дѣвушки.

Уходя, я зашелъ къ больному проститься. Онъ былъ глуховатъ, я наклонился къ уху и сталъ утѣшать.

— Не робѣйте, говорю, Иванъ Степановичъ, духу наберитесь, Богъ дастъ, живы будемъ...

Онъ, очевидно, понялъ меня, но лицо осталось по прежнему равнодушно, и онъ чуть пошевелилъ губами:

— Ум-мру...

— Ну, вотъ еще...—продолжалъ я.—Всѣ умремъ, когда смертный часъ придетъ, а раньше-то времени хоронить себя незачѣмъ.

Запекшіяся сухія губы снова зашевелились и по прежнему медленно выговорили тоже слово:

— Ум-мру...

На другой день больному стало хуже, и жена его еще настойчивѣе обратилась ко мнѣ.

— Въ больницу бы его, господинъ докторъ... Дѣло наше небогатое,—и уходъ, и все. Сами изволите видѣть... Какой ужъ онъ жилецъ. Ударъ ужъ былъ разъ, — паларичъ расшибалъ. Все одно помретъ, я знаю...

Я разсердился.

— Что вы все, умретъ, да умретъ. Конечно, умереть можетъ,—особенно если въ больницу на холоду повезете,—а можетъ и выздоровѣть.

— Какое ужъ выздоровѣть... Чай, видно...

Я рѣшительно запретилъ везти больнаго и сказалъ, что буду ѣздить даромъ, а лѣкарства присылать изъ своей лѣчебницы.

И опять на меня упорно смотрѣли съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ усталые и печальные глаза дѣвушки за пяльцами.

Больной былъ въ полномъ сознаніи и поражалъ меня тѣмъ удивительнымъ равнодушіемъ, съ которымъ онъ относился къ своей болѣзни и отвѣчалъ на мои вопросы. Онъ глоталъ лѣкарства, когда подносили къ нему ложку, отвѣчалъ: да, нѣтъ, лучше, хуже, — но все это дѣлалъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы все это нужно было для меня, а не для него— и когда я уходилъ,—выговорилъ своимъ хриплымъ шепотомъ:

— Не хлопочите, господинъ докторъ...

Я рѣшилъ непремѣнно хлопотать и мнѣ почему-то особенно захотѣлось вылѣчить этого жалкаго и такого безучастнаго старика. Я сталъ ѣздить два раза въ день, посылалъ лѣкарства изъ своей лѣчебницы, просилъ фельдшера измѣрять температуру, втирать мазь и пр., и прочее.

Жена не заговаривала больше о больницѣ и аккуратно исполняла все, что я предписывалъ, но оставалась по прежнему холодна и безучастна. Она безшумно двигалась по комнатѣ и спокойно дѣлала свое хозяйское дѣло.

— Чего шумите?—окрикнетъ начинавшихъ ссориться мальчиковъ.—Видите, Настасья уроки учитъ.

Подойдетъ къ старшей дочери, насчетъ узора укажетъ, у печки управляться станетъ.

И всѣ въ семьѣ были какъ-то странно равнодушны къ тому, что дѣлалось за перегородкой въ темной каморкѣ, гдѣ рѣшался вопросъ о жизни и смерти.

Ссорились или играли въ углу мальчики, неподвижно сидѣла за пяльцами молодая дѣвушка съ своимъ страннымъ выраженіемъ глазъ.

А за перегородкой лежалъ, вытянувшись, и тяжело дышалъ безмолвный старикъ и покорно ждалъ подходившую къ нему смерть и съ равнодушнымъ лицомъ говорилъ мнѣ:

— Умру... Не хлопочите, господинъ докторъ...

Только дѣвочка-гимназистка сидѣла съ красными, заплаканными глазами за своими уроками и часто уходила за перегородку и подолгу оставалась тамъ.

Какъ-то разъ я пришелъ раньше обыкновеннаго. Жена больного еще не возвращалась съ базара, и я попросилъ старшую дочь сходить въ лѣчебницу за лѣкарствомъ, которое мнѣ нужно было впрыснуть старику подъ кожу, и въ ожиданіи лѣкарства присѣлъ на диванъ къ дѣвочкѣ, только что вернувшейся изъ гимназіи и читавшей какую-то толстую книгу.

— Развѣ вамъ это задано?—спросилъ я, заглянувши на страницу открытой книги, гдѣ шло описаніе жизни сибирскихъ инородцевъ.

— Нѣтъ...—замялась дѣвочка и вся вспыхнула и торопливо закрыла книгу, а разсматривавшій старые номера «Нивы» мальчикъ лѣтъ девяти-десяти поднялъ голову и разсмѣялся.

— Это она, докторъ, въ Сибирь собирается ѣхать, народы тамъ крестить будетъ...—фыркая, говорилъ онъ мнѣ.—Теперь умна больно стала...

— И поѣду, и поѣду...—съ сердитымъ лицомъ и сдвинутыми бровями и дрожавшими на глазахъ слезинками упрямо твердила дѣвочка.

Очевидно, я попалъ на обычную тему, которой мальчикъ, а быть можетъ, и взрослые дразнили дѣвочку.

— Дура,—говорилъ мальчикъ.—Развѣ дѣвчонки крестятъ, чай, попы это...

— Самъ ты дуракъ,—огрызнулась дѣвочка.—Я только выучу ихъ, а тамъ они... Не хочу я съ тобой разговаривать,—рѣшительно закончила она.

Я послалъ мальчика зачѣмъ-то въ лѣчебницу вслѣдъ за сестрой и заговорилъ съ дѣвочкой.

— Какъ это ты, Настя, надумала?

Она взглянула на меня недовѣрчиво и подозрительно, но, должно быть, мое лицо успокоило ее и, конфузясь и путаясь, съ необсохшими на глазахъ слезами, говорила мнѣ:

— Въ гимназіи... Алексѣй Иванычъ, географіи у насъ учитъ, разсказывалъ разъ про этихъ всѣхъ... чукчей, остяковъ и другихъ разныхъ. Какъ они плохо живутъ, въ грязи, голодаютъ... И не знаютъ ничего, идоламъ молятся, кровью имъ губы мажутъ. Знаете, докторъ,—оживленно и довѣрчиво заговорила она,—читала я: родится ребеночекъ—они его въ снѣгу сейчасъ же обваляютъ голенькаго. А еще станутъ хворать воспой, они больныхъ-то, умирающихъ и покинутъ, только хлѣба оставятъ, и уйдутъ, чтобы самимъ спастись. Алексѣй-то Иванычъ говорилъ, все ихъ меньше и меньше стаетъ, умираютъ много. Я и стала думать, все и думала, и думала... Вѣдь ихъ такъ жалко, такъ жалко...—тономъ полувопроса обратилась она ко мнѣ.

Я кивалъ головой и все смотрѣлъ въ милые и кроткіе, такіе хорошіе дѣтскіе глазки и тутъ только замѣтилъ, какъ похоже лицо Насти съ ея большимъ бѣлымъ лбомъ на лицо старика.

А старая обида, очевидно, все болѣла въ сердцѣ дѣвочки и дрогнувшимъ голосомъ, съ вновь блеснувшими слезами, жаловалась она мнѣ:

— А они все смѣются—Федька съ Лизой. Я только разъ и разсказала имъ, какъ я поѣду послѣ гимназіи въ Сибирь къ нимъ, къ чукчамъ, про Іисуса Христа разскажу, про Страсти Господни, читать выучу, чтобы книжки стали читать, какъ другіе живутъ, узнали бы... А они и пошли смѣяться. И проходу не даютъ. Стану книжку про инородцевъ читать, ночью иной разъ встану Богу молиться за нихъ... Федька подсмотритъ и примутся смѣяться.

И нѣжный дѣтскій голосокъ все жаловался мнѣ, и большой бѣлый лобъ не по дѣтски морщился и сосредоточенно думалъ.

Старику дѣлалось все хуже и хуже. Артеріи были измѣнены, сердце работало слабо, и я все болѣе и болѣе сомнѣвался въ выздоровленіи моего больного.

Не помню, на седьмой или восьмой день меня разбудили рано утромъ. Въ квартиру ворвалась, какъ безумная, Настя и съ воплями и криками: «Тятенка умираетъ»... потащила меня къ себѣ. Мы долго шли по пустымъ и еще темнымъ городскимъ улицамъ, и я еле поспѣвалъ за быстро бѣжавшей дѣвочкой, повидимому, не замѣчавшей, какъ холодный осенній

вѣтеръ трепалъ ея волосы и дулъ въ голую непокрытую шею. Если я останавливался передъ какой-нибудь лужей и начиналъ искать мѣста посуше, она подбѣгала ко мнѣ, тянула меня за рукавъ и съ плачемъ выкрикивала:

— Докторъ, голубчикъ, родимый, вѣдь тятенька помираетъ! Помретъ тятенька-то... Докторчикъ, миленькій, ангельчикъ...

И она снова бѣжала впередъ и до меня доносился плачущій крикъ:

— Какъ я безъ тятеньки-то жить буду!..

Въ Баклановскихъ воротахъ она побѣжала впередъ, но внизу лѣстницы своего дома остановилась и, прижавшись къ стѣнѣ, вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты чего, Настя, не идешь?—спросилъ я.

— Боюсь... — трясясь въ ужасѣ, шептала она. — Боюсь. Вдругъ тятенька-то не дышетъ... А я ушла, не простилась. Я послѣ, я послѣ, за вами...

Я прошелъ впередъ, но она тотчасъ же обогнала меня и, прыгая чрезъ ступеньку, влетѣла на верхъ въ свой мезонинъ.

Въ темную каморку набилась вся семья. Старикъ дышалъ медленно, ровно, глубоко, крупныя капли пота видны были на голомъ черепѣ, глаза были закрыты, сердце работало безъ перебоевъ, сильно и ровно.

Я осмотрѣлъ больнаго и съ тѣмъ особеннымъ чувствомъ высокаго наслажденія, которое испытываетъ только врачъ при выздоровленіи тяжело больного, сказалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Ну слава Богу. Это кризисъ, опасность прошла.

Нѣсколько секундъ протянулось страшное молчаніе и потомъ жена больного подняла на меня глаза,—я въ первый разъ разсмотрѣлъ ихъ близко,—сѣрые, холодные, какіе то тяжелые глаза, и недовѣрчиво выговорила:

— Живъ будетъ?

— Конечно, живъ.

Снова тоже странное молчаніе и какимъ то особеннымъ тономъ брошенныя слова жены:

— Божья воля...

Больной открылъ глаза и равнодушно смотрѣлъ на насъ.

— Слава Богу, Иванъ Степановичъ! — закричалъ я ему на ухо.—Живы будете, теперь скоро выздоравливать станемъ...

И въ первый разъ за все время болѣзни лицо старика не осталось равнодушнымъ. На немъ явилось какое то испуганное выраженіе, старикъ долго обводилъ глазами меня, свою жену, дочку-гимназистку и двухъ мальчиковъ,—я не замѣтилъ, какъ старшая дочь выскользнула изъ каморки.

— Божья воля, Ваничка...—говорила, наклонившись надъ больнымъ, жена его,—мнѣ послышалось что то мягкое и ласковое въ дрогнувшемъ голосѣ.

— Докторъ говоритъ, жить будешь, Иванъ Степановичъ...

А испуганное и какъ будто виноватое лицо старика сморщилось, и двѣ крупныхъ слезы покатились изъ глазъ по впалымъ щекамъ.

Было что-то тяжелое и напряженное во всей этой сценѣ, мое счастливое настроеніе какъ то потускнѣло и, отдавши нужныя распоряженія, я поторопился уйти.

Надъ лѣстницей въ чуланѣ кто-то громко рыдалъ. Сквозь отворенную дверь я увидѣлъ полулежавшую на сундукѣ молодую дѣвушку,—она билась головой объ сундукъ и зажимала ротъ руками, и изъ зажатаго рта вырывался мучительный, надрывающій плачъ. На лбу не было папильотокъ, незаплетенные волосы разсыпались и покрыли бившееся на сундукѣ тѣло.

Я взялъ дѣвушку за руки и сталъ уговаривать.

— Я вамъ ручаюсь,—говорилъ я,—что вашъ отецъ будетъ живъ,—всякая опасность прошла. Это былъ кризисъ, но онъ кончился и все идетъ прекрасно...

Она порывисто вскочила съ сундука, отняла руки отъ лица и расширившимися, сдѣлавшимися совсѣмъ круглыми, дикими глазами смотрѣла прямо мнѣ въ лицо и, словно безсознательно, повторяла:

— Тятенька живъ будетъ? Вѣрно слово,—живъ, живъ?..

И она начала быстро, быстро креститься и скороговоркою произносить: слава Богу, слава Богу, слава Богу... Дѣвушка все крестилась, все повторяла: слава Богу, и вдругъ—съ исказившимся, мокрымъ отъ слезъ, злымъ лицомъ рѣзко двинулась ко мнѣ.

— Вы чего тутъ стоите? Что вамъ нужно? Чего нужно вамъ?—почти кричала она.—Слезъ моихъ не видали, слезы мои посмотрѣть хочется? Идите. Я вамъ говорю, идите...

Я спускался по лѣстницѣ, ошеломленный, ничего не понимая, а то тяжелое и напряженное, что чувствовалось у постели больного, все сгущалось, становилось все напряженнѣе.

Изнывающее, туманное промозглое ноябрьское утро, какъ не кончившійся тяжелый сонъ, медленно вставало надъ грязными безлюдными улицами, надъ сѣрыми съ влажными пятнами на стѣнахъ домами, надъ оголенными деревьями, капавшими медленными, тихими, безмолвными каплями...

Я въ нерѣшимости стоялъ въ воротахъ и думалъ, идти ли мнѣ по залитымъ грязью улицамъ или ждать моего кучера, которому, уходя изъ дому, я велѣлъ пріѣхать за мной въ Баклановку.

— Что старичекъ-то, Иванъ-то Степановичъ, кончился?—участливо и жалостливо спросилъ меня отпиравшій свою лавочку баклановскій лавочникъ, Трофимъ Данииловичъ,—также

мой постоянный паціентъ,—въ совершенствѣ знавшій всякія семейныя и имущественныя тайны баклановскихъ обитателей.

Я отвѣтилъ, что Иванъ Степановичъ не кончился, а, наоборотъ, выздоравливаетъ и будетъ жить.

На толстомъ лицѣ Трофима Даниловича появилось изумленіе и что-то похожее на то выраженіе, которое я только что видѣлъ у жены больного. Онъ хлопнулъ себя руками по бедрамъ и еще болѣе участливо и жалостливо проговорилъ:

— Ахъ, грѣхи-то какіе... Вотъ грѣхъ-то... Вотъ грѣхи-то...

— Что вы тамъ мелете,—сердито остановилъ я его,—какіе грѣхи?

— Ахъ, господинъ докторъ, дѣловъ-то ихъ вы не знаете... Вѣдь застрахованъ старичекъ-то!

— Ну, и что же?—не совсѣмъ понимая, спросилъ я.

— То-то вотъ и оно... Вы войдите въ разсужденіе. Теперь дѣвица-то ихъ можно сказать почти что просватана за Тихона моего, за приказчика,—онъ мотнулъ головой по направленію къ краснощекому, безусому и безбородому приказчику, возившемуся въ глубинѣ лавки.—Деньги-то давнымъ давно по мѣстамъ опредѣлены, что къ чему, — только вотъ и ждали. Теперь ему бы, Тихону, пять сотъ, значитъ, въ приданое, а пять сотъ на выплату,—съ тыщей-то онъ взяться бы могъ, лавочку хотѣлъ снять въ слободкѣ. Ну, хорошо...—лавочникъ загнулъ палецъ.—Полтыщи сыну пошли бы, фиціянтомъ на пароходѣ бѣгаетъ у дяди, дядя-то буфетъ держитъ. Хорошій парень, не пьющій, старательный,—свое бы дѣло завелъ, на махонькомъ пароходѣ буфетъ снять собирался. А пять сотельныхъ старухѣ бы осталось,—думала квартиренку снять, мебелишкой обладить, да гимназистовъ пускать,—все бы около нихъ кормилась съ дѣтьми.. Ахъ, грѣхи какіе!..

Лавочникъ снова хлопнулъ себя руками.

— Что же они, изверги что ли? — вырвалось у меня,— смерти отца ждали?..

— Что вы, баринъ? Семья-то хорошая, согласная. Почитали старика-то. Человѣкъ-то какой, господинъ докторъ, Иванъ-то Степановичъ! Тридцать восемь годовъ у Пестрякова довѣреннымъ былъ, всѣмъ дѣломъ орудовалъ,—другой бы на его мѣстѣ дома понастроилъ, свое бы дѣло имѣлъ,—а они, сами изволили видѣть,—послѣднее доѣдаютъ... И теперь бы служилъ, кабы паларичъ въ ту пору не разшибъ его...

Я только теперь вспомнилъ Ивана Степановича и изъ за сморщеннаго больного и жалкаго лица старика предо мною встала солидная и благообразная физіономія пестровскаго главнаго приказчика, молчаливо, одними глазами командовавшаго изъ за своего прилавка толпой суетившихся молодыхъ приказчиковъ и подававшаго совѣты по части костюмовъ бары-

нямъ-покупательницамъ, высоко цѣнившимъ его тонкій вкусъ и врожденное изящество.

А Трофимъ Данилычъ все говорилъ мнѣ:

— Вы думаете, старику-то радостно выздоравливать,—чай, понимаетъ. Бывало, вотъ тутъ на заваленкѣ сидитъ, разговорится. «Хоть бы Богъ прибралъ поскорѣе, Трофимъ Данилычъ,—все бы семьѣ развязку сдѣлалъ... Только бы, скажетъ, кончину христіанскую Господь послалъ, не застигъ въ одночасье...»

— Какъ теперь жить-то они станутъ—на нѣтъ сошли...— продолжалъ размышлять Трофимъ Данилычъ. — Ну Настя-то ничего, мѣщанское общество въ гимназію платитъ, да и по ученью хорошо пошла, а теперь мальчишекъ учить, опять старшая-то, невѣста-то... А за старика процентъ плати,—и изъ чего только платить будутъ, ума не приложу...

А по улицамъ плылъ туманъ... Медленно, сырыми тяжелыми клубами, сѣрый и грязный ползъ онъ изъ узкихъ переулковъ, съ широкихъ площадей, окутывалъ дома и деревья и грязную улицу и кругомъ становилось такъ смутно, сѣро и тоскливо.

. . . .

Я еще нѣсколько лѣтъ прожилъ въ томъ городѣ и часто видалъ на завалинкѣ грѣвшагося на солнцѣ старика, съ голымъ черепомъ и большой сѣдой бородой. При видѣ меня онъ снималъ свой старый ватный картузъ и всякій разъ мнѣ казалось, его лицо принимало виноватое выраженіе. А съ переулка видно было,—у окошка съ подвѣшаннымъ горшечкомъ цвѣтовъ, низко наклонившись надъ пяльцами и не отрываясь отъ работы, все сидѣла молодая дѣвушка съ бѣлокурой косой. Изрѣдка я видѣлъ на базарѣ высокую костистую женщину въ поношенномъ темномъ платьѣ, съ сухимъ неподвижнымъ лицомъ, только не видно было въ баклановской лавочкѣ круглой краснощекой физіономіи приказчика, и мнѣ все было какъ-то неловко спросить у Трофима Даниловича, ждетъ ли онъ свою бѣлокурую невѣсту, или уже завелъ безъ нея въ слободкѣ свою лавочку.

Настю я изрѣдка встрѣчалъ. Повидимому, у ней было много уроковъ и она помогала семьѣ. Я зналъ, что послѣ гимназіи она уѣхала на курсы, и послѣ этого потерялъ ее изъ вида. Насколько мнѣ извѣстно, Настя не возвращалась больше въ свой городъ.

С. Елпатьевскій.

Современныя теоріи строенія живого вещества.

IV.

Бючли утверждаетъ, что протоплазма имѣетъ структуру, подобную той, какую мы видимъ въ искусственно произведенныхъ масляно мыльныхъ капляхъ, т. е. структуру пѣнистую. Невѣрно, говоритъ онъ, то общепринятое мнѣніе, будто въ плазмѣ есть губчатый или сѣтчатый скелетъ, который и является носителемъ всѣхъ особыхъ свойствъ живого вещества; напротивъ, жизнь самымъ тѣснымъ образомъ связана съ *жидкимъ* состояніемъ протоплазматическаго содержимаго и съ присущей ему удобоподвижностью самомалѣйшихъ частицъ его. Собственно говоря, такого же взгляда, особенно укрѣпившагося въ 50-ые годы, держались и первоначальные изслѣдователи клѣтки. Браунъ, Шваннъ, Моль и др., ограничиваясь прямымъ наблюденіемъ, разсматривали содержимое клѣтки, какъ жидкое, и видѣли въ плазмѣ вязкое, слизистое вещество. Но еще въ 1835 г. французскій ученый Дюжарденъ, впервые отличившій клѣточный сокъ отъ истинной протоплазмы или, какъ онъ назвалъ ее, саркоды, и позже его Брюкке, въ 1861 г. выдвинули впередъ идею о неоднородности живого вещества. Дюжарденъ, первенство котораго въ занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ старается реабилитировать Делажъ, говоритъ, что, хотя саркода и не имѣетъ видимыхъ органовъ, но она тѣмъ не менѣе организована, такъ какъ она выпускаетъ различные отростки, увлекающіе съ собой зерна, то вытягивающіеся, то втягивающіеся,—словомъ, такъ какъ она одарена жизнью. Однако взглядъ Дюжардена оставался долгое время не замѣченнымъ; вліянія на дальнѣйшій ходъ гистологическихъ воззрѣній онъ не имѣлъ; даже, напротивъ, работы Шульце, Геккеля и Кюне только утвердили жидкую природу протоплазматическаго вещества. Затерявшуюся такимъ образомъ было идею о скрытой структурѣ возродилъ къ жизни Брюкке въ своей рѣчи «Die Elementarorganismen». Въ ней Брюкке a priori отрицаетъ возможность для жидкой плазмы выполнить всѣ сложныя физіологическія отправленія клѣтки, поэтому онъ находитъ нужнымъ допустить въ ней,

кромѣ молекулярной структуры, еще особую «организацію, состоящую изъ твердой и жидкой части». Развивая дальше свою мысль и указывая на способность протоплазмы къ самопроизвольной, такъ сказать, дифференцировкѣ, Брюкке приходитъ къ заключенію, что не только однородность протоплазмы есть лишь кажущаяся, но что «она вездѣ составлена изъ безчисленныхъ маленькихъ организмовъ, въ которыхъ мы можемъ допустить очень сложную структуру и наличность особыхъ архитектоническихъ элементовъ, до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ». Прежній взглядъ на клѣтку, какъ на самый низшій индивидъ, состоящій изъ постоянной оболочки постояннаго ядра съ ядрышкомъ и плазмы, представляющей альбуминный растворъ, долженъ быть замѣщенъ, по мнѣнію Брюкке, который отодвигаетъ на заднiй планъ оболочку и ядро, такъ какъ они могутъ и отсутствовать, и приписываетъ главное значеніе плазмѣ, образованной изъ высокоорганизованныхъ элементарныхъ «органитовъ». Нельзя не согласиться съ Бючли и съ Делажемъ, что именно Брюкке, видѣвшій въ протоплазмѣ какое-то скопище крайне сложныхъ и невидимыхъ организмовъ, открылъ широкій доступъ въ біологію многочисленнымъ спекулятивнымъ теоріямъ, которыя направляютъ всѣ свои усилія на то, чтобы вообразить себѣ структуру этихъ организмовъ и ею объяснить жизненныя явленія.

Взглядъ Брюкке встрѣченъ былъ съ энтузіазмомъ. Сторонники его стали тѣмъ многочисленнѣе, что теоретическія соображенія о неоднородности жидкой плазмы не замедлили найти себѣ фактическое подтвержденіе, когда въ этой плазмѣ было констатировано повсемѣстное присутствіе или изолированныхъ волоконъ или волоконъ связанныхъ, сплетенныхъ въ сѣть. Въ этихъ волокнахъ или сѣти, состоящихъ изъ твердаго вещества, и думали найти субстратъ жизни, производящій явленія сокращенія, измѣненія формы и т. д. Рѣзче всѣхъ въ этомъ смыслѣ выразился Пфлюгеръ; онъ утверждалъ, что протоплазма состоитъ «изъ абсолютно твердыхъ и абсолютно жидкихъ частей».

Но вскорѣ затѣмъ стало обнаруживаться, что видимая въ микроскопѣ сѣтеобразная структура часто бывала результатамъ оптическаго обмана, что появленіе и изчезновеніе тѣхъ или иныхъ волоконъ въ структурѣ зависило, напр., отъ той силы освѣщенія, при которой производились наблюденія. Бертольдъ и Бючли первые выступили въ защиту *жидкой* природы клѣточнаго содержимаго, и ихъ защита была настолько убѣдительна, что, по словамъ Ферворна, настроеннаго, впрочемъ, слишкомъ оптимистически, едва-ли есть хоть одинъ изслѣдователь, знакомый съ явленіями, который могъ бы отказаться отъ подобнаго представленія. «И въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе, что жизненныя явленія могутъ быть соединены только съ твердымъ субстратомъ, но не могутъ быть соединены съ жидкостью, не только ни на чемъ не основано, но въ такой формѣ даже не состоятельно. Оно не только не можетъ опереться на какое либо

допустимое основаніе, но даже противорѣчитъ фактамъ, которые легко наблюдать. Такъ, напр., совершенно непонятно, какимъ образомъ при болѣе или менѣе неподвижномъ свойствѣ остова или сѣти протоплазма могла бы имѣть способность струиться или течь, что такъ легко наблюдать въ подходящихъ растительныхъ клѣткахъ или амебахъ. Для твердой сѣтчатой основы невозможно течь такимъ образомъ, чтобы отдѣльныя точки ея массы постоянно смѣшивались, какъ это ясно видно на амебахъ. Если теорія твердой консистенціи на первый взглядъ и не противорѣчитъ отношеніямъ, существующимъ въ клѣткахъ съ постоянной формой, то она никоимъ образомъ не совмѣстима съ явленіями, наблюдаемыми на голыхъ протоплазматическихъ массахъ». Прямое наблюденіе надъ различными одноклѣточными организмами привело Бючли къ признанію жидкой консистенціи протоплазмы. У protozoa, какъ извѣстно, наблюдается въ нормальномъ состояніи образованіе различныхъ пузырьковъ (вакуолей)—питательныхъ, сократительныхъ и другихъ; всѣ они имѣютъ *шарообразную* форму капли, что очевидно возможно только въ томъ случаѣ, если не одни лишь вакуоли, но и окружающая ихъ среда—плазма,—являются жидкостями, производящими и испытывающими со всѣхъ сторонъ одинаковое давленіе. Сторонники твердаго клѣточнаго остова не могли отвѣтить на вопросъ, почему пузырьки, какъ бы они ни разростались, всегда остаются шаровидными, равнымъ образомъ—почему они, сливаясь вмѣстѣ, всегда округляются. Теорія Бючли даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ она даетъ отвѣтъ и на многіе другіе, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ нѣсколько словъ.

На многихъ клѣткахъ ясно видно присутствіе особаго поверхностнаго слоя, построеннаго по типу ячеекъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Это въ большинствѣ случаевъ не клѣточная оболочка, такъ какъ во 1-хъ, слой состоитъ изъ такой же субстанціи, что и плазма, во 2-хъ, онъ замѣчается и на раздавленныхъ капляхъ протоплазмы. Сѣтчатая теорія для объясненія какъ свойствъ, такъ и происхожденія этого альвеолярнаго слоя должна прибѣгать къ новымъ, все болѣе невѣроятнымъ гипотезамъ. Но тѣмъ самымъ она только затрудняетъ пониманіе того, что хочетъ объяснить. По теоріи Бючли существованіе ячеистаго слоя вполнѣ законно, такой же слой имѣется и на искусственныхъ пѣнистыхъ капляхъ, гдѣ его образованіе обусловливается причинами поверхностнаго натяженія, и это сходство въ строеніи наружнаго слоя несомнѣнно служитъ доводомъ въ пользу правильности пѣнистый теоріи протоплазмы.

Между разными воззрѣніями на плазму значительной распространенностью пользоволось и теперь еще пользуется то воззрѣніе, по которому плазма состоитъ изъ вязкой или слизистой основной массы и вкрапленныхъ въ нее многочисленныхъ зеренъ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣднія были окрещены греческимъ именемъ «микрозомъ», они особенно стали притягивать къ себѣ вниманіе ученыхъ.

Явилась попытка обосновать зернистое ученіе протоплазмы и видѣть въ зернахъ по истинѣ и единственно живые элементы клѣтки, приравниваемые, напр., микрококкамъ. Особенно много въ этомъ направленіи работалъ, какъ было уже упомянуто, Альтманъ. По его мнѣнію, зернистость играетъ крупнѣйшую роль въ жизни плазмы; признаваемая всѣми почти біологами сѣтчатая структура на самомъ дѣлѣ лишь кажущаяся, ибо отдѣльныя волокна, на первый взглядъ непрерывныя и однородныя, въ дѣйствительности составлены изъ тѣсно другъ къ другу примыкающихъ, очень малыхъ зеренъ, размножающихся, подобно клѣткѣ, посредствомъ дѣленія (отсюда крайне важное, думаетъ Альтманъ, положеніе, обнаруживающее все жизненное значеніе зеренъ: *omne granulum e granulo*). Да и значительнѣйшая часть гогоменной повидимому плазмы состоитъ, быть можетъ, изъ неподдающагося пока различенію скопленія ультрамикроскопическихъ зернышекъ, называемыхъ еще иначе *біобластами*. Конечно, соглашается Альтманъ, біобласты отдѣлены промежуточнымъ веществомъ, но это вещество инертное, играющее роль обыкновенной пассивной среды и выдѣляемое самими зернами; такимъ образомъ прежнее воззрѣніе, по которому живое тѣло состоитъ изъ однородной жизненной протоплазмы, увлекающей въ своемъ движеніи произведенные ею же инертные шарики, замѣняется новымъ, по которому плазма составлена изъ живыхъ шариковъ, заключенныхъ въ выдѣленную ими инертную массу. Однако позднѣйшія изслѣдованія показали, что зернистость Альтмана не исключаетъ сѣтчатой структуры плазмы; если послѣдняя и ускользала часто отъ взоровъ наблюдателей, то только потому, что наблюденіе производилось при какихъ нибудь неблагопріятныхъ условіяхъ. Любопытнымъ является то, что зернистость всегда оказывается заключенной въ нитяхъ остова и именно въ тѣхъ узловыхъ точкахъ, которыя образуются пересѣченіемъ стѣнокъ ячеекъ. Чѣмъ объяснить такое опредѣленное расположеніе зеренъ? Теорія сѣтчатой структуры, усматривающая въ ней твердый остовъ клѣточнаго тѣла, не даетъ удовлетворительнаго отвѣта на поставленый вопросъ. Но такой отвѣтъ дается теоріей Бючли. Если къ масляной каплѣ прибавить сажи и затѣмъ растираніемъ превратить ее въ пѣнистую, то замѣчается, что сажа располагается въ узловыхъ точкахъ петель, совершенно подобно тому, какъ располагаются зерна въ клѣткѣ; отсюда съ полнымъ основаніемъ можно заключить, что физическое строеніе плазмы ничѣмъ не отличается отъ строенія пѣны и что причины такого расположенія въ обоихъ случаяхъ одинаковы.

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ теоріи Бючли служатъ, такъ называемыя, лучистыя явленія протоплазмы. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ громадномъ числѣ клѣтокъ, кромѣ двухъ главныхъ составныхъ частей ихъ—протоплазмы и ядра,—найдено еще *центральное тѣльцо* или *центросома*. Какъ происхожденіе, такъ и роль этого органа до сихъ поръ еще не установлены съ полной

достовѣрностью, но большинство біологовъ принимаетъ, что онъ представляетъ несомнѣнный морфологическій элементъ клѣтки, дифференцировавшуюся часть ядра, размножающуюся, подобно ядру, посредствомъ дѣленія. Эта центросома становится особенно ясной при опредѣленныхъ состояніяхъ клѣтки, благодаря той лучистости, которою протоплазма окружается: когда клѣтка оплодотворяется и дѣлится, въ протоплазмѣ ея легко усмотрѣть два свѣтлыхъ пятна, (сферы притяженія), вокругъ которыхъ плазма собирается въ видѣ лучистаго вѣнца (солнца), а въ центрѣ фигуры тогда рѣзко выступаетъ (при употребленіи особыхъ окрашивающихъ реактивовъ) центросома. Но изслѣдованія Бючли показали, что сходныя съ упомянутыми только что лучистыя явленія наблюдаются и въ искусственной микроскопической пѣнѣ. Здѣсь они зависятъ отъ имѣющихъ мѣсто въ пѣнѣ диффузіонныхъ процессовъ и указываютъ на расположеніе отдѣльныхъ камеръ другъ за другомъ въ направленіи диффузіоннаго обмѣна. Впервые Бючли замѣтилъ радіальную лучистость вокругъ сократительныхъ вакуолей, и особенно рѣзко въ то время, когда вакуоли росли, т. е. когда онѣ притягивали воду. А такъ какъ лучистость, происходящая при дѣленіи ядра (на полюсахъ ядернаго веретена) ничѣмъ не отличается отъ лучистости у вакуолей, то можно думать, что и въ первомъ случаѣ причиной явленія служитъ теченіе жидкости и растворенныхъ въ ней веществъ. Наблюденія надъ масляными каплями вполнѣ подтверждаютъ этоп редположеніе. Образованіе аттрактивной сферы вокругъ центросомы не должно считаться удивительнымъ, такъ какъ аналогичное явленіе имѣется и въ физическомъ мірѣ. Извѣстно, что вокругъ быстро ростущихъ кристалловъ окрашеннаго вещества, которые выдѣляются изъ пересыщеннаго раствора, часто образуется слабо или совсѣмъ неокрашенное пространство; это объясняется тѣмъ, что ростущій кристаллъ быстрѣе притягиваетъ растворенное вещество, чѣмъ послѣднее диффундируетъ въ воду. Можно допустить, что нѣчто подобное совершается и въ живой плазмѣ: центросома притягиваетъ изъ окружности вещества, и если притяженіе происходитъ быстро, то наступаетъ моментъ, когда диффузія не даетъ достаточнаго возмѣщенія, постепенность концентраціи въ опредѣленномъ мѣстѣ нарушается, и здѣсь имѣютъ мѣсто химическія измѣненія. Конечно, Бючли считаетъ свое объясненіе лучистости гипотетическимъ; но во всякомъ случаѣ оно стоитъ неизмѣримо выше тѣхъ чи то спекулятивныхъ соображеній о свойствахъ допущенныхъ ad hoc физіологическихъ единицъ, мицеллъ и т. д., которыя въ качествѣ элементовъ «живой субстанціи», надѣляются особыми жизненными силами.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что изложенный нами выше взглядъ Бючли на лучистыя явленія, какъ на результатъ динамическаго процесса диффузіи, происходящаго, въ силу опредѣленныхъ физическихъ причинъ, во всемъ тѣлѣ протоплазмы, а не въ отдѣльномъ

морфологическомъ элементѣ его, не остался одинокимъ въ біологической литературѣ. Сходное мнѣніе высказываетъ, напр., Эйсмондъ. По мнѣнію этого автора, протоплазма построена по типу сотъ, стѣнки которыхъ состоятъ не изъ сферическихъ поверхностей, какъ это утверждаетъ Бючли, а изъ пластинокъ, анастомизирующихъ и развѣтвленныхъ; благодаря этому обстоятельству, между всѣми камерами устанавливается сообщеніе. Форма, величина и направленіе петель образуемой такимъ образомъ сѣти (ибо въ оптическомъ разрѣзѣ строеніе Эйсмонда также даетъ сѣть) зависятъ отъ молекулярныхъ движеній, обязанныхъ своимъ существованіемъ осмотическимъ токамъ въ протоплазмѣ. Они велики тамъ, гдѣ движеніе отличается своей активностью, и малы тамъ, гдѣ оно слабо. Но движенія, особенно активныя на поверхности, постепенно слабѣютъ по направленію къ центру. Тамъ находится, такъ сказать, *мертвая точка*, въ которой энергія обмѣна нулевая и въ которой, слѣдовательно, образуемая пластинками лучистость (aréole) такъ мала, что не можетъ быть усмотрѣна даже при наибольшихъ увеличеніяхъ. Эта мертвая точка и есть центросома. Само собой разумѣется, что вслѣдствіе крайней малости петель центросома кажется темной крупинкой. Вокругъ нея идетъ поясъ съ немного большими петлями, это сфера притяженія. Затѣмъ, наконецъ, идутъ петли сравнительно крупныя, центробѣжная оріентировка которыхъ обусловливаетъ радіальныя струи. Отсюда ясно, что сферы притяженія и центросома не суть реальные органы; онѣ представляютъ лишь *внѣшній видъ* того динамическаго состоянія, въ которомъ находятся различныя точки системы, имѣющей вездѣ однообразную структуру.

Изъ вышесказаннаго уже видно, сколько свѣта проливаетъ теорія Бючли на основные вопросы біологіи клѣтки и вмѣстѣ съ тѣмъ біологіи одноклѣточнаго организма. Но едва ли не наибольшее значеніе имѣетъ эта теорія въ разъясненіи какъ причины, такъ и механизма процессовъ движенія живого вещества, т. е. тѣхъ именно физіологическихъ процессовъ, которые до сихъ занимали исключительное положеніе въ общей функціональной дѣятельности его. Собственно, воззрѣніе Бючли въ данномъ случаѣ не можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ или полнымъ, потому что оно не охватываетъ всей совокупности тѣхъ явленій, которыя такъ или иначе приводятъ въ процессы движенія. Бючли какъ будто совершенно упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что *живая* протоплазма, обладающая извѣстнымъ физико-механическимъ строеніемъ,—по его мнѣнію, пѣнистымъ,—служитъ также вмѣстилищемъ безпрерывныхъ химическихъ измѣненій, крайне, если не единственно, важныхъ въ жизнедѣятельности клѣтки, и что слѣдовательно, разъ мы имѣемъ въ виду тѣ или иныя процессуальныя особенности ея (а къ такимъ безъ сомнѣнія относятся и двигательныя явленія), то эти химическія измѣненія не могутъ быть игнорируемы. Впрочемъ, по нѣкоторымъ указаніямъ можно думать, что

Бючли даже намѣренно оставляетъ въ сторонѣ «химизмъ» протоплазмы, и дѣлаетъ это для того, чтобы провести свою теорію въ возможно чистомъ видѣ. Какого бы рода реакціи, думаетъ онъ, ни происходили въ тѣлѣ клѣтки, какія бы вещества ни поглощались или выдѣлялись, несомнѣннымъ остается одно: пѣнистое строеніе протоплазмы и жидкая консистенція ея; потому и характеръ движенія живого вещества, и законы, которымъ это движеніе подчинено, ни въ чемъ не могутъ быть отличны отъ характера и законовъ, которые проявляются въ движеніяхъ любыхъ жидкостей, при условіи, что послѣднія физически неоднородны и другъ съ другомъ не смѣшиваются.

Такъ какъ теорія движенія живого вещества, какъ она представлена въ послѣднее время Ферворномъ, цѣликомъ принимающимъ основу ученія Бючли, не можетъ найти себѣ здѣсь мѣста, то намъ остается теперь ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями, обрисовывающими въ общихъ чертахъ тотъ путь, какимъ Бючли считаетъ возможнымъ «объяснить» движеніе живого вещества. Въ біологіи и по настоящую пору еще считается достовѣрнымъ воззрѣніе, по которому явленія теченія и движенія плазмы коренятся въ особомъ свойствѣ ея—сократительности; это свойство принимается совершенно аналогичнымъ тому, какое наблюдается наиболѣе рельефно въ мускульной плазмѣ, а такъ какъ въ послѣдней различаются особенные форменные элементы, спеціально приспособленные для сокращеній, то наличность такихъ же структурныхъ элементовъ приходится a priori допустить и въ любой клѣткѣ, способной къ движенію или сокращенію. Допущенное a priori подтверждается той микроскопической картиной, которую обнаруживаетъ протоплазма при достаточномъ сильномъ увеличеніи; замѣчаемая въ ней тогда сѣть или *твердый* остовъ—вотъ матеріальный субстратъ двигательныхъ явленій. Само собой разумѣется, что, на взглядъ Бючли, отрицающаго реальность сѣтчатаго остова, такое объясненіе не можетъ быть признано правильнымъ. Если протоплазма есть пѣнистая эмульсія, состоящая изъ различныхъ жидкостей, то, очевидно, въ физическихъ свойствахъ ея, какъ жидкости, должна лежать причина движеній. Такъ именно и посмотрѣлъ на дѣло Бертольдъ, который раньше другихъ пришелъ къ заключенію, что теченія плазмы въ растительныхъ клѣткахъ зависятъ отъ мѣстныхъ измѣненій *поверхностнаго натяженія* между жидкой плазмой и клѣточнымъ сокомъ. Крупную услугу оказалъ этотъ ученый послѣдовательнымъ проведеніемъ той мысли, что не должно и безполезно выставлять какія либо особыя молекулярныя гипотезы для объясненія наблюдаемыхъ въ органическомъ мірѣ особенныхъ явленій (напр., двигательныхъ), но что гораздо проще обратиться къ помощи извѣстныхъ уже физическихъ силъ. Бючли, какъ и Бертольдъ и Квинке, останавливается на силахъ капиллярныхъ, обнаруживающихся въ явленіяхъ поверхностнаго натяженія. Движенія одноклѣточныхъ амебъ,

говоритъ Бючли, такъ сильно походятъ на движенія масляно-пѣнистыхъ капель, что невольно убѣждаешься въ тождествѣ дѣйствующихъ и здѣсь, и тамъ силъ *). Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ осевой потокъ, который идетъ къ переднему, двигающемуся концу и отсюда распространяется во всѣ стороны. Чтобы имѣть возможность примѣнить объясненіе теченій въ капляхъ пѣны къ теченіямъ въ амебѣ, необходимо разсмотрѣть природу протоплазматической субстанціи. Выше было указано, что послѣдняя, образуетъ ли она вещество остова или выполняетъ петли его, всегда жидка. Вещество остова должно представлять собой нерастворимую въ водѣ жидкость; главная составная часть этого вещества есть, безъ сомнѣнія, бѣлковоподобное соединеніе, названное пластиномъ, въ которомъ возможно еще присутствіе жидкой кислоты (изъ ряда стеариновой). Что же касается промежуточнаго вещества, то и опытныя указанія, и нѣкоторыя теоретическія соображенія заставляютъ допустить, что оно есть водный растворъ, содержащій въ себѣ мылообразныя соединенія, которыя играютъ не маловажную роль. Объясненіе двигательныхъ явленій въ амебахъ, соотвѣтственно явленіямъ теченій въ пѣнистыхъ капляхъ, Бючли находитъ въ томъ, что, благодаря какой либо случайной причинѣ, нѣкоторыя поверхностныя ячейки лопаются; ихъ содержимое выливается на свободную поверхность плазматическаго тѣла, производитъ здѣсь мѣстное уменьшеніе поверхностнаго натяженія и вызываетъ поступательное движеніе амебы.

Такимъ образомъ объясняются, по мнѣнію Бючли, не одни лишь простыя движенія, но и сложныя измѣненія формы, образованіе всевозможныхъ отростковъ или псевдоподій. Онъ увѣренъ также, что и сокращеніе мускульныхъ фибриллъ, этихъ спеціальныхъ, приспособленныхъ для движенія органовъ, покоится на тѣхъ же причинахъ, и что будущая теорія, которая пожелаетъ проникнуть въ механику мускульнаго сокращенія, должна быть построена на принципѣ жидкаго капельно-пѣнистаго строенія протоплазмы.

*) Поразительное сходство отмѣчаютъ даже такіе авторы, которые къ пѣнистой теоріи относятся съ большимъ скептицизмомъ. Делажъ, усматривающій въ Бючли жертву «ума, склоннаго къ системѣ», говоритъ по этому поводу слѣдующее: «нужно было видѣть, какъ это мнѣ удалось, въ 1889 г. въ Гейдельбергѣ, самые препараты автора (т. е. Бючли), чтобы получить точное представленіе о томъ крайнемъ сходствѣ, которое представляютъ искусственныя пѣны съ протоплазмой нѣкоторыхъ protozoa. Сходство тѣмъ полнѣе, что ячейки поверхностнаго слоя отличны отъ прочихъ; онѣ больше размѣромъ, призматичны и правильно расположены по радіальному направленію, другія же имѣютъ неправильную многоугольную форму; такимъ образомъ маленькое пѣнистое пятно какъ бы окаймлено оболочкой, а это только увеличиваетъ его сходство съ живымъ существомъ. Картина становится еще поразительнѣе, когда видишь, какъ эти ячейки перемѣщаются въ опредѣленномъ направленіи и обусловливаютъ истинное амебоидное ползаніе пѣнистой капли. Несомнѣнно, это наиболѣе интересная сторона явленія.»

Мы старались изложить теорію пѣнистаго строенія протоплазмы примѣнительно къ требованіямъ журнальной статьи; входить въ ближайшее разсмотрѣніе отдѣльныхъ деталей, иллюстрирующихъ правильность или неправильность основныхъ положеній ея, не представляется возможнымъ, въ виду крайней спеціальности этихъ деталей. Но здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній общаго характера, касающихся очень важныхъ методологическихъ вопросовъ въ біологіи. Отмѣтимъ прежде всего то обстоятельство, на которое обратилъ должное вниманіе Ферворнъ, что установленіе жидкой или полужидкой консистенціи протоплазматическаго тѣла устраняетъ цѣлый рядъ отличій между веществомъ живымъ и мертвымъ. Когда сравниваютъ организмы съ неорганическими тѣлами, то объектомъ сравненія обыкновенно принимаютъ, съ одной стороны, протоплазму (или клѣтку, или даже сумму клѣтокъ, т. е. сложный организмъ), а съ другой, *твердый* кристаллъ. Если раньше выборъ неорганическаго объекта сравненія совершался случайно или по одному лишь признаку его роста, то теперь этотъ же выборъ дѣлается сознательно; протоплазма, въ которой утверждается присутствіе твердыхъ частей, быть можетъ, исключительно важныхъ, должна быть сравнена съ твердымъ кристалломъ. Но такое сравненіе, лишь только оно поставлено, сейчасъ же переходитъ въ противопоставленіе и обнаруживаетъ многія и будто несомнѣнныя отличія живой протоплазмы отъ мертваго кристалла.

Первое и наиболѣе рѣзко бросающееся въ глаза морфологическое различіе заключается въ томъ, что въ то время какъ кристаллъ представляетъ строго опредѣленную геометрическую фигуру, съ данными углами, гранями, плоскостями и т. д., форма протоплазмы (или живого тѣла) не обладаетъ такой математической правильностью; подъ вліяніемъ ли внѣшней среды, или благодаря дѣйствію внутреннихъ силъ, она безконечно разнообразится, безпрерывно измѣняется и ни коимъ образомъ не поддается тому точному учету, какому поддается застывшая форма минеральнаго вещества. Другое не менѣе рѣзкое отличіе усматривается въ способѣ роста: кристаллъ растетъ путемъ внѣшняго наложенія, т. е. путемъ прибавленія однородныхъ съ нимъ частицъ на его поверхности, причемъ его внутреннее строеніе остается совершенно неизмѣннымъ; протоплазма же ростетъ путемъ интуссусцепціи, т. е. принятія въ себя частицъ внутрь и размѣщенія ихъ между уже существующими. Эти отличія, какъ и многія другія, сами собой падаютъ, если вспомнить, что основное вещество всякаго организма—протоплазма—не есть смѣсь «абсолютно твердаго съ абсолютно жидкимъ», а представляетъ полужидкую и полувязкую эмульсію, и что поэтому сравненіе такой эмульсіи съ твердымъ кристалломъ въ корнѣ ошибочно. Протоплазму, какъ того требуетъ логика, можно и должно сравнивать съ физически подобнымъ ей тѣломъ, т. е. съ какой-либо жидкой или полужидкой массой, помѣщенной въ жидкую же-

среду. А въ такомъ случаѣ на мѣстѣ различій выступаютъ сходства: живое вещество, подобно любой жидкости, можетъ принимать самыя разнообразныя формы въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыхъ оно находится каждый разъ; живое вещество ростетъ путемъ интуссусцепціи, подобно всякой жидкости, «потому что, если къ жидкости прибавить растворимаго тѣла, напримѣръ, соли къ водѣ, то вода растворитъ соль, и путемъ диффузіи молекулы соли размѣстятся между молекулами воды,—слѣдовъ, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ совершенно тотъ же процессъ, какъ и при ростѣ организма».

Велика услуга, которую Бючли оказываетъ біологіи установленіемъ жидкой консистенціи живого вещества; велико значеніе того пути, которымъ онъ, вмѣстѣ съ Квинке, предлагаетъ идти къ познанію протоплазмы. «Мы приближаемся, говоритъ Н. Чермакъ, *) къ тому моменту, когда силы микроскопа будутъ исчерпаны; мы видимъ, что опытнѣйшіе изслѣдователи, вооруженные лучшими современными инструментами, не могутъ согласиться о значеніи микроскопической картины, представляемой протоплазмой. Что же; отказаться отъ дальнѣйшаго успѣха въ біологіи? Намъ кажется, что методъ, примѣненный Квинке и Бючли—*біофизическій методъ*—выручитъ насъ изъ затрудненія: воспроизведя искусственно отдѣльныя явленія, представляемыя живымъ веществомъ, на подобіе того, какъ славные гейдельбергскіе натуралисты воспроизвели амебоидное движеніе, сопоставляя результаты отдѣльныхъ опытовъ, сравнивая ихъ съ установленными уже данными, мы постепенно подойдемъ къ пониманію тончайшей молекулярной структуры живого вещества,—структуры, показать которую микроскопъ не сможетъ». Къ сожалѣнію, далеко не всѣ біологи такъ смотрятъ на работы Бючли. Мы видѣли выше, что Кюнстлеръ въ сравненія «простой» пѣны съ «высокоорганизованной» плазмой усматриваетъ любопытную, но поверхностную аналогію, которая не даетъ «истиннаго» объясненія явленіямъ живого вещества. Делажъ тоже отвергаетъ, хотя и не такъ рѣшительно, теорію Бючли, особенно въ той части ея, гдѣ она пытается раскрыть двигательный механизмъ низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ. Онъ разсуждаетъ такъ: «Бючли думаетъ, что разъ протоплазма и мыльныя пѣны имѣютъ одну и ту же структуру, то причина движеній послѣднихъ должна быть причиной движеній первой; но это заключеніе не можетъ считаться достаточно строгимъ, такъ какъ можно сказать какъ разъ обратное: движенія протоплазмы и искусственныхъ амебъ очень сходны, но они не могутъ вытекать изъ однѣхъ и тѣхъ причинъ, потому что химическій составъ въ обоихъ случаяхъ совершенно различенъ. Къ такому выводу, несомнѣнно, пришелъ бы всякій, еслибы вещи происходили въ обратномъ порядкѣ, и здѣсь я вижу интересный

---

*) О построеніи живого вещества.

примѣръ «обращенія» той самой логики, которою мы такъ гордимся. Предположимъ, что кто либо встрѣтилъ гдѣ нибудь пѣну Бючли, ничего не зная ни о составѣ, ни о природѣ ея; предположимъ далѣе, что, пораженный сходствомъ ея структуры и движеній съ структурой и движеніями протоплазмы, онъ уподобилъ бы ихъ другъ другу; но еслибы онъ, послѣ болѣе тщательнаго изученія, нашелъ, что эта пѣна есть лишь мыльная эмульсія, онъ заключилъ-бы, что наблюденныя сходства должны быть отнесены къ числу *поверхностныхъ и случайныхъ*, и онъ о нихъ больше не думалъ бы».

Возраженіе Делажа не выдерживаетъ критики съ двухъ сторонъ—со стороны фактической и методологической. Во 1-хъ, Бючли поступаетъ совершенно правильно, когда изъ сходства движеній протоплазмы и искусственной амебы, предположивъ въ нихъ одну и ту же физическую консистенцію, умозаключаетъ къ сходству причинъ, обусловливающихъ эти движенія (по скольку они сводятся къ измѣненіямъ поверхностнаго натяженія). Такое умозаключеніе вполнѣ допустимо во всѣхъ научныхъ изысканіяхъ. Вода, спиртъ, сѣрная кислота, бензинъ, эфиръ, терпентинъ и яичный бѣлокъ,—все это вещества съ различнымъ химическимъ составомъ; но всѣ они жидкости, и вотъ именно въ тѣхъ своихъ свойствахъ, которыя зависятъ отъ ихъ физическаго состоянія, они другъ другу подобны; таковы свойства несжимаемости (конечно, относительной), капиллярности, истеченія, растворенія и т. д. Форма, которую принимаютъ эти жидкости, движенія, къ которымъ онѣ способны, зависятъ въ наиболѣе значительной мѣрѣ отъ ихъ *жидкаго состоянія*; и не смотря на все почти безконечное разнообразіе въ химическомъ составѣ различныхъ жидкостей, принимаютъ, что, напр., явленія движенія въ нихъ или истеченія обязаны однимъ и тѣмъ же причинамъ. Глава о гидростатикѣ въ физикѣ существуетъ не напрасно, и если вѣрно положеніе Бючли о жидкой природѣ плазмы, то вѣрны и выводимыя имъ отсюда заключенія.

Во 2-хъ, Делажъ совершенно напрасно говоритъ объ «уподобленіи». Бючли нигдѣ не уподобляетъ мыльную пѣну протоплазмѣ, нигдѣ не предлагаетъ, напр., разсматривать пѣну, какъ протоплазму; онъ не думаетъ на мѣсто біологіи поставить одинъ отрывокъ изъ физики и, отбросивъ изученіе живой природы, ограничиться растираніемъ въ лабораторіи различныхъ жидкостей. Еслибы онъ это дѣлалъ, тогда ему можно было бы послать упрекъ въ уподобленіи, не оправдывающемся на самомъ дѣлѣ. Но онъ дѣлаетъ только то, что дѣлаетъ и всегда дѣлалъ естествоиспытатель, когда встрѣчался съ цѣлой категоріей подобныхъ фактовъ: онъ суммируетъ ихъ, подводитъ подъ одну общую формулу, которою они всѣ охватываются. Натуралистъ наталкивается на рядъ веществъ, составъ которыхъ ему неизвѣстенъ, но которыя имѣютъ одну и ту же кристаллическую форму; въ то же время онъ замѣчаетъ, что ихъ отношеніе къ свѣту, электричеству и т. д. одинаково. Конечно, онъ поступилъ бы опре-

метчиво, если бы вздумалъ *вполнѣ* уподобить между собой эти вещества только потому, что они имѣютъ одинаковую внѣшнюю форму, не обращая вниманія на ихъ разницу въ химическомъ составѣ, но онъ поступаетъ совсѣмъ неопрометчиво, когда распространяетъ уподобленіе на интерференцію и поляризацію ими свѣта, на ихъ электрическія или магнитныя свойства и находитъ одинаковыя причины для извѣстныхъ явленій въ кристаллахъ, обладающихъ одинаковой кристаллической формой. Методологически такое уподобленіе вполнѣ допустимо, на немъ собственно и держится систематическое знаніе, имъ послѣднее отличается отъ безсвязнаго накопленія фактовъ.

Несомнѣнно, что Бючли, сравнивая или, если хотите, уподобляя плазму пѣнѣ, на мѣсто одного менѣе извѣстнаго намъ факта A ставитъ другой болѣе привычный для насъ фактъ B; но таковъ, какъ мы уже замѣтили въ одномъ мѣстѣ, психологическій процессъ нашего познанія—сводить неизвѣстное на извѣстное. Съ научной стороны вопросъ заключается только въ томъ, уполномочены ли мы суммой тѣхъ сходныхъ свойствъ, которыя опытъ раскрываетъ въ фактѣ A, замѣстить его именно фактомъ B, а не какимъ либо третьимъ фактомъ C или комбинаціей B и C, и если уполномочены, то насколько, т. е. какъ далеко должно идти въ этомъ замѣщеніи одного факта другимъ. Критическому разсмотрѣнію подлежитъ не самое право на замѣщеніе, взятое съ принципіальной точки зрѣнія, а только размѣръ и предѣлы этого замѣщенія; но одна лишь провѣрка опытомъ или наблюденіемъ можетъ рѣшить вопросъ о томъ, «накладывается» ли цѣликомъ одинъ фактъ на другой, или же послѣ этого наложенія остается какой либо остатокъ. Одними общими соображеніями, незатрагивающими того, что дано въ явленіи опытомъ, тутъ ничего нельзя подѣлать, такъ какъ, повторяемъ, съ методологической стороны право на замѣщеніе остается неуязвимымъ.

Если мы заговорили объ этомъ предметѣ, на первый взглядъ далеко отстоящемъ отъ трактуемой нами теперь темы, то только потому, что въ возраженіяхъ теоріи Бючли чаще всего слышится то скрытая, то ничѣмъ не сдерживаемая нотка раздраженія противъ указаннаго «замѣщенія». Вульгарная пѣна, которую можетъ произвести любая прачка или кухарка въ «черной» половинѣ господскаго дома,—и протоплазма, тонкая, нѣжная, субтильная матерія, носительница всѣхъ тѣхъ неуловимыхъ и загадочныхъ свойствъ, которыя, сочетаясь и сплетаясь самымъ причудливымъ образомъ, даютъ ослѣпительно пышный цвѣтъ растительной, животной и, наконецъ, человѣческой жизни во всемъ ея матеріальномъ и духовномъ проявленіи! Что за нелѣпое, дикое сравненіе! Оно можетъ быть только поверхностнымъ, случайнымъ, но претендовать на научное значеніе оно не можетъ, такъ какъ ничего ровно не «объясняетъ».

Раздраженіе въ значительной степени усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что выводитъ цѣлый рядъ жизненныхъ процессовъ,

совершающихся въ протоплазмѣ, а слѣд. и въ клѣткѣ, изъ ея пѣнистаго строенія—это значитъ признать полноправность примѣненія физико-химическаго метода въ изученіи біологическихъ явленій, т. е. такихъ явленій, которыя въ общей совокупности природы занимаютъ особое мѣсто. Но физико-химическій методъ, съ разительнымъ успѣхомъ примѣненный къ изученію явленій неорганическаго міра, сводитъ, какъ извѣстно, все наблюдаемое качественное разнообразіе къ игрѣ атомовъ, т. е. крайне малыхъ *матеріальныхъ* частицъ, одаренныхъ опредѣленными свойствами и энергіею; то или иное перераспредѣленіе этихъ частицъ въ пространствѣ, та или иная группировка ихъ—вотъ тотъ неизмѣнный матеріальный субстратъ, на которомъ покоятся всѣ происходящія съ неорганическимъ веществомъ измѣненія. Тотъ же методъ, приложенный къ біологіи, долженъ привести къ тѣмъ же выводамъ; различныя физіологическія отправленія, которыя имѣютъ мѣсто въ живой клѣткѣ, тѣ крайне своеобразныя дифференцировки, которыя происходятъ въ ней въ продолженіе ея онтогенетическаго, а, быть можетъ, и филогенетическаго развитія, должны сводиться къ игрѣ тѣхъ же матеріальныхъ частичекъ—атомовъ, обусловливающихъ въ послѣднемъ счетѣ процессъ неорганической природы. Но эта игра атомовъ, сталкивающихся и разъединяющихся, летающихъ другъ возлѣ друга съ различными скоростями, переносящихъ содержащуюся въ нихъ энергію съ одного мѣста на другое,—что это, какъ не бездушная и безсмысленная вакханалія слѣпо движущихся силъ, неизвѣстно кѣмъ брошенныхъ на безконечную арену вселенной и неизвѣстно къ чему стремящихся! Человѣческій умъ, говорятъ противники «атомизма» въ біологіи, можетъ довольствоваться анализомъ такой вакханаліи и не преступать за предѣлы ея, когда его разсмотрѣнію подлежитъ горная порода, выросшая изъ вулканическаго изверженія, или морская пучина, или лазурное небо съ его миріадами свѣтилъ, здѣсь физико-химическій механизмъ вполнѣ умѣстенъ, такъ какъ онъ примѣняется къ явленіямъ физическаго порядка, отличающагося несомнѣнной матеріальностью.

Но перенесенный отсюда въ біологію, тотъ же механизмъ теряетъ значительную долю своей доказательности; во всякомъ случаѣ исключительное пользованіе имъ однимъ не въ состояніи дать нужное объясненіе. И это не потому, что біологическія явленія не матеріальны, а потому, что, кромѣ матеріальности, они обладаютъ еще и особымъ нематеріальнымъ свойствомъ—жизненностью, какой не обладаютъ тѣла мертвой природы. Въ связи съ этой особой жизненностью стоитъ столь рѣзко бросающаяся въ глаза гармонія между органомъ и его функціей, въ связи съ ней же стоитъ высокая степень приспособляемости и измѣнчивости организмовъ, т. е. тѣхъ двухъ «факторовъ», къ которымъ сводится вся разнообразная органическая эволюція. Физико-химическій механизмъ, въ конечной инстанціи, аппелируетъ къ чрезвычайно малымъ частицамъ *матеріи*—атомамъ

и къ ихъ движеніямъ; онъ носитъ вполнѣ подходящее къ нему облаченіе *матеріализма,* опирающагося на извѣстное философское умозрѣніе и стремящагося распространить свое вліяніе на познаніе всей вообще природы—матеріальной и духовной. И въ біологіи, хотя бы и подъ новымъ флагомъ біологическаго механизма, онъ однако не измѣняетъ своей сущности: онъ продолжаетъ быть неудачно замаскированнымъ матеріализмомъ, продолжаетъ вносить въ умы всю ту смуту пониманія, какая съ нимъ неизбѣжно связана, какъ съ ученіемъ односторонне освѣщающимъ предметы. Реакція противъ механическаго матеріализма, ставшаго ходячей монетой въ средне-образованныхъ кругахъ публики, началась не со вчерашняго дня; удары сыпались на него какъ со стороны философовъ, такъ и со стороны, правда немногихъ, критически мыслящихъ естествоиспытателей. Но если онъ можетъ еще сохранить кое-какую самостоятельность въ научномъ познаніи физической природы, то онъ совершенно теряетъ ее, лишь только мы пытаемся приложить его къ явленіямъ жизненнымъ, по существу своему отличнымъ отъ физическихъ,—явленіямъ *борьбы*, *развитія*, *стремленія*, наконецъ, *хотѣнія и воли.* Безумна такая попытка, и ничѣмъ, кромѣ горькаго фіаско, она не можетъ закончиться.

Старый витализмъ и въ особенности современный неовитализмъ, поскольку вопросъ идетъ о примѣненіи физико-химическаго метода въ изученіи біологическихъ процессовъ, наибольшую силу своей аргументаціи черпаютъ изъ указаннаго выше смѣшенія или даже отождествленія этого метода, обозначаемаго однимъ терминомъ механическаго,—такъ какъ онъ опирается на принципы механики,—съ психологическимъ или философскимъ ученіемъ матеріализма. Самый характерный признакъ послѣдняго тотъ, что онъ психическую жизнь считаетъ производной физическихъ или физіологическихъ, но во всякомъ случаѣ матеріальныхъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ всего являющагося намъ въ опытѣ, какъ мертваго, такъ и живого. Изученіе психики, по этому ученію, должно слѣдов. свестись къ объективному анализу тѣхъ матеріальныхъ измѣненій въ нервномъ или иномъ веществѣ, которыя единственно предлежатъ научному познанію. Виталисты, само собой разумѣется, относятся къ психологическому матеріализму отрицательно; да это отрицаніе и не представляетъ особенныхъ затрудненій, если вспомнить, что началось оно съ Канта, поставившаго вопросъ о матеріализмѣ на почву философско-познавательную. Но для виталиста психическое равносильно живому, и разъ матеріализмъ не можетъ найти себѣ мѣста въ области психологической, то онъ eo ipso не можетъ быть примѣненъ къ области явленій жизни, т. е. біологіи. Несомнѣнно, что подъ матеріализмомъ въ данномъ частномъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. Виноградовъ *), разумѣется біологическій механизмъ,

*) «Біологическій механизмъ и матеріализмъ». Вопр. филос. и психол. 1897; кн. 38.

т. е. физико-химическій методъ. Бунге, одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ представителей витализма, говоритъ: «сущность витализма состоитъ въ томъ, чтобы мы избрали единственно правильный путь познанія, чтобы мы исходили изъ извѣстнаго—изъ внутренняго міра—для объясненія неизвѣстнаго—міра внѣшняго; механизмъ, который есть *не что иное*, какъ матеріализмъ, идетъ обратнымъ путемъ, т. е. онъ, исходя изъ неизвѣстнаго «внѣшняго міра», стремится объяснить извѣстное—внутренній міръ». Поэтому, Бунге предлагаетъ для наблюденія *живой* природы пользоваться тѣмъ особымъ средствомъ, которымъ человѣкъ обладаетъ, а именно внутреннимъ чувствомъ; оно служитъ ему для наблюденія состоянія и процессовъ собственнаго сознанія, и оно же показываетъ ему, что не всѣ эти состоянія пространственны, что они качественно разнородны, и слѣдов. не могутъ быть созданы никакимъ механизмомъ. Другіе виталисты не выражаются столь рѣзко; но у нихъ также легко усмотрѣть приравненіе механизма матеріализму, которому они противоставляютъ ученіе витализма.

Смѣшеніе такихъ двухъ понятій, имѣющихъ только отдаленное другъ съ другомъ сходство, конечно, совершенно неправильно. Подъ біологическимъ механизмомъ, строго говоря, нужно разумѣть не болѣе, чѣмъ «методъ изслѣдованія жизненныхъ явленій, исходящій изъ того предположенія, что, такъ называемые, біологическіе процессы совершаются по опредѣленнымъ механическимъ законамъ, аналогичнымъ законамъ неорганической природы; біологическій механизмъ не задается вопросомъ о происхожденіи и *смыслѣ* этого механизма, констатируя только фактъ успѣшнаго объясненія при помощи основныхъ законовъ механики, физики и химіи существенныхъ явленій жизни въ біологическомъ смыслѣ; онъ не вторгается въ сферу психическихъ явленій, считая ихъ областью совершенно самостоятельной, какъ совершающіяся по особымъ законамъ и нуждающіяся для своего объясненія въ совершенно другомъ методѣ—спеціально психологическомъ» (Н. Виноградовъ). Въ такомъ методологическомъ смыслѣ понимали механизмъ Декартъ и Кантъ, Гельмгольтцъ и Дю Буа-Реймонъ. Признавая всю силу и строгость механическаго объясненія природы, они тѣмъ не менѣе вооружались противъ метафизическаго матеріализма, и ясно отличали одно понятіе отъ другого. Каждое имѣло у нихъ вполнѣ опредѣленный смыслъ, соотвѣтствовало рѣзко очерченному ряду явленій; но по мѣрѣ проникновенія въ широкіе слои публики они теряли въ своей точности, очертанія ихъ становились расплывчатыми, и они переходили въ разрядъ запасной этикетки, которую съ удобствомъ можно приклеивать куда угодно. Некритическое смѣшеніе проблемъ познавательныхъ съ спеціально-научными, крайне слабое развитіе общефилософской мысли и даже презрѣніе къ ней въ кругахъ естествоиспытательскихъ (какъ реакція противъ фантастической натуръ-философіи, упрекавшей, устами Шеллинга, Ньютона въ

«порчѣ физики») и, наконецъ, почти полная неразработанность терминологіи,—все это, вмѣстѣ взятое, въ высокой степени способствовало тому, что не только въ образованныхъ, но и въ ученыхъ сферахъ механизмъ обратился въ матеріализмъ и обратно.

Механическо-матеріалистическое воззрѣніе, подводящее подъ одну и ту же скобку всю природу, какъ неорганическую, такъ и органическую и психическую, и воззрѣніе виталистическое, рѣзкой гранью отдѣляющее «живое», въ его матеріальномъ и духовномъ проявленіи, отъ «мертваго,—вотъ тѣ двѣ доктрины, которыя противостояли другъ другу въ теченіе развитія естествознанія и спеціальнѣе—физіологіи, и которыя попеременно перетягивали чашку вѣсовъ въ свою пользу. Современная критическая философія съ безпощадной рѣзкостью отнеслась къ гносеологической сторонѣ матеріализма, но не менѣе рѣзко ея отношеніе и къ антиподу послѣдняго—неовитализму; и ту, и другую доктрину она находитъ недостаточной, а даже болѣе того, *ложной*. На мѣсто ихъ она ставитъ иную, къ сожалѣнію, не всегда ясно опредѣляемую доктрину *психофизическаго монизма*, утверждающаго соотносительность и въ извѣстномъ смыслѣ самостоятельность физическаго и психическаго міра, какъ объекта и субъекта. Для этого монизма «въ опытѣ не можетъ даться намъ ни одного чисто-физическаго, но точно также и ни одного чисто-духовнаго факта—факты опыта всегда *психофизическія* явленія». *) Даже тѣ естественные физическіе законы, которые мы принимаемъ за внѣшнее выраженіе взаимо-отношеній, существующихъ между реально данными объектами природы, «суть лишь законы нашихъ ощущеній: это, какъ видно изъ опыта, постоянныя, однообразныя условія, подъ которыми мы достигаемъ опредѣленныхъ ощущеній. Любой физическій фактъ—знакъ для извѣстнаго психическаго факта, только принадлежащаго иному качественному кругу. При нашихъ научныхъ изслѣдованіяхъ природы мы обыкновенно оставляемъ это обстоятельство безъ вниманія и занимаемся только знаками нашихъ ощущеній; но неоспоримо, что какой бы то ни было чисто-физическій фактъ есть созданіе нашей абстракціи, нашего отвлеченія».**) Къ сожалѣнію, послѣдняя мысль трудно усвоивается, повидимому, и тѣми, которые заявляютъ себя противниками матеріалистическаго воззрѣнія и не смѣшиваютъ его съ физико-химическимъ или біологическимъ механизмомъ. Матеріалистическій укладъ мысли и, что особенно важно, связанная съ нимъ терминологія составляютъ столь сильную привычку научнаго ума, усматривающаго въ, такъ называемыхъ, физическихъ фактахъ нѣчто самодовлѣющее, самобытное, что и укладъ, и терминологія проявляются въ тѣхъ даже случаяхъ, когда желательно выразить

*) А. Риль. «Теорія науки и метафизика» (стр. 35).
**) Тамъ же, стр. 40.

противоположное матеріализму воззрѣніе. Приведемъ примѣры этого.

Въ цитированной выше статьѣ г. Н. Виноградова, посвященной отдѣленію біологическаго механизма отъ матеріализма, авторъ рѣшительно высказывается противъ послѣдняго. Онъ согласенъ съ тѣмъ взглядомъ, что «всѣ наши представленія о внѣшнемъ мірѣ, всѣ разнообразныя понятія и термины, съ которыми такъ свободно обращаются естественныя науки (напр., *матерія, атомы, движеніе*), являются продуктомъ нашей психической дѣятельности и въ смыслѣ извѣстности намъ стоятъ гораздо ниже, чѣмъ данныя нашего внутренняго сознанія». Онъ съ сочувствіемъ цитируетъ слѣдующія слова Ланге: «ощущеное есть нѣчто дѣйствительное и данное; но въ атомахъ нѣтъ въ сущности ничего дѣйствительнаго и даннаго, кромѣ остатка обезцвѣченныхъ ощущеній, посредствомъ которыхъ мы составляемъ себѣ ихъ образъ; *представленіе объ атомахъ и ихъ движеніяхъ легко выводится изъ ощущеній, а не наоборотъ—ощущеніе изъ движенія атомовъ*». Но когда г. Виноградовъ касается поднятаго Бунге вопроса о необходимости положить психологическія начала въ основу изученія біологическихъ явленій (мысль, къ которой онъ относится отрицательно), онъ оставляетъ почву психо-физическаго монизма, на которой онъ, казалось, прочно стоялъ. «Едва ли, говоритъ онъ, можно ожидать, по существу дѣла, чтобы когда нибудь разложили всѣ душевные процессы на ихъ основные элементы, а тѣмъ болѣе могли бы установить непосредственную связь между этими элементами и тѣмъ, что мы называемъ атомами, химическимъ сродствомъ и т. п. Дѣло въ томъ, что *душевныя явленія по самому существу своему представляютъ нѣчто отличное отъ того, что мы называемъ матеріальнымъ*, ибо существенный характеръ психическихъ процессовъ—синтезъ, который никакъ не можетъ быть выведенъ, сколько бы мы ни анализировали наши душевныя состоянія». Какъ примирить выраженное въ подчеркнутыхъ словахъ *существенное отличіе* матеріальнаго (т. е. физическаго) отъ психическаго съ высказаннымъ ранѣе утвержденіемъ, что представленія о внѣшнемъ мірѣ съ его необходимыми аттрибутами—матеріей, атомами, движеніемъ и т. д.—являются продуктомъ нашей психической дѣятельности? Авторъ не ставитъ себѣ этого вопроса; онъ какъ бы и не замѣчаетъ того двойственнаго положенія, въ которомъ оказывается, когда онъ въ одномъ случаѣ въ фактахъ внѣшняго матеріальнаго міра видитъ явленія психофизическаго порядка, а въ другомъ тѣ же факты квалифицируетъ, какъ матеріальные по существу своему, и противопоставляетъ ихъ фактамъ духовнымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что это противорѣчіе, касающееся основного воззрѣнія, въ немалой мѣрѣ обязано той неточной шаткой терминологіи, которая господствуетъ теперь еще въ философскомъ языкѣ.

Другой образчикъ неопредѣленности употребляемыхъ терминовъ,

произвольнаго перенесенія ихъ изъ одной области фактовъ въ другую мы видимъ у г. Челпанова. Мы имѣемъ въ виду статью послѣдняго: «Къ вопросу о матеріализмѣ». *) Общее міровоззрѣніе автора въ этой статьѣ недостаточно выясняется; поэтому мы о немъ и не удемъ говорить, а остановимъ свое вниманіе только на одной подробности, близко стоящей къ интересующему насъ теперь смѣшенію понятій и соотвѣтствующихъ имъ терминовъ. Г. Челпановъ повелъ атаку, и довольно удачно, противъ имѣющаго еще «курсъ» на умственной биржѣ матеріализма, и за эту атаку можно только поблагодарить его; тѣмъ досаднѣе то обстоятельство, что, какъ мы сейчасъ укажемъ, его аргументація не всегда стоитъ на строго философской почвѣ и такимъ образомъ подаетъ поводъ къ страннымъ недоразумѣніямъ. Г. Челпановъ хочетъ показать, что «психическое такъ же реально, какъ и все физическое». Для этого ему нужно, конечно, опредѣлить признаки реальности. Авторъ и опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: «по моему мнѣнію, говоритъ онъ, реальнымъ слѣдуетъ назвать все то, что *оказываетъ какое либо дѣйствіе на наше сознаніе*; мы говоримъ: свѣтъ существуетъ, звукъ существуетъ, потому что и то, и другое оказываетъ *воздѣйствіе* на наше сознаніе; теплота существуетъ, цвѣтъ существуетъ на томъ же основаніи»...

На первый взглядъ это опредѣленіе не возбуждаетъ никакихъ недоумѣній, но стоитъ нѣсколько призадуматься надъ нимъ, чтобы тотчасъ убѣдиться въ томъ, что оно и произвольно, и неправильно. Въ самомъ дѣлѣ. «Реально все то, что оказываетъ *воздѣйствіе* на наше сознаніе». Понятіе «воздѣйствія» возникло у насъ наблюденіемъ надъ внѣшнимъ, такъ называемымъ, физическимъ міромъ. Предполагаетъ оно наличность по крайней мѣрѣ двухъ *раздѣльно* существующихъ вещей, которыя могутъ вліять другъ на друга измѣняющимъ образомъ въ какомъ либо направленіи; такъ, земной магнитъ отклоняетъ намагниченную стрѣлку, лучъ солнца дѣйствуетъ на фотографическую пластинку, кислота соединяется со щелочью. Если то «нѣчто», которому приписывается признакъ реальности, воздѣйствуетъ на сознаніе, то тѣмъ самымъ предполагается, что это «нѣчто» существуетъ, какъ одна вещь, что оно противостоитъ сознанію, какъ другой вещи, и что изъ воздѣйствія этихъ двухъ вещей возникаетъ реальность первой для второй. Такимъ образомъ, въ опредѣленіи г. Челпанова постулируется самостоятельное, независимое отъ нашего сознанія существованіе внѣшняго міра, другими словами, постулируется его реальность. Но то, что здѣсь является въ качествѣ скрытаго постулата, на самомъ дѣлѣ не можетъ считаться таковымъ, такъ какъ извѣстно, что вопросъ о реальности внѣшняго міра and und für sich составляетъ, быть можетъ, самый жгучій вопросъ философіи, изъ-за котораго подымались и теперь еще подымаются споры. Прежде чѣмъ опредѣлять реальное,

*) Міръ Божій, 1897, № 8.

какъ «воздѣйствующее» на наше сознаніе, надлежало бы показать наличность этого «воздѣйствующаго», показать также, что въ его составъ не входитъ само сознаніе. Г. Челпановъ этого не дѣлаетъ, а постулируетъ, какъ нѣчто аксіоматическое.

Предположимъ далѣе, что вопросъ о реальности внѣшняго міра рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Наши недоумѣнія этимъ не разрѣшаются, ибо сейчасъ же возникаетъ вопросъ, вправѣ ли мы понятіе «воздѣйствія», извлеченное изъ тѣлеснаго міра, перенести безъ всякихъ оговорокъ въ совсѣмъ иной, по словамъ г. Челпанова, міръ психическій, и если вправѣ, то какой смыслъ нужно придать «воздѣйствію» въ этомъ случаѣ? Не слѣдуетъ думать, что это праздный вопросъ. Вѣдь воздѣйствующее на сознаніе «нѣчто» состоитъ изъ многихъ матеріальныхъ вещей, сводимыхъ на атомы и ихъ движенія,—по крайней мѣрѣ въ качествѣ вещей противостоитъ оно нашему сознанію. Эти вещи обладаютъ опредѣленнымъ запасомъ энергіи; ихъ «воздѣйствіе» выражается въ томъ, что хранящаяся въ нихъ энергія перераспредѣляется, переносится съ мѣста на мѣсто, причемъ она увеличивается въ одномъ случаѣ за счетъ уменьшенія ея въ другомъ (въ суммѣ она остается неизмѣнной). «Воздѣйствіе» матеріальной вещи, если только не играть этимъ словомъ, на сознаніе должно также выразиться въ томъ, что между ними произойдетъ обмѣнъ энергіями, перераспредѣленіе ея, что матеріальная вещь, слѣдов., или потеряетъ часть энергіи, или, напротивъ, пріумножитъ ее; безъ такого измѣненія въ энергической системѣ нельзя мыслить никакого «воздѣйствія». Но очевидно, что при такомъ допущеніи нарушается законъ или гипотеза сохраненія энергіи, который г. Челпановъ такъ сильно отстаиваетъ; какіе бы, говоритъ онъ, мы ни выдумывали физико-химическіе процессы, они не могутъ превратиться во что нибудь такое, что не есть кинетическая или потенціальная энергія, измѣряемая футо-фунтами. Очевидно, при такомъ допущеніи остается признать, что часть энергіи матеріальной вещи можетъ быть поглощена сознаніемъ или же что сознаніе уступаетъ часть своей энергіи матеріальной вещи. Однако, г. Челпановъ отвергаетъ подобную возможность. Это видно изъ того, что онъ несогласенъ съ тѣми авторами, которые желали доказать возможность *«взаимодѣйствія»* между явленіями физическими и психическими, и съ этой цѣлью просто отвергали правильность принципа сохраненія энергіи, какъ напр. Лотце. Но если невозможно допустить «взаимодѣйствіе», то почему же допустимо «воздѣйствіе» физическаго міра на сознаніе и обоснованіе на немъ критерія реальности? Развѣ эти два термина настолько другъ отъ друга отличны, что, замѣняя одинъ другимъ, сходнымъ съ первымъ и этимологически, и логически, мы хоть на іоту подвигаемся впередъ въ рѣшеніи вопроса? Конечно, нѣтъ, потому что оба термина взяты изъ, такъ называемаго, внѣшняго опыта; а для того, чтобы быть перенесены въ область «самостоя-

тельной, совсѣмъ особой, непротяженной психической реальности», они должны подвергнуться нѣкоторымъ оговоркамъ и поясненіямъ. Поэтому мы находимъ, что положеніе г. Челпанова—«реально все то, что дѣйствуетъ на наше сознаніе», не можетъ быть отнесено къ числу самоочевидныхъ истинъ; оно заключаетъ въ себѣ порядочную дозу матеріализма, объясняющаго міръ физическихъ явленій разнообразными непреложными законами «дѣйствій и взаимодѣйствій» тѣлъ между собой.

Можно было бы привести еще много примѣровъ некритическаго смѣшенія терминовъ и понятій, обращающихся въ философскихъ разсужденіяхъ *), въ которыхъ всегда содержатся болѣе или менѣе значительные слѣды догматическаго матеріализма, хотя авторы разсужденій заявляютъ себя его противниками. Такимъ смѣшеніемъ, вполнѣ естественно, особенно страдаютъ натуралисты. Тѣмъ отраднѣе остановить свое вниманіе на тѣхъ рѣдкихъ образцахъ, которые являетъ намъ современная научная мысль въ лицѣ натуралистовъ-экспериментаторовъ, съумѣвшихъ соединить въ себѣ точность фактическаго знанія съ широкимъ философскимъ умозрѣніемъ. Къ ихъ числу слѣдуетъ отнести уже не разъ цитированнаго нами Макса Ферворна. Онъ является рѣшительнымъ анти-виталистомъ. «Признаніе особой жизненной силы, говоритъ онъ, не только излишне, но и не допустимо; если мы ограничиваемся явленіями, составляющими наши *представленія* о тѣлахъ, мы не находимъ никакого различія въ факторахъ, дѣйствующихъ въ безжизненныхъ тѣлахъ, и тѣхъ, которые дѣйствуютъ въ тѣлахъ живыхъ, и всѣ *представленія* о всемъ тѣлесномъ мірѣ можно въ дѣйствительности вывести изъ *представленія движущихся атомовъ*». «Хотя не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что многія и въ особенности именно элементарныя и общія жизненныя явленія до сихъ поръ не находятъ никакого физико-химическаго объясненія, однако изъ этого факта никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что эти явленія вообще не происходятъ по физико-химическимъ законамъ и что существуетъ особая жизненная сила, ихъ производящая; наоборотъ, есть обстоятельства, говорящія противъ существованія жизненной силы». Ферворнъ такимъ образомъ стоитъ за полное приложеніе физико-химическаго метода (или

*) См., напр., статью Л. М. Лопатина «Спиритуализмъ, какъ психологическая гипотеза». Въ ней авторъ также задается вопросомъ, «не представляетъ ли собой нашъ психическій міръ смѣшанный и сложный результатъ *взаимодѣйствія* факторовъ физическихъ съ силой *иного порядка*» вооружаясь противъ физіологическаго монизма, онъ заключаетъ, что «атомизмъ хорошъ въ физикѣ и химіи, но ему нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ психологіи». Очень жаль, что авторъ не разъясняетъ того, что онъ разумѣетъ подъ атомизмомъ, жаль потому, что подъ нимъ часто разумѣютъ самыя несуразныя вещи. Но несомнѣнно, что г. Лопатинъ имѣетъ въ видѣ здѣсь все ту же матеріалистическую доктрину, годную въ объясненіяхъ физическаго міра.

біологическаго механизма) къ изученію жизненныхъ явленій; отъ этого приложенія, которое едва только началось въ области клѣточной физіологіи, онъ ждетъ важныхъ результатовъ. Но онъ не матеріалистъ, и гораздо болѣе послѣдовательный и философски выдержанный нематеріалистъ, чѣмъ борющіеся съ матеріализмомъ г. Виноградовъ и г. Челпановъ.

Сказавъ нѣсколько словъ о границахъ человѣческаго познанія, какъ онѣ были возвѣщены въ извѣстной рѣчи Дю Буа-Реймона, и предположивъ, что намъ дѣйствительно удалось свести всю полноту явленій на *единое* дѣйствительное, которое въ различныхъ философскихъ системахъ является подъ самыми различными именами, какъ, вещь въ себѣ, безсознательное и т. д. (имена совершенно безразличны), Ферворнъ ставитъ себѣ вопросъ: «*что же дѣйствительно, что реально?*», вопросъ слѣд. совершенно тождественный съ тѣмъ, какой ставитъ г. Челпановъ, но на который Ферворнъ даетъ иной отвѣтъ. Здѣсь, говоритъ онъ, мы наталкиваемся на заблужденіе, широко распространенное въ изслѣдованіи природы, которое все еще добросовѣстно таскается какъ наслѣдіе стародавняго времени, какъ наслѣдіе дѣтскихъ лѣтъ безпомощно ощупывающаго кругомъ себя человѣческаго духа. Мы натыкаемся на заблужденіе, что *тѣлесный міръ* есть нѣчто реальное, существующее внѣ насъ, независимо отъ нашей психеи, что мы должны такимъ образомъ сводить всѣ явленія на законы этого тѣлеснаго міра. Дѣйствительно, на первый взглядъ тѣла являются намъ реальными объектами внѣ нашей психеи; но стоитъ немного поразмыслить, чтобы убѣдиться, что дѣло обстоитъ далеко не такъ, и вотъ почему. Мы почерпнули наше знаніе тѣлеснаго міра изъ чувственнаго воспріятія; слѣдов. вопросъ о томъ, что оно намъ можетъ дать и дѣйствительно даетъ, есть вопросъ физіологическій. Но физіологія чувства показываетъ, что все, что входитъ чрезъ дверь нашего чувства, даетъ намъ единственно лишь ощущенія и всегда только ощущенія. Различныя свойства, составляющія общій образъ тѣла, являются столькими же ощущеніями со стороны насъ желтое, твердое, тяжелое и т. д. Слѣдов., тѣлесный міръ стоитъ въ полной зависимости отъ развитія нашихъ органовъ чувствъ, и животнымъ съ иначе образованными органами чувства тѣлесный міръ долженъ являться иначе постольку, поскольку чувства приносятъ имъ иныя ощущенія. Эти факты показываютъ намъ, что *се являющееся намъ, какъ тѣлесный міръ, въ дѣйствительности есть наше собственное ощущеніе или представленіе, наша собственная психея*; если я смотрю на какое либо тѣло или воспринимаю его какъ либо иначе, то я въ дѣйствительности имѣю вовсе не тѣло внѣ меня, но только рядъ ощущеній въ моей психеѣ. Необходимо, чтобы мы привыкли къ этой фундаментальной истинѣ, чтобы мы отбросили заблужденіе относительно реальности тѣлеснаго міра *внѣ* нашей психеи.

Могутъ однако спросить, что же такое, въ концѣ концовъ, то, что, находясь внѣ нашей психеи, производитъ въ насъ чрезъ посредство чувствъ представленіе тѣлеснаго міра; вѣдь должно признать, что существуетъ основаніе или причина тому, что это представленіе возникаетъ въ насъ. Но такой вопросъ заключаетъ въ себѣ ошибку. Извѣстно, что всякое явленіе въ тѣлесномъ мірѣ имѣетъ свою причину въ другомъ тѣлесномъ явленіи; это есть лишь выраженіе закона дѣйствія и причины, т. е. каузальности. Но всякое тѣлесное явленіе есть лишь наше собственное ощущеніе или представленіе. Слѣдовательно, мы должны сказать, что причина нашего тѣлеснаго ощущенія есть наше другое ощущеніе или представленіе, что, значитъ, въ дѣйствительности эта причина никоимъ образомъ не лежитъ внѣ нашей психеи, какъ это намъ ошибочно кажется, но заключается въ самой нашей психеѣ. Это разсужденіе есть собственно не что иное, какъ описаніе того факта, что наше понятіе о причинности возникло лишь изъ объединенія отдѣльныхъ опытовъ, которое наша психея пріобрѣла черезъ наблюденіе закономѣрной послѣдовательности ея собственныхъ элементовъ, ея ощущеній и представленій, иными словами,—того, что каузальность, подобно всѣмъ другимъ ощущеніямъ, представленіямъ, понятіямъ или какъ бы мы ихъ ни назвали, сама существуетъ въ нашемъ собственномъ представленіи, въ нашей психеѣ. Но если причина нашего представленія тѣлеснаго лежитъ въ нашей собственной психеѣ, то она не можетъ лежать внѣ; такимъ образомъ признаніе еще дѣйствительности, существующей независимо и внѣ нашей психеи, лишено всякаго основанія.

Причинность явленій обыкновенно всегда является тѣмъ моментомъ, при помощи котораго различные философы пытались основать реальность «внѣшняго міра», существующаго внѣ нашей психеи. Но если такимъ образомъ обнаруживается, что самъ аргументъ основанъ на той же ошибкѣ что и положеніе, то такой ходъ доказательства представляетъ собой лишь не рѣдкій примѣръ того, что что-либо доказывается черезъ то, что должно быть доказано. Разъ внѣшній міръ, существующій повидимому внѣ нашей психеи, оказывается лишь представленіемъ самой психеи, то всякое право на признаніе независимой реальности подобнаго внѣшняго міра уничтожается.

Несомнѣнно, что это разсужденіе каждому покажется съ перваго взгляда удивительнымъ и страннымъ; тѣмъ не менѣе оно далеко не ново. Тотъ основной фактъ, что весь внѣшній тѣлесный міръ есть только представленіе психеи, еще у Декарта служилъ исходнымъ пунктомъ его философіи; этимъ же основнымъ фактомъ воспользовались позднѣе Беркли и въ новѣйшее время Фихте и Шопенгауэръ, какъ основнымъ положеніемъ ихъ, въ остальномъ столь различныхъ, системъ; и подобныя же мысли сдѣлали центромъ своихъ воззрѣній, касающихся теоріи познанія, въ самое недавнее время Авенаріусъ

среди философовъ и Махъ среди натуралистовъ. Надо надѣяться, что эта основная мысль будетъ все болѣе и болѣе укрѣпляться *и въ изслѣдованіи природы*, ибо это есть мысль, приводящая, въ концѣ концовъ, съ желѣзной необходимостью къ истинно монистическому міропониманію, мысль, которая одна въ состояніи окончательно устранить старое представленіе о дуализмѣ тѣла и души, представленіе, достигшее своего полнаго завершенія уже въ ученіи египтянъ о переселеніи душъ, проходящее чрезъ всю исторію философіи, которое утверждалъ даже Декартъ, непослѣдовательнымъ образомъ снова оставивъ преимущество своего только что указаннаго исходнаго пункта, и которое лишь въ позднѣйшее время было съ успѣхомъ опровергнуто. *Существуетъ только одно, и это есть психея*.

По необходимости кратко, но почти дословно привели мы аргументацію Ферворна. Мы видимъ въ ней, какимъ образомъ натуралистъ, горячо отстаивающій физико-химическій методъ изученія біологическихъ явленій, не только не является матеріалистомъ, но приходитъ къ прямо противоположному воззрѣнію. Онъ считаетъ себя сторонникомъ того міропониманія, которое, по его же словамъ, можетъ быть названо «субъективнымъ идеализмомъ» и которое, собственно говоря, принимаетъ и извѣстный неовиталистъ Бунге, только невѣрно формулируетъ его. Проблему объясненія психическихъ процессовъ матеріальными онъ относитъ къ числу тѣхъ *мнимыхъ* проблемъ, которыя въ самой постановкѣ своей ложны, подобно проблемѣ—раздѣлить всѣ числа на два безъ остатка или подобно проблемѣ о perpetuum mobile. Представленіе матеріи или, лучше сказать, атома не есть психическій *элементъ*, а весьма широкій комплексъ высокоразвитыхъ представленій; атомъ есть не что иное, какъ вещь со всѣми свойствами тѣла—твердостью, непроницаемостью, протяженностью и т. д. Если такимъ образомъ естествознаніе сводитъ всѣ явленія *тѣлеснаго міра* на механику атомовъ, то это вполнѣ правильное предпріятіе; этимъ оно однако не дѣлаетъ ничего болѣе, какъ только разлагаетъ явленія большихъ тѣлъ на явленія ихъ тѣлесныхъ частей. Но если дѣлается попытка свести на движенія атомовъ *всѣ* психическія явленія, не только представленія тѣлеснаго міра, но и другія психическія явленія, какъ-то простыя ощущенія, то такое начинаніе столь же абсурдно, какъ попытка свести всѣ числа на «два» вмѣсто «единицы», ибо комплексъ представленій объ атомѣ не есть единица, не есть психическій элементъ. Здѣсь, говоритъ Ферворнъ, лежитъ ошибка проблемы, и потому всѣ попытки объяснить психическія явленія матеріальными *должны* не удаться, какъ это блестяще показала исторія человѣческой мысли. Настоящая проблема совершенно обратна. Она состоитъ не въ томъ, чтобы объяснить психическія явленія матеріальными, но, напротивъ того, въ томъ, чтобы матеріальныя явленія, составляющія лишь представленія психеи, равно

какъ и всѣ другія психическія явленія, *свести къ ихъ психическимъ элементамъ.*

Такимъ образомъ, Ферворнъ не только антивиталистъ, но и антиматеріалистъ, въ самомъ широкомъ и послѣдовательномъ смыслѣ этого слова; для него нѣтъ *двухъ* непосредственно данныхъ различныхъ реальностей, таинственно «воздѣйствующихъ» другъ на друга, какъ мы это видѣли у г. Челпанова; для него нѣтъ *существеннаго* различія между матеріальнымъ и психическимъ, какъ это утверждаетъ г. Виноградовъ. «Существуетъ только *одно*, и это есть психея», говоритъ Ферворнъ, и этимъ положеніемъ, высказаннымъ съ непоколебимой категоричностью, дѣйствительно утверждаетъ свою «субъективно-идеалистическую» точку зрѣнія.

Спросимъ себя однако, какъ же смотритъ онъ на протоплазму, на эту удивительную, одаренную жизнью матерію, въ одно и то же время и могучую, и неустойчивую? Считаетъ ли онъ ее недоступно сложной, «высокоорганизованной» въ особомъ жизненномъ смыслѣ, надѣленной всяческими «образовательными» способностями, не въ примѣръ бездѣйственной, неорганизованной матеріи? Усматриваетъ ли онъ въ ней какую либо высшую эманацію, не входящую въ общій кадръ мертвой природы, или и на нее онъ распространяетъ свое физико-химическое воззрѣніе? Не оскорбляется ли его «субъективно-идеалистическое» чувство сравненіемъ протоплазмы, напр., съ вульгарной пѣной или эмульсіей? Нѣтъ, даже напротивъ, онъ цѣликомъ, какъ мы уже упоминали, принимаетъ ученіе Бючли о капельно-пѣнистой жидкой консистенціи живого вещества; по его словамъ, лишь превосходныя изслѣдованія, которыми въ последніе годы Бючли неожиданно удивилъ ученый міръ, привели въ полную ясность дѣйствительное свойство такъ часто наблюдаемыхъ протоплазматическихъ структуръ. Его собственная теорія движенія живого вещества, выведенная изъ многочисленныхъ экспериментовъ надъ низшими организмами, построена на тѣхъ же началахъ, какія положены у Бючли. Его стремленіе къ научной каузальности явленій удовлетворено, разъ удалось неизвѣстный намъ фактъ А замѣстить болѣе извѣстнымъ фактомъ В, разъ удалось, выражаясь грубо, замѣстить протоплазму пѣной. Такое замѣщеніе нисколько не шокируетъ его—біолога par excellence,—и не шокируетъ потому, что онъ прекрасно сознаетъ, что «всякій процессъ познанія, равнымъ образомъ и *естественнонаучное* познаніе, объектъ котораго составляетъ тѣлесный міръ, есть только *психическій процессъ*»; и въ качествѣ таковаго, оно (т. е. познаніе) сводится къ «возможно точному и простѣйшему описанію» того, что происходитъ въ реальности. Сверхъ этого, Ферворнъ не ищетъ никакихъ «объясненій», не набрасываетъ никакихъ мистическихъ покрывалъ на являющееся намъ въ опытѣ, не взираетъ съ негодующимъ ужасомъ на всякую руку, которая, подобно рукѣ Бючли, пытается сдернуть покрывало и показать обликъ того, что подъ нимъ скрыто. Для него тонкая,

нѣжная, жидко-упругая, переливающая всѣми цвѣтами радуги пленка пѣны, полученная въ лабораторіи, столь же таинственна, въ естественнонаучномъ смыслѣ, сколько и протоплазма; она также вмѣстилище различныхъ силъ, дѣйствующихъ на безконечно малыхъ разстояніяхъ и въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ. Ферворнъ привѣтствуетъ смѣлый шагъ, сдѣланный Бючли въ разъясненіи жизненной механики, и самъ дѣлаетъ дальнѣйшіе шаги. Онъ настаиваетъ на признаніи полноправности физикохимическаго метода въ біологіи, расширяетъ сферу его примѣненія. Но въ то же время онъ остается въ своихъ общихъ воззрѣніяхъ «субъективнымъ идеалистомъ»; и ему не приходится примирять «механизмъ» съ «идеализмомъ,» потому что первый у него служитъ лишь частнымъ отраженіемъ послѣдняго, изъ котораго онъ цѣликомъ вытекаетъ.

Конечно, Ферворнъ пока стоитъ почти одиноко среди біологовъ, по своему философскому міропониманію; онъ пока лишь одна изъ первыхъ ласточекъ. Но можно надѣяться, что при современномъ стремленіи философіи проникнуться научными элементами, а науки— обогатиться философскимъ мышленіемъ, эта ласточка возвѣщаетъ близкое наступленіе умственной весны, въ которой всѣ отрасли знанія объединятся не только въ направленіи и цѣли своего изслѣдованія, но и *въ методѣ* его, и въ которой внутреннее родство этихъ отраслей между собой, какъ проявленій человѣческаго духа, обнаружится наиболѣе рельефно. Тогда и «уподобленіе» протоплазмы пѣнѣ найдетъ свою настоящую, *научную* оцѣнку.

И. К. Брусиловскій.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЬ.

Повѣсть.

XI.

— Вамъ не холодно?—спросила Надежда Ивановна, искоса взглянувъ на платокъ, который покрывалъ его плечи.

— О, нѣтъ. Меня согрѣваетъ какой-то внутренній жаръ; меня даже стѣсняетъ одежда. Она давитъ меня...

— Ваша жена будетъ безпокоиться, когда узнаетъ, что вы остались безъ шубы.

— Да, она, бѣдняжка, будетъ безпокоиться. Но ужъ ея такой удѣлъ. Все равно, она не можетъ не безпокоиться. Когда я здоровъ, я огорчаю ее своими гнусностями. Когда я боленъ, она боится за мою безопасность... Ахъ, вы не знаете, до какой степени это несчастный человѣкъ! Намъ съ нею лучше всего умереть...

— Умереть?

— Да, я говорю: намъ съ нею. Отдѣльно каждый изъ насъ могъ бы еще какъ-нибудь существовать, но вмѣстѣ, послѣ того, какъ мы составили одно цѣлое, нельзя. Это такъ и кончится.

— Такъ все кончается, Антонъ Михайловичъ.

— Нѣтъ, это кончится не такъ, какъ все кончается... Я вамъ говорю, что это въ послѣдній разъ...

— Что?

Онъ не отвѣтилъ. Онъ погрузился въ свои мысли, и Надежда Ивановна, незамѣтно слѣдившая за нимъ косымъ взглядомъ, наблюдала, что на лицѣ его то появлялась улыбка, то выраженіе гнѣва, то глаза его вдругъ смотрѣли съ испугомъ.

«Да, онъ боленъ, это правда... Бѣдный человѣкъ, какъ жаль его! Какъ нестерпимо жаль его»...

И сердце ея сжималось отъ боли. Она думала о томъ, зачѣмъ она ѣдетъ къ нему. Въ первую минуту, когда она высказала это желаніе, она не провѣрила себя. Отчасти она дѣйствительно боялась оставить его одного. Если онъ могъ

снять съ себя шубу, отдать всѣ деньги и добровольно лишить себя экипажа, то ему ничего не стоитъ снять съ себя и всю остальную одежду и ужъ тогда навѣрно онъ простудился бы и смертельно заболѣлъ бы. Она непремѣнно должна довезти его до дому и сдать на руки женѣ.

Но и помимо этого, въ немъ точно была какая то сила, приковывавшая ее къ нему. И чувствовала она, что эта сила въ немъ только зачинается, какъ въ котлѣ машины, когда только что развели топку; но она будетъ развиваться и дойдетъ до чего-то страшнаго. Она испытывала мучительное чувство, она уже не сомнѣвалась, что видитъ передъ собой человѣка больного душой, и въ то же время ей не приходило на мысль, что самое простое—свезти его въ больницу, обратить на него вниманіе Сторѣцкаго, Семена Ивановича и лечить его. Нѣтъ, напротивъ, отъ этой болѣзни она ждала чего-то такого, передъ чѣмъ готова преклониться.

«Да полно, здорова ли я сама»? спрашивала она себя, машинально прикладывая руку ко лбу. И при этомъ вспомнила: «а онъ сказалъ, что мнѣ надо хоть немного сойти съ ума. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ надо. Можетъ быть, онъ правъ и это уже начинается».

Они уже давно проѣзжали центральныя улицы. Вотъ они минули Невскій и поѣхали по Надеждинской. У нея явилась нерѣшительность. «Это навѣрно будетъ непріятно его женѣ», подумала она и вспомнила о той холодности, съ которой Нина Александровна обыкновенно встрѣчала ее. Если она такъ беззавѣтно любитъ его, то должна ревниво относиться ко всякой другой близости. Не остановить ли извозчика и не сойти ли на дорогѣ?

И она уже почти рѣшилась на это. Но опять что то непонятное остановило ее. «Я не могу оставить его на минуту. У него такое лицо, что онъ способенъ броситься подъ конку».

Этой мыслью она заставила себя остаться въ саняхъ. А Кирочная уже близко, уже видны дома, въ которые упирается Надеждинская улица. Кучеръ повернулъ. Вотъ и домъ, въ которомъ онъ живетъ.

У подъѣзда стоятъ нѣсколько человѣкъ. У швейцара озабоченный видъ. Горничная Барвинскихъ бросается къ нимъ.

— Барыня очень безпокоются...

— Мы ее успокоимъ!—сказалъ Барвинскій. — Пріѣхали дѣти?

— Пріѣхали...

— Вотъ и отлично...

— Барыня послали Сергѣя за вами...

— Это напрасно, онъ насъ не найдетъ.

— Барыня послали съ нимъ ваше пальто.

— Пойдемте, Надежда Ивановна.

Они вошли въ подъѣздъ. Швейцаръ смотрѣлъ вопросительно, очевидно не зная, какъ ему понимать все это. Горничная забѣжала впередъ и объясняла, что вышла цѣлая исторія. Швейцаръ не хотѣлъ впускать пріѣхавшихъ. Доложили барынѣ, она вышла на лѣстницу, испуганная, блѣдная и велѣла впустить.

Они поднялись наверхъ. Нина Александровна была въ передней и, къ удивленію Надежды Ивановны, встрѣтила ихъ почти веселой улыбкой.

— Тебѣ не было холодно, мой другъ?—спросила она Антона Михайловича, принимая отъ него платокъ и шапку.

— Нѣтъ, голубчикъ мой, мнѣ никогда не бываетъ холодно, ты знаешь. Вотъ Надежда Ивановна согрѣвала меня своей дружбой.

Нина Александровна подошла къ ней и крѣпко пожала ея руки:

— Я вамъ сердечно благодарна за это!

— А гдѣ они?—спросилъ Барвинскій.

— Они въ столовой, они уже обогрѣлись, теперь обѣдаютъ...

— Прекрасно. Пойдемте къ нимъ...

Горничная помогала Надеждѣ Ивановнѣ снять шубу. Барвинскій уже, кажется, забылъ о ней; онъ направился въ столовую.

Нина Александровна опять подошла къ ней.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, Боже мой!

— За что, Нина Александровна?

— За то, что вы были съ нимъ. Вы не знаете, на что онъ способенъ, когда одинъ. Ахъ, я еще сегодня утромъ подумала, что ошиблась... И Сторѣцкій такъ успокоилъ меня. Войдите въ гостиную...

— Слушайте, Нина Александровна, можетъ быть съѣздить за Сторѣцкимъ или за Семеномъ Ивановичемъ?

— Онъ ихъ не приметъ... Нѣтъ, это безполезно... Вѣдь болѣзнь пришла и ужъ она неминуема...

— Какъ она сегодня много говоритъ!—подумала Надежда Ивановна:—и не такъ холодна и принужденна! Въ лицѣ ея какъ бы отражается тотъ восторгъ, который испытывалъ онъ послѣ того, какъ отдалъ шубу этимъ дѣтямъ... Только въ глазахъ у нея слезы. Безъ насъ она, должно быть, плакала.

— Я пойду туда!—сказала Надежда Ивановна и направилась въ ту дверь, куда вошелъ Антонъ Михайловичъ.

Въ столовой онъ сидѣлъ на подоконникѣ, а женщина стояла за столомъ и отвѣчала на его вопросы. Дѣти тоже поднялись; только самый маленькій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и робко, исподлобья смотрѣлъ на все происходившее.

Надежда Ивановна остановилась на порогѣ, а Нина Александровна вошла и стала говорить что то ласковое маленькой дѣвочкѣ.

— Да вы продолжайте вашъ обѣдъ, — говорилъ Барвинскій, обращаясь къ женщинѣ и дѣтямъ. — А намъ развѣ не дадутъ обѣдать? Надежда Ивановна, надѣюсь, пообѣдаетъ съ нами?

— Намъ тоже сейчасъ дадутъ, — сказала Нина Александровна и взглядомъ сдѣлала знакъ горничной, которая стояла въ дверяхъ, а потомъ и сама вышла.

Женщина сѣла, взяла вилку, но не ѣла. Повидимому, она находила невозможнымъ ѣсть и въ то же время отвѣчать на вопросы. Этотъ странный человѣкъ, предоставившій въ ея распоряженіе свой кошелекъ, сани, шубу и свою квартиру, казался ей чѣмъ то чудовищнымъ. Его доброта, которую она не могла не чувствовать, въ ея глазахъ совершенно закрывалась необычностью его поступка.

— Вашъ мужъ вечеромъ приходитъ домой? — спросилъ Антонъ Михайловичъ.

— Онъ приходитъ и къ обѣду, какъ случится!

— Ну, вотъ... Такъ, можетъ быть, онъ скоро сюда придетъ. Почему вы не ѣдите?

— Такъ, не хочется...

И она стала ѣсть, очевидно, только чтобъ не обидѣть хозяевъ.

Надежда Ивановна вышла въ переднюю и встрѣтила тамъ Нину Александровну.

— Они здѣсь стѣсняются! — сказала она. — Они гораздо лучше будутъ чувствовать себя въ кухнѣ. Они не привыкли къ такой обстановкѣ.

— Скажите ему, скажите ему это! Онъ васъ послушаетъ.

Надежда Ивановна посмотрѣла на нее и хотѣла спросить: почему же онъ не послушаетъ васъ? Но она удержалась. Она вернулась въ столовую и остановилась въ дверяхъ.

Она увидѣла странную сцену. Женщина и дѣти сидѣли за столомъ съ видомъ подавленнымъ. Передъ ними на блюдѣ стояло кушанье, они не рѣшались взять его безъ надлежащаго предложенія. Антонъ Михайловичъ сидѣлъ на подоконникѣ, заложивъ ногу на ногу. Спина его была согнута дугой, шея вытянута, голова наклонена, щеки подперты руками. Но смотрѣлъ онъ не внизъ, а на ту самую дверь, въ которой стояла Надежда Ивановна.

Онъ смотрѣлъ и, очевидно, ея не видалъ. Въ глазахъ его не было никакого опредѣленнаго выраженія. Въ комнатѣ было молчаніе.

Но вотъ лицо его оживилось, онъ какъ бы кого то пре-

слѣдовалъ взглядомъ, потомъ усмѣхнулся, затѣмъ всталъ и сдѣлалъ жестъ, какъ бы отгоняя мысль.

Надежда Ивановна стояла въ нерѣшительности; дѣти слѣдили за нимъ глазами, а въ лицахъ ихъ выражались изумленіе и испугъ. Надежда Ивановна почувствовала необходимость сказать что нибудь, чтобы отвлечь его.

— Антонъ Михайловичъ, перейдемте въ кабинетъ. Я хочу сказать вамъ два слова.

— А? Въ кабинетъ? Хорошо. Пойдемте. Онъ уже не обращалъ вниманія на своихъ гостей, вышелъ изъ столовой и направился за нею въ кабинетъ. Онъ говорилъ, когда они шли:

— Это былъ пѣхотный юнкеръ. Что за жалкая фигура!.. А ваша змѣйка на второмъ планѣ. Она не имѣетъ никакой связи съ пѣхотнымъ юнкеромъ; это очень важно. Вы понимаете, въ чемъ тутъ суть?

Онъ сѣлъ за столъ, вынулъ изъ кармана записную книжку и писалъ; въ то же время онъ говорилъ: — Суть именно въ томъ, что эти явленія ничѣмъ не связаны; они также не связаны съ обстановкой комнаты. Столъ самъ по себѣ, реальный столъ, и стулья, и буфетъ, они такъ и остаются реальными. И я отлично понимаю разницу между реальнымъ столомъ и нереальными юнкеромъ и змѣйкой... Я ни на минуту не заблуждаюсь, вы понимаете? Я спрашиваю васъ, какъ врача... Вы понимаете, что это не галлюцинація? это не настоящая галлюцинація; это нѣчто другое. Это то и важно. Вотъ смотрите сюда.

Онъ отворилъ ящикъ стола, наполненный исписанной бумагой.

— Это все мои замѣтки; онѣ въ безпорядкѣ. Вамъ придется ихъ упорядочить... это главная мысль. У насъ вѣдь это еще смутно... Все, что больному представляется,—все галлюцинація, все валятъ въ одну кучу. Я разбиваю этотъ взглядъ. Вы понимаете, что это вѣдь не съ чужихъ словъ, это—самонаблюденіе... Тутъ все факты и между ними есть замѣчательные... Малютка ничего не можетъ... А вы можете,—вы врачъ. Вы сдѣлаете?

— Да, да, я все сдѣлаю, что вы захотите... Но, кажется, обѣдъ поданъ. Ахъ, да, я хотѣла вамъ сказать. Эти люди... Они стѣсняются, они не привыкли... Они лучше будутъ чувствовать себя въ кухнѣ.

— Ха-ха-ха! Но почему же мы съ вами лучше себя чувствуемъ въ столовой, въ гостиной, чѣмъ въ кухнѣ? Можетъ быть, вы думаете, что они вообще лучше чувствуютъ себя въ бѣдности, въ рубищахъ, въ голодѣ, чѣмъ въ довольствѣ и въ порядочной одеждѣ? а? Вѣдь есть и такой взглядъ.

— Нѣтъ, я этого не думаю, Антонъ Михайловичъ. Но мнѣ

кажется, что тутъ цѣль въ томъ, чтобъ накормить ихъ, чтобъ они были сыты... А у нихъ въ непривычной обстановкѣ аппетитъ пропадаетъ. А общій вопросъ сюда не имѣетъ никакого отношенія.

— Да, вы правы. Пожалуй, это правда. Такъ вы распорядитесь; скажите малюткѣ.

— Я это сдѣлала уже! — сказала Нина Александровна, которая или стояла въ то время у дверей, или только что подошла къ нимъ.

Они пошли въ столовую. Гости были уже переведены въ кухню. Тамъ они въ самомъ дѣлѣ стали ѣсть. Завязалась бесѣда съ кухаркой, женщина описывала пожаръ, плакала, но ѣла.

Нина Александровна явилась въ столовую и тихонько сказала Надеждѣ Ивановнѣ: — говорите съ нимъ, говорите... Его вниманіе нельзя оставлять не занятымъ...

— У меня звѣрскій аппетитъ послѣ нашей прогулки! — сказала Надежда Ивановна. — У васъ тоже, должно быть, Антонъ Михайловичъ?

— Да, я хочу ѣсть. Только мнѣ некогда...

— Развѣ вы куда нибудь собираетесь?

— Да, да, собираюсь... Я давно уже собираюсь, Надежда Ивановна. Вотъ, малютка знаетъ; я часто говорю объ этомъ. Я думаю, и вы тоже постоянно собираетесь... Вообще мы всю жизнь собираемся быть справедливыми, но какъ то это не удается... Есть одинъ домъ. Мы съ вами проѣзжаемъ мимо него каждый день, знаете, недалеко отъ канала, на углу узенькаго переулка... Домъ огромный, онъ весь занятъ страшной нищетой. Люди тамъ мрутъ просто такъ, безъ всякой причины. Тамъ живутъ всѣ болѣзни и оттуда онѣ свободно расходятся по городу, а мы въ это время толкуемъ о дезинфекціи и объ оздоровленіи жилищъ... Всякій разъ, когда я ѣду мимо него, у меня одна и та же мысль: а вѣдь это безсовѣстно, что я ѣду на рысакахъ мимо этого дома, въ которомъ люди болѣютъ, страдаютъ и мрутъ. Было бы справедливо этихъ рысаковъ продать и на эти деньги подкормить нѣсколько семействъ. Часто я, пріѣхавъ домой и садясь за столъ, думаю: а вѣдь это гадость, что мы съ малюткой живемъ въ шести комнатахъ, когда въ томъ домѣ въ одной комнаткѣ по угламъ помѣщается четыре-пять семействъ. Было бы справедливо, еслибы мы съ нею оставили себѣ одну комнату, а пять предложили бы четыремъ семействамъ. Но обыкновенно, проѣхавъ мимо, я начинаю думать о другомъ, а послѣ обѣда я иду къ себѣ на диванъ и съ наслажденіемъ засыпаю на полчаса. Право, вѣдь это такъ. И съ вами это случалось не разъ. И съ малюткой. По тому, что дѣлается въ головѣ, въ мозгу, люди очень схожи.

Большинство думаетъ правильно и справедливо... Но суть не въ этомъ, а въ томъ, насколько эта мозговая работа переходитъ въ дѣйствіе. Вотъ этотъ промежутокъ между мыслью и дѣйствіемъ и составляетъ различіе между личностями. У огромнаго большинства, почти у всѣхъ, мозговая работа и дѣйствія не имѣютъ другъ къ другу никакого отношенія. Поступки обусловливаются не мыслями, знаніями и убѣжденіями, а наклонностями, вкусами, потребностями тѣла, здороваго тѣла... Я вамъ скажу: вотъ коляска стоитъ, а тутъ же рядомъ лошадь пасется. Прекрасная коляска и прекрасная лошадь. Онѣ могутъ цѣлую вѣчность находиться другъ около друга и все же лошадь будетъ пастись, а коляска стоять на мѣстѣ. А чтобы началось движеніе, надо лошадь впречь въ коляску и пустить ихъ по прямому пути. Тогда они пойдутъ и можетъ быть придутъ къ цѣли. Малютка, ты откроешь мнѣ кредитъ? Не скупись, дорогая малютка, а не то въ долги введу тебя. Я послѣ обѣда отправлюсь...

— Куда?—спросила Надежда Ивановна.

— Туда, въ тотъ домъ. У меня теперь между моими мыслями и дѣйствіями нѣтъ промежутка. Лошадь впрягли въ коляску. Ну, что же такъ медленно подаютъ? У меня слишкомъ мало времени. День, другой... А тамъ придетъ Сторѣцкій и заключитъ меня. Видите ли, это необходимо. Потому что тогда я не буду уже цѣлесообразенъ. Ну, значитъ и безполезно будетъ оставлять меня на волѣ. Ахъ, я не могу такъ долго ждать! У меня нѣтъ терпѣнія! Дай мнѣ кусокъ холоднаго мяса и довольно.

— Вотъ принесли жаркое, Антонъ!

Нина Александровна положила ему кусокъ жареной курицы. Онъ ѣлъ поспѣшно и затѣмъ поднялся.

— Ты уходишь?

— Да...

Нина Александровна выразительно посмотрѣла на Надежду Ивановну.

— Я съ вами, Антонъ Михайловичъ! — тотчасъ сказала Надежда Ивановна.

— Гм... Вы убѣжите оттуда.

— Нѣтъ, я не убѣгу...

— Нѣтъ, убѣжите. Вы вѣдь здоровая...

— Нѣтъ, нѣтъ, не убѣгу я...

— Посмотримъ.

Она тоже поднялась. Нина Александровна сказала:

— Я сейчасъ, Антонъ...

И вышла. А черезъ минуту она вернулась и, подойдя къ нему, положила въ боковой карманъ его сюртука пачку денегъ.

— Не поскупилась?—съ улыбкой спросилъ онъ.

— Нѣтъ, тутъ достаточно.

— Никогда не бываетъ достаточно, мой другъ! нужны милліоны милліоновъ...

— У насъ столько нѣтъ, Антонъ.

— Да. Это единственное извиненіе. Пойдемте, Надежда Ивановна.

Онъ вышелъ въ переднюю. Нина Александровна подбѣжала къ Надеждѣ Ивановнѣ.—Ради Бога... Будьте съ нимъ! Я не могу уйти изъ дому.

— Я буду съ нимъ, куда бы онъ ни пошелъ.

— Я не могу уйти, потому что здѣсь тоже нуженъ кто-нибудь.

— Я непремѣнно буду съ нимъ... Я его не оставлю ни на минуту.

— Благодарю васъ... Вѣдь онъ боленъ... Ему можно все простить...

Онѣ обѣ поспѣшно вышли въ переднюю.—Ты надѣнешь пальто?—спросила Нина Александровна.

— Да, мнѣ тяжело въ шубѣ...

Онъ уже былъ въ пальто, которое ему подала горничная.

— А мнѣ придется въ шубѣ!—сказала Надежда Ивановна.

— Все равно...

— Ты лошадей не берешь?

— Нѣтъ, къ чему? Есть извозчики...

— Ну, прощай.

Нина Александровна подошла къ нему и подставила ему щеку для поцѣлуя.. Онъ поцѣловалъ.—Прощай, малютка!

Онъ вышелъ, Надежда Ивановна вслѣдъ за нимъ. Швейцаръ пропустилъ ихъ съ подозрительнымъ взглядомъ. Они пошли налѣво. Скоро попался извозчикъ.

— Садитесь!—сказалъ Барвинскій.

Надежда Ивановна сѣла, онъ тоже. Антонъ Михайловичъ сказалъ извозчику адресъ. Они поѣхали.

XII.

Всю дорогу, довольно длинную, Надежда Ивановна думала только о томъ, чтобы отвлекать его вниманіе какимъ нибудь вопросомъ. Это было нетрудно, потому что онъ былъ говорливъ. Стоило только затронуть какой нибудь вопросъ, какъ онъ начиналъ говорить безумолку. Слова точно сами нанизывались на нитку и вылетали одно за другимъ. Онъ говорилъ горячо, голосъ его дрожалъ, дыханіе было учащено, ему надо было часто останавливаться и переводить духъ.

Самый способъ выраженія былъ у него странный. Онъ постоянно прибѣгалъ къ сравненіямъ. И когда ему казалось, что они туманны, онъ усиленно старался объяснить ихъ Надеждѣ Ивановнѣ.

Но были моменты, когда онъ, какъ бы исчерпавъ вопросъ, вдругъ замолкалъ и въ ту же минуту имъ овладѣвала какая то внутренняя мысль, спѣшившая принять видимый образъ. Тогда Надеждѣ Ивановнѣ не сразу удавалось отвлечь его. Ей приходилось свой вопросъ повторять нѣсколько разъ. Потомъ онъ какъ бы просыпался.

— Опять былъ пѣхотный юнкеръ... Ужъ этотъ юнкеръ будетъ приходить ко мнѣ каждый день.

— Это вашъ знакомый? — спросила между прочимъ Надежда Ивановна.

— Нисколько. Я никогда въ жизни не видалъ такого юнкера. У него низко остриженные волосы и большія руки. А мы, кажется, пріѣхали...

— Что мы здѣсь будемъ дѣлать?

— Какъ что? то, что здѣсь мы должны дѣлать каждый день, каждый часъ... Вы никогда здѣсь не были? Я бывалъ въ этомъ домѣ много, много лѣтъ тому назадъ,—я былъ тогда студентомъ. И тоже мною, какъ теперь, овладѣла рѣшимость... Я шелъ мимо и зашелъ. Я видѣлъ этихъ людей. Съ тѣхъ поръ я здѣсь не былъ, но я никогда не забывалъ объ этомъ. Пойдемте во дворъ... Какъ мила эта помойная яма посреди двора... Они этимъ дышутъ... Войдемте въ этотъ подвалъ... Вы думаете, тамъ держатъ кислую капусту? Какъ бы не такъ! Тамъ люди... Не угодно ли? Только подбирайте полы вашей шубы, потому что ступеньки грязны, и осторожно ступайте. Здѣсь скользко.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ. Тамъ была маленькая дверь. Онъ отворилъ ее, оттуда пахнулъ густой паръ. А дальше было совершенно темно.

Надежда Ивановна спѣшила за нимъ, но это было трудно. Какая-то полужидкая грязь, даже не замерзшая, покрывала ступеньки.

— Здѣсь кто нибудь живетъ? — громко спросилъ Антонъ Михайловичъ.

Надежда Ивановна приблизилась къ двери; они вошли.

Ничего нельзя было разглядѣть. Но слышалась какая то возня и говоръ. Кто то зашипѣлъ, заплакалъ ребенокъ.

— Живетъ здѣсь кто нибудь?—повторилъ Барвинскій.

— Что вамъ надо?—спросилъ изъ мрака хриплый женскій голосъ.

— Можно зажечь свѣчу? Есть свѣча?

— Можетъ и есть. Да что вамъ надо?

— А вотъ погоди...

Антонъ Михайловичъ зажегъ спичку.—Гдѣ-жъ свѣча?

Ему кто то подсунулъ огарокъ, онъ зажегъ.

Въ подвалѣ былъ земляной полъ, такой же сырой и слякотный, какъ ступеньки со двора. Что то огромное, вродѣ русской печи, сильно выдвигалось впередъ. Вдоль стѣны тянулась длинная скамейка, на которой кто-то спалъ. Въ углу было что то вродѣ наръ, прикрытыхъ соломой и тряпьемъ. Воздухъ затхлый, гнилой, удушливый, прокислый.

Передъ ними стояла женщина—приземистая, коренастая, съ опухшимъ лицомъ, съ жидкими волосами, ничѣмъ не прикрытыми, въ какой то грязной юбченкѣ, въ рваномъ платкѣ, накинутомъ на плечи и перевязанномъ на груди крестообразно.

— Много тутъ народу живетъ?—спросилъ Барвинскій.

— Да вамъ-то что?—прохрипѣла женщина, — живетъ, сколько надо...

— Гм... Сколько надо! Вовсе не надо, чтобъ тутъ люди жили. Развѣ тутъ жить можно?

— Можно или не можно, а живемъ...

— Это твой мужъ?—спросилъ Барвинскій, указывая на человѣка, спящаго на скамейкѣ.

— Мужъ.

— А дѣти есть?

— А вонъ они...

Надежда Ивановна подошла къ нарамъ, тамъ что то копошилось. Она присмотрѣлась. Тамъ было трое ребятъ. Одинъ лежалъ прикрытый тряпьемъ, двое сидѣли, спустивъ голыя ноги на землю. У того, который лежалъ, были воспаленные глаза.

— Онъ боленъ?—спросила она.

— Хворый.

— Давно?

— Да уже четвертыя сутки...

— Что у него?

— Горло болитъ...

Надежда Ивановна посмотрѣла, пощупала.

— Антонъ Михайловичъ... Мнѣ кажется... Мнѣ кажется, что это дифтеритъ...

— Да кто вы такіе? — уже сердито спросила женщина.— Что вамъ надобно?

Антонъ Михайловичъ, не отвѣчая на этотъ вопросъ, подошелъ къ ребенку и посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Да, кажется... Подозрительные глаза. А мужъ спьяна, должно быть?

— Можетъ и спьяна... Вамъ что?

— Ты, глупая баба, чего сердишься? Мы не чиновники,

мы простые люди, зла не сдѣлаемъ. Ты вотъ что: дѣтей тутъ оставлять нельзя. Здоровыхъ перевези ко мнѣ... Ну и сама перекочевать можешь, коли хочешь. Только надо васъ переодѣть и очистить. Какъ бы это сдѣлать!

— Куда еще? Не пойду никуда...

— Какъ не пойдешь? Почему не пойдешь? У тебя будетъ теплая комната, кормить тебя будутъ.

— Не пойду...

— Глупая! Ты боишься, что я тебя обману?.. Разбуди мужа.

— Его не добудишься. Онъ три дня пьянствовалъ.

— Что можно сдѣлать въ такомъ положеніи?—воскликнулъ Барвинскій, обращаясь къ Надеждѣ Ивановнѣ. — И куда дѣвать больного? Перевезти его нельзя, онъ заразитъ другихъ.

— Его можно въ больницу.

— Не отдамъ я его въ больницу!—сказала женщина.

— Ахъ, глупая, да вѣдь онъ здѣсь умретъ.

— Пускай лучше умретъ...

— Ну, тебя объ этомъ и спрашивать не будутъ! — рѣшительно заявилъ ей Барвинскій.— Да вѣдь больницы всѣ переполнены, я знаю! Я вчера видѣлъ доктора Мурина, онъ по этой части,—онъ мнѣ сказалъ: у нихъ не принимаютъ да и въ другихъ тоже.

— Надо попытаться... А если... если нельзя, я къ себѣ возьму...

— Это хорошо. Ну, вотъ что,—прибавилъ онъ, обращаясь къ женщинѣ.—У тебя, должно быть, паспорта нѣтъ? И у мужа тоже.

Женщина промолчала.

— Ну, такъ вотъ и выбирай: переѣзжай ко мнѣ съ здоровыми дѣтьми, а больного вотъ эта дама возьметъ и будетъ ухаживать за нимъ и вылѣчитъ его. А если не хочешь, такъ сейчасъ полицію позову.

— Зачѣмъ полицію?

— Ну, ужъ тамъ видно будетъ, зачѣмъ... Вѣдь ихъ надо насильно заставлять пользоваться благами жизни... Они къ этому непривычны...

— Я не знаю... Вотъ мужъ...

— А ты мужа оставь въ покоѣ; пусть онъ досыпаетъ. Онъ проснется и найдетъ къ вамъ дорогу. А сама поѣзжай сейчасъ. Постой... Мы прежде достанемъ сулемы и выкупаемъ васъ... И одежду нужно... А больного возьмемъ потомъ... Вотъ я схожу въ аптеку. Побудьте здѣсь, Надежда Ивановна...

Онъ направился къ двери, но потомъ вдругъ остановился, прищурилъ глаза и сказалъ съ усмѣшкой:

— Гм... А проклятый пѣхотный юнкеришка и сюда пришелъ... Вонъ тамъ около наръ. Но я оставляю его вамъ!— прибавилъ онъ шутливо и вышелъ.

Надежда Ивановна осталась съ глазу на глазъ съ женщиной.

— Ты не бойся, — сказала она. — Это добрый человѣкъ. Тебѣ хорошо будетъ... Онъ устроитъ васъ и денегъ дастъ.

— Да съ чего это? — чрезвычайно недовѣрчиво спросила женщина.

— Ну какъ, съ чего? Ну, просто—добрый человѣкъ. Развѣ ты не видала добрыхъ людей?

— Не случалось...

— Ну, это значитъ—такое несчастье. А вотъ теперь ты видишь, что есть... Твой мужъ чѣмъ нибудь занимается?

— Вотъ этимъ и занимается...—она указала взглядомъ на мужа.

— Пьетъ?

— Пьетъ да спитъ.

— Онъ пьяница?

— А извѣстно, пьяница, коли пьетъ. Только прежде онъ не былъ пьяницей... Былъ человѣкъ работящій. Слесарь онъ по ремеслу. Да вотъ руку онъ себѣ повредилъ, пухнуть стала и лѣчилъ онъ ее да ничѣмъ не могъ помочь. Больше года возился. А потомъ впалъ въ тоску, потому все безъ работы сидѣлъ, и запилъ. Опускались мы, опускались... Я стиркой занималась, да не пошло... Вотъ и поселились здѣсь. А у него и рука прошла, да ужъ не тотъ человѣкъ,—испортился въ конецъ... Ужъ не до работы ему. Да и работы достать нельзя, никто не даетъ такому. Отбился. Такъ вотъ и маемся. Ребята... На нихъ-то жалко смотрѣть. Что съ ними будетъ? Онъ-то три дня шляется по кабакамъ, пьетъ, а потомъ придетъ домой да прямо на лавку да спать, и спитъ безъ просыпу, какъ есть цѣлыя сутки. Вотъ мальчуганъ заболѣлъ, думала,—Богъ къ себѣ возьметъ... У насъ въ домѣ такою болѣзнью много дѣтей перемерло; чуть не каждый день выносятъ. Схватитъ горло да грудь и кашлемъ задушитъ. Въ два дня прикончитъ. Поглядишь-поглядишь и подумаешь: «Вотъ, слава Богу, однимъ несчастнымъ меньше стало». А мой мальчикъ четыре дня уже болѣетъ, не лучше ему да и не хуже.

— Я его къ себѣ возьму. Погоди только, осмотрѣть надо... Ты не бойся,—я докторша; а тотъ господинъ, онъ—докторъ... У него въ домѣ хорошо, ты не бойся. У него и жена добрая. Дай-ка сюда свѣчу...

Она подошла къ ребенку и отвела отъ наръ здоровыхъ дѣтей.

— Можешь подняться?—спросила она больного мальчика.

Мальчикъ былъ въ жару и ничего не отвѣтилъ. Съ большимъ трудомъ удалось ей заглянуть ему въ горло; она ничего не сказала, но подумала:—трудно разглядѣть... Ничего не поймешь. Кажется, дифтеритъ...

— Ну, да,—сказала она вслухъ, — я его возьму къ себѣ. Я надѣюсь, что онъ будетъ здоровъ. Такъ ты говоришь, что въ этомъ домѣ много такихъ больныхъ?

— Чуть не въ каждой квартирѣ, гдѣ есть дѣти... Да было и со взрослыми. На прошлой недѣлѣ одного парня вынесли.

— Куда вынесли?

— Извѣстно, куда,—на кладбище. Померъ...

— Почему же не заявятъ врачу? Не сообщатъ полиціи?

— Милая барыня... Тутъ почитай что половина безъ паспорта... Тутъ такой народъ, что скорѣй согласится помереть, чѣмъ съ полиціей дѣло имѣть...

— Какъ долго онъ не идетъ!—сказала Надежда Ивановна, взглянувъ на свои маленькіе часы и убѣдившись, что Барвинскій уже отсутствуетъ болѣе получаса. Она начала тревожиться. Вѣдь онъ, оставшись одинъ, могъ забыть обо всемъ и заняться своимъ пѣхотнымъ юнкеромъ.

Но въ это время по ту сторону двери послышались шаги и говоръ. Значитъ, Барвинскій былъ не одинъ.

— Тащи сюда! Только осторожнѣй, не упади... Здѣсь скользко.

Потомъ отворилась дверь, вошелъ Антонъ Михайловичъ, а вслѣдъ за нимъ паренекъ, вродѣ приказчика, съ большимъ узломъ.

— Сюда вотъ, на скамью клади!

Парень положилъ на скамейку узелъ и съ изумленіемъ осмотрѣлъ обстановку.

— Больше ничего?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Вотъ возьми себѣ на чай.

Парень поблагодарилъ и ушелъ. Барвинскій поставилъ на скамью бутыль, которую держалъ въ рукахъ.

— Обѣгалъ всѣ ближайшіе улицы и переулки. Хорошо, что бойкое мѣсто здѣсь. Ну, баба, не зѣвай, а переодѣвайся сама и здоровыхъ ребятишекъ переодѣвай. Я и тебѣ юбку досталъ; тутъ и сапоги ребятамъ; ужъ такъ безъ мѣрки взялъ. Ступай-ка за печку и переодѣнься... Надежда Ивановна, вы можете больного сейчасъ свезти къ себѣ. У васъ найдется шприцъ? Сейчасъ ему порцію сыворотки... Я досталъ карету. Только ее потомъ сію же минуту надо подвергнуть дезинфекціи. Вы сами сдѣлайте это... А иначе будетъ по городу развозить бактеріи.

— А вы хотите остаться?

— Да. Вы не бойтесь этого; теперь я весь поглощенъ дѣломъ. Теперь и господинъ юнкеръ не придетъ. Здѣсь ему нечего дѣлать.

— Я сейчасъ вернусь!

— Отлично. Вѣдь у васъ Строева. Такъ вы ей оставьте, а сами пріѣзжайте.

— Она говоритъ, что здѣсь весь домъ зараженъ такою же болѣзнью...

— Да, я думаю, и всѣми остальными. Тутъ все найдется. Ну, тащите младенца. Пусть баба снесетъ его. Карета у подъѣзда. Или давайте—я снесу...

— Нѣтъ, я сама!—возразила Надежда Ивановна.

— Позвольте мнѣ, барыня, ужъ я это сдѣлаю,—сказала баба, все болѣе и болѣе проникавшаяся довѣріемъ.

— Его надо закутать.

— Такъ не во что!

— Возьми мой платокъ и шубу...

— Что вы, барыня? Какъ можно?

— Бери, бери...

Она сняла съ себя шубу и дала женщинѣ. Та нерѣшительно взяла и начала укутывать больного мальчика, при этомъ бормоча какія-то молитвенныя слова.

— Живо, живо! А потомъ я вами займусь!—говорилъ Барвинскій.

Мальчика вынесли. Надежда Ивановна быстро пробѣжала разстояніе между подваломъ и каретой. Ей было холодно. Она сѣла въ карету, взяла мальчика на руки, дверь захлопнулась. Они уѣхали.

XIII.

Мальчикъ метался у нея на рукахъ, ничего не понимая. Надежда Ивановна думала о томъ, какъ бы поскорѣе пріѣхать и одѣть его въ чистое бѣльѣ, уложить его въ постель, измѣрить температуру и окончательно опредѣлить болѣзнь. Кажется, болѣзнь еще не перешла ту грань, за которой уже нельзя спасти. Естественное чувство врача, когда ему во чтобы то ни стало хочется спасти больного, у нея какъ-то обострилось, и она вовсе не думала о томъ, какимъ образомъ онъ очутился у нея на рукахъ, съ какой стати и почему все это такъ случилось? Вчера еще ей показалось бы это дикимъ, невѣроятнымъ, а сегодня она думаетъ, что такъ и должно быть.

Кучеру было приказано ѣхать быстро, и она уже увидѣла знакомые дома на Конюшенной улицѣ. Карета остановилась. Она отворила дверцу и осторожно вынесла мальчика. Швейцаръ хотѣлъ помочь ей.

— Нѣтъ, я сама... Это надо осторожно.

И она тихонько стала подыматься наверхъ съ своей ношей.

— Вы только позвоните въ мою квартиру.

Швейцаръ побѣжалъ впередъ и позвонилъ. Отворила дверь Генріета и съ изумленіемъ посмотрѣла на свою хозяйку.

— Наконецъ-то,—послышался изъ спальни голосъ Строевой.—Я думала, что ты забыла обо мнѣ. Вѣдь я сегодня уѣзжаю... Что это?—воскликнула она, выйдя въ переднюю.

— Осторожно! Возьми его! Уложи въ постель... Генріета, дайте бѣлье. Ничего, все равно, дайте мое. Уложи его бережно, Ольга Сергѣевна! У него, кажется, дифтеритъ.

Строева протянула руки, чтобы принять отъ Надежды Ивановны ея странную ношу, но глаза ея выражали глубочайшее изумленіе.

— Больной ребенокъ?—тихо промолвила она.

— Да... Вотъ...

Надежда Ивановна передала ей мальчика.

— Барыня озябли!—сказала Генріета,—у насъ печка натоплена, погрѣйтесь, барыня.

— Хорошо, хорошо...

Мальчикъ заметался на рукахъ у Строевой и закашлялъ.

— Унеси его въ постель.

Строева больше не спрашивала ни слова и пошла съ ребенкомъ въ спальню. Черезъ минуту явилась туда Надежда Ивановна. Генріета тащила чистую рубаху; мальчика переодѣли. Строева поставила термометръ. Затѣмъ онѣ молча начали выслушивать у него грудь. Опять открыли ему горло и внимательно смотрѣли; явились зеркала, трубочки.

— У него нѣтъ дифтерита!—сказала Строева,—ты ошиблась.

— Кажется, что такъ! согласилась Надежда Ивановна.— Но что же?

— Я думаю... Можетъ быть, воспаленіе легкаго.

— Осмотримъ его... Будемъ внимательнѣе...

— Да, да, у него воспаленіе легкаго, дифтерита нѣтъ... Этотъ налетъ... Это просто отъ жара; за нимъ никто не смотрѣлъ. Гдѣ ты взяла его?

— Ахъ, потомъ, потомъ все разскажу.

— Ты была одна?

— Нѣтъ, съ нимъ...

— Съ Барвинскимъ?

— Да... Еслибъ только ты знала, Ольга... Но правда то, что говорилъ Сторѣцкій.

— Онъ боленъ?

— Боленъ... Но теперь я поняла все, что онъ говорилъ мнѣ тогда, помнишь,—я тебѣ писала... Я вспомнила тебя сегодня, тысячу разъ вспоминала... Ты написала все, что надо? Генріета, сходите въ аптеку, достаньте льду и мѣшокъ и вотъ это лѣкарство. Да, онъ дѣйствительно боленъ... Но за то... Какъ это ужасно, какъ это страшно! Болѣзнь дѣлаетъ его сильнымъ, огромнымъ... Онъ боленъ—и я видѣла передъ

собой настоящаго человѣка... Слушай, я не знаю, смогу ли я все разсказать тебѣ, потому что это походитъ на сонъ... Я попробую. Мы были въ больницѣ... послѣ обхода спустились внизъ...

Надежда Ивановна разсказывала сбивчиво, отрывисто, задыхаясь, забывая многое и часто возвращаясь къ прежнему. Она старалась не пропустить ничего важнаго и въ то же время поминутно выбѣгала въ переднюю, нетерпѣливо ожидая возвращенія Генріеты.

— Гдѣ онъ теперь?—спросила Строева послѣ того, какъ Надежда Ивановна кончила свой разсказъ.

— Тамъ, въ этомъ домѣ... Я сейчасъ поѣду туда. Его одного нельзя оставлять.

— Останься дома, Надежда Ивановна! А я поѣду...

— Нѣтъ, я не останусь... Я должна, я дала слово Нинѣ Александровнѣ.

— Я хочу видѣть его...

— Нѣтъ, я не могу, я должна тамъ быть... Только ты увѣрена, что дифтерита нѣтъ?

— Да, безусловно. Взгляни сама. Впрочемъ, ты ничего теперь не поймешь. Ты точно даже не присутствуешь здѣсь; у тебя такое лицо.

Онѣ еще разъ осмотрѣли мальчика.—Мы его отходимъ!—сказала Надежда Ивановна.—Ты мнѣ поможешь, Ольга Сергѣевна?

— Но я сегодня должна ѣхать.

— И ты уѣдешь?

— Не знаю, какъ и быть... Меня отпустили на четыре дня.

— Какъ хочешь!—съ какимъ то выраженіемъ безразличія сказала Надежда Ивановна.

— Но я хотѣла бы его видѣть...

— Какъ хочешь, какъ хочешь... Но ты до вечера будешь здѣсь? Когда отходитъ твой поѣздъ?

— Въ одиннадцать часовъ ночи.

— Хорошо, я вернусь къ тому времени... Сдѣлай же все необходимое. Я уѣду... прощай...

— Гдѣ этотъ домъ?

— Все равно, ты не должна покидать мальчика.

— У тебя безумный видъ...

— Все равно... Я поѣду.

— Ахъ, Надежда Ивановна! Въ этомъ есть что то страшно нездоровое... Ты словно заразилась отъ него...

— Можетъ быть... И я этому рада... А! какъ давно я хочу заразиться такимъ образомъ, заразиться какой нибудь силой, которая сдвинула бы меня съ мѣста, и чтобы я хоть

въ чемъ нибудь проявила свою волю... Ну, такъ пожалуйста, Ольга Сергѣевна, присмотри за нимъ... Я вернусь...

— Но послушай... Погоди... У тебя лихорадка... Дай мнѣ свою руку. Ты въ ужасномъ состояніи... Какой дикій пульсъ! Нѣтъ, нѣтъ, я тебя не пущу... Ты должна остаться...

— Нѣтъ, я не останусь.

— Нѣтъ, ты ни за что не поѣдешь. Я должна по крайней мѣрѣ измѣрить температуру. Въ этой трущобѣ ты можешь захватить все, что угодно.

— Ахъ, какіе ты пустяки говоришь...

— Ну, все равно... А я не пущу тебя, не убѣдившись, что у тебя нѣтъ лихорадки. Вы всѣ какіе то сумасшедшіе сдѣлались.

— Развѣ не ты первая восторгалась имъ?—промолвила Надежда Ивановна.

— Да, но я не знала, что это болѣзнь.

— Болѣзнь... Но не все ли равно?..

— Нѣтъ, не все равно. Болѣзнь надо лѣчить, мой другъ.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ, если она возвращаетъ человѣку способность быть самимъ собой? Почемъ ты знаешь, кто изъ идущихъ по улицѣ здоровъ, а кто боленъ? Можетъ быть, именно тѣ, кто еще сохранилъ способность откликаться на чужое страданіе, тѣ больны. Да это такъ и есть.

— Все равно, ихъ надо лѣчить.

— Да, и выжать изъ нихъ всю способность быть людьми...

— Погоди...—Она поставила ей термометръ.—Теперь четверть часа сиди смирно. Я съ тобой не могу спорить, потому что ты сама теперь больна...

— Да, я больна и хотѣла бы на всю жизнь остаться такой больной.

— Вотъ въ томъ то и дѣло, что больные не остаются такими; болѣзнь развивается, прогрессируетъ и доводитъ ихъ до негодности.

— До негодности!.. А здоровые мы годны на что нибудь? Мы годны только на слова, на платоническое состраданіе и сочувствіе, изъ которыхъ никому никакой пользы нѣтъ... Такъ по крайней мѣрѣ хоть нѣсколько дней въ жизни побыть человѣкомъ. Подумай: вѣдь мы всю жизнь, всю сознательную жизнь только понимали, въ чемъ добро, и никогда не двинули пальцемъ... Что мы дѣлали? Учились медицинѣ, работали въ клиникахъ, ходили на практику, но все это въ концѣ концовъ постольку, поскольку это доставляло намъ пропитаніе. Мы никогда не забывали о себѣ, во всемъ наша личность, наше благо играли первую роль... А тутъ человѣкъ точно живетъ внѣ себя, всю свою личность онъ отдаетъ другимъ, всю безъ остатка. Пусть онъ боленъ, но онъ полезенъ... Взгляни на мальчика, что съ нимъ?

— Онъ спитъ!—сказала Строева, пройдя на минуту въ другую комнату.

— Ахъ, я боюсь что такъ долго оставила его одного тамъ... Сюда ѣхала больше часа... Надо было ѣхать медленно... Я должна была беречь больного... Ну, и дома такъ долго сижу... Ахъ, возьми свой термометръ, онъ меня только раздражаетъ...

— Еще три минуты!—сказала Строева, взглянувъ на часы.

— Ты неумолима.

— Да. Я еще здорова, слава Богу.

— Скажи мнѣ, Ольга Сергѣевна, почему вдругъ въ тебѣ произошла такая перемѣна? Ты даже какъ то злобно относишься къ нему. Какъ это странно, если сравнить съ твоими письмами...

— Ахъ, Надежда Ивановна, сейчасъ, теперь, въ этомъ состояніи ты меня не поймешь, такъ лучше не говорить... Потомъ, потомъ.

— Нѣтъ, говори пожалуйста; къ чему эти недомолвки?

— Говорить? Пожалуй. Мнѣ непріятно смотрѣть на тебя, потому что во всемъ этомъ увлеченіи чувствуется что-то... что-то личное...

— Ты хочешь сказать, что я питаю къ нему женское чувство?

— Да, ты угадала...

— И представь, я не стану спорить. Я этого еще не знаю, мнѣ некогда было подумать объ этомъ; но я говорю, что это все равно, это не важно,—такъ это или не такъ. Не все ли равно, что подвинуло насъ на добро? лишь бы это было добро... Не все ли равно, что заставило насъ сдвинуться съ мѣста?

— Нѣтъ, не все равно... Потому что это старая исторія, потому что и это добро кончится съ окончаніемъ чувства...

— О, пусть, пусть. Да хоть одинъ день въ жизни будешь сознавать себя человѣкомъ. Ну, я иду, возьми свой термометръ.

Она вынула термометръ и положила его на столъ. Строева взглянула.

— Тридцать семь и восемь, сказала она,—немного больше, чѣмъ слѣдуетъ, но все же ничего. Помни, Надежда Ивановна, ты должна вернуться до моего отъѣзда.

— Я думаю. Да какъ же иначе? Вѣдь ребенка нельзя оставить... А ты... Ты не могла бы остаться?

— Нѣтъ, я не имѣю права...

— Служба?—иронически замѣтила Надежда Ивановна.

— Да, служба, мой другъ.

— Да, да... Такъ я вернусь. Прощай...

Она накинула шубу на плечи и ушла. Оказалось, что карета ждала ее. Убѣдившись, что у мальчика нѣтъ дифтерита, она сочла себя въ правѣ не думать о дезинфекціи.

— Только поскорѣй, поскорѣй,—сказала она кучеру.—Я тороплюсь.

— Да, барыня, вы часа полтора сидѣли!—сказалъ кучеръ.
— Неужто такъ долго?
— А то какъ же? не меньше!
— Ну, ты, какъ можешь, скорѣй поѣзжай.

Кучеръ быстро погналъ лошадей. Надежду Ивановну охватило нетерпѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страхъ, какъ бы съ нимъ что нибудь не случилось.

Карета остановилась у того самаго дома, гдѣ остался Барвинскій. Ей показалось, что у воротъ собралась толпа. Но это была фантазія. Стоялъ дворникъ и два какихъ то подвыпившихъ прохожихъ. Она обратилась къ дворнику.

— А что, этотъ баринъ, который пріѣхалъ со мной, здѣсь?

— Баринъ?—переспросилъ дворникъ.—Да, баринъ дѣйствительно тутъ былъ... Чудной! Забралъ всѣхъ, сперва въ двадцать третьемъ номерѣ, а потомъ изъ сто семнадцатаго повытаскалъ всѣхъ и услалъ къ себѣ. А имъ и на руку... По всему дому прошелся и всѣмъ денегъ надавалъ. А народъ здѣсь голодный, извѣстно. А онъ это вынулъ пачку денегъ да акъ и тычетъ направо и налѣво. Чудной баринъ! прямо какъ полуумный. Ходилъ это, ходилъ, да хвать это, больше денегъ нѣтъ ни копѣйки, а народъ за нимъ такъ и бѣгаетъ, такъ и рвутъ его на части. Постой, говоритъ, братцы, я еще достану и сейчасъ на извозчика и укатилъ...

— Куда?

— А ужъ этого мы знать не можемъ. Онъ намъ этого не сказывалъ. Ну, и баринъ же! чудной, совсѣмъ чудной баринъ! Изъ сто семнадцатаго номера—тамъ у насъ старуха живетъ съ тремя внуками,—не приведи ты Господи какая бѣдная! а сынъ у ей пьяница и бьетъ ее, старуху-то, и дѣтей своихъ лупитъ, потому жена-то у него умерла... Такъ что-жъ вы думаете,—самъ ребятъ ея изъ пятаго этажа таскалъ сюда и на извозчиковъ усадилъ... А отецъ пьяный-то какъ разъ въ то самое время въ ворота, и задирать сталъ... Какъ, молъ, смѣешь? дѣти мои... Такъ онъ на него какъ набросился, господинъ-то, съ ногъ свалилъ и связать велѣлъ его,—сильный!.. А потомъ уѣхалъ...

«Уѣхалъ... думала Надежда Ивановна.—Но куда, куда? Я говорила, что его нельзя оставлять одного»...

Единственное мѣсто, куда она могла ѣхать, это на Кирочную, въ его домъ. Но у нея явился страхъ передъ Ниной Александровной. Какъ она покажется ей безъ него?

Потомъ пришли въ голову другія мысли: поѣхать въ больницу, къ Сторѣцкому. Но имѣетъ ли она право сдѣлать это? Онъ сказалъ, что самъ знаетъ, когда наступитъ конецъ. Не вѣдь они пріѣдутъ и возьмутъ его насильно къ себѣ... Нѣтъ, нѣтъ, она не имѣетъ на это права.

Она рѣшила ѣхать на Кирочную.

Кучеръ ждалъ ее. Она спросила, сколько ему слѣдуетъ, и тотъ не пропустилъ случая содрать съ нее пять рублей. Она заплатила и взяла извозчика.

Часы показывали начало десятаго. Она вспомнила о Строевой. Вѣдь она ѣдетъ въ одиннадцать. Она не успѣетъ съѣздить на Кирочную и вернуться.

«Ахъ, это все равно! На Генріету можно положиться вполнѣ. Она всетаки поѣдетъ».

И она велѣла извозчику ѣхать на Кирочную. Здѣсь, въ квартирѣ, было какое то странное движеніе. Нина Александровна ходила въ бѣломъ передникѣ, слышался шумъ воды, падающей изъ крана въ ванной. Въ комнатахъ переставляли мебель.

Она не узнала квартиры. Въ гостиной, на диванѣ и на полу были посланы тюфяки. Тоже самое было въ столовой и въ другихъ комнатахъ, кромѣ кабинета, гдѣ все оставалось неприкосновеннымъ.

— Вы одна?—спросила ее Нина Александровна.—Пойдемте въ кабинетъ.

Надежда Ивановна пошла за нею и разсказала ей все, какъ было.

— Да, это понятно,—сказала Нина Александровна.—У него не хватило денегъ, и онъ поѣхалъ добыть ихъ.

— Но гдѣ?

— Гдѣ нибудь у ростовщика... Онъ знаетъ, что я отдала ему все, что было въ домѣ. Завтра я могу взять въ банкѣ, но сегодня не достала бы.

— Но гдѣ онъ? Пріѣдетъ ли онъ?

— Домой онъ непремѣнно пріѣдетъ!—съ увѣренностью сказала Нина Александровна.—Въ самомъ безумномъ состояніи онъ всегда возвращался домой. Онъ пріѣдетъ, но въ какомъ видѣ? Боже, я боюсь, что безуміе слишкомъ быстро надвигается. Слишкомъ быстро!.. Ахъ, вы не знаете...

Потомъ она жестомъ какъ бы отмахнула отъ себя мрачныя мысли и прибавила:—пойдемте посмотрѣть... Теперь у насъ меблированныя комнаты...

Она показала ей всѣхъ своихъ гостей. Все это были женщины съ дѣтьми. Только часть спальни за ширмой занималъ разслабленный человѣкъ, еще довольно молодой, но уже совершенно разбитый. Онъ жилъ въ углу и питался тѣмъ, что ему давали сосѣди, такіе же бѣдняки, какъ онъ, но которые всетаки могли выходить на улицу и такъ или иначе что нибудь добыть.

Они опять вернулись въ кабинетъ. Нина Александровна говорила: «Это уже было съ нимъ въ Вильно. Тамъ мы зани-

мали небольшой одноэтажный домъ. И вотъ, когда это случилось, домъ точно также наполнился. Потомъ я купила этотъ домъ и подарила его имъ. Они и до сихъ поръ имъ владѣютъ.

Она говорила это безъ замѣтной тревоги, но вдругъ въ величайшемъ волненіи поднялась.—Нѣтъ, я не могу... Его надо найти...—воскликнула она.

— Но вы сказали, что онъ непремѣнно вернется...

— Да, да. Но у меня вдругъ явилось такое мрачное предчувствіе; онъ что-то говорилъ о смерти, и мнѣ вдругъ стало страшно за него... Останьтесь вы здѣсь...

— Лучше я поѣду!—сказала Надежда Ивановна.

— Нѣтъ, поѣду я... Вы не найдете его...

— А вы... Вы развѣ знаете, гдѣ онъ?..

— Нѣтъ, но мнѣ кажется... что я почувствую его слѣдъ...

У нея горѣли глаза, и вся она была въ какомъ то нервномъ движеніи.—Останьтесь, останьтесь... Вы останетесь?

— Да, если вы хотите...

— Ну, вотъ... Благодарю васъ...—Она уже одѣвалась.—Я распорядилась, чтобъ лошади сегодня весь день были на готовѣ. Скажи Семену,—прибавила она, обращаясь къ горничной,—чтобъ подалъ лошадей. Прощайте. Я непремѣнно найду его.

Она вышла, но черезъ двѣ минуты послышался звонокъ. Надежда Ивановна выбѣжала изъ кабинета, отперла дверь. Вошла Нина Александровна, а вслѣдъ за нею Барвинскій. Они встрѣтились у подъѣзда.

Она была очень блѣдна, а онъ радостно улыбался и съ видимымъ удовольствіемъ потиралъ руки.

При видѣ этой странной радости, у Надежды Ивановны пробѣжала по спинѣ холодная струя.

— А, Надежда Ивановна здѣсь!—промолвилъ Барвинскій и разсмѣялся.—А я вѣдь сбѣжалъ! Ха-ха-ха! Ахъ, да, слушайте,—прибавилъ онъ, когда горничная снимала съ него пальто.—Это вы должны сдѣлать... Тамъ, въ этомъ домѣ, въ квартирѣ восемьдесятъ девятой, кажется, отыскалась одна... какое трогательное совпаденіе!.. Одна галлюцинатка... А? Каково? Ее тамъ считаютъ за юродивую, чуть ли даже не за святую... Ха-ха-ха! Сколько нашего брата разсыпано по Петербургу и живемъ мы себѣ, и никто насъ не сажаетъ въ больницу. Богатыхъ, когда они сходятъ съ ума, лѣчатъ, а бѣдныхъ только объявляютъ святыми. Но вы ее къ Сторѣцкому свезите... Какія глупости!.. пестрыя глупости!—прибавилъ онъ, глядя мимо ея лица, и затѣмъ, не сводя глазъ съ какого-то явленія, медленно пошелъ въ кабинетъ.

Нина Александровна не пошла за нимъ; она подошла къ Надеждѣ Ивановнѣ, взяла ее за руку и тихонько сказала:—

«Онъ уже больше никуда не уйдетъ... Его теперь нельзя пустить. Я знаю его глаза!.. Теперь нуженъ Сторѣцкій!»

— Я поѣду за нимъ,—сказала Надежда Ивановна.

— Вы страшно добры! Все это должна была дѣлать я. Но его оставить уже нельзя одного.

— Я поѣду...

— Разскажите ему все и попросите осторожности... Я зайду къ нему.

Надежда Ивановна осталась въ передней, а Нина Александровна вошла въ кабинетъ. Двери были полуотворены. Нѣсколько минутъ въ кабинетѣ было молчаніе.

Надежда Ивановна видѣла, какъ Нина Александровна вошла, приблизилась къ столу и сѣла въ кресло. Барвинскій сидѣлъ на диванѣ недвижно и внимательно смотрѣлъ въ одну точку. Глаза его то расширялись, то съуживались. Иногда ротъ кривился въ усмѣшку, иногда нахмуривались брови.

Онъ зажмурилъ глаза, потомъ раскрылъ ихъ и затѣмъ сказалъ сквозь зубы:

— Все равно... Зрѣніе тутъ не причемъ! Я всегда это утверждалъ.

— Ты мнѣ говоришь, Антонъ?—спросила Нина Александровна.

— Я никому не говорю... Это просто надо записать.

— Я запишу!—отвѣтила она и взяла въ руки карандашъ.

— Духовное лицо, кажется, греческое, въ странной шапкѣ... съ блинообразной пришлепнутой верхушкой... На первомъ планѣ... Борода смолистаго цвѣта... Просто стоитъ, протянулъ руки впередъ... Все время такъ, руки безъ движенія... Точно восковая фигура и глаза неподвижно. Сизое облако вправо отъ него. Дальше швейцарскій пейзажъ и стадо коровъ... Изъ за нихъ вдали глядитъ пѣхотный юнкеръ, только голова видна и плечи съ нашивками... Онъ вольноопредѣляющійся. Между всѣмъ этимъ нѣтъ связи. Ближе перваго плана, совсѣмъ близко ко мнѣ, змѣйка, тоже лежитъ неподвижно... Свернулась колечкомъ и лежитъ... Я закрываю глаза (онъ опять зажмурилъ глаза)—все тоже; раскрылъ—опять тоже. Марсельеза... Это гдѣ то наверху, вдали... Я хотѣлъ-бы прекратить это...

Онъ встряхнулъ головой, всталъ, подошелъ къ столу и мѣрно, спокойно три раза ударилъ кулакомъ по доскѣ...

— Все тоже... произнесъ онъ...—Это мучительно... Именно то, что противъ воли...

Нина Александровна быстро записывала, потомъ подняла голову и взглянула на него:—Тебѣ хватило денегъ, Антонъ? спросила она.

— Твоихъ? О, нѣтъ... Да... Вотъ карточка этого негодяя.

Онъ далъ мнѣ полторы тысячи, а вексель взялъ на двѣ, вотъ она...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана карточку и положилъ ее на столъ.

— Ты уснулъ бы, Антонъ...

— Не усну... Хотѣлъ бы, но не усну. Они всѣ тутъ?

— Всѣ, кого ты прислалъ...

— Позаботься о нихъ, малютка... Я не могу. Ты видишь, что я больше не могу. Все меньше и меньше времени. Одинъ только день я былъ самъ собой... Теперь я уже никуда не гожусь, ты вѣдь видишь, они меня обступаютъ... Это облако... Оно окружаетъ мою голову... Ахъ!

Онъ схватился обѣими руками за голову, опустился на колѣни передъ столомъ и простоналъ.

— Милый мой, ты страдаешь?—тихо произнесла Нина Александровна. Онъ не слышалъ и не откликнулся.

Надежда Ивановна поспѣшно одѣлась и выбѣжала на лѣстницу. Швейцаръ встрѣтилъ ее тамъ.

— Что это съ нашимъ бариномъ?—спросилъ онъ.—Они больные?

— Да, онъ боленъ,—отвѣтила Надежда Ивановна.

— Они какъ бы не въ своемъ разумѣ?

— Не знаю... Вотъ докторъ скажетъ. Къ нимъ никого не впускайте...

— Слушаю.

У подъѣзда стояли лошади Барвинскихъ. Надежда Ивановна взглянула на часы—былъ въ началѣ двѣнадцатый часъ. Она вспомнила о Строевой. «Неужели она уѣхала?»

Потомъ ей пришла въ голову другая мысль — о больномъ мальчикѣ:—«если Строева рѣшилась уѣхать, то Генріета присмотритъ».

Лошади неслись во весь духъ. Путь предстоялъ длинный. Холодный вѣтеръ дулъ ей въ лицо, но какъ то не освѣжалъ ея голову. Сердце билось усиленно. У нея во всемъ тѣлѣ было какое то ощущеніе скованности. Ей все вспоминался Антонъ Михайловичъ въ ту минуту, когда онъ схватился за голову и опустился на колѣни, и слышался его стонъ. Это былъ глухой стонъ отчаянія. Должно быть, онъ почувствовалъ, какъ въ эту минуту разсудокъ окончательно измѣняетъ ему и онъ больше не можетъ владѣть имъ.

Потомъ представилась ей Нина Александровна — тихая, сдержанная, блѣдная и покорная судьбѣ. Какъ она взяла карандашъ и записывала его бредъ, какъ затѣмъ она старалась отвлечь его мысли отъ образовъ своимъ вопросомъ о деньгахъ.

И этотъ домъ—эта уютная изящная гостиная, эта покойная комфортабельная спальня, столовая съ роскошнымъ буфе-

томъ, который такъ прельщалъ Тетюшина, все это наполнилось калѣками, больными, нищими. И событія этого дня, — все это выплывало одно за другимъ въ ея памяти и все вмѣстѣ казалось ей рядомъ событій изъ какого то другого міра.

И этотъ человѣкъ сумасшедшій. Онъ былъ здоровъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ она знаетъ его,—онъ былъ здоровъ. Онъ жилъ, какъ всѣ живутъ, въ свое удовольствіе, можетъ быть, даже больше, чѣмъ всѣ; разъѣзжалъ на рысакахъ, кутилъ, увлекался бѣгами, обожалъ своего Буку, собирался завести бѣговую конюшню, покупалъ рѣдкія книги и картины... Теперь онъ сошелъ съ ума и весь отдался служенію ближнимъ; домъ его полонъ нищихъ, кошелекъ его открытъ для нихъ. Для всего этого надо было сойти съ ума. О, Боже!

Ей пришло на мысль заѣхать на минуту домой, но было поздно. Они уже были гораздо дальше Конюшенной. Она рѣшила сдѣлать это на обратномъ пути.

Наконецъ, вотъ и огромное зданіе больницы. Въ многочисленныхъ частыхъ окнахъ не видно свѣта. Все зданіе окутано тьмой. Домъ давно уже спитъ. Только въ нижнемъ этажѣ, гдѣ живутъ служащіе, свѣтло.

Когда сани остановились, было двѣнадцать часовъ ночи. Пришлось звонить и у воротъ, и у подъѣзда со двора. Она спросила швейцара про Сторѣцкаго, и тутъ то именно у нея явилось сомнѣніе въ томъ, что она застанетъ его дома. Если только онъ не дежурный, то вечера онъ никогда не проводитъ дома.

— Они нынче дежурные!—къ ея радости отвѣтилъ швейцаръ, и она быстро, не снявъ шубы, направилась черезъ длинный корридоръ, въ ту комнату, гдѣ проводилъ ночь дежурный ординаторъ.

Прежде, чѣмъ войти, она постучала въ узенькую дверь. Сторѣцкій вѣдь могъ спать.

— Кто такой? войдите!—послышался его голосъ. Она вошла.

— Вы? Въ такое время?

— Да, я отъ Барвинскихъ.

Сторѣцкій вскочилъ.—А, значитъ, я былъ правъ...

— Развѣ вы это находили?

— Да, я хотѣлъ успокоить эту бѣдную женщину... Но я зналъ, что ко мнѣ пріѣдутъ съ минуты на минуту. Ну, что же? Э, да вы сами, кажется, кандидатка... Ну, и видецъ у васъ, нечего сказать! Васъ бьетъ лихорадка... Право!

Она тяжело опустилась на диванъ, и ей показалось, что она сейчасъ зарыдаетъ. Слезы подступали къ горлу.

— Дайте мнѣ воды.

— Я думаю, вамъ лучше бы хватить фунтика два бромистаго натра, дитя мое! Ну, успокойтесь и разсказывайте!—сказалъ Сторѣцкій, подавая ей воду.—Вы его сейчасъ видѣли?

— Я съ нимъ провела цѣлый день... Уже здѣсь утромъ у него были галлюцинаціи. Когда мы остались вдвоемъ, въ сборной, онъ мнѣ признался, что видѣлъ пѣхотнаго юнкера и змѣйку...

— Женщины любятъ дѣлать тайну даже изъ признаковъ болѣзни!..

— Я не могла сказать вамъ... Онъ прямо объявилъ мнѣ, что знаетъ моментъ, когда надо обратиться къ вамъ.

— Ну, хорошо, продолжайте...

— Но я всего не въ состояніи разсказать вамъ... Я поѣхала съ нимъ. Мы попали на пожаръ. Тамъ онъ отдалъ всѣ свои деньги погорѣвшимъ женщинамъ и дѣтямъ, отослалъ ихъ къ себѣ и прикрылъ своей шубой.

— И вы любовались этимъ сумасшедшимъ подвигомъ!

— Потомъ онъ поѣхалъ въ этотъ домъ, населенный бѣдняками и тамъ раздавалъ деньги и нѣкоторыхъ взялъ къ себѣ... Затѣмъ только что вотъ вернулся домой, и я видѣла, какъ онъ страдалъ, не будучи въ силахъ избавиться отъ навязчивыхъ образовъ.

— А Нина Александровна?

— Она послала меня къ вамъ.

— Собственно моя роль будетъ состоять въ томъ, чтобы такъ или иначе свезти его въ лѣчебницу. Къ намъ, конечно, нельзя. Во первыхъ, у насъ нѣтъ приличнаго мѣста, и такъ больные сидятъ другъ на другѣ! Эхъ, тоже вотъ! Лѣченіемъ называемъ! Лѣчимъ человѣческую душу казарменнымъ способомъ... а во вторыхъ, всѣ больные, узнавши, что онъ такой же больной, какъ они, потомъ, когда онъ поправится, перестанутъ довѣрчиво относиться къ нему. Мы свеземъ его къ Ризкину, въ его лѣчебницу. Но какъ же я оставлю больницу? Послать за Тетюшинымъ, что ли? Но едва ли онъ дома, едва ли его супружеская вѣрность тянется такъ долго... Вы не можете остаться?

— Нѣтъ, пошлите за Тетюшинымъ. Мнѣ надо быть тамъ. Кромѣ того, я должна домой заѣхать. Сегодня уѣзжаетъ, а можетъ быть уже уѣхала Строева. И еще... Еще есть дѣло...

Послали за Тетюшинымъ и въ это время говорили о Барвинскомъ.—Да, говорилъ Сторѣцкій,— мнѣ страшно жаль его головы. Бѣдняга, онъ самъ мнѣ говорилъ, что послѣ каждаго рецидива, а ихъ было уже три — его умъ теряетъ извѣстную долю легкости и быстроты. Жаль, у него доброкачественная голова. А всетаки вы поступили дурно, что не сказали мнѣ утромъ. Для такихъ состояній лишній день на волѣ, это—на нѣсколько недѣль затяжка болѣзни.

— Я не могла.

— Почему?

— Такъ, просто—не могла.

— А я вамъ всетаки дамъ бромистаго натра! Право, вамъ не вредно.

Она не противилась. Сторѣцкій досталъ изъ ящика стола порошокъ, растворилъ его въ полустаканѣ воды и далъ ей выпить. Скоро явился Тетюшинъ.

— Охъ, милый, ты меня прямо съ брачнаго ложа поднялъ!— воскликнулъ Тетюшинъ, входя въ комнату, но, увидѣвъ Надежду Ивановну, сконфузился и прикусилъ обѣ губы. — Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ, что у тебя дама! Въ чемъ дѣло?

— А въ томъ, что Антонъ Михайловичъ боленъ. Я къ нему ѣду, а ты останься въ больницѣ.

— Какъ? Это серьезно? Что же съ нимъ? Неужели это?— онъ указалъ на лобъ.

— Это самое. Но послѣ разскажу. До свиданія.

Сторѣцкій и Надежда Ивановна скоро собрались и уѣхали. Во время пути Сторѣцкій разсказывалъ ей о прежнихъ годахъ Барвинскаго. Это былъ бѣднякъ, хорошій товарищъ, но человѣкъ съ упорнымъ самолюбіемъ, который все бралъ съ бою и поставилъ цѣлью добиться каѳедры. Въ академіи остаться ему помѣшали интриги, хотя онъ заслуживалъ этого. Первое время онъ даже велъ борьбу, а потомъ, убѣдившись, что ничего не подѣлаешь, онъ рѣшился выдвинуться на частномъ поприщѣ. Но вотъ, онъ заболѣлъ, у него сдѣлался первый припадокъ и ужъ послѣ этого въ немъ произошла радикальная перемѣна. Болѣзнь странно подѣйствовала на его характеръ, онъ лишился упорства и какъ будто махнулъ рукой. И вотъ теперь вопросъ ученаго самолюбія для него уже совсѣмъ не существуетъ; онъ примирился съ долей частнаго ординатора въ частной больницѣ и рѣшилъ, что все это суета. Можетъ быть, на него такъ повліяла женитьба, которая дала ему средства...

— Ахъ, да, перебилъ самъ себя Сторѣцкій,—вы вѣдь хотѣли заѣхать къ себѣ! здѣсь въ двухъ шагахъ Конюшенная.

— Да, на одну минуту.

— Ну, я васъ ссажу, а самъ поѣду. Вы пріѣдете потомъ. Такъ вы говорите, что у нихъ тамъ цѣлый пансіонъ?

— Да, пансіонъ для бѣдныхъ.

— Странное выраженіе сумасшествія! А вы, не бойсь, восторгались его геройствомъ, пока не догадались, что передъ вами сумасшедшій! Ну, вставайте. Да пріѣзжайте; вы будете нужны Нинѣ Александровнѣ. Она, я думаю, сбилась съ ногъ и потеряла голову...

— Представьте, нисколько! У нея видъ спокойнѣе и лучше, чѣмъ всегда.

— Но это такъ кажется. Вы ея не знаете. А, впрочемъ,

можетъ быть, отъ долговременнаго сожитія и она немножко того... До свиданія!—Онъ уѣхалъ.

Надежда Ивановна поднялась къ себѣ. На звонокъ быстро прибѣжала Генріета.

— Уѣхала Ольга Сергѣевна?—спросила Надежда Ивановна.

— Ты съ ума сошла! Я уѣду, не повидавшись съ тобой!—крикнула ей Строева изъ второй комнаты.—Да и мальчишка то твой что то неважно ведетъ себя. Температура поднялась и бредъ усилился.

— Не ошиблись ли мы?

— О, нѣтъ. Чистѣйшее воспаленіе легкаго. Вѣдь онъ съ недѣлю пролежалъ въ сырости.

Онѣ одновременно вошли въ гостиную, Строева изъ спальни, Надежда Ивановна изъ передней.

— Такъ ты осталась! Ну, спасибо, милый другъ,—сказала Надежда Ивановна и, подойдя къ ней, взяла ея обѣ руки.—Я ѣздила къ Сторѣцкому. Онъ поѣхалъ туда... Антонъ Михайловичъ совсѣмъ плохъ... Онъ уже потерялъ разумъ... Сейчасъ вѣроятно его свезутъ въ лѣчебницу. Ахъ... Впрочемъ, все тебѣ послѣ разскажу. Теперь не въ состояніи.

— Постой, постой! Милый другъ, да на тебѣ лица нѣтъ! Ты похудѣла за эти нѣсколько часовъ.

Надежда Ивановна пошатнулась; она хотѣла что то сказать, но только сдѣлала жестъ рукой и свалилась Строевой на руки.

— Ну, народъ!—молвила Строева, осторожно ведя ее въ кресло.

Она усадила ее, отыскала нашатырный спиртъ и дала ей понюхать. Это не былъ обморокъ. Надежда Ивановна не потеряла сознанія, она просто ослабѣла. Чрезмѣрное нервное волненіе, тянувшееся безъ ослабленія полъ сутокъ, теперь дало себя знать.

Ей было тяжело дышать, пришлось разстегнуть платье. Мальчикъ въ сосѣдней комнатѣ кашлялъ, нельзя было отворить форточку.

— Ну, что же съ нимъ?—спрашивала Строева, когда Надежда Ивановна оправилась.

— Я сейчасъ туда поѣду.

— Ну, нѣтъ, ужъ на этотъ разъ я не пущу тебя. Изволь раздѣться и въ постель. Я тебя устрою на диванѣ, а сама посижу съ мальчикомъ.

— Ты думаешь, что я останусь? Нѣтъ, я не могу остаться Тамъ я нужна...

— Ему?

— Нѣтъ, къ нему поѣхалъ Сторѣцкій. Я ей нужна. У нея полонъ домъ нищихъ, они уступили имъ всѣ комнаты, кромѣ кабинета, гдѣ онъ; и она одна на весь домъ. Она и

такъ, бѣдняжка, страдаетъ оттого, что онъ боленъ, а еще эти заботы...

— Полонъ домъ нищихъ? Что же это значитъ?

— Онъ навезъ. Онъ отдаетъ имъ все...

— Какъ это странно!

— Это все равно... Я отдохну десять минутъ и поѣду; я тамъ нужна...

— Если такъ и если ты чувствуешь силы, то поѣзжай, я не смѣю держать тебя... Но берегись, Надежда Ивановна, ты сама Богъ знаетъ въ какомъ состояніи.

— Нѣтъ, я здорова. О, я слишкомъ здорова!

— Ну, я этого не нахожу. Оказывается, что и у тебя есть склонность къ сумасшедшимъ идеямъ.

— Ты присмотришь за мальчикомъ?

— А ты на него и не взглянула.

— Ахъ, Ольга Сергѣевна, вѣдь я знаю, что на тебя можно положиться; къ чему этотъ формализмъ? Нужны мы одинаково и тамъ и здѣсь, ты будешь здѣсь, я тамъ. Генріета, помогите мнѣ одѣться. Я вернусь только завтра... Ты не безпокойся.

Она одѣлась, Строева сказала: —но уже завтра я непремѣнно уѣду.

— Да, да. Завтра ты уѣдешь, конечно... Прощай.

— Береги себя, Надежда Ивановна.

— Не бойся, я такъ здорова, что меня на все хватитъ.

Она уѣхала. А Генріета смотрѣла на нее съ непритворнымъ изумленіемъ; она привыкла видѣть свою барыню спокойной, холодной, невозмутимой и вдругъ такая нервность, такое оживленіе. Она ничего не понимала.

XIV.

Между тѣмъ въ домѣ Барвинскихъ совершались важныя событія.

Сторѣцкій вошелъ въ кабинетъ, когда Антонъ Михайловичъ лежалъ на диванѣ, а Нина Александровна сидѣла около него въ креслѣ и читала ему газетную статью. Онъ старался вникнуть въ слова, дѣлая страшное усиліе, но неотразимые образы окружали его толпою. Онъ уже не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Онъ зажмуривалъ глаза, закрывалъ уши, но безпокойство его росло, грудь тяжело вздымалась, сердце сильно колотилось.

Онъ порывисто привсталъ на диванѣ.—Ну, не читай... Это безполезно... Впрысни мнѣ морфій... Я хочу уснуть. Я долженъ, я долженъ уснуть... Иначе я умру.

— Что, дружище,—сказалъ вошедшій въ это время Сторѣцкій.—Дѣло наше дрянь?

Нина Александровна поднялась и со страхомъ посмотрѣла на Сторѣцкаго. Она не знала, какъ отнесется Антонъ Михайловичъ къ такому прямому вопросу.

— Да,—отвѣтилъ Барвинскій, повидимому обрадовавшійся его приходу,—дай ты мнѣ заснуть... Мнѣ надо забыться, мнѣ надо забыться...

— Поѣдемъ на свѣжій воздухъ,—предложилъ Сторѣцкій.

— Гм... Вы забываете, что я тоже психіатръ и знаю всѣ ваши штуки. На свѣжій воздухъ это значитъ въ клѣтку! Да, я самъ хочу этого,—поѣдемъ. Только мнѣ надо заснуть.

— Отлично! Тамъ и заснешь...

— Да вѣдь не къ чему!—сказалъ Барвинскій,—все равно придется кончить...

— Что кончить?

— Жизнь...

— Антонъ, не говори такъ... Слушайся доктора!—сказала Нина Александровна.

— Я слушаюсь, малютка... Вы думаете, что вы одни здѣсь? Греческій монахъ, пѣхотный юнкеръ, змѣйка и еще что-то вродѣ крокодила. Ахъ, какая безсмыслица. Точно я въ куклы играю...

— Ѣдемъ, Антонъ Михайловичъ!

— Въ вашу крысоловку?

— Нѣтъ, мы къ намъ не поѣдемъ, мы къ Ризкину.

— А, это благородно! Ризкинъ благородный человѣкъ! Онъ, кажется, деретъ по двѣсти пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ? Ты, малютка, оставайся дома. Тебѣ тамъ нечего дѣлать.

— Нина Александровна завтра пріѣдетъ туда.

Сторѣцкій приложилъ руку къ его лбу.—У тебя лихорадка!—сказалъ онъ,—закутайся хорошенько. Нельзя ли въ каретѣ?

— Да, я уже велѣла карету...—сказала Нина Александровна.

— Ну, скорѣй же, скорѣй!—какъ то слишкомъ нетерпѣливо заговорилъ Антонъ Михайловичъ, и глаза его при этомъ засверкали.—Мнѣ это надоѣло. Вообще вы мнѣ всѣ надоѣли!

У Нины Александровны лицо было блѣдно, вытянуто и принужденно-спокойно. Она принесла въ кабинетъ шубу и помогала ему надѣть. Сторѣцкій надѣлъ пальто.

Онъ взялъ Барвинскаго подъ руки и вывелъ на лѣстницу. Онъ тихонько шепнулъ Нинѣ Александровнѣ:

— Я вернусь къ вамъ. Я его отвезу въ лѣчебницу доктора Ризкина. Она прекрасно устроена. Тамъ ему будетъ хорошо. Я вернусь часа черезъ полтора.

— Антонъ!—нерѣшительно произнесла Нина Александровна, желая съ нимъ проститься. Но онъ не оглянулся. Онъ торопливо сходилъ съ лѣстницы, и наконецъ они исчезли въ дверяхъ.

«Теперь я для него уже не существую»!—подумала Нина Александровна. Она шатаясь пошла въ квартиру.

Всѣ силы, пришедшія у нея въ такое страшное напряженіе, какъ будто разомъ оставили ее. Она ухватилась за дверь и, оставивъ ее отворенною, едва двигая ногами, придерживаясь то за вѣшалку, то за стѣну, добралась до кабинета и повалилась на диванъ. Тутъ она потеряла сознаніе.

Въ квартирѣ было тихо. Во всѣхъ комнатахъ новые жильцы заснули. Можетъ быть, никогда не спали они такимъ спокойнымъ и сладкимъ сномъ, какъ въ эту ночь, въ тепло натопленномъ домѣ, на мягкихъ постеляхъ, сытые, безъ мучительной необходимости думать о завтрашнемъ днѣ. Только въ спальнѣ разслабленный молодой человѣкъ отъ времени до времени покашливалъ. Прислуга тоже, почувствовавъ возможность отдохнуть, скоро улеглась.

Надежда Ивановна, позвонивъ у подъѣзда и ни о чемъ не спросивъ заспаннаго швейцара, прошла наверхъ, но остановилась передъ растворенной дверью. Передняя была освѣщена горящей лампой. Ее поразила тишина.

«Что это значитъ? думала она. Неужели они всѣ заснули? Но почему дверь отворена?»

Она вошла, сняла шубу и повѣсила ее на вѣшалку. Она замѣтила, что въ передней нѣтъ мужскихъ галошъ. Можетъ быть, Сторѣцкій по дорогѣ куда нибудь заѣхалъ? но это было бы странно. Вездѣ двери были притворены, только изъ кабинета была оставлена щель. Тамъ было свѣтло.

Она нерѣшительно пріотворила дверь и остановилась на порогѣ.

— Нина Александровна!—прошептала она, но отвѣта не получила.—Нина Александровна!

«Она спитъ»,—подумала она и подошла ближе. Свѣтъ отъ лампы падалъ на лицо Нины Александровны. Лицо ея было мертвенно блѣдно, но она въ самомъ дѣлѣ спала. Обморокъ, въ который она впала послѣ страшнаго нервнаго напряженія, перешелъ въ сонъ, и спала она крѣпко.

Надежда Ивановна рѣшила не будить ее. Она тихонько подошла къ креслу у стола, сѣла и начала соображать, что здѣсь случилось? И вдругъ для нея стало совершенно ясно, что Сторѣцкій увезъ Антона Михайловича въ лѣчебницу, какъ собирался.

— Что-жъ, — подумала она, — можетъ быть, я здѣсь вовсе не нужна теперь?

Но она тутъ же возразила себѣ: «А ей? Вѣдь она теперь безъ силъ. Я видѣла, какое усиліе она дѣлала, чтобы казаться спокойной. А тамъ вѣдь полонъ домъ жильцовъ».

И она рѣшила, что останется, но ни за что не разбудитъ Нину Александровну.

Она подумала, что ей лучше выйти изъ кабинета, и перешла въ столовую. Здѣсь были остатки чаю. На столѣ стоялъ еще теплый самоваръ и закуски.

Она машинально налила себѣ чашку чаю и стала ѣсть что-то, но вдругъ поймала себя на этомъ и усмѣхнулась: какъ странно ѣсть и пить при такихъ обстоятельствахъ! Да ей и не хотѣлось ни того, ни другого. Просто вся душа ея ушла въ другіе интересы, а руки, привыкшія при видѣ самовара возиться съ чаемъ, при видѣ закусокъ тянуться къ нимъ, сами все это сдѣлали.

Но у нея было достаточно времени и возможности подумать обо всемъ, что произошло въ этомъ домѣ. Теперь все въ немъ отдыхаетъ, странно отдыхаетъ въ тотъ моментъ, когда несчастье дошло до своей высочайшей точки. Онъ сошелъ съ ума, онъ, который былъ душой этого дома, онъ, цѣль всѣхъ стремленій цѣлой жизни этой маленькой женщины, которая такъ много хлопотала, старалась выполнять всѣ его безумные капризы, онъ, опять таки по капризу, безумному капризу котораго наполнился этотъ домъ посторонними людьми, несчастными, которые одиноко страдали въ своихъ канурахъ, безъ дружеской заботы, безъ помощи...

И они всѣ забылись глубокимъ сномъ и ничего не слышатъ и не видятъ. Вотъ и она отдыхаетъ. А для нея онъ былъ нѣчто, можетъ быть, не менѣе значительное, чѣмъ для той женщины, которая отдала ему всю жизнь. А она сидитъ теперь въ столовой и пьетъ чай и ѣстъ. Какъ это странно, неестественно, нелогично! Его увезли куда то, признавъ совсѣмъ больнымъ, негоднымъ. А она осталась зачѣмъ то здѣсь.

И какъ все вдругъ оборвалось! Нѣсколько часовъ тому назадъ, когда онъ былъ съ нею, она, покорная его безумію, безразсчетно отдавала свои силы на помощь бѣднымъ, страждущимъ, не думая ни о времени, ни о здоровьѣ, ни о столь легкой возможности заразы и смерти. Его безуміе вызвало въ ней энергію, способность идти напроломъ, рисковать для другихъ жизнью...

Но безуміе исчезло съ нимъ, и она уже не та, она здѣсь, а не въ томъ домѣ, наполненномъ несчастными, здѣсь, въ теплой квартирѣ, за чайнымъ столомъ. Ей хочется отдыха, покоя и туда уже не манитъ ее, не влечетъ такъ неудержимо, какъ прежде. Значитъ, все было въ немъ, и онъ увезъ это все, эту силу, способную подвигать на дѣло, на подвигъ, онъ увезъ вмѣстѣ съ своимъ безуміемъ. Какая страшная истина! Отъ этой истины можно сойти съ ума!

Она утомилась, но не рѣшалась прилечь и заснуть. Въ

домѣ все спитъ. Кто-нибудь долженъ бодрствовать и быть насторожѣ.

Нина Александровна, очевидно, заснула нечаянно, противъ воли, подчиняясь обезсилившей ее нервной усталости, но она еще не дошла до этого.

Она выпила чай и опять тихонько вошла въ кабинетъ. Нина Александровна по прежнему спала глубокимъ сномъ.

Надежда Ивановна подошла къ столу. Большой средній ящикъ стола былъ выдвинутъ. На столѣ лежала, очевидно, вынутая изъ него папка, наполненная клочками исписанной бумаги. Сверху была надпись: «матеріалы для моей диссертаціи», а внизу стояли слова: «передать Н. И».

Она въ первую минуту не обратила на это вниманія. Мало-ли какія помѣтки могъ онъ сдѣлать. «Н. И.» для нея ничего не говорило.

Она машинально раскрыла папку и перебирала клочки бумаги. Они были исписаны характернымъ отрывистымъ почеркомъ Антона Михайловича, и тутъ ей почему то пришелъ въ голову недавній разговоръ съ нимъ въ больницѣ, когда онъ сказалъ, что она выполнитъ его работу. Она опять посмотрѣла на обложку и теперь буквы «Н. И.» показались ей ясными. Онѣ означали—Надежду Ивановну, то есть ее.

Сопоставивъ тотъ разговоръ съ этой надписью, она сочла себя въ правѣ разсмотрѣть подробно папку; но здѣсь это было неудобно дѣлать, она взяла ее и перешла въ столовую, а дверь въ кабинетъ притворила, оставивъ только маленькую щелку.

И вотъ въ то время, какъ въ домѣ все спало, она углубилась въ бѣглое изученіе матеріала, собраннаго Антономъ Михайловичемъ для его диссертаціи. Чѣмъ больше она углублялась, чѣмъ толще становилась куча уже прочитанныхъ ею листовъ, тѣмъ сильнѣе она поражалась однимъ обстоятельствомъ: всѣ факты, записанные Антономъ Михайловичемъ, всѣ тонкія соображенія и выводы касались той самой болѣзни, которой страдалъ онъ самъ.

И это былъ дѣйствительно богатый матеріалъ, какого она еще не встрѣчала ни въ одной книгѣ. Наблюденія были обставлены тщательно и строго провѣрены. Она быстро пробѣгала листы и тутъ она поразилась еще больше. Послѣднія наблюденія его были взяты прямо изъ его болѣзни. Подробно были записаны всѣ его ощущенія. Онъ записывалъ ихъ въ то время, какъ испытывалъ. На каждомъ шагу встрѣчались выраженія: «я вижу... я чувствую... мнѣ кажется... я перемѣняю позу...» Сюда вошли змѣйка и греческій монахъ, и пѣхотный юнкеръ.

Но вотъ нѣсколько строкъ, написанныхъ другой рукой. Чья

бы это? Она вспоминала. Да, это рука Нины Александровны. Она записывала попорядку, какъ будто чей то разсказъ. Онъ диктовалъ ей, а она покорно писала. А вотъ фраза, записанная имъ самимъ, и около нея сбоку надпись: «явилось во время сна».

Въ передней послышались осторожные шаги. Можетъ быть, проснулась Нина Александровна? или она тоже забыла запереть дверь?

Оказалось послѣднее, она тревожно поднялась и пошла къ порогу передней. Тамъ, стоя на цыпочкахъ около вѣшалки, возился съ своей шубой Сторѣцкій.

— Вы вернулись уже?—съ изумленіемъ спросила она его.— Развѣ прошло такъ много времени?

— Ахъ, это вы?—воскликнулъ Сторѣцкій,—а она... Она уснула?

— Да, я застала ее спящей...

— Отлично, такъ и надо. Я боялся, что она упадетъ замертво. Эти тлѣющіе костры опаснѣе ярко пылающаго пламени... У нихъ вся работа внутри... Тамъ у нея все потихоньку подгораетъ и въ одинъ прекрасный день оказывается, что все сгорѣло и капутъ.

Онъ говорилъ шопотомъ. Покончивъ съ шубой, онъ вошелъ въ столовую.

— А пансіонеры тоже спятъ?—спросилъ онъ.

— Всѣ спятъ. Который же теперь часъ?

— Теперь, матушка моя, четыре часа утра. Уже забрежжилъ свѣтъ.

— Что же вы съ нимъ сдѣлали?

— Ну, что-же, завезъ на Неву, убилъ его и спустилъ въ прорубь...

— Вы способны шутить?

— Всегда. Если бы Господь Богъ лишилъ меня этой способности, я давно висѣлъ бы на веревочкѣ, подъ перекладиной, съ высунутымъ языкомъ.

Онъ сѣлъ и прибавилъ:—Адски усталъ и намерзся. Въ общей сложности верстъ двѣнадцать отмахалъ. У васъ, кажется, есть чай?

— Почти холодный.

— Ничего. Онъ будетъ согрѣтъ вашимъ присутствіемъ. Налейте-ка!

Она налила ему чаю.

— Ну, денекъ!—сказалъ Сторѣцкій, прихлебывая чай изъ стакана:—оно бы лучше стаканъ пива, ну, да ужъ Богъ съ нимъ! Измучилъ онъ меня за дорогу. Всю дорогу доказывалъ, что я подлецъ и негодяй, но я, разумѣется, ему не повѣрилъ. Отвезъ его къ Ризкину и устроилъ тамъ его по цар-

ски. При этомъ, разумѣется, Ризкину доставилъ величайшее удовольствіе.

— Какимъ образомъ?

— Но какъ же, голубушка? Эхъ, вижу, что вы жизни не знаете. Видный психіатръ съ ума сошелъ, ну, однимъ опаснымъ конкуррентомъ меньше стало!

— О, какъ вамъ не стыдно говорить это?

— Стыдно, стыдно! Я пошутилъ! Что это у васъ за фоліантъ?

— Это... это я нашла на столѣ, въ кабинетѣ. Это его работа.

— Къ диссертаціи?

— Да... Онъ собирался кончить ее.

— Ничего, мы его скоро отходимъ. У него на этотъ разъ острая форма. Очень ужъ быстро онъ дошелъ до конца. Когда я его привезъ, онъ уже былъ совсѣмъ готовъ. А это даетъ надежду на то, что это скоро пройдетъ. Я думаю, недѣли черезъ три опять вмѣстѣ съ нимъ поѣдемъ на Крестовскій.

— Послушайте... Я давно хотѣла вамъ сказать. Вы самый благоразумный изъ его пріятелей; неужели вы не можете повліять такъ, чтобы эти попойки, которыя для него гибельны, не повторялись?

— Э, да къ чему, матушка моя?

— Вѣдь это сокращаетъ жизнь.

— Ну и пусть его сокращаетъ. Жизнь, я вамъ скажу, такая скучища, что чѣмъ она короче, тѣмъ лучше. Вы подумайте, что мы въ жизни видимъ? Одно несчастье. Сегодня бурное несчастье, завтра тихое, послѣ завтра блаженное! О, чортъ возьми, это наконецъ становится невыносимымъ! Я завидую Антону Михайловичу.

— Завидуете ему?

— Ну, да. У него по крайней мѣрѣ есть свѣтлые промежутки, когда онъ ничего этого не видитъ и не слышитъ—живетъ себѣ въ безобидной сферѣ какихъ-то безвредныхъ змѣекъ, греческихъ монаховъ, пѣхотныхъ юнкеровъ. Я хотѣлъ бы хоть недѣлю пожить въ этомъ обществѣ. Боже мой, мы ничего не видимъ, кромѣ сумасшествія! Ужъ я не говорю о больныхъ, которые такъ и называются больными, но въ каждомъ изъ тѣхъ, что свободно ходятъ по улицѣ или важно засѣдаютъ въ судѣ, въ думѣ, въ ученомъ обществѣ, или наслаждаются жизнью въ дорогомъ ресторанѣ и прочее и прочее, я моими особыми глазами психіатра, этой проклятой спеціальности—вижу сумашедшую сторону! У каждаго есть какое нибудь безуміе. Вотъ вы, голубушка, у васъ такъ ярко выражено безуміе, что хоть въ женскую палату...

— У меня?

— Еще бы! Вы ищете идеала въ помойной ямѣ! Развѣ это не безуміе? Ну, вотъ оно и сказалось: вы нашли его въ сумашедшихъ подвигахъ галлюцината!

— Такъ что самоотверженіе, способность къ подвигу, по вашему, могутъ быть только продуктомъ галлюцинацій?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Какіе тамъ подвиги, душа моя, когда мы, люди, по натурѣ нашей скотѣе скотовъ и животнѣе животныхъ? Какіе тутъ подвиги, какіе тутъ идеалы? Каждый кушай свою порцію супа и мяса и занимайся своею спеціальностью...

— Не будемъ говорить объ этомъ, Григорій Игнатьевичъ!

— Ну, не будемъ, коли неохота! Только это плохое доказательство вашей правоты. Ахъ, ахъ, ахъ! пять часовъ! Я думаю, Тетюшинъ тамъ уже проклялъ насъ. Ну, такъ и быть, даже проклятымъ быть пріятно въ обществѣ съ такой милой особой, какъ вы. А что ваша Строева, осталась?

— Да, поневолѣ.

— У васъ тоже, кажется, есть пансіонеръ?

— Да, есть. Вы хорошо сдѣлаете, если заѣдете посмотрѣть его. У него воспаленіе легкаго.

— Ахъ, я думаю, въ одинъ прекрасный день мы всѣ разомъ сойдемъ съ ума! О, это будетъ самый веселый день въ нашей жизни! Вы здѣсь останетесь?

— Да, до утра.

— Завтра въ больницу не придете?

— Нѣтъ, извинитесь передъ Семеномъ Ивановичемъ.

— Его ужъ нѣтъ и все сокрылось!.. А? Ахъ, сердечный народъ эти женщины!.. Я завтра всетаки заѣду сюда. Я думаю, что этотъ домъ начнетъ теперь регулярно производить сумаешедшихъ.

Онъ всталъ.—Поѣду, отпущу Тетюшина.

— Но вы не сказали, какъ и когда можно видѣть Антона Михайловича!

— Видѣть можно каждый день. Вѣдь психіатръ, когда сходитъ съ ума, пользуется особыми привилегіями въ домѣ сумасшедшихъ, все равно, какъ инженеры даромъ ѣздятъ въ первомъ классѣ... Но это безполезно. Онъ ничего теперь не признаетъ. Это будетъ длиться по крайней мѣрѣ дней десять, а потомъ смягчится.

— Слушайте, скажите мнѣ ваше мнѣніе. Правда, что каждый такой рецидивъ пагубно вліяетъ на умственныя способ ности?

— Печальная правда, мой другъ. Еще такихъ три-четыре припадка—притомъ же они будутъ учащаться—и нашъ милый остроумный Антонъ Михайловичъ въ подметки не будетъ годиться тупому красавцу Черницыну...

— Это ужасно!

— Вы боитесь, что онъ тогда не будетъ годиться въ герои романа? Ничего, пока это случится, вы успѣете совершить завязку и развязку; на вашъ вѣкъ хватитъ его.

Онъ поцѣловалъ ей руку и тихо вышелъ въ переднюю.

— Вы ее не будите ни въ какомъ случаѣ. Я думаю, что она будетъ спать около 24 часовъ, и пусть спитъ. Это одно можетъ предохранить ее отъ сильнаго умственнаго потрясенія. Ну, прощайте, прекрасная коллега! Нѣтъ, знаете, съ тѣхъ поръ, какъ завелись у насъ женщины-врачи, нашему брату веселѣй жить стало. Всетаки, знаете, среди скучной практики нѣтъ-нѣтъ, да и воззрятъ на тебя прекрасные глазки... Хотя-бы даже и такъ сердито, какъ ваши сейчасъ... Вотъ вамъ и доказательство пользы женскаго медицинскаго института!..

Онъ ушелъ. Надежда Ивановна заперла двери и вернулась въ столовую. Изъ маленькой комнатки послышался кашель разслабленнаго молодого человѣка; затѣмъ опять все стихло.

XV.

Она не замѣтила, какъ прошло время и пробило восемь часовъ. Предательскія шторы, плотно закрывшія окна въ столовой, не пропускали свѣта, и она, погруженная въ записки Антона Михайловича, постоянно прерывая свою работу обсужденіями его наблюденій, не слышала, какъ били часы. Въ головѣ ея зарождался планъ книги. Она мысленно распредѣляла матеріалъ и дѣлала выводы.

Когда пробило восемь часовъ, въ домѣ началось движеніе. Въ кухнѣ проснулась горничная, поставила самоваръ и, когда пришла въ столовую, чтобы приготовить посуду, искренно удивилась, даже испугалась, увидѣвъ Надежду Ивановну.

Вообще теперь у прислуги былъ испуганный видъ. Въ этомъ домѣ все шло необыкновенно правильно. Нина Александровна старательно поддерживала порядокъ. Съ прислугой она держалась всегда ровно, никогда никакихъ инцидентовъ не было. Антонъ Михайловичъ совсѣмъ не вмѣшивался въ эту часть.

И въ домѣ былъ всегда такой порядокъ, который со стороны даже производилъ нѣсколько тяжелое впечатлѣніе. Въ кухнѣ говорятъ тихо, барыня никогда не скажетъ лишняго слова. За неисправность не бранится, не раздражается, а только окатитъ такимъ взглядомъ, что прислуга въ другой разъ сама остерегается.

И вдругъ точно все свихнулось. Въ домѣ появились посторонніе личности, какіе-то нищіе, больные, калѣки. Самъ ба-

ринъ велъ себя странно, гости вродѣ Сторѣцкаго и Надежды Ивановны стали являться ночью. Барыня была встревожена, блѣдна, иногда ее находили плачущей и, наконецъ, барина увезли куда-то. Это такъ не походило на обычные порядки въ домѣ.

— Ахъ, это вы, барыня?—сказала горничная,—а наша барыня еще спитъ?

— Да, Нина Александровна спитъ въ кабинетѣ, и вы ходите потише и не будите ее—она бѣдная измаялась.

— Что это съ бариномъ случилось?—полюбопытствовала горничная.

— Антонъ Михайловичъ боленъ, его увезли въ больницу.

— Больницу! Господи ты Боже мой! Что-жъ за болѣзнь такая?

— У него нервная болѣзнь. Это пройдетъ! Недѣли черезъ три онъ будетъ здѣсь совсѣмъ здоровый!

— Вотъ, барыня, я еще хотѣла васъ спросить,—шопотомъ говорила горничная,—что это у насъ за народъ такой? откуда онъ у насъ набрался?

— Просто несчастные люди! Антонъ Михайловичъ и Нина Александровна пожалѣли ихъ, захотѣли помочь имъ.

— А прежде этого не бывало!

— Ну, значитъ, случайно не встрѣтили такихъ, а теперь вотъ встрѣтили.

Но горничная этимъ объясненіемъ не удовлетворилась; она смотрѣла всетаки съ недовѣріемъ.

Вотъ уже самоваръ на столѣ; подали хлѣбъ, масло, сливки. Пробило девять часовъ. А Нина Александровна не просыпалась.

Надежда Ивановна завернула въ кабинетъ, погасила лампу, плотнѣе опустила шторы и совсѣмъ притворила дверь. «Пусть спитъ», тихонько сказала она. Она напилась чаю, позвала горничную и вмѣстѣ съ нею зашла къ импровизированнымъ жильцамъ, опросила всѣхъ, что кому надо, велѣла всѣмъ подать завтракъ и затѣмъ сказала:

— Я ѣду на одинъ часъ, не больше, а вы не запирайте дверь. Надо, чтобъ звонка совсѣмъ не было слышно. Старайтесь быть поближе къ передней, чтобъ никто не звонилъ,—ни почтальонъ, ни больные, которые могутъ спрашивать барина. Ходите совсѣмъ тихо, говорите шопотомъ. Нина Александровна очень устала, она должна поспать какъ можно дольше.

Потомъ она зашла въ кабинетъ и въ полумракѣ еще разъ взглянула на Нину Александровну. Ея обыкновенно блѣдныя щеки покрылись неровнымъ пятнистымъ румянцемъ. Большіе глаза были закрыты, грудь глубоко вздымалась правильными

движеніями, сонъ былъ еще глубокъ. Повидимому, она была способна проспать еще много часовъ.

Затѣмъ Надежда Ивановна попросила и «жильцовъ» вести себя какъ можно тише и уѣхала. Она поѣхала домой.

Было около десяти часовъ, когда она вошла въ свою квартиру. Строева уже не спала. Генріета смотрѣла на нее съ какимъ то состраданіемъ: что это сдѣлалось съ ея госпожей, которая вела всегда такой правильный образъ жизни?

— А, бѣглянка! ты таки вспомнила, что у тебя есть домъ!— воскликнула Строева.

— Что мальчуганъ?—спросила Надежда Ивановна.

— Ничего, ничего, у него кризисъ миновалъ. Онъ теперь идетъ на поправку. Я съ нимъ провозилась всю ночь.

— Спасибо тебѣ, дорогая!

Надежда Ивановна поцѣловала ее.

— Что же тамъ у васъ?—спросила Строева.

— Онъ совсѣмъ заболѣлъ.

— Paranoia hallucinata?

— Да, Paranoia hallucinata... какъ сказалъ Сторѣцкій, такъ и есть. Вчера ночью его увезъ Сторѣцкій въ лѣчебницу Ризкина. Здѣсь есть такая частная лѣчебница, очень благоустроенная. И онъ, уѣзжая, уже, кажется, не узналъ Нину Александровну. А она, бѣдная, до того истомилась, что заснула, какъ мертвая, и до сихъ поръ спитъ. Я сейчасъ опять туда поѣду.

— Ты бы лучше переселилась туда!—иронически сказала Строева.

— Не къ чему иронизировать, мой другъ. Тамъ въ самомъ дѣлѣ очень тяжелое положеніе. Домъ полонъ несчастныхъ, а Нина Александровна, я думаю, теперь не способна ни къ какой распорядительности. Ну, гдѣ же мой мальчуганъ?

Надежда Ивановна зашла въ спальню и посмотрѣла мальчика. Онъ встрѣтилъ ее улыбкой. Онъ уже успѣлъ почувствовать и понять, что ему хорошо.

Она теперь въ первый разъ разглядѣла его. Черты лица у него были красивы. Густыя, ровныя, темныя брови, прямой носъ, красивое очертаніе рта и смуглый цвѣтъ лица. На головѣ у него были курчавые, но взбитые, давно нечесанные волосы. Въ глазахъ у него уже не было того смутнаго выраженія, какъ тогда, когда онъ былъ въ бреду.

— Ну, что? тебѣ лучше? — спросила Надежда Ивановна.

— Мнѣ хорошо!—сказалъ мальчикъ и заплакалъ, но видимо не отъ горя.

Она хотѣла погладить его по головѣ, онъ схватилъ ея руку и приложилъ къ ней свои горячія губы.

— Теперь все пойдетъ хорошо! — сказала Надежда Ивановна,—скоро встанешь и будешь бѣгать.

Онъ улыбнулся сквозь слезы.

— А мать?—спросилъ онъ.

— Ей тоже хорошо. Ты скоро увидишься съ нею; только поскорѣй выздоравливай. Я вотъ сейчасъ увижу ее. Кланяться?

Онъ кивнулъ головой. Надежда Ивановна поцѣловала его въ лобъ и вышла къ Строевой.

— Онъ ужасно симпатиченъ! правда?—сказала она.

— О, я ужъ привязалась къ нему. И знаешь, я, кажется, изъ за него не уѣду. Мнѣ какъ то страшно уѣхать, оставивъ его еще въ постели. Тѣмъ больше, что ты какая то сумасшедшая.

— А кто обвинялъ меня въ томъ, что я не умѣю смотрѣть правильными глазами?

— Да, но развѣ я могла думать, что онъ боленъ?

— Ахъ, ну, это все равно! Такъ ты остаешься? ты это рѣшила?

— Да, пока мальчикъ не встанетъ. Я не могу довѣрить его тебѣ.

— Узнаю мою милую, славную, добрую Строеву! Спасибо тебѣ. Ну, давай что нибудь сдѣлаемъ вмѣстѣ. Я пила чай, но съ тобой еще выпью, а потомъ туда...

— Кофе для разнообразія! Кстати, вспомнимъ цюрихскую старину, когда мы по утрамъ пили хорошій нѣмецкій кофе съ чудными швейцарскими сливками!

— Великолѣпно! Генріета, принесите намъ кофе!

XVI.

Когда, часовъ около двѣнадцати Надежда Ивановна пріѣхала на Кирочную, Нина Александровна была уже на ногахъ. Она только что взяла прохладную ванну, чтобы окончательно привести себя въ бодрое состояніе. Лицо ея было блѣдно, но въ немъ не было выраженія застывшаго отчаянія, какъ вчера. Что-то мягкое свѣтилось въ ея глазахъ.

Она пошла ей навстрѣчу и молча крѣпко пожала ей руки.

— Вы хорошо выспались?—спросила ее Надежда Ивановна.

— О, да, благодаря вамъ. А вы, кажется, всю ночь не спали?..

— Мнѣ не хотѣлось. Я просматривала папку... Это ничего?

— Онъ просилъ васъ объ этомъ. Онъ сдѣлалъ эту надпись для васъ. А я васъ ждала!—прибавила она.—Я, конечно, не смѣю просить... Но, если вы можете остаться, то нельзя ли мнѣ уйти?

— Вы хотите прогуляться?

— Отчасти. Но есть и дѣло. Видите ли, нельзя ихъ оставить такъ... Ужъ разъ мы ихъ взяли, то должны устроить ихъ судьбу. Это большое несчастье—жить въ подвалахъ и трущобахъ. Но гораздо большее несчастье—пожить нѣкоторое время въ хорошей квартирѣ и теплѣ и потомъ опять попасть въ трущобу.

— Что же вы хотите сдѣлать?

— Я поѣду за городъ и гдѣ нибудь въ окрестностяхъ подыщу небольшой домикъ. Его можно купить для нихъ. Они будутъ владѣть имъ, какъ общей собственностью. А потомъ надо положить небольшой капиталъ въ банкъ, чтобы они были обезпечены. Я знаю, какъ это дѣлается. Мы такъ поступили уже два раза. Года три тому назадъ въ Кіевѣ... Тамъ онъ тоже заболѣлъ... Потомъ въ Вильнѣ. Вы посидите.

— О, да, конечно.

Надежда Ивановна отпустила ее, а сама вступила въ обязанности хозяйки и вмѣстѣ сестры милосердія. Приходилось вести борьбу съ прислугой, которая тяготилась новыми обязанностями. Кромѣ того, въ числѣ жильцовъ были больные, ихъ надо было осмотрѣть и дать имъ лѣкарство.

Когда въ больницѣ кончился обходъ, часа въ три заѣхалъ Сторѣцкій. Онъ посидѣлъ недолго и сказалъ, что сейчасъ ѣдетъ въ лѣчебницу Ризкина, чтобы узнать, какъ идетъ болѣзнь, затѣмъ обѣщалъ пріѣхать къ обѣду.

Часовъ въ шесть они вошли почти одновременно: Сторѣцкій и Нина Александровна. Сторѣцкій не сообщилъ ничего ни утѣшительнаго, ни угрожающаго. Онъ сказалъ, что Нина Александровна завтра можетъ заѣхать сама туда.

Они сѣли обѣдать. Нина Александровна ничего не сказала о своихъ розыскахъ. Надежда Ивановна спросила ее:—вы нашли что нибудь подходящее?

Она замялась и отвѣтила неопредѣленно:—почти что ничего.

Сторѣцкій заинтересовался.—А вы что искали?—спросилъ онъ.

— Пустяки... Это относится къ хозяйству!—отвѣтила Нина Александровна.

Надежда Ивановна поняла, что она хочетъ сохранить это въ тайнѣ. Сторѣцкій скоро послѣ обѣда уѣхалъ. Его всегда въ этотъ часъ тянуло ко сну. Она разсчитывала сегодня ночевать дома, такъ какъ Нина Александровна казалась ей достаточно бодрой и сильной.

— Вы на меня не сердитесь,—сказала Нина Александровна, когда онѣ въ кабинетѣ усѣлись на диванѣ.—Я не хотѣла при немъ говорить объ этомъ дѣлѣ. Къ чему? Онъ не съумѣлъ бы отнестись къ этому, какъ слѣдуетъ. Я знаю, что вы меня пой-

мете, потому прямо и сказала. Я знаю, что вы дорожите его волей также, какъ и я. А имъ странно, что я привожу въ исполненіе его безумныя желанія. Вамъ это не странно, не правда ли, я не ошиблась?

— Нѣтъ, вы не ошиблись. Для меня только и цѣнны эти безумныя распоряженія и дѣйствія.

Нина Александровна придвинулась къ ней ближе и заговорила голосомъ, въ которомъ слышался какой то новый оттѣнокъ довѣрчивости.

— Да,—задумчиво сказала она,— въ васъ я встрѣчаю перваго человѣка, который также чувствуетъ, какъ я.

— Вы давно замужемъ, Нина Александровна?—спросила ее Надежда Ивановна и сама нѣсколько удивилась этому вопросу, такъ какъ никогда прежде не рѣшилась бы говорить съ нею о ея личномъ дѣлѣ.

— Около четырехъ лѣтъ. Я и встрѣтилась съ нимъ въ періодъ, когда онъ былъ боленъ. Это было въ Кіевѣ. Я гостила у своихъ дальнихъ родственниковъ, а онъ лѣчилъ ихъ и такъ иногда бывалъ. Мнѣ его представили, какъ очень интереснаго, веселаго собесѣдника. Но, когда я пріѣхала и въ первый разъ увидѣла его, у него уже были странные глаза. Онъ говорилъ рѣзко, страстно и всегда такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ всѣхъ оскорбить... Другимъ казалось это страннымъ и поражало... Они привыкли слышать отъ него иныя рѣчи, но меня сразу приковали къ себѣ эти глаза. У него было тамъ хорошее положеніе среди врачей и большая практика. Его пріемные дни всегда собирали десятки больныхъ, большею частью богатыхъ, которые платили ему высокую плату. Я, помню, тоже пришла къ нему въ пріемный день и застала странную сцену. Въ его гостиной было душъ тридцать народу, въ томъ числѣ человѣкъ десять очень состоятельныхъ людей, извѣстныхъ въ городѣ, которые щедро платили. Но преобладали бѣдняки, которые скромно сидѣли по угламъ и ждали очереди, а нѣкоторые даже не рѣшались войти въ гостиную, а ждали въ передней; тѣ, которые были побогаче и могли хорошо платить, послали ему свои карточки. Онъ вышелъ съ растрепанными волосами, съ рѣзкими движеніями и поразилъ всѣхъ грубымъ заявленіемъ, что у него сегодня нѣтъ времени заниматься привилегированными больными.—«Вы требуете первой очереди, говорилъ онъ рѣзкимъ голосомъ, потому что у васъ нашлись карточки, которыхъ у нихъ нѣтъ. Но вы можете оплатить любого врача, вы можете купить цѣлый факультетъ и по цѣлой аптекѣ каждый... Вы ничего не потеряете, если я вамъ откажу». Въ этихъ словахъ, въ этой аргументаціи, какъ и въ глазахъ его, было что-то странное, какъ бы нездоровое. Но я не обратила на это вниманія. Я ничего подоб-

наго еще не слыхала въ своей жизни. Я сказала, что не стану лѣчиться, а прошу позволенія остаться.—Но къ чему? какъ-то презрительно сказалъ онъ и затѣмъ, кажется, забылъ обо мнѣ. Богатые паціенты ушли съ негодованіемъ, и онъ занялся бѣдняками. Это было нѣчто странное, невиданное и несомнѣнно безумное. Онъ даже не звалъ ихъ въ кабинетъ, а разспрашивалъ тутъ же, и страннымъ мнѣ особенно показалось то, что онъ гораздо меньше разспрашивалъ о болѣзни, чѣмъ о положеніи. «Гдѣ вы служите? Сколько зарабатываете? Вы работаете 8 часовъ въ сутки и получаете пятнадцать рублей? ну, вотъ отъ этого у васъ и приключилась болѣзнь. Вы хотите, чтобы я написалъ вамъ рецептъ? Ну, нѣтъ, это ни къ чему. Позвольте мнѣ вмѣсто рецепта предложить вамъ вотъ это: перемѣните квартиру, найдите хорошую кухарку, пусть она покупаетъ вамъ хорошее мясо. У васъ нѣтъ денегъ? Такъ я вамъ дамъ, сколько могу»... Потомъ онъ обращался къ другому, къ третьему, всѣхъ онъ разспрашивалъ, а затѣмъ нѣкоторымъ сказалъ: вѣдь у васъ нѣтъ семьи, такъ вы можете остаться у меня; а другимъ, которые не могли этого сдѣлать, онъ сказалъ: у меня, господа, всѣхъ денегъ около двухъ тысячъ. Я думаю, что будетъ справедливо если вы подѣлите ихъ сами. А, впрочемъ, позвольте... И тутъ онъ изобрѣлъ оригинальный способъ дѣлежа: онъ сосчиталъ, сколько у кого дѣтей и родственниковъ, которыхъ онъ содержитъ; всѣ эти цифры сложилъ и двѣ тысячи раздѣлилъ на эту сумму и потомъ каждому далъ столько частей, сколько у него было людей. Я стояла у окна, пораженная всѣмъ этимъ, онъ не обращалъ на меня вниманія, страшно занятый своимъ дѣломъ; осталось у него пятеро; другіе получили деньги и, пораженные, растерянные ушли. Оставшихся онъ повелъ въ квартиру и показалъ имъ комнаты. Будемъ жить вмѣстѣ! сказалъ онъ имъ, потомъ предложилъ принести свои вещи. Я осталась одна въ гостиной. Онъ вошелъ и опять рѣзко сказалъ мнѣ:—я не могу посвятить вамъ времени! Но онъ, конечно, не зналъ, что во мнѣ происходило. Онъ не зналъ, какъ я была несчастна до встрѣчи съ нимъ. Сколько я выстрадала отъ того, что на каждомъ шагу ошибалась въ людяхъ и разочаровывалась. Я не буду вамъ этого разсказывать, это скучно; при томъ же это похоже на все, что бываетъ съ другими; это у всѣхъ одинаково, да должно быть и у васъ такъ было... Я промолчала, но смотрѣла, не спуская съ него глазъ. Онъ еще разъ повторилъ мнѣ тоже, но уже нѣсколько мягче и какъ бы извиняясь. Вы всегда такой? спросила я.—Къ сожалѣнію, далеко не всегда! О, еслибъ я былъ всегда такой, то меня давно не считали бы пріятнымъ членомъ общества, не принимали бы такъ охотно въ гостиныхъ! Я много задолжалъ!—Кому?—Вотъ этимъ бѣднякамъ! У меня пріемъ отъ

двухъ до шести. Все это время наполняется изслѣдованіемъ этихъ пустыхъ головъ, предусмотрительно посылающихъ мнѣ карточки. Они платятъ мнѣ по десяти, по двадцати рублей и страшно утомляютъ меня. Къ вечеру я уже устаю и не могу больше работать. Я долженъ отказывать этимъ. Для нихъ у меня только два часа въ недѣлю—отъ девяти до десяти утра. Какъ разъ въ это время они добываютъ хлѣбъ. Я страшно задолжалъ имъ! Тутъ онъ позвалъ лакея и приказалъ ему повѣсить на дверяхъ крупную надпись: «принимаютъ только бѣдныхъ и безплатно». Все это поразило меня и съ каждой минутой все больше и больше приковывало меня къ нему. Онъ прибавилъ: Да, я ихъ скоро вылѣчилъ бы всѣхъ, этихъ бѣдняковъ, разстроившихъ себѣ нервы и мозги непосильной заботой о кускѣ хлѣба. Но, къ сожалѣнію, я велъ безобразную жизнь и не съумѣлъ скопить денегъ.—Возьмите у меня!—сказала я. Онъ вскинулъ на меня вопросительные глаза.—У васъ? Сколько же вы можете пожертвовать? (онъ иронически подчеркнулъ это слово) Рублей десять? да?—Сколько хотите, сколько нужно, до тѣхъ поръ, пока это будетъ идти на хорошее дѣло!—сказала я. Опять произошло нѣчто странное. Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и, должно быть, его нервы были въ томъ состояніи, когда онъ умѣлъ видѣть человѣка насквозь, проникать въ его душу. Онъ увидѣлъ въ моихъ глазахъ полную искренность и, ничего не распрашивая, сказалъ:—это хорошо! это превосходно! Давайте работать вмѣстѣ!» И я съ этой минуты почти не покидала его. Я не могу,—продолжала Нина Александровна, въ точности припомнить все, что было. Я сопровождала его по городскимъ окрестностямъ, гдѣ мы розыскивали больныхъ и бѣдныхъ, потомъ въ теченіе дня къ нему валилъ людъ со всѣми болѣзнями, не разбирая и не принимая въ разсчетъ, что онъ невро-патологъ. Онъ съ утра до ночи былъ на ногахъ и ложился спать тогда только, когда уже не въ состояніи былъ стоять на ногахъ. Его энергія усиливалась, становилась какою то несокрушимой. Я уходила поздней ночью домой, къ роднымъ, и изъ дому скрывалась рано, изумляя ихъ этимъ. Но я была самостоятельна, и никто не могъ требовать отъ меня отчета. Такъ длилось дней десять. Я стала замѣчать въ немъ новыя черты. Онъ иногда меня не замѣчалъ. Не слышалъ, что я говорила, вздрагивалъ, когда къ нему обращались. Это было начало, а еще три дня—и онъ уже былъ больной. Тогда онъ остался на моихъ рукахъ. Я не отдала его въ больницу и этимъ порядочно повредила ему... Его лѣчили дома. Онъ проболѣлъ два мѣсяца. Хотя онъ нерѣдко и не узнавалъ меня въ тѣ дни, но все-таки привыкъ ко мнѣ. У него никого не было близкаго и вотъ, когда онъ наконецъ сталъ здоровъ, намъ ничего не оста-

валось, какъ обвѣнчаться. Но Боже! какое страшное испытаніе я перенесла! Какъ только онъ окончательно оправился, онъ сталъ вести ту самую жизнь, какую велъ здѣсь всѣ эти мѣсяцы. Передо мной былъ слабый человѣкъ, покорный рабъ своихъ страстей, которыя были у него болѣзненно обострены и граничили съ порочностью. Его знакомые были мнѣ антипатичны, его вкусы ужасны. Начались кутежи... Доходило даже до оскорбленій, такъ какъ онъ не останавливался передъ близостью съ женщинами, о которыхъ мнѣ страшно вспоминать. Я растерялась, я ничего не понимала. Я любила въ немъ человѣка, казавшагося мнѣ идеальнымъ, такого, какого я такъ долго искала, и вдругъ оказывается, что онъ такой же, какъ всѣ, какими наполнена земля. Я пережила страшное горе. Я, можетъ быть, не перенесла бы его, но воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда я еще не была его женой, помогло мнѣ; были минуты, когда оскорбительный образъ дѣйствій его способенъ былъ оттолкнуть меня отъ него совсѣмъ, и тогда мнѣ являлся тотъ образъ. Черезъ годъ онъ опять заболѣлъ, не такъ ярко это было выражено... и я опять пережила счастье. Опять это былъ новый человѣкъ, идеальный, высокій. Надо пережить это, чтобы понять мои муки. Сознаніе, что только его несчастье, страшная, неизлѣчимая болѣзнь дѣлаетъ его человѣкомъ, а меня счастливой... Вѣдь это ужасно! Онъ, свѣтлый идеалистъ по своимъ убѣжденіямъ, здоровый—не былъ въ состояніи противиться низкимъ требованіямъ натуры и малѣйшимъ соблазнамъ. Онъ былъ слабъ, какъ ребенокъ, когда-же къ нему приходила болѣзнь, его нервы напрягались, у него являлся характеръ, упорство, онъ разомъ побѣждалъ свои слабости, становился закаленнымъ и дѣлался самъ собой. Моя жизнь превратилась въ какое то томительно-сладкое ожиданіе сладкаго несчастья, которое вмѣстѣ съ тѣмъ одно только способно было сдѣлать меня счастливой. Да, и въ то же время я этого страшилась, потому что для него же это было страданіемъ! Я страшилась малѣйшаго излишества и должна была оберегать его отъ нихъ. Потомъ это еще случилось въ Вильнѣ и, наконецъ, вотъ здѣсь. Но теперь у меня явился какой то новый, непонятный страхъ передъ будущимъ. Въ его отрывочныхъ словахъ было что то новое. Я боюсь, боюсь...

— Чего вы боитесь, Нина Александровна?

— Мнѣ страшно вымолвить... я не скажу. Но мнѣ во всемъ этомъ чувствуется что то мрачное, безъисходное. Эти слова, эти распоряженія, эти надписи,—хотя-бы эта, что онъ сдѣлалъ для васъ на папкѣ...

— Это было только мрачное настроеніе.

— Нѣтъ, онъ всегда вѣрилъ въ будущее, даже въ самыя мучительныя минуты, а теперь... Я страшусь... У меня нѣтъ

ничего, кромѣ этого... Этихъ немногихъ дней, когда онъ честенъ и силенъ... Когда онъ человѣкъ!—прибавила она раздумчиво, какъ бы уже только про себя.

Потомъ она помолчала и вновь заговорила уже другимъ тономъ.—Я вамъ надоѣла? Вамъ пора ѣхать домой... Я знаю, вѣдь у васъ больной мальчикъ... Мнѣ какъ то вскользь сказалъ это Антонъ... Слушайте, я еще хочу попросить у васъ прощенія.

— За что, Нина Александровна?

— За то, что я смотрѣла на васъ, какъ на другихъ... Я не довѣряла вамъ и, простите, я вамъ все скажу. Вашу привязанность къ нему я объясняла просто, какъ пошлую интригу, жажду романическаго приключенія. Я увидѣла, что неправа, нѣсколько дней тому назадъ; изъ чего, это вы сами знаете. Я теперь знаю, что вы любите въ немъ тоже, что и я. Я знаю, что вы тогда, въ тѣ дни... Вотъ, когда у насъ былъ обѣдъ и въ другіе, были также несчастны, какъ и я, и что вы теперь также осиротѣли... Не правда-ли?

Надежда Ивановна вздохнула и крѣпко пожала ея руку. Она сказала:—Спасибо вамъ за это!—Потомъ она поднялась.—Да, я поѣду домой. Тамъ Строева у меня. Она привязалась къ ребенку и изъ-за него осталась. Завтра утромъ я опять буду здѣсь,—вамъ одной не справиться.

— Да, вотъ что,—на счетъ домика. Я вѣдь почти присмотрѣла его. Если у васъ будетъ охота, мы завтра вмѣстѣ съѣздимъ и посмотримъ. Я бы хотѣла, чтобы тамъ у каждаго изъ нихъ былъ самостоятельный уголокъ и чтобы не пришлось перестраивать. Зимой это неудобно, пришлось бы ждать. А они здѣсь, хотя имъ и хорошо, все же чувствуютъ себя въ чужомъ домѣ. Дѣтямъ негдѣ играть, это стѣснительно. Этотъ мастеровой, что погорѣлъ, онъ приходилъ вчера. Я предложила ему построить тамъ, около ихъ фабрики, маленькій домикъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этого, но это опять до весны. Съѣздимте завтра. Сперва мы заѣдемъ къ нему, а потомъ туда... Ну, я больше не стану васъ задерживать! до завтра! А онъ не хвалилъ вашу подругу Строеву!

— Онъ ея не понялъ! У нея чудное сердце! Но она понимаетъ и признаетъ только то, что ясно и просто. Она и меня не всегда понимаетъ; но она чудный человѣкъ и вѣрный другъ!

Они простились и разстались.

И. Н. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки законодательства о трудѣ въ Германіи.

I. Борьба за фабричные законы.

1.

На порогѣ первой эпохи фабричнаго законодательства Пруссіи стоятъ обѣ типичныя фигуры государства Гогенцоллерновъ: солдатъ и школьный учитель. Эти проводники его внѣшней и внутренней силы являются, по различнымъ мотивамъ, дѣятелями въ защитѣ фабричныхъ дѣтей. Безъ стимула солдатчины дореформенная Пруссія едва ли подняла бы вопросъ о защитѣ малолѣтнихъ; безъ обязательной школы слабыя законодательныя мѣры не имѣли бы никакого практическаго результата.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ документовъ, извлеченныхъ изъ прусскихъ архивовъ *)—циркуляръ министра народнаго просвѣщенія Альтенштейна отъ 27 апрѣля 1827 г. «Уже давно, такъ начинается циркуляръ, министерство озабочено принятіемъ мѣръ относительно дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, чтобы предупредить опасность, угрожающую ихъ здоровью, нравственности, воспитанію и обученію, пока пользованіе дѣтьми для фабричныхъ работъ происходитъ безъ твердой нормы и контроля, а предоставлено произволу родителей и хозяевъ». Министръ признаетъ необходимымъ изданіе закона, въ которомъ точно были бы опредѣлены: «возрастъ, ниже котораго дѣти не должны допускаться на фабрики, время занятій, соразмѣренное съ дѣтскими силами, и прочіе способы, ведущіе къ цѣли». Что такой законъ до сихъ поръ еще не изданъ, объясняется «трудностью матеріи, требующей внимательнаго отношенія къ конкуррирующимъ интересамъ дѣтей, ихъ родителей и фабрикантовъ». Министръ говоритъ о фабрикахъ, die zu ihrem Flor dieser wohlfeileren Arbeiter nicht wohl entbehren können (для процвѣтанія которыхъ, очевидно, нужны эти дешевыя

*) Dr. Günther Anton, Geschichte der preuss. Fabrikgesetzgebung. Leipzig. 1891.

рабочія силы). «Нужно также», продолжаетъ онъ, «дѣлать отличія по характеру производства и даже по отдѣльнымъ работамъ на одной и той же фабрикѣ, иначе изданныя предписанія могутъ оказаться неисполнимыми въ дѣйствительности». Альтенштейнъ, однако, надѣется, что фабричный законъ о работѣ дѣтей будетъ изданъ въ самомъ близкомъ будущемъ и разрѣшитъ всѣ вопросы дѣтскаго труда, «пока же», говоритъ циркуляръ, «мы имѣемъ и въ дѣйствующемъ правѣ нѣкоторую опору для борьбы съ эксплоатаціей дѣтей». Прусское Allgemeines Landrecht постановляетъ, что всѣ дѣти школьнаго возраста должны исправно посѣщать школу. Это требованіе распространено въ 1825 и на тѣ провинціи, въ которыхъ Preussiches Landrecht не имѣло силы, но фактически обязательное обученіе еще оставалось въ большинствѣ случаевъ мертвой буквой, или ограничивалось минимальными предѣлами—чтеніемъ и письмомъ. Съ распространеніемъ фабричнаго труда дѣтей возникла новая опасность для проведенія идеи обязательнаго школьнаго обученія и министръ Альтенштейнъ, очевидно, понялъ, что, выдвигая требованія закона объ обязательномъ обученіи, онъ задается осуществленіемъ не только культурной цѣли своего ближайшаго вѣдомства, но и болѣе спеціальныхъ задачъ фабричнаго законодательства. Циркуляръ резюмируетъ свои требованія въ слѣдующихъ 3-хъ положеніяхъ: 1) Родители или опекуны, которые не могутъ доказать, что они озаботились о необходимомъ обученіи дѣтей домашнимъ способомъ, обязаны посылать дѣтей старше 5 лѣтъ въ школу, и къ этому ихъ можно принудить наказаніемъ. 2) Правильное посѣщеніе школы должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока дѣти, по мнѣнію ихъ духовника, не пріобрѣтутъ необходимыхъ для человѣка ихъ сословія знаній. 3) Непосѣщеніе школы по достиженіи школьнаго возраста, или продолжительные перерывы въ занятіяхъ, могутъ быть допущены только въ видѣ исключенія и съ согласія мѣстнаго священника.

Уже въ этихъ предписаніяхъ, замѣчаетъ Альтенштейнъ, заключается оружіе «противъ безсовѣстныхъ родителей и корыстныхъ фабрикантовъ». Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣтей занимаютъ работами въ слишкомъ раннемъ возрастѣ, или слишкомъ долго, или въ нездоровыхъ промыслахъ, или въ обществѣ грубыхъ и развращенныхъ взрослыхъ, гдѣ дѣтей, слѣдовательно, не занимаютъ, а эксплоатируютъ, безобразію скорѣе всего будетъ положенъ конецъ, если «начальство съ рѣшительной строгостью будетъ требовать, чтобы дѣти ежедневно и безъ перерыва посѣщали школу до и послѣ обѣда». Гдѣ нѣтъ прямого злоупотребленія, какъ тогда понималъ это слово даже такой человѣкъ, какъ Альтенштейнъ, не зaурядный бюрократъ, тамъ можно разрѣшить послабленія, дозволить дѣтямъ посѣщать школу не каждый день, или по вечерамъ,—однимъ словомъ, министръ даетъ понять, что тутъ можно пойти на компромиссъ. Въ заключеніе онъ еще разъ выражаетъ надежду, что адми-

нистрація отнесется къ его указаніямъ серьезно и съ необходимой энергіей.

Тщетная надежда! Ближайшее вѣдомство, съ которымъ министру народнаго просвѣщенія приходилось дѣйствовать на этсмъ поприщѣ, министерство торговли—тогда отдѣленіе министерства внутреннихъ дѣлъ,—гораздо болѣе заинтересовано было въ ростѣ фабрикъ, чѣмъ въ сохраненіи дѣтскихъ силъ. Что значила сотня искалѣченныхъ малютокъ въ сравненіи съ увеличеніемъ вывоза издѣлій на 7 милліоновъ талеровъ въ одинъ годъ? Представитель этого вѣдомства, Шлукманъ, не безъ ироніи спрашиваетъ своего коллегу, почему онъ, интересуясь такъ вліяніемъ фабрикъ на дѣтское здоровье, игнорируетъ «жалобы другихъ родителей, отцовъ гимназистовъ, изнуряемыхъ классицизмомъ?» «Обезсиленное и искалѣченное поколѣніе, выпускаемое нашими гимназіями», пишетъ онъ, «въ столь же высокой степени заслуживаетъ вниманія его величества, какъ дѣти, работающія на фабрикахъ». «Приведите мнѣ такія же доказательства относительно разрушительнаго вліянія нынѣшней гимназической системы, какія я привелъ, по показаніямъ администраціи, относительно фабричной работы», отвѣчаетъ Альтенштейнъ. Его энергія, однако, поколеблена, онъ начинаетъ сомнѣваться въ безусловной необходимости фабричнаго закона, составлявшаго прежде его идеалъ, и роль его вообще начинаетъ сокращаться. Вся дальнѣйшая дѣятельность этого министра производитъ впечатлѣніе, что мы въ его лицѣ имѣли рыцаря на часъ. Съ своей стороны, мѣстная администрація не хочетъ, да и не можетъ проводить въ жизни тѣ школьныя требованія, которыя министръ ей излагалъ съ такой убѣдительностью. Принуждайте, отвѣчаетъ она, бѣднаго рабочаго, выколачивающаго гроши изъ ребенка, чтобы онъ посылалъ малютку въ школу, а не на фабрику. Чѣмъ принудить? штрафомъ? Но онъ его не платитъ, взыскивать съ него нечего, а замѣнить штрафъ арестомъ, значитъ обременить общину содержаніемъ нищихъ семей. Предписаніе имѣло бы значеніе лишь въ томъ случаѣ, еслибы штрафъ можно было переложить на фабриканта, но на это школьныя требованія не даютъ никакого права. Вѣдь не фабрикантъ, а отецъ обязанъ посылать ребенка въ школу.

Какъ ни безсильны, однако, сами по себѣ школьныя требованія, какъ ни ничтожны на первыхъ порахъ результаты, достигнутые отождествленіемъ задачи народнаго образованія и государственнаго вмѣшательства въ условія дѣтскаго труда на фабрикѣ, за нѣмецкой школой остается та великая заслуга, что она подняла вопросъ о фабричныхъ дѣтяхъ и показала значеніе его для государства и культурныхъ цѣлей воспитанія. Въ этой своей культурной миссіи учебное вѣдомство случайно нашло поддержку съ такой стороны, съ какой ее труднѣе всего было предположить. Генералъ фонъ-Горнъ въ отчетѣ о рекрутскомъ наборѣ упомянулъ, между прочимъ, что въ фабричныхъ мѣстностяхъ замѣчается недоборъ въ ежегодныхъ

контингентахъ для арміи и что это явленіе стоитъ въ связи съ ночной работой дѣтей. На Фридриха-Вильгельма III такой фактъ произвелъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ разсужденія педагоговъ и филантроповъ. Въ приказѣ по Кабинету отъ 12 мая 1828 г. онъ пишетъ министрамъ Альтенштейну и Шлукману, что «онъ не можетъ одобрить такихъ порядковъ». Если уже теперь земледѣльческіе округа должны пополнять убыль рекрутовъ, замѣчаемую въ фабричныхъ, если фабриканты держатъ за работой массу дѣтей (Kinder in Masse) даже по ночамъ, то физическое развитіе дѣтей задерживается и извращается въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Нужно опасаться, что будущее поколѣніе окажется еще болѣе слабымъ и искалѣченнымъ, чѣмъ нынѣшнее». Король хочетъ, чтобы его правительство энергично боролось «противъ подобныхъ условій», но родители продолжаютъ посылать своихъ дѣтей на фабрики, потому что они голодны, а фабриканты продолжаютъ вербовать малолѣтнихъ работниковъ, потому что, говоря языкомъ министра Альтенштейна, sie zu ihrem Flor dieser wohlfeileren Arbeiter nicht wohl entbehren können. Берлинскій оберъ-полицеймейстеръ, напр., находилъ совершенно лишнимъ посѣщеніе дѣтьми школъ такъ какъ они могутъ вѣдь учиться читать и писать по воскресеньямъ, а при режимѣ, который тогда господствовалъ въ Пруссіи, такой полицеймейстеръ типиченъ для всей администраціи.

Эксплоатація дѣтей получила такое широкое распространеніе, которое возмущало чувства общества. Въ Пруссіи, какъ въ Англіи, нашлись филантропы, отдавшіе свои силы доброму дѣлу освобожденія дѣтей. Одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей среди нихъ— фабрикантъ Шухардъ изъ Бармена, человѣкъ, видѣвшій вблизи дѣтское горе и проникшійся убѣжденіемъ, что только законы въ состояніи положить предѣлъ дальнѣйшей эксплоатаціи. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1837 года онъ пытается путемъ печатной пропаганды обратить общественное вниманіе на злоупотребленіе дѣтьми. Въ № 25 «Rheinisch-Westfälischer Anzeiger» барменскій фабрикантъ разсказываетъ о случаѣ самоубійства 12-ти-лѣтняго ребенка, работавшаго на фабрикѣ, и связываетъ этотъ, тогда еще очень рѣдкій, случай съ условіями труда малолѣтнихъ. «Гуманный человѣкъ, пишетъ Шухардъ, съ ужасомъ заглядываетъ въ будущее, когда безъ сомнѣнія и въ нашей странѣ умножатся большія, массивныя зданія, въ которыхъ съ ранняго утра до поздней ночи работаютъ множество дѣтей, лишенныхъ свѣта, воздуха, движенія, всего, что развиваетъ и ростить ребенка и даетъ ему дѣтскую радость. Такъ какъ обрабатывающая промышленность у насъ, какъ въ Англіи, будетъ поднята на свой желѣзный тронъ, то я взываю къ вамъ, человѣколюбивые люди, стоящіе близко къ престолу: умоляйте нашего короля, чтобы онъ сжалился надъ малолѣтними. Еще не поздно издать законъ въ защиту ихъ. Комитетъ изъ частныхъ гражданъ могъ бы въ каждомъ центрѣ обрабатывающей промышленности

положить границы работѣ дѣтей, убивающей духъ и тѣло, и помѣшать принятію на фабрики слишкомъ слабыхъ или слишкомъ маленькихъ, а также не допустить слишкомъ продолжительнаго труда дѣтей и ихъ работы по ночамъ, для того чтобы оставить дѣтямъ время на отдыхъ и ученіе».

Этотъ гуманный фабрикантъ состоялъ депутатомъ рейнскаго ландтага. Онъ съумѣлъ внушить свои идеи собранію. Оберъ-президентомъ рейнской провинціи тогда былъ Водельшвингъ, внимательно присматривавшійся къ условіямъ возникавшей крупной промышленности и настолько убѣдившійся въ необходимости фабричнаго закона, что еще раньше самостоятельно предлагалъ правительству проектъ закона о защитѣ дѣтей, оставшійся подъ сукномъ. Ландтагъ, не соглашаясь идти такъ далеко, какъ этого хотѣлъ бы филантропъ изъ Бармена, тѣмъ не менѣе выработалъ нѣкоторыя постановленія, которыя большинство его желало бы ввести на фабрикахъ своей провинціи: чтобы дѣтей моложе 9 лѣтъ не принимали на фабрики, чтобы дѣти допускались къ работамъ не болѣе, чѣмъ на 10 часовъ въ день съ двумя часовыми паузами и наконецъ, чтобы 9-лѣтній ребенокъ, при поступленіи на фабрику, имѣлъ свидѣтельство, что онъ уже 3 года посѣщалъ школу. Послѣднее правило, впрочемъ, допускало исключенія. «Вашего величества вѣрноподданныя сословія,—читаемъ мы въ адресѣ королю, сопровождавшемъ этотъ проектъ,—сочли нужнымъ обратить вниманіе на участь дѣтей, работающихъ въ закрытыхъ фабричныхъ помѣщеніяхъ, особенно въ прядильняхъ. Мы убѣдились, что эти бѣдныя малютки берутся за работы въ слишкомъ раннемъ возрастѣ и работаютъ въ общемъ слишкомъ долго, а именно 13 ч. съ рѣдкими перерывами. Такъ какъ онѣ не могутъ получить необходимаго образованія, то неудивительно, что онѣ искалѣчиваются физически и нравственно».

Изъ проекта рейнскаго ландтага создался, съ нѣкоторыми измѣненіями и, что важнѣе всего, съ распространеніемъ на всю Пруссію, первый прусскій законъ о работѣ малолѣтнихъ: «Regulativ über die Beschäftigung jugendlicher Arbeiter in Fabriken» отъ 6 апрѣля 1839 г. Постановленія его идутъ дальше требованій ландтага, лучше формулированы и представляютъ для своего времени дѣйствительно замѣчательный актъ. Дѣти моложе 9 лѣтъ не допускаются къ постояннымъ занятіямъ на фабрикахъ и въ горныхъ промыслахъ; малолѣтніе моложе 16 лѣтъ при поступленіи на фабрики должны представить удостовѣреніе о посѣщеніи въ теченіе 3 лѣтъ школы, или же удостовѣреніе школьнаго начальства, что умѣютъ бѣгло читать и знаютъ начала письма. Исключеніе допущено для фабрикъ, устроившихъ свои собственныя фабричныя школы. Самыя существенныя 3 и 4 ст. предписываютъ, чтобы малолѣтніе моложе 16 лѣтъ не занимались работами болѣе 10 часовъ въ сутки и не допускались къ ночной работѣ отъ 9 ч. веч. до 5 ч. утра. Слѣдующія статьи уста-

навливаютъ штрафы, до 5 талеровъ за каждаго ребенка, работающаго несогласно съ постановленіями закона, обязываютъ фабрикантовъ вести особые списки малолѣтнихъ и поручаютъ министрамъ: народнаго просвѣщенія, финансовъ и полиціи издавать обязательныя санитарныя, строительныя и «нравственно-полицейскія предписанія», необходимыя для сохраненія здоровья и нравственности фабричныхъ рабочихъ.

Въ этомъ несомнѣнно выдающемся для своего времени законодательномъ актѣ, имѣвшемъ даже нѣкоторыя преимущества предъ англійскимъ фабричнымъ актомъ 1833 года, заключалась, однако, одна очень грубая ошибка: надзоръ за исполненіемъ закона поручался не отдѣльнымъ, независимымъ органамъ, а полиціи и въ исключительныхъ случаяхъ также общиннымъ коммиссіямъ, обязаннымъ слѣдить за народными школами. Правда, на запросы министерства провинціальныя власти въ 1845 г. почти безъ исключенія отвѣчали, что законъ исполняется въ точности, но насколько отвѣты соотвѣтствовали правдѣ и нуждамъ дѣтей, можно судить уже потому, что тѣ же наблюдательные органы находили требованія фабричнаго закона слишкомъ стѣснительными и предлагали понизить защитный возрастъ до 14 лѣтъ. На вопросъ министерства, какія мѣры необходимо издать для охраны жизни и здоровья населенія вообще, всѣ оберъ-президенты, за исключеніемъ одного, отвѣтили, что никакихъ мѣръ не требуется... Только одинъ указалъ на желательность запрещенія дѣтскаго труда въ фабрикаціи фосфорныхъ спичекъ и нѣкоторыхъ другихъ, опасныхъ для здоровья производствахъ. Новѣйшій историкъ прусскаго фабричнаго законодательства, на котораго мы здѣсь опираемся, сожалѣетъ, что нѣтъ достаточныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно было бы съ абсолютной увѣренностью сказать, что законъ не исполнялся. Однако, весьма вѣроятно, что условія фабричнаго труда представляли и въ 40-хъ годахъ далеко не утѣшительную картину. Это впечатлѣніе, говоритъ онъ, получается изъ изученія актовъ, заставляющихъ думать, что полиція и прочая администрація ближе стояла къ интересамъ хозяевъ, нежели рабочихъ. Дюссельдорфская администрація сама намекаетъ, что при зависимости полиціи отъ фабрикантовъ на многое приходится смотрѣть сквозь пальцы. Магдебургская администрація въ 1843 г. взываетъ въ своихъ губернскихъ вѣдомостяхъ къ «чувству законности и человѣколюбія гг. фабрикантовъ и къ испытанной добросовѣстности мѣстныхъ властей» и прибавляетъ, что она не намѣрена больше терпѣть такое игнорированіе фабричнаго закона, какое по большей части практикуется до сихъ поръ. Въ Аахенѣ, одномъ изъ центровъ тогдашней промышленности, президентъ провинціи 5 лѣтъ послѣ изданія закона снова его перепечатываетъ въ оффиціальной газетѣ, чтобы не забыли о существованіи ограниченій. Каковы были пріемы человѣколюбивыхъ фабрикантовъ можно судить по жалобѣ одного коммерціи совѣтника, дошедшей до

Берлина. Его оштрафовали на очень крупную сумму—700 талеровъ, за то, что онъ систематически игнорировалъ запрещеніе о ночной работѣ дѣтей, и коммерціи совѣтникъ жалуется на неправильное толкованіе закона. Запрещено занимать дѣтей работами послѣ 9 ч. веч. и до 5 ч. утра, но гдѣ же сказано, спрашиваетъ онъ, чтобы дѣтямъ нельзя было работать между 9 ч. веч. и 5 ч. утра, если они не работали днемъ. Наивный софизмъ фабриканта оставляется, конечно, безъ вниманія, но этотъ фабрикантъ типиченъ для своего времени. Бреславльскій президентъ прямо говоритъ поэтому, что только независимый фабричный инспекторъ, не поддающійся престижу мѣстныхъ вліятельныхъ людей, можетъ провести требованія закона. Есть еще одно очень серьезное обстоятельство, существенное и для нашего времени, на которое обратили уже вниманіе при первыхъ шагахъ фабричнаго законодательства. Торговая палата въ Гладбахѣ, а за ней и дюссельдорфскій оберъ-президентъ замѣчаютъ, что оставляя внѣ защиты дѣтей въ мастерскихъ и домашнихъ производствахъ, законодатель не достигаетъ своей цѣли. Для того времени, когда фабрики только возникали, это былъ еще болѣе крупный вопросъ, чѣмъ для нашей эпохи. Стальное и ножевое производства, напр., въ Золингенѣ почти исключительно носили кустарный характеръ; въ Крефельдѣ насчитывали въ 45 году только 200 дѣтей на ткацкихъ фабрикахъ и около 3000 въ ручномъ ткачествѣ.

Попытку разрѣшить всѣ эти вопросы и придать фабричному законодательству болѣе дѣйствительное значеніе мы встрѣчаемъ лишь послѣ перехода Пруссіи къ новымъ формамъ государственной жизни.

2.

События 1848 года и обнаружившіяся въ связи съ политическими стремленіями первыя сбивчивыя попытки къ самодѣятельности рабочаго сословія не прошли безслѣдно для прусской администраціи. На верхнихъ ея ступеняхъ начинаетъ пробиваться пониманіе соціальной задачи фабричнаго законодательства, признанной франкфуртскимъ парламентомъ. Оно сообщается остальнымъ членамъ бюрократіи и въ томъ числѣ исполнительнымъ провинціальнымъ органамъ, которые еще почти наканунѣ рѣшительно не понимали, зачѣмъ государству вмѣшиваться въ отношенія между капиталомъ и трудомъ, зачѣмъ стѣснять бѣдныхъ родителей, желающихъ найти заработокъ для своихъ дѣтей! Въ маѣ 1851 года министръ торговли фонъ-деръ-Гейденъ обращается съ циркулярнымъ запросомъ къ провинціальнымъ властямъ о мѣрахъ, желательныхъ для охраненія здоровья и нравственности рабочихъ. На вопросъ, признаютъ ли онѣ удобнымъ распространеніе закона о работѣ малолѣтнихъ на не фабричныя производства, тѣ самыя власти, которыя еще 6 лѣтъ тому

назадъ находили, что новыя мѣры излишни и что скорѣе слѣдуетъ урѣзать требованія существующаго закона, теперь отвѣчаютъ, что законъ крайне недостаточенъ и исполненіе его требуетъ совершенно иной постановки фабричнаго надзора, чѣмъ практиковавшаяся до сихъ поръ. Почти всѣ согласны съ тѣмъ, что требованія фабричнаго закона должны быть распространены и на другія заведенія. Смотря по мѣстнымъ промысламъ, одни говорятъ о распространеніи на кирпичные и торфяные, другіе на сахарные заводы, третьи обобщаютъ и говорятъ — на всѣ домашнія или ремесленныя производства, въ которыхъ работаетъ не менѣе 10 дѣтей вмѣстѣ. Такое же усердіе проявляется и въ отвѣтахъ относительно гигіеническихъ и санитарныхъ мѣръ. На спичечныхъ, зеркальныхъ, химическихъ и нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ присутствіе дѣтей слѣдовало бы вовсе запретить, въ другихъ слѣдуетъ настаивать на улучшеніи помѣщенія и орудій и по возможности часто подвергать такія предпріятія медицинскому осмотру. Контроль полиціи признается недоброкачественнымъ и значительное число голосовъ раздается за введеніе фабричной инспекціи по англійскому образцу. Замѣчательнѣе всего, однако, что очень многіе изъ мѣстныхъ людей, нѣкоторая часть администраціи, торговыя камеры и берлинскій магистратъ требуютъ повышенія предѣльнаго возраста защитныхъ дѣтей и сокращенія числа ихъ рабочихъ часовъ. Не слѣдуетъ, говорятъ они, принимать на фабрики дѣтей моложе 12 или, по крайней мѣрѣ, 11 лѣтъ и обременять ихъ работами болѣе 8—8½ часовъ въ день, и притомъ, прибавляютъ другіе, не съ 5 ч. утра до 7 ч. вечера, какъ до сихъ поръ, а съ 6 до 7 ч. Только при этихъ условіяхъ дѣти еще могутъ кое чему научиться въ школѣ, иначе какъ же требовать отъ нихъ прилежанія послѣ того, какъ они весь день проработали на фабрикѣ.

Военные наборы все чаще давали значительный контингентъ негодныхъ рекрутовъ въ промышленныхъ центрахъ, школа жаловалась, что дѣти почти ничему не научаются, и оба эти мотива были достаточно сильны даже для наступившаго реакціоннаго режима, чтобы укрѣпить убѣжденіе въ необходимости законной защиты дѣтей. Послѣ долгихъ опросовъ и сужденій въ коммиссіяхъ, прусскимъ палатамъ въ маѣ 1853 года, наконецъ, былъ представленъ проектъ фабричнаго акта, ставшій закономъ 16 мая 1853 года. Существеннѣйшія его постановленія состояли въ запрещеніи фабричной работы дѣтямъ моложе 12 лѣтъ, въ ограниченіи 6 часами работы дѣтей 12—14-лѣтняго возраста (между 5½ ч. утра и 8½ ч. вечера) съ обязательствомъ посѣщать школы по 3 часа въ день, во введеніи рабочихъ *книжекъ* для подростковъ 16 лѣтъ. Замѣчательнѣйшее нововведеніе въ законѣ 1853 г. представляла статья 11-я, поручавшая исполненіе надзора фабричнымъ инспекторамъ, какъ «органамъ государственной власти», но только въ мѣстностяхъ, гдѣ въ этомъ окажется надобность.

Во 2-й (*нижней*) палатѣ, какъ и въ 1-й, не обошлось безъ предпринимательской оппозиціи. Деп. Дегенкольбъ, фабрикантъ изъ Эйленберга, патетически восклицалъ: не жестоко-ли со стороны государства запрещать дѣтямъ помогать родителямъ, или сказать несчастной вдовѣ, не имѣющей кормильца: ты не должна посылать своихъ дѣтей на фабрику и имѣть отъ нихъ какую-нибудь пользу! Интересы производства тоже не допускаютъ отреченія отъ дешеваго дѣтскаго труда. «Производство, купленное такою цѣной, отвѣтилъ депутатъ Петеръ Рейхеншпергеръ (впослѣдствіи одинъ изъ вождей центра), носитъ на себѣ проклятіе, оно куплено «дѣтской кровью». Въ Верхней палатѣ, на протесты Финке, что правительство отнимаетъ у промышленности *капиталъ*, фонъ-Альферсъ отвѣтилъ: «есть, значитъ, капиталъ, не только производящій, но и пожирающій и высасывающій. Какъ люди, граждане и христіане, мы не можемъ этого допустить». Законъ, однако, былъ опубликованъ, министерство назначило трехъ фабричныхъ инспекторовъ, выработало для нихъ инструкцію—и всѣ успокоились.

Альфонсъ Тунъ даетъ намъ представленіе о томъ, какъ законъ отражался въ дѣйствительности, въ той рейнской промышленности, которая въ 50-хъ годахъ стояла во главѣ фабричной промышленности Пруссіи. Въ Дюссельдорфѣ, Арнсбергѣ и Аахенѣ назначены были фабричные инспектора. Одинъ изъ нихъ, аахенскій, былъ невральгичный и ревматичный полицейскій чиновникъ, который послѣ 3-лѣтней дѣятельности проявлялъ изумительное невѣжество въ промышленной сферѣ и писалъ отчеты, казавшіеся даже мѣстной администраціи «слишкомъ розовыми». Другой,—бывшій учитель, одушевленъ вначалѣ добрыми намѣреніями, но уже по истеченіи года находитъ, что «все въ полномъ порядкѣ». Третій, наконецъ, въ Дюссельдорфѣ, пишетъ свой первый отчетъ въ духѣ, какъ Тунъ остроумно замѣчаетъ, оптимиста и филантропа, старающагося даже въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ найти добрую волю и начатки хорошаго. По отношенію къ послѣднему фонъ-деръ-Гайдтъ, тогдашній министръ, выражаетъ нѣкоторое недовѣріе. Чтобы показать свое рвеніе, фабричный инспекторъ начинаетъ ревизовать фабрики и обнаруживаетъ повсемѣстный обходъ закона самыми вліятельными и почтенными лицами, предсѣдателями торговыхъ камеръ, коммерціи совѣтниками и т. д. Фабриканты возмущены. «Неужели вы думаете, заявляетъ одинъ съ саркастической улыбкой, что такія безсмыслицы, какъ этотъ фабричный законъ, можно серьезно примѣнять?» При слѣдующемъ посѣщеніи фабрики этого фабриканта-скептика, инспекторъ вытаскиваетъ изъ-подъ бочекъ и бревенъ 27 мальчиковъ, не имѣющихъ права работать и спрятанныхъ при появленіи надзора. На другихъ фабрикахъ убѣжища, куда прятали дѣтей, «были еще менѣе чистаго свойства». «Свои 50 талеровъ штрафа я въ одну недѣлю выжму изъ дѣтей (quetsche ich aus den Kindern heraus)»—заявляетъ при одномъ

изъ такихъ обходовъ попавшійся фибрикантъ. Рвеніе инспектора продолжалось, однако, только до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствовалъ себя прочно на своемъ мѣстѣ. Въ апрѣлѣ 1855 г. министръ торговли, выслушавъ заявленія инспекторовъ, еще восклицаетъ съ негодованіемъ: «если это такъ, — то пусть лучше вся промышленность погибнетъ»! Его преемникъ, графъ Итценплицъ, не интересуется подобными вопросами, и гибнетъ не промышленность, а здоровье сотенъ и тысячъ дѣтей. Изъ 3-хъ инспекторовъ одинъ естественной смертью сходитъ со сцены и не получаетъ преемника, другой, уже опытный человѣкъ, знаетъ, «что надо предоставить вещи собственному теченію и правительству не зачѣмъ раздражать хозяевъ». Въ 1855 г. дюссельдорфскій инспекторъ обнаруживаетъ 894 нарушеній закона, въ 1865 только 73, въ 1866 г.—28. Можно было бы радоваться такому успѣху закона, еслибы новый дюссельдорфскій инспекторъ, назначенный въ 1874 г. и взявшійся энергично за свое дѣло, не обнаружилъ нарушенія закона—въ 7267 случаяхъ! Если таковъ былъ порядокъ при болѣе или менѣе самостоятельныхъ, независимыхъ отъ мѣстныхъ властей, фабричныхъ инспекторахъ, то легко себѣ представить, что за порядки господствовали тамъ, гдѣ за примѣненіемъ закона слѣдила мѣстная администрація, или мѣстныя коммиссіи, съ бургомистромъ во главѣ, котораго фабриканты могли забаллотировать, сократить въ жалованьѣ, и съ уѣздными лѣкарями въ качествѣ экспертовъ, жившими визитами у мѣстныхъ фабрикантовъ. Лѣкаря поэтому не стѣснялись заявлять, что занятія на фосфорно-спичечныхъ фабрикахъ не представляютъ «ничего вреднаго для дѣтскаго организма». О духѣ, господствовавшемъ въ фабрикантскихъ сферахъ, ясное представленіе даетъ заявленіе аахенской торговой палаты въ ея отчетѣ за 54 годъ: «принудительное образованіе и ограниченіе рабочаго времени малолѣтнихъ рабочихъ, по нашему мнѣнію, могутъ оказать самое дурное вліяніе на низшіе классы населенія». А. Тунъ, у котораго мы беремъ эти свѣдѣнія, приходитъ къ слѣдующему заключенію: въ 50-хъ и 60-хъ гг. законы о фабричной работѣ оставались еще по большей части мертвой буквой. Если въ началѣ либеральнаго періода консерваторы обнаружили трогательное участіе къ положенію рабочихъ классовъ, то такая перемѣна взглядовъ, конечно, чрезвычайно симпатична, потому что 20 лѣтъ господства консервативной политики представляютъ почти абсолютную бездѣятельность законодательства и администраціи въ этой области.

Занятія дѣтей на фабрикахъ безпрепятственно продолжались бы вопреки требованіямъ фабричныхъ правилъ, еслибы школѣ все-таки не удалось настоять на исполненіи своихъ требованій. Уже въ 1840 г. изъ 2.904,437 дѣтей школьнаго возраста (6—14 л.) 2.341,082, т. е. болѣе 80%,—дѣйствительно посѣщали народную школу. Безграмотныхъ въ 1841 году въ Восточной Пруссіи было 15%, на Рейнѣ 7%, въ Вестфаліи только немногимъ болѣе 1%.

Въ 1846 г. число дѣтей, посѣщающихъ общественныя школы, уже 93—94% всего школьнаго возраста. Въ промышленно-заводскихъ провинціяхъ, какъ Рейнская, въ 1841 г. на тысячу рекрутовъ было 70 неграмотныхъ, а въ 1881 г. только 2. Значеніе школы въ дѣлѣ огражденія дѣтей отъ ранняго фабричнаго труда прекрасно очерчено министромъ Госслеромъ въ 1884 г. въ прусской палатѣ. Возражая противъ требованія сократить курсъ народной школы до 13-ти лѣтняго возраста, вмѣсто 14-ти лѣтняго, министръ сказалъ: вся исторія народной школы въ Пруссіи налагаетъ на васъ обязанность считаться съ тѣмъ, что ребенокъ, если онъ слишкомъ рано выходитъ изъ школы, не только умственно не подготовленъ къ требованіямъ и испытаніямъ жизни, но и физически еще не развитъ. Опытъ времени, когда обязательное обученіе не проводилось такъ строго, какъ теперь, показываетъ, что въ отдѣльныхъ округахъ очень большое число дѣтей физически тяжело пострадало отъ слишкомъ ранней работы. По взгляду школьнаго управленія, дѣти, которыя слишкомъ рано вступаютъ въ жизнь, если и не погибаютъ, то страдаютъ физически и умственно... школа не должна потакать ложно-понятымъ экономическимъ интересамъ родителей и фабрикантовъ. Она должна держать ребенка до тѣхъ поръ, пока онъ еще не можетъ въ жизни устоять на собственныхъ ногахъ, и выпустить его съ запасами физическихъ и умственныхъ силъ, дающими возможность сопротивляться бурямъ, которымъ онъ подверженъ со всѣхъ сторонъ *).

Мы говорили до сихъ поръ о работѣ только дѣтей. А женщины взрослые рабочіе вообще?

Женщинъ, какъ особую категорію рабочихъ, первые фабричные законы вовсе не знали. Что касается работы вообще, то «регулятивъ 1839 г.», какъ и законъ 1853 г. предусматривали, правда, право администраціи издавать распоряженія для улучшенія гигіеническихъ условій труда, но этими правилами правительство пользовалось въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Единственная категорія рабочихъ, имѣвшая болѣе полную защиту и обезпеченіе на старости, при болѣзни и несчастныхъ случаяхъ, были горнорабочіе. Для всего же фабричнаго населенія забота государства ограничивалась мѣрами противъ расплаты товарами, Trucksystem, одной изъ самыхъ страшныхъ язвъ капитализма, не ограниченнаго государственнымъ вмѣшательствомъ. Я умышленно говорю капитализма, а не фабричной эпохи, потому что Trucksystem не продуктъ 19 вѣка: эта система начинаетъ практиковаться въ широкихъ размѣрахъ ужъ въ 17 вѣкѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ домашнихъ производствъ. Старѣйшія запрещенія расплачиваться товарами относятся въ Германіи къ срединѣ 17-го в. Пфальцграфъ Филиппъ Вильгельмъ въ 1654 г.

*) Цит. у Брауна (Adolf Braun, Die Arbeiterschutzgesetze der Europäischen Staaten Bd. I (единственный пока) 1890, p. 58—59, 62.

запрещаетъ точильщикамъ и ножевщикамъ платить за трудъ, иначе какъ наличными деньгами *). Сто лѣтъ спустя Карлъ Филиппъ, пфальцграфъ bei Rhein, издаетъ указъ (4-го декабря 1745 г.), чтобы «поденщикамъ и ремесленникамъ не платили сахаромъ, чаемъ, кофе и другими вещами, не необходимыми для человѣческаго существованія», и грозитъ нарушителямъ штрафомъ въ 25 золотыхъ гульденовъ **). Въ статутахъ цеховъ, распоряженіяхъ магистратовъ и законахъ 18 вѣка на каждомъ шагу встрѣчаются указанія на то, что Trucksystem была бичомъ рабочаго населенія, терявшаго самостоятельность. Въ мошенническихъ пріемахъ складчики-купцы были такіе же виртуозы, какъ и первые фабриканты: не только грубая форма прямой расплаты товарами, но и эксплоатація въ лавкахъ, содержимыхъ хозяиномъ, его родственниками и служащими, авансы въ счетъ заработаннаго, расплата испорченной монетой были обыкновенными явленіями. Фабриканты перенесли въ новый техническій періодъ старыя соціальныя отношенія. Въ 40-хъ годахъ, когда жалобы на невѣроятное распространеніе надувательства рабочихъ товаромъ, въ особенности въ Рейнской промышленности (Золингенъ въ этомъ отношеніи былъ змѣинымъ гнѣздомъ, тамъ расплачивались водкой, табакомъ, жизненнымъ элексиромъ(!), дорогимъ швейцарскимъ сыромъ и вышедшими изъ моды шелками) заставили правительство назначить изслѣдованіе, то положеніе въ домашнихъ производствахъ оказалось гораздо хуже, чѣмъ на фабрикахъ. Въ собственно фабричной промышленности Trucksystem — таковъ результатъ правительственной Enquête— только спорадическое явленіе, меньше также оно распространено въ той части промышленности, гдѣ рабочій работаетъ по заказу купца, но изъ собственнаго матеріала,—широкое поле Trucksystem въ производствахъ, въ которыхъ работаютъ дома, собственными инструментами, но на матеріалѣ купца.

Что, однако, усиливало кабалу рабочаго населенія и взваливало отвѣтственность за нее на новую систему производства—это то, что фабрика, разрушая старый строй отношеній, разрушила и старыя, корпоративныя, полицейскія, коммунальныя формы защиты труда. Провозглашеніе промышленной свободы создало фикцію о свободномъ договорѣ найма равныхъ контрагентовъ, крѣпко засѣвшую въ головѣ бюрократіи. Когда въ 1831 г., по представленію рейнскаго фабриканта Кнехта, прусское министерство подняло вопросъ о мѣрахъ противъ Truksystem, то большинство министровъ высказалось противъ всякихъ ограниченій, «потому что дѣло са-

---

*) Cünther Anton: Geschichte der Preussichen Fabrikgesetzgebung, 1891 p. 140. Какъ и въ исторіи законодательства о дѣтскомъ трудѣ до 1869 г., я пользуюсь и здѣсь преимущественно 2-й частью книги Anton'a: Ceschichte des preussichen Truckverbots, основывающеюся на актахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ.

**) Thun, Industrie am Niederrhein, Bd II, 71 ff.

михъ рабочихъ—оговаривать при заключенiи договора, чтобы расплата происходила деньгами, а если они этого не дѣлають, то значитъ не желаютъ.» Въ Золингенѣ мѣстный ландратъ изъ старой школы публично клеймилъ купцовъ и фабрикантовъ, расплачивающихся товарами, печатая ихъ имена въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, но это производило такое же слабое впечатлѣнiе на купцовъ и фабрикантовъ, какъ и на высшую администрацiю. Изъ 89 золингенскихъ предпринимателей 50 открыто держали лавки на свое имя. Гладбахская торговая камера въ отчетѣ своемъ за 1845 г. заявляла откровенно, что благодаря расплатѣ товарами, хозяева «сберегали» 20 и болѣе % изъ заработной платы. Въ то же время президентъ золингенскаго суда сообщалъ, что въ своихъ лавкахъ фабриканты продаютъ фунтъ кофе, стоющаго 5—6½ зильберъ-грошеновъ, по 10 и 12, аршинъ полотна, стоющiй 3 зильбергроша, по $4^1/_2$, и т. д. Общественное мнѣнiе, наконецъ, настолько возмущено, что Вестфальскiй и Рейнскiй ландтаги подаютъ петицiю правительству о необходимости положить конецъ расплатѣ товарами, а болѣе порядочные изъ фабрикантовъ (въ Леннепѣ) образуютъ добровольный союзъ для борьбы съ безчестной конкурренцiей: обязываются другъ предъ другомъ не расплачиваться съ рабочими иначе, какъ наличными деньгами, скупаютъ у рабочихъ полученные у безчестныхъ фабрикантовъ товары (вмѣсто денегъ) и продаютъ эти товары съ публичнаго торга съ обозначенiемъ имени выдавшихъ товаръ фабрикантовъ и засчитанной въ счетъ заработка цѣны. Прусское министерство и высшая администрацiя продолжаютъ, однако, повторять: «volenti non fit injuria». Съ большими усилiями защитникамъ рабочихъ удается добиться только того, что приказомъ по кабинету прусскiй король въ 1846 г. запрещаетъ фабрикантамъ и зависящимъ отъ нихъ лицамъ держать кабаки. Событiя 1848 г. дали, наконецъ, сильнѣйшiй толчекъ къ законодательному вмѣшательству. Рабочiя волненiя, особенно въ мартѣ 48 г. въ Золингенѣ, не имѣли характера рабочаго движенiя въ нынѣшнемъ смыслѣ: подмастерья провозглашали себя свободными мастерами и поднимали во имя свободы требованiя, звучащiя какъ эхо стараго цехового строя. Понятно, однако, что на фабрикантовъ и Verleger'овъ, особенно эксплоатировавшихъ рабочихъ на заработной платѣ, народная ненависть обрушилась вдвойнѣ. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ произошли погромы. Въ Золингенѣ послѣ безпорядковъ 17 и 18 марта фабриканты дали обѣщанiе немедленно закрыть лавки и впредь расплачиваться не товарами и векселями, а наличными деньгами. Хотя обѣщанiе дано было въ присутствiи ландрата и президента торговой палаты, но какъ только населенiе успокоилось, лавки снова были открыты и старые порядки возобновились. Депутатъ округа Золингена 21 iюля 1848 г. вноситъ въ нацiональное собранiе петицiю, подписанную тысячами рабочихъ и гражданъ, требующую мѣропрiятiй противъ Trucksystem. Не

смотря на послѣдовавшее въ декабрѣ распущеніе собранія, проектъ запрещенія расплаты товарами въ ея разнообразныхъ видахъ былъ выроботанъ правительственными коммиссарами и составилъ одинъ изъ свѣтлыхъ пунктовъ въ реакціонной и по своему внѣшнему виду, и по своему содержанію «Verordnung» отъ 9 февраля 1849 г. Содержаніе ст. 50, 55 и 75 этого распоряженія слѣдующее: владѣльцы фабрикъ и всѣ купцы, ведущіе торговлю фабричными и полуфабричными издѣліями, обязаны удовлетворять рабочихъ, изготовляющихъ для нихъ товары, наличными деньгами и не должны давать имъ товаровъ въ кредитъ. Они могутъ только предоставлять рабочимъ квартиру, отопленіе, пользованіе землею, харчи, медикаменты и медицинскую помощь, а также инструменты и матеріалы для изготовляемыхъ товаровъ. Эти постановленія относятся также къ родственникамъ фабрикантовъ и купцовъ, ихъ уполномоченнымъ, факторамъ и надсмотрщикамъ. Подъ рабочими также понимаются мастеровые, работающіе у себя на дому, но не для потребителя, а на купца. Всѣ договоры, противорѣчащіе этимъ постановленіямъ, не дѣйствительны, какъ не дѣйствительны также договоры, обязывающіе рабочихъ брать припасы и товары изъ указанныхъ хозяиномъ лавокъ или вообще представляющіе собою вмѣшательство хозяина въ распоряженіе рабочаго своимъ заработкомъ. Нарушеніе закона влечетъ за собою штрафъ до 500 талеровъ, и публикацію обвинительнаго приговора въ газетахъ. Можетъ показаться страннымъ, что, не смотря на крайнюю недостаточность надзора, очень часто превращавшую защиту дѣтей въ мертвую букву, запрещеніе Trucksystem достигло своей цѣли; злоупотребленія не совсѣмъ исчезли,—часто фабриканты, выплативши рабочимъ заработокъ, тутъ же чрезъ другія двери впускали ихъ въ кабаки и лавки, содержимые пріятелемъ или подручнымъ, но какъ общее правило, какъ язва въ рабочей жизни, расплата товарами потеряла свой острый характеръ. Двадцать лѣтъ спустя въ мотивахъ къ Gewerbeordnung, почти безъ измѣненія перенявшей запрещенія 1849 г., сказано, что послѣднія достигли своей цѣли. Отчего въ законодательствѣ о дѣтскомъ трудѣ законъ не исполнялся, а здѣсь достигалъ цѣли? Отвѣтъ лежитъ въ самомъ свойствѣ нормируемой матеріи. Расплата товарами понимается и рабочей массой, какъ экспропріація, какъ форма сокращенія заработной платы, тогда какъ дѣтскій трудъ въ глазахъ массы—подспорье семьѣ. Какъ дорого ни обходится это подспорье, но рабочій, особенно неорганизованный, какимъ онъ былъ до конца 60 годовъ, видитъ въ немъ необходимость. Слѣдовательно въ то время, какъ законъ, запрещающій расплату товарами, представляется и неразвитой рабочей массѣ—мѣрой противъ предпринимателя, въ законѣ противъ эксплоатаціи дѣтей неразвитому рабочему бросаются въ глаза постановленія, направленныя не только противъ предпринимателя, но и противъ него самого, отца дѣтей. Въ послѣднемъ случаѣ, при не-

достаточности надзора, образуется молчаливый союзъ между хозяевами и отцами, направленный противъ осуществленія закона.

3.

До объединенія Германіи прусское фабричное законодательство еще считалось передовымъ въ Германіи, потому что въ другихъ частяхъ страны или вовсе не было никакой защиты, или же, какъ въ Саксоніи, Баваріи, Баденѣ и Вюртембергѣ, законодательство было значительно слабѣе прусскаго и относилось только къ предпріятіямъ съ 20 и болѣе рабочими. Въ Саксоніи дѣти, начиная съ 10 лѣтъ, имѣли «право» работать по 10 часовъ въ сутки, но въ виду крайней недостаточности полицейскаго надзора, дѣти фактически работали столько же, сколько и взрослые.

Защита труда въ Пруссіи въ сущности сводилась къ запрещенію доступа на фабрики дѣтямъ моложе 12 лѣтъ, ограниченію труда 12—14-ти лѣтнихъ 6 часами и къ мѣрамъ противъ расплаты товарами, между тѣмъ рабочій вопросъ уже стучался въ двери. Пока добродушные саксонцы собрались запретить на бумагѣ работу 10-ти лѣтнихъ малютокъ, Лассаль поднялъ движеніе нѣмецкихъ рабочихъ. Былъ моментъ, когда казалось, что прусскіе феодалы и правительство проявятъ больше пониманія смысла этого движенія, чѣмъ либеральная буржуазія, и воспользуются новымъ движеніемъ, чтобы, какъ Густавъ Конъ разъ остроумно выразился, «консервировать традиціонную средневѣковую власть сильной дозой соціалъ-демократической соли» *). Въ собраніи прусскаго Volksvereinʼа въ Берлинѣ, Вагенеръ, правая рука Бисмарка, говорилъ 30 (18) января 1863 г., въ самый острый моментъ конфликта: «Демократія очень хорошо знаетъ, что она потеряетъ свою популярность и своихъ сторонниковъ, если правительство догадается взять на себя иниціативу въ рабочемъ вопросѣ... Массы народа можно привлечь только очевидными поступками въ ихъ пользу»... Исполненіе своей идеи Вагенеръ представляетъ себѣ еще неясно или не считаетъ возможнымъ говорить яснѣе. Онъ упоминаетъ, что для рѣшенія рабочаго вопроса «не нужно ничего другого, какъ распространить на рабочихъ обрабатывающей промышленности тѣ самые принципы, которые были примѣнены къ сельскимъ рабочимъ. Этимъ будетъ разрѣшенъ вопросъ о помощи бѣднымъ, о заработкѣ, о самовольномъ расчетѣ». Замѣчательно, что, говоря о необходимости усиленія заботъ о массахъ, Вагенеръ ссылается на бонапартизмъ: «тайна популярности бонапартизма лежитъ въ его мѣрахъ на пользу

---

*) Jene synkretistische Parteien und Programme welche die überlieferte konservativen Mächte des Mittelalters und der verflossenen Jahrhunderte mit einem Körnlein socialdemokrat. Salzes fur eine längere Zukunft zu conserwiren suchen. G. Cohn въ Conrad-Hildebrand's Jahrbücher 1883, p. 479.

народа». Въ этихъ словахъ ясно намѣчена политика, которую тогдашняя Kreuzzeitungspartei считала наиболѣе удобной... Юнкерство тутъ имѣло вождей, которые отличались большей прозорливостью, чѣмъ тогдашніе прогрессисты. Да и не удивительно: вѣдь Шульце былъ не только экономическій оракулъ тогдашней буржуазіи, но и одинъ изъ вождей Fortschrittspartei *).

Засѣданіе прусской палаты отъ 7—19 ноября принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ изъ эпохи конфликта: во время отсутствія парламента правительство Бисмарка издало исключительный законъ о печати, вызвавшій цѣлую бурю въ странѣ. Берлинская дума рѣшила послать депутацію къ королю для выраженія протеста, но ея постановленіе было кассировано администраціей. Выборы дали опять либеральный ландтагъ, и о возбужденіи общественнаго мнѣнія можно судить ужъ по тому факту, что только благодаря вмѣшательству Вальдека не постановлено было на очередь предложеніе Гнейста о преданіи министерства суду. При дебатахъ о до-

*) Kreuz-Zeitung въ номерѣ отъ 3 января 1863 г. такъ характеризуетъ Лассаля, по поводу выхода его брошюры «Was nun?» «Г. Лассаль не играетъ выдающейся роли въ организмѣ демократической партіи; ни на выборахъ, ни въ собраніяхъ, ни при демонстраціяхъ онъ не обнаруживалъ личной связи съ вождями демократіи. Онъ политическій агитаторъ на свой собственный страхъ и преимущественно любитъ дѣйствовать за кулисами. Возможно, что его самомнѣніе, соединяющееся съ дерзостью (dieser mit der Blüthe der Dreistigkeit gepaarte Zug von eigener Werthschätzung) не позволяютъ ему подчиняться партійной дисциплинѣ. При этомъ онъ, однако, хорошо понимаетъ свое ремесло и, что касается ясности и силы ума, оставляетъ въ тѣни не мало авторитетныхъ вождей демократіи, мнящихъ себя крупными величинами. По откровенности, не знающей стѣсненія (мы не беремся рѣшить, цинизмъ-ли это самообольщенія, или честная ненависть къ лжи) онъ превосходитъ ихъ всѣхъ». «Г. Лассаль,—читаемъ мы въ слѣдующемъ номерѣ по поводу той же рѣчи о конфликтѣ,—еще приписываетъ себѣ патріотизмъ. Онъ говоритъ: существованіе нѣмцевъ не такого случайнаго свойства, чтобы пораженіе ихъ правительства заключало въ себѣ опасность для существованія націи!.. Чтобы демократіи его разсужденія были особенно пріятны, мы не думаемъ. Во всякомъ случаѣ мы ее поздравляемъ съ такимъ enfant terrible».

Въ № 105 отъ 7 мая того же года Kreuz-Zeitung уже пишетъ (въ передовой статьѣ, озаглавленной Die Arbeiter und ihre Freunde) о „войнѣ между капиталомъ и трудомъ», о расколѣ въ либерализмѣ: «это ни больше—ни меньше, какъ смыслъ спора между Шульце и Лассалемъ, кажущагося еще многимъ незначительнымъ и безобиднымъ (harmlos) явленіемъ. Одинъ является въ дѣйствительности представителемъ денежнаго капитала и его интересовъ, другой защищаетъ рабочихъ и ихъ, какъ они думаютъ, справедливыя требованія. Буржуазія находится въ понятномъ возбужденіи, но поднятаго противъ нея движенія нельзя уже будетъ уничтожить бранью и крикомъ, не поможетъ даже и испытанное пугало «феодальная реакція». Никакой сколько-нибудь мыслящій человѣкъ не повѣритъ, чтобы такія лица, какъ Родбертусъ, Бухеръ и Лассаль были у насъ на помочахъ, или чтобы отчаянный крикъ крѣпостныхъ финансоваго феодализма, какъ называетъ Прудонъ данниковъ денежнаго капи-

кладѣ парламентской коммиссіи, отказавшей въ своей санкціи распоряженію 1-го іюня о печати и постановившей признать, что оно было нарушеніемъ конституціи и не можетъ быть мотивировано соображеніями общественной безопасности, впервые и неожиданно было упомянуто имя Лассаля—названнымъ уже Вагенеромъ, говорившимъ отъ имени консервативнаго меньшинства за правительство. Послѣ нападокъ на либеральную печать Вагенеръ сказалъ: «Милостивые государи, не я, а убѣжденный демократъ такъ характеризуетъ современную печать: для нея нѣтъ ничего святого, кромѣ капитала ея издателя, она больше не защитница какого-либо принципа или партіи, а лишь промышленное, спекулятивное предпріятіе; эта печать можетъ быть названа злѣйшимъ врагомъ развитія нѣмецкой мысли и нѣмецкой народности. (*Слушайте, слушайте!*) Мм. гг., это не мои слова, они, повторяю, принадлежатъ рѣшительнѣйшимъ сторонникамъ демократіи. (*Имена, имена!*) Лассаль... Марксъ (*Бурный, долго не прекращающійся*

тала, и агитація среди «бѣлыхъ рабовъ» составляли интригу юнкерства. Наше общеніе съ этимъ движеніемъ выражается лишь въ одинаковомъ антагонизмѣ противъ господства капитала, а реакція, которую извѣстная часть буржуазіи справедливо подозрѣваетъ въ рабочемъ движеніи — не феодальная реакція, а реакція нищеты противъ богатства, — неимущихъ (besitzlosen Menschen) противъ увеличивающагося матеріализма и высокомѣрія имущихъ, — реакція человѣческихъ правъ, на которыя буржуазія такъ часто ссылалась и надъ которыми она такъ часто насмѣхалась, противъ исключительнаго значенія (Werthschätzung) денегъ, реакція нравственныхъ силъ человѣчества противъ науки, ушедшей на службу эгоизму и превратившейся въ каррикатуру. Въ дѣйствительной жизни этотъ антагонизмъ выступаетъ, разумѣется, не такъ чисто и отчетливо, какъ онъ представляется и долженъ представляться въ идеѣ! Однако, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что и рабочее движеніе—начало суда исторіи надъ буржуазіей». Далѣе слѣдуетъ насмѣшка надъ Шульце, освѣжившимъ истрепанный принципъ laisser faire «въ одеждѣ свободной самопомощи рабочихъ». «Не нужно было даже ума и образованія, которыми безспорно обладаетъ Лассаль, чтобы пригвоздить Шульце къ позорному столбу, какъ невѣжду или комедіанта (ein Ignorant oder Komödiant)». Въ заключеніе оговорка, что «мы» согласны съ критикой, но отнюдь не съ положительными «крайними» предложеніями Лассаля, имѣющими еще тотъ недостатокъ, что они или только отчасти исполнимы, или—опасный соціалистическій экспериментъ. Привожу буквально заключительныя слова, выясняющія смыслъ всего предыдущаго: «правительство не должно далѣе оставаться безучастнымъ зрителемъ этого антагонизма. Если его (правительства) положеніе уже значительно улучшилось оттого, что сплоченная до сихъ поръ оппозиція начинаетъ разбиваться, то оно теперь имѣетъ желанный поводъ пріобрѣсти прочный базисъ въ борьбѣ противъ прогрессистовъ и на основаніи ихъ ложныхъ соціальныхъ выводовъ доказать, какъ невѣрны ихъ политическія посылки, что будетъ до очевидности ясно и для многихъ убѣдительно». (Меня удивляетъ, что въ новомъ, снабженномъ обширными разъясненіями и примѣчаніями, изданіи Лассаля, издатель (Бернштейнъ) не воспользовался этими и многими другими характеристиками современниковъ).

хохотъ). Теперь вы смѣетесь, но я лично ни въ чемъ такъ не убѣжденъ, какъ въ томъ, что, еслибы, къ своему счастью, вы не нашли правительства, которое имѣло мужество задержать (in die Speichen zu fallen) катившійся съ горы возъ, вы очень скоро снова—однажды мы уже это видѣли—искали бы защиты у сильной власти». Послѣ Вагенера говорилъ Вирховъ, который заявилъ сейчасъ же въ началѣ своей рѣчи, что онъ «очень охотно предоставляетъ Вагенера его новому союзнику Лассалю. Кто проповѣдываетъ нравственность, тотъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ имѣть ничего общаго съ такими людьми, какъ Лассаль или сотрудники Kreuz-Zeitung или Berliner Revue» (Parlamentsbericht въ Vossische Zeitung отъ 8 ноября 1863 года).

Что Бисмаркъ тогда раздѣлялъ взгляды Вагенера и готовъ былъ ихъ переложить въ практическія мѣры, объ этомъ свидѣтельствуютъ его бесѣды съ Лассалемъ и безспорное вліяніе, которое агитація Лассаля имѣла на рѣшеніе Бисмарка—дать сѣверо-германскому союзу и Германіи всеобщее избирательное право. Знаменитый эпизодъ съ депутаціей вальденбургскихъ рабочихъ, принятыхъ на аудіенціи Вильгельмомъ I и получившихъ отъ короля 12000 талеровъ на основаніе производительнаго товарищества,—также прямое свидѣтельство вліянія Лассаля. Ткачи на фабрикѣ либеральнаго депутата Рейхенгейма устроили стачку и послали петицію прусскому королю, прося выслушать ихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ отклонилъ ихъ просьбу, но Бисмаркъ вмѣшался и устроилъ рабочимъ аудіенцію. Король милостиво выслушалъ рабочихъ, жаловавшихся на низкую плату, произвольные вычеты и дурное обращеніе, и далъ деньги на устройство ассоціаціи. Либеральная буржуазія забила тревогу и сдѣлала запросъ въ палатѣ «Damit», сказалъ Рейхенгеймъ въ палатѣ, «sollte der politische Puff gemacht werden, und zu diesem politischen Puff hat man die Majestät des Königthums gemissbraucht» *).

Бисмаркъ отвѣтилъ 4 дня спустя въ засѣданіи отъ 15 февраля 1865 г. «Рабочіе заблуждаются относительно источника своихъ страданій: они ищутъ его въ спеціальномъ устройствѣ фабрики, на которой они работаютъ. Ихъ горизонтъ не всегда достаточно широкъ, чтобы понять, что лишенія гораздо больше—результатъ соціальнаго положенія, въ которомъ находится рабочій классъ вообще. Я спрашиваю, однако, по какому праву я закрылъ бы имъ путь къ трону? Неужели коронѣ нужно оправдываться, если она выслушиваетъ голосъ бѣдныхъ? Прусскіе короли никогда не были преимущественно королями богатыхъ. Уже Фридрихъ Великій, будучи кронпринцемъ, сказалъ: Quand je serai roi, je serai un vrai roi des gueux **). Прин-

*) „Итакъ, нужно было продѣлать политическій пуфъ, и къ этому пуфу примѣшали особу монарха".

**) „Когда я сдѣлаюсь королемъ, я буду истиннымъ королемъ нищихъ".

ципъ защиты бѣдности и впослѣдствіи проявленъ былъ нашими королями. У ихъ трона всегда находило убѣжище и вниманіе всякое страданіе, возникающее, когда писанный законъ становится въ противорѣчіе съ естественнымъ правомъ человѣка. Наши короли освободили крестьянъ... И возможно, что имъ удастся также содѣйствовать улучшенію положенія рабочихъ; стремленіе къ этому имѣется... Если 200 рабочихъ одной фабрики считаютъ себя вынужденными, не смотря на ожидающія ихъ дома дурныя послѣдствія, явиться предъ престоломъ съ крикомъ отчаянія, то я изъ этого заключаю, что здѣсь открывается задача, достойная вниманія законодательства. Казалось бы, что нужно быть только благодарнымъ, когда, въ виду столь великаго и труднаго вопроса, могущественный монархъ старается собственными средствами убѣдиться, въ чемъ состоятъ условія процвѣтанія производительной ассоціаціи, какіе камни у насъ въ странѣ грозятъ ей крушеніемъ... Совѣтникомъ короля былъ я, и я думаю, что далъ не дурной совѣтъ» *).

Плеяда талантливыхъ публицистовъ, боровшаяся въ 50 и 60-хъ годахъ за свободу промышленности, такъ-же слѣпо относилась къ рабочему движенію, какъ либеральные политики. Безспорно способнѣйшій изъ экономистовъ-публицистовъ того времени, John Prince-Smith пишетъ не о рабочемъ вопросѣ, а о *такъ называемомъ* рабочемъ вопросѣ **). Противъ экономическихъ невзгодъ общаго свойства «добросовѣстная наука можетъ указать только одно средство: работайте и сберегайте». Подъ рабочимъ вопросомъ понимаютъ вопросъ о томъ, какъ «возможно улучшить экономическое положеніе труда, независимо отъ общаго поднятія благосостоянія страны, котораго не желаютъ терпѣливо ждать». Между тѣмъ, вѣдь вполнѣ ясно, что положеніе наемныхъ рабочихъ или средняя высота заработной платы ничто иное, какъ *частное отъ дѣлимаго— рабочій фондъ, на дѣлителя—число рабочихъ*. Говорятъ, будто только рабочіе вынуждены на всякихъ условіяхъ продавать свой трудъ. Какое заблужденіе! Принужденіе совершенно одинаково какъ на сторонѣ труда, такъ и на сторонѣ предпринимателя. Здѣсь— голодный желудокъ, тамъ—прожорливый капиталъ (hier der hungernde Magen, dort das fressende Kapital). Враги рабочихъ—не капиталистъ и не капиталъ, а они сами (т. е. сами рабочіе, ихъ умноженіе) и «внѣшнія условія, трудно преодолимыя». Полемизируя противъ Лассаля, Принсъ Смитъ, впрочемъ, совершенно вѣрно отмѣчаетъ ошибку желѣзнаго закона заработной платы, указывая, что не минимумъ необходимости, а привычный уровень жизни опредѣляетъ высоту заработка. Какъ извѣстно, противъ желѣзнаго закона,

*) Dr. Ritter v. Poschinger. Fürst Bismark als Volkswirt, 3-ter Band Berlin, 1889—91, стр. 29, 30.

**) John Prince-Smith, Die sogenannte Arbeiterfrage (Vierteljahreschritft für Volkswirthchaft, 1864, p. 192 и сл.).

отвергнутаго, впрочемъ, въ свое время Марксомъ, теперь высказалась и германская соціалъ-демократія, вычеркнувъ его въ Эрфуртѣ изъ своей программы.

Несравненно глубже пониманіе совершавшагося переворота у мыслителя, стоявшаго въ сторонѣ отъ политическихъ споровъ и попытавшагося тогда протянуть руку правительству Бисмарка: у Евгенія Дюринга *).

Въ докладной запискѣ для Бисмарка, написанной по порученію Вагенера, тогда состоявшаго ближайшимъ совѣтникомъ министра-президента, Дюрингъ съ безпощадной логикой разрушаетъ карточный домъ соціальной реформы Шульце. Весь принципъ такъ называемыхъ соціальныхъ ассоціацій—реакціонный, если онѣ разсчитаны на охрану мелкаго ремесленника отъ грядущаго крупнаго производства; наемнымъ рабочимъ товарищества совершенно безразличны потому что онѣ имѣютъ въ виду не рабочихъ, а мелкихъ предпринимателей. Нагляднѣе всего это видно на примѣрѣ кредитныхъ, товариществъ, которыя даже не поддерживаютъ больше фикціи, будто они учрежденія для рабочаго класса. Если даже допустить, что товарищества могутъ задержать на короткое время или ослабить процессъ развитія крупнаго производства, то спрашивается: выгодно ли это для общества? Очень мало категорій промышленности надолго могутъ сопротивляться естественной организаціи въ формѣ крупныхъ предпріятій, и въ этихъ случаяхъ соціально-экономическіе интересы скорѣе требуютъ ускоренія, нежели замедленія естественнаго процесса. Производительныя товарищества, подобно курьезнымъ соціалистическимъ экспериментамъ посреди совершенно не соотвѣтствующей, «гетерогенной» обстановки, только пустая забава. По своей сущности они ведутъ назадъ, а не впередъ: sie sind ihrem Wesen nach zurückläufig und suchen den Ausweg aus Calamitäten der modernen Gestaltungen in einer den Lebensbedingungen der modernen Industrie wiederstrebenden Richtung. **).

Это не значитъ, чтобы нельзя было представить себѣ извѣстнаго воздѣйствія коллективнаго типа производства на характеръ промышленныхъ отношеній, но оно возможно только, если поставить государственную инициативу на мѣсто частныхъ предприни-

---

*) Я здѣсь не касаюсь основныхъ теоретическихъ трудовъ Дюринга по той же причинѣ, по которой не касаюсь Родбертуса и Маркса: они тогда не оказывали вліянія ни на законодательство, ни на общественное мнѣніе.

**) «Ретроградныя по самому существу, они ищутъ выхода изъ бѣдствій настоящаго строя въ направленіи прямо противномъ условіямъ существованія новѣйшей индустріи». Denkschrift über die wirtschaftlichen Associationen und socialen Coalitionen. Neuschönfeld—Leipzig, 2 Aufl. 1867., Авторомъ значится Hermann Wagener, Königl. Preuss. Geheimer Reg. Rath. etc. Это дало поводъ къ процессу, изложенному Дюрингомъ въ брошюрѣ: Die Schicksale meiner social-politischen Denkshrift. Въ самой Германіи эта роль Дюринга мало извѣстна.

мателей; въ такомъ случаѣ, однако, самое понятіе товарищества исчезаетъ и замѣняется государственнымъ учрежденіемъ.

Совершенно другой характеръ носятъ соціальныя коалиціи. На континентѣ подъ ними понимаютъ соединеніе рабочихъ для поднятія заработной платы, и когда требуютъ Coalitions-Freiheit, то обыкновенно имѣютъ въ виду свободу стачекъ. Въ дѣйствительности идея коалиціи шире, глубже: это соединеніе класса для борьбы за общіе интересы класса, за всѣ экономическіе и духовные интересы. Вопросъ о заработной платѣ рѣзче выступаетъ, правда, чѣмъ всѣ другіе, потому что онъ основной въ жизни фабричнаго народа. Коалиція рабочаго класса—необходимое послѣдствіе развитія фабричнаго строя и стоитъ на почвѣ этого строя, выгодно отличаясь отъ хозяйственныхъ ассоціацій своимъ полнымъ соотвѣтствіемъ идеѣ развитія. Отсутствіе порядка, анархія, выражающаяся въ чисто-оппозиціонной тактикѣ рабочихъ коалицій,—только продуктъ грубыхъ формъ господства въ промышленномъ строѣ: не коалиція вноситъ анархію въ промышленность, а наоборотъ,—анархія въ промышленности ведетъ къ коалиціи. Развитіе рабочаго и въ особенности фабричнаго права, немыслимо безъ участія рабочихъ коалицій, но точно также немыслимо, чтобы нормальнымъ и постояннымъ явленіемъ было состояніе войны между соединенными рабочими и соединенными хозяевами, при которомъ государство оставалось бы только нѣмымъ зрителемъ. Почему? Дюрингъ отвѣчаетъ: потому что въ такой борьбѣ приходится считаться не столько съ умомъ, сколько со страстями и инстинктомъ, потому что состояніе войны разрываетъ даже связь общаго отечества, потому, наконецъ, что и *самыя лучшія организаціи рабочихъ слабѣе, чѣмъ коалиціи предпринимателей*. Слѣдовательно, въ общемъ выводѣ коалиція и борьба могутъ быть только временнымъ состояніемъ, изъ котораго есть только одинъ выходъ: вмѣшательство общественной власти, защищающей общіе интересы. Въ превосходныхъ, можетъ быть, слишкомъ сжатыхъ выраженіяхъ Дюрингъ доказываетъ значеніе благосостоянія массъ и поднятія заработной платы какъ для развитія внутренняго рынка промышленности, такъ и для *соціальнаго мира* *).

Чѣмъ крупнѣе размѣры фабричнаго производства, тѣмъ менѣе государство можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ одностороннаго развитія капиталистической гегемоніи: рано или поздно частная полиція предпринимателя должна замѣниться общественнымъ правомъ, анархія—порядкомъ. Промышленныя отношенія перестаютъ

*) Молодымъ нѣмецкимъ соціалъ-политикамъ школы Брентано, пишущимъ толстые томы для доказательства не всегда новыхъ мыслей своего остроумнаго учителя, можно было бы порекомендовать чтеніе этой, уже 30 лѣтъ назадъ вышедшей книжки Дюринга, къ сожалѣнію, мало извѣстной. Она предохранила бы ихъ, можетъ быть, и отъ односторонняго увлеченія тредъ-юніонизмомъ.

носить характеръ частно-правовыхъ и становятся предметомъ общаго блага. Государство должно не только развивать фабричное законодательство, но и дать рабочимъ возможность организоваться, содѣйствовать этой организаціи, «инкорпорировать ее». Точно также желательно соединеніе и представительство интересовъ предпринимателей въ торговыхъ камерахъ или коммиссіяхъ. Между обоими представительствами интересовъ должны стоять органы государственной власти въ видѣ фабричныхъ инспекторовъ, окружной администраціи и т. п. Всѣ отношенія, входящія въ условія рабочаго договора, должны быть предметомъ сужденій и соглашенія смѣшанныхъ учрежденій. Въ то-же время представители отъ рабочихъ корпорацій должны имѣть возможность высказаться при всѣхъ законодательныхъ актахъ, касающихся трудового народа. Въ оцѣнку практической программы Дюринга нѣтъ надобности входить: она осталась только литературнымъ памятникомъ, впослѣдствіи мѣстами реставрированнымъ Шеффле, чтобы и въ обновленной формѣ произвести впечатлѣніе столь же непрактической и безплодной попытки теоретическаго ума.

Огромный, чрезвычайный результатъ сближенія феодализма съ 4-мъ сословіемъ для всего дальнѣйшаго развитія Германіи заключался въ томъ, что оно дало рабочимъ всеобщее избирательное право и, такимъ образомъ, открыло возможность соціальной коалиціи на политическихъ принципахъ. Все остальное надолго исчезло, когда событія внѣшней политики и объединеніе Германіи устранили конфликтъ. Та самая буржуазія, которая стояла на сторонѣ прогрессистской оппозиціи, стала надежнѣйшей опорой Бисмарка въ политикѣ объединенія. Вмѣстѣ съ либеральными манчестерцами Бисмаркъ создавалъ славу Пруссіи и очищалъ почву отъ всѣхъ видовъ сепаратизма. Свобода промышленности, свобода передвиженія, отмѣна полицейскихъ стѣсненій и т. п. не только реформировали старое, но и создавали общее право для Германіи. Идеи Лассаля, даже совѣты Вагенера, а потомъ Лотаря Бухера потеряли вліяніе на законодательство, движеніе уходило въ массы народа, правительство же и партія ликующихъ патріотовъ отождествляли себя съ интересами капитала. При обсужденіи въ рейхстагѣ сѣверо-германскаго союза новаго промышленнаго устава, распространявшаго (въ отдѣлѣ 7-мъ) прусское фабричное право на всю союзную территорію (впослѣдствіи, послѣ объединенія, на всю Германію), требованія широкаго фабричнаго законодательства выставлены были, однако, преемникомъ Лассаля, фонъ-Швейцеромъ.

Лассаль, какъ извѣстно, игнорировалъ эту сторону государственнаго вмѣшательства. Хотя Швейцеръ—послѣдователь Лассаля, но тутъ онъ является ученикомъ Маркса.

Почти всѣ предложенія, фигурирующія за послѣднія 20 лѣтъ въ программахъ соціальной реформы: запрещеніе фабричнаго труда дѣтей моложе 14 лѣтъ и ночной работы, воскресный отдыхъ, нор-

мальный рабочій день, выставлены уже были Швейцеромъ при дебатахъ о Gewerbeordnung въ 1869 г. Вся рѣчь, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, съ большимъ успѣхомъ могла бы быть произнесена и теперь въ любомъ собраніи. «Чтобы вы были въ состояніи оцѣнить наши предложенія», начинаетъ Швейцеръ, «я вынужденъ, изложить нѣкоторыя основныя положенія политической экономіи», и говоритъ о 3 источникахъ дохода при современномъ общественномъ порядкѣ, излагаетъ теорію цѣнности Маркса, ссылается на Шульце-Делича, согласившагося въ своемъ «Катехизисѣ», что трудъ единственный источникъ мѣновой цѣнности. Борьба капитала съ трудомъ основывается на фактѣ, лежащемъ внѣ всякаго сомнѣнія: національное богатство увеличивается, но народъ отъ этого мало выигрываетъ. Увеличеніе національнаго богатства доказываетъ, что нельзя видѣть въ предпринимательской прибыли премію за рискъ (Если отдѣльный предприниматель рискуетъ потерять состояніе во время кризиса—прибавилъ сидѣвшій рядомъ съ Швейцеромъ сигарочникъ Фритче—то развѣ рабочій не рискуетъ потерять кусокъ хлѣба!). Хотя отношенія капитала и труда напоминаетъ состояніе войны, но тѣмъ не менѣе Швейцеръ заявляетъ: Die sociale Revolution nach den bisherigen Principien ist in Europa abgenutzt und todt, die nach den neuen Principien ist noch nicht reif. Gehen wir der gewaltsamen Entwickelung voraus, bauen wir vor!

Слова «соціальная политика», «соціальная реформа» еще тогда были мало употребительны, но мысли, идеи, которыя выражалъ 25 лѣтъ тому назадъ этотъ лассаліанецъ, почти буквально тѣ, которыя слышатся теперь отъ передовыхъ нѣмецкихъ соціалъ-политиковъ. Онъ особенно настаиваетъ на необходимости нормальнаго рабочаго дня, который дастъ рабочему классу, durch die Macht des Staates *) возможность жить по человѣчески и, въ качествѣ класса, пріобрѣсти большое значеніе въ странѣ. Появятся новыя, высшія потребности, и это поведетъ къ повышенію заработной платы. Государство, желающее дѣйствительно придти на помощь рабочему классу, должно начать съ безпристрастнаго статистическаго изслѣдованія положенія труда. Точно также нужно предоставить рабочимъ возможность организоваться по образцу англійскихъ тредъ-юніоновъ. Мы пойдемъ относительно этой Gewerbeordnung объ руку съ либералами, прибавилъ Швейцеръ, такъ какъ они защищаютъ дальнѣйшее развитіе экономическихъ отношеній, которое можетъ быть намъ только полезно; вынимать, однако, каштаны для буржуазіи рабочіе теперь такъ-же мало расположены, какъ и дать реакціонному правительству натравлять себя на либеральную буржуазію.

Въ рейхстагѣ нашлось очень мало консерваторовъ (Вагенеръ, да еще, и то не вполнѣ, Браухичъ), присоединившихся къ Швейцеру. Остальные, вмѣстѣ съ либералами, были противъ такихъ

*) Властью государства.

нововведеній, какъ нормальный рабочій день. Либерально-манчестерскій публицистъ, Браунъ-Висбаденъ поучаетъ рейхстагъ, что прибыль—справедливое вознагражденіе за трудъ и рискъ, и возставать противъ нея значитъ не понимать законовъ политической экономіи. Лично онъ, Браунъ, даже не имѣетъ ничего противъ нормальнаго рабочаго дня, но введеніе его возможно лишь добровольно, онъ самъ собою явится! «Промышленное развитіе совершается у насъ такъ быстро, что законодательство во многихъ отношеніяхъ не можетъ угнаться за нимъ... Я согласенъ, что наши законы несовершенны, особенно что касается судьбы производительныхъ классовъ. Но мы должны оставаться на почвѣ естественныхъ экономическихъ законовъ (wirtschaftliche Naturgesetze), которыхъ ни одинъ законодатель и ни одинъ агитаторъ не можетъ безнаказанно топтать ногами: Thun wir doch ab diesen Aberglauben an die Allmacht des Staates oder Gesetzgebung *).

Бывшій соратникъ Брауна на экономическихъ конгрессахъ и въ борьбѣ за свободу промышленности, Михаэлисъ сидѣлъ тогда за правительственнымъ столомъ. Отъ имени союзнаго совѣта онъ дѣлаетъ, однако, очень примирительное заявленіе. Правительство смотритъ на этотъ законъ не какъ на конституцію, которой не измѣняютъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Настоящій законъ не заканчиваетъ, а даетъ только базисъ для дальнѣйшаго развитія, объединяетъ существующее промышленное законодательство, что-бы открыть дорогу общему стремленію къ усовершенствованію... Какъ можно было положиться на такія обѣщанія, это показала исторія фабричнаго законодательства въ слѣдующія 20 лѣтъ. Министерская записка отъ 1872 г., вышедшая, судя по стилю и содержанію, изъ подъ пера Дельбрюка или того же Михаэлиса, категорически высказывается противъ всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ законодательной защиты труда. Перечисливъ мѣры, существовавшія тогда въ пользу рабочихъ, записка прибавляетъ: «Конечно, ослѣпленныя массы и ихъ вожаки ставятъ государству гораздо болѣе широкія требованія. Они взываютъ къ вмѣшательству властей, чтобы помочь имъ сократить рабочій день и поднять заработную плату, они желали бы, чтобы, кромѣ заработной платы, которую рабочіе получаютъ, государство обезпечило имъ участіе въ прибыляхъ предпріятія... Къ такимъ требованіямъ государство должно отнестись вполнѣ отрицательно, потому, что они выходятъ за предѣлы его полномочій и задачъ»**).

Эпоха грюндерства и ростъ рабочаго движенія заставили общество одуматься, оглянуться на пройденный путь. Въ очеркѣ поли-

*) «Отрѣшимся отъ предразсудка о всемогуществѣ государства и въ законодательствѣ». Stenog. Bericht über die Verhandlungen des Reichstages des ND Bundes, 1869, Bd. 1, p, 11 ff., 123-4.

**) Poschinger Fürst Bismärk als Volkswirth. B, I, s. 53—54.

тическихъ и соціальныхъ движеній въ Германіи мы надѣемся отмѣтить вліяніе организаціи массъ на соціальную политику Германіи. Участіе въ этой политикѣ представителей экономической науки, извѣстныхъ подъ именемъ катедръ-соціалистовъ, уже отмѣчено въ нашей экономической литературѣ. Была, однако, пора, когда ихъ вліяніе склонны были преувеличивать, особенно въ университетскихъ кругахъ. Это понятно, если посмотрѣть на 80 томовъ трудовъ Verein'a für Socialpolitik и вспомнить, какой ересью въ началѣ 70 годовъ казалось признаніе и гомеопатической дозы соціализма. Тѣмъ не менѣе, не смотря даже на то, что Бисмаркъ послалъ Вагенера на первый съѣздъ въ Эйзенахѣ, вліяніе катедръ-соціализма на законодательство было незначительно. На общественное мнѣніе, на печать и политическія партіи Общество соціальной политики, его собранія и печатные труды имѣли весьма серьезное вліяніе, но оно было не изолировано, а шло объ руку съ дѣятельностью университетовъ, съ развитіемъ рабочаго движенія и больше и прежде всего, съ развитіемъ промышленности, экономическихъ условій. Послѣ отставки Бисмарка, Шмоллеръ замѣтилъ на съѣздѣ 1890 г. въ Франкфуртѣ, что большинство требованій, выраженныхъ въ Эйзенахѣ, оставлялись правительствомъ безъ вниманія. «Профессоръ Шмоллеръ», сказалъ на томъ же съѣздѣ Брентано,— «уже отмѣтилъ, что нашъ Verein не можетъ приписать себѣ заслугъ въ соціальной политикѣ Бисмарка. Я хочу прибавить, что эта соціальная политика, хотя отдѣльныя общія воззрѣнія, какъ отрицаніе манчестерства, и были въ ней схожи съ нашими стремленіями, имѣла въ виду вовсе не то, къ чему мы стремились въ 70-хъ годахъ» *).

Какъ ни велика была антипатія законодательства 70 гг. ко всякому вторженію въ свободу промышленности, недостаточность Gewerbeordnung для защиты труда была слишкомъ очевидна, чтобы ее можно было игнорировать. Въ рабочемъ движеніи того времени требованіе фабричныхъ законовъ занимало меньше мѣста, чѣмъ теперь, но и на собраніяхъ, и въ соціалъ-демократической печати приводились примѣры чрезвычайной эксплоатаціи, производившіе впечатлѣніе, какъ характеристика условій, по мнѣнію рабочихъ, тѣсно связанныхъ съ формой производства. Рейхстагъ пригласилъ правительство изслѣдовать положеніе труда и, въ случаѣ надобности, представить проектъ о дополненіи фабричнаго законодательства. Изслѣдованія, предпринятыя въ 1875 г. о работѣ женщинъ и дѣтей, подтвердили, что съ ростомъ промышленности фабричный трудъ малолѣтнихъ увеличивается и эксплоатируется, что у женщинъ нѣтъ времени на веденіе хозяйства, отчего падаетъ семейная жизнь, однимъ словомъ, что безъ вмѣшательства закона темныя стороны фабричнаго строя сгущаются.

*) Schriften des V. f. S. P. Bd. 47.

Союзный совѣтъ, въ засѣданіи 17 апрѣля 1876 г., постановилъ обратиться къ правительствамъ съ предложеніемъ указать, въ какомъ направленіи желательно вмѣшательство закона? Прусскій министръ промышленности и торговли, съ своей стороны, счелъ нужнымъ указать на нѣкоторыя желательныя дополненія къ Gewerbeordnung, очень скромнаго свойства, какъ распространеніе запрещенія расплаты товарами, облегченіе труда малолѣтнихъ и женщинъ. Узнавъ объ этомъ, Бисмаркъ пишетъ изъ Варцина: «промышленность готовится послѣ попятнаго движенія послѣднихъ лѣтъ снова взяться за борьбу съ иностранной конкурренціей. Возлагать на нее новыя жертвы теперь тѣмъ менѣе умѣстно, что въ предлагаемыхъ мѣрахъ (въ пользу рабочихъ) *нѣтъ особенной надобности*. Относительно воскреснаго отдыха я думаю, что осуществленіе его сопряжено съ такими практическими затрудненіями и вмѣшательствомъ въ личную свободу, что всѣ попытки ни къ чему не поведутъ... Записка министерства указываетъ на развращающее и губительное вліяніе, которое оказываетъ ночной трудъ женщинъ на семью. На это я возражаю, что, во 1-хъ, не всѣ работницы замужнія женщины, и что, во 2-хъ, фабричный трудъ женщинъ вообще, днемъ-ли или ночью, не совмѣстимъ съ веденіемъ хозяйства и правильнымъ домомъ. Не запрещать же, однако, женщинамъ вообще работать на фабрикѣ» *).

Не смотря на эти возраженія, Союзный совѣтъ настоялъ на томъ, чтобы рейхстагу въ 1878 г. представлена была новелла къ Gewerbeordnung. Въ такихъ мелочахъ Бисмаркъ уступалъ союзнымъ правительствамъ. Новелла отъ 5 іюня 1878 г., съ нѣкоторыми измѣненіями принятая въ рейстагѣ, не заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, ни защиты женщинъ, ни воскреснаго отдыха, противъ которыхъ полемизировалъ Бисмаркъ. Заслугъ у нея немного, но она всетаки — маленькій шагъ впередъ. Фабричное законодательство распространено было ею на всѣ предпріятія, въ которыхъ примѣняется паръ, на строительные промыслы и верфи. Защита дѣтей осталась та же, но дѣтей моложе 12 лѣтъ запрещено было брать на фабрики даже «изрѣдка и случайно», какъ это дѣлалось на основаніи Gewerbeordnung, запрещавшей постоянное пользованіе силами дѣтей моложе 12 лѣтъ. То же болѣе широкое толкованіе примѣнено къ ограниченію занятій дѣтей 12—14 лѣтъ. Новелла предоставила правительству (союзному совѣту) ограничивать и вовсе запрещать трудъ женщинъ и подростковъ въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ это окажется желательнымъ ради сохраненія здоровья и нравственности. Запрещеніе расплаты товарами лучше и детальнѣе мотивировано, и сфера дѣйствія его расширена. Наконецъ, и это важнѣйшее постановленіе закона 1878 г., *институтъ фабричныхъ инспекторовъ признанъ обязательнымъ для всей Германіи*. Либе-

*) Aktenstücke, Bd. I, p. 233—237.

рально-манчестерское большинство рейхстага, создавшее промышленный уставъ 1869 г. съ его ничтожными уступками требованію защиты труда,—не могло рѣшиться на такое «ограниченіе свободы», какъ созданіе постояннаго контроля за фабриками въ формѣ фабричной инспекціи. Пруссія, имѣвшая уже этотъ институтъ на Рейнѣ, назначила нѣсколько новыхъ инспекторовъ, въ остальной Германіи самостоятельно ввели у себя фабричную инспекцію только Саксонія и Баварія (въ 1871 и 1872 гг.). Для всей остальной Германіи понадобился для этого обязательный имперскій законъ. Въ 1884 г. число всѣхъ фабричныхъ округовъ въ Германіи уже достигаетъ 48 и, за двумя исключеніями, во главѣ каждаго округа стоитъ самостоятельный инспекторъ. Во многихъ округахъ инспекторъ имѣетъ еще помощника и техника, такъ, напр., въ Саксоніи, кромѣ 7 инспекторовъ, въ томъ же 1884 г. фигурируютъ 12 ассистентовъ и 3 химика—эксперта *).

Для всѣхъ промышленныхъ предпріятій, подчиненныхъ горному вѣдомству или соприкасающихся съ нимъ, правительство, сверхъ того, имѣетъ еще своихъ особыхъ контролеровъ, исключающихъ дѣятельность фабричной инспекціи.

Къ фабричнымъ инспекторамъ Бисмаркъ питалъ какое-то инстинктивное отвращеніе, хотя они очень рѣдко давали поводъ къ подозрѣнію. Въ рѣчахъ въ рейхстагѣ, въ своихъ характерныхъ помѣткахъ карандашемъ на докладныхъ запискахъ, онъ всегда считаетъ нужнымъ сказать, что не питаетъ большого довѣрія къ уму и такту этой категоріи чиновничества. Ему, какъ онъ разъ выражается, «непріятно вторженіе фабричныхъ инспекторовъ въ сферу внутреннихъ, домашнихъ отношеній». Въ инструкціи прусскимъ фабричнымъ инспекторамъ отъ 24 марта 1879 г. сказано было, что инспекція «должна видѣть свою задачу не только въ томъ, чтобы своимъ благожеланіемъ, наблюденіемъ, совѣтами и посредничествомъ обезпечивъ рабочимъ благодѣянія закона, но и въ томъ также, чтобы съ тактомъ содѣйствовать хозяевамъ въ исполненіи предъявляемыхъ къ нимъ закономъ требованій,—быть посредниками между интересами предпринимателей и интересами рабочихъ и публики и пріобрѣсти довѣріе какъ тѣхъ, такъ и другихъ, съ тѣмъ, чтобы поддержать или создать добрыя отношенія между обѣими сторонами». Прусскіе фабричные инспектора, во всякомъ случаѣ, не злоупотребляли порученной имъ правительствомъ миссіей; о весьма немногихъ изъ нихъ можно сказать, что они задавались ролью защитниковъ слабѣйшихъ; значительное большинство ихъ скорѣе склонно было становиться на сторону предпринимателей. Попадались даже прямо безобразные экземпляры, какъ тотъ рейнскій инспекторъ, напр., который указывалъ хозяевамъ рабочихъ

*) Elster. Die Fabrikinspektorenberichte und die Arbeiterschutzgesetzgebung, въ Conrad's Jahrbücher, 1885, 398—99.

подававшихъ на нихъ неосновательныя, по его мнѣнію, жалобы. Тѣмъ не менѣе, министерству Бисмарка фабричные инспектора представлялись еще слишкомъ усердными филантропами. Съ 1885 г. фабричные отчеты, печатавшіеся для депутатовъ и попадавшіе въ книжную торговлю, появляются лишь in extenso,—подвергшись обработкѣ въ имперской канцеляріи, а прусскимъ фабричнымъ инспекторамъ преподается слѣдующее нравоученіе; «не включать въ отчеты никакихъ разсужденій, не стоящихъ въ непосредственной связи со служебными обязанностями инспекціи и вовсе не имѣющихъ или имѣющихъ лишь мало значенія для цѣлей отчетовъ, каковыми признается: изображеніе дѣятельности чиновъ инспекціи, исполненіе и вліяніе законныхъ постановленій, а также заявленіе о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, если оныя желательны» (Ministerialerlass v. 29 Aug. 1885).

4.

Уже въ 1878 г. намѣчается ясно разрывъ Бисмарка съ экономическимъ либерализмомъ. Германія переживала тогда въ самой рѣзкой формѣ послѣдствія промышленнаго кризиса, начинается пора аграрныхъ затрудненій. Уголь, желѣзо, ткани не находили сбыта. Внутренній рынокъ предъявлялъ слабый спросъ, внѣшніе рынки были завалены товарами, конкурренты другъ другу сбивали цѣны. Жалобы горнозаводчиковъ и прядильщиковъ побудили правительство назначить спеціальныя изслѣдованія о положеніи желѣзодѣлательной, хлопчато-бумажной и льняной промышленности, и изъ засѣданій коммиссіи до Бисмарка доходилъ въ десяткахъ варіантовъ одинъ и тотъ же основной мотивъ: таможенная защита, Schutz der nationalen Arbeit *)!

Въ то же время землевладѣльцы, стѣсняемые заатлантической и нашей русской конкурренціей, все громче требовали пошлины на хлѣбъ. Отъ ума Бисмарка не ускользнуло, что это былъ рѣдкій моментъ, когда обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство, повидимому, выступали съ одинаковыми требованіями и шли по одному пути. Устранить хотя бы на время антагонизмъ буржуазныхъ и землевладѣльческихъ интересовъ, соединить предпринимателей, вообще, *имущихъ*, противъ грозныхъ требованій пролетаріата—это были идеи, которыя стоило попытаться связать въ систему, и Бисмаркъ дѣйствительно возвелъ ихъ въ систему. Землевладѣльцы получили пошлины на хлѣбъ, промышленники пошлины на желѣзо, ткани, пряжу. При ликованіи юнкерства и промышленниковъ (не даромъ фабриканты въ Эссенѣ и Барменѣ вывѣсили флаги, когда Бисмаркъ взялъ въ свои руки министерство торговли), начиналась эра національной системы въ народномъ хозяй-

*) Охрана національнаго труда.

ствѣ, съ фиктивнымъ Bauer'омъ (мужикомъ), «у котораго если есть деньги, то ихъ имѣетъ весь свѣтъ», съ картелями, которые, пользуясь таможенной защитой, покрывали на внутреннемъ потребителѣ убытки заграничныхъ операцій.

Рабочіе получили тоже свою долю: исключительный законъ на 12 лѣтъ, сковавшій, или, по крайней мѣрѣ, попытавшійся сковать свободную дѣятельность пролетаріата, и систему страхованія на случай болѣзни, увѣчья и старости, составляющую самый блестящій опытъ разрѣшенія сложныхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ соціальнымъ вопросомъ, но не исчерпывающихъ его содержанія, не составляющихъ главной его сущности. Уже при обсужденіи закона противъ соціалъ-демократіи Бисмаркъ неоднократно увѣрялъ, что онъ отнюдь не думаетъ, чтобы однѣ репрессивныя мѣры могли къ чему-нибудь повести, если ихъ не дополнить положительными мѣропріятіями въ пользу рабочаго населенія. Въ апрѣлѣ 1881 г. онъ говоритъ въ рейхстагѣ: «послѣ изданія закона о соціалистахъ мнѣ не перестаютъ напоминать какъ съ оффиціальной, высокостоящей стороны, такъ и изъ народа, что мы тогда обѣщали сдѣлать что-нибудь положительное, чтобы устранить причины, ведущія къ соціализму, насколько онѣ справедливы» *). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ влагаетъ въ уста дряхлому Вильгельму замѣчательныя слова о томъ, что государство обязано придти на помощь народу. Эту помощь онъ понимаетъ, однако, только въ видѣ обезпеченія отъ разныхъ неблагопріятныхъ случаевъ, но не въ видѣ вмѣшательства въ условія труда. 8 января 1882 г. Бисмаркъ пишетъ министру публичныхъ работъ Майбаху: «Въ виду петиціи рудокоповъ изъ Эссена о *введеніи нормальнаго рабочаго дня*, я прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ: представляетъ ли опытъ въ горномъ вѣдомствѣ матеріалъ для отвѣта просителямъ? я хотѣлъ бы въ особенности знать, даютъ-ли событія послѣдняго времени массѣ рудокоповъ какой-нибудь поводъ къ жалобамъ на чрезмѣрное напряженіе». Упомянувъ о томъ, что въ послѣднее время теченіе въ пользу нормальнаго дня замѣтно увеличивается и что клерикалы въ этомъ смыслѣ внесли уже 11 декабря 1881 г. запросъ въ рейхстагъ, канцлеръ прибавляетъ: «По моему мнѣнію, всякая такая мѣра обоюдо-остра: съ одной стороны, она можетъ повести къ улучшенію положенія рабочихъ, однако, съ другой стороны, и къ вздорожанію производства и къ уменьшенію заработной платы, а въ дальнѣйшихъ своихъ послѣдствіяхъ подвергнуть опасности нашу устойчивость въ конкурренціи и экспортѣ и въ заключеніе создать безработицу. Ни въ какомъ случаѣ, вслѣдствіе этого, нельзя ввести максимальнаго рабочаго времени путемъ общаго предписанія закона. Воздѣйствіе обязательными мѣрами, которое одинаково соотвѣтствовало-бы интересамъ рабочихъ и промышленности, въ крайнемъ

*) Poschinger, Bd. II. 52.

случаѣ можно будетъ достигнуть спеціальными предписаніями, принимающими во вниманіе особенности каждой отрасли промышленности и отдѣльныхъ мѣстностей. Для этого, однако, еще нужна точная професіональная статистика»,—прибавляетъ Бисмаркъ, «а также содѣйствіе корпоративныхъ союзовъ» *).

То, что въ отвѣтѣ главы правительства еще носитъ форму общихъ соображеній, принимаетъ болѣе конкретныя очертанія въ рѣчахъ предъ рейхстагомъ. Канцлеръ высчитываетъ, что если запретить работать 14 часовъ и дозволить только 12, рабочій потеряетъ 1/7 своего жалованья; онъ говоритъ о фабрикантахъ, которые предпочтутъ отрѣзывать купоны (не замѣчая, что эти купоны находятся въ тѣсной связи съ прибылью фабриканта), скорбитъ о необходимости воскреснаго труда, но что же дѣлать: рабочій не можетъ отказаться отъ 1/7 своего заработка, а фабрикантъ едва-ли можетъ взять это на себя. «Не надо задаваться пока слишкомъ высокими цѣлями». Конечно, кому не желательно, чтобы женщины оставались дома и не работали на фабрикѣ? Но если жена зарабатываетъ даже треть (не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ, когда она зарабатываетъ 1/2 или 2/3 заработка мужа), то къ бюджету въ 750 марокъ это прибавка, отъ которой семья не можетъ отказаться. Однимъ словомъ, признавая свою политику діаметрально противоположной системѣ laisser faire,—снова вспоминая, какъ въ 60 годахъ, что les rois de Prusse sont les rois des gueux **) Бисмаркъ въ то же время ставитъ «естественныя границы» государственному вмѣшательству, дальше которыхъ вмѣшиваться и защищать—значитъ «зарѣзать курицу, приносящую рабочему яйца» ***).

Эти идеи повторяются во всѣхъ письмахъ, рѣчахъ и поступкахъ Бисмарка до конца его оффиціальной политической дѣятельности. Главные мотивы, красной нитью проходящіе чрезъ всѣ его замѣчанія о защитѣ труда, это—соперничество, значеніе международнаго рынка, невозможность поднять заработную плату, не подрывая въ корнѣ промышленности. «Готовы-ли вы,—иронически спрашиваетъ онъ иниціаторовъ фабричныхъ реформъ,—дать изъ государственныхъ средствъ субсидію промышленности за то, что она возьметъ на себя жертвы, которыхъ она не въ состояніи нести, но которыя, по вашему мнѣнію, соотвѣтствуютъ государственнымъ цѣлямъ? Что касается меня,—иронически прибавляетъ Бисмаркъ,—то меня такія вещи не пугаютъ».

За то онъ пугаетъ буржуазію въ сущности невинными, но громкими и еретическими выходками, какъ признаніемъ права на трудъ. Въ засѣданіи рейхстага отъ 9 мая 1884 г. Бисмаркъ заявляетъ:

---

*) Aktenstücke zur Wirthschaftspolitik des Fürsten Bismark, Bd. II, 1891, стр. 95—96.

**) «Прусскіе короли—короли нищихъ».

***) Poschinger. Fürst Bismark als Volkswirth, Bd. II. 103—110.

«дайте рабочему право на трудъ, пока онъ здоровъ, дайте ему работу, обезпечьте ему уходъ во время болѣзни и на старость. Если вы это сдѣлаете, не убоитесь жертвъ и не будете кричать о государственномъ соціализмѣ... то, увѣряю васъ, соціалъ-демократія потеряетъ кредитъ. Пусть только рабочіе убѣдятся, что правительство и парламентъ серьезно заботятся объ ихъ благѣ.» «Въ іюлѣ 1848 года, отвѣтилъ канцлеру депутатъ Рихтеръ,—французскіе рабочіе пролили свою кровь на улицахъ Парижа, требуя права на трудъ. Германскій канцлеръ сегодня произнесъ имъ оправдательный приговоръ, заявивъ, что то, за что они боролись—право на трудъ, составляетъ также цѣль его соціальной политики. Признавая право на трудъ, государство признаетъ и свою обязанность дать массамъ работу и соотвѣтственную плату, т. е. организовать государственными средствами производство и экономическія отношенія вообще». Въ отвѣтъ на это Бисмаркъ процитировалъ статью Preussiches Landrecht, содержащую будто-бы уже то, что онъ называетъ правомъ на трудъ *).

Опытъ страхованія рабочихъ доказалъ, что въ области *обезпеченія* рабочихъ свободное отношеніе Бисмарка къ манчестерству и воплямъ буржуазныхъ доктринеровъ принесло существенные результаты. Въ сферѣ же фабричнаго законодательства, т. е. заботы о ближайшихъ нуждахъ рабочаго населенія во время работы, облегченія труда вообще, за послѣдній періодъ эпохи Бисмарка почти ничего не было сдѣлано. Государство относилось отрицательно ко всѣмъ положительнымъ предложеніямъ изъ среды рейхстага, а сами рабочіе были по рукамъ и ногамъ связаны исключительнымъ закономъ, крайне урѣзавшимъ права ассоціацій и собраній. Система Ruthe und Zuckerbrot **) такъ окрестили рабочіе въ Германіи этотъ періодъ сковывала не только народныя массы, но и лучшіе умы. «Періодъ 1878—90 годовъ», пишетъ Шмоллеръ по поводу извѣстныхъ указовъ Вильгельма II, «въ глазахъ позднѣйшаго времени всегда будутъ одной изъ величайшихъ и плодотворнѣйшихъ законодательныхъ эпохъ. Пруссія, наконецъ, возвратилась къ традиціямъ Фридриха Великаго и нашла мужество понять народное хозяйство, какъ нѣчто цѣлое, поставивъ государственную власть во главѣ великихъ національныхъ интересовъ, возвративъ монархіи ея благороднѣйшее назначеніе: защитника интересовъ бѣдныхъ людей противъ господства имущихъ». Однако, при всѣхъ достоинствахъ этой эпохи, ознаменованной законодательствомъ о страхованіи рабочихъ, она и въ глазахъ Шмоллера имѣетъ свои темныя стороны. «Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Бисмаркъ становился тормазомъ соціальныхъ реформъ. Фабричное законодательство, фабричные инспектора всегда были ему мало симпатичны. Въ законодательствѣ о защитѣ труда онъ видѣлъ

*) Poschinger, Bd. II. 174—177.
**) «Розги и сахарной булки».

только трудность осуществленія и не понималъ его воспитательнаго значенія. Онъ, вѣроятно, вообще, никогда не понималъ вполнѣ, что для рабочаго класса не только нужно сдѣлать что нибудь сверху, но и предоставить ему участіе въ этомъ дѣлѣ. Его кругозоръ часто былъ родственнѣе взглядамъ крупныхъ промышленниковъ и помѣщиковъ, чѣмъ того великаго соціальнаго реформатора, который вызвалъ и подписалъ императорское воззваніе 1881 г... Какъ доказывали голосованія въ рейхстагѣ, почти вся нація требовала болѣе смѣлаго темпа въ соціальной политикѣ. Многіе добрые патріоты, умѣренные политики и вѣрные поклонники канцлера, когда заходила рѣчь объ его соціальной политикѣ, грустно поникали головой. Довольны имъ были только laudatores temporis acti — поклонники патріархальной системы, видящіе во всеобщемъ избирательномъ правѣ, въ свободѣ печати и самоуправленіи цѣпь грубыхъ ошибокъ» *). Единственныя уступки, которыя сдѣланы были правительствомъ въ 80-хъ годахъ, состояли въ нѣсколькихъ частныхъ мѣрахъ союзнаго совѣта на основаніи полномочій закона 1878 года (новелла къ Gewerbeordnung) къ охраненію рабочихъ въ предпріятіяхъ, связанныхъ съ особой опасностью для здоровья. Сюда принадлежитъ распоряженіе 13 мая 1884 г. о приготовленіи зажигательныхъ спичекъ. Приготовленіе спичекъ изъ бѣлаго фосфора разрѣшается только въ исключительно для того установленныхъ помѣщеніяхъ. Рабочіе моложе 16-ти лѣтъ не должны допускаться въ помѣщенія, въ которыхъ происходитъ приготовленіе спичечной массы, обмоканіе и сушеніе спичекъ, а дѣти, до 14 лѣтъ, не должны имѣть доступа даже къ работамъ по укладкѣ спичекъ въ коробки. Штрафы за нарушеніе закона серьезны: денежныя взысканія до 2000 марокъ или тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ и, сверхъ того, конфискація инструментовъ, матеріала и готоваго продукта. Распоряженіемъ союзнаго совѣта отъ 3 февраля 1886 г. введены нѣкоторыя ограниченія въ работѣ женщинъ и дѣтей на проволочныхъ фабрикахъ съ водяными двигателями. Самыя серьезныя мѣры приняты, однако, относительно двухъ другихъ производствъ,—приготовленія оловянныхъ красокъ и производства сигаръ. Относительно фабрикъ перваго рода союзный совѣтъ, пользуясь предоставленнымъ ему фабричнымъ закономъ правомъ, постановляетъ въ правилахъ отъ 12 апрѣля 1886 г., что малолѣтніе рабочіе вовсе не допускаются къ работамъ на фабрикахъ оловянныхъ красокъ, женщины же лишь къ такимъ работамъ, гдѣ онѣ не приходятъ въ соприкосновеніе съ оловянными продуктами. Взрослые рабочіе принимаются на такія фабрики лишь по представленіи удостовѣренія отъ врача, что они совершенно здоровы, достаточно сильны и въ особенности не страдаютъ болѣзнями легкихъ, желудка, почекъ или алкоголизмомъ. Предприниматель обязанъ снабдить помѣщенія

*) Schmoller, Zur Social und Gewerbepolitik, 1890, p. 465—69.

въ которыхъ выдѣляется пыль, наиболѣе совершенными вентиляторами; аппараты, выдѣляющіе пыль или газы, должны быть обмотаны толстыми шерстяными тканями, самыя помѣщенія высоки и просторны, каждый рабочій долженъ быть снабженъ особымъ костюмомъ для работы и особыми респираторами. Фабриканту вмѣняется, далѣе, въ обязанность дать возможность рабочимъ пользоваться баней не менѣе одного раза въ недѣлю, имѣть врача, который каждый мѣсяцъ обязанъ осматривать рабочихъ и заносить свѣдѣнія о рабочихъ въ особыя книги, подлежащія просмотру инспекціи. Что придаетъ распоряженію правительства особенное и даже принципіальное значеніе, это два постановленія, впервые введенныя для этого,—правда, совершенно исключительнаго,—производства: во-1-хъ, обязательный максимальный рабочій день въ 12 часовъ, и во-2-хъ, требованіе о включеніи въ обязательныя же фабричныя правила нѣкоторыхъ предписаній, касающихся условій работы. Хотя предписанія устанавливаютъ не право, а лишь извѣстныя обязанности рабочихъ (не приносить съ собой съѣстныхъ припасовъ, не ѣсть за работой, не приступать къ ѣдѣ въ столовой прежде, чѣмъ не вымоетъ лица и рукъ и т. д.), но это первыя обязательныя фабричныя правила по тому типу, какъ ихъ потомъ шире осуществили реформой 1891 г. для всѣхъ фабрикъ, вопреки бурному протесту фабричныхъ феодаловъ. Если принять во вниманіе условія труда на фабрикахъ съ оловянными производствами, то ограниченіе рабочаго дня 12 часами представляется намъ совершенно нелѣпымъ, потому что тутъ нужно довести время труда до 6 или, по крайней мѣрѣ, 8 часовъ, но во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ предъ собой первый примѣръ максимальнаго рабочаго дня для взрослыхъ.

Не столь радикально, но очень существенно, въ виду большой распространенности регулируемаго имъ производства, постановленіе союзнаго совѣта отъ 9 мая 1888 г. объ устройствѣ и эксплоатаціи сигарныхъ фабрикъ.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ, фабричная инспекція въ Германіи не могла не замѣтить, сталкиваясь съ народной жизнью, сколько зла въ нее вноситъ чрезмѣрная работа, особенно женщинъ. Уже въ 1876 году фабричный инспекторъ изъ Помераніи замѣчаетъ въ своемъ отчетѣ, что, хотя въ его округѣ женскій трудъ на фабрикахъ менѣе распространенъ, чѣмъ въ остальной Пруссіи, но по его наблюденіямъ необходимо, чтобы законъ запретилъ ночной трудъ женщинъ, прекратилъ имъ доступъ въ тѣ занятія, которыя вредно отражаются на ихъ здоровьи, и ограничилъ время труда замужнихъ работницъ. Вредъ, который приноситъ съ собою паденіе семейной жизни и запущенность хозяйства, значитъ гораздо больше для рабочихъ, чѣмъ потеря въ заработкѣ вслѣдствіе сокращенія труда на нѣсколько часовъ *). Приблизительно въ тѣхъ же выра-

*) Jahres-Berichte der Fabricken-Inspektoren für das Jahr 1876. Berlin, bei Kortkamf, стр. 81—82.

женіяхъ говоритъ о женскомъ трудѣ инспекторъ изъ Рейса, заканчивающій свой отчетъ о женскомъ трудѣ за 1884 г. напоминаніемъ, что всеобщее ограниченіе женскаго труда представляется крайне желательнымъ и нетерпящимъ отлагательства *). Подобныя заявленія не производятъ, однако, никакого впечатлѣнія: правительство убѣждено, что эксплоатація женщинъ необходима для процвѣтанія отечественной промышленности, а предприниматели, по выраженію одного изъ фабричныхъ инспекторовъ, «охотно пользуются женскимъ трудомъ, такъ какъ *женщины дешевле и болѣе послушны*». Работницъ стремятся привлечь не только къ дневнымъ, но и къ ночнымъ работамъ. Саксонскій инспекторъ округа Мейсенъ замѣчаетъ: «Въ писчебумажныхъ фабрикахъ женскій трудъ привлекается преимущественно вслѣдствіе его дешевизны, такъ какъ женщина за ночь работы получаетъ 1 марку, тогда какъ мужчинамъ за совершенно одинаковый трудъ (т. е. за то же количество работы) приходится платить не менѣе полутора марокъ». Въ большинствѣ фабричныхъ отчетовъ повторяются жалобы на недостаточность надзора, эксплоатацію слишкомъ слабыхъ силъ и столкновенія со школьными интересами. Одинъ примѣръ изъ сотни. Дюссельдорфскій фабричный инспекторъ сообщаетъ въ своемъ отчетѣ: «Даже путемъ полицейскихъ допросовъ удалось установить, что рабочая сила малолѣтнихъ издавна эксплоатируется самымъ непростительнымъ образомъ въ различныхъ предпріятіяхъ, и что инспекцію обманываютъ. Такъ, напр., одна фабрика показывала, что она работаетъ съ двумя смѣнами при прядильныхъ машинахъ, въ каждой по 12 мальчиковъ и дѣвочекъ, причемъ одна партія остается съ 9 до 12 и съ 5 до 8½, а другая съ 6 до 9 и съ 1¼ до 5. Уже это само по себѣ нарушеніе закона, но въ дѣйствительности оказалось, что всѣ малолѣтніе работаютъ съ 6 ч. утра до 8½ ч., а иногда до 9½ вечера, съ одной часовой паузой на обѣдъ. Въ жаркой атмосферѣ прядильни эти почти дѣти работали 14½ до 15½ часовъ въ сутки, зарабатывая 9—10 пф. въ часъ, въ среднемъ, однако, почти полторы марки въ день, подвергаясь за то самому грубому обращенію. Имъ внушено было, что каждый разъ, когда появится инспекторъ, они должны прятаться, а если ихъ будутъ спрашивать, они должны лгать и показывать такъ, какъ хозяинъ. Раздаются, наконецъ, голоса интеллигентныхъ и болѣе гуманныхъ предпринимателей, что промышленность очень легко можетъ взять на себя нѣкоторыя жертвы. Эхельгейзеръ **) доказываетъ, что не только ограниченіе дѣтскаго и женскаго труда, но даже нормальный рабочій день — вовсе не утопія. Резике (Roesicke), — тоже предприниматель, — высчиталъ, что для ткацкой промышленности Германіи полное запрещеніе дѣт-

---

*) Amtliche Mittheilungen aus dem Jahresbericht, Jahr 84, стр. 588.
**) Oechelhaüser: Die socialen Aufgaben der Arbeitgeber. 1887.

скаго труда означало бы всего $^1/_2$% надбавки на капиталъ, выплачиваемый въ видѣ рабочей платы *).

Идея развитія фабричнаго законодательства въ 80-хъ гг. нашла защиту почти во всѣхъ партіяхъ рейхстага, но не въ правительствѣ кн. Бисмарка. Въ отвѣтъ на упрекъ въ отрицательномъ отношеніи къ соціальнымъ реформамъ, соціалъ-демократія внесла въ сессію 1885 г. обширнѣйшій, детально выработанный проектъ, заключавшій въ себѣ: запрещеніе труда дѣтей моложе 14 лѣтъ, максимальный рабочій день для подростковъ въ 8 часовъ, для взрослыхъ—сначала только въ 10, запрещеніе воскреснаго и ночного труда, съ изъятіями, вызываемыми лишь характеромъ работы, требованіе обязательныхъ фабричныхъ правилъ, усиленія инспекціи, созданія рабочихъ камеръ, отмѣны законовъ, стѣсняющихъ коалиціи, и мног. др. Послѣ соціалъ-демократическихъ, наиболѣе обширные проекты внесены были центромъ; они заключали въ себѣ, между прочимъ, запрещеніе воскреснаго труда, максимальный рабочій день въ 10—11 часовъ, сначала для женщинъ. Центръ и соціалъ-демократія повторили свои предложенія, свободомыслящіе и консерваторы, съ своей стороны, также внесли проекты воскреснаго отдыха, ограниченія дѣтскаго и женскаго труда. Часть предложеній, касавшаяся работы дѣтей и женщинъ, воскреснаго отдыха и увеличенія фабричной инспекціи, принята была въ рейхстагѣ подавляющимъ большинствомъ, но и въ 1886 г., и въ 1888 г. союзныя правительства отвергли постановленія рейхстага. «Союзный совѣтъ не могъ придти къ убѣжденію,—гласили мотивы правительственнаго рѣшенія,—чтобы въ дальнѣйшемъ ограниченіи труда женщинъ и дѣтей была практическая надобность. Добрыя намѣренія рейхстага не могутъ быть осуществлены указаннымъ путемъ, потому что трудъ дѣтей и женщинъ, какъ и воскресная работа, необходимы не только въ интересахъ промышленности, но и въ интересахъ самихъ рабочихъ». Этотъ отвѣтъ данъ въ разгаръ толковъ о соціальныхъ реформахъ, когда Европа была убѣждена, что германское правительство не останавливается ни передъ какими соображеніями, чтобы осуществить государственный соціализмъ.

Пренія въ рейхстагѣ конца 80-хъ годовъ о фабричномъ законодательствѣ наполняютъ цѣлые томы стенографическаго отчета. При разсмотрѣніи реформы 1891 г. мы подробно познакомимся со взглядами отдѣльныхъ партій, здѣсь же приведемъ только 2—3 характерныхъ примѣра. Депутатъ капланъ Гитце въ засѣданіи рейхстага 25 ноября 1889 г. защищаетъ проектъ, внесенный отъ имени центра и требующій полнаго воскреснаго отдыха, максимальнаго рабочаго дня для замужнихъ женщинъ въ 10 часовъ, запрещенія ночного труда женщинъ вообще, повышенія предѣльнаго дѣтскаго возраста до 13-ти лѣтъ и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе

*) Roesicke: Der Arbeiterschutz. 1887.

крупныхъ поправокъ. «Что касается ночного труда женщинъ,—сказалъ капланъ Гитце,—то я не могу найти особаго повода къ народный гордости, когда вижу, что въ Англіи, Швейцаріи и Австріи онъ вовсе запрещенъ, тогда какъ у насъ онъ существуетъ, безпрепятственно служа интересамъ промышленности и, какъ думаютъ, выгодамъ семьи. Относительно максимальнаго труда въ 10 ч. для замужнихъ я замѣчу, что раньше мы шли еще дальше, но теперь сочли нужнымъ считаться съ условіями. Намъ возражаютъ со стороны фабрикантовъ: въ такомъ случаѣ женщинъ вовсе не станутъ принимать на фабрики. Я вамъ напомню, однако, что когда мы ограничили трудъ подростковъ (14—16 лѣтъ) 10 часами въ день, намъ возражали то же самое; опытъ, однако, доказалъ противное. За 2 года число подростковъ увеличилось на 34,663 человѣка... Чѣмъ больше у насъ будетъ внѣшняго покоя, тѣмъ скорѣе совѣсть, пробужденная развитіемъ соціалъ-демократіи, снова уснетъ. Если мы хотимъ защищать собственность, развить въ народѣ привеженность къ существующему порядку и сохранить семью, намъ слѣдуетъ прежде всего защищать и собственность рабочаго, его единственный капиталъ—рабочую силу; возвратимъ женщину семьѣ и оставимъ ребенка какъ можно дольше въ семейныхъ условіяхъ... Если въ борьбѣ съ соціалъ-демократіей желаютъ чего-нибудь достигнуть, надо исполнить ея справедливыя требованія: это лучшая форма борьбы съ нею» *).

Тотъ же Гитце въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій рейхстага заявляетъ: «Не случайность, что въ Саксоніи, гдѣ въ широкой мѣрѣ практикуется работа дѣтей на фабрикахъ, и рабочее время—самое продолжительное въ Германіи, гдѣ такъ много женщинъ-работницъ и такъ сопротивляются защитѣ труда,—что въ Саксоніи больше всего соціалъ-демократовъ... Въ послѣдніе годы, когда говорятъ о соціальной реформѣ, подъ нею понимаютъ только страхованіе рабочихъ. Мы гордимся нашими законами о страхованіи, и я вижу въ нихъ огромное культурное пріобрѣтеніе, но мы должны протестовать противъ замѣчаемаго одновременно невниманія къ задачамъ охраны труда. Еслибы вопросъ былъ поставленъ такъ: страхованіе или фабричное законодательство (Arbeiterschutz)?—я сказалъ бы: фабричное законодательство гораздо важнѣе, чѣмъ страхованіе. Послѣднее представляется пока рабочимъ въ формѣ необходимости платить, и пройдутъ еще десятки лѣтъ, пока они оцѣнятъ вполнѣ его благодѣянія. Въ области фабричнаго законодательства выгоды наглядны, и потому оно дѣйствуетъ примиряющимъ образомъ... Что больше всего озлобляетъ рабочаго и ведетъ его къ соціалъ-демократіи? Воспоминанія о потерянномъ дѣтствѣ, видъ своего запущеннаго дома, отсутствіе хозяйки, необходимость работать поздно

*) Stenogr. Berichte über Verhandlungen des Deutschen Reichstags, VII Legislp., 4-te Session (1888—89), Bd. I, p. 471—474, 562 и слѣд.

вечеромъ или даже въ праздникъ... Страхованіе *и* защита труда—вотъ нашъ пароль!» Бенигсенъ, Микель (въ 1887), Клейстъ-Ретцовъ (1889) также не соглашались съ правительствомъ и требовали расширенія фабричнаго законодательства: консерваторы—включенія воскреснаго отдыха, свободомыслящіе—ограниченія дѣтскаго и женскаго труда и права коалицій съ отмѣной стѣснительныхъ законовъ о собраніяхъ и ферейнахъ, клерикалы—того и другого съ присоединеніемъ максимальнаго рабочаго дня, соціалъ-демократы ограниченія женскаго и дѣтскаго труда, нормальнаго рабочаго дня (сначала въ 10 ч.), рабочихъ камеръ, посредничества при наймѣ. Въ засѣданіи рейхстага 23 января 1889 г. мы видимъ, съ одной стороны, свободомыслящаго деп. Баумбаха, называющаго себя съ гордостью манчестерцемъ и, тѣмъ не менѣе, взывающаго отъ имени своей партіи къ защитѣ женскаго и дѣтскаго труда, уже признанной въ 1887 г. рейхстагомъ и отклоненной союзнымъ совѣтомъ; съ другой стороны—представителя правительства и одного изъ главныхъ дѣятелей «государственнаго соціализма»—Беттихера, заявляющаго, что союзный совѣтъ отказывается идти вмѣстѣ съ рейхстагомъ въ фабричномъ законодательствѣ, не потому, чтобы союзный совѣтъ подчинялся канцлеру, а потому, что въ такихъ законодательныхъ мѣрахъ *нѣтъ надобности*, что ими достигается лишь переходъ женщинъ и дѣтей въ домашнее производство и что, наконецъ, «правительства не могутъ рѣшиться ограничить рабочему возможность утилизировать свой трудъ, гдѣ это не абсолютно необходимо въ видахъ общаго блага». Ссылаясь на отчеты инспекторовъ, Беттихеръ находитъ, что фабричныя занятія даже очень полезны для дѣтей, пріучая ихъ къ «точности, порядку и чистотѣ». Къ ограниченію труда женщинъ «тѣмъ меньше повода», что уже теперь на многихъ фабрикахъ приступаютъ къ расширенію ночного отдыха. Министръ даже впадаетъ въ чувствительный тонъ и рисуетъ семью съ многочисленными дѣтьми, въ которой мужъ боленъ или мало заработываетъ: «неужели у васъ хватаетъ духа, — патетически восклицаетъ онъ, — изъ принципа отказать бѣдной женщинѣ въ правѣ трудиться для своихъ дѣтей?»

«Теперь мы знаемъ точку зрѣнія союзнаго правительства, и признаюсь: мнѣ становится страшно отъ такихъ воззрѣній,—отвѣтилъ министру клерикалъ Гитце.—Вы говорите, что нѣтъ повода къ законодательному вмѣшательству, когда за 8 послѣднихъ лѣтъ число дѣтей моложе 14 лѣтъ увеличилось на фабрикахъ съ 9300 до 21000 душъ? Неужели можно видѣть въ этомъ нормальное развитіе? Да, послѣ заявленій министра, нужно, пожалуй, пожалѣть тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которымъ не удается попасть на фабрику. На Рейнѣ и въ большинствѣ прусскихъ провинцій мы достигли освобожденія дѣтей, благодаря школѣ и благоразумію фабрикантовъ.

Гдѣ этихъ факторовъ недостаточно, тамъ необходимо всеобщее принужденіе закона».

Паденіе Бисмарка означало поворотъ отъ односторонней политики соціальнаго умиротворенія путемъ обезпеченія и страхованія на будущее, къ реформамъ условій труда въ настоящемъ. Колоссальная, небывалая по размѣрамъ стачка углекоповъ въ маѣ 1889 г. точно также свидѣтельствовала о недостаточности законовъ о страхованіи, какъ и о недѣйствительности репрессивныхъ мѣръ. Углекопы издавна пользовались обезпеченіемъ при несчастныхъ случаяхъ, болѣзни и старости, которое соціальныя реформы Бисмарка дали всему рабочему населенію. И тѣмъ не менѣе углекопы въ Вестфаліи не задумались рискнуть всѣми пріобрѣтенными въ кассахъ правами, чтобы достигнуть лучшихъ условій труда, борясь за сокращеніе рабочаго времени, за улучшеніе заработковъ. Очевидно было, что эти вопросы въ глазахъ массы важнѣе, чѣмъ обезпеченіе при болѣзни или старости.

Когда Бисмаркъ въ январѣ уступилъ портфель торговли и промышленности оберъ-президенту Рейнской провинціи Берлепшу, въ обществѣ и печати заговорили, что совершается поворотъ въ соціальной политикѣ *). Берлепшъ обратилъ на себя вниманіе во время стачки, ему приписывали тактъ и заботливость въ отношеніи къ рабочимъ. Нѣсколько дней послѣ его назначенія послѣдовало обнародованіе указовъ Вильгельма II, вызвавшихъ величайшую сенсацію во всей Европѣ. «Я твердо намѣренъ,—гласилъ 1-й указъ имперскому канцлеру,—протянуть руку нѣмецкимъ рабочимъ для улучшенія ихъ участи, насколько это позволятъ границы, налагаемыя необходимостью сохранить для германской промышленности возможность конкурренціи на всемірныхъ рынкахъ, и обезпечить такимъ образомъ существованіе промышленности и рабочихъ... Трудность улучшенія быта нашихъ рабочихъ, создаваемая международной конкурренціей, можетъ быть, если не вовсе устранена, то облегчена международнымъ соглашеніемъ между сторонами, конкуррирующими на всемірномъ рынкѣ. Убѣжденный, что и другія правительства одушевлены желаніемъ подвергнуть совмѣстной оцѣнкѣ стремленія, относительно которыхъ рабочіе этихъ странъ уже ведутъ между собою переговоры, я хочу, чтобы Франція, Англія, Бельгія и Швейцарія были оффиціально запрошены моими представителями, намѣрены ли ихъ правительства вступить съ нами въ переговоры для международнаго соглашенія относительно возможности идти навстрѣчу потребностямъ и желаніямъ рабочихъ, обнаружившимся въ стачкахъ

---

*) «Vossische Zeitung» писала тогда, что правительство желаетъ измѣнить свое отношеніе къ защитѣ труда, Бисмаркъ же «wolle diese Schwenkung nicht mitmachen» (не хотѣлъ принять участіе въ этомъ шатаніи). Газетные отзывы собраны у Poschinger. Documente zur Wirtschaftspolitik, Bd. V, стр. 234 и слѣд.

послѣднихъ лѣтъ и по другимъ поводамъ? Какъ только получено будетъ согласіе въ принципѣ съ моимъ предложеніемъ, я уполномочиваю васъ пригласить на конференцію по относящимся сюда вопросамъ кабинеты всѣхъ правительствъ, принимающихъ одинаковое участіе въ рабочемъ вопросѣ». Бисмаркъ впослѣдствіи разсказалъ, что, не видя средствъ удержать императора отъ этого шага, внушеннаго ему Гинцпетеромъ и другими неотвѣтственными совѣтниками, онъ, канцлеръ, постарался по крайней мѣрѣ «влить побольше воды въ слишкомъ крѣпкое пиво императорскихъ указовъ». Смыслъ ихъ, однако, довольно ясенъ, особенно 2-го указа министрамъ Берлепшу (промышленности) и Майбаху (желѣзныхъ дорогъ). «Какъ ни цѣнны и успѣшны мѣры, до сихъ поръ принятыя къ улучшенію быта рабочаго сословія, но онѣ,—говоритъ императоръ,—не выполняютъ всей поставленной мнѣ задачи. Рядомъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства о страхованіи рабочихъ нужно подвергнуть пересмотру существующія предписанія о фабричныхъ рабочихъ, чтобы исполнить въ этой области ихъ желанія, насколько они обоснованы, и устранить раздающіяся жалобы. Пересмотръ долженъ исходить изъ того, что одна изъ задачъ государственной власти—урегулировать *продолжительность и характеръ работы*, что здоровье, требованія нравственности, экономическія потребности рабочихъ и ихъ право на равенство предъ закономъ должны быть ограждены». Для сохраненія мира между хозяевами и рабочими императоръ имѣетъ въ виду рабочія представительства, которыя давали бы рабочимъ возможность свободно и мирно высказывать свои желанія какъ предъ предпринимателями, такъ и предъ представителями государственной власти. Обязанность послѣднихъ—быть постоянно освѣдомленными о нуждахъ труда. «Государственныя предпріятія я желаю сдѣлать образцовыми учрежденіями по заботливости о своихъ рабочихъ»...

Международная конференція еще засѣдала въ Берлинѣ, когда (20 марта) послѣдовало удаленіе Бисмарка. При открытіи рейхстага новое правительство представило обширный проектъ реформы фабричнаго законодательства.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Г. Б. Іоллосъ.

ХИЗАНЫ *).

Очеркъ.

I.

Отъ частыхъ дождей и грязи почернѣла деревня Цремліани, а холода, наступившіе вмѣстѣ съ непогодой, загнали поселянъ въ низенькія сакли съ обрушившимися балконами и въ землянки. На косогорѣ усѣлся кривой господскій домъ, окруженный чернымъ балкономъ и съ выбитой кое-гдѣ рѣшеткой. За домомъ въ безпорядкѣ разбросаны кухня съ развалившимся каминомъ, буйволятникъ, саманникъ и покривившійся джини **), покрытый шапкой кукурузной соломы. Широкая проселочная дорога отрѣзала этотъ непривѣтливый дворянскій уголъ отъ деревни, съ ея убогими хизанскими жилищами. Роща давно сняла съ себя свой роскошный зеленый нарядъ, стоитъ вся обнаженная и зябнетъ. Изъ за ея стволовъ виднѣется мельница; по черной дорогѣ, за цѣпью арбъ, нагруженныхъ мѣшками и покрытыхъ кукурузной соломой, гуськомъ тащутся помольцы, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ грязи и понукая лѣниво плетущихся буйволовъ.

Надъ землянками густо поднимается синій дымъ и таетъ въ холодномъ осеннемъ воздухѣ. Надъ деревней уныло виситъ мглистое небо, косой дождь повременамъ покрываетъ сѣрою сѣткой деревню, мельницу и рощу. Пронеслась съ крикомъ стая воронъ; временами слышатся изъ ближайшаго голаго лѣса мѣрные удары дровосѣка... И затѣмъ все опять тихо.

Начинало вечерѣть.

Жена хизана Маро Ростомашвили плотно притворила двери, стряхнула рогожку, покрыла ею тахту на низенькихъ

---

*) Хизанами въ Грузіи именуются люди, имѣющіе свой земельный надѣлъ или осѣдлость, но за неимѣніемъ или недостаткомъ своей земли принанимающіе ее у бывшаго своего или посторонняго владѣльца и живущіе на ней временно на словесныхъ договорныхъ условіяхъ.

**) Джини—большой четырехъугольный кузовъ на сваяхъ, употребляемый для храненія кукурузы или грецкаго орѣха. *Авт.*

ножкахъ, подмела земляной полъ, подбавила дровъ въ каминъ, и, бросивши ребятамъ горсть кукурузныхъ зеренъ, велѣла имъ сидѣть дома, около огня. Васо, мальчикъ лѣтъ 8, и 5-лѣтняя Нино — оба голубоглазые блондины, кудрявые, босоногіе, въ изодранныхъ халатикахъ на голое тѣло,—поджавши подъ себя ноги, дружно усѣлись передъ огнемъ, гудѣвшимъ въ каминѣ; братъ деревянными щипцами разрылъ горячую золу, а сестра бросила въ горячую ямку нѣсколько зеренъ и они начали жарить *бати-бути* *). Раздается трескъ и изъ золы выскакиваютъ «бѣлые барашки», дѣти ловятъ ихъ, перебрасываютъ въ рукахъ, дуновеніемъ охлаждаютъ въ горстяхъ и жадно ѣдятъ. Бати-бути—единственное лакомство цремліанскихъ дѣтей, а все другое, какъ, напримѣръ, сушеныя груши, сливы, яблоки или кизиль—продано евреямъ разносчикамъ, которые перепродаютъ ихъ въ Тифлисѣ или Гори. Между кидобани (высокій съ дверцами наверху ящикъ на ножкахъ, гдѣ складываютъ чуреки) и сундукомъ, обитымъ разрисованною красною жестью, надъ корытомъ согнулась Маро и мѣситъ темное тѣсто для чурека. Пламя освѣщаетъ ея черты: красивые, черные, полные грусти глаза, длинныя рѣсницы, тонкія брови и впалыя щеки. За перегородкой въ этой же саклѣ тяжело дышетъ скотина, что-то медленно пережевывая, и третъ свои бока о косякъ почернѣвшихъ бревенъ. Въ саклѣ пахнетъ навозомъ, стоитъ дымъ и темнота. Крошечное отверстіе, откуда проникаетъ свѣтъ въ саклю, въ предохраненіе отъ холода заткнуто мѣшкомъ, и пламя, лижущее почернѣвшія стѣны камина, слабо прорѣзаетъ мракъ.

Много лѣтъ тому назадъ три брата Ростомашвили пришли изъ далекой Осетіи и поселились на землѣ помѣщика Арчила Гулашвили, сдѣлавшись его «хизанами». Рабовладѣлецъ, человѣкъ деспотическаго нрава, не могъ спокойно думать, что среди его православныхъ хизановъ-грузинъ появились люди, «поклоняющіеся, какъ онъ выражался, черту и всякой нечистой силѣ», и приказалъ осетинамъ креститься. Старшій изъ пришлыхъ Чобана—60 лѣтній старикъ, убѣленный сѣдинами, воспротивился было, но, по распоряженію барина, бывшаго тогда участковымъ засѣдателемъ, значитъ не послѣдней птицей въ округѣ, онъ былъ публично высѣченъ, а черезъ недѣлю (ждали, пока оправится Чобана) всѣ новые хизаны, въ количествѣ 12 человѣкъ, были приняты въ лоно православной церкви, причемъ воспріемниками были самъ Арчилъ и попадья. Каждый изъ новыхъ хизанъ получилъ по 15 десят. земли въ арендное владѣніе, вырылъ землянку и поселился въ ней. Черезъ нѣсколько

*) Бати-бути—бѣлые барашки, жареныя кукурузныя зерна. *Авт.*

лѣтъ, когда братья пріобрѣли нѣкоторое благосостояніе—они поставили себѣ деревянныя сакли, но такъ какъ Ростомашвили размножились, братья выдѣлились, а количество земли оставалось тоже самое, то новое поколѣніе жило бѣднѣе стараго; сосѣдство, кумовство, брачныя узы мало-по-малу слили новыхъ хизанъ осетинъ со старыми хизанами грузинами и, много лѣтъ спустя, въ Премліанахъ насчитывалось уже дворовъ 12.

Одинъ изъ Ростомашвили гордился когда-то своими шестью сыновьями; это были рослые, красивые молодцы и, когда въ полѣ за плугомъ они хоромъ затягивали, бывало, народныя грузинскія или осетинскія пѣсни, то, казалось, даже поля начинали весело смѣяться. Но пять братьевъ умерли въ небольшой промежутокъ времени отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней. Убитыхъ горемъ стариковъ утѣшалъ единственный сынъ Лексо и его дѣти. Однако, смерть не пощадила крошекъ внучатъ и въ живыхъ остались Васо и Нико. Скоро умерли и старики.

Деревня Премліани находится на высотѣ болѣе 2-хъ т. футовъ надъ уровнемъ моря, недалеко отъ дремучаго лѣса съ массою кудрявыхъ орѣшниковъ и чинаръ. Но, не смотря на эти благопріятныя климатическія условія, въ ней плохо выростаютъ дѣти, да и взрослые рѣдко доживаютъ до 40 лѣтъ. Стужа, отсутствіе топлива, плохая пища, въ связи съ этимъ болѣзни и отсутствіе медицинской помощи—все шире и шире раздвигаютъ премліанское кладбище. Въ этой деревушкѣ изъ двѣнадцати «дымовъ» рѣдкая женщина не носитъ траура, и на архалукахъ мужчинъ то и дѣло выдѣляются черныя вставки на груди.

Въ прошломъ году Маро похоронила десятилѣтняго сына Вано. Страшно убивалась несчастная мать; не успѣла она успокоиться, какъ заболѣлъ дифтеритомъ и другой, 2-хъ лѣтній ребенокъ; черезъ три дня его снесли на кладбище.

Маро какъ то застыла въ горѣ и молча ходила какъ тѣнь.

Умирающій день уступалъ мѣсто черной непроглядной ночи. Сидя передъ каминомъ, вся семья Ростомашвили принялась за скудный ужинъ: большая глиняная миска была полна нуршахтона *), и чуреки, вынутые изъ золы, лежали на деревянномъ подносѣ. Дѣти деревянными ложками черпали супъ, жадно ѣли и обливали животики. У самаго Лекса въ черной бородѣ застряли кусочки толченаго чесноку.

— Будетъ вамъ, скоро животы у васъ лопнутъ, подите спать!—скомандовала дѣтямъ Маро; тѣ встали и, схвативъ чернаго котенка, стали играть съ нимъ. Чесночная похлебка не насытила Лексо; онъ подошелъ къ полкамъ и сталъ шарить,

*) Нуршахтонъ—осетинская похлебка: толченый чеснокъ, разведенный въ теплой соленой водѣ.

нашелъ кусокъ сала, взялъ ножъ, сардиночную коробку, полную соли, и снова расположился передъ огнемъ.

Увидя, какъ отецъ срѣзаетъ тонкіе ломтики сала и ѣстъ съ хлѣбомъ, Васо и Нино бросились къ нему и запищали:

— Сала, сала! арима-а! арима-а! (отдай).

Лексо едва успѣвалъ рѣзать сало для себя и для дѣтей.

— Вотъ ужъ это баловство! Зачѣмъ имъ сала! И безъ него они сыты,—ворчала Маро, вынимая изъ золы остальные чуреки.

На дворѣ залились собаки и захрюкали свиньи.

— Кто бы могъ въ эту пору къ намъ?—прислушиваясь къ шуму, спрашивала Маро мужа. Лексо не успѣлъ отвѣтить, какъ скрипнула дверь и на порогѣ появилась длинная тонкая фигура Самсона или «священническаго сына», какъ его называли въ округѣ.

— Не ждали меня, не гадали! Добрый вечеръ!—пробасилъ онъ, снимая съ себя мокрую бурку, башлыкъ и шапку. Хозяева встали, поздоровались.

— Пожалуй вотъ сюда!—и Лексо засуетился, чтобы поставить гостю скамейку. Дѣти отошли въ сторону, прижались къ стѣнѣ и исподлобья, молча, смотрѣли на Самсона. Маро проскользнула за широкій столбъ, вытащила изъ сундука новый темный платокъ, накрылась и пришла къ гостю. Улучивъ удобный моментъ, Лексо шепнулъ женѣ:

— Надо угостить его, готовь ужинъ!

Маро засуетилась, а Лексо вернулся къ гостю.

— За деньгами я пришелъ,—началъ тотъ—мнѣ онѣ очень нужны теперь.

— За деньгами?—робко спросилъ Лексо.

— Да,—громко отвѣчалъ гость. Наступило молчаніе.

— Клянусь тебѣ святымъ Георгіемъ, что у меня теперь нѣтъ ни одного рубля, а вотъ на будущей недѣлѣ думаю поѣхать на Черный камень *), заработаю—отдамъ тебѣ всѣ деньги.

— Значитъ, Лексо, опять мнѣ ждать? Это невозможно, да и тебѣ хуже: проценты наростаютъ, когда ты выплатишь? Давно я тебѣ говорилъ—отдай 10 р., легче тебѣ было бы. Вотъ сосчитаемъ все.

Самсонъ вытащилъ изъ кармана толстую засаленную тетрадку въ черномъ клеенчатомъ переплетѣ и, нагнувшись къ огню такъ, чтобы свѣтъ отъ камина падалъ на страницы, онъ перелисталъ и нашелъ запись:

*) Черный камень—марганецъ, часто грузины уѣзжаютъ въ Имеретію для извоза марганца.

«Лексо Ростомашвили—хизанъ Илико Гулашвили въ 1890 году сентября 21 взялъ у меня въ долгъ 20 руб.»

— 10 рублей взялъ,—кротко поправилъ Лексо.

— Мои порядки, не мѣшай, слушай дальше: бери лобіи, давай считать.

— Маро, погляди тамъ, на полкѣ, въ мискѣ есть кукуруза, давай сюда, а лобіи,—обратился онъ къ Самсону,—весь вышелъ у насъ.

— Самсонъ, я не успѣла спросить васъ, какъ изволитъ поживать попадья и сестра ваша?—поставивъ передъ мужчинами миску съ кукурузными зернами, обратилась Маро къ гостю.

— Слава Богу, здорова, прежде немного болѣла, не привыкла къ новому мѣсту, а теперь ничего. Сестру замужъ выдаемъ за дьякона; ему обѣщали богатый приходъ. На красной горкѣ хотимъ отпраздновать свадьбу.

— Отъ души поздравляю. Да благословитъ ее Господь Богъ. Она такая у васъ хорошая, добрая...

— Маро, разговаривать очень пріятно, но вѣдь нашъ гость еще не ужиналъ,—замѣтилъ женѣ Лексо.

— Не безпокойтесь, мнѣ ничего не надо.

— Какъ ничего! Пока Лексо живъ, безъ ужина ни одинъ ночной гость не уйдетъ изъ этой сакли.

— Нѣтъ, не безпокойся, а вотъ лучше давай сосчитаемъ, сколько ты мнѣ долженъ. Значитъ, у меня взялъ въ долгъ 20 рублей.

— Десять.

— Ахъ, ты, Богъ мой! — вспылилъ «священническій сынъ», — если моихъ порядковъ не признаешь, то зачѣмъ у меня бралъ деньги?

— Хорошо, хорошо! считай.

— Двадцать рублей, по 30 коп. проценту съ рубля, это... это составитъ черезъ годъ 26 рублей 90 копѣекъ; дальше черезъ годъ процентовъ съ 26 р. 90 коп.—составитъ 34 р. 90 к.; значитъ, черезъ два года ты мнѣ долженъ отдать 34 р. 90 к.; если съ рубля, клади кукурузу, отдавалъ проценту 30 коп., то съ 34 руб. 90 коп. ты... мнѣ... долженъ... отдать, это значитъ черезъ три года—103 руб. 10 коп.

— Какъ много!—вырвалось у Лексо.

— Оселъ ты эдакій, а когда бралъ въ долгъ, не думалъ, что потомъ придется отдать много. Считай самъ!

— У меня выходитъ меньше, выходитъ вотъ: одинъ тумани *) двадцать зеренъ—два тумани, тридцать зеренъ—три тумани, четыре, пять, шесть, семь, восемь тумани.

*) Тумани—10 рублей.

— Не умѣешь считать, сосчитаемъ вмѣстѣ.

Въ каминѣ дрова догорали, пламени стало меньше и въ саклѣ потемнѣло.

— Маро, зажги лучину, кажется есть еще щепки тамъ, на полкѣ,—оборотясь къ женѣ, сказалъ Лексо.

Лучины не оказалось,

— Вчера Черпучика отвязалась отъ хлѣва, ушла въ лѣсъ, ее искали тамъ и всю лучину израсходовали. Пойду къ сосѣдямъ, и дровъ, и лучины много у нихъ будетъ, сегодня они въ лѣсу были...

— Считай, пока еще что-нибудь видно!—нетерпѣливо перебилъ Самсонъ Маро и злобно сверкнулъ глазами въ сторону Лексо. Васо и Нино, тихо сидѣвшіе за спиной отца, незамѣтно схватили десять кукурузныхъ зеренъ, зарыли въ горячую золу и въ то время, какъ Самсонъ вспылилъ: — Не умѣешь считать, десяти зеренъ не достаетъ!—изъ камина выскочили бѣлые барашки, попали въ руки кредитора и должника, запрыгали въ пустой деревянной мискѣ.

— Вотъ они, недостающія зерна твои!

— Ахъ вы черти! Собаки! волки вы эдакіе, ненасытные!—закричалъ Лексо на дѣтей.—Филяма (Убирайтесь).

Шалуны наскоро выгребли изъ золы зажаренныя зерна, насыпали въ подолы рубашекъ и отошли въ сторону. Лексо и гость принялись считать снова.

— Теперь самъ видишь свой долгъ; значитъ, ты, Лексо, мнѣ долженъ 103 р. 10 коп.

— Такъ много?—Лексо, удостовѣрившись въ цифрѣ долга, широко раскрылъ глаза, всталъ и нѣсколько мгновеній стоялъ неподвижно.

— Что ты такъ удивился? Бываетъ долгъ и больше этого.

— Можетъ быть, и бываетъ больше этого, а только для насъ, бѣдныхъ хизановъ, это страшный долгъ. Кажется, себя продашь и всетаки будетъ мало.

Лексо поникъ головой, почесалъ затылокъ и, тяжело вздохнувъ, тихо сказалъ:

— Да что дѣлать?! Заплатимъ.

— Ну, такъ и быть, я тебѣ сдѣлаю уступку, не надо мнѣ твоихъ десяти копеекъ. Значитъ, ты мнѣ долженъ ровно сто три рубля.

Дверь скрипнула и въ саклю вошла Маро; въ одной рукѣ она держала лучину, въ другой пеструю курицу головой внизъ.

— Лексо, на вотъ заколи, я зажгу лучину и пойду за дровами.

Узнавши, что готовится ужинъ, Васо рѣшилъ бодрствовать, проворно полѣзъ подъ тахту, вытащилъ оттуда топоръ и подалъ отцу. Лексо зажегъ лучину, положилъ на старую мѣдную

тарелку, поставилъ ее на верхней полкѣ, взялъ курицу, и скоро ея голова покатилась подъ корзину, а курица съ кровавой шеей и безъ головы запрыгала на землѣ, между ногъ Лексо и дѣтей. Маро принесла отъ сосѣдей охабку дровъ, подложила въ каминъ, поставила таганку и на нее котелокъ; скоро вода зашумѣла и закипѣла. «Священническій сынъ» и Лексо говорили объ урожаѣ, о лѣсѣ, о помѣщикахъ. Маро хлопотала около камина, готовя ужинъ. Дѣти выпросили куриныя сердце и легкія, промыли ихъ, посыпали солью и положили ихъ на горячія уголья; рядышкомъ сѣли противъ огня и, въ ожиданіи ужина, радостно хлопали въ ладоши. Болѣе трехъ мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ они были на похоронахъ сосѣда, они не ѣли мясного, поэтому, не удовлетворившись куринымъ сердцемъ, приставали къ матери дать имъ той курятинки, что жарится въ котлѣ и такъ вкусно пахнетъ.

— Будетъ вамъ! Подите спать, курятинки оставлю для васъ на утро,—шептала имъ мать. Маро разложила на тахтѣ одну общую постель, старую, грязную, и уложила дѣтей; они пофыркали, пофыркали подъ одѣяломъ и заснули. Дождь барабанилъ и шумѣлъ на крышѣ. Деревенскія собаки дружнымъ лаемъ залились у околицы.

— Эй, люди! гдѣ вы? Никого нѣтъ? — кричалъ на дворѣ какой то голосъ. По мѣрѣ приближенія всадника къ саклѣ, собачій лай становился явственнѣе.

— Выдь на дворъ, погляди, кто тамъ? должно быть ктонибудь подъѣхалъ къ намъ,—обратилась Маро къ мужу.

— Митро, Са̀но, Тедѐ, Лексо! — слышался чей-то голосъ.

— Это, кажется, голосъ Илико!—смотря въ дверь и прислушиваясь, сказалъ Лексо, всталъ и отворилъ дверь, крикнувъ женѣ:

— Дай лучины!

Среди двора, между курятникомъ и джини, на сѣрой лошади, въ черной буркѣ и желтомъ башлыкѣ сидѣлъ Илико Гулашвили, весь мокрый, продрогшій.

— Бичо, что ты себѣ такъ много позволяешь? Помѣщикомъ ты сдѣлался, что-ли?—въ отвѣтъ на привѣтствіе Лексо накинулся на него землевладѣлецъ.—Такихъ безсовѣстныхъ людей, какъ вы, хизаны, я еще не видалъ.

— За что вы изволите гнѣваться? — кротко спрашивалъ Лексо.

— За то, что вы всѣ свиньи, и...

Помѣщикъ при этомъ употребилъ крѣпкія слова, неудобныя для печати. — Васъ здѣсь двѣнадцать дымовъ, каждый дымъ обязанъ дать мнѣ въ годъ сорокъ восемь рабочихъ, это составило бы 576 рабочихъ, и моя усадьба, сады, поля процвѣтали бы, но вамъ не угодно работать. Напримѣръ, ты за

весь годъ работалъ у меня всего 20 разъ, а гдѣ остальные рабочіе дни,—я не знаю.

— Батоно, пожалуйте въ саклю,—подъ дождемъ простудитесь.

Слѣзая съ лошади, Илико продолжалъ ворчать:

— Вы, хизаны, только о своей пользѣ думаете, а помѣщикъ, которому вы обязаны всѣмъ, хоть издохни—вамъ рѣшительно все равно.

Пыхтя и отдуваясь, Илико направлялся къ саклѣ, откуда черезъ полуотворенную дверь виднѣлась узкая полоса свѣта. Лексо велъ лошадь въ буйволятникъ.

— Ну, и холодъ! А-а! и ты здѣсь?! Здравствуй!—снимая съ себя мокрую бурку, обратился Илико къ «священническому сыну»,—видно долги собираешь?

— Да, что подѣлаете — деньги всякому нужны, — низко кланяясь вошедшему, отвѣчалъ Самсонъ.

— А какіе проценты берешь: христіанскіе или іудины?

— По совѣсти!—отвѣчалъ Самсонъ, не моргнувъ глазомъ.

— О-о! это когда же у тебя завелась совѣсть?

Въ отвѣтъ Самсонъ криво улыбнулся и, какъ школьникъ, потупилъ голову.

— Маро, кумушка, гдѣ ты? Что прячешься?

Та вышла, низко поклонилась ему, положила на скамеечку пуховикъ въ красномъ кумачевомъ чехлѣ и поставила скамейку передъ батони, сказавъ:

— Пожалуйте! Поближе къ огню.

— Спасибо!

И онъ, пододвинувъ скамейку поближе къ пылавшему камину, грузно опустился. Лексо вошелъ и сталъ въ дверяхъ, не смѣя сѣсть, пока не позволитъ помѣщикъ, а Илико отвернулся, чтобы прочистить свой долгій красный носъ и, вытирая пальцы полой черкески, обратился къ Лексо, важно растягивая слова:

— Лексо, нескоро еще мнѣ придется побывать въ Цремліанахъ, теперь заѣхалъ случайно, въ горахъ былъ, дождь засталъ меня въ дорогѣ; на дняхъ ѣду въ Сурамъ и мнѣ хочется повидать всѣхъ здѣшнихъ хизановъ. Надо васъ привести въ настоящую вѣру. Очень ужъ вы тутъ набаловались. Что стоишь, какъ осина? Подойди ближе, сядь вонъ тутъ, у огня.

Лексо повиновался и, весь мокрый, усѣлся передъ каминомъ, поджавши подъ себя ноги и выставивъ руки передъ огнемъ; скоро отъ него потянулся густой паръ къ чернымъ прокопченнымъ стропиламъ потолка.

— Позови-ка твоихъ сосѣдей, да всѣхъ приведи.

— Если не спятъ.

— А если спятъ, то разбудить ихъ нельзя? Какія нѣжно-

сти! — метнувъ глазами въ сторону Лексо, вспылилъ помѣщикъ.

— Отчего жѐ! можно, разъ вы приказываете; только я потому докладываю вамъ, что они были въ лѣсу, кто въ волостное правленіе ходилъ, кто былъ въ Сурамѣ, судъ вызывалъ,—всѣ усталые.

— Да что тутъ много говорить, не угодно тебѣ идти звать ихъ, такъ я самъ приведу! Нагайка со мною.

Лексо нахлобучилъ войлочную шапку, взялъ дубину и сталъ въ дверяхъ.

— Что стоишь?

— Батоно!—тихо началъ онъ и, по привычкѣ, говоря съ бариномъ, снялъ шапку — мы вамъ должны четыре коди хгала *), но вамъ извѣстно, что много посѣвовъ вовсе у насъ испортилось, дожди сгубили, съ трудомъ отобрали хлѣба, чтобы только прокормиться. Да и годъ какой былъ для нашей семьи, сами знаете: только и видали, что похороны да поминки. Вотъ одному Самсону мы задолжали 100 рублей. Если бы была такая отъ васъ милость, чтобы отсрочить этотъ оброкъ до лѣта, тогда мы отдали бы заразъ.

— Кто тебѣ внушилъ такія глупыя мысли? Отсрочить! Можетъ быть прикажешь — подарить тебѣ?! Я лучше эти четыре коди собакамъ дамъ, велю для свиней сдѣлать мѣсиво, нежели пожалѣю хизана. Нѣтъ, братъ, не будетъ вамъ поблажки! Довольно. Вы мнѣ на голову сѣли. Вы перестали признавать своихъ господъ!—на всю саклю ревѣлъ помѣщикъ. Лексо, слегка нахмурившись, взялъ въ руки дубину и вышелъ изъ сакли. Жена нагнала его около буйволятника и, накидывая ему на плечи какія-то лохмотья ветхаго паласа, грустно говорила:

— Скорѣе вернись; онъ тамъ сидитъ и все бранится. И какой чортъ принесъ его къ намъ?

— Я то скоро приду,—задумчиво началъ Лексо,—да что мы съ тобою станемъ дѣлать? Какъ мы раздѣлаемся съ долгами? Обѣщалъ священническому сыну, что поѣду въ Имеретію на черный камень, заработаю и заплачу, но теперь невозможно будетъ ѣхать; видишь, какъ онъ кричитъ, придется пойти въ господскій садъ и тамъ работать.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра; оба они стояли и мокли.

— Эхъ! всею грудью вздохнулъ Лекса,— такъ до самой могилы значитъ! Маро, спѣши домой да приготовь тому волку хачапури **), пойду будить несчастныхъ.

---

*) Коди—грузинская мѣра сыпуч. тѣлъ=5 пуд. Хгала—повинность за пользованіе барской землей.

**) Хачапури—осетинская ватрушка.

Она направилась къ саклѣ, онъ къ хизанамъ. А въ саклѣ сидѣли гости и бесѣдовали. Дрова разгорѣлись, шипѣли, трещали; огромное пламя ярко озаряло убогую обстановку жилища, каминъ гудѣлъ, и временами гулъ этотъ смѣшивался съ шумомъ дождя. Оба гостя говорили о деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

— Самые страшные враги для насъ, помѣщиковъ, — это наши хизаны. Работники они плохіе, землю истощили, лѣсъ изуродовали и сдѣлали насъ нищими.

— А мы сами, батоно?—отозвалась съ конца сакли Маро, которую очень волновалъ этотъ разговоръ, — если круглый годъ имѣемъ одинъ сухой хлѣбъ, то жить еще можно, Бога славимъ! А вотъ, знаете хромую Маринэ, что прошлою осенью двухъ сыновей схоронила; у той несчастной старухи осталось семь внучатъ, малъ-мала меньше; такъ она уже теперь, осенью призаняла хлѣбъ. Какъ она дотянетъ до лѣта—одинъ Господь знаетъ. Вотъ какое наше житье!

— А кто виноватъ въ этомъ?—крикнулъ Илико.

— Не знаю кто, а тяжело намъ жить!—тихо сказала Маро. «Священническій сынъ», когда-то испробовавшій кулаки этого помѣщика, держалъ себя робко, старался больше молчать.

На длинномъ деревянномъ подносѣ Маро подала ужинъ. Осетинская водка, добытая у сосѣдей, горячій хачапури, куриное жаркое, приправленное лукомъ, немного смягчили сердитаго гостя; онъ жадно ѣлъ, чамкая на всю саклю и въ то же время говоря о сельскомъ старостѣ, о конокрадствѣ, о разныхъ злобахъ дня и объ урожаѣ. Онъ облизывалъ всѣ свои десять пальцевъ и, обсосавши, старательно обтиралъ ихъ полой черкески. Дверь скрипнула, и въ саклю вошли мокрые, холодные хизаны, въ сопровожденіи Лексо.

— Здравія желаемъ, батоно!—низко поклонились мужики и выстроились въ рядъ, заложивъ руки за поясъ.

— Здравствуйте! хорошо, что изволили пожаловать.

— Разъ намъ приказываютъ придти, — нельзя же сидѣть дома,—сказалъ кто-то изъ крестьянъ.

— Отчего же нѣтъ?—иронизировалъ Илико, вѣдь вы ничьей власти надъ собою не признаете, барами стали наши хизаны. Есть у меня дѣло къ вамъ.

— Батоно, и у насъ до вашей милости есть дѣло,—выступивши впередъ, молвилъ сѣдобородый, кудрявый коренастый мужикъ въ старой заплатанной солдатской шинели.

— Прежде всего скажите мнѣ, почему вы перестали работать въ моей усадьбѣ, въ моихъ садахъ? Заборъ развалился, деревенское стадо выѣло мои виноградники, буйволятникъ безъ крыши, у дома покосились столбы, саманникъ расползся, кто это все долженъ дѣлать?

— Что въ нашихъ силахъ, мы не отказываемся работать,— отвѣчалъ старикъ. — Миха, единственный сынъ Саломіи, все лѣто и теперь лежитъ въ постели, пожелтѣлъ, какъ воскъ. Я былъ въ Имеретіи, за меня работали мои сыновья. Теде тоже ходилъ на барщину, спросите вашего приказчика — онъ подтвердитъ это. Лексо также работалъ, какъ могъ. Парсо и Сосо уже нарѣзали въ лѣсу хворосту для вашего забора, но вы не уплатили салбаши *), они и не могутъ увезти изъ лѣса. Сала, Бардзимъ и Глаха все еще въ горахъ и про нихъ я ничего не могу сказать. Мы, конечно, обязаны работать на васъ, на то мы и хизаны, но не грѣхъ и вамъ позаботиться о насъ. Вотъ теперь многіе изъ нашихъ хизановъ сидятъ безъ дровъ. Правда, какъ вы женились, не живете здѣсь уже три года, но должно быть не забыли цремліанскихъ зимъ; носа нельзя будетъ показать на дворъ, прямо въ снѣжныхъ ямахъ будемъ сидѣть.

— Это не мое дѣло. Вы сами должны будете позаботиться о себѣ, не дѣти малыя. Берите билеты въ конторѣ, и холода вамъ не придется терпѣть.

— Батоно, откуда мы заплатимъ за билетъ? Сами вы знаете, какое тревожное лѣто было у насъ. Только возьмешься за серпъ, смотришь—лѣсной пожаръ, летитъ чапаръ, нагайкой хлещетъ во всѣ стороны, всѣхъ насъ увелъ на тушеніе огня. А хлѣбу вѣдь не пропадать: наняли мы батраковъ по 40 коп. въ день и заплатили за двѣ недѣли. Я троихъ нанялъ и отдалъ 15 руб.; откуда все это брать? Какой урожай былъ, сами видали: которая земля давала десять коди—лѣтомъ собрали четыре съ половиной, и зерно тощее, сухое; на билетъ, значитъ, не откуда брать денегъ. Мы хотѣли просить васъ о такой милости, чтобы вы похлопотали за насъ: пусть контора выдастъ намъ билеты на право пользованія топливомъ и платить станемъ изъ новаго урожая.

— Да какое мнѣ дѣло хлопотать о васъ? О своихъ дровахъ хлопочите сами,—нагайкой выводя въ золѣ какія-то фигуры, отвѣчалъ Илико.

— Мы, батоно нашъ, пытались, да насъ прогнали изъ конторы: «что вы, хизаны, собачіе сыны, говоритъ управляющій, не можете развѣ внести по 5 или 10 рублей» **)? Вамъ, батоно, легко помочь намъ, попросите управляющаго, онъ васъ уважаетъ, потому вы—соучастникъ лѣса.

— Я соучастникъ, отлично знаю, но вы не стоите того,

---

*) Салбаши—билетъ или плата за билетъ для входа въ лѣсъ.

**) Къ Карталиніи помѣщики-лѣсовладѣльцы установили плату за пользованіе лѣсомъ: съ крестьянина, имѣющаго пару быковъ—10 р., а съ неимѣющаго скотины—5 р. *Авт.*

чтобы хлопотать за васъ. Что я пріобрѣлъ, благодаря вашимъ трудамъ, чтобы мнѣ стоять за васъ? Вы хуже всякихъ разбойниковъ; я уже не говорю о разныхъ непріятностяхъ, которыя вы мнѣ причиняете, но для примѣра укажу на слѣдующее: здѣсь, въ моей деревнѣ, вы цѣлый лѣсъ чернослива развели, хоть бы вы когда-нибудь вспомнили мою семью и миску шепталы принесли; отлично знаете, что у тестя, гдѣ я живу, ничего, кромѣ вяза, не растетъ. Выходитъ такъ: на моей землѣ растутъ фрукты, вы ихъ продаете жидамъ, а я, вашъ батоно, покупаю у нихъ. Всѣ ваши дворы, задворки покрыты стаями птицъ, на моей землѣ пасутся ваши коровы, и вы никогда не вспомните своего батони одной курицей или миской молока.

— Батоно, мы васъ никогда не забываемъ: женились вы, родился сынъ, Пасха, Рождество—всякій разъ мы приносили вашей семьѣ дзгвени *), все, что могли найти въ нашихъ бѣдныхъ сакляхъ, ничего не жалѣли для васъ,—тихо говорилъ старикъ.

— Да вѣдь, когда что вамъ нужно,—началъ Теде, безусый блондинъ съ длиннымъ носомъ,—вы и сами берете у насъ. Намедни около рощи вашего тестя паслась баранта нашей деревни, по вашему приказанію отобрали лучшаго барана и поволокли въ домъ вашихъ свояковъ.

— Дуракъ ты эдакой. И чего въ разговоры лѣзешь? Даже не знаешь, какъ это было. Баранъ перелѣзъ черезъ заборъ въ виноградникъ тестя, а чтобы подобныя вещи не повторялись, я велѣлъ зарѣзать его. Увижу еще, что такъ пасутъ ваше стадо, собственными руками, жизнью Сандро клянусь, перерѣжу вашихъ барановъ, такъ и знайте. Да что это, собачіе вы сыны, стану я, батоно, съ вами церемониться? Самое лучшее, что вы можете сдѣлать—оставить мою землю. Убирайтесь вонъ!

— Мы сами хотимъ уйти, очень ужъ тяжела стала наша жизнь, а какъ уйти—не знаемъ, потому, если мы сами надумаемъ оставить землю—откуда взять денегъ, чтобы заплатить вамъ, батоно; если вы насъ сгоните,—трудно будетъ вамъ заплатить хизанамъ; вѣдь законъ вышелъ, что если батони прогонитъ своихъ хизановъ, то онъ долженъ имъ заплатить стоимость насажденій и строеній.

— О-о! вы и законы знаете? Кто это просвѣщаетъ васъ?—вскричалъ помѣщикъ.

— Никто. На станцію ходимъ, людей видимъ, газеты тамъ читаютъ, ну, слышимъ, что написано.

— Да какъ это возможно, чтобы мы, хизаны, ушли отсюда? тихо говорилъ горбатый рыжій Леванъ, опираясь на посохъ.

*) Дзгвени—подношеніе.

и злобно смотря на помѣщика.—Сколько труда положили здѣсь отцы наши! Вырубили лѣсъ, разбили участки, провели канаву, поставили мельницу; помню, ребятишками были, собственными руками вырывали колючки съ корнями, чтобы плугъ прошелся. И теперь, батоно, когда земля стала какъ невѣста, вы насъ гоните?

— Гоню!—взревѣлъ помѣщикъ,—потому что вы никуда не годитесь! Вѣдь все равно для васъ, считаетесь моими хизанами, а распахали землю Коте Нукзарашвили.

— Батоно, поневолѣ, поневолѣ! Сколько мы просили дозволенія распахать Чалисъ-кари, вы и слышать не хотѣли. Развѣ вы забыли, какъ мы пришли къ вамъ и умоляли провести намъ плугъ. Вы разсердились и прогнали насъ, сказали, что пусть земля пустуетъ, но вы ее въ наши руки не бросите. Какая намъ выгода вспахивать земли у чужихъ? Чтобы добраться до Коте Нукзарашвили, надо пройти двѣ деревни, это не то, что вышелъ изъ своей сакли и тутъ же твое поле. Прежде былъ одинъ батони, теперь двое, и каждому служи; какъ что-нибудь понадобится Коте: лошадь-ли, скотину, аробщика, арбу,—вотъ намедни его семья поѣхала въ Брети,—такъ всякій разъ посылаетъ человѣка къ намъ, отказать же нельзя. А все потому, что земли вашей, сколько намъ даете, не хватаетъ. Вотъ мы и ходимъ къ чужимъ помѣщикамъ.

— Опять караульщика нанимаемъ,—продолжалъ другой хизанинъ,—потому, если пашешь въ своей деревнѣ, то глазъ держишь за пахатными полями, а какъ начнешь пахать и сѣять далеко, то пожалѣть тебя некому; свое поле берегутъ, а если подойдетъ корова, теленокъ или домашняя птица, то какъ есть всѣхъ въ твое поле вгонятъ.

— Нѣтъ, очень ужъ вы научились говорить. Видно у барышни Тасо часто бываете,—язвилъ помѣщикъ.

— Къ кому намъ идти, какъ не къ ней. Она все равно, что сестра или дочь наша. Лѣкарство-ли надо намъ, чаю, сахару, или прошеніе написать, письмо,—все она намъ дѣлаетъ даромъ, да еще кому надо въ судъ ѣхать—денегъ для чугунки дастъ.

— Должно быть и всякіе хизанскіе законы она вамъ толкуетъ.

— Когда мы ничего не понимаемъ, такъ насъ вразумляетъ наша Тасико. У нея и книжки всякія есть, и газеты тоже

— А-ну-ка, спросите ее: кому слѣдуетъ жаловаться вамъ на меня, если я прогоню васъ изъ Цремліани?

— Да за что же насъ прогоните? родились мы здѣсь, постарѣли.

— Ни за что, просто потому, что я такъ хочу. Моя земля, она мнѣ самому нужна, что хочу, то и дѣлаю съ ней.

Всѣ замолкли, слышно было только, какъ обугленное полѣно, покрытое золой, свалилось и разсыпалось въ каминѣ; потомъ лица всѣхъ обратились къ двери. Оттуда слышалась какая-то тревога и шумъ въ сторонѣ деревни.

— Что за крикъ? Слышишь, Лексо?—вынимая изъ котелка жареную курицу, обратилась къ мужу испуганная Маро.

— Что-то случилось!

Лексо отворилъ дверь, и до слуха присутствующихъ явственно донеслось изъ деревни.

— Волкъ,—волкъ! По-мо-ги-те! По-мо-ги-те!

— Волкъ! вскричало нѣсколько голосовъ, и всѣ затоптались на мѣстѣ; Лексо снялъ со стѣны ружье, помѣщикъ схватилъ стоявшую въ углу мотыгу, и моментально сакля опустѣла.

— Запирайся! Какъ бы проклятый къ тебѣ не ворвался!—скороговоркой обратился Лексо къ Маро и исчезъ.

II.

Январь стоялъ въ исходѣ. Двѣ высокія горы, упиравшіяся въ блѣдно-голубое небо, стояли, какъ два исполина въ бѣлыхъ буркахъ и папахахъ, словно нѣмые свидѣтели всего того, что за это время пережила занесенная снѣгомъ деревня Цремліани.

На бѣломъ фонѣ кое-гдѣ выпукло обозначались жилища хизановъ. Рѣка, скованная глянцевитой плотной крышей, замерзла; мельничныя колеса тоже застыли, и жернова не грохотали въ крошечной низенькой мельницѣ; въ громадномъ каминѣ теплился огонь, и толстый рыжій котъ, вскормленный на мельничныхъ мышахъ, свернулся калачикомъ вблизи огня на скамейкѣ и, мечтательно мурлыча, однимъ глазкомъ глядѣлъ на черную пасть камина. Сѣдобородый лысый старичокъ, въ какой-то темной рвани, весь въ мукѣ, сидѣлъ на полу, застланномъ рогожей, и чинилъ дырявые мѣшки.

Дверь скрипнула и на порогѣ появился Сала, высокій сухощавый брюнетъ безъ бороды, въ цвѣтномъ архалухѣ и широкихъ кубовыхъ шароварахъ.

— Добрый день, Давидъ! Когда пришелъ?!

— Здравствуйте, Сала, садись! У брата былъ въ деревнѣ все равно мельница стала, работы нѣтъ, вотъ я и пошелъ провѣдать своихъ племянниковъ,—подавая гостю руку, говорилъ мельникъ;—у-у! какой у меня холодъ! Сколько дней не топился каминъ! Тамъ, на дворѣ были у меня дрова, такъ, плахъ десять... а теперь нѣтъ, видно сосѣди взяли. Вотъ, старое колесо было—пожегъ, а чѣмъ завтра затоплю каминъ,—не знаю; въ лѣсъ хотѣлъ идти, да не время: надо ледъ колоть, а то эдакъ до апрѣля, чего добраго, простоишь безъ работы.

— Ну, какъ вы всѣ? Здоровы?

— Кто здоровъ, кто боленъ, а кого вовсе нѣтъ,—почесывая затылокъ, отвѣтилъ Сала.—Ты ничего не слыхалъ про наши несчастія?—При этомъ вопросѣ у старика шило выпало изъ рукъ, и онъ смотрѣлъ на Сала широко открытыми глазами.

— А что? Что случилось?

— Да, горе!—Сала грустно свѣсилъ голову.—У несчастной Кокіаны свинья съѣла Мито.

— Мито?! Что ты говоришь? Свинья съѣла ребенка? Съ нами крестная сила! Да какъ это случилось? Гдѣ же были вы всѣ?

— Гдѣ намъ быть?! Извѣстное дѣло, въ деревнѣ. Да вѣдь ты знаешь — она живетъ на краю деревни одна-одинешенька пошла она на хуторъ Аліантъ-Кари за мукой, а ребятишкамъ велѣла сидѣть около люльки и запереться. Арсенъ и Сона посидѣли немного, потомъ, должно быть, надоѣло имъ, выбѣжали изъ сакли, дверь оставили открытой, а она давно не запирается снаружи, и полетѣли въ буйволятникъ Сико. А тѣмъ временемъ забралась въ саклю свинья... Входитъ Кокіана и видитъ, что ребенку свинья животъ выѣла, вездѣ лужи крови... Мы думали, что она съума сошла, ревѣла цѣлыхъ пять дней, какъ корова, да и теперь вотъ уже недѣля, а какая-то она ходитъ странная.

— Несчастная!

— Мы съ самаго начала говорили ей переселиться къ намъ поближе; тамъ всегда водились злые духи. Она вѣдь просилась на другое мѣсто, а батони говоритъ: «заплати мнѣ столько, сколько платятъ мои новые хизаны, тогда пущу тебя». Отлично зналъ, что неоткуда бѣдной вдовѣ отдать батони двадцать рублей. Мы вѣдь не имеретины, тѣ молодцы: изъ камня достанутъ серебро. Эхъ! Тутъ еще пошли сплетни.

— Какія?

— Знаешь вѣдь нашихъ сосѣдей! они осуждали Кокіану за то, что съ харнага *) всѣ разошлись трезвые. Она, бѣдная, отъ такихъ разговоровъ еще больше убивается.

— Погибшій нашъ народъ! Харнага устроили, а теперь самой Кокіанѣ, должно быть, ѣсть нечего. Волки!—вспылилъ старикъ.—А гдѣ братъ Кокіаны?

— Онъ въ Цроми ушелъ, его батони потребовали къ себѣ.

— Такъ что Кокіана была одна?

— Посылали человѣка, наказали, чтобы онъ денегъ прислалъ, да батони должны ему сорокъ рублей и вотъ второй годъ никакъ не можетъ получить ихъ,—отдали ему всего 2 руб. Младшій братъ все еще рубитъ въ лѣсу.

*) Харнага—поминальный обѣдъ.

— Несчастная Кокіана!—воскликнулъ мельникъ, громко сморкнулся въ руку, вытеръ пальцы о чурбанъ и обратился къ Сала:

— Я вотъ что надумалъ: ты побудь здѣсь, работники придутъ колоть ледъ, я уже договорился съ ними, а я отправляюсь на станцію; знакомый стрѣлочникъ есть тамъ, онъ напишетъ мнѣ письмо, пошлю женѣ, пусть она пріѣзжаетъ утѣшать Кокіану, онѣ вѣдь друзья!

— Что же? Я останусь здѣсь до твоего прихода. Мимо будешь идти, зайди къ Лексо, онъ очень плохъ. Сгребалъ снѣгъ со своей усадьбы и схватилъ такую жестокую простуду, что боюсь, онъ не встанетъ. Кривая Кето травы ему разныя заваривала—ничего не помогаетъ. За эти три недѣли онъ такъ истаялъ, что его узнать нельзя. Да притомъ сакля у него холодная, дровъ нѣтъ.

— Какая несчастная наша деревня! Ни одной пріятной вѣсти. По дорогѣ сюда ночевалъ я у свояка, такъ онъ разсказалъ, что Шавла... знаешь его: онъ ни Бога, ни батони не боится... такъ вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ, нарубилъ дровъ, увязалъ и тащитъ. Натыкается на него полѣсовщикъ, кричитъ на него, бранитъ и велитъ бросить дрова; онъ уже три года, какъ билета не беретъ изъ конторы, нѣтъ денегъ. А Шавла и въ усъ не дуетъ—тащитъ себѣ увязку дровъ. Вдругъ изъза кустовъ выскакиваетъ Ясе, братъ управляющаго, и реветъ: «ты, говоритъ онъ полѣсовщику, не оберегаешь нашего добра, передъ твоими глазами человѣкъ воруетъ дрова, а ты съ нимъ бесѣдуешь, бей его, мошенника, бей»! Полѣсовщикъ,—ну все таки свой человѣкъ, тоже осетинъ,—не трогается съ мѣста. Видя это, соскакиваетъ съ лошади чеченецъ, проводникъ Ясе, подлетаетъ къ Шавла, и такъ его несчастнаго избили, вмѣстѣ съ Ясе, что тотъ слегъ въ постель. Говорятъ, плохъ совсѣмъ, а полѣсовщика прогнали со службы.

— Опасно безъ билета ходить въ лѣсъ.

— Это такъ, да что подѣлаешь? безъ дровъ въ наши суровыя зимы трудно жить,—накидывая на себя старую солдатскую шинель, говорилъ мельникъ.—Пойду къ Лексо, погляжу на него, а потомъ и на станцію схожу.

Къ частоколу Лексо были привязаны знакомыя цремліанцамъ лошади—рыжая и бѣлая—дьячка и сельскаго старосты. Въ саклѣ было холодно, тускло, и среди этого полумрака на сѣрой грязной постели вырисовывалось восковое съ обостреннымъ длиннымъ носомъ лицо Лексо. Онъ тяжело дышалъ, задыхался глубокимъ кашлемъ и съ трудомъ открывалъ глаза. Дьячокъ, приземистый мужичекъ въ сѣрой заплатанной черкескѣ, лысый, рыжебородый, въ одной рукѣ вертѣлъ нагайку,

другой держалъ ягнячью шапку; онъ стоялъ передъ больнымъ и продолжалъ:

— Ты подумай, Лексо, если всякому прощать драму (обязательная съ каждаго хизанскаго дома плата священнику: 1 коди=5 пуд. пшеницы; $^2/_3$ священнику, $^1/_3$ дьячку), то чѣмъ жить священнику и мнѣ? У отца Іосифа восемь душъ дѣтей малъ-мала меньше, пятеро учатся, вѣдь платить за нихъ надо; у меня шесть душъ дѣтей, притомъ дочь на выданьи. Не съ пустыми же руками идти мнѣ домой. Мы не виноваты, что у васъ долги и болѣзни. Когда у васъ умиралъ кто-нибудь, мы съ батюшкой не отказывали хоронить ихъ, а теперь, за что вы насъ хотите обидѣть?

— Развѣ мы обижаемъ васъ? Господь съ тобою, Сосо?! Правда, вы хоронили нашихъ покойниковъ, такъ вѣдь за то мы особо платили вамъ по 3 руб. всякій разъ. Отъ драмы мы не отказываемся, но только просимъ подождать,—грустно говорила Маро, сложивъ накрестъ руки и сидя въ ногахъ мужа.

— Мы не можемъ ждать. Пшеница намъ нужна особенно теперь, когда цѣны стоятъ высокія. Подрядчикъ уже пріѣхалъ, онъ меня у отца Іосифа поджидаетъ, скоро подъѣдетъ наша арба, приготовьте мѣшокъ и положите туда.

— Сосо!—простоналъ больной, скорбно сдвинувъ длинныя черныя брови—погоди, пока Господь поможетъ мнѣ встать. Вѣдь нынче плохой урожай былъ, и мы...—его душилъ кашель, а правая рука его, словно отлитая изъ воску, трепетала около подушки: онъ искалъ черную тряпку, которой онъ временами вытиралъ себѣ лицо.

— Если вѣруешь во Іисуса Христа и свят. Георгія,—обратилась Маро къ дьячку,—подожди немного, хоть недѣлю потерпи: займемъ у кого нибудь и отдадимъ вамъ пшеницу. Какъ мнѣ повѣрить, что отецъ Іосифъ не можетъ подождать.

— Стало быть не можетъ.

— Господи, хоть-бы было изъ чего платить!—простонала Маро, и взглядъ ея, полный скорби, упалъ на Лексо.

— Никогда я не повѣрю, чтобы вы не могли заплатить драму,—холодно сказалъ Сосо.

— Такъ? Такъ ты думаешь, что можемъ заплатить и не хотимъ,—заволновался больной,—я... я... тебя увѣрю! Дай-ка, Маро, сюда кукурузныхъ зеренъ, сосчитаю при немъ.

— Вотъ они въ лохани,—и Маро нагнулась, чтобы изъ-подъ тахты выдвинуть лохань кукурузы.

— Бери, считай: нашему батони за десятидневную землю (пять десятинъ) 12 коди, духанщику Степко отдали 10 коди, податныя деньги—8 руб., на старосту 2 р. 60 коп. да еще 3 руб. взыскали съ меня за Придона,—вотъ уже четвертый годъ онъ убѣжалъ изъ нашего общества, неизвѣстно гдѣ онъ, на всѣхъ насъ

разложили. Одна обработка кукурузнаго поля мнѣ обошлась 14 руб., а кукуруза вся прогнила, скотина даже не ѣстъ. Хлѣба собрали всего 40 коди—вотъ всѣ наши доходы; да не забудь того, что не на что было взять лѣсной билетъ, такъ что всю зиму мерзнемъ и я свалился отъ простуды. Да еще долгъ лежитъ на шеѣ. Что же?

Лексо замолкъ и злобно метнулъ въ сторону дьячка.—Ахъ! бери, что можешь и что найдешь въ моей саклѣ; не безпокойся... скоро придешь сюда хоронить меня и... опять будетъ тебѣ получка...

Сосо, не слушая больного, спокойно говорилъ Маро:

— Вонъ тамъ, въ дверяхъ, валяется мой мѣшокъ, кажется, дырявый, почини, пожалуйста, и заполни поскорѣе, слышишь, что-то скрипитъ, должно быть, моя арба ѣдетъ.

— По снѣгу, да на арбѣ?

— Да, саней не досталъ.

— А почемъ теперь пшеница? — шаря на полкѣ и ища шило, спрашивала Маро дьячка.

— Теперь, благодареніе Богу, цѣны стоятъ хорошія, пудъ пшеницы стоитъ 90 коп., а ячменя 50 коп.

— Счастливые!—вырвалось изъ груди Маро.

— Отъ ихъ счастья, Маро, ты и твои дѣти съ голоду скоро умрете,—злобно прошепталъ Лексо.

— Мы чужого не беремъ, а что намъ слѣдуетъ, того никому не даримъ!—въ сердцахъ сказалъ Сосо. Зачинили мѣшокъ, отсыпали пшеницы, дьячокъ уже собрался уйти, какъ скрипнула дверь, и въ саклю вошелъ староста тоже съ мѣшкомъ подъ мышкой.

— Здравствуйте! какъ здоровье?—пробасилъ онъ, снявъ ягнячью черную шапку.

— Смерти ждемъ!—тихо отвѣтилъ Лексо.

— Подожди, еще вмѣстѣ вспашемъ поле,—весело сказалъ староста и грузно опустился на чурбанъ.

— Эхъ, ты! Только и есть въ нашей хизанской жизни, что пахать, сѣять да ронять слезы! Въ могилу надо, вотъ что, Миха!

— Въ могилу!? Что вздумалъ? Это, братъ, успѣется. Жить надо еще, женить сыновей, замужъ дочерей отдать, на внучатъ порадоваться.

— Эхъ! глупости говоришь, Миха,—хрипѣлъ больной.—А что, если наши дѣти не женятся, погибнетъ свѣтъ? Очень нужно разводить хизановъ, такихъ несчастныхъ, какъ мы! Отъ разныхъ повинностей и налоговъ житья не стало. Круглый годъ работаешь, не разгибая спины, а самъ иной разъ безъ хлѣба сидишь. И батони плати, и священнику, и дьячку, и чиновнику, котораго мы въ глаза никогда не видимъ, и подать плати,

и гзири, и тебѣ, старостѣ; только соловьямъ не платимъ за то, что они заливаются въ нашей рощѣ. Такъ все унесутъ, все поскребутъ; настанетъ недостача хлѣба, пойдешь, еврею въ ножки поклонишься, или священническому сыну, чтобы они ссудили зерномъ или мукой, и возьмешь у нихъ втридорога нами же посѣянную пшеницу. А батони? До самой смерти все будутъ съ насъ тянуть!

— На то мы и хизаны, чтобы все терпѣть. Хорошо, кабы родились мы дворянами, да вѣдь ничего не подѣлаешь: должны терпѣть мужицкую долю.

— Иногда мнѣ кажется, что хорошо было бы, еслибъ Господь въ одинъ день уничтожилъ все наше хизанское племя.

— Будетъ тебѣ, Лексо! Чѣмъ ужъ такъ плоха наша хизанская жизнь?!

— А чѣмъ она хороша? Можетъ быть тебѣ живется хорошо, потому что ты—староста, хлѣба у тебя много; видалъ я осенью, какъ ты собралъ со всѣхъ насъ и Каріантъ-Карскаго хутора хлѣбъ и продалъ еврею коди по 5 руб. вмѣсто 3-хъ руб. Тебѣ хорошо: тебя никто не смѣетъ обидѣть: у тебя въ рукахъ законъ. А всѣ остальные? Да развѣ найдутся въ цѣломъ городѣ Тифлисѣ такіе несчастные, какъ мы, хизаны? Ахъ! Знаешь что? Ѣздилъ на заработки на Черный камень—замѣсто себя батони я нанялъ работника—довелось мнѣ видѣть въ тѣхъ краяхъ. Что за хорошій счастливый народъ?! До того я былъ удивленъ ихъ жизнью, что, бывало, ночью проснешься и все думаешь объ нихъ. Клянусь тебѣ святымъ Георгіемъ, моими дѣтьми клянусь, *они каждый день мясную пищу ѣдятъ*. Чтобы я завтра былъ въ гробу, если это неправда.

— Вѣрю, вѣрю. Это возможно.

— Какъ они живутъ, Миха!—воскликнулъ больной и вдругъ его лицо посвѣтлѣло.—Дома у нихъ бѣленькіе, одежда на нихъ чистенькая, неизорванная, сапоги блестящіе, дѣти розовыя, одѣтыя, веселыя... Въ ра...—Лексо оборвался, поникъ головой и мрачно сказалъ:

— Надо уѣхать отсюда!

— Куда изволишь и отъ кого желаешь уѣхать?!—не безъ ехидства спросилъ его Миха, вертя въ рукѣ холщевый мѣшокъ.

— Отъ батони, отъ священника, отъ кредиторовъ, отъ тебя, отъ всѣхъ васъ!—злобно проговорилъ Лексо.

— Отъ священника ты, братъ, никуда не уйдешь,—увязывая туго набитый мѣшокъ, вмѣшался въ разговоръ дьячокъ.

— Дуракъ ты, Сосо! Не вездѣ такіе волки священники, какъ ты съ отцомъ Іосифомъ.

— Не грѣши, Лексо!—шепнула ему жена, но онъ былъ слишкомъ возбужденъ и не унимался.

— *Тамъ*, если умретъ такой бѣднякъ, примѣрно, какъ я,

такъ его хоронятъ даромъ и не разоряютъ домъ, какъ это принято у насъ здѣсь.

— Никто не виноватъ, что ты бѣденъ, и всякому надо получить свое. Не будь ты мнѣ родственникомъ,—говорилъ Михо,—вотъ этотъ мѣшокъ прислалъ бы я съ чапаромъ и посмотрѣлъ бы, какъ бы ты отказалъ мнѣ?—И, бросивъ мѣшокъ въ ноги Маро, всталъ, выпрямился и повелительно крикнулъ ей:

— Отсыпь скорѣе! Я тороплюсь, надо мнѣ зайти къ вашимъ сосѣдямъ, вернусь отъ нихъ и чтобы мѣшокъ былъ готовъ.

Сосо, пыхтя и надувая щеки, взвалилъ свой мѣшокъ на спину и, пробормотавъ: «прощайте», вышелъ изъ сакли; ушелъ и Миха; мужъ и жена остались одни.

— Давай, Лексо, проситъ Миха, чтобы онъ прислалъ человѣка за пшеницей недѣли черезъ двѣ. Можно будетъ призанять у Давида, онъ человѣкъ добрый и всегда жалѣетъ насъ. А то, если сегодня и ему отдать, такъ мы вовсе безъ хлѣба останемся.

— Охъ, охъ! Какъ хочешь, такъ и дѣлай. Я усталъ говорить!—простоналъ больной. Немного погодя, Миха шумно вошелъ въ саклю, въ повелительной позѣ застылъ у порога и спросилъ:

— Ну, что мѣшокъ мой готовъ?

— Если ты вѣруешь въ Дѣву Марію и въ Іисуса Христа, то подожди. Дай мнѣ встать съ постели, ей Богу, заплачу, только теперь не могу, повремени хоть двѣ недѣли!—умолялъ Лексо старосту.

— Я три мѣсяца ждалъ!

— Господи! Что мнѣ дѣлать? Миха, ты видишь—я свалился, въ домѣ одна работница Маро, пожалѣй хоть ее—она тебѣ не чужая!—упавшимъ голосомъ говорилъ Лексо.

— Хорошо. Я уйду! А на счетъ хлѣба дадите отвѣтъ чапару.

И, сказавъ это, онъ круто повернулся и вышелъ изъ сакли, сильно хлопнувъ дверью. Почти у порога со старостой столкнулся старый мельникъ; тихо вошелъ и, снявши старую ягнячью шапку, онъ весело привѣтствовалъ больного:

— Да здравствуетъ Лексо! Какъ поживаешь, дитя?

— Ахъ, это ты Давидъ? Здравствуй, подойди ближе, вотъ сюда, садись!—приглашалъ его Лексо.

Давидъ пожалъ руки мужу и женѣ.

— Что вы оба такіе грустные? Что случилось, о чемъ печалитесь? Да ты, Маро, я вижу плачешь? О чемъ? Перестань! Выдь на дворъ и плакать перестанешь: небо подчищается, солнышко показывается, птички поютъ, такъ весело. Что то у васъ, братцы, холодно. Видно дровъ нѣтъ.

Лексо почти шепотомъ разсказалъ Давиду о всѣхъ своихъ горестяхъ.

— Ну, а всетаки плакать не хорошо, Маро! Богъ милостивъ, онъ насъ создалъ, онъ же насъ и покормитъ, и утѣшитъ. Не хватитъ у васъ хлѣба—не среди татаръ живете—возьмете у меня, когда-нибудь отдадите. А Миха вы не платите: пять лѣтъ тому назадъ онъ у меня—на храмовомъ праздникѣ Дѣвы Маріи мы были, раскутился онъ тамъ, а денегъ нѣтъ—такъ у меня въ долгъ взялъ три рубля и до сихъ поръ не отдалъ, все кругомъ мельницы ѣздитъ, избѣгаетъ встрѣчи со мною. Что онъ грозитъ чапара прислать! Кто его чапара боится! грабители, воры! Пусть приходитъ чапаръ, скажите, что я получилъ отъ васъ пшеницы на три рубля, это какъ разъ то, что онъ проситъ у васъ. А станетъ чапаръ буянить—позовите меня, надо будетъ, такъ и въ Гори поѣду жаловаться на неправду. Да что это у васъ такъ тихо? Гдѣ ребятишки?

— Я отправила ихъ къ Сидо, шумятъ они здѣсь и безпокоятъ Лексо,—отозвалась Маро.

— Это хорошо! Конечно, трудно дѣтишкамъ сидѣть тихо и спокойно. А вотъ что, Маро, если нужна вамъ мука, берите; тамъ, на мельницѣ есть. Сала скажи, онъ отдастъ. Посидѣлъ бы я еще у васъ, да на станцію тороплюсь: Теде проситъ взять съ собою его бумагу, вчера получилъ ее и не знаетъ, что тамъ написано, а на станціи прочтутъ.

— Недавно священническій сынъ здѣсь былъ, онъ бы прочелъ,—замѣтила Маро.

— Самсонъ? Нѣтъ! какое! онъ разбираетъ только то, что самъ написалъ, а чужой руки онъ не разбираетъ, а по-русски вѣдь онъ и вовсе не понимаетъ *). Кстати, не купить ли вамъ нефти?

— Хорошо бы, да...—Маро замялась.

— Такъ я вамъ принесу, только жестянку дайте.

— А денегъ, кажется, что у насъ и нѣтъ, — простоналъ больной.

— Не надо мнѣ вашихъ денегъ. Муки съ собою несу, тамъ же въ лавкѣ на нефть обмѣняю, хватитъ и вамъ, и мнѣ. Ну, прощайте, не тревожьте себя ничѣмъ, Богъ милостивъ. Вечеромъ приду. Въ случаѣ, если запоздаю,—на мельницѣ есть нефть, возьми, Маро. До свиданья!—и старикъ вышелъ.

*) Судебныя повѣстки въ Грузіи печатаются и пишутся на русскомъ и грузинскомъ языкахъ. *Авт.*

III.

Проходили дни. Знахарки были безсильны въ борьбѣ съ воспаленіемъ легкихъ, и Лексо тихо угасалъ. Пасмурные дни смѣнились свѣтлыми; какъ будто солнце хотѣло въ послѣдній разъ приласкать этого измученнаго человѣка, и оно послало ему въ утѣшенье два луча, проплывшіе въ саклю черезъ оконце. Сознаніе его не покидало, и онъ просилъ окружающихъ поскорѣе приготовить ему смертную одежду *). Позвали торговца краснымъ товаромъ рыжаго еврея Абрама, и передъ больнымъ разложили узелъ ситца и каленкора.

— Вотъ тотъ ситецъ покажи, который внизу, подъ каленкоромъ!—слабымъ голосомъ сказалъ Лексо, и еврей проворно вытащилъ штуку цвѣтного ситца: на черномъ фонѣ разбросаны были зеленые и алые цвѣточки среди желтыхъ квадратиковъ. При видѣ этого узора Лексо слабо улыбнулся и, подозвавъ къ себѣ жену, сказалъ ей:

— Маро, гляди, какой ситецъ! Въ такомъ архалукѣ я хочу лежать въ гробу.

— Какъ хочешь, генацвалэ **)!

— Отмѣрить?

— Да, Абрамъ, отмѣрь 7 аршинъ.

Торговецъ отмѣрилъ ситецъ и, разрывая его пальцами, по привычкѣ, сказалъ:

— На здоровье, благополучіе.

— На томъ свѣтѣ?! — криво улыбнувшись, прошепталъ Лексо.

— Отмѣрь, Абрамъ, еще $7^1/_2$ арш. каленкору.

— Вотъ, Маро, отличный каленкоръ по 14 коп. за аршинъ. А чусти (туфли) не надо ли? Есть недорогіе, по четыре абаза ***).

— Это дорого, Абрамъ, дай подешевле, мнѣ на что дорогіе и прочные? По рощѣ что ли я буду расхаживать или тащиться за плугомъ, мнѣ только въ гробу въ нихъ лежать!

— Ахъ, да! есть-есть, вотъ поглядите, тоже отличные чусти по десяти шауровъ ****). Возьмете?

Лексо взялъ въ руки, осмотрѣлъ, хотѣлъ надѣть ихъ, но силъ не хватило, жена ему помогла, чусти оказались по ногѣ. Маро, глядя на мужа, живо представила себѣ, какъ онъ будетъ лежать въ гробу и какъ эти новые чусти будутъ упираться въ гробовую доску. Она отошла отъ постели больного и грязнымъ подоломъ платья вытерла навернувшіяся слезы.

---

*) Это принято у осетинъ.

**) Генацвалэ—съ грузинскаго: я пожертвую тебѣ собою.

***) Абазъ—20 коп.—двугривенный.

****) Шауръ—5 коп.

— Можетъ быть матерію для шароваровъ тебѣ надо, Лексо?—спрашиваетъ Абрамъ.

— Нѣтъ, Абрамъ, шаровары есть новые, Маро соткала, а новую шапку мельникъ уже купилъ мнѣ, такъ что смертный нарядъ у меня готовъ.

— Я приду за ячменемъ къ тебѣ, Маро, въ молотьбу,—говорилъ Абрамъ, увязывая узелъ.

— Только пожалуйста, Абрамъ, если всего долга не заплатитъ Маро, не брани ее, не обижай. Видишь, некому будетъ ее защитить отъ тебя,—грустно обратился Лексо къ Абраму.

— Не безпокойся, я не такой человѣкъ. Ну, прощайте!

Абрамъ вышелъ. Дровъ не было, занять было не у кого, въ саклѣ стоялъ холодъ.

— Теперь, Маро, у меня все есть, весь нарядъ!—сразу просвѣтлѣвши и успокоившись, сказалъ больной. Онъ чувствовалъ приближеніе смерти и не боялся: онъ готовился къ ней, какъ человѣкъ, который ѣдетъ на вѣчный отдыхъ, ѣдетъ туда, откуда никогда не вернется. Лексо умиралъ спокойно, тихо, какъ человѣкъ усталый и ни на что лучшее въ жизни не разсчитывающій. По мѣрѣ того, какъ падали силы больного, женщины, родственницы его, пріѣхавшія съ далекихъ горъ, и сосѣдки поспѣшно шили ему смертный нарядъ. Ужъ лучина догорѣла, зажгли новыя щепки, и Лексо, одѣтый во все новое, спокойно лежалъ въ ожиданіи смерти.

Усталая отъ безсонныхъ ночей, завернутая въ какія-то лохмотья, Маро, стоя на колѣнахъ и положивъ голову въ ногахъ мужа, вздремнула. Изъ разныхъ угловъ убогой, холодной сакли раздавался храпъ и свистъ спящихъ гостей. Пока Маро въ состояніи была бодрствовать, Лексо говорилъ ей упавшимъ голосомъ:

— Такъ, умоляю тебя: когда подростетъ Васо—оставьте Цремліани, не живите здѣсь, отдай сына въ услуженіе на станцію или уѣзжайте въ городъ. Если Нину отдашь за хизана—я прокляну и тебя, и ее. *Тамъ*, на чужой сторонѣ, найдется человѣкъ, который будетъ ее каждый день кормить и держать ее въ теплой комнатѣ зимою...

Лексо съ величайшимъ трудомъ приподнялся и, глядя на жену, прошепталъ:

— Моя бѣдная, моя жалкая!

Голова безсильно свалилась на подушку. Лексо начиналъ терять сознаніе, стеклянный взглядъ его угасшихъ глазъ блуждалъ по закоптѣлымъ стѣнамъ и потолку сакли... Онъ повернулся къ стѣнѣ, вытянулся и... застылъ навѣки.

А кругомъ всѣ храпѣли, сопѣли, и вѣтеръ, поднявшійся въ полночь, рыдалъ въ каминѣ.

Словно кто-нибудь толкнулъ Маро: она вскочила на ноги, подошла къ мужу и приложила ухо къ его груди. Прикосновеніе къ холодному мертвому тѣлу испугало ее; она схватила догорѣвшую лучину, близко-близко поднесла къ постели и, одной рукой держа ее надъ головой лежащаго, другой слегка дотронулась до него.

— Лексо, Лексо! Господи Богъ мой, Святой Георгій! Онъ не откликается! Лексо, Лексо-джанъ! — Она вся дрожала отъ холода и волненія.

— Ваймэ, помогите!—вскрикнула она, бросивъ лучину и повалившись на постель Лексо.

Громкія рыданія Маро подняли всѣхъ на ноги; лучина погасла, и люди не могли видѣть другъ друга. Со всѣхъ концовъ сакли слышались плачъ, рыданія, вздохи, вопли. Мельникъ Давидъ, уже нѣсколько ночей дежурившій у Лексо, обшаривъ въ темнотѣ дверь, отворилъ ее и положилъ большой камень, чтобы она не затворилась. На дворѣ затрепетало блѣдно-синее утро. Старикъ, вытирая слезы полою архалука, пошелъ къ ближайшему сосѣду Сала, разбудилъ его и погналъ на станцію къ гробовщику, а самъ направился къ другимъ хизанамъ—сказать о случившемся въ деревнѣ несчастіи и держать совѣтъ на счетъ *харнага*.

Въ дымной грязной саклѣ глухого Шамиля собралось человѣкъ 7—8. Дверь была полуоткрыта, потому что на порогѣ лежало бревно, горѣвшее среди сакли; ждали, чтобы отгорѣло, сдѣлалось бы короче и дверь затворялась бы свободно. Сидя передъ огнемъ, хизаны кричали, волновались, перебивали другъ друга.

— Какъ тамъ ни говорите, а непремѣнно надо зарѣзать быка, барана, заколоть куръ, купить рису для шила-плави (каша изъ рису и баранины—обязательное на поминкахъ блюдо). Водка у Маро найдется, а вина можно взять на станціи у духанщика.

Хизанъ Теде цѣлый годъ не ѣлъ мясной пищи и мечталъ воспользоваться случаемъ.

— Если послушать тебя, такъ надо устроить княжескіе похороны, а того не понимаешь, что вдова съ дѣтьми безъ куска хлѣба остается. Вотъ такіе совѣтчики, какъ ты, и губятъ нашихъ хизанъ,—горячился мельникъ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу: ты, Давидъ, хоть и живешь среди насъ, но ты грузинъ и не понимаешь всѣхъ нашихъ осетинскихъ обычаевъ. А у насъ такъ заведено—ужъ сколько лѣтъ мы живемъ въ Цремліанахъ—какой бы бѣднякъ ни умеръ, стыдно хоронить его кое-какъ. Ну-ка, пусть послушаютъ тебя, не зарѣжутъ быка, не купятъ вина, водки принесутъ мало, да гости трезвыми уйдутъ—Маро со стыда глазъ никому не по-

жажетъ. Выростетъ Васо,—всякій его попрекнетъ за такіе похороны отца. Да и всѣхъ насъ, цремліанцевъ, засмѣютъ чужія деревни.

— Хорошо ты говоришь, Теде, только никакъ я не пойму тебя. Скажи мнѣ, если вѣруешь въ Бога: а не стыдно будетъ намъ, если Маро съ дѣтьми съ голоду умретъ? А? Развѣ не понимаешь, что она потеряла работника - кормильца и на ея шеѣ остаются двое дѣтей и долгъ. Священническому сыну покойникъ выплатилъ только половину, потому что, уѣзжая на Черный Камень, за себя нанялъ Петро и платилъ ему за барщину. Такъ я спрашиваю тебя: священническому сыну кто заплатитъ? Еврею ячмень ты отдашь? Барщину ты за нее отработаешь?

— Это не твое дѣло и не мое! Кто долженъ, тотъ и будетъ платить. Обычаи наши не нами выдуманы, не мы ихъ переведемъ,

— Правда, Давидъ.

— Теде хорошо говоритъ.

— Не спорь, Давидъ, мы не можемъ отступиться отъ своихъ обычаевъ.

— Конечно, не можемъ.

— Надо похоронить его достойно, съ честью,—говорили противники Давида.

— Если такъ, братцы, я больше ничего не скажу. Дѣлайте, какъ знаете,—сказалъ мельникъ и направился къ двери, но высокій блондинъ Бига перерѣзалъ ему дорогу.

— Давидъ, погоди, дай мнѣ слово сказать. Помнишь, тому назадъ четыре года, умеръ Васила?

— Ну?

— Помнишь харнага?

— Никакого харнага не было по немъ.

— А что было потомъ, помнишь?

— Нѣтъ.

— Вотъ то-то, что ничего ты не помнишь! Такъ слушай, Давидъ. Сынъ его Ростомъ тоже такъ говорилъ, какъ ты: вовсе не признавалъ харнаги, былъ онъ стрѣлочникомъ и захотѣлъ умничать. Вотъ умеръ престарѣлый Васила; позвалъ Ростомъ священника, двухъ людей и понесли бѣднаго Васила да и закопали; священнику Ростомъ далъ 2 руб., дьяку 50 коп., ни харнаги, ничего не устроилъ. Какъ-то Ростому случилось быть на похоронахъ въ Тетри-мта, справляли харнага, со всѣхъ деревень народъ пришелъ туда. Вотъ взялъ священникъ въ руки турій рогъ и говоритъ: «братцы, поблагодаримъ хозяина за то вниманіе, заботы и любовь, которыя онъ сегодня всенародно оказалъ своему отцу. Не богатый человѣкъ Залика; быть можетъ для харнага долгъ взялъ, быть можетъ два уро-

жая уже проданы еврею, но у него широкая душа, онъ последнее отдалъ, чтобы съ честью проводить старца въ вѣчную обитель, а не закопалъ его, какъ цыпленка, что позволяютъ себѣ другіе». Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, посмотрѣли на Ростома, такъ онъ покраснѣлъ, что словно кровью вымазали ему лицо. Вся деревня засмѣяла его: ушелъ на станцію, и вотъ уже три года не возвращается къ намъ.

— Умный, что не ѣдетъ сюда. Что здѣсь дѣлать ему? Умереть, какъ бѣдный Лексо.

— Не мы убили Лексо.

— Не мы, а холодъ и голодъ, это вѣрно. Эхъ, все я сказалъ, братцы, а тамъ дѣлайте, какъ знаете!—И старикъ безнадежно махнулъ рукой и вышелъ изъ сакли; тамъ остались его противники, и они единогласно рѣшили *похоронить Лексо съ честью.*

Утромъ, на третій день, за саклей около канавки, на расчищенномъ отъ снѣга мѣстѣ, подъ громадными черными котлами запылали костры; подъ джини валялась грязная окровавленная черная бычачья шкура, кишки и отбросы, баранью шкуру вывѣсили на заборъ, чтобы просохла; хизанъ Падо растагивалъ ее и думалъ скоро себѣ сшить новую шапку вмѣсто старой дырявой; собаки стаями ходили по усадьбѣ, всюду обнюхивали, искали добычу. Одни изъ мужчинъ, стоя передъ котлами и откинувъ головы назадъ отъ горячаго пара, громадными деревянными ложками мѣшали пищу, другіе жарили подъ котлами шашлыки, раздирали руками и тутъ же ѣли; дѣти спѣшили къ нимъ, въ надеждѣ, что перепадетъ и имъ что-нибудь. На длинныхъ деревянныхъ подносахъ мимо сакли проносили чуреки и лаваши, только что испеченные; около курятника изъ бурдюка разливали вино въ кувшины и тутъ же пробовали его и веселѣли...

Народъ ходилъ по усадьбѣ кучками, толпился въ дверяхъ сакли, а тамъ было тѣсно, душно и стоялъ полумракъ. Женщины громко рыдали, дѣти хныкали и пищали, мужчины тяжко вздыхали, съ поникшими головами стоя передъ краснымъ гробомъ; оттуда выглядывало восковое лицо, обрамленное черными волосами, тщательно зачесанными на виски, и черной густой бородой; брови его, длинныя и густыя, скорбно сдвинулись и застыли, а на всемъ лицѣ Лексо лежало то глубокое спокойствіе, котораго онъ не могъ найти на землѣ. При трехъ мигающихъ свѣчахъ отчетливо вырисовывались и одежда его, и форма гроба, и склонившаяся надъ нимъ фигура его жены.

— Почернѣла для меня луна, навѣки потемнѣло солнце, трауромъ одѣлъ ты нашъ супружескій вѣнецъ, погасилъ ты очагъ нашего дома и никогда уже не будетъ здѣсь ни свѣта, ни тепла. Отецъ умеръ, мать умерла, умеръ Лексо,—только

теперь я осиротѣла. Не увидишь ты болѣе бѣлыхъ деревъ, весны нашей нарядной. Не ты первый выѣдешь въ поле, чтобы пахать, не запоешь ты «*Гутнури*». *). Нашъ холодный родникъ больше не напоитъ тебя жаркой порой, не услышишь соловья, который тебѣ пѣлъ лунной ночью во время жатвы. Кто защититъ насъ одинокихъ, несчастныхъ? Кто поможетъ вынести мнѣ вдовство мое? Зачѣмъ ты идешь въ черную землю, на кого меня и малютокъ нашихъ оставляешь?

Такъ причитала Маро, и женскій плачевный хоръ подхватывалъ и гремѣлъ за нею. Надорванныя силы, наконецъ, просили отдыха и всѣ притихли. Вошла какая-то женщина; по саклѣ пронесся шопотъ:

— Кетэ, Кетэ!

— Чудно плачетъ.

— Ея плачъ камни заставитъ плакать!

— Гдѣ вижу я тебя, нашъ дорогой сосѣдъ, нашъ другъ сердечный?—громко на распѣвъ начала Кетэ, медленно, съ поднятыми руками приближаясь къ покойнику:

„Не поютъ наши птички,
И соловей замолкъ;
Весна не хочетъ къ намъ вернуться,
Сердитая, свирѣпая,
Стоитъ къ намъ спиной,
Небо хмуро... Мрачное небо
По нашему милому Лексо
Льетъ свои слезы...

Громкія рыданья аккомпанировали ей.

Она продолжала:

„Озябла бѣдная Маро,
Озябли твои дѣтки...
Для сиротъ безутѣшныхъ
Безъ тебя, мой милый,
Будетъ вѣчная тьма“.

Пріѣхали священникъ и дьячокъ, вошли въ саклю. Отецъ Іосифъ надѣлъ епитрахиль, и отпѣваніе покойника началось. Унылое пѣнье смѣшалось съ рыданьемъ присутствующихъ. Передъ прощаніемъ съ покойникомъ въ гробъ положили клокъ волосъ Маро, кисетъ съ махоркой и трубку. По понятіямъ осетинъ, покойникъ захочетъ на томъ свѣтѣ покурить.

Сѣрая лошадь въ поводу приготовлена была, чтобы слѣдовать за покойникомъ; на ней висѣли: ружье, сабля, револьверъ и цвѣтной ситцевый платокъ; на сѣдло перекинули рыжую черкеску Лексо.

Маро съ трудомъ оторвали отъ гроба; она уже потеряла

---

*) «Гутнури»—пѣсня пахаря.

голосъ, и, хрипя, въ припадкѣ отчаянія рвала на себѣ волосы, до крови царапала себѣ щеки. Покойника вынесли, и процессія отошла отъ сакли; нарядная лошадь медленно шла за гробомъ. Остановились около мельницы; одинъ изъ старѣйшихъ цремліанцевъ, осетинъ Зурабъ, держа лошадь въ поводу (всѣ благоговѣйно преклонили головы), на своемъ языкѣ обратился къ покойному:

— Дорогой Лексо, уходишь отъ насъ, но мы не забываемъ тебя; случится какая-нибудь нужда—вотъ тебѣ лошадь; изъ всякой бѣды она тебя вынесетъ.

Послѣ этого гробъ подняли, и процессія, состоявшая исключительно изъ мужчинъ (женщины у осетинъ провожаютъ покойнаго только до ближайшаго къ саклѣ мѣста), продолжала путь. Чуть показавшееся солнце скрылось. Вѣтеръ затихъ, и до слуха мужиковъ отчетливо доносился печальный звонъ съ сельской церкви. Многіе хизаны плакали надъ свѣжей могилой своего товарища. Священникъ наскоро переодѣлся и спѣшилъ на харнага.

Зурабъ снова держалъ рѣчь, стоя передъ могилой Лексо:

— Чтобы черти не одолѣли тебя, нашъ дорогой товарищъ, выстрѣлимъ въ нихъ, да будетъ спокойна жизнь твоя на томъ свѣтѣ.

Съ этими словами Зурабъ налилъ на лобъ лошади немного водки, повернулъ ее къ западу и, держа ружье надъ ея головой—выстрѣлилъ; потомъ сѣлъ на коня и пустился, что есть духу. Этимъ онъ какъ бы испытывалъ способность лошади въ несеніи службы Лексо. По суевѣрнымъ понятіямъ осетинъ, лошадь послѣ такой церемоніи не выживаетъ и умираетъ вскорѣ послѣ похоронъ; во всякомъ случаѣ она остается у того, кто джигитовалъ на погребеніи, или же хозяинъ ея платитъ отъ 3 к. до 10 р., смотря по состоянію, и тогда лошадь можетъ остаться у хозяина.

Сгущались зимніе сумерки. Въ саклѣ стояла смѣсь запаховъ ладона, водки, людей, съ преобладаніемъ запаха курдючнаго сала. Зажигались кружки, лучины. Во всѣхъ концахъ сакли и на дворѣ раздавались пьяные голоса, безсвязныя рѣчи, крикъ, шумъ; собаки подбирали кости, хрипѣли и грызлись. Два хизана, съ утра не перестававшіе пить, сперва поссорились изъ-за участка запаханной земли, обнажили даже кинжалы, потомъ помирились, стали обниматься, цѣловаться и затянули пѣсню:

„Татэ дамъ бажуре,
Вара-ду-рада-ре-е! *).

Д. Ведребисели.

---

*) Пѣсня въ честь гурійца Татэ, атамана разбойниковъ.

Великое сердце.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Да, именно въ томъ, по преимуществу, великое значеніе Бѣлинскаго, что у него было великое сердце. Огромно, конечно, и чисто-умственное значеніе его литературнаго наслѣдства. Разберитесь въ своихъ представленіяхъ о главныхъ моментахъ русской литературы и вамъ станетъ ясно, что источникъ ихъ въ разъясненіяхъ, съ такою удивительною яркостью и ясностью данныхъ Бѣлинскимъ. Присмотритесь къ тому пониманію исторіи русской литературы, которое теперь уже разошлось по всѣмъ учебникамъ, несмотря на то, что первоисточникъ ихъ — самыя сочиненія Бѣлинскаго только на дняхъ, и притомъ въ незначительной части, получили доступъ въ учебныя библіотеки, и вамъ опять станетъ ясно, что все это взято изъ статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, изъ его «Литературныхъ мечтаній», изъ годовыхъ обзоровъ его. Прослѣдите, наконецъ, генетическую связь между литературнымъ движеніемъ всѣхъ 50-ти лѣтъ, протекшихъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и мыслями, идеями и настроеніями «Неистоваго Виссаріона» и вы увидите, что для Бѣлинскаго еще не наступила исторія. У Бѣлинскаго вы всегда найдете отвѣтъ на большинство самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности, потому что отправные пункты путей, по которымъ шла разработка этихъ вопросовъ, намѣчены Бѣлинскимъ-же совершенно опредѣленно и ясно.

Словомъ, Бѣлинскій есть основа, первоисточникъ, краеугольный камень всей новой русской литературной мысли, живое воплощеніе всѣхъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя сдѣлали русскую литературу важнѣйшимъ факторомъ новаго направленія русской гражданственности.

Но именно только воплощеніе. Никакое преклоненіе предъ Бѣлинскимъ не должно затушевывать тотъ фактъ, что мысли, которыя онъ высказывалъ съ такимъ огромнымъ талантомъ и силою, были мыслями цѣлаго круга людей, его вдохновлявшихъ. И этотъ фактъ не только потому не нужно затушевывать, что онъ есть правда, а еще и потому, что въ немъ рѣшительно

нѣтъ ничего такого, что бы умаляло значеніе Бѣлинскаго. Вѣдь самые-то настоящіе великіе люди тѣ, которые не сами по себѣ, а отражають великія эпохи. Второстепенно было-бы значеніе Бѣлинскаго, если-бы онъ отражалъ одного Станкевича, одного Боткина, одного Бакунина, одного Грановскаго, одного Герцена. Но если онъ одновременно, и притомъ по отношенію къ большинству изъ нихъ съ безконечно большею силою и блескомъ, отражалъ и Станкевича, и Боткина, и Бакунина, и Грановскаго, и Герцена, то это уже значитъ, что онъ является центральнымъ пунктомъ знаменитѣйшей эпохи, выразителемъ самаго замѣчательнаго момента русской культуры, давшей ту плеяду великихъ писателей, которая поставила Россію на одинъ уровень съ великими литературными державами человѣчества. Какъ мнѣ уже пришлось разъ формулировать свой взглядъ на Бѣлинскаго *), главная заслуга великаго критика «не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности. Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства. Великій праведникъ литературы русской, рыцарь безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни единаго, самомалѣйшаго пятнышка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ страстотерпцемъ новой русской мысли. Онъ глубоко выстрадалъ свои убѣжденія и въ полномъ смыслѣ слова писалъ лучшею кровью своего сердца».

Печать необыкновенно высокаго духа Бѣлинскаго лежитъ на каждой строчкѣ, имъ написанной, и оттого такъ жгучи понынѣ эти старыя журнальныя статьи и рецензіи, болѣе полувѣка тому назадъ написанныя и часто по поводамъ совершенно ничтожнымъ. Мысли старѣются и становятся банальными, что можно сказать про многія положенія Бѣлинскаго, превратившіяся въ труизмы. Но истинный паѳосъ никогда не старѣетъ и всегда сообщается читателю. И какъ вѣрующій, заглядывающій въ минуту поисковъ душевнаго утѣшенія въ псалтирь, находитъ въ ней слова успокоенія, хотя они сказаны совсѣмъ по иному поводу, такъ и сочиненія Бѣлинскаго, раскрытыя въ любомъ мѣстѣ, даютъ источникъ великаго наслажденія всякому, волнующемуся вопросами морали, назначенія литературы и выясненія истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. Безграничное воодушевленіе Бѣлинскаго уноситъ и читателя его въ горныя вершины духа. Есть немногіе

*) «Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы», въ «Вѣст. Евр.» 1898 г. № 3.

избранники, при встрѣчѣ съ которыми всякій нравственно подтягивается и куда-то далеко, далеко прячетъ всѣ мелкіе помыслы. Заразительно, вѣдь, не только зло, но и добро. Бѣлинскій одинъ изъ такихъ избранниковъ. Въ этомъ было его значеніе въ кружкахъ превосходившихъ его знаніями пріятелей его, въ этомъ его значеніе и теперь. Въ его духовномъ присутствіи отпадаетъ все ничтожное и пошлое и всякій чувствуетъ неодолимую потребность чѣмъ-нибудь приблизиться къ его душевной чистотѣ и настроить себя въ унисонъ съ біеніемъ его великаго сердца...

Общій обзоръ эпохи Бѣлинскаго.

Изъ того, что было сейчасъ сказано о значеніи Бѣлинскаго, какъ центральнаго человѣка его эпохи, вытекаетъ необходимость точно ознакомиться съ этой эпохой въ ея главныхъ очертаніяхъ. Съ такого обзора я и начинаю свой этюдъ. Нѣкоторые моменты эпохи Бѣлинскаго очень извѣстны. Я на нихъ останавливаться не буду и отмѣчу ихъ только для общей связи. Другіе, напротивъ того, мало извѣстны и я останавлюсь на нихъ подробнѣе.

Предварительно я еще хочу воспользоваться случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ объ одномъ историко-литературномъ обозначеніи, которое, право, уже пора бросить. Годы, обзоръ литературной исторіи которыхъ я сейчасъ собираюсь сдѣлать, принято у насъ называть *гоголевскимъ періодомъ*. Трудно придумать обозначеніе, менѣе подходящее къ сущности эпохи, чѣмъ это. И если обратиться къ исторіи происхожденія термина «гоголевскій періодъ», то полная непригодность его станетъ еще яснѣе.

Терминъ созданъ Чернышевскимъ. Когда онъ въ 1855 году началъ въ «Современникѣ» рядъ статей о тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, то главною цѣлью его было возстановить въ памяти читателей дѣятельность Бѣлинскаго: ему посвящена значительнѣйшая часть статей. Но имя Бѣлинскаго нельзя было въ то время называть: реакція, наступившая у насъ благодаря опасеніямъ, вызваннымъ европейскими революціонными событіями 1848 года, отнеслась къ дѣятельности Бѣлинскаго, какъ къ чему-то противозаконному. Такъ всѣмъ подсудимымъ по литературно-политическому дѣлу Петрашевскаго было вмѣнено въ проступокъ, что они читали извѣстное негодующее письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, полное выходокъ противъ недостатковъ нашего строя. Вотъ почему за все семилѣтіе (1848—1855), отдѣляющее смерть Бѣлинскаго отъ начала новаго царствованія, имя Бѣлинскаго не упоминается въ журналистикѣ. Чернышевскій началъ свои очерки въ первые мѣсяцы новаго царствованія, когда старыя традиціи еще не уступили мѣста новымъ. Но вотъ наступаютъ новыя вѣянія и это очень быстро сказалось на «Очеркахъ» тѣмъ, что въ четвертой статьѣ имя Бѣлинскаго уже было, наконецъ, произ-

несено. Въ первыхъ же статьяхъ, повторяю, Бѣлинскаго назвать еще нельзя было. Чернышевскому, слѣдовательно, нужно было придумать своего рода псевдонимъ, надо было говорить о Бѣлинскомъ иносказательно. Онъ и придрался къ тому, что въ то время выходило собраніе сочиненій Гоголя. Это давало поводъ говорить объ умственномъ движеніи 30-хъ и 40-хъ годахъ. А такъ какъ надо было выдумать безобидную кличку, то слова «Гоголевскій періодъ» какъ-бы сами напрашивались на языкъ. И пошло это названіе, и утвердилось оно такъ, какъ будто вполнѣ выражало намѣренія автора статей. А между тѣмъ достаточно посмотрѣть одно только оглавленіе «Очерковъ гоголевскаго періода», чтобы убѣдиться, что Гоголь тутъ ни причемъ: Гоголю посвящено въ нихъ меньше 20-ти страницъ изъ 380, очерки трактуютъ исключительно о теоретической русской мысли, иа которую, ужъ конечно, Гоголь не могъ оказать никакого вліянія. Критика Бѣлинскаго, правда, въ числѣ своихъ другихъ заслугъ, имѣетъ и заслугу правильнаго истолкованія Гоголя. Безспорно вообще, что, за исключеніемъ Булгарина, всѣ литературныя партіи 40-хъ годовъ чрезвычайно высоко цѣнили Гоголя,—но отсюда до наложенія отпечатка на всю эпоху еще очень далеко.

Я не стану касаться поднятаго за послѣднее время вопроса о томъ, отъ кого пошла новая русская литература?—отъ Пушкина или отъ Гоголя. Но внѣ спора во всякомъ случаѣ то, что дѣятели сороковыхъ годовъ уже застали Гоголя большою литературною величиной—слѣдовательно, онъ относится къ эпохамъ предыдущимъ. И, наконецъ, достаточно вспомнить письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу «Переписки съ друзьями», чтобы окончательно рѣшить вопросъ о томъ, мыслимо-ли назвать именемъ Гоголя тотъ періодъ, который такъ далеко разошелся съ Гоголемъ въ пониманіи существеннѣйшихъ сторонъ русской жизни.

Нѣтъ, вторую половину тридцатыхъ годовъ и сороковые нужно непремѣнно назвать эпохой Бѣлинскаго, какъ по тому центральному значенію Бѣлинскаго, о которомъ уже было выше сказано, такъ и потому еще, что никто изъ остальныхъ дѣятелей эпохи не дошелъ въ эти годы до полнаго развитія своихъ литературныхъ силъ. Умершій въ 1848 году Бѣлинскій одинъ въ сороковыхъ годахъ обрисовался во всю свою величину. Остальные сверстники его, за исключеніемъ развѣ Грановскаго, всю силу своихъ талантовъ развернули уже послѣ его смерти—въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

I.

Исторія умственнаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ исторіей московскаго университета за это время. Въ началѣ 30-хъ годовъ въ немъ учились почти всѣ

главныя силы новой русской литературы. Лермонтовъ, Гончаровъ, Герценъ, Огаревъ, Станкевичъ и второстепенные члены его знаменитаго кружка, Константинъ Аксаковъ и наконецъ Бѣлинскій— все это студенты московскаго университета конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ.

Въ знаменательное время попали они въ университетъ. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ московскій университетъ находился на рубежѣ совершенно новой эпохи, на рубежѣ рѣзкой перемѣны въ профессурѣ и студенчествѣ. Цѣлый рядъ молодыхъ профессоровъ: шеллингистъ Павловъ, даровитый Надеждинъ, Шевыревъ—тогда еще молодой энтузіастъ, только что вернувшійся изъ заграницы и еще не превратившійся въ того сухого педанта, съ которымъ ожесточенно ратоборствовалъ впослѣдствіи кружокъ Бѣлинскаго, Погодинъ, тоже еще молодой и свѣжій,—всѣ эти молодыя силы внесли новый духъ въ университетское преподаваніе, который и не замедлилъ произвести въ немъ радикальныя перемѣны. Вмѣсто прежняго монотоннаго считыванія съ старыхъ тетрадокъ, въ незапамятныя времена заготовленныхъ и изъ года въ годъ, безъ малѣйшихъ перемѣнъ, повторяемыхъ, съ профессорской каѳедры послышалось живое слово, стремившееся отразить вѣянія времени, удовлетворить нарождающимся потребностямъ жизни. Параллельно этимъ перемѣнамъ въ профессорской средѣ, происходитъ большая перемѣна и въ московскомъ студенчествѣ. Студентъ изъ бурша превращается въ молодого человѣка, поглощеннаго высшими стремленіями. Прежніе патріархальные нравы, когда московскіе студенты, главнымъ образомъ, занимались пьянствомъ, буйствомъ, задираніемъ прохожихъ, мало по малу начинаютъ отходить въ область преданій. Правда, и въ годы вступленія Бѣлинскаго въ университетъ студенты забавлялись еще подчасъ разными чисто-школьническими шалостями и продѣлками. Но въ общемъ, всетаки, эти времена буйства, школьничества и незнанія куда дѣть запасъ юношескихъ силъ, рѣшительно проходятъ и замѣняются стремленіемъ къ «солнцу истины», какъ выражается Константинъ Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ. Начинается образованіе среди московскихъ студентовъ тѣсно сплоченныхъ кружковъ молодыхъ людей, восторженныхъ и чистыхъ, сходящихся затѣмъ, чтобы выяснить себѣ вопросы нравственные, философскіе, политическіе.

Студенчество новаго типа сгруппировалось по преимуществу въ двухъ кружкахъ—Станкевича и Герцена. И какъ это ни странно, но почти все, чѣмъ славно поколѣніе сороковыхъ годовъ, или прямо вышло изъ этихъ двухъ кружковъ или тѣсно къ нему примыкало. Безусловно правъ Герценъ, когда, вспоминая въ «Быломъ и Думахъ» о студенческихъ кружкахъ своего времени, говоритъ о лицахъ, входившихъ въ составъ ихъ: «Можно сказать, что въ то время Россія будущаго существовала между нѣсколькими мальчиками,

только что вышедшими изъ дѣтства. Въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки. Это были зародыши исторіи, незамѣтные, какъ зародыши вообще. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддерживаемые, они легко могли-бы погибнуть безъ слѣда, но они остаются, а если и умираютъ на полдорогѣ, то не все умираетъ съ ними.»

Оба кружка, хотя и одушевленные однимъ и тѣмъ-же жаромъ высокихъ стремленій, почти не имѣли между собою общенія и отчасти даже враждебно относились другъ къ другу. Они были представителями двухъ направленій. Кружокъ Станкевича интересовался по преимуществу вопросами отвлеченными—философіей, эстетикой, литературой и былъ довольно равнодушенъ къ вопросамъ политическимъ и соціальнымъ. Напротивъ того, кружокъ Герцена, тоже очень интересовавшійся философіей, не особенно интересовался литературой, а все свое вниманіе сосредоточивалъ на вопросахъ политики дня и вопросахъ соціальнаго устройства. Бурная жизнь іюльской монархіи и ученіе Сенъ-Симона составляли преобладающій интересъ Герцена и его друга Огарева. Кружку Герцена весьма скоро пришлось столкнуться съ тѣмъ, что на жаргонѣ того времени называлось «дѣйствительностью», и эта «дѣйствительность» поступила съ ними безъ всякой нѣжности, размѣстивъ ихъ по разнымъ уголкамъ Россіи. Поэтому на литературномъ поприщѣ они появляются позже, чѣмъ члены кружка Станкевича.

Въ составъ первоначально чисто-студенческаго кружка Станкевича, продолжавшаго жить въ тѣснѣшемъ духовномъ общеніи и восторженнѣйшей дружбѣ и послѣ того, какъ члены его въ 1834—35 гг. оставили университетъ, входили люди неодинаковой умственной и нравственной величины. Второстепенное значеніе имѣютъ: рано умершій историкъ и археологъ Сергѣй Строевъ; довольно посредственный поэтъ, впослѣдствіи профессоръ кіев. универс., Красовъ; гораздо выше послѣдняго стоящій поэтъ-философъ Ключниковъ, извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ —ѳ— и наконецъ Невѣровъ, получившій впослѣдствіи извѣстность въ качествѣ попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Цвѣтъ сообщали кружку прежде всего самъ Станкевичъ, затѣмъ Константинъ Аксаковъ и Бѣлинскій. Черезъ годъ, два послѣ того, какъ кружокъ покончилъ университетскія дѣла свои, къ нему тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ четыре крупнѣйшихъ дѣятеля: Бакунинъ, Катковъ, Василій Боткинъ и Грановскій.

Перечисленныя лица были люди различныхъ темпераментовъ и душевныхъ организацій. Но всѣхъ ихъ сплачивало въ одно обаяніе необыкновенно-свѣтлой, истинно-идеальной личности Станкевича. Станкевичъ представляетъ собою чрезвычайно рѣдкій примѣръ литературнаго дѣятеля, не имѣющаго никакого значенія какъ писатель и тѣмъ не менѣе наложившаго яркую печать своей индивидуальности на одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ русской литературы. Какъ писатель, Станкевичъ авторъ очень плохой quasi

исторической драмы, слабой повѣсти, двухъ трехъ десятковъ стихотвореній вполнѣ второстепеннаго значенія, и нѣсколькихъ отрывковъ философскаго характера, правда довольно интересныхъ, но найденныхъ только послѣ смерти въ бумагахъ его и напечатанныхъ цѣлыхъ 20 лѣтъ спустя. Весь этотъ незначительный литературный багажъ вмѣстѣ съ переводами занялъ небольшой томикъ и не въ немъ, конечно, источникъ огромнаго вліянія Станкевича. Оно зиждется, помимо красоты его нравственнаго существа, на томъ, что Станкевичъ, не обладая литературнымъ и научнымъ талантомъ, былъ тѣмъ не менѣе очень талантливою личностью просто какъ человѣкъ. Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искусству, большимъ и яснымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства. Его живая, умная и часто остроумная бесѣда была необыкновенно плодотворна для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе. Онъ всякому спору умѣлъ сообщать высокое направленіе, все мелкое и недостойное какъ-то само собою отпадало въ его присутствіи, какъ и въ присутствіи Бѣлинскаго. Станкевичъ представлялъ собою удивительно гармоничное сочетаніе нравственныхъ и умственныхъ достоинствъ. Въ идеализмѣ Станкевича не было ничего напускного или приподнятаго, идеализмъ органически проникалъ все его существо, онъ могъ легко и свободно дышать только на горныхъ высотахъ духа.

Въ 1837 году начинающаяся чахотка и жажда приложиться къ самому источнику философскаго знанія погнали Станкевича заграницу. Онъ подолгу живалъ въ Берлинѣ, гдѣ вступилъ въ тѣсное общеніе съ душевно полюбившимъ его профессоромъ философіи гегельянцемъ Вердеромъ. Въ это время въ сферу его обаянія попали питомцы петербург. univer.—Грановскій и Тургеневъ. Въ 1840 году двадцатисемилѣтній Станкевичъ умеръ въ итальянскомъ городкѣ Нови. Ранняя смерть его произвела потрясающее впечатлѣніе на друзей его, но вмѣстѣ съ тѣмъ она какъ-то необыкновенно гармонично и художественно завершила красоту его образа.

Et rose, elle a vecu ce qu'une rose vit—
L'espace d'un matin,

сказалъ французскій поэтъ про умершую въ цвѣтѣ лѣтъ дѣвушку и находитъ въ этой гармоніи примиреніе съ ужаснымъ фактомъ. Душевная красота Станкевича была тоже своего рода благоуханнымъ цвѣткомъ, который могъ бы и выдохнуться при болѣе прозаическихъ условіяхъ, какъ выдохся, напр., идеализмъ его друга и кумира Невѣрова. Теперь-же, благодаря трагизму судьбы Станкевича и цѣльности оставленнаго имъ впечатлѣнія, имя его стало талисманомъ для всего поколѣнія 40-хъ годовъ и создало желаніе приблизиться къ нему по нравственной красотѣ.

Преобладающимъ интересомъ кружка Станкевича было изученіе германской идеалистической философіи. Изъ университета члены кружка, подъ вліяніемъ лекцій Павлова и Надеждина, вынесли интересъ къ Шеллингу, съ его широкимъ взглядомъ на міръ, какъ на развитіе одной всеобщей, объединяющей и творящей идеи. Во второй половинѣ 30-хъ годовъ поэтически-восторженный идеализмъ и пантеизмъ Шеллинга вытѣсняется суровой схемой Гегелевскаго міропониманія. Увлеченіе кружка гегельянствомъ было безмѣрное и дошло до истинной страсти. По свидѣтельству Герцена, котораго не было въ Москвѣ, когда началось увлеченіе Гегелемъ, и который засталъ его апогей по своемъ возвращеніи въ Москву въ концѣ 1830-хъ годовъ, члены кружка отъ всякаго, приходившаго съ ними въ столкновеніе, «требовали безусловнаго принятія феноменологіи и логики Гегеля и притомъ по ихъ толкованію. Толковали же они объ нихъ безпрестанно, нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ гегелевской логики, въ двухъ его эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея «по себѣ бытіи». Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней». Это увлеченіе гегеліанствомъ порою доходило у членовъ кружка до наивно-трогательныхъ проявленій. Молодые люди такъ преисполнились ученіемъ берлинскаго философа—что у нихъ «отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманіе простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гете въ своемъ разговорѣ Мефистофеля со студентомъ. Все въ самомъ дѣлѣ непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своеобразная наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и, если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ»...

На увлеченіи Станкевича и его друзей гегельянствомъ впервые ярко сказалась та основная черта русскаго усвоенія отвлеченныхъ идей, которая проходитъ красною нитью чрезъ всю нашу

духовную жизнь послѣднихъ 50—60 лѣтъ. Въ томъ то и дѣло, что отвлеченныя идеи никогда не оставались для насъ *отвлеченными*, а, переходя въ плоть и кровь, быстро переводились на языкъ дѣйствительности и становились чѣмъ то очень конкретнымъ. И интересъ къ философіи у людей сороковыхъ годовъ никогда не былъ интересомъ къ философіи an und für sich. Есть два типа интереса къ философіи. Можно ею интересоваться, какъ *наукой*, какъ дисциплиною *объясняющею*. Этотъ чисто-научный типъ интереса господствовалъ въ нашихъ духовныхъ академіяхъ, гдѣ задолго до того, какъ философія завладѣла умами свѣтскаго общества, превосходно изучали всѣ главныя философскія системы. Если хотите, такое отношеніе—вполнѣ европейское, культурное, можетъ быть объясняемое тѣмъ, что культура духовнаго сословія нашего старше культуры свѣтскаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ отношеніи и достаточно... равнодушія къ истинѣ. Ну, а равнодушіемъ къ истинѣ и холоднымъ объективизмомъ поколѣніе сороковыхъ годовъ всего менѣе отличалось. И вотъ почему оно и къ широкимъ перспективамъ гегелевскаго міробъясненія отнеслось не съ холоднымъ любпытствомъ, а внесло въ ихъ усвоеніе всю страсть людей, ищущихъ духовной опоры и жаждущихъ найти мѣру вещей. Для нихъ философія стала въ полномъ смыслѣ слова религіей, не разъ доводившей ихъ до состоянія прямого экстаза. Неудивительно, что чисто научный интересъ отошелъ при этомъ совершенно на второй планъ. «*Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромѣ чистаго мышленія*», говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ и это драгоцѣннѣйшее свидѣтельство даетъ единственно вѣрный методъ оцѣнки философскихъ увлеченій эпохи Бѣлинскаго. Комичны, поэтому, новѣйшія нападки гг. Волынскихъ на Бѣлинскаго и его друзей за то, что они не вѣрно поняли Гегеля. Эти нападки комичны, прежде всего, по существу. Они основаны по преимуществу на томъ, что Бѣлинскій плохо зналъ по нѣмецки, Гегеля въ подлинникѣ не читалъ и знакомъ былъ съ нимъ по передачѣ друзей, въ частности Бакунина. Но дѣло-то въ томъ, что это была передача, которая превосходила непосредственное знакомство. Герценъ, въ высокой компетентности котораго по отношенію къ философскимъ вопросамъ, никто еще никогда не сомнѣвался, говоритъ, что изъ всѣхъ людей, изучавшихъ Гегеля, онъ встрѣтилъ только двухъ, которые поняли великаго философа въ совершенствѣ, и оба эти человѣка не знали по нѣмецки: то были Прудонъ и Бѣлинскій, оба ученики одного и того же Бакунина. По отзыву другого компетентнаго судьи—князя Одоевскаго, Бѣлинскій представлялъ собою примѣръ замѣчательнѣйшей философской духовной организаціи, которой достаточно было усвоить основныя начала, чтобы затѣмъ уже самостоятельнымъ путемъ дойти до всѣхъ ихъ логическихъ послѣдствій. Вотъ почему и Гегеля Бѣлинскій превосходно понялъ по пересказу Бакунина и Станкевича.

Итакъ, повторяю, упреки въ томъ, что въ кружкѣ Бѣлинскаго плохо знали Гегеля, комичны по существу. Но они еще болѣе комичны по тѣмъ негодующимъ выводамъ, которые изъ нихъ сдѣлали люди, взявшіеся изучать умственныя движенія русскаго общества, не уяснивъ себѣ главной особенности ихъ—способности претворять заимствованныя извнѣ отвлеченныя системы въ нѣчто вполнѣ самостоятельное, въ чисто русскій катехизисъ практической жизни. Допустимъ, что Бѣлинскій не понялъ Гегеля и даже совершенно «извратилъ» его. Что бы изъ этого слѣдовало? Единственно тотъ фактъ вполнѣ второстепеннаго значенія, что умственная жизнь русской интеллигенціи 40-хъ годовъ шла безъ воздѣйствія на нее подлинной гегелевской философіи. А такъ какъ философія Гегеля даже и въ подлинномъ видѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана универсальнымъ фактомъ правильнаго умственнаго развитія, какимъ должны быть признаны, напр., естественно-научный методъ или критическая философія Канта, то и ущерба никакого не произошло бы отъ «извращенія» Бѣлинскимъ гегельянства. Въ современной Бѣлинскому Франціи и Англіи Гегеля совсѣмъ не знали и это не помѣшало имъ развить первостепенную культуру. Обошлась бы, слѣдовательно, отлично и Россія безъ «правильно» понятаго гегельянства. Весь интересъ «правильно» или «неправильно» понятаго русскаго гегельянства только въ томъ и заключается, поскольку онъ является *русскимъ* умственнымъ теченіемъ. Исходи онъ даже изъ полнаго непониманія, его огромный интересъ для историка-русской мысли и русскаго общества столь же мало ослаблялся бы этимъ, какъ не ослабляется, напр., историческій интересъ католицизма и протестантства, если допустить, что они отступили отъ ученія первоначальнаго восточнаго христіанства. Дѣйствительный интересъ русскаго гегельянства только въ томъ необыкновенномъ подъемѣ духа, который гегельянство сообщило поколѣнію сороковыхъ годовъ. Изъ броженія мысли, имъ созданнаго, вытекли два основныхъ русла русскаго самосознанія: западничество и славянофильство; гегельянство не только сообщило русской интеллигенціи то, чего ей прежде недоставало—опредѣленное міровоззрѣніе, но, что самое важное, оно создало неотложную потребность всегда имѣть какое-нибудь міровоззрѣніе. А эта опредѣленность міровоззрѣнія была единственнымъ способомъ воздѣйствія на косность окружающей среды. Талантовъ было достаточно и до сороковыхъ годовъ. Но эти таланты по своимъ идеаламъ сливались съ толпой и потому поглощались ею и были безсильны окрасить ее въ свой цвѣтъ. Людей-же сороковыхъ годовъ высота ихъ міровоззрѣнія сразу выдвинула надъ толпой, создался маякъ мысли, который далеко вокругъ бросалъ лучи свѣта. Прошло какихъ нибудь 15 лѣтъ и то, что вырабатывалось въ дружескихъ собраніяхъ ничтожнымъ количествомъ горсточки людей, оказало могущественнѣйшее вліяніе на весь ходъ огромной государственной

машины, которая направилась теперь по путямъ, намѣченнымъ въ 40-хъ гг. кучкой гегельянцевъ. И вотъ въ этомъ одухотвореніи сѣраго фона русской жизни, въ этомъ созданіи высокаго строя мысли, въ силѣ и страстности стремленія привести въ соотвѣтствіе русскую дѣйствительность съ высшими потребностями культуры и заключается историческій смыслъ русскаго гегельянства, который, строго говоря, и не былъ никогда опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, который то прославлялъ «дѣйствительность», то нападалъ на нее, то былъ консервативенъ, то радикаленъ, то давалъ толчокъ къ преклоненію предъ Западомъ, то, напротивъ того, служилъ исходнымъ пунктомъ самаго исключительнаго націонализма.

Провозвѣстникомъ гегельянства въ кружкѣ Станкевича явился по преимуществу Михаилъ Бакунинъ. Этому отставному артиллерійскому офицеру предстояло пріобрѣсть въ 60-хъ и 70-хъ годахъ всемірную извѣстность въ качествѣ самаго крайняго изъ самыхъ крайнихъ утопистовъ. Онъ создалъ теорію безпощаднѣйшаго анархизма и полнаго упраздненія государственности. Стоявшій въ то время во главѣ соціалистическаго движенія Карлъ Марксъ долженъ былъ прибѣгнуть къ исключенію Бакунина изъ главнаго органа партіи—«Международнаго общества рабочихъ» для того, чтобы устранить даже тѣнь солидарности съ этимъ апостоломъ всеобщаго разрушенія. Но по странной ироніи судьбы тотъ-же Бакунинъ, который въ серединѣ 40-хъ годовъ, перебравшись въ Европу, выдвинулъ въ одной изъ своихъ статей страшный девизъ «Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust» (страсть къ разрушенію есть зиждущая страсть), въ концѣ 30-хъ не только не имѣлъ ничего общаго съ разрушительными стремленіями, но прямо пришелъ къ апофеозу существующаго порядка. На основаніи Гегелевской философіи создалъ онъ теорію преклоненія предъ «дѣйствительностью» и увлекъ за собою кружокъ Станкевича, всѣхъ-же сильнѣе Бѣлинскаго.

Вопросъ о «дѣйствительности» и ея «разумности» является центральнымъ пунктомъ всей духовной жизни кружка Станкевича въ эпоху его увлеченія гегельянствомъ и это еще разъ доказываетъ, въ какую грубую ошибку впадаютъ тѣ, которые, изучая движеніе 40-хъ годовъ, разсматриваютъ философскіе взгляды эпохи Бѣлинскаго исключительно съ научной точки зрѣнія. Не знаменательна-ли въ самомъ дѣлѣ та исключительность, съ которою всѣ силы ума и сердца Бѣлинскаго и его друзей обратились на толкованіе положенія Гегеля—«*все дѣйствительное—разумно*». Я только что хотѣлъ назвать это положеніе знаменитымъ, припоминая его исторію въ Россіи. Но я воздержался отъ такого распространительнаго толкованія, принявъ въ соображеніе, что въ западно-европейской литературѣ на причинившую русскимъ гегельянцамъ столько душевныхъ мукъ формулу почти не обратили вниманія. Возьмите любую западно-европейскую исторію философіи и прочтите статью о Гегелѣ. Вы тамъ не встрѣтите даже простого упоминанія о формулѣ «все

дѣйствительное—разумно». Вотъ до чего маловажной она кажется обыкновенному изслѣдователю рядомъ съ грандіозностью чисто-научныхъ притязаній гегелевской философіи дать абсолютную истину о сущности всего міроваго процесса. Но для русскаго человѣка сороковыхъ годовъ, который накинулся на гегелевскую философію не изъ жажды научнаго знанія, а потому что ему надо было немедленно рѣшить вопросъ, *какъ ему жить*, все отступило предъ жгучестью ужасныхъ сомнѣній, вносимыхъ формулой.

Сомнѣнія эти имѣли истинно-трагическій характеръ, формула въ корнѣ подрывала всѣ стремленія кружка, дѣлала безсмысленными всѣ его благородные порывы. Люди съ негодованіемъ отбросили всякую мысль о какихъ-бы то ни было компромиссахъ, сосредоточили всѣ свои помыслы на исканіи абсолютной, безпримѣсной истины и этимъ самымъ, конечно, должны были порвать всякую связь съ пошлостью и несовершенствами окружающей среды и вдругъ «все дѣйствительное — разумно»! Значитъ и крѣпостное право разумно, и превосходенъ весь тотъ строй, который возмущалъ еще Чацкаго, и нѣтъ ничего дурного въ той «неправдѣ черной», о которой говорили даже такіе апологеты общаго уклада русской жизни какъ Хомяковъ. Словомъ, правы Булгаринъ и Гречъ, «громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россъ»!

Какъ-бы отнеслись къ такому ужасному диссонансу люди, заинтересовавшіеся гегельянствомъ съ чисто-научной точки зрѣнія? Они-бы, конечно, спокойно отбросили или формулу, или всю систему, разъ она приводитъ къ противорѣчію, которое ставитъ крестъ надъ всѣмъ, что составляетъ основу ихъ духовнаго существа. Но въ томъ-то и дѣло, что члены кружка Станкевича не столько умомъ, сколько сердцемъ примкнули къ гегельянству, они гегельянство не только усвоили, они въ него увѣровали. Ихъ въ гегельянствѣ прельстило его притязаніе дать *абсолютную* истину. А разъ абсолютная истина, какія-же могутъ быть частныя противорѣчія?

И вотъ получилась дилемма, выходъ изъ которой былъ найденъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда наши гегельянцы поняли, что Гегель, при всемъ консерватизмѣ своихъ спеціально-государственныхъ воззрѣній, *не все существующее признавалъ дѣйствительнымъ*. Слѣдовательно формула «все дѣйствительное — разумно» не означаетъ, что *«все существующее разумно»* и не узаконивает всякій порядокъ вещей только въ виду того, что онъ фактъ. Но, повторяю, до этой оговорки наши гегельянцы доискались значительно позже. Цѣлыхъ-же два года, между 1838 и 1840 годомъ, будущій создатель анархизма Бакунинъ, вѣрный фанатическому складу своего ума и чисто-русской способности jurare in verba magistri — во имя Гегеля воспѣвалъ «дѣйствительность» конца 30-хъ годовъ во всей ея совокупности. Бѣлинскій, не оглядываясь, пошелъ за нимъ. Онъ написалъ въ 1840 г. извѣстную статью о «Бородинской годовщинѣ», гдѣ преклоненіе передъ существующимъ

порядкомъ вещей дошло до того, что многіе, и притомъ совсѣмъ не люди крайнихъ убѣжденій, съ нимъ разнакомились. Статья была написана въ своего рода состояніи аффекта. Внутренно содрагаясь отъ сознанія, что обрекаетъ себя на нравственную смерть, Бѣлинскій тѣмъ не менѣе безстрашно шелъ на все ad majorem Gegelii gloriam. Не доходить до конца для него было равносильно измѣнѣ. Именно по поводу статьи о «Бородинской годовщинѣ», Герценъ говоритъ, что Бѣлинскій, разъ усвоивши себѣ то или другое воззрѣніе, «не блѣднѣлъ ни передъ какимъ послѣдствіемъ, не останавливался ни передъ моральнымъ приличіемъ, ни передъ мнѣніемъ другихъ, котораго такъ страшатся люди слабые и несамобытные. Въ немъ не было робости, потому что онъ былъ силенъ и искрененъ, его совѣсть была чиста». Понявши извѣстнымъ образомъ формулу Гегеля, онъ проповѣдывалъ въ концѣ тридцатыхъ годовъ «индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе вмѣсто борьбы», проповѣдывалъ съ тою-же лихорадочною страстностью, съ какою чрезъ полтора, два года нападалъ на представителей квіетизма и требовалъ активнаго противодѣйствія тяжелымъ общественнымъ условіямъ дореформенной эпохи.

Таковы общіе контуры русскаго гегельянства, столь мало имѣющіе общаго съ заправскою философіею. И эту-же мало-научную и исключительно—жизненную окраску носятъ всѣ дальнѣйшія движенія русской теоретической мысли, вплоть до нашихъ дней. Послѣ Гегеля—французскіе утописты 40-хъ годовъ; въ 60-хъ годахъ—нѣмецкіе матеріалисты, Дарвинъ, Милль, Бокль; въ 70-хъ и 80-хъ годахъ—соціологія; въ наши дни — марксизмъ, все это не болѣе какъ отправные пункты, отъ которыхъ идутъ самостоятельные *русскіе пути*. У насъ, какъ извѣстно, установился особый типъ критическихъ статей «по поводу», въ которыхъ собственно о самомъ произведеніи говорится весьма мало, а выясняются разные вопросы общественной жизни. Ну, вотъ и философскія системы запада у насъ были не больше какъ поводомъ къ выработкѣ чисто-русскихъ общественныхъ системъ. Такъ, умственное движеніе, напитавшееся идеями научнаго матеріализма и утилитаризма, въ результатѣ дало самое самоотверженное и великодушное изо всѣхъ русскихъ поколѣній—народниковъ 70-хъ годовъ, такъ, напротивъ того, прикрываясь эстетическимъ и философскимъ идеализмомъ, выступило на смѣну «кающемуся дворянству» 70-хъ годовъ черствое и неискреннее поколѣніе 80-хъ и начала 90-хъ годовъ.

Возвращаясь опять къ эпохѣ Бѣлинскаго, отмѣтимъ еще то, что изъ одного и того-же гегельянства вышли не только два такихъ непохожихъ теченія, какъ прославленіе «дѣйствительности» и нападки на нее, но и оба діаметрально-противоположныя міровоззрѣнія, борьба между которыми не кончилась до сихъ поръ: славянофильство и западничество. Ультра-національное,

славяно-византійское ученіе Константина Аксакова, Кирѣевскаго и Хомякова брало многія схемы своихъ воззрѣній у Гегеля эпохи его возведенія прусско-протестантскаго строя 20-хъ годовъ въ перлъ созданія. Но, конечно, все это подверглось вполнѣ русской переработкѣ и только переработка и интересна для историка русской мысли, совершенно независимо отъ того, въ какомъ видѣ тутъ является подлинный, «научный» Гегель.

Изъ лицъ, вошедшихъ въ составъ кружка Станкевича, послѣ того, какъ онъ оставилъ университетъ, кромѣ Бакунина, слѣдуетъ еще отмѣтить Василія Боткина *). Для средняго читателя это имя говоритъ очень мало. Въ лучшемъ случаѣ его знаютъ какъ автора «Писемъ объ Испаніи», произведенія уже по самому роду своему могущаго имѣть только второстепенное значеніе. И тѣмъ болѣе, что оригинальность «Писемъ» сильно заподозрѣна. А между тѣмъ, Василій Боткинъ имѣетъ безусловно серьезное значеніе въ исторіи новѣйшей рус. литературы. Оно аналогично значенію Станкевича, съ тѣмъ только отличіемъ, что Станкевичъ въ одинаковой степени вліялъ и высотою нравственной своей личности, и своими замѣчательными интелектуальными силами, между тѣмъ какъ Боткинъ оказывалъ вліяніе только въ сферѣ интелектуальной своими замѣчательными познаніями по литературѣ и искусству и своимъ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ. Кромѣ того, Станкевичъ повліялъ на весь кружокъ, а Боткинъ только на одного изъ членовъ его. Но за то этотъ одинъ былъ Бѣлинскій. Размѣръ вліянія видѣнъ изъ того, что когда въ 1857 году Дружининъ приступалъ къ ряду статей о Бѣлинскомъ, онъ собирался прямо заявить о первостепенномъ значеніи, которое имѣлъ Боткинъ для всего хода умственнаго развитія знаменитаго критика. Боткинъ поспѣшилъ отклонить отъ себя эту великую честь и просилъ Дружинина «какъ можно меньше говорить о какой либо помощи, какую я могъ оказывать Бѣлинскому». Со свойственной ему скромностью Боткинъ прибавилъ: «И какъ можно мнѣ объ этомъ судить? Это дѣло посмертныхъ замѣтокъ, т. е. замѣтокъ обо мнѣ, когда я умру. Найдутся люди, которые теперь сочтутъ такого рода «извѣстія» за поползновенія съ моей стороны придать себѣ какое-то ничѣмъ не оказанное значеніе, а васъ за снисходительнаго compère. Нѣтъ, оставимъ лучше это дѣло. То время было то, что нѣмцы называютъ Sturm und Drang Periode. Все въ насъ кипѣло и все требовало отвѣта и разъясненія; всякій клалъ свою посильную лепту въ общую сокровищницу, *которою была критика Бѣлинскаго*. Одинъ меньше, другой больше, но какъ теперь разберешь» **).

---

*) На Катковѣ мы останавливаться не будемъ. Его значеніе относится къ послѣдующей эпохѣ.

**) Это замѣчательное мѣсто, важное какъ для характеристики Боткина, такъ и для характеристики Бѣлинскаго, совсѣмъ не обращало на

Въ 1857 году дѣйствительно трудно было разобраться, но двадцать лѣтъ спустя появилась въ книгѣ А. Н. Пыпина о Бѣлинскомъ съ тѣхъ поръ ставшая знаменитою переписка Бѣлинскаго съ Боткинымъ и изъ нея вполнѣ ясно, что если «одинъ меньше» изъ членовъ кружка, а другой «больше» вліялъ на великаго выразителя умственнаго возбужденія 40-хъ годовъ, то именно «больше» вліялъ Боткинъ. И если признать Бѣлинскаго важнѣйшимъ явленіемъ эпохи, то и Василій Боткинъ, мало кому извѣстный и никѣмъ не читаемый, получаетъ крупное историческое значеніе. Оно зиждется на томъ, что Боткинъ былъ главнымъ посредникомъ между Бѣлинскимъ и западно-европейскимъ искусствомъ. Тонкое эстетическое чутье было, конечно, прирожденное у Бѣлинскаго, но въ постоянномъ общеніи съ Боткинымъ оно окрѣпло и возмужало. Ни съ кѣмъ Бѣлинскій не обмѣнивался такъ охотно мыслями по чисто-литературнымъ вопросамъ, какъ съ Боткинымъ. Въ личныхъ отношеніяхъ, никого Бѣлинскій не любилъ съ такою нѣжностью, какъ Боткина, который былъ для него живымъ воплощеніемъ нѣмецкой поэзіи, нѣмецкой музыки и всѣхъ вообще чисто-эстетическихъ эмоцій.

Въ своей личной литературной карьерѣ Боткинъ не процвѣлъ. Это очень поучительно и вполнѣ соотвѣтствуетъ основной чертѣ новѣйшей русской литературы, указаніемъ на которую, подобно катоновскому caeterum censeo, изслѣдователь долженъ заканчивать всякую характеристику литературнаго дѣятеля послѣднихъ 50—60 лѣтъ: для вліянія на русскаго читателя нужна прежде всего глубина убѣжденія, нужно явиться представителемъ опредѣленнаго міросозерцанія. У Боткина были обширныя познанія, недюжинный умъ, тонкій вкусъ, не было у него недостатка и во внѣшнихъ литературныхъ достоинствахъ. Но у него совсѣмъ не было желанія схватиться на жизнь и на смерть за свои убѣжденія и во всемъ его духовномъ существѣ царилъ холодъ. Вотъ почему Боткинъ самъ по себѣ не многаго стоитъ и имѣетъ значеніе только какъ источникъ духовнаго возбужденія Бѣлинскаго. Приставьте къ скромному источнику свѣта большой блестящій рефлекторъ и оба вмѣстѣ они будутъ бросать яркій свѣтъ на далекое разстояніе. Умеръ Бѣлинскій и Боткинъ исчезаетъ изъ исторіи русской литературы. Исчезаетъ даже его личная привлекательность, столь неотразимо дѣйствовавшая на Бѣлинскаго, который былъ влюбленъ въ него, какъ въ женщину. Всегда сидѣвшій въ Боткинѣ эпикуреизмъ превращается въ 50-хъ и 60-хъ годахъ въ какую-то отвратительную холю тѣла и обжорство. Еще болѣе печальный оборотъ приняла духовная жизнь Боткина.

себя вниманія изслѣдователей эпохи 40-хъ годовъ. Оно находится въ „Сборникѣ общ. вспомощ. нужд. литер. и ученыхъ, XXV лѣтъ“. (Спб. 1884 г.) стр. 500.

Эстетизмъ въ немъ тоже превратился въ какую-то литературную гастрономію и общественное возбужденіе, наступившее послѣ крымской войны, не только не вызывало никакого сочувствія въ недавнемъ поклонникѣ французскихъ утопистовъ, а страшно его раздражало. Онъ не могъ простить 60-мъ годамъ ихъ пренебреженіе къ искусству и въ своемъ брюзжаніи дошелъ до того, что въ разговорахъ съ знакомыми цензорами натравливалъ ихъ на репрессивныя мѣры. Такъ печально кончилъ (въ 1869 г.) другъ Бѣлинскаго, который въ ужасѣ перевернулся бы въ гробу, если бы до него дошло то письмо къ Фету, гдѣ Боткинъ съ полною атрофіей нравственнаго чувства повѣствуетъ о своихъ «указаніяхъ» цензорамъ. Да, Боткину было дано большое умственное богатство, но не было дано соотвѣтственнаго богатства душевнаго.

Перейдемъ теперь ко второму университетскому кружку. Онъ былъ менѣе многочисленъ, чѣмъ кружокъ Станкевича и собственно это даже не былъ кружокъ. Просто два студента физико-математическаго факультета, Александръ Герценъ и Николай Огаревъ, къ тому-же дальніе родственники, поступивъ въ университетъ, продолжали вести пламенную, романтическую дружбу, возникшую между ними, когда они еще были мальчиками. Изъ другихъ студентовъ чаще другихъ приходили къ друзьямъ и были душевно съ ними близки: Сатинъ, впослѣдствіи переводчикъ Шекспира, Вадимъ Пассекъ,—рано умершій этнографъ, и Кетчеръ—медикъ по спеціальности, но страстный любитель литературы и тоже переводчикъ Шекспира, весельчакъ и остроумный maître de plaisir московской литературной молодежи. Вліяніе небольшого кружка Герцена и Огарева на литературу въ началѣ эпохи Бѣлинскаго было совершенно незначительно, но по чисто-внѣшнимъ причинамъ. Въ 1834 году Герценъ, вмѣстѣ съ Огаревымъ и Сатинымъ, были привлечены къ раздутой исторіи объ университетскихъ кандидатахъ, устроившихъ по случаю окончанія курса пирушку, во время которой пѣли антиправительственныя пѣсни. Ни Герценъ, ни Огаревъ участія въ пирушкѣ не принимали и суровое наказаніе, постигшее дѣйствительныхъ участниковъ, ихъ миновало, но захваченныя при обыскѣ у нихъ бумаги показали, что друзья очень интересуются французскими соціальными системами и особенно Сенъ-Симонизмомъ—и этого было достаточно, чтобы признать ихъ виновными: Герценъ былъ сосланъ въ Пермь, Сатинъ въ Симбирскъ, Огаревъ, изъ вниманія къ его отцу, котораго въ то время разбилъ апоплексическій ударъ—въ Пензу.

Только въ 1839 году Герценъ вернулся въ Москву и получилъ возможность принять болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ литературѣ. Его обширныя познанія, огромный умъ и замѣчательный, искрящійся блестками тончайшаго остроумія, литературный талантъ не замедлили обратить на него вниманіе. Тѣмъ не менѣе, ознаком-

леніе съ Герценомъ только эпизодически должно входить въ исторію литературы сороковыхъ годовъ. Герценъ входитъ, главнымъ образомъ, въ исторію литературы слѣдующей эпохи, конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, когда онъ достигъ безпримѣрнаго вліянія и значенія, когда къ словамъ его съ одинаковымъ волненіемъ и съ одинаковою симпатіею прислушивались во всѣхъ слояхъ русскаго общества, не исключая дворцовъ и министерскихъ совѣтовъ.

Въ 40-хъ годахъ дѣятельность Герцена, писавшаго подъ псевдонимомъ Искандера, была тоже очень замѣтна, но всетаки не такъ, какъ впослѣдствіи. Она выразилась въ рядѣ блестяще-написанныхъ статей, протестовавшихъ противъ той науки, которая замыкается въ себѣ и создаетъ только цеховыхъ ученыхъ. Наука должна воздѣйствовать на жизнь, должна идти на встрѣчу разрѣшенію назрѣвающихъ вопросовъ современности. Кромѣ статей философско-критическаго характера, Герценъ въ 40-хъ годахъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній, иногда недостаточно художественно-законченныхъ, но всегда вдумчивыхъ и проникнутыхъ серьезнымъ убѣжденіемъ. Особенное впечатлѣніе произвела небольшая повѣсть «Сорока-воровка», съ ея косвеннымъ осужденіемъ крѣпостного права, и романъ «Кто виноватъ». Романъ ставилъ, хотя и не разрѣшалъ ни въ ту, ни въ другую сторону вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ и правахъ сердца свободно любить. Въ лицѣ же героя романа—Бельтова было очерчено, кромѣ того, трагическое положеніе русскаго человѣка съ высшими потребностями, не имѣющаго возможности приложить свои силы къ общественной дѣятельности и принужденнаго всю жизнь скитаться безъ опредѣленной цѣли.

Во внутренней жизни русской передовой интеллигенціи 40-хъ годовъ Герценъ, еще не обрисовавшійся во всю свою величину для читающей публики, сразу пріобрѣлъ не меньше значенія, чѣмъ впослѣдствіи. Болѣе всѣхъ онъ содѣйствовалъ отрѣшенію отъ узкаго пониманія гегельянства, какъ апоѳеоза всякаго существующаго факта. Когда въ 1839 году Герценъ вернулся въ Москву, онъ засталъ теорію преклоненія предъ разумностью всякой «дѣйствительности» во всемъ ея бѣснованіи и ужаснулся. Чтобы бороться съ приверженцами этой теоріи ихъ же собственнымъ оружіемъ, онъ засѣлъ за Гегеля и со свойственнымъ ему блескомъ способностей быстро освоился какъ съ самымъ Гегелемъ, такъ и съ его школою. Школа Гегеля тогда уже начала распадаться на консервативное, *правое* гегельянство и гегельянство *лѣвое*, давшее вскорѣ дѣятелей въ родѣ Карла Маркса. Герценъ явился провозвѣстникомъ этого лѣваго гегельянства и пришелъ къ выводамъ діаметрально-противоположнымъ тѣмъ, которые завладѣли умомъ и сердцемъ членовъ кружка Станкевича. Произошла жестокая схватка съ Бѣлинскимъ и молодые люди, горячо полюбившіе другъ друга, разошлись. Бѣлинскій, глубоко потрясенный, уѣхалъ въ Петербургъ. Но прошелъ

годъ съ небольшимъ, сомнѣнія, брошенныя Герценомъ, взошли въ чуткомъ сердцѣ Бѣлинскаго, онъ трезво взглянулъ на неприглядную «дѣйствительность» и, когда въ 1841 году друзья свидѣлись, между ними уже не было разногласій и они пошли, рука объ руку, по пути выработки новой общественной програмы.

Другъ Герцена—Огаревъ всецѣло напоминаетъ Станкевича. Человѣкъ скромный, хотя и полный вѣры въ великое призваніе, тихій и застѣнчивый, Огаревъ неотразимо дѣйствовалъ на всякаго, кто былъ чутокъ къ душевной красотѣ. Вокругъ него всегда создавался особый «Огаревскій культъ», въ его присутствіи люди, какъ въ общеніи съ Станкевичемъ, становились лучше и чище. Но не только высокимъ строемъ своего нравственнаго существа выдѣлялся Огаревъ. Человѣкъ обширнаго, энциклопедическаго образованія, онъ оказывалъ сильное вліяніе на своихъ друзей и умственнымъ богатствомъ своимъ. Мало продуктивный въ печати, онъ благотворно вліялъ личной бесѣдой, дѣлясь богатымъ запасомъ своихъ знаній, давая широкія обобщенія, высказывая яркія мысли и притомъ часто въ очень яркихъ образахъ. Какъ поэтъ онъ въ разсматриваемую эпоху обрисовался вполнѣ, хотя нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній его написаны въ 50-хъ годахъ. Рано опредѣлились основныя черты почти безпричинно-меланхолической, женственно-мягкой музы Огарева. Его лирѣ, может быть самой нѣжной во всей русской поэзіи, были совершенно чужды мужественные аккорды. И это находится въ странномъ противорѣчіи съ теоретическими воззрѣніями Огарева, всегда крайними и рѣшительными. Поэзія Огарева, всю жизнь составлявшаго предметъ неусыпнаго вниманія надзирающихъ вѣдомствъ и съ конца 50-хъ годовъ ставшаго однимъ изъ главарей русской эмиграціи, поражаетъ почти полнымъ отсутствіемъ элемента протеста. Тихая грусть о прошедшемъ и разбитомъ счастьѣ, искреннѣйшее чувство всепрощенія и того, что на жаргонѣ 40-хъ годовъ называлось «резиньяціей»—вотъ наиболѣе характерныя черты творчества Огарева. Въ пензенской ссылкѣ своей Огаревъ написалъ стихотвореніе «Друзьямъ», гдѣ затронуто постигшее ихъ несчастіе. Кого-бы не озлобила несправедливая кара? На Герцена она такъ и подѣйствовала, укрѣпивъ въ немъ протестующее настроеніе. У Огарева-же вотъ чѣмъ заканчивается картина крушенія лучшихъ надеждъ:

Мы много чувствъ и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же
Упрекъ ли небу скажетъ дерзкій умъ?
Къ чему упрекъ? Смиренье въ душу вложимъ,
И въ ней затворимся безъ желчи, если можемъ.

II.

Мы ознакомились съ тѣми дѣятелями разсматриваемаго періода, которые примыкали къ московскимъ студенческимъ кружкамъ. Объ остальныхъ дѣятеляхъ эпохи удобнѣе будетъ сказать въ связи съ очеркомъ литературно-общественныхъ партій, образовавшихся въ началѣ 40-хъ годовъ. Борьба этихъ партій составляетъ главное содержаніе эпохи Бѣлинскаго, эпохи теоретической выработки міросозерцанія по преимуществу, такъ какъ чисто-художественныя силы новаго поколѣнія проявились только въ самомъ концѣ эпохи.

Окончательное выдѣленіе литературно-*общественныхъ* партій произошло около 1842—3 года. Я подчеркиваю слово *общественныхъ*, потому что это было явленіе совсѣмъ новое. Еще какихъ нибудь пять, десять лѣтъ тому назадъ литература наша, какъ явленіе общественное, представляла собою одну почти однородную массу и совсѣмъ не знала отличій, основанныхъ на разницѣ общественнаго міросозерцанія. Въ журналистикѣ были личныя дрязги, господствовали личныя симпатіи и антипатіи, шла борьба чисто-художественныхъ стилей, какъ, напр., та борьба, которую засталъ Бѣлинскій — между классицизмомъ и романтизмомъ. Разницы же общественно-политическихъ идеаловъ почти не было. Этимъ, между прочимъ, слѣдуетъ объяснить, почему преклоненіе предъ *«дѣйствительностью»* могло съ такою силою захватить даже *«неистовую»*, по существу, душу Бѣлинскаго.

Но въ сороковыхъ годахъ литературу и журналистику уже никакъ нельзя было назвать однородною массою. Образовались три рѣзко намѣченныя партіи, нерѣдко сходившіяся въ чисто-литературномъ отношеніи (славянофилы и западники, напримѣръ, одинаково восторженно относились къ Гоголю), но совершенно расходившіяся въ указаніи тѣхъ путей, по которымъ каждая изъ партій хотѣла направить исторію русской гражданственности. Двѣ изъ этихъ партій еще въ сороковыхъ годахъ получили названія *славянофильства* и *западничества*, третья не имѣла опредѣленнаго названія въ 40-хъ годахъ, не смотря на полную опредѣленность своей духовной физіономіи, и только позднѣе, въ 70-хъ годахъ, А. Н. Пыпинъ весьма удачно назвалъ ее партіей *оффиціальной народности*.

Партія *оффиціальной народности* состояла изъ печальной памяти тріумвирата—Булгарина, Греча и Сенковскаго въ Петербургѣ и дуумвирата — Погодина и Шевырева въ Москвѣ. Первые три имѣли въ своемъ распоряженіи пресловутую газету «Сѣверную Пчелу» и «Библіотеку для Чтенія», послѣдніе издавали «Москвитянинъ». Имѣя очень много общаго между собою, московскіе представители теоріи оффиціальной народности въ нравственномъ отно-

женіи стояли, всетаки, гораздо выше своихъ петербургскихъ братьевъ по духу. Въ петербургскомъ тріумвиратѣ тоже нужно отдѣлить Сенковскаго отъ Греча, а Греча отъ Булгарина.

Булгаринъ представлялъ собою нѣчто крайне-антипатичное со *всѣхъ* точекъ зрѣнія. Онъ громко кричалъ о своей преданности тріадѣ: самодержавіе, православіе и народъ, но эта мнимая преданность по существу была только угодничествомъ самаго низменнаго свойства и вызывала брезгливое чувство даже въ тѣхъ сферахъ, предъ которыми пресмыкался Булгаринъ. Можно-ли было вѣрить въ искреннюю преданность православію этого недавняго католика, можно-ли было допустить искреннее увлеченіе идеею русской народности въ полякѣ, сражавшемся подъ знаменами Наполеона? Наконецъ, «тройной измѣною играя», Булгаринъ преклонялся и предъ самодержавіемъ исключительно какъ предъ власть имущею силою. До декабрьской катастрофы онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ кружкомъ Рылѣева, и если даже ничего не зналъ о заговорѣ, то, всетаки, вполнѣ раздѣлялъ конституціонныя идеи декабристовъ. Теперь-же онъ выражалъ свою преданность невѣроятно холопскимъ языкомъ, который своимъ азіатскимъ пресмыкательствомъ, напоминающимъ какую-нибудь Бухару или Коканъ, глубоко возмущалъ рѣшительно всѣхъ и всего болѣе людей, искренно преданныхъ идеѣ монархической власти. Императоръ Николай, который не любилъ грубой лести, былъ весьма невысокаго мнѣнія о редакторѣ «Сѣверной Пчелы». Въ области чисто-литературной Булгаринъ былъ представителемъ самаго грубаго вкуса. Этотъ позорный руководитель значительной части такъ называемой средней публики 40-хъ годовъ самымъ искреннимъ образомъ приравнивалъ Гоголя Поль-де-Коку. И въ довершеніе Булгаринъ былъ мелко-продаженъ, писалъ грубыя рекламы гостиницамъ, гдѣ его даромъ кормили, и купцамъ, приносившимъ его домашнимъ по куску матерій. Для характеристики публики, довольствовавшейся газетой Булгарина и изъ нея черпавшей представленіе о государственной жизни Россіи и Европы, слѣдуетъ прибавить, что общій уровень «Сѣверной Пчелы», помимо пошлости и пресмыкательства, поражаетъ своею мелкотою. Самыя крупныя явленія государственной жизни оставались внѣ обсужденія единственной ежедневной русской газеты, что, впрочемъ, Булгарину нельзя вмѣнять особенно въ вину. Когда онъ однажды, по поводу правительственнаго распоряженія, воспѣлъ ему самый восторженный дифирамбъ, то получилъ за это серьезное внушеніе. «Правительство въ твоихъ похвалахъ не нуждается», сказалъ ему начальникъ третьяго отдѣленія Дубельтъ, обращавшійся съ главнымъ представителемъ тогдашняго «общественнаго мнѣнія», какъ теперь не обращаются съ лакеемъ. «Театръ, выставки, гостиный дворъ, толкучка, трактиры, кондитерскія—вотъ твоя область, а дальше ея не моги ни шагу».

Второй представитель партіи «оффиціальной народности», соиздатель «Сѣвер. Пчелы»—Гречъ, былъ и чистоплотнѣе, и образованнѣе Булгарина. Но педантъ по преимуществу, и человѣкъ съ весьма мелкимъ кругозоромъ, совершенно неспособный слѣдить за духомъ времени и застывшій на литературныхъ традиціяхъ 20-хъ годовъ, онъ не вносилъ въ газету ничего такого, что бы хоть сколько-нибудь возвышало ея низменный уровень. Поэтому его имя въ исторіи русской литературы не отдѣляется отъ имени Булгарина и оба вмѣстѣ они являются синонимомъ крайнихъ предѣловъ сервильности и литературной пошлости.

Третій членъ петербургскаго тріумвирата, одно время мечтавшаго монополизировать въ своихъ рукахъ всю русскую печать,—Сенковскій имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы стать первостепеннымъ дѣятелемъ. Человѣкъ замѣчательной и разносторонней учености, писатель безспорнаго таланта и выдающагося остроумія, Сенковскій придавалъ интересъ каждому изъ тѣхъ разнообразныхъ сюжетовъ, которыхъ онъ касался въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ лишенъ всякаго опредѣленнаго міросозерцанія и всякихъ идеаловъ. Онъ смѣялся ради смѣха. И оттого, въ концѣ концовъ, его недюжинное остроуміе было ничто иное, какъ кувырканіе, производимое единственно для того, чтобы вызвать рукоплесканія толпы. Даже въ серьезныхъ статьяхъ его часто нельзя было отличить, говоритъ ли онъ серьезно или мистифицируетъ. Объ искренней преданности идеѣ русской оффиціальной народности со стороны этого польскаго Мефистофеля смѣшно было и говорить. Единственно, что въ немъ было искренняго—это презрѣніе къ русской публикѣ и непониманіе новаго литературнаго движенія. Послѣднее находило себѣ еще органическую поддержку въ томъ, что Сенковскій, при всей своей разносторонней образованности и талантливости, былъ лишенъ эстетическаго вкуса. Гоголя онъ не понималъ вполнѣ искренно и фольга Кукольника ему не на шутку казалась настоящимъ литературнымъ золотомъ.

Для разсматриваемаго нами періода Сенковскій, впрочемъ, не имѣетъ особеннаго значенія. Эпоха блестящаго его успѣха — это средина 30-хъ годовъ. Публика, привыкшая къ тощимъ журналамъ того времени, съ одной стороны была ошеломлена прекрасно-обставленнымъ литературнымъ матеріаломъ толстыхъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія», а съ другой ей нравилось язвительное остроуміе барона Брамбеуса. Но успѣхъ былъ непродолжителенъ и въ концѣ 30-хъ годовъ толщина книжекъ «Библіотеки для Чтенія» никого уже не ошеломляла, потому что и другіе журналы послѣдовали примѣру «Библіотеки», а пряность лишеннаго внутренняго содержанія хихиканія Брамбеуса пріѣлась.

Московскіе представители теоріи оффиціальной народности—Погодинъ и Шевыревъ, какъ явленіе нравственнаго порядка, сто-

яли гораздо выше своихъ петербургскихъ соратниковъ. Погодинъ представлялъ собою удивительную смѣсь чертъ крайне несимпатичныхъ съ дѣтскою простотою и добродушіемъ. Человѣкъ болѣе чѣмъ себѣ на умѣ, съумѣвшій продать за 150 т. р. свое знаменитое «древлехранилище», составившееся изъ добровольныхъ пожертвованій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ часто очень непрактиченъ. Самъ эксплоатируя своихъ сотрудниковъ и даже слушателей—студентовъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко давалъ и себя эксплоатировать. По политическимъ воззрѣніямъ своимъ это былъ опортюнистъ по преимуществу. Онъ преклонялся предъ всякою силою. Такъ, лишь только вѣянія измѣнились съ наступленіемъ новаго царствованія, и Погодинъ заговорилъ о необходимости «обновленія» того самаго порядка вещей, предъ которымъ столь недавно преклонялся такъ безусловно. До Севастополя Погодинъ былъ типичный представитель увѣренности, что мы Европу шапками закидаемъ, послѣ Севастополя все это какъ рукой сняло и въ извѣстныхъ застольныхъ спичахъ 1857 года голосъ Погодина звучалъ въ унисонъ съ общимъ самообличительнымъ тономъ. Отправившись за-границу, Погодинъ даже постарался имѣть свиданіе съ Герценомъ, съ которымъ онъ, конечно, спорилъ объ очень многомъ, но который, всетаки, въ эпоху своего огромнаго вліянія, инстинктивно притягивалъ къ себѣ его искренно-угодливую натуру. А какъ только кончился медовый мѣсяцъ россійскаго прогресса, сошло и съ Погодина необычное настроеніе и сталъ онъ снова представителемъ «патріотизма» охотнорядскаго пошиба. Въ разсматриваемую эпоху «направленіе» Погодина сводилось къ тому, что онъ славословилъ безъ всякихъ оговорокъ. Личный другъ славянофиловъ, Погодинъ, однако, крайне враждебно относился къ тѣмъ сторонамъ славянофильскаго ученія, гдѣ славословіе переходило въ демократизмъ. Апологія общиннаго и соборнаго начала, вражда къ чиновничеству—вся эта оппозиціонная часть славянофильскаго ученія находила въ Погодинѣ суроваго порицателя. Онъ желалъ быть только пріятнымъ. Но, повторяю, въ этомъ желаніи было много чисто-инстинктивнаго, рождавшагося въ душѣ Погодина почти непроизвольно. Въ квасномъ патріотизмѣ Погодина, въ его прославленіи всего «русскаго», начиная съ русскихъ формъ государственной жизни и кончая тульскими самоварами и московскими калачами, было, помимо желанія угодить, и много искренности, искренности, правда, очень наивной и смѣшноватой, но всетаки неподдѣльной. И вотъ почему у Бѣлинскаго и его друзей не было даже особенной охоты съ нимъ серьезно спорить. Его больше вышучивали и пародировали.

Шевыревъ былъ человѣкъ иного душевнаго склада. Во многихъ отношеніяхъ онъ стоялъ выше своего соиздателя и товарища по профессурѣ. Ни карьеристомъ, ни человѣкомъ себѣ на умѣ его никакъ нельзя было назвать. Интересы духовные въ немъ преобладали. Образо-

ваніе онъ имѣлъ хорошее, спеціальныхъ знаній у него тоже было много, какъ по исторіи всеобщей, такъ и по исторіи русской литературы и нѣкоторыя его работы не утратили интереса до сихъ поръ. Какъ профессоръ онъ, во всякомъ случаѣ, будилъ мысль стремленіемъ къ широкимъ обобщеніямъ и желаніямъ создать опредѣленное міросозерцаніе. Вотъ почему въ началѣ и срединѣ тридцатыхъ годовъ онъ пользовался симпатіями лучшей части студенчества, на ряду съ Павловымъ и Надеждинымъ, и былъ представителемъ новаго теченія университетскаго преподаванія. Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ вся его дѣятельность приняла совсѣмъ иное направленіе. Педантизмъ взялъ верхъ надъ возбужденностью первыхъ лѣтъ профессорства. И такъ какъ живого пониманія у Шевырева не было, то онъ всегда терялъ чувство мѣры, но терялъ его не въ порывѣ страстнаго увлеченія, а именно какъ педантъ, потому что искусственно взбадривалъ себя. Въ его хватаніяхъ чрезъ край никогда не чувствовалось глубокой вѣры, а всегда явственно проступала напыщенная надутость. Это онъ, главнымъ образомъ, довелъ теорію «смиренія», какъ главной исторической черты русскаго народа, до тѣхъ предѣловъ, гдѣ она является полнымъ искаженіемъ реальныхъ очертаній дѣйствительной исторической жизни. Это онъ главнымъ образомъ, а не славянофилы, какъ обыкновенно думаютъ, провозглашалъ, что «Западъ сгнилъ». Не было у него также непосредственнаго живого пониманія искусства и, за исключеніемъ обусловленнаго личною пріязнью «гоголефильства», всѣ его литературныя сужденія не имѣютъ никакого значенія. Воображая себя глубокимъ цѣнителемъ всѣхъ родовъ искусства и литературы, Шевыревъ на самомъ дѣлѣ былъ совершенно лишенъ эстетическаго вкуса и наговорилъ много такого, что прямо стало образчикомъ педантической напыщенности и безвкусицы. Добродушія, отчасти примирявшаго съ Погодинымъ, у него не было и тѣни. Шевыревъ былъ злой самолюбецъ, никогда не прощавшій, если его задѣвали, всегда вносившій во всякую полемику самое тяжелое раздраженіе. Отъ него нельзя было отдѣлаться однимъ вышучиваніемъ и пародированіемъ, какъ это дѣлалось по отношенію къ Погодину, надо было вести съ нимъ споръ серьезно. И такъ какъ онъ, защищая свое міросозерцаніе, ничѣмъ не былъ стѣсненъ и имѣлъ полную возможность выдвинуть весь свой запасъ аргументовъ и нападокъ, между тѣмъ какъ противники вынуждены были еле-еле намѣчать свои доводы въ самыхъ общихъ и неясныхъ очертаніяхъ, то и они, въ свою очередь, не могли не быть раздражены. Все это сдѣлало Шевырева предметомъ страстныхъ нападокъ Бѣлинскаго и его друзей. Изъ всѣхъ представителей теоріи «оффиціальной народности» только съ нимъ однимъ и стоило спорить: Булгаринъ былъ слишкомъ омерзителенъ, Гречъ слишкомъ мелокъ, Сенковскій выдохся, Погодинъ было забавенъ по преимуществу и только борьба съ Шевыревымъ доставляла наслажденіе побѣды.

Вторая литературно-общественная партія, выдѣлившаяся въ 40-хъ годахъ и унаслѣдовавшая насмѣшливую кличку славянофиловъ (нѣкогда данную карамзинистами защитнику «стараго слога» Шишкову), выставила на своемъ знамени ту-же формулу, во имя которой дѣйствовала партія «оффиціальной народности»: самодержавіе, православіе и народъ. Но въ пониманіи элементовъ этой формулы славянофилы настолько разошлись не только съ Булгаринымъ и Гречемъ, но и съ Шевыревымъ и Погодинымъ, что смѣшивать обѣ партіи воедино прямо оскорбительно для идеально-высокаго настроенія, изъ котораго вытекло славянофильство. То, что у Булгарина и Греча было результатомъ грубаго пресмыкательства и угодничества, у Погодина опортюнизмомъ, у Шевырева надутой напыщенностью, у славянофиловъ было проявленіемъ глубокаго одушевленія идеею. Всѣ люди богатые, неслужащіе, вполнѣ независимые, они не руководились никакими практическими разсчетами и дѣйствовали во имя искренняго убѣжденія, что въ исполненіи ихъ программы залогъ величайшаго преуспѣянія Россіи.

По личнымъ, вообще, качествамъ своимъ, славянофилы были люди столь же высокаго душевнаго строя, какъ и ихъ противники. Еще о Хомяковѣ можно было бы спорить. Въ искренность этого падкаго на эфекты неутомимаго спорщика и человѣка, любившаго щегольнуть блескомъ своего ума, не всѣ вѣрили. Но братья Кирѣевскіе, Самаринъ, а въ особенности «Бѣлинскій славянофильства»— Константинъ Аксаковъ—все это были истинные рыцари духа, благороднѣйшіе идеалисты, въ уваженіи къ которымъ сходились люди всѣхъ направленій.

Преданность славянофиловъ идеѣ самодержавія вытекала изъ ихъ убѣжденія, что русскій народъ по природѣ своей чуждъ «политическаго элемента», что онъ «отдѣлилъ государство отъ себя и государствовать не хочетъ». И только потому, что русскій народъ «*не желаетъ* государствовать, онъ предоставляетъ правительству неограниченную власть государственную».

Въ этой теоріи происхожденія русскаго государства, являющейся отголоскомъ старой, созданной Гуго Гроціемъ, теоріи договорнаго возникновенія государства, первостепенное значеніе имѣетъ то, что русскій народъ не потому отказался отъ «государствованія» что не можетъ быть носителемъ власти, а только потому, что онъ *не хочетъ*. Тутъ, слѣдовательно, существеннѣйшее отличіе отъ обычной теоріи спасительности монархіи, зиждущейся на необходимости сильной власти, какъ единственнаго средства обуздать пагубное своеволіе. Нѣтъ, славянофилы были необыкновенно высокаго мнѣнія о нравственныхъ качествахъ русскаго народа и всего менѣе думали, что онъ нуждается въ сильной власти и обузданіи. Славянофилы мистически поклонялись народу и видѣли въ немъ не звѣря, а богоносца.

Ради чего-же русскій народъ совершенно отстранилъ отъ себя

дѣла міра сего и не хочетъ государствовать? Что взялъ онъ себѣ въ замѣнъ?

«Въ замѣнъ того, русскій народъ предоставляетъ себѣ нравственную свободу, свободу жизни и духа».

На этихъ началахъ и зиждется единственное истинно-русское пониманіе основъ нашего государственнаго уклада:

«Правительству—неограниченная власть государственная, политическая; народу—полная свобода нравственная, свобода жизни и духа—мысли и слова».

Какъ сейчасъ было сказано, русскій народъ, по славянофильскому ученію, только потому отказался государствовать, что не хочетъ. Но это не значитъ, что онъ не интересуется ходомъ государственной жизни. Напротивъ того, онъ внимательно за нею слѣдитъ и имѣетъ о ней сужденіе, которое правительствомъ непремѣнно должно быть выслушано. «Самостоятельно можетъ и долженъ предлагать безвластный народъ полновластному правительству—свое мнѣніе (слѣдовательно, силу чисто-нравственную), мнѣніе, которое правительство вольно принять и не принять». Но «какимъ образомъ можетъ правительство вызвать это мнѣніе?»

Отвѣтъ даетъ русская исторія:

«Древняя Русь указываетъ намъ и на дѣло самое, и на способъ. Цари наши вызывали, въ важныхъ случаяхъ, общественное мнѣніе всей Россіи и созывали для того *Земскіе соборы*, на которыхъ были выборные отъ всѣхъ сословій и со всѣхъ концовъ Россіи».

Земскіе соборы, однако, не то, что западно-европейскіе парламенты:

«Земскій соборъ имѣетъ значеніе *только мнѣнія*, которое государь можетъ принять и не принять».

Однимъ изъ главнѣйшихъ органовъ выраженія мнѣнія народа, славянофилы считали свободу слова, о которомъ никто въ русской литературѣ не говорилъ съ такимъ чисто-экстатическимъ воодушевленіемъ, какъ они. Для партіи западнически-передовой убѣжденіе въ необходимости свободы слова было понятіемъ настолько азбучнымъ, что не являлось даже и воодушевленія для доказательства такого труизма. Славянофилы-же, особенно побуждаемые еще и тѣмъ, что въ глазахъ многихъ они сливались въ одно представленіе съ Булгаринымъ и Гречемъ, всѣми силами старались очиститься отъ такого позорнаго смѣшенія и это придавало имъ энтузіазма въ проповѣди самыхъ элементарныхъ принциповъ гражданской жизни. Самымъ пламеннымъ въ русской поэзіи прославленіемъ свободы печати, хотя и не въ блещущей художественными достоинствами формѣ, является стихотвореніе Константина Аксакова «Свободное Слово»:

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,

Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчно жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово.
Лишь духу власть духа дана,—
Въ животной-же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье—для лжи и порока;
Враждуетъ-ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ—опасно одно
Свободное слово.
Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей
Свободное слово.
О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,—
Путь рабства преступный укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Младшій братъ Константина Аксакова—Иванъ впослѣдствіи явился не только пламеннымъ теоретическимъ провозвѣстникомъ принципа свободы печати, но и борцомъ за практическое примѣненіе его къ дѣйствительности. Восторженно преданный существующему порядку въ его *основныхъ* чертахъ, но преданный «безъ лести», онъ, во имя свободы мнѣнія и слова, не стѣснялся съ полною правдивостью высказываться, когда дѣйствія администраціи его не удовлетворяли, и это привело къ тому, что онъ извѣдалъ всю тяжесть обычныхъ и экстраординарныхъ цензурныхъ мѣръ. Вообще изъ за своего непоколебимаго желанія говорить всегда то, что они думали, славянофилы длинный рядъ лѣтъ не могли имѣть своего собственнаго журнала, что, конечно, не могло имъ, однако, помѣшать выразить всю полноту своихъ чувствъ въ интимныхъ собраніяхъ своего кружка, въ дружеской перепискѣ и въ черновыхъ тетрадяхъ. Приведенное сейчасъ стихотвореніе Константина Аксакова нашлось только въ оставшихся послѣ его смерти бумагахъ и напечатано только въ 1880 г., четверть вѣка послѣ того, какъ было написано. Не для печати также назначалъ другой главарь славянофильства Хомяковъ свое стихотвореніе «Россіи», чрезвычайно важное для характеристики славянофильскаго ученія, въ одно и то же время и полнаго величайшей преданности основнымъ эле-

ментамъ русской государственной жизни и открывающей широкое поле дѣйствія критикѣ ея недостатковъ. Стихотвореніе написано въ 1854 г., когда только что начиналась Севастопольская кампанія, когда еще всѣ были убѣждены, что мы Европу шапку закидаемъ. И вотъ въ этотъ моментъ полнаго разгула шовинизма и самъ призывая «страну родную» «встать за братьевъ»—славянъ и идти

Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ,

поэтъ ни на одну минуту не забываетъ горькой правды и, рисуя картину внутреннихъ непорядковъ нашихъ съ рѣзкостью библейскаго пророка, говоритъ Россіи:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело.
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи притворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

Послѣ сказаннаго о глубокой преданности славянофиловъ идеѣ полной свободы мысли и слова, само собою ясно, какъ они должны были понимать второй членъ символа своей вѣры: православіе. Славянофилы были восторженные апологеты христіанства въ томъ видѣ, въ какомъ оно кристализовалось въ восточномъ православіи первыхъ вѣковъ. Но и въ эту восторженную любовь, свободно создавшуюся въ ихъ умахъ и сердцахъ, не потому, что православіе было господствующею формою религіи, а потому, что они видѣли въ немъ воплощеніе лучшихъ идеаловъ человѣчества, славянофилы вносили такую-же свободу духа, какъ и въ политическую часть своей программы. Ихъ девизомъ было православіе съ полнымъ господствомъ Соборнаго начала, съ широкимъ участіемъ паствы въ жизни церкви, съ безусловною терпимостью къ инославнымъ, съ полнымъ устраненіемъ принужденія со стороны свѣтской власти и, наконецъ, съ полною свободою изслѣдованія. Изъ за послѣдняго пункта славянофилы свои богословскіе трактаты вынуждены были печатать заграницею.

Третій членъ общаго у славянофиловъ съ партіей «офиціальной народности» символа вѣры—принципъ народности въ исторіи славянофильскаго ученія занимаетъ особое мѣсто, потому что изъ всѣхъ трехъ основъ славянофильскаго міровоззрѣнія только одинъ этотъ пунктъ, по условіямъ времени, и могъ быть предметомъ сколько-нибудь детальнаго разсмотрѣнія. Такое исключительное вниманіе внесло столько полемическаго задора и партійныхъ преувеличеній, что достигнуть вполнѣ точной формулировки воззрѣній

славянофиловъ на принципъ народности чрезвычайно трудно. Западники неизмѣнно упрекали славянофиловъ въ томъ, что они принципъ народности, самъ по себѣ вполнѣ естественный и законный, превратили въ принципъ національной исключительности. Славянофилы горячо противъ этого протестовали и говорили о клеветѣ, а Иванъ Аксаковъ даже о невѣжествѣ и полномъ незнакомствѣ противниковъ съ сущностью ученія. И дѣйствительно, въ славянофильской литературѣ можно какъ-будто найти не одно опроверженіе того, что партія была проникнута національною исключительностью. Не Хомяковъ-ли говорилъ о Западѣ какъ о «Странѣ Чудесъ», не славянофилы-ли придавали такое огромное значеніе христіанству, началу, во всякомъ случаѣ, иноземному, и не они-ли, наконецъ, всегда взывали къ «*обще*человѣческимъ» началамъ, какъ такимъ, которые должны лечь въ основу русской гражданственности. Но въ томъ то и дѣло, что въ пониманіе этихъ общечеловѣческихъ началъ и вносили славянофилы крайнюю исключительность, утверждая, что «міръ не видалъ еще того общечеловѣческаго, какое явитъ русская великая славянская, и именно русская природа». Не отрицая, конечно, иноземнаго происхожденія христіанства, славянофилы, устами наиболѣе горячаго изъ своихъ провозвѣстниковъ— Константина Аксакова прямо утверждали, что «исторія русскаго народа есть *единственная* во всемъ мірѣ исторія народа христіанскаго не только по исповѣданію, но и по жизни своей, по крайней мѣрѣ, по стремленію своей жизни».

Дальше, конечно, трудно идти въ исключительности, хотя она и вытекала изъ уваженія къ общечеловѣческому.

Какъ бы то ни-было, однако, даже въ этихъ своихъ проявленіяхъ славянофильская исключительность не имѣла ничего общаго съ грубымъ и эгоистичнымъ «патріотизмомъ» не только Булгарина и Греча, но и Погодина и Шевырева, видѣвшихъ величіе Россіи только во внѣшнемъ блескѣ и могуществѣ. Славянофиламъ русскія начала были дороги не только потому, что они свои, родныя, а потому что они вполнѣ искренно казались имъ лучшими въ мірѣ, и въ торжествѣ русскихъ «особенностей» они видѣли торжество общечеловѣческихъ идеаловъ. Нежеланіе мѣшаться въ дѣла міра сего, чтобы не отвлекаться отъ духовнаго совершенствованія, и въ связи съ этимъ общинное и артельное начало въ сферѣ экономическихъ отношеній—вотъ тѣ «особенности», на основѣ которыхъ славянофилы мечтали создать русскую «самобытность». Такая «самобытность», по убѣжденію славянофиловъ, вполнѣ отвѣчаетъ идеаламъ русскаго *народа* въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. народа не въ смыслѣ націи, а понимая подъ народомъ простого, сѣраго мужика.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что у всякаго, кто ознакомится съ славянофильствомъ по сейчасъ данному очерку его, неизбѣжно зародится вопросъ: почему же это міровоззрѣніе, въ большинствѣ

существеннѣйшихъ частей своихъ столь приближавшееся къ лучшимъ и важнѣйшимъ пунктамъ міросозерцанія западниковъ, міровоззрѣніе истинно демократическое и проникнутое дѣйствительнымъ, непритворнымъ желаніемъ поставить во главѣ всѣхъ государственныхъ интересовъ интересы народа, почему оно вызывало со стороны западниковъ столько ожесточенія? Можно было спорить, можно было упрекать въ наивности, въ идеализаціи многихъ факторовъ русской исторической жизни, самихъ по себѣ весьма грубыхъ, но почему надо было вести этотъ споръ съ такимъ ожесточеніемъ? Вспомнимъ глубоко-вѣрное замѣчаніе Герцена: «У нихъ (славянофиловъ) и у насъ (западниковъ) запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство,—безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. Мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно». Вспомнимъ, затѣмъ, эпоху великихъ реформъ, когда славянофилы такъ прекрасно себя вели, энергически защищая общинное землевладѣніе и отстаивая крестьянскую реформу въ наиболѣе ея широкихъ предположеніяхъ, и столь же горячо поддерживая всѣ остальныя начинанія новой эпохи: гласный судъ, самоуправленіе, свободу печати и т. д.

Отвѣтъ надо искать исключительно въ тяжелыхъ условіяхъ времени, благодаря которому лучшія стороны славянофильскаго ученія не могли получить въ 40-хъ годахъ яркаго и яснаго литературнаго выраженія. Тотъ очеркъ славянофильства, который сдѣланъ выше, данъ здѣсь въ *исторической перспективѣ*, т. е. при возможности пользоваться фактами и документами разныхъ датъ и разныхъ годовъ опубликованія. Такъ, государственная часть программы славянофильства очерчена выше словами той записки, которую Константинъ Аксаковъ подалъ Имп. Александру II въ 1856 г. Въ этой запискѣ не было ничего новаго по существу, она была только повтореніемъ того, что дебатировалось еще въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ на постоянныхъ сходбищахъ московской интеллигенціи, на тѣхъ знаменитыхъ «всенощныхъ бдѣніяхъ», когда еще «славяне» и «западные» не разошлись окончательно и въ личныхъ бесѣдахъ старались другъ друга убѣдить въ правотѣ своего міровоззрѣнія. Но въ стройной и опредѣленной формѣ и съ такимъ подчеркиваніемъ важности проявленія общественной мысли, государственная программа славянофильства была изложена только въ запискѣ Аксакова. Будь она извѣстна Бѣлинскому, будь извѣстны ему стихи Хомякова, кладущіе такую рѣзкую грань между патріотизмомъ славянофиловъ и шовинизмомъ улицы, будь ему извѣстны восторженные диѳирамбы славянофиловъ свободѣ слова и знай онъ, наконецъ, о доблестномъ поведеніи ихъ при похоронахъ дореформенныхъ порядковъ, и онъ, конечно, совсѣмъ иначе повелъ бы себя. Онъ не

набрасывался бы на нихъ со всѣмъ озлобленіемъ человѣка, которому языкъ связанъ и который и возражать то толкомъ не имѣетъ никакой возможности. Лучшія стороны славянофильства развернулись позже Бѣлинскаго, а при немъ славянофиловъ позорило ихъ нежеланіе открыто отдѣлиться отъ уличнаго «патріотизма», ихъ потворство такимъ дикимъ выходкамъ à la Булгаринъ, какую, напр., позволилъ себѣ близкій славянофиламъ поэтъ Языковъ (на сестрѣ его былъ женатъ Хомяковъ). Въ 1845 г. Языковъ, причисливъ себя и славянофиловъ къ «нашимъ», написалъ извѣстное стихотвореніе «*Къ не нашимъ*», гдѣ (конечно, безъ упоминанія именъ) называетъ Грановскаго, Герцена, Чаадаева измѣнниками, ихъ міровоззрѣніе «ученьемъ школы богомерзкой» и надѣется, что скоро «замретъ проклятый вашъ языкъ».

Въ интимныхъ разговорахъ, въ записныхъ тетрадяхъ славянофилы протестовали противъ стиховъ Языкова, и, напр., Константинъ Аксаковъ въ неизданномъ стихотвореніи «Къ союзникамъ» съ негодованіемъ отвергалъ помощь такого печальнаго свойства:.

Не съединитъ насъ буква мнѣнья,
Во всемъ мы разны межъ собой
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ сильный и простой...
На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, на бой!

Но въ печати эти протесты не появлялись, открыто славянофилы ничѣмъ своего негодованія не выражали, а самый фактъ, что Языковъ считалъ себя купно со славянофилами «нашими», что и самъ Аксаковъ долженъ былъ признать его «союзникомъ», показывалъ, что въ общемъ, для обыкновеннаго наблюдателя, а слѣдовательно и читателя, разграничительной черты между славянофилами и партіей оффиціальной народности въ 40-хъ гг. провести нельзя было. И вотъ почему западники, вѣрные правилу «Timeo Danaos jam dona ferentes» не хотѣли ничего брать у славянофильства. Пламенный демократъ Бѣлинскій пренебрежительно относился къ народному творчеству только потому, что славянофилы его превозносили. Восторги общиннымъ землевладѣніемъ стали спеціальнымъ удѣломъ славянофиловъ, хотя, казалось бы, кому какъ не западникамъ 40 хъ гг. съ ихъ безграничнымъ увлеченіемъ соціальными утопіями слѣдовало бы ухватиться за общинно-артельныя начала русской народной жизни. Больше же всего западники были напуганы требованіями «самобытности» и выискиваніемъ русскихъ народныхъ «особенностей»,—флагъ, подъ которымъ такъ легко было провести всю гниль мракобѣсія. Должно было пройти 30 лѣтъ, пока исчезъ страхъ, который нагнала партія «оффиціальной народности», говоря отъ имени «народа». Только въ 70-хъ годахъ синтезъ луч-

шихъ началъ западничества и славянофильства выразился въ нарожденіи того безграничнаго народолюбія, которое въ своемъ мистическомъ, почти—религіозномъ преклоненіи предъ народомъ не убоялось преклониться и передъ «особенностями» народа, передъ его «устоями». Народничество 70-хъ и начала 80-хъ гг. вскорѣ дошло до крайнихъ предѣловъ въ идеализаціи народныхъ «устоевъ» (которыми признало *только* общинно-артельное начало и броженіе религіозной мысли) и поставило ихъ выше идеаловъ интеллигенціи. Такія крайности не могли долго владѣть умами, но свою долю пользы онѣ принесли несомнѣнно. Драгоцѣннѣйшимъ результатомъ вызваннаго ими возбужденія и изученія народныхъ «устоевъ» была увѣренность, что эти устои не находятся ни въ какомъ противорѣчіи съ лучшими лозунгами демократизма и европейской культуры. Боязнь «особенностей», страхъ предъ «самобытностью» исчезъ безслѣдно и мы видимъ, что писатели, выступившіе съ протестами противъ крайностей народничества, теперь признали цѣлый рядъ «особенностей» русскаго народа, честь перваго выясненія которыхъ безспорно составляетъ заслугу славянофильства.

Третья изъ литературно-общественныхъ партій, окончательно выдѣлившихся въ 40-хъ годахъ, получила названіе «западничества». Партія приняла эту полемическую кличку безъ оговорокъ и такой, напр., выдающійся представитель ея, какъ Тургеневъ, называлъ себя «неисправимымъ западникомъ». Но именно этотъ-то примѣръ, этотъ-то приверженецъ «западничества», въ десять разъ больше всѣхъ славянофиловъ, вмѣстѣ взятыхъ, сдѣлавшій для созданія симпатій къ *русскому быту* и природѣ русской, показываетъ, что кличка далеко не выражаетъ всѣхъ характерныхъ чертъ западническаго міровоззрѣнія. Нѣкоторое время шедшія къ намъ изъ Франціи въ 40-хъ годахъ идеи назывались «филантропическими». Вотъ эта кличка дѣйствительно выразила-бы всю полноту направленія западничества, въ которомъ преклоненія предъ западомъ, какъ таковымъ, никогда не было. Не Западъ самъ по себѣ, а Западъ исключительно какъ примѣръ практическаго осуществленія лучшихъ началъ правильнаго общественнаго устройства—вотъ что привлекало нашихъ западниковъ. По скольку же западъ не осуществлялъ идеала общественнаго благоустройства, онъ встрѣчалъ въ рядахъ западниковъ нашихъ величайшее осужденіе. На ряду со всѣми «утопистами» Европы, западники наши подвергали европейскій буржуазный строй рѣзкому осужденію.

Былъ въ 40-хъ годахъ и даже велъ дружбу съ западническою литературною молодежью одинъ человѣкъ, котораго дѣйствительно можно было назвать западникомъ—Чаадаевъ. Тому дѣйствительно ничто не нравилось въ Россіи и все нравилось въ Европѣ, даже папство... Но Чаадаевъ и по возрасту, и по общему складу своего міровоззрѣнія, отнюдь не «филантропическаго», былъ очень далекъ отъ западнической молодежи. Они сходились между собою только въ *кри-*

тикъ непригладной русской дѣйствительности того времени. Идеалы же у нихъ были совершенно разные. И только полемическія цѣли могли побудить славянофиловъ связать въ одно Чаадаевское міровоззрѣніе, смотрѣвшее назадъ, въ глубь среднихъ вѣковъ, съ міровоззрѣніемъ кружка Герцена и Бѣлинскаго, жадно смотрѣвшаго впередъ въ поискахъ новыхъ путей правильнаго развитія жизни человѣчества.

Если говорить о западничествѣ въ смыслѣ вліянія западныхъ идей, то надо говорить частнѣе—о вліяніи именно французскихъ идей. Духовная жизнь передовыхъ кружковъ 40-хъ годовъ развивалась подъ рѣшающимъ воздѣйствіемъ французскаго общественнаго движенія, предшествовавшаго 1848 году. Тридцатые годы были годами нѣмецкаго вліянія по преимуществу, и по источникамъ своимъ—изученію Шиллера, Гете, Шеллинга, Гегеля, и по общему направленію своему—неопредѣленно-идеалистическому, расплывавшемуся въ абстракціяхъ и скользившихъ по русской дѣйствительности, не зная за что ухватиться для практическаго проведенія въ жизнь своихъ идеаловъ. Въ 40-хъ годахъ все это смѣняется вліяніемъ французскихъ соціальныхъ системъ, и самою, вообще, лучшею характеристикою міросозерцанія кружка Бѣлинскаго и Герцена было бы назвать ихъ «соціалистами». Но я боюсь этого названія, позднѣе пріобрѣвшаго иной оттѣнокъ, воинственный. Я же, напротивъ того, сейчасъ собираюсь показать, что «соціализмъ» въ позднѣйшемъ смыслѣ, агрессивномъ, былъ чуждъ людямъ 40-хъ годовъ. Бѣлинскій въ одномъ письмѣ называетъ себя «соціалистомъ», но только въ смыслѣ человѣка, интересующагося по преимуществу «соціальными», т. е. общественными отношеніями. Да будетъ мнѣ позволено, поэтому, называть нашихъ западниковъ 40-хъ годовъ не «соціалистами», а *общественниками* и тогда подъ эту кличку подойдутъ и очень радикально-настроенный Герценъ, и бурный протестантъ Бѣлинскій, и безусловно мирные молодые писатели, выступившіе въ концѣ 40-хъ годовъ съ художественною проповѣдью новыхъ идеаловъ—Тургеневъ, Григоровичъ, Достоевскій, Некрасовъ, Салтыковъ и др. Послѣдній изъ сейчасъ названныхъ писателей кратко, но чрезвычайно ярко формулировалъ общее настроеніе эпохи. Какъ и во всѣхъ молодыхъ людяхъ конца 40-хъ годовъ, въ Салтыковѣ бродилъ неопредѣленный и туманный «соціализмъ», нашедшій свое выраженіе въ повѣсти «Запутанное дѣло», благодаря которой онъ въ началѣ 1848 года попалъ въ Вятку. И вотъ, вспоминая въ «За рубежемъ» пору молодости, тѣ настроенія, подъ вліяніемъ которыхъ написалось «Запутанное дѣло», Салтыковъ говоритъ:

«Изъ Франціи, разумѣется не изъ Франціи Луи Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ—лилась въ насъ *вѣра въ человѣчество*; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ».

Въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ. Рѣчь какъ будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ не «борьба классовъ», а *человѣчество*, не политическая экономія, а *вѣра* и эта вѣра воспринята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы,—она *возсіяла*. И какъ характерно затѣмъ въ политическую экономію Луи-Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ-Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи «золотого вѣка», то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній?

Необыкновенно яркое пробужденіе *общественнаго чувства* въ концѣ сороковыхъ годовъ сказалось на всѣхъ отрасляхъ литературной производительности эпохи. Тѣ же самые «люди сороковыхъ годовъ», которые прежде, въ тридцатыхъ годахъ, только и думали, что объ «абсолютахъ», о «святынѣ искусства», о «вѣчной красотѣ» и тому подобномъ, теперь до мозга костей проникаются «политикой», думами и размышленіями о томъ, справедливъ или несправедливъ существующій общественный строй, правильны или неправильны наши космогоническія представленія, нормальны или ненормальны наши семейныя отношенія и т. д. Сообразно съ этимъ поворотомъ рѣшительно вся молодая литература изъ фазиса эстетическаго переходитъ въ фазисъ общественно-политическій.

Все, что появилось въ срединѣ и концѣ сороковыхъ годовъ свѣжаго, убѣжденнаго и талантливаго, все это примкнуло къ новому движенію. Примкнулъ, во первыхъ, Бѣлинскій со всѣмъ запасомъ своего страстнаго энтузіазма. Съ тою же восторженною энергіей, съ которою «неистовый Виссаріонъ» когда то требовалъ отъ писателей служенія чистому искусству, онъ сталъ требовать отъ нихъ опредѣленной общественной тенденціи. Это-же требованіе соотношенія жизни и искусства выставилъ на своемъ знамени даровитый юноша, такъ рано погибшій для русской литературы—Валеріанъ Майковъ. Ярко и опредѣленно примыкалъ къ духу времени третій даровитый теоретикъ сороковыхъ годовъ — Искандеръ. Нужно припомнить силу вліянія Бѣлинскаго, неотразимое обаяніе ума Искандера и горячую убѣжденность Майкова, чтобы понять до какой степени должны были подчиниться проповѣди новой теоріи молодые таланты, чуткіе до всего искренняго и убѣжденнаго. И дѣйствительно, какимъ то совершенно стихійнымъ образомъ, всѣ молодые таланты, точно сговорившись и почти въ одинъ и тотъ же годъ, предстали предъ изумленною публикою съ рядомъ превосходныхъ произведеній, въ основѣ которыхъ лежали широкія общественныя тенденціи. Явился Григоровичъ съ «Деревней» и «Антономъ горемыкой», въ которыхъ впервые былъ показанъ человѣкъ въ крѣпостномъ мужикѣ, явился Тургеневъ съ «Записками охотника», въ которыхъ то-же желаніе

очеловѣчить мужика было проведено съ еще большею теплотою, явились первыя стихотворенія на народныя темы Некрасова, бросившаго подъ новымъ вліяніемъ «мечты и звуки» и посвятившаго отнынѣ свою музу народнымъ страданіямъ и психологіи народной души. Та-же широкая общественная тенденція лежала въ основѣ двухъ талантливыхъ произведеній, задавшихся выясненіемъ семейныхъ отношеній—искандеровскаго «Кто виноватъ» и «Полиньки Саксъ» Дружинина. «Обыкновенная исторія» Гончарова, благодаря сухости авторскаго темперамента, является какъ бы проповѣдью карьеристской «дѣловитости», но по намѣреніямъ авторскимъ она должна была отразить собою «первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ». Не особенно «передового» образа мыслей былъ Писемскій, засѣвшій послѣ окончанія въ 1844 году университетскаго курса въ провинціи и занявшійся тамъ исключительно личною жизнью. Мало его и въ университетѣ занимали «идеи вѣка», а тѣмъ болѣе въ провинціальной глуши. Но до такой степени эти «идеи вѣка» просто въ воздухѣ были разлиты, до такой степени ими была проникнута каждая журнальная статья и статейка, что даже Писемскій, совершенно въ сторонѣ стоявшій отъ передового движенія, въ первомъ своемъ произведеніи—превосходной «Боярщинѣ», настолько рѣзко поставилъ вопросъ о свободѣ любви, что цензура 1847 года, пропустившая «Кто виноватъ» и «По́линьку Саксъ», не пропустила «Боярщины», которая такъ-таки только въ слѣдующее царствованіе и увидѣла свѣтъ. Нужно ли много говорить о томъ, насколько рѣшительно примыкали къ новому теченію «Бѣдные люди» Достоевскаго и «Запутанное дѣло» Салтыкова? Нѣтъ надобности удлинять нашъ перечень разными второстепенными произведеніями, повѣстями Дурова, Буткова, прозою Некрасова и т. д. О литературѣ того или другого періода судятъ по выдающимся произведеніямъ, а мы ихъ всѣ назвали и всѣ они убѣждаютъ насъ въ томъ, что одна волна захватила лучшую и талантливѣйшую часть литературы, что въ одномъ и томъ же направленіи работали всѣ молодые умы. Яркое выраженіе этого направленія мы находимъ въ стихотвореніи Плещеева «Впередъ», которое для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе историческаго документа. Только что выступившій на литературное поприще 22-хъ лѣтній поэтъ съ буквальной точностью отразилъ въ своемъ стихотвореніи настроеніе молодой, нарождающейся литературы:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И смѣло двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки

Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать.
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ.
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ.
Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!
Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ
И, вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ.
Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ! Впередъ! и безъ возврата,
Чтобъ рокъ вдали намъ не сулилъ!

Для современнаго читателя стихотвореніе это можетъ показаться собраніемъ общихъ мѣстъ. Но подставьте подъ туманныя выраженія стихотворенія выраженія болѣе точныя, подставьте увлеченіе тѣмъ «ученіемъ любви», которое къ намъ шло изъ Франціи, подставьте ненависть къ безобразіямъ тогдашняго строя общественной жизни, которою была проникнута вся молодая литература, а главное подставьте юношескій энтузіазмъ и молодую вѣру въ неизбѣжное наступленіе новыхъ, лучшихъ временъ, и вы убѣдитесь, до какой степени горячій и искренній призывъ молодого поэта отразилъ въ себѣ міросозерцаніе всей молодой литературы, которая поэтому и заучивала съ восторгомъ стихотвореніе Плещеева.

Таковы общіе контуры эпохи, выразителемъ которой явился Бѣлинскій. Посмотримъ теперь, какъ въ этихъ рамкахъ развивалась его индивидуальная жизнь и литературная дѣятельность.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

С. Венгеровъ.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Романъ Эдуарда Естонье.

Переводъ съ французскаго А. Анненской.

VI.

Классъ подходитъ къ концу, и Леонардъ вышелъ, чтобы собрать «совѣтниковъ конгрегаціи»: совѣтъ долженъ былъ тотчасъ собраться въ комнатѣ отца Гурманеля.

Медленными шагами шелъ Леонардъ по корридору мимо классовъ и невольно прислушивался къ тому, что тамъ дѣлалось.

Коллегія Сенъ Луи де Гонзагъ шумѣла въ этотъ часъ точно большой локомотивъ. Въ ней стоялъ гулъ словно на какой то фабрикѣ. Рѣзкіе звуки голосовъ напоминали скрипъ пружины; внезапныя вскрикиванья походили на громкіе удары молота по наковальнѣ. Серьезныя рѣчи профессоровъ отмѣчали тактъ точно глухой шумъ махового колеса.

Фабрика, вырабатывавшая память, была въ полномъ ходу. Съ 3-го класса и до философіи включительно все повиновалось одной и той же двигательной силѣ: очень строго проведенной и вполнѣ послѣдовательной системѣ преподаванія. Въ этотъ именно часъ, учителя читали свѣтскія науки и открывали своимъ ученикамъ тайну, какъ при небольшихъ знаніяхъ можно имѣть большой успѣхъ.

Проходя мимо класса реторики, Леонардъ узналъ голосъ отца Рандюеля, профессора исторіи, который перечислялъ побѣды Наполеона въ Италіи: «Монтеноте, Миллесимо, Дего, Сева, Мондови»...

И ученики повторяли по очередно:

— Монтеноте, Миллесимо...

Леонардъ нашелъ у себя въ умѣ, точно въ шкафѣ долго запертомъ, подобные же ряды именъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, безъ всякаго отношенія къ географіи или къ тактикѣ. Онъ вспомнилъ странный курсъ, пройденный имъ,

въ которомъ исторія сводилась къ перечисленію битвъ, стоявшихъ обыкновенно между мирными трактатами, точно фраза между скобками, съ длинными пустыми промежутками, озаглавлеными: «Состояніе Европы въ...», въ которомъ не было ни одного живого слова.

— Какъ это легко запоминается!—подумалъ онъ и невольно сталъ напѣвать:

Монтеноте, Миллесимо, Дего...

Немного дальше, за дверью другого класса, слышалось объясненіе Гомера. Ученикъ переводилъ очень быстро, не останавливаясь на мѣстахъ, представлявшихъ не ясный смыслъ. Онъ точно шелъ съ гидомъ въ рукахъ по городу, въ которомъ ему было некогда останавливаться. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не слѣдовало хоть разъ перевести всѣхъ писателей, которыхъ спрашиваютъ на экзаменѣ? Такимъ образомъ, ученикъ не встрѣтитъ ничего для себя неожиданнаго.

При каждомъ неправильномъ глаголѣ учитель прерывалъ:

— Основныя времена? спрашивалъ онъ.

Времена выступали въ полномъ порядкѣ, точно почетная гвардія, дѣлающая накараулъ при выходѣ генерала; затѣмъ неутомимые муравьи снова хватались за текстъ.

Леонардъ спѣшилъ дойти до третьяго класса. Оттуда слышались звучные стихи Расина. Этотъ часъ предназначался на то, чтобы научить мальчиковъ искусству благородно держаться и читать «естественнымъ голосомъ». На урокѣ декламаціи формировали ихъ манеры такъ же, какъ на другихъ урокахъ формировали ихъ умъ. Благодаря такимъ упражненіямъ, движенія ихъ принимали пріятную округлость, ихъ манеры становились изящными, недостатки сглаживались, неисправимая вульгарность становилась менѣе замѣтною.

Леонардъ вспомнилъ, какъ въ прежніе годы ему было пріятно декламировать передъ кафедрой профессора. Это было уже такъ давно! онъ даже съ грустью вспоминалъ это прошлое.

Между тѣмъ шумъ усиливался. Леонардъ подходилъ къ младшимъ классамъ. Тамъ голоса смѣшивались, слышались болѣе короткія фразы. Вопросы и отвѣты перекрещивались, перелетали словно мячъ отъ одного къ другому, соревнованіе одушевляло всѣхъ.

— Супинусъ отъ ferre?

— Latum.

— Побѣда Римлянъ! Прошедшее отъ cado? Начальникъ лагеря? Никто не знаетъ? Скорѣй! Двѣ побѣды тому, кто скажетъ!

Начинался аукціонъ при общемъ смѣхѣ. Каждый классъ, начиная съ четвертаго, дѣлился на два лагеря: римляне, галлы, греки, карфагеняне соперничали изъ-за «побѣдъ», которыя да-

вали прибавку къ отмѣткамъ за «прилежаніе». Леонарду живо представилось, какъ онъ такимъ путемъ пріобрѣлъ званіе «*рыцаря*». Это давало право на щитъ съ графской или съ баронскою короною. Можно было выбрать себѣ девизъ и гербъ. Всѣ воспитанники очень добивались этого отличія, въ которомъ было что то аристократическое.

Въ одномъ классѣ встрѣчали громкимъ смѣхомъ какой то глупый отвѣтъ; въ другомъ выражали шумную радость по поводу обѣщаннаго чтенія. Начальныя правила грамматики вездѣ подносились подъ покровомъ забавы, точно двугласныя буквы въ иллюстрированной азбукѣ. Нельзя не сказать, что всѣ эти учителя были большіе искусники, такіе искусники, что ихъ ученики впослѣдствіи почти съ грустью вспоминали о счастливыхъ временахъ спряженій и диктовокъ.

Вдругъ Леонардъ вздрогнулъ. Одна изъ дверей открылась, и изъ шестого класса вышли три отца. Ученикъ шелъ сзади нихъ, неся въ рукахъ стулья. Леонардъ, нѣсколько испуганный, прижался къ стѣнѣ.

— Отецъ провинціалъ!

Это былъ, дѣйствительно, провинціалъ,—окружной инспекторъ ордена, пріѣхавшій наканунѣ для осмотра коллегіи. Сзади него шли отецъ «socius» и отецъ Бартоленъ. Они только что начали обходъ классовъ. Въ каждомъ классѣ они сидѣли полчаса, молча слушая отвѣты на вопросы учителя, и это служило экзаменомъ и для учениковъ, и для преподавателя.

Отцы шли важно, повидимому, не замѣчая Леонарда. У провинціала было строгое лицо, щеки изборожденныя длинными морщинами, стройный станъ и зеленовато сѣрые глаза, ясные и жесткіе. За нимъ шелъ «socius», въ одно и то же время и его фактотумъ, и его надзиратель, который обязанъ былъ наблюдать за отцомъ провинціаломъ, такъ же, какъ тотъ наблюдалъ за коллегіями. Это былъ горбатый человѣчекъ, удивительно смиреннаго вида: все въ немъ, даже слишкомъ большая шапочка, плохо сидѣвшая на головѣ, показывало стремленіе какъ можно больше стушевываться. Шествіе замыкалъ отецъ Бартоленъ, толстякъ съ ухватками мужика себѣ на умѣ.

Они прошли мимо.

Леонардъ, погруженный въ собственныя мысли, видѣлъ какъ они подошли къ лѣстницѣ. Онъ еще долго простоялъ бы на одномъ мѣстѣ, еслибы не послышался веселый звонъ колокола, возвѣщавшій конецъ уроковъ. Вдругъ со всѣхъ сторонъ раздались: «Sub tuum». Этотъ возгласъ переливался изъ класса въ классъ, начиная съ восьмого, гдѣ его, казалось, пропѣлъ хоръ дѣтей-пѣвчихъ, до философіи, гдѣ онъ звучалъ точно псалмопѣніе канониковъ. Фабрика закрывалась; всѣ расходились.

Когда проходилъ кто нибудь изъ совѣтниковъ, Леонардъ окликалъ его.

— Сейчасъ назначенъ совѣтъ у отца Гурманеля.

По временамъ среди группы учениковъ показывался одинъ изъ отцовъ, держа тетради и книги точно такъ, какъ священникъ держитъ покрытую пеленой чашу, когда идетъ служить обѣдню. Въ классахъ водворилась монастырская тишина. Леонаръ спустился послѣднимъ.

Совѣтники собрались около дверей отца Гурманеля. Ихъ было шестеро. Кромѣ нихъ, тамъ былъ Леонардъ и его два ассистента, Лани и Берньеръ. Послѣ случившейся съ нимъ исторіи, Берньеръ сторонился товарищей.

Леонврдъ сообщилъ о пріѣздѣ отца провинціала.

— Я его встрѣтилъ, когда онъ выходилъ изъ класса. Это какой-то новый.

— Должно быть, изъ за него отложили пьесу до понедѣльника,—замѣтилъ Серве.

Въ послѣдній мѣсяцъ въ коллегіи готовили драматическое представленіе. О немъ говорили подъ секретомъ. Одинъ изъ совѣтниковъ спросилъ Леонарда:

— Ты вѣдь играешь, неправда ли?

— Да.

Серве усмѣхнулся не безъ зависти.

— Еще бы! странно, если бы онъ не игралъ! — и затѣмъ спросилъ пренебрежительно:

— А какъ заглавіе пьесы?

— Каносса, отца Лонгхай.

— Какъ это будетъ интересно!

Другой ученикъ замѣтилъ:

— Я читалъ его «Трехъ Флавіевъ», это очень хорошая вещь.

Онъ началъ декламировать одинъ изъ монологовъ:

«Въ пятнадцать лѣтъ надежда; въ сорокъ лишь презрѣнье»...

— А что же въ шестьдесятъ?—насмѣшливо спросилъ Лани.

Серве громко разсмѣялся. Въ эту минуту подошелъ отецъ Гурманель.

— Вы всѣ въ сборѣ?—спросилъ онъ;—войдите.

Они вошли въ комнату съ фуражками въ рукахъ. Отецъ Гурманель продолжалъ:

— Извините, намъ придется стоять. У меня не хватаетъ стульевъ. Впрочемъ, дѣло не затянется.

Маленькая комната оказалась полною. Серве облокотился на налой, другіе стали подлѣ оконъ. Отецъ Гурманель сосчиталъ всѣхъ глазами.

— Такъ, всѣ на лицо!—И онъ началъ съ довольнымъ видомъ:

— Мои милыя дѣти, я собралъ васъ, чтобы сообщить вамъ, что нашъ слѣдующій праздникъ назначенъ въ день празднованія Св. Сердца.

Затѣмъ онъ изложилъ проектъ одного нововведенія, имѣвшаго цѣлью содѣйствовать большему развитію набожности. Шумъ учениковъ, игравшихъ на дворѣ, не разъ прерывалъ его умилительныя рѣчи. Дѣло шло объ одномъ мѣропріятіи, которое должно было укрѣпить членовъ конгрегаціи въ ихъ стремленіи къ совершенству. Предполагалось основать общество «Рыцарей Св. Сердца». Всякій разъ, когда членъ этого общества будетъ болтать въ классѣ, солжетъ или не исполнитъ какой нибудь обязанности, онъ долженъ записать свой проступокъ на листѣ бумаги подъ рубрикой «пораженіе». Для побѣдъ представится несомнѣнно масса случаевъ. Ихъ тоже слѣдовало отмѣчать. Въ дни собраній эти отчеты надобно класть въ урну, поставленную у подножія статуи Св. сердца. Отецъ не сообщилъ, какая дальнѣйшая судьба постигнетъ отчеты. Разборъ ихъ никого не касался.

— Это еще не окончательно рѣшено,—продолжалъ онъ,—я ожидаю утвержденія его преподобія, отца ректора.

Всѣ слушали молча. Проектъ не особенно улыбался присутствовавшимъ. Окончивъ рѣчь, отецъ Гурманель подошелъ къ столу.

— У меня есть просьбы о принятіи въ члены,—сказалъ онъ,—кромѣ того, нѣкоторые испытуемые могутъ, мнѣ кажется, произнести обѣтъ посвященія въ ближайшій праздничный день.

Онъ сталъ рыться въ бумагахъ.

— Во первыхъ, вотъ кто можетъ быть посвященъ: де Рандаль, де Камбріакъ, Вердельеръ...

По мѣрѣ того какъ онъ читалъ имена, шопотъ среди присутствовавшихъ становился оживленнѣе, они дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями.

— Вердельеръ...—повторилъ отецъ,—вотъ и всѣ.

— Вы ничего не имѣете противъ нихъ? — спросилъ онъ спокойно.

— Нѣтъ, ничего, ничего.

Всѣ отвѣтили поочередно, одни равнодушно, другіе нерѣшительно. Большинство, дѣйствительно, обсуждало достоинства вновь избираемыхъ. Никто не стыдился судить своихъ товарищей.

— Хорошо,—сказалъ отецъ,—теперь просьбы о принятіи; у меня всего одна, отъ Шедена.

— А, Шеденъ! Онъ значитъ рѣшился?—спросилъ Лани у Серве.

Серве отвѣчалъ въ полголоса, сердито:

— Да, чтобы быть принятымъ въ академію.

Снова началось перешептыванье. Имя Шедена вызывало разные разсказы. Одному изъ присутствовавшихъ удалось прочесть листокъ его романа изъ средневѣковой жизни.

Другой говорилъ:

— Онъ читаетъ Александра Дюма!

Начиналась сплетня, свойственная маленькимъ городкамъ, сплетня, касавшаяся только коллегіи, но столь же неумолимая къ отсутствующему.

Отецъ Гурманель нѣсколько разъ ударилъ линейкой по столу.

— Пожалуйста, помолчите немного. Вы что говорите, Лани?

Лани тотчасъ же отказался отъ своихъ словъ:

— Я ничего не говорилъ, рѣшительно ничего.

Тогда отецъ Гурманель снова повторилъ свой вопросъ:

— Кто согласенъ принять Шедена въ испытуемые?

Всѣ отвѣчали одинаково молчаливымъ жестомъ. Имъ было все равно. Леонардъ выступилъ впередъ:

— Боже мой, отецъ, дѣло идетъ не о Шеденѣ, я ничего не имѣю лично противъ него, но о принципѣ. По моему, Шедена не слѣдуетъ принимать.

Отецъ Гурманель посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Почему же это?

— Я очень хорошо знаю, что прежде Шеденъ не хотѣлъ быть изъ нашихъ. Сейчасъ здѣсь говорили, что онъ просится къ намъ теперь только потому, что хочетъ быть принятъ въ академію.

Леонардъ говорилъ съ раздраженіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ сдѣланъ префектомъ конгрегаціи, онъ считалъ ее своею собственностью и находилъ, что долженъ защищать ее.

Отецъ Гурманель покраснѣлъ.

— Этотъ вопросъ несомнѣнно не подлежитъ вашему обсужденію. Академія въ каждомъ классѣ принимаетъ въ составъ своихъ членовъ тѣхъ учениковъ, которые выказываютъ наилучшія способности къ литературѣ. Вы, конечно, не хотѣли бы, чтобы она состояла изъ членовъ, не отличающихся примѣрнымъ поведеніемъ и набожностью. Шеденъ, какъ я узналъ, отвѣчаетъ этимъ условіямъ.

— Бывшій лицеистъ!—сухо возразилъ Леонардъ.

— Да,—проговорилъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ отецъ Гурманель,—я согласенъ съ вами, что это плохая рекомендація.

Затѣмъ онъ какъ будто на что то рѣшился и, обращаясь къ совѣтникамъ, спросилъ:

— Нѣтъ другихъ возраженій? Значитъ, дѣло рѣшено! Друзья мои, вы свободны!

Совѣтники вышли. Отецъ снова засунулъ руки въ рукава и проводилъ ихъ равнодушной улыбкой. Только когда Леонардъ подходилъ къ дверямъ, онъ вдругъ очнулся:

— Одну секунду, Кланъ, мнѣ хочется поговорить съ вами.

— Я вамъ нуженъ?

— Сейчасъ скажу...

Леонардъ остановился, скрывая глухое раздраженіе. То невниманіе, съ какимъ отнеслись къ его замѣчаніямъ, оскорбляло его самолюбіе. Онъ ждалъ, что скажетъ монахъ; тотъ, повидимому, стѣснялся.

— Одно только словечко,—произнесъ онъ, наконецъ.—То, что вы говорили сейчасъ о Шеденѣ, очень удивило меня. Я не хотѣлъ настаивать при вашихъ товарищахъ, я понималъ, что вамъ неудобно высказаться. Но теперь, когда мы одни, не можете ли вы мнѣ объяснить, въ чемъ дѣло?

Леонардъ вздрогнулъ. Ему вдругъ пришло въ голову, что отецъ Гурманель хочетъ заставить его играть роль, приписываемую Берньеру.

— Мнѣ нечего прибавлять къ тому, что я сказалъ,—холодно отвѣчалъ онъ.

— Поймите меня хорошенько,—возразилъ монахъ.—Я отъ васъ не требую ничего особеннаго. Разъ у насъ существуетъ совѣтъ конгрегаціи, то, очевидно, онъ имѣетъ цѣлью не допускать въ число испытуемыхъ тѣхъ учениковъ, которые этого не достойны. Вы протестовали противъ принятія Шедена. Я знаю, что вы руководились при этомъ исключительно голосомъ совѣсти. Ради общаго блага, я долженъ знать всѣ ваши мотивы.

Онъ хотѣлъ продолжать. Леонардъ перебилъ его твердымъ голосомъ:

— Я не могу сказать ничего, кромѣ того, что уже сказалъ. Не мое дѣло слѣдить за поведеніемъ товарищей. У каждаго изъ насъ есть свой ангелъ хранитель; не требуйте, чтобы я соперничалъ съ ними, я на это никогда не соглашусь.

Онъ ушелъ, даже не поклонившись отцу Гурманелю. Чувство сильнѣйшей гордости волновало его. Ему казалось, что онъ въ одно и то же время облегчилъ свое сердце и смылъ съ коллегіи пятно, омрачавшее ея славу послѣ дѣла Берньера.

Выйдя въ корридоръ, онъ столкнулся съ отцомъ Пропіакомъ. Тотъ быстро подошелъ къ нему.

— Я васъ ждалъ.

Это было сказано такимъ торжественнымъ тономъ, что Леонардъ отшатнулся и не далъ взять себя за руку. Онъ самъ не зналъ почему, можетъ быть, потому, что гнѣвъ его еще не совсѣмъ остылъ, но онъ вдругъ почувствовалъ какое то странное недовѣріе.

Въ окна корридора заглядывали лучи солнца, покрывая свѣтлыми пятнами раскрашенный полъ. Во дворѣ попрежнему шумѣли игравшіе тамъ воспитанники.

— Я хочу попросить васъ объ одной услугѣ,—заговорилъ отецъ Пропіакъ.—Вы, можетъ быть, уже знаете, что къ намъ пріѣхалъ отецъ провинціалъ?

— Да, знаю.

— Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы сходили къ нему.

— Я? зачѣмъ же это?

— Чтобы онъ познакомился съ вами.

Леонардъ подумалъ нѣсколько секундъ и сухо отвѣтилъ:

— Я не могу понять...

— Милое дитя мое, я въ два слова объясню вамъ все. Отецъ провинціалъ имѣетъ обыкновеніе разспрашивать насъ обо всемъ, что касается коллегіи. Я счелъ своимъ долгомъ поговорить съ нимъ о васъ... конечно, очень сдержанно. Онъ знаетъ, что вы будете нашимъ... впослѣдствіи.

— Вы это ему сказали!

Леонардъ ждалъ отвѣта, сдвинувъ брови; отецъ Пропіакъ опустилъ глаза.

— Я не находилъ въ этомъ ничего дурного.

— Хороша тайна исповѣди!—вскричалъ мальчикъ съ негодованіемъ.

Отецъ Пропіакъ далъ ему успокоиться: такія вспышки были, очевидно, не новостью для монаха.

— Не понимаю, изъ за чего вы сердитесь,—спокойно сказалъ онъ.—Это не имѣетъ никакого отношенія къ тайнѣ исповѣди. Я сообщилъ отцу провинціалу о своей надеждѣ, точно такъ же, какъ вы мнѣ сообщили о своей. Онъ свято сохранитъ тайну моего признанія въ глубинѣ сердца.

Послѣ этого онъ излилъ на мальчика цѣлый потокъ нѣжныхъ словъ.

— Положимъ, если хотите, я слишкомъ поспѣшилъ. Но неужели вы думаете, что отецъ провинціалъ не узналъ бы завтра или послѣ завтра все, что я ему разсказалъ? Ему довольно было бы посмотрѣть ваши отмѣтки, справиться о вашемъ поведеніи... Богъ отмѣчаетъ своихъ избранниковъ такими ясными чертами, что ихъ нельзя не узнать.

Его голосъ звучалъ, словно музыка. Нельзя было узнать, Богъ ли говоритъ его устами или онъ просто хочетъ оправдаться въ безтактномъ поступкѣ.

— Но что, если я вдругъ не рѣшусь?—возразилъ Леонардъ.

— Ахъ, дитя мое.

Взглядъ и голосъ отца Пропіака выразили такую полную увѣренность въ обладаніи имъ, что дрожь охватила Леонарда. Онъ опустилъ голову.

— Вы исполните мою просьбу?—спросилъ отецъ Пропіакъ.

— Когда надобно идти къ нему?—въ свою очередь спросилъ Леонардъ, не давая прямого отвѣта.

— Да хоть завтра... или послѣ... когда хотите...—Вѣдь вы свободны?

— Хорошо. Я пойду сейчасъ.

Отецъ Пропіакъ, который замѣтилъ волненіе Леонарда, былъ, повидимому, не совсѣмъ доволенъ его рѣшеніемъ.

— Сейчасъ? Зачѣмъ же такъ скоро?

— Да вѣдь вы же сами этого хотѣли.

— Конечно; но, можетъ быть, отца провинціала нѣтъ дома.

— Я посмотрю. Гдѣ онъ помѣстился?

— Въ комнатѣ рядомъ съ церковью. Я васъ провожу.

— Благодарю васъ, я знаю дорогу.

И не давъ отцу Пропіаку сказать ни слова больше, Леонардъ спустился съ лѣстницы.

Онъ совершенно не зналъ, что именно заставило его немедленно исполнить желаніе монаха. Въ тоже время, въ первый разъ мысль о нравственномъ насиліи мелькнула въ головѣ его.

Въ два прыжка вбѣжалъ онъ на крыльцо передъ церковью и очутился въ передней. Направо дверь вела въ комнату, занимаемую отцомъ провинціаломъ. Прямо противъ входа, на высокомъ пьедесталѣ стояла статуя св. Игнатія. Святой, одѣтый въ некрасивый плащъ испанскихъ монаховъ, держалъ одну руку поднятою. Въ другой у него была открытая книга, на которой виднѣлся написанный золотыми буквами девизъ ордена: Ad majorem Dei gloriam! Прежде чѣмъ постучать, Леонардъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на статую.

Не смотря на его призваніе, онъ до сихъ не чувствовалъ особенной преданности къ св. Игнатію; виновата въ этомъ была, вѣроятно, эстетика: всѣ изображенія св. Игнатія представляли его обыкновенно слишкомъ презрительнымъ, съ покатымъ лбомъ, съ повелительнымъ носомъ, съ недоброй улыбкой на губахъ.

На этотъ разъ вниманіе Леонарда было привлечено главнымъ образомъ девизомъ: «Ради вящшей славы Божіей!»

Преднамѣренная двусмысленность и въ общемъ неопредѣленная цѣль девиза придавали ему что-то воинственное. Это былъ въ одно и тоже время боевой кличъ и возможное оправданіе весьма нечистыхъ предпріятій.

Основываясь на немъ, развѣ нельзя было взамѣнъ небеснаго провидѣнія подставлять свои собственныя, вполнѣ земныя цѣли?

— А что, если это такъ?..—прошепталъ Леонардъ.

Онъ почувствовалъ, что вступаетъ на ложный путь, и безъ всякаго одушевленія, но съ твердою рѣшимостью постучался въ дверь отца провинціала.

— Войдите,—проговорилъ голосъ изнутри.

Отецъ провинціалъ очень высокаго роста, худой, какъ настоящій аскетъ, стоялъ прислонясь къ камину. Леонардъ прежде всего замѣтилъ его глаза, маленькіе, сѣрые глазки, не оживленные ни малѣйшимъ проблескомъ добродушія.

Комната тоже имѣла слишкомъ строгій видъ. Большая, почти безъ мебели, съ запахомъ нежилого, она внушала невольную робость.

— Что вамъ отъ меня нужно?—спросилъ провинціалъ. Въ его голосѣ звучало такъ мало ободренія, что Леонардъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Если вамъ некогда, отецъ, я приду попозже.

— Нѣтъ, зачѣмъ же, говорите. Я пріѣхалъ сюда для всѣхъ, кто желаетъ меня видѣть.

— Отецъ,—нетвердымъ голосомъ проговорилъ Леонардъ,—мнѣ сказали... меня зовутъ Леонардъ Кланъ... я имѣю намѣреніе поступить въ послушники, и я пришелъ...

— Вы хорошо сдѣлали.

Монахъ посмотрѣлъ внимательнѣе на Леонарда. Глаза его впивались въ каждую отдѣльную черту лица мальчика. Онъ ничѣмъ не далъ понять, какое впечатлѣніе произвелъ на него этотъ осмотръ.

— Когда думаете вы привести въ исполненіе ваше намѣреніе?—спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

Леонардъ не зналъ, что сказать, онъ еще не задавался этимъ вопросомъ.

— Въ концѣ года... можетъ быть.

— Значитъ: черезъ два мѣсяца?

Леонардъ повторилъ.

— Черезъ два мѣсяца, если нужно.

Такой близкій срокъ вдругъ испугалъ его. Не прочелъ ли провинціалъ сомнѣніе въ его глазахъ? Онъ отвѣчалъ:

— Да, это необходимо. Чѣмъ раньше вы вступите, тѣмъ лучше. Мы требуемъ отъ своихъ послушниковъ полной перемѣны жизни. Чѣмъ моложе вы будете, тѣмъ вамъ будетъ легче.

Леонардъ опустилъ голову и ничего не отвѣчалъ.

— Вы уже говорили объ этомъ съ вашимъ духовникомъ?

— Да... конечно!

Этотъ вопросъ удивилъ Леонарда. Какъ же могъ отецъ провинціалъ не знать этого, когда отецъ Проніакъ самъ признался, что разсказалъ ему?

Провинціалъ снова заговорилъ все тѣмъ же сухимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, вашъ духовный отецъ ознакомилъ васъ съ предстоящими вамъ обязанностями. Мы потребуемъ отъ васъ только одного: повиновенія. Повиноваться, повиноваться безусловно, въ этомъ и состоитъ призваніе. Вы навѣрно знаете изреченіе perinde ac cadaver. Имъ все выражено. Разъ вы поступите въ монастырь, я потребую отъ васъ уничтоженія вашей личности. Вы должны будете существовать только по моей волѣ и только ради служенія Богу.

Леонардъ повторилъ, опустивъ глаза:

— Да, повиноваться.

— Вы это уже знаете,—заключилъ отецъ,—но я счелъ за лучшее еще разъ повторить вамъ. Помните мои слова и молитесь Богу за себя и за меня.

— Да, отецъ, я буду молиться,—словно эхо повторилъ Леонардъ.

Послѣдовало молчаніе. Провинціалъ въ послѣдній разъ пристально поглядѣлъ на Леонарда.

— Мы охотно примемъ васъ,—сказалъ онъ.—Теперь ступайте.

Онъ отпускалъ его, очевидно довольный. Леонардъ былъ пріятнымъ пріобрѣтеніемъ. Онъ счелъ даже за лишнее разспрашивать у него о его родителяхъ и его имущественномъ положеніи, очевидно, получивъ эти свѣдѣнія изъ другого источника.

— Прощайте, отецъ,—отвѣчалъ Леонардъ и вышелъ, шатаясь.

Онъ повторялъ въ полголоса:

— Повиноваться, повиноваться!

Эти слова давили его сердце холоднымъ, могильнымъ камнемъ. А между тѣмъ развѣ отецъ провинціалъ открылъ ему что нибудь новое, чего онъ не зналъ? Законъ повиновенія, этотъ страшный, этотъ суровый законъ, вѣдь онъ его призналъ, онъ даже находилъ его отраднымъ... На минуту имъ овладѣло отчаянье. Тамъ на дворѣ, за домомъ отцовъ продолжался веселый шумъ голосовъ. Это былъ порывъ свободной жизни, беззаботное веселье, восходившее до небесъ, не смотря на стѣны, пытавшіяся сдержать его. Леонардъ въ воображеніи представилъ себѣ своихъ товарищей. Онъ видѣлъ, какъ они бѣгаютъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, не стѣсняя себя тягостными обѣщаніями. Желаніе походить на нихъ сдавило ему горло.

— Ахъ, счастливые! они не связаны никакими обязательствами!

Затѣмъ ему пришло въ голову:

— А развѣ я на самомъ дѣлѣ связанъ?

Какой законъ заставляетъ его быть непохожимъ на другихъ и страдать? Развѣ онъ безвозвратно обязался принадле-

жать тому человѣку, сухость котораго наполнила холодомъ его сердце?

— Но вѣдь я еще свободенъ... свободенъ!

И по невольному компромиссу съ самимъ собой онъ отворачивалъ глаза отъ будущаго:

— Это еще не скоро... тогда посмотримъ...

Быстрымъ движеніемъ онъ бросился впередъ, имъ овладѣло неудержимое желаніе принять участіе въ играхъ, хотя онъ уже давно не игралъ—кричать, скакать. Этотъ шумъ, который онъ теперь такъ ясно слышалъ, привлекалъ его непреодолимой силой; онъ, словно порывъ вѣтра, какъ будто приподнималъ его отъ земли. Мальчикъ пустился бѣжать.

Онъ уже выбѣжалъ во дворъ, когда его позвалъ Лани, возвращавшійся изъ пріемной.

— Знаешь непріятную новость? Циммеръ боленъ...

— Циммеръ!

— Тифозная горячка;—говорятъ, очень опасно.

Леонардъ остановился, какъ прикованный. Онъ не слышалъ больше ни шума игръ, ни смѣха, ни веселыхъ голосовъ; онъ слышалъ одно только: пришла смерть и уноситъ жертву, случайно, безъ выбора.

Все исчезло. Онъ набожно перекрестился и тихими шагами вернулся въ классъ.

VII.

Въ слѣдующій понедѣльникъ весь благочестивый Неверъ направился къ Сенъ Луи де Гонзагъ. Съ семи часовъ группы пѣшеходовъ наполняли улицу четырехъ сыновей Аймона. Со всѣхъ сторонъ слышались привѣтствія, болтовня женщинъ, шуршанье шелка.

— Какой шумъ,—замѣтила г-жа Нонъ,—хуже, чѣмъ на пожарѣ!

— Вѣдь приглашенныхъ болѣе тысячи человѣкъ,—отвѣчалъ Леонардъ.

Они тоже шли на представленіе. Мальчикъ, повидимому, совершенно забылъ тотъ кризисъ, который пережилъ за три дня передъ тѣмъ. На субботней исповѣди отецъ Пропіакъ спросилъ его:

— Ну что, были вы у отца провинціала?

— Какъ-же, былъ.

— Что онъ вамъ сказалъ?

— Все тоже, что я и раньше зналъ.

Монахъ, повидимому, удовлетворился этимъ уклончивымъ отвѣтомъ. Леонардъ пересталъ думать обо всемъ этомъ: сердце его отдыхало.

— Какая чудная ночь!—сказала г-жа Нонъ. Дѣйствительно, вечеръ, былъ восхитительный. Въ садахъ, окаймлявшихъ улицу, деревья протягивали изъ-за стѣнъ вѣтви, какъ бы заглядывая на благочестивыхъ путниковъ.

Мерцавшія сквозь нихъ звѣзды казались волшебными фонарями, развѣшанными для украшенія. Съ Герцогской площади виднѣлась Луара, окружавшая городъ серебряной дугой.

— Добрый вечеръ, мадамъ Нонъ.

Подходило семейство Берньеръ. Г-нъ Берньеръ поздравилъ Леонарда.

— Вы играете роль императора, не правда-ли? Говорятъ, пьеса великолѣпная.

Съ косыми глазами, съ разбитымъ голосомъ, съ лицомъ, обрамленнымъ сѣдыми волосами, онъ имѣлъ видъ старомоднаго дворянина 1830 г. Г-жа де Берньеръ отвѣчала на привѣтствія г-жи Нонъ:

— Да, конечно, Жанъ тоже играетъ, но у него маленькая роль, очень маленькая.

Она волновалась:

— Не знаете-ли вы чего нибудь объ этомъ бѣдномъ Циммерѣ? Многіе думали, что вечеръ будетъ отложенъ. Какое было бы несчастіе для добрыхъ отцовъ, которымъ пришлось сдѣлать столько расходовъ, если бы онъ умеръ сегодня или вчера!

Но г-жа Нонъ ничего объ этомъ не знала. Она спросила даже, кто родители юноши.

— Не знаю, какіе то неважные люди, кажется продавцы зонтиковъ.

Подлѣ нихъ г-жа Серве и какой-то судья разговаривали объ отцѣ Фрежье. Судья разбиралъ его послѣднюю конференцію въ обществѣ мужчинъ:

— Онъ анализируетъ въ настоящее время главныя добродѣтели. Замѣчательно хорошо! Въ воскресенье, говоря о «силѣ», онъ разсматривалъ происхожденіе власти. Послѣ этого отъ республиканской системы не остается ничего.

Г-жа Шеденъ тоже подходила. Она бросала во всѣ стороны робкіе взгляды. Такъ какъ она не принадлежала къ «свѣту», то она инстинктивно приблизилась къ группѣ женщинъ въ черныхъ платьяхъ, по всей вѣроятности, служанокъ, духовныхъ дочерей отца Жосселена или отца Ане, допущенныхъ на праздникъ изъ милости.

Всѣ исчезли въ нахлынувшей толпѣ: это шло семейство Ронъ-Майеръ, являвшееся въ полномъ составѣ. Г-жа Ронъ-Майеръ два мѣсяца работала надъ сооруженіемъ по подпискѣ праздничнаго ковра, который долженъ былъ закрыть хоры въ церкви Сенъ Луи де Гонзагъ. Всякій подписывался на одинъ квадратъ ковра.

Проходя мимо г-жи Серве, г-жа Ронъ окликнула ее.

— Все будетъ стоить 900 франковъ,—сказала она; — каждый квадратъ пятьдесятъ франковъ, вы мнѣ должны за одинъ.

Отвѣтъ г-жи Серве потерялся въ общемъ шумѣ. Публика продолжала стекаться.

— Какъ я не люблю эту давку,—проговорила г-жа Нонъ,— здѣсь просто можно задохнуться!

Леонардъ замѣтилъ въ числѣ другихъ Жука, но не могъ пробраться къ нему.

Еще нѣсколько секундъ давки, и они вышли на просторъ. Г-жа Нонъ и Леонардъ прошли ворота и очутились на большомъ дворѣ. Тамъ толпа разсѣялась, раздѣлившись на маленькія группы.

Около входныхъ дверей отецъ Буажоль отвѣчалъ на разспросы матерей, безпокоившихся по поводу экзаменовъ, предстоявшихъ ихъ сыновьямъ.

— Онъ выдержитъ, конечно, и хорошо выдержитъ! Отчего же ему не выдержать?

— Ахъ, отецъ, какъ вы меня порадовали!

Учителя младшихъ классовъ, вокругъ которыхъ раздавался смѣхъ учениковъ, отвѣчали на вопросы матерей такъ же любезно:

— Да, да, онъ шалунъ, но добрый мальчикъ!.. мы изъ него сдѣлаемъ человѣка.

Заложивъ руки въ рукава, съ блаженной улыбкой на глуповатомъ лицѣ, отецъ Ане прохаживался одинъ. Не сознавая, что ему надлежало играть роль чистаго свѣточа, сіяющаго надъ всей этой свѣтской суетой, онъ подходилъ къ самымъ простымъ, неважнымъ людямъ, которые всетаки представляли общественную силу и потому получили тоже приглашенія.

— Входите скорѣй,—говорилъ онъ имъ,—а то вамъ не хватитъ мѣста.

Г-жа Нонъ поклонилась отцу Сиксту, который, не обращая ни на кого вниманія, продолжалъ и среди праздника исполнять свои инспекторскія обязанности.

— Не опоздай,—замѣтила она Леонарду,—иди костюмироваться.

Но Леонардъ остановился. При входѣ на лѣстницу кружокъ мужчинъ обступилъ отца Фрежье. Слышались восклицанія:

— Превосходно! великолѣпно! Вполнѣ философски!

Звучный голосъ монаха раздавался всѣхъ громче:

— Главное, господа, чтобы у меня были слушатели! Приводите ко мнѣ народу, побольше народу!

Онъ иронически посмѣивался, словно атлетъ, увѣренный въ своей силѣ.

Адвокаты, старые чиновники, несмѣняемые судьи, сливки неверскаго общества осыпали похвалами его діалектику. Его восторженно благодарили за то, что онъ служитъ дѣлу справедливости.

— А,—сказалъ отецъ Пропіакъ, подходя къ г-жѣ Нонъ,— вотъ и тетушка, которая можетъ гордиться своимъ племянникомъ!

Г-жа Нонъ посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Да,—отвѣчала она;—но не боитесь ли вы, что такого рода развлеченія могутъ возбудить склонность къ театру?— затѣмъ, указывая на отца Фрежье, она прибавила:

— Въ воскресенье отецъ имѣлъ большой успѣхъ въ мужскомъ собраніи.

Отецъ Пропіакъ указалъ широкимъ жестомъ на группу, восторги которой выражались все болѣе и болѣе шумно.

— Это апостолъ!—спокойно сказалъ онъ.

Леонардъ вздрогнулъ. Чувство зависти, чувство страстнаго желанія добиться подобнаго же успѣха охватило его.

— Какъ счастливы апостолы!—прошепталъ онъ.

Онъ быстро отошелъ, направляясь въ уборную.

Монастырь оживился присутствіемъ шумной толпы. Во дворъ выходили горѣвшія огнями окна театральной залы. Леонардъ замѣтилъ брата Фраппуса, который раздавалъ программы около одной изъ дверей.

— Дайте и мнѣ программу!—сказалъ онъ въ припадкѣ внезапной веселости.

— Ай, нѣтъ! у меня не хватитъ и для приглашенныхъ!

— Не бѣда! все равно дайте!

Онъ быстро прочелъ заголовокъ. Надъ заглавіемъ трагедіи *Каносса* сіяло солнце ордена:

A. M. D. G.

Литературное чтеніе.

Въ честь Сенъ Луи де-Гонзагъ.

Взглядъ Леонарда скользнулъ ниже и остановился на его собственномъ имени, напечатанномъ курсивомъ:

Генрихъ IV франконскій, король Германіи... «*Леонардъ Кланъ*».

— Увидите, братъ, какъ я буду славно играть!

Въ эту минуту подбѣжалъ отецъ Рандюель, которому порученъ былъ надзоръ за актерами.

— Наконецъ то, я васъ нашелъ!—взволнованнымъ голосомъ вскричалъ онъ.—Чего же вы еще ждете? Вы и такъ опоздали!

— Сейчасъ иду, отецъ!—отвѣчалъ Леонардъ, убѣгая.

Слѣдующій часъ прошелъ необыкновенно пріятно.

Въ залѣ собраній отцовъ, переименованномъ въ «уборную», актеры заканчивали свое переодѣванье. Монахи и кардиналы,

толкаясь и спѣша, надѣвали свои сутаны. Берньеръ игралъ доминиканскаго монаха; Лани долженъ былъ явиться въ бѣломъ облаченіи папы. Вельможи, подъ присмотромъ стыдливаго отца Рандюеля, натягивали на себя узкіе панталоны. Св. Станиславъ и св. Жанъ Бертансъ, неподвижные въ своихъ рамкахъ, глядѣли на этотъ странный маскарадъ.

При входѣ Леонарда раздался крикъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Два кардинала, одѣвшіеся раньше другихъ, играли въ чехарду. Актеры требовали, чтобы имъ дали обѣщанный пуншъ.

— Вамъ дадутъ за кулисами,—отвѣчалъ отецъ Рандюель.— Идемъ.

Странная процессія двинулась по аллеямъ сада: въ театръ надобно было проходить черезъ садъ. Въ головной повязкѣ изъ бѣлаго муара, съ лампой въ рукахъ, Лани открывалъ шествіе. За нимъ шелъ Леонардъ, кардиналы, вельможи, монахи. При лунномъ свѣтѣ панцыри блестѣли, и красныя одежды казались кровавыми. Изъ оконъ сосѣднихъ домовъ любопытные смотрѣли на нихъ.

Вдругъ одинъ изъ монаховъ запѣлъ женскимъ голосомъ «Parce Domine». Лани расхохотался до того, что его лампа погасла.

— Бѣжимъ!—закричалъ онъ.

И всѣ, какъ безумные, пустились бѣжать, перескакивая черезъ клумбы цвѣтовъ. Отецъ Рандюель, внѣ себя отъ гнѣва, грозилъ всѣхъ наказать. Мальчики прибѣжали къ театру въ ту самую минуту, какъ отецъ провинціалъ входилъ въ парадную дверь.

Онъ по обыкновенію шелъ, сложивъ руки. Сзади него вереницей слѣдовали отцы. Отецъ Бартоленъ, старавшійся не играть никакой роли на этомъ праздникѣ, отецъ Сикстъ, отцы, жившіе въ городѣ, затѣмъ отецъ Ане, отецъ Пропіакъ, отецъ Жусселенъ, отецъ Дарбуа и въ заключеніе всѣ учителя. Отца Фрежье не было среди прочихъ.

Сидя на возвышеніи въ боковой части залы, воспитанники встрѣтили отцовъ рукоплесканіями. Рампа поднялась и освѣтила занавѣсъ. На фризѣ, такъ же какъ на программахъ и на книгѣ св. Игнатія, блестѣли золотыя буквы девиза: A. M. D. G. Но на фризѣ онѣ блестѣли особенно ярко, сіяя надъ всей этой собравшейся толпой, надъ чинно сидѣвшими учителями, надъ смѣющимися дѣтьми, даже надъ самимъ провинціаломъ, котораго никто въ городѣ не зналъ, но котораго, не смотря на это, встрѣчали привѣтственными криками. Онѣ сіяли какъ то угрожающе, съ какою то спокойною и страшною ироніей.

— На сцену!—приказалъ отецъ Буажоль.

Держа въ рукахъ роли, онъ сталъ за подвижную стойку для лампъ. Раздалось три удара. Представленіе началось:

Смѣлѣй, Тьери, окончимъ наше дѣло,
Приходитъ часъ...

декламировалъ Делестанъ пѣвучимъ голосомъ, скандируя стихи.

— Здѣсь слишкомъ жарко, — прошепталъ Леонардъ, — я уйду.

Онъ долженъ былъ появиться только во второмъ актѣ, и потому вернулся въ садъ.

Не смотря на стараніе актеровъ, публика холодно встрѣчала этотъ первый актъ. Одинъ только Лани вызвалъ рукоплесканія тирадой противъ симоніи. Ее приняли за протестъ противъ современныхъ нравовъ.

Братъ Фраппусъ быстрыми шагами подошелъ къ Леонарду. Онъ также бродилъ въ саду, волнуясь за успѣхъ пьесы.

— Что вы дѣлаете?—спросилъ онъ.—Вы, можетъ быть, нужны на сценѣ.

— Успокойтесь, братъ, я не играю въ этомъ дѣйствіи.

Они стали ходить вдвоемъ. Леонардъ вспомнилъ то воскресное утро, когда братъ поздравилъ его съ полученіемъ званія префекта.

— А что, это хорошая пьеса? — продолжалъ братъ.—Говорятъ, что у автора большой талантъ.

Леонардъ прервалъ его.

— Скажите, что Циммеръ? Есть ли о немъ извѣстія?

Братъ вздохнулъ.

— Онъ умеръ сегодня, въ четыре часа.

— Ахъ!

— Онъ давно былъ плохъ... смотрите, не простудитесь, вы не сможете играть.

— Зачѣмъ же даютъ пьесу сегодня?—спросилъ Леонардъ дрожащимъ голосомъ.

— Некогда было извѣщать всѣхъ, что отложено. Да къ тому же...

Братъ остановился. Ясно было, что смерть Циммера кажется ему дѣломъ второстепеннымъ. Изъ залы до нихъ донесся взрывъ рукоплесканій.

— Слышите?—проговорилъ онъ съ гордостью. — Хорошо идетъ! Тѣмъ лучше!

— Дѣйствіе кончилось,—отвѣчалъ Леонардъ.

Онъ не двигался съ мѣста. Эта смерть Циммера, почти скоропостижная, отравляла его удовольствіе. Сердце его сжималось отъ ужаса.

Вдругъ чья то тѣнь приблизилась къ нимъ.

Отецъ Фрежье, держа въ рукахъ дорожный мѣшокъ, быстрыми шагами проходилъ по саду. Замѣтивъ Леонарда, онъ ласково потрепалъ его по щекѣ.

— Ну что, довольны вы? апплодируютъ вамъ?

Не ожидая отвѣта, онъ пошелъ дальше.

Леонардъ подошелъ къ отцу Фраппусу.

— Куда онъ идетъ?

— Онъ уѣзжаетъ.

— Его позвали къ кому нибудь?

— Нѣтъ, онъ оставляетъ городъ.

Леонардъ съ изумленіемъ переспросилъ:

— Онъ оставляетъ Сенъ Луи де Гонзагъ?

— Да, конечно.

Леонардъ, казалось, не вѣрилъ, и братъ вполголоса объяснилъ ему:

— Я это узналъ случайно. Прежде чѣмъ идти на вечеръ, отецъ провинціалъ объявилъ ему, что посылаетъ его въ Булонь. Онъ, должно быть, торопится попасть на поѣздъ.

Это была правда: вѣроятно, вслѣдствіе слишкомъ большого успѣха его конференцій, провинціалъ, безъ объясненія причинъ, приказалъ ему уѣхать.

Отецъ Фрежье повиновался и, избѣгая прощаній, немедленно собрался въ путь. «Повиноваться! Повиноваться!»— ужасающія слова провинціала вдругъ воскресли въ памяти Леонарда. Это повиновеніе, переставъ быть пустымъ словомъ или только возможностью, прошло передъ нимъ, воплощенное въ человѣческомъ образѣ.

Между тѣмъ ни лицо, ни походка отца Фрежье ни въ чемъ не измѣнились. Онъ оставлялъ городъ, свое жилище, этотъ садъ, всѣ тѣ мѣста, къ которымъ сердце его должно было хоть сколько нибудь привязаться, и ни однимъ знакомъ не выдалъ своего волненія.

Начальство объявило свою волю, и онъ покорялся. Леонардъ былъ возмущенъ.

— Значитъ, онъ уѣхалъ?—обратился онъ къ брату.

— Конечно, какъ же иначе?

— А его конференціи?

— Кто нибудь другой будетъ читать ихъ вмѣсто него.

Братъ Фраппусъ находилъ все это очень простымъ. Онъ зналъ, что монастырь отъ этого нисколько не пострадаетъ. На мѣсто отца Фрежье пріѣдетъ другой проповѣдникъ, одаренный такими же способностями и получившій приказаніе исполнять ту же миссію.

Удрученный тяжелыми мыслями, не зная, что его больше волновало, смерть Циммера или этотъ трагическій отъѣздъ, Леонардъ вернулся въ комнаты.

За кулисами господствовало лихорадочное возбужденіе. Отецъ Буажоль бранилъ Берньера.

— Вы точно истуканъ! вы не двигаетесь! вы какъ будто не чувствуете того, что говорите!

Потомъ онъ подозвалъ Лани:

— Вы хорошо говорили, громко, васъ навѣрно всѣ слышали. Но вамъ не хватаетъ важности! Будьте же папой, чортъ возьми!

Замѣтивъ Леонарда, онъ спросилъ:

— О чемъ вы задумались? У васъ видъ какого-то заговорщика!

Леонардъ покачалъ головой.

— Знаете вы, что Циммеръ умеръ?

— Ахъ, вамъ сказали? Ну, не разсказывайте никому. Надобно, чтобы сегодня вечеромъ все сошло, какъ слѣдуетъ.

Подобно брату Фраппусу, онъ думалъ только объ успѣхѣ коллегіи и отошелъ въ другую сторону, суетясь, заботясь о ходѣ пьесы, о всѣхъ мелочахъ постановки такъ же, какъ заботился обыкновенно объ экзаменахъ.

Снова раздались три удара. Леонардъ вошелъ на сцену. Въ первую минуту онъ ничего не видѣлъ, онъ говорилъ какимъ то сдавленнымъ голосомъ. Передъ нимъ было пустое пространство залы и свѣтъ рампы страшно увеличивалъ его; потомъ онъ понемногу освоился. Волненіе его стихало. Онъ осмѣлился посмотрѣть на зрителей и увидѣлъ всюду глаза, одни только глаза со всѣхъ сторонъ, устремленные на него, отражавшіе каждое его чувство. Наконецъ, онъ пришелъ въ возбужденіе. То общее молчаніе, то затаенное дыханіе, съ какимъ его слушали, опьяняли его. Онъ превратился въ Генриха IV, онъ страдалъ, раздражался, былъ то высокомѣренъ, то подавленъ, то дерзокъ; все это вполнѣ искренно, безъ усилій, и настолько хорошо, что публика вдругъ разразилась рукоплесканіями.

Надобно сказать, что трагедія совпадала съ волновавшими его чувствами. Обманутый, преслѣдуемый императоръ спасается въ бѣдную хижину и тамъ мучится то проектами безумнаго возстанія противъ папы, то рѣшимостью безусловно покориться его волѣ. У него вырывались крики сомнѣнія, и смертельной тоски. По мѣрѣ того какъ развивалось дѣйствіе, онъ уже самъ не зналъ, высказываетъ-ли собственную душевную тревогу или чувства воображаемаго лица. Восторгъ зрителей возрасталъ. Другіе актеры были какъ бы увлечены имъ. Въ той сценѣ, гдѣ Берньеръ отказывается исполнить волю отца и выйти изъ монастыря, онъ провелъ діалогъ съ полною выразительностью. Но когда въ третьемъ актѣ Леонардъ явился полупомѣшаннымъ и, забывая свое императорское достоинство, упалъ на ступени папскаго трона, остававшагося пустымъ,

когда голосомъ, прерывавшимся отъ гнѣвныхъ рыданій, онъ закричалъ:

Идите объявить владыкѣ и судьѣ,
Что я пришелъ къ нему съ смиреньемъ и мольбою,
Что о холодный мраморъ бьюсь я головою,
Что я униженъ, и онъ можетъ вѣрить мнѣ;
Я жду его...

всѣ пришли въ неописанный восторгъ.

Отецъ Буажоль, наблюдавшій за выходомъ актеровъ, первый крикнулъ изъ-за кулисъ:

— Браво! Браво!

Этотъ крикъ распространился, точно огонь по пороховойниткѣ. Онъ усилился, сдѣлался всеобщимъ: публика забывала, что игралъ не артистъ, а просто ученикъ коллегіи. Большинство встало. Слышались замѣчанія:

— Это великолѣпно! удивительно!

Поднялся сильный шумъ. Онъ распространился по всему саду и привелъ въ недоумѣніе жителей сосѣднихъ домовъ; весь Неверъ признавалъ славу коллегіи Сенъ Луи де Гонзагъ и ея преподаванія.

Между тѣмъ Леонардъ всталъ. Онъ поклонился. Въ теченіе одной минуты весь свѣтъ принадлежалъ ему. Онъ его покорилъ, подчинилъ своимъ жестамъ, своимъ словамъ.

Въ этомъ было какое то невыразимое наслажденіе. Ему хотѣлось бы задержать время, на него напалъ припадокъ слабости, онъ пошатнулся, еще разъ поклонился и, наконецъ, вернулся за кулисы.

Отецъ Буажоль подбѣжалъ къ нему.

— Скорѣй, выпейте пуншу, не простудитесь!

Отецъ Рандюель пожималъ ему руки:

— Какъ вы отлично играли!

Прочіе актеры глядѣли на него завистливыми глазами. Онъ былъ центромъ, привлекавшимъ всѣ мысли, но самъ не замѣчалъ этого.

Онъ наслаждался исключительно минутой своего торжества, чувствуя, что будетъ всю жизнь стремиться снова испытать ее.

Какимъ то чудеснымъ образомъ эта минута повторилась.

Занавѣсъ упалъ; раздавались вызовы. Вдругъ на сценѣ появился провинціалъ въ сопровожденіи отца Бартолена. Онъ своимъ ледянымъ голосомъ поздравилъ всѣхъ актеровъ поочередно.

Отецъ Бартоленъ подчеркивалъ его фразы одобрительнымъ киваньемъ головы. Когда провинціалъ дошелъ до Леонарда, внезапная улыбка вдругъ освѣтила его лицо. Онъ протянулъ ему обѣ руки:

— Ахъ! мое милое дитя! Господь одарилъ васъ великими способностями! Пользуйтесь ими во имя Бога, ради вящшей славы божіей!

Отецъ Бартоленъ тоже прервалъ свое оффиціальное молчаніе.

— Будьте всегда божіимъ актеромъ,—сказалъ онъ хриплымъ голосомъ,—какимъ вы были сегодня вечеромъ.

Тогда только Леонардъ началъ благодарить; чувство восторга охватило его. Похвала провинціала увѣнчивала его побѣду. Она уничтожала впечатлѣніе прежней сухости, окружала сіяніемъ его прошлое и будущее; смерть Циммера, отъѣздъ отца Фрежье, страхъ и тоска, какіе онъ испытывалъ вслѣдствіе своего призванія, все исчезало въ лучахъ его славы.

Когда онъ вышелъ изъ театра, очарованіе продолжалось. Г-жа Нонъ, такая скупая на похвалы, первая подошла къ нему:

— Ты въ самомъ дѣлѣ очень хорошо игралъ,—сказала она.

Рандали, г-жа Серве, безчисленное семейство Ранъ-Майеровъ окружили ее и щебетали:

— Какъ вы должны быть довольны!

— Какая счастливая тетушка!

— Онъ пойдетъ далеко!

— И какая славная пьеса!

Другіе тѣснились на пути Леонарда, чтобы поближе посмотрѣть на него, какъ на какую то необыкновенную особу.

Г-жа Шеденъ, вдругъ набравшись мужества, выдвинулась впередъ:

— Какъ я рада, что мой сынъ друженъ съ вами, вы были такъ хороши!

— Ахъ, собака!—замѣтилъ Жукъ,—какъ ты знатно игралъ!

Маленькая дѣвочка, стоявшая рядомъ съ нимъ, воскликнула:

— Какъ было весело! я даже заплакала!

Леонардъ приподнялъ малютку и поцѣловалъ ее.

— Это тебѣ за всѣхъ!—вскричалъ онъ въ порывѣ веселости.

— Вѣроятно, ваша родственница?—спросилъ отецъ Проніакъ, подходя.

— Нѣтъ,—отвѣчала вмѣсто него г-жа Жукъ,—это моя дочь, Мадлена. Она въ первый разъ видитъ представленіе.

Монахъ сурово посмотрѣлъ на Мадлену. На ней была надѣта большая бѣлая шляпа, полускрывавшая ея прелестное дѣтское личико. Изъ подъ полей этой шляпы выглядывали только ея глазки цвѣта фіалки, потемнѣвшіе при вечернемъ освѣщеніи.

Отецъ Проніакъ быстро повернулся къ г-жѣ Нонъ.

— Надобно поскорѣй увести Леонарда. Развѣ вы не видите, какъ онъ усталъ!

Они вышли изъ коллегіи и тихими шагами возвращались домой въ сумракѣ свѣтлой ночи. Весь Неверъ спалъ. Монастырская пустыня распространялась на всѣ окрестности Сенъ Сира. Луна, рисуя силуэты водосточныхъ трубъ, населяла воздухъ привидѣніями.

Войдя въ домъ, г-жа Нонъ зажгла лампу и вдругъ отступила въ испугѣ:

— Телеграмма!

Она пробѣжала ее глазами, перечитала еще разъ и затѣмъ протянула Леонарду:

— Это отъ твоего опекуна.

Въ свою очередь Леонардъ прочелъ телеграмму. На синей бумажкѣ стояло всего нѣсколько словъ:

«Жду Леонарда Парижъ. Крайне необходимо. Артусъ».

— Онъ должно быть боленъ, что вспомнилъ о твоемъ существованіи,—проговорила г-жа Нонъ послѣ минутнаго молчанія.

— Можетъ быть, опасно боленъ.

— Да, пожалуй. Я схожу завтра поговорить съ отцомъ Сикстомъ. Прощай.

Они разошлись, оба сильно встревоженные. Неизвѣстное вошло къ нимъ въ домъ.

VIII.

— Опекунъ требуетъ его?

Отецъ Сикстъ не могъ скрыть движенія досады и продолжалъ рѣзкимъ тономъ:

— Какъ же вы хотите, сударыня, чтобы мы отвѣчали за успѣхи нашихъ учениковъ, если родители по всякому пустяшному поводу берутъ ихъ изъ коллегіи? Скоро начнутся экзамены; въ четвергъ философы отправятся въ уединеніе. Совсѣмъ не время Леонарду уѣзжать.

Г-жа Нонъ старалась выяснить положеніе дѣлъ:

— Опекунъ моего племянника очень мало занимается имъ. Онъ бы не потребовалъ его къ себѣ безъ какой-нибудь важной причины.

— Я очень хорошо понимаю, сударыня, но это семейныя соображенія, которыя насъ не касаются.

— Я считаю отъѣздъ Леонарда необходимымъ,—сухо отвѣчала г-жа Нонъ;—кажется, я одна могу быть судьей въ этомъ дѣлѣ.

Отецъ Сикстъ задумался; затѣмъ, обращаясь къ Леонарду, проговорилъ:

— Пожалуй, поѣзжайте, но на одинъ день, не больше. Сегодня вторникъ, въ четвергъ утромъ вы должны быть здѣсь.

Онъ поклонился имъ, показывая, что разговоръ оконченъ.

— Ты поѣдешь въ два часа,—объявила г-жа Нонъ Леонарду.

Монастырская жизнь Сенъ Луи де Гонзагъ вернулась въ свою обычную колею. Въ семь часовъ колоколъ, какъ обыкновенно, позвонилъ къ началу занятій. Серьезнымъ голосомъ, но безъ лишнихъ изъявленій горести, отецъ Декюрвиль сообщилъ воспитанникамъ о смерти Циммера.

— Мы отслужимъ сегодня обѣдню и пропоемъ De Profundis за упокой этой души, которую Господу угодно было призвать къ себѣ.

Общее тяжелое молчаніе было какъ бы выраженіемъ сожалѣнія объ умершемъ юношѣ.

Никто не встрѣтилъ Леонарда похвалами. Самъ онъ испытывалъ сильное волненіе въ ожиданіи своего свиданія съ опекуномъ, о которомъ онъ ничего не зналъ, котораго онъ никогда не видалъ. Мысль его безпокойно вертѣлась на одномъ мѣстѣ, точно испорченная машинка, и, выйдя изъ комнаты отца Сикста, онъ, не колеблясь, направился къ отцу Пропіаку.

Отецъ Пропіакъ выслушалъ извѣстіе объ его отъѣздѣ съ такимъ же неудовольствіемъ и удивленіемъ, какъ и отецъ Сикстъ.

— Вы не знаете своего опекуна?

— Нѣтъ.

— Вы не писали ему?

— Ни слова.

Отецъ Пропіакъ задумался.

— Не воспользоваться ли этимъ свиданіемъ, чтобы сообщить ему о моемъ намѣреніи?—спросилъ Леонардъ.

Монахъ отвѣчалъ не сразу. Послѣ долгаго молчанія онъ сказалъ, наконецъ:

— Если онъ боленъ настолько, что скоро будетъ призванъ на судъ божій, тогда зачѣмъ же сообщать ему? Если нѣтъ, лучше будетъ послѣ написать ему письмо.

— Написать письмо?

— Да; письмо это нѣчто опредѣленное. Въ немъ можно высказать все, что слѣдуетъ. Съ нимъ нельзя спорить. А споръ часто приводитъ къ неосторожнымъ словамъ.

Затѣмъ, какъ бы подъ вліяніемъ дара провидѣнія, онъ прибавилъ:

— Дай Богъ, дитя мое, чтобы во время этого отсутствія вы вполнѣ почувствовали, какое это счастье принадлежать Богу! Поѣзжайте! Да пребудутъ закрытыми ваши уста, ваши глаза и ваше сердце!

Леонарда возмутила эта подозрительность.

— Отецъ, я вѣдь уѣзжаю всего на одинъ день.

— Я это знаю,—холодно отвѣчалъ отецъ Пропіакъ.

Леонардъ уѣхалъ въ два часа, какъ назначила г-жа Нонъ. По дорогѣ на вокзалъ онъ замѣтилъ магазинъ Циммера. Всѣ ставни въ немъ были на глухо закрыты. Черный билетъ, наклеенный на одной изъ нихъ, объявлялъ, что магазинъ закрытъ вслѣдствіе смерти.

Все путешествіе казалось Леонарду чѣмъ то страннымъ, не то кошмаромъ, не то волшебствомъ.

И вотъ онъ въѣзжаетъ въ этотъ таинственный, неизвѣстный Парижъ, который принимаетъ въ его воображеніи колоссальные размѣры.

Сумерки. Розовые домики предмѣстья раскиданы вдоль дороги, точно старыя игрушки, забытыя ребенкомъ. Вдали городъ смутно рисуется въ грязномъ воздухѣ. Огромный дебаркадеръ, точно громадный сарай, весь пропитанный дымомъ... Локомотивы пыхтятъ, будто задыхаясь, поворотные круги зловѣще стонутъ.

Леонардъ остановился во дворѣ дебаркадера. Онъ зналъ, что никто не встрѣтитъ его, а между тѣмъ это одиночество пугало его, и онъ стоялъ, не зная, на что рѣшиться; вдругъ чей то голосъ окликнулъ его:

— Кланъ! какими судьбами?

— Ты здѣсь!

Это былъ Брюе, коллегіатъ, исключенный изъ класса реторики. Онъ подошелъ, съ цвѣткомъ въ петличкѣ, одѣтый безукоризненно. Ничто въ его внѣшности не напоминало ученика Сенъ Луи де Гонзагъ, изгнаннаго изъ коллегіи четыре мѣсяца тому назадъ.

Они обмѣнялись нѣсколькими короткими фразами:

— Что ты здѣсь дѣлаешь?—спросилъ Брюе.

— Я только что пріѣхалъ.

— Надолго?

— Всего на одинъ день.

— Все въ своей школѣ?

— Да.

— Поздравляю!

— А что твой экзаменъ?—спросилъ Леонардъ.

— Баккалаврскій?

Брюе разразился ироническимъ смѣхомъ.

— Это хорошо для дураковъ. Развѣ нуженъ дипломъ, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни? Сейчасъ видно, что ты пріѣхалъ изъ провинціи!

Онъ посмотрѣлъ на Леонарда съ сожалѣніемъ и окинулъ взглядомъ его костюмъ. Леонардъ вдругъ почувствовалъ, что краснѣетъ. Первый разъ въ жизни ему стало стыдно за свою коллегію. Онъ чувствовалъ, что дурно одѣтъ: этотъ малодушный стыдъ передъ товарищемъ, котораго онъ презиралъ, мучилъ его.

Брюе, повидимому, вполнѣ равнодушный, постукивалъ тросточкой по камнямъ тротуара.

— У каждаго свой вкусъ,—сказалъ, наконецъ, Леонардъ;—у насъ съ тобой разные взгляды на вещи.

Онъ осматривался по сторонамъ, какъ бы ища кого то.

— Ты одинъ?—спросилъ Брюе.

— Да, пока. Меня ждетъ опекунъ.

— Ты въ первый разъ въ Парижѣ?

— Почему ты думаешь?

— Да это сейчасъ видно. Ты не съумѣешь справиться. Я тебѣ сейчасъ приведу извозчика. Подожди.

— Нѣтъ, не надо.

Но Брюе уже ушелъ. Леонардъ злился на себя за то, что оказался такимъ новичкомъ. Онъ ненавидѣлъ не только свое платье, но и свои манеры, свои жесты и всю свою внѣшность.

Черезъ минуту Брюе возвратился.

— Вотъ тебѣ возница. Гдѣ живетъ твой дядя?

— На Университетской улицѣ, № 3-й.

— Слышите, извозчикъ?

Леонардъ еще разъ пристально посмотрѣлъ въ глаза Брюе. Одинъ вопросъ вертѣлся у него на языкѣ. Онъ не могъ удержать его:

— Ты нашелъ себѣ мѣсто?

Ему бы хотѣлось получить отрицательный отвѣтъ.

— Приходи ко мнѣ завтра, самъ увидишь.

— Я не успѣю.

— Ну, хоть минутъ на пять! Площадь Биржи, 8, агентство Дюрталь. Я тамъ бываю всякій день въ 5 часовъ.

Затѣмъ Брюе усадилъ его на извозчика.

— Ну, до свиданія, до завтра! Скажи служителямъ въ бюро, что я тебѣ назначилъ свиданіе, иначе тебѣ придется долго ждать.

Карета двинулась и покатилась по мостовой. Въ мысляхъ Леонарда что-то перевернулось вверхъ дномъ. Перевернулось нравственное ученіе его коллегіи, то ученіе, которое лежало въ основѣ всей его духовной жизни. Довольно было одного факта, чтобы пошатнуть его: Брюе счастливъ. Впрочемъ, у него явилось сомнѣніе: «а, можетъ быть, Брюе дурачитъ меня?»

Онъ сразу рѣшился; завтра, во всякомъ случаѣ, онъ пойдетъ на свиданіе, хотя бы только для того, чтобы выяснить дѣло.

Вокругъ него разстилался Парижъ, Парижъ лѣваго берега, провинціальный, таинственный подъ своимъ ночнымъ покровомъ. Леонарду хотѣлось бы ѣхать быстрѣе. Повременамъ ему вспоминался Сенъ Сиръ. Воздухъ, которымъ тамъ дышутъ, такой свѣжій, почти благоуханный.

— А! это коллегіатъ! Ну, подойди ко мнѣ, мальчикъ, познакомимся!

Сидя въ креслѣ стиля Людовика XIII, украшенномъ рѣзными химерами, г. Артусъ разсматривалъ Леонарда и улыбался. Это былъ старичекъ съ толстымъ животомъ, съ лысымъ черепомъ, съ лицомъ, обрамленнымъ серебристою бородою. Леонарда прежде всего поразили его глаза, лукавые и необыкновенно живые, блестѣвшіе за неподвижными стеклами очковъ. Голосъ у него былъ нѣсколько слабый, но веселый .Этотъ опекунъ съ выраженіемъ постоянной ироніи на лицѣ совсѣмъ не походилъ на того, какимъ онъ рисовалъ его въ своемъ воображеніи.

— Мы думали, что вы очень больны, — проговорилъ онъ въ смущеніи.

— Боленъ! Кто это выдумалъ? Навѣрно старая дура Нонъ. Моя болѣзнь состояла только въ томъ, что я вспомнилъ о тебѣ, мой мальчикъ. Конечно, это что нибудь да значитъ... Ну, однако, я голоденъ. Жанъ, сведите его въ его комнату, а затѣмъ сядемъ за столъ.

Обѣдъ былъ очень вкусный. Къ концу его г. Артусъ и Леонардъ развалились на своихъ креслахъ. Стѣны столовой были украшены старинною посудой: мавританскими блюдами, японскими тарелками съ синею эмалью, зеленоватыми китайскими блюдцами; въ углу возвышался Руанскій бассейнъ съ разноцвѣтными фестонами. Вокругъ часовъ висѣли тарелки стиля Возрожденія съ блѣдно голубыми изображеніями морскихъ боговъ.

Какъ прежде, въ каретѣ, такъ и теперь, Леонардъ перенесся мыслію въ Неверъ. Онъ сознавалъ одновременно и то, какъ эгоистично окружать себя разными рѣдкими бездѣлушками, и то, какъ пріятно ступать по мягкимъ коврамъ, насыщаться тонкими блюдами. Какъ онъ далеко ушелъ отъ столовой г-жи Нонъ съ ея изразцами, съ ея запертыми шкафами! Леонарду представляется, что все его дѣтство прошло въ какомъ-то темномъ углу. Съ этой комнатой могутъ соперничать развѣ столовыя Сенъ Луи де Гонзагъ, благодаря свѣтлой рѣзьбѣ, украшающей ихъ; но мальчикъ почти не думаетъ о нихъ, онѣ уже блѣднѣютъ въ его прэдставленіи.

— Ну, теперь поговоримъ!—предлагаетъ г. Артусъ. Прихлебывая кофе, онъ начинаетъ серьезный разговоръ:

— Вотъ ты скоро выйдешь изъ школы, получишь дипломъ, какъ же ты думаешь устроиться послѣ этого?

Такъ какъ Леонардъ ничего не отвѣчалъ, то онъ снова заговорилъ:

— Да, это правда, я долженъ казаться тебѣ опекуномъ, очень плохо исполняющимъ свои обязанности, заботящимся только о деньгахъ... Э-э! это тоже не пустяки! Я не напра-

шиваюсь на твою благодарность, но, всетаки, чортъ возьми, скажу, это чего нибудь да стоитъ! Г-жа Нонъ взяла на себя остальное, что же мнѣ было дѣлать?

— Я ненавижу эту милѣйшую Нонъ, - продолжалъ онъ довѣрчивымъ тономъ,—она платитъ мнѣ взаимностью. Съ твоей стороны будетъ разумно критически относиться къ нашимъ словамъ, когда мы говоримъ другъ о другѣ.

Г. Артусъ откинулся въ креслѣ и заговорилъ беззаботнымъ тономъ:

— Мы съ г-жей Нонъ никогда не могли поладить на счетъ тебя. Она хотѣла дать тебѣ блестящее образованіе у отцовъ-іезуитовъ; я мечталъ совсѣмъ о другомъ. Въ концѣ концовъ, я уступилъ. Я рѣдко спорю съ женщинами: онѣ привязываются къ своимъ идеямъ такъ же страстно, какъ къ своимъ платьямъ. Во всякомъ случаѣ, это только относительное зло. Смѣшно заботиться о томъ, какъ пеленать ребенка. Тебя пеленали ужъ по вкусу г-жи Нонъ, отлично. Ты хорошо учился, хорошо себя велъ, я этому очень радъ. Теперь остается открыть тебѣ глаза, а это уже мое дѣло. Ты думалъ ли объ этомъ когда нибудь?

Леонардъ продолжалъ молчать.

— Что же ты ничего не отвѣчаешь? Значитъ, моя телеграмма пришла кстати? Я не напрасно безпокоился?

— Вы ошибаетесь,— проговорилъ, наконецъ, Леонардъ.— Я давно думаю о своей будущности. Чтобы лучше обсудить ее, отцы отправляютъ насъ въ уединеніе, срокъ котораго начинается послѣ завтра. Когда я приму твердое рѣшеніе, я вамъ сообщу, какъ намѣренъ устроиться.

— Твердое рѣшеніе?

Г. Артусъ подскочилъ на мѣстѣ; затѣмъ онъ расхохотался, и сухой смѣхъ его звучалъ точно орѣхи, пересыпаемые въ мѣшкѣ.

— Превосходно! Отлично! Уединеніе! И что же ты, послѣ своего уединенія, узнаешь, гдѣ лучше служить: въ министерствѣ или въ таможнѣ?

Леонардъ всталъ съ оскорбленнымъ видомъ:

— Очень возможно, что наши точки зрѣнія различны,— сказалъ онъ;—но вы не можете находить мою смѣшною, разъ вы ея не знаете.

Брови г. Артуса нахмурились.

— Надѣюсь, ты не намѣренъ сдѣлаться іезуитомъ?

Леонардъ обернулся къ опекуну, глаза ихъ встрѣтились. У нихъ какъ то невольно вырвались восклицанія:

— Я этого не позволю!—повелительно вскричалъ г. Артусъ.

— По какому праву?

— По праву, завѣщанному мнѣ твоимъ умирающимъ отцомъ.

Послѣ этого оба замолчали. Леонардъ опустилъ голову и задумался.

Его отецъ! онъ никогда о немъ не думалъ! Съ какою ревнивою заботливостью удаляли отъ него всякое воспоминаніе о немъ... Онъ, правда, видалъ его; но онъ былъ слишкомъ малъ тогда. Что можетъ онъ знать о немъ? Никто никогда не говорилъ о немъ, послѣ него не осталось никакого портрета. Г-жа Нонъ ненавидѣла его за то, что онъ былъ либералъ. Теперь она дѣлаетъ видъ, что забыла его, и считаетъ, что простила ему. По одному слову г. Артуса все прошлое вдругъ какъ бы воскресло въ теплой атмосферѣ этой комнаты. Довольно было одного имени отца, чтобы сдѣлать это чудо.

Послѣ долгаго молчанія, г. Артусъ снова заговорилъ ласковымъ голосомъ:

— Я вовсе не хочу осуждать тебя за твою неопытность. Великія чувства это—тѣ зеркала, на которыя ловятъ юношей твоихъ лѣтъ. Вамъ говорятъ о самопожертвованіи, о самоотверженіи, долгѣ, передъ вами играютъ словами, и вы становитесь жертвами. Будь остороженъ: ты во всякомъ случаѣ такая добыча, которою стоитъ попытаться овладѣть. Ты уменъ; всѣ думаютъ, что ты будешь моимъ наслѣдникомъ,—это въ сущности, пока еще неизвѣстно;—вотъ уже двѣ причины, по которымъ тебѣ могутъ давать не безкорыстные совѣты, по которымъ тебя могутъ склонять на такія рѣшенія, которыя тебѣ самому не пришли бы въ голову.

Леонардъ снова съ досадой поднялъ голову.

— Меня никогда ни къ чему не склоняли; видно, что вы очень плохо знаете ихъ!

— Почему ты это думаешь?

— Вы ихъ плохо знаете, повторяю вамъ. Если бы вы пять минутъ поговорили съ отцомъ провинціаломъ или съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ учителей, вы бы перемѣнили мнѣніе. Отцы хотятъ, понимаете, они хотятъ, чтобы призваніе явилось отъ Бога. Они противятся нашему желанію, они испытываютъ его всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Два года тому назадъ одинъ изъ нашихъ коллегіатовъ захотѣлъ поступить въ монастырь; онъ не могъ: ему пришлось ограничиться семинаріей.

— Что-же, онъ былъ бѣденъ или глупъ?—прервалъ г. Артусъ.

Но Леонардъ не слушалъ его. Небольшаго столкновенія съ опекуномъ достаточно было, чтобы разрушить то разслабляющее довольство, которому онъ позволилъ овладѣть собой за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ.

— Я самъ,—вскричалъ онъ,—служу живымъ доказательствомъ этого.

Г. Артусъ поднялся въ свою очередь.

— Не стоитъ больше говорить объ этомъ; если тебѣ хочется выбрать эту профессію, дѣлай, какъ знаешь. Я требую одного только, на что имѣю полное право, — чтобы ты дождался своего совершеннолѣтія. Въ 21 годъ человѣкъ можетъ дѣлать какія угодно глупости, до тѣхъ поръ я замѣняю тебѣ отца, и ты обязанъ слушаться меня.

Г. Артусъ говорилъ твердымъ, опредѣленнымъ тономъ.

— Вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ сказать,—заключилъ онъ.— Это было необходимо, какъ оказывается... А теперь, не хочешь ли сходить въ театръ?

— Нѣтъ, мнѣ не хочется.

— Ну, какъ знаешь. Ты, вѣроятно, уѣзжаешь завтра утромъ, чтобы поспѣть въ это «уединеніе»?

— Завтра вечеромъ, если позволите. Мнѣ надобно сходить въ одно мѣсто.

— У тебя есть знакомые въ Парижѣ?

— Одинъ бывшій товарищъ.

— Вотъ и хорошо!

Странное дѣло! вечеръ окончился самымъ пріятнымъ образомъ. Они перешли въ кабинетъ г. Артуса. Ихъ рѣзкое столкновеніе было забыто.

Г. Артусъ говорилъ небольшими отрывистыми фразами, сопровождая ихъ легкимъ смѣхомъ, плохо скрывавшимъ его грусть. Горькій потокъ воспоминаній нахлынулъ на него съ появленіемъ Леонарда. Онъ говорилъ о Шанхаѣ, въ которомъ жилъ два года. Онъ печально улыбался, вспоминая Цейлонъ, который никогда больше не увидитъ, онъ разсказывалъ разныя свои приключенія въ пустынѣ. Каждое слово его было проникнуто реальной, жизненною правдою.

— Я видѣлъ все это,—такъ закончилъ г. Артусъ.—Твой отецъ, напротивъ, вѣрилъ въ счастье семейнаго очага, хотѣлъ жить, чтобы быть любимымъ. Кто знаетъ, который изъ насъ поступилъ разумнѣе!

Затѣмъ, обращаясь къ Леонарду, онъ сказалъ:

— Надобно дѣйствовать, постоянно дѣйствовать, но дѣйствовать въ одиночку не стоитъ.

«Не стоитъ»! Св. Игнатій тоже говорилъ: не стоитъ завоевать міръ! Но теперь это слово обращалось противъ Леонарда, говорило о несчастіи безцѣльныхъ существованій. Слушая своего опекуна, Леонардъ начиналъ чувствовать нѣкоторое сомнѣніе.

— Можетъ быть жизнь болѣе сложна, чѣмъ я воображалъ?—думалось ему.

Затѣмъ онъ снова впалъ въ свое полусонное состояніе.

Въ комнатѣ было хорошо. Букетъ геліотроповъ наполнялъ

воздухъ сладкимъ запахомъ. Леонарду очень хотѣлось, чтобы Брюе увидалъ его въ эту минуту. Это загладило бы впечатлѣніе ихъ встрѣчи. Онъ считалъ Брюе такимъ же неопытнымъ, какимъ былъ самъ: для него домъ г. Артуса представлялся какимъ то чудомъ роскоши.

— Что это такое агентство Дюрталя?—спросилъ онъ вдругъ.

— Неужели ты не знаешь?—отвѣчалъ г. Артусъ. — Это самое большое телеграфное агентство Парижа. Оно современемъ уничтожитъ Гаваса.

Тономъ знатока онъ очертилъ всѣ выгоды этого предпріятія и, наконецъ, всталъ:

— Подумай сегодня ночью, что тебѣ хотѣлось бы имѣть. Мнѣ будетъ непріятно, если ты уѣдешь отъ своего опекуна и не увезешь ничего на память объ этомъ путешествіи.

— Я ужъ думалъ.

— Какъ! уже?

Леонардъ бросилъ взглядъ на свое форменное платье смѣшного, дѣтскаго покроя. Онъ машинально провелъ рукой по двойному ряду золотыхъ пуговицъ, какъ бы прикрывая ихъ.

— Мнѣ бы хотѣлось имѣть другой костюмъ...

— А у тебя только этотъ? Узнаю милѣйшую Нонъ! Конечно, другъ мой, тебѣ необходимо одѣться, какъ слѣдуетъ! Мы это устроимъ завтра утромъ. Покойной ночи.

— Покойной ночи... сударь,—проговорилъ Леонардъ.

Эти слова жгли ему губы. Какъ онъ плохо благодаритъ! А между тѣмъ г. Артусъ устроитъ такъ, что ему не придется краснѣть передъ Брюе!

На другой день его съ трудомъ можно было узнать: новое платье немного стѣсняло его, но, не смотря на это, онъ казался весьма изящнымъ юношей. Ему ни на минуту не пришло въ голову, что это было до нѣкоторой степени отреченіемъ отъ коллегіи. Мысли его были заняты совсѣмъ другимъ.

Они осматривали Парижъ, не Парижъ старинныхъ зданій и музеевъ, но тотъ женскій, развращенный Парижъ, гдѣ весь тротуаръ принадлежитъ содержанкамъ и развѣнчаннымъ королямъ, гдѣ всевозможныя неудачи сталкиваются со всевозможными успѣхами; тотъ Парижъ, къ гулу котораго Леонардъ прислушивался наканунѣ и который теперь катилъ передъ его глазами волны человѣческихъ жизней.

Они осмотрѣли печальные Тюльери и Люксембургъ съ зелеными деревьями, шопотомъ повторяющими пѣсни, сложенныя на чердакахъ и дающими тѣнь усталымъ гранителямъ мостовыхъ.

— Довольно одного дня, чтобы возненавидѣть Парижъ, нужно три года, чтобы научиться обожать его, — сказалъ г. Артусъ.

— Мнѣ вовсе не хочется полюбить его, — возразилъ Леонардъ.

И онъ началъ расхваливать Неверъ, впрочемъ, не особенно горячо. Онъ забылъ Сенъ Луи де Гонзагъ.

Въ пять часовъ Леонардъ пришелъ на площадь Биржи. Мраморная доска, прибитая около дверей, указывала, гдѣ находилось агентство Дюрталя. Вокругъ виднѣлись вывѣски модистокъ и магазиновъ шолковыхъ издѣлій. Леонарду пріятно было отмѣтить такое сосѣдство.

Агентство занимало нижній этажъ.

Онъ обратился къ швейцару, важно возсѣдавшему на креслѣ около входа.

— Мнѣ нужно г. Брюе...

Швейцаръ отвѣчалъ недовольнымъ голосомъ:

— Г. Брюе? Не знаю. Обратитесь къ другому...

Другой былъ разсыльный, въ костюмѣ съ серебряными пуговицами, въ фуражкѣ съ вензелемъ агентства. Онъ перебѣгалъ изъ одного отдѣленія въ другое.

— Мнѣ нужно г. Брюе,—остановилъ его Леонардъ на ходу.

— Г. Брюе нѣтъ здѣсь. — Онъ хотѣлъ снова убѣжать, но Леонардъ остановилъ его.

— Онъ назначилъ мнѣ свиданіе. Онъ меня ждетъ.

— Хорошо. Я посмотрю, гдѣ онъ.

— Не очень то вѣжлива здѣшняя прислуга, — подумалъ Леонардъ, волнуясь.

Вокругъ него въ залѣ стоялъ гулъ голосовъ. Приходили разные дѣловые люди. Они были по большей части очень хорошо одѣты, ходили взадъ и впередъ и казались озабоченными. За стеклянной перегородкой въ концѣ комнаты работала типографская машина.

По мѣрѣ того, какъ проходило время, Брюе становился въ глазахъ Леонарда все болѣе и болѣе важнымъ лицомъ.

— Ну, что же вы мнѣ обѣщали узнать?

— Да вѣдь я вамъ сказалъ: его нѣтъ.

— Я подожду его.

— Ну, знаете, онъ, можетъ быть, и совсѣмъ не придетъ.

— Напротивъ, я пришелъ ,— возразилъ Брюе, входя со шляпой на головѣ, со спокойными манерами человѣка, возвращающагося къ себѣ домой. — Ты былъ аккуратенъ. Ну, какъ, поживаешь? Пройди сюда, я сейчасъ приду къ тебѣ.

Леонардъ направился въ указанную комнату, но по дорогѣ его остановилъ дерзкій разсыльный. Брюе долженъ былъ вмѣшаться, чтобы прекратить столкновеніе.

— Какъ они любезны, твои служителя!—вскричалъ Леонардъ.

— Ахъ, голубчикъ, что дѣлать! — небрежно отвѣчалъ

Брюе,—такая масса лицъ приходитъ надоѣдать намъ, что мы поневолѣ должны какъ нибудь ограждать себя. Идемъ...

Они вошли въ святилище.

— Это кабинетъ директора,—сказалъ Брюе,—и мой, когда его здѣсь нѣтъ.

Онъ повернулъ пуговку электрической лампы.

Комната освѣтилась,—большая комната, заставленная огромными столами и красною сафьянною мебелью. Громадное бюро было завалено бумагами. Ноги какъ то странно беззвучно ступали по мягкимъ коврамъ. Строгая роскошь убранства, совершенно непохожая на изящную обстановку квартиры г. Артуса, смутила Леонарда.

— Садись,—сказалъ Брюе, предлагая ему папиросу.—Не хочешь? Да, правда, это вѣдь запрещено у васъ тамъ.

Онъ усѣлся около бюро и началъ перелистывать дубликаты телеграммъ.

— Ну, что новенькаго?

— Это мнѣ надобно спросить у тебя, — возразилъ Леонардъ. Онъ начиналъ находить, что судьба бываетъ несправедлива.

— Да вотъ, если тебѣ интересно: въ Боливіи опять революція.

— Ты, значитъ, работаешь здѣсь?—спросилъ Леонардъ.— Что же ты дѣлаешь?

— Что я дѣлаю? Я секретарь директора: четыреста франковъ въ мѣсяцъ и скоро буду получать вдвое больше. Вотъ что я дѣлаю. Это мнѣ нашелъ отецъ по протекціи.

— Ты счастливо устроился,—угрюмо замѣтилъ Леонардъ.

— Когда ты ѣдешь обратно?

— Сегодня вечеромъ. Не будетъ ли у тебя порученій къ товарищамъ.

— А! товарищи! Въ самомъ дѣлѣ, что у васъ дѣлалось въ школѣ послѣ меня?

Леонардъ всталъ раздосадованный.

— Третьяго дня у насъ давалась трагедія.

— Скажите пожалуста! такъ вы весело проводите время!

— Публики было болѣе тысячи человѣкъ.

Онъ широкимъ жестомъ показалъ, какая громадная толпа рукоплескала ему.

— Полно тебѣ!—отвѣчалъ Брюе.—Публика Невера! Кто ее знаетъ!

Въ эту минуту дверь отворилась. Вошелъ швейцаръ и принесъ карточку и телеграммы.

— Хорошо,—сказалъ Брюе,—попросите подождать. Я занятъ.

Онъ показалъ карточку Леонарду.

Вотъ опять пришелъ сенаторъ надоѣдать намъ!

Леонардъ насмѣшливо улыбнулся:

— Ты ужъ нынче заставляешь сенаторовъ ждать себя!

— А почему же нѣтъ? вѣдь мы оказываемъ имъ услуги, они должны быть благодарны. Намъ ни въ чемъ не отказываютъ, потому что мы люди нужные. Мы можемъ имѣть, что хотимъ: билеты въ театръ, женщинъ, кредитъ у портного. Это выгоды нашего положенія!

— Какъ же ты познакомился съ собственникомъ этой агентуры?

— Да я его никогда не видалъ! Онъ живетъ гдѣ то въ Америкѣ.

— Кто же онъ такой? Банкиръ, дѣлецъ?

— Просто господинъ, который поставилъ себѣ цѣлью уничтожить Гаваса: больше я ничего не знаю.

— Но у кого же ты здѣсь работаешь?

— У Ланнемаза. Онъ директоръ агентства въ Парижѣ.

Леонардъ задумался; ему захотѣлось показать, что онъ нѣсколько знакомъ съ именами лицъ, о которыхъ говорилъ Брюе.

— Отецъ былъ близко знакомъ съ однимъ Ланнемазомъ, который жилъ въ Дижонѣ,—сказалъ онъ.

— Это братъ нашего, онъ спокойно умеръ. Сынъ его теперь проживаетъ приданое дочки Вебера. Шесть милліоновъ! У него не было ни копѣйки и онъ заставилъ ее выйти за себя! Вотъ то молодецъ!

Глаза Брюе горѣли жадностью. Леонардъ понялъ, что это человѣкъ съ большимъ честолюбіемъ и съ малою совѣстливостью.

— Начинается работа,—сказалъ Брюе, указывая на телеграммы;—ты можешь остаться, если хочешь. Я, работая, буду разговаривать съ тобой.

Леонардъ объяснилъ, что долженъ идти.

— Ну, такъ прощай; желаю тебѣ весело жить у ихъ преподобій и выдержать экзаменъ!

Леонардъ поблѣднѣлъ точно будто отъ оскорбленія.

— Очень жаль, что ты не держалъ!—отвѣтилъ онъ сердитымъ голосомъ. И онъ вернулся къ г. Артусу, погруженный въ задумчивость.

Въ тотъ же вечеръ онъ въ грустномъ настроеніи шелъ по улицамъ Невера. Ночь была такая же ясная, какъ послѣ спектакля. Леонардъ съ удивленіемъ прислушивался къ тишинѣ провинціальнаго города, тишинѣ, среди которой гулко раздавались его шаги, и которую онъ никогда раньше не замѣчалъ.

Г-жа Нонъ сама открыла ему дверь.

— Ну что, Артусъ умираетъ?—спросила она.

— И не думаетъ, онъ совершенно здоровъ.

— Зачѣмъ же онъ тебя вызвалъ въ такомъ случаѣ?

— Такъ просто, ему пришла фантазія.

— Представьте, тетенька,—нѣсколько минутъ спустя сказалъ Леонардъ, — я встрѣтилъ Брюе, у него великолѣпное мѣсто.

Въ глазахъ г-жи Нонъ вспыхнулъ огонекъ.—Негодяй!

Оставшись въ своей комнатѣ, Леонардъ прошепталъ:—Негодяй... полно, такъ ли это?

На слѣдующій день онъ отправился «въ уединеніе».

IX.

— Богъ ожидаетъ васъ тамъ, дитя мое,—говорилъ отецъ Пропіакъ;—да осѣнитъ онъ васъ своимъ свѣтомъ.

Онъ указалъ рукой на строеніе, скрытое за группой платановъ. Это былъ старинный монастырь августинокъ, превращенный въ загородный домъ коллегіи Сенъ Луи де Гонзагъ и расположенный вдали отъ всякаго шума.

Въ концѣ дороги виднѣлся Неверъ, тамъ и сямъ по долинѣ Луары были разбросаны купы деревьевъ, тихо шептавшихся другъ съ другомъ.

Леонардъ ничего не отвѣчалъ. Онъ еще не отдохнулъ послѣ своего путешествія.

Монахъ продолжалъ:

— Ваше духовное развитіе подвинулось такъ далеко, что вамъ нужно спеціальное руководство. Исполняйте всѣ упражненія вмѣстѣ съ товарищами; а вотъ это пусть даетъ пищу для вашихъ уединенныхъ размышленій.

Онъ подалъ Леонарду нѣсколько листковъ въ зеленой обложкѣ.

— Каждое утро я буду приносить вамъ новые листки. Это дастъ вамъ поводъ, если вы захотите, поговорить со мной. Хорошо, если вы будете писать свои замѣтки, это послужитъ для васъ полезнымъ пособіемъ. Въ субботу, наконецъ, мы примемъ передъ лицомъ божіимъ неизмѣнное рѣшеніе. Понятно, вы можете, если пожелаете, для общей исповѣди обратиться къ священнику, который будетъ вашимъ руководителемъ во время уединенія. Но, я нахожу это не совсѣмъ удобнымъ. Онъ не знаетъ васъ такъ близко, какъ я. До свиданія, до завтра, мое милое дитя.

Леонардъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся монаху, силуэтъ котораго рисовался на пыльной дорогѣ болѣе чернымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Ну, что, войдемъ?—спросилъ Шеденъ, подходя.

— Насъ, значитъ, запрутъ здѣсь на три дня?—проговорилъ Леонардъ.

— Ба! тюрьма прехорошенькая!

Они вошли за рѣшетку.

Это были великіе дни, когда, съ спокойнымъ сердцемъ, среди ненарушимой тишины окружающей обстановки, они должны были судить о мірѣ на основаніи собственнаго невѣдѣнія и рѣшать судьбу всей своей жизни, своей души.

Никакихъ уроковъ, никакихъ классныхъ занятій; требовалось одно: молчаніе и размышленіе. Въ видѣ развлеченія—поученія монаха и молитвы по чоткамъ. Въ видѣ декораціи—садъ.

Въ первыя минуты это показалось имъ восхитительнымъ: они были со всѣхъ сторонъ окружены цвѣтами. Самыя аллеи превратились въ луга. Шеденъ отыскалъ копну свѣже-скошеннаго сѣна и вырылъ себѣ въ немъ пещеру. Берньеръ сидѣлъ около дома на скамейкѣ, и проходившіе по дорогѣ могли его видѣть. Леонардъ бродилъ по саду.

Его плѣнялъ этотъ садъ съ своими группами деревьевъ, вѣтви которыхъ безпорядочно переплетались. Чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ гуще становилась тѣнь. Не слышно было никакого шума,—полное затишье лѣтняго дня. Въ концѣ одной аллеи открылся вдругъ широкій горизонтъ: равнина, затѣмъ Новеръ, задернутый голубоватой дымкой, башни Сенъ Сира, выдѣляющіяся на голубомъ фонѣ, а подлѣ нихъ едва замѣтная колокольня Сенъ Луи де Гонзагъ...

Леонардъ остановился. Здѣсь онъ былъ въ полномъ уединеніи. Онъ усѣлся какъ можно удобнѣе среди высокой травы. Онъ принесъ съ собой листки отца Пропіака и книгу «Упражненій» Игнатія Лойолы съ замѣтками отца Роотгаана. Онъ нашелъ ее въ библіотекѣ г-жи Нонъ и взялъ себѣ на всякій случай; ему нравилась эта своеобразная латынь, какъ нравились раньше требникъ и богослужебныя книги. Онъ, впрочемъ, ничего не читалъ, онъ думалъ.

— Парижъ!—вертѣлось въ его головѣ,—я видѣлъ Парижъ!

Сначала въ памяти его мелькали смутные образы движенія и людей. Затѣмъ ясно выступили нѣкоторыя лица, Брюе и Артусъ. Онъ слышалъ ихъ голоса, вспоминалъ свои разговоры съ г. Артусомъ, его разсказы о путешествіяхъ. Вдругъ дрожь охватила его: драма началась. Онъ вспомнилъ, ради чего г. Артусъ вызвалъ его къ себѣ.

Леонардъ вскочилъ и началъ ходить. Строгое запрещеніе поступать въ монастырь смущало его меньше, чѣмъ странныя подозрѣнія опекуна. Въ немъ проснулось желаніе прямо и смѣло поглядѣть на вещи.

— Все возможно,—говорилъ онъ себѣ,—ты этого стоишь!

«Ты этого стоишь», такъ сказалъ г. Артусъ. Желанія Леонарда, его тщеславіе, его невыясненныя стремленія повторяли: «Ты этого стоишь».

Онъ испугался. Онъ хотѣлъ молиться. Молитва, это прибѣжище избранныхъ, не давалась ему.

— Боже мой! неужели я такъ измѣнился?—въ ужасѣ шепталъ онъ.

И онъ съ рѣшительнымъ видомъ взялся за листки отца Пропіака. Въ нихъ навѣрно была могущественная сила, которая поможетъ ему прогнать искушеніе.

Въ заголовкѣ стояло:

Размышленіе о равнодушіи ко всему созданному. Взглядъ Леонарда упалъ на первыя слова, напечатанныя курсивомъ. «Все, что существуетъ на землѣ, создано для человѣка, для того, чтобы помочь ему въ достиженіи той цѣли, для которой самъ онъ созданъ».

Леонардъ отбросилъ листки, возмущенный этою моралью. Внутренній голосъ въ глубинѣ его сердца дополнялъ и уяснялъ это изреченіе: «Растенія и камни, человѣческія существа и неодушевленные предметы, всѣ духи, все живое, все создано для тебя! Стремись къ своей цѣли. Все, что не ты, принадлежитъ тебѣ. Et reliqua super faciem terrae propter hominem creata sunt. Цѣль всѣмъ руководитъ, все извиняетъ».

Леонардъ снова сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы вырваться изъ подъ гнета сомнѣній. Онъ рѣшилъ не раздумывать. И безсознательно губы его прошептали:

— Парижъ! Я былъ въ Парижѣ.

Можно было подумать, что Парижъ сталъ для него высшею цѣлью, тою цѣлью, которую слѣдуетъ достигать съ помощью всего созданнаго.

Въ эту минуту всѣхъ находившихся въ уединеніи позвали слушать поученіе. Леонардъ пошелъ съ облегченнымъ сердцемъ. Можетъ быть, Богъ разрѣшитъ его сомнѣнія.

Это утро было посвящено разсмотрѣнію жизни; поученіе говорилъ отецъ Ане, проповѣдникъ во время «уединенія».

— Находимъ ли мы въ жизни причину существованія человѣка?—спрашивалъ онъ съ упорнымъ убѣжденіемъ ограниченнаго ума.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ самъ себѣ и въ горячей рѣчи доказывалъ суетность всего существующаго.

Ничто здѣсь на землѣ не можетъ утолить жажду души. Родители? Они сами говорятъ устами матери Маккавеевъ: «Не я дала вамъ духъ и душу, а Творецъ міра». Дружба? Пустое обольщеніе, исчезающее подъ вліяніемъ превратностей судьбы, лѣтъ, разлуки. Богатство? Звучное слово, символъ призрачнаго счастія.

Отецъ Ане описывалъ свѣтъ менѣе сурово, чѣмъ отецъ Гурманель. Для него это была не пучина гибели, а юдоль печали, безсознательный жерновъ, уничтожающій самыя дорогія мечты и желанія.

Леонардъ слушалъ. Одновременно съ словами проповѣди въ душѣ его возникали возраженія на каждое изъ нихъ:

— Нѣтъ, свѣтъ не таковъ, какимъ они его изображаютъ. Въ немъ побѣждаютъ сильные; онъ подчиняется тѣмъ, у кого есть воля. Г. Артусъ счастливъ; Брюе счастливъ; богатые счастливы.

— Боже мой! помоги мнѣ исполнить твои заповѣди! остаться твоимъ!

— Но тебѣ невѣрно толкуютъ эти заповѣди. Тебя обманываютъ. Помни, что говорилъ г. Артусъ.

— Боже мой! помоги мнѣ не сомнѣваться въ твоей волѣ! Помоги мнѣ опять стать такимъ, какимъ я былъ прежде!

Голосъ отца Ане становился все громче и тверже:

— Человѣкъ принадлежитъ Богу...

Онъ рѣзкими чертами изобразилъ это порабощеніе человѣка, продолжающееся даже за гробомъ, и закончилъ свое поученіе смиренной молитвой:

— Господи! Господи! Ты великъ, ты всесиленъ и непобѣдимъ! Господи! мы рабы твои и не осмѣлимся возстать на тебя! Аминь.

Юноши молча разошлись по саду.

Картина жизни, набросанная отцемъ Ане, жизни, исполненной бѣдствій, привела ихъ въ серьезное настроеніе. Болѣе прежняго неспокойный, Леонардъ вернулся въ свое цвѣтущее убѣжище.

Онъ сѣлъ, рѣшившись ничѣмъ не развлекаться и прочесть листки отца Пропіака.

Онъ снова перечелъ первую фразу и затѣмъ продолжалъ:

«Изъ этого вытекаетъ для человѣка обязанность пользоваться или не пользоваться всѣми созданіями только поскольку они помогаютъ ему или препятствуютъ въ достиженіи его цѣли. Поэтому мы должны прежде всего развить въ себѣ полное равнодушіе ко всему созданному, не давая, насколько это отъ насъ зависитъ, предпочтенія здоровью передъ болѣзнью, богатству передъ бѣдностью, почестямъ передъ униженіемъ, долгой жизни передъ короткой».

Леонардъ сталъ разбирать каждое слово, стараясь проникнуть въ его смыслъ съ безпристрастіемъ ученаго, изучающаго отвлеченную истину.

Послѣ отрывка, прочитаннаго имъ, шли комментаріи на основную идею Лойолы, на то, что онъ называлъ *Основой* своихъ *Упражненій*. Эти комментаріи не были популярнымъ

изложеніемъ, не давали пищи для легковѣснаго мистицизма; слогъ ихъ былъ лишенъ всякой образности, которая могла бы скрыть суровость смысла; они предназначались для избранныхъ, для тѣхъ душъ, которымъ нужно было дать послѣдній толчокъ, чтобы заставить ихъ *избрать* монашеское житье.

Итакъ, равнодушіе ставилось цѣлью.

Равнодушіе необходимо, такъ какъ располагать судьбою тварей значило нарушать права Творца, сомнѣваться въ предопредѣленномъ свыше ходѣ событій, предпочитать созданіе Создателю.

Равнодушіе необходимо, ибо нѣтъ добродѣтели безъ безусловнаго самоотреченія, нѣтъ сердечнаго мира при существованіи привязанностей, нѣтъ опасности, которая не имѣла бы своимъ источникомъ желаніе.

И какое равнодушіе! Оно распространялось на все безъ исключенія. Богъ требовалъ, чтобы человѣкъ относился съ одинаковымъ презрѣніемъ не только къ богатству, къ здоровью, къ почестямъ, но и къ талантамъ, къ уму, къ способностямъ, къ своей профессіи, къ успѣху своихъ предпріятій, къ общественнымъ дѣламъ, къ друзьямъ, къ семьѣ, къ родителямъ, ко всему своему настоящему и будущему.

Это было отреченіе отъ всего, уничтоженіе желанія, отрицаніе инстинкта, открытое возмущеніе противъ законовъ естественной и общественной нравственности.

Слѣдуетъ быть равнодушнымъ, говорилъ комментаторъ, до такой степени, чтобы, при извѣстіи о смерти отца или матери, испытывать не болѣе волненія, чѣмъ при извѣстіи о смерти посторонняго лица.

Слѣдуетъ быть, говорилъ онъ дальше, мягкой глиной въ рукахъ Небеснаго Художника, глиной, изъ которой онъ по своей волѣ дѣлаетъ сосудъ избранный или презрѣнный.

Все исчезло! Нѣтъ ни отечества, ни семьи, ни индивидуальности: человѣкъ превращенъ въ эгоистичную силу, сознающую исключительно цѣль и презирающую средства. Міръ является чѣмъ то вполнѣ развращеннымъ. Разъ все само по себѣ безразлично, т. е. не хорошо, и не дурно, то все есть лишь средство или можетъ стать имъ. Всякая тварь есть податливая матерія, которой можно придать какую угодно форму. Не существуетъ никакого равновѣсія между спасеніемъ человѣка и благосостояніемъ орудій этого спасенія. Авторъ шелъ еще дальше: онъ провозглашалъ необходимость борьбы. Настоящій монахъ долженъ возставать противъ законовъ природы. Наконецъ, въ видѣ блестящаго поясненія къ девизу: «Для вящшей славы божіей» разсужденіе заканчивалось слѣдующимъ правиломъ Игнатія Лойолы:

«Самое лучшее средство достигнуть совершенной добродѣ-

тели состоитъ въ томъ, чтобы борьбу предпочитать добродѣтели. Борьба желательнѣе, чѣмъ побѣда, такъ какъ стремленія къ добродѣтели могутъ быть обманчивыми, между тѣмъ какъ борьба это нѣчто реальное».

Леонардъ закрылъ глаза.

Воспоминаніе объ Іисусѣ Христѣ озарило его тихимъ свѣтомъ. Возможно ли, чтобы самый Милостивый изъ милостивыхъ, утѣшитель смиренныхъ и страдающихъ, Онъ, обѣщавшій величайшее счастіе милосерднымъ, возможно ли, чтобы Христосъ тоже предписывалъ презирать души ближнихъ?

Противъ положенія, требовавшаго равнодушія при извѣстіи о смерти матери, его сердце сироты тоже возмущалось. Онъ всталъ, наконецъ, обезсиленный.

— Никогда не признаю я этого!—вскричалъ онъ;—я не могу!

Серьезное значеніе словъ, сказанныхъ имъ, сразу поразило его. Не произнесъ ли онъ этимъ самымъ приговоръ своему призванію? Можно ли допустить, что оно существуетъ, если его такъ возмущаетъ простое изложеніе ученія св. Игнатія.

Рыданія душили его. Ему тяжело было думать, что онъ могъ такъ ошибиться въ своихъ собственныхъ желаніяхъ. Въ тоже время въ душу его закралось сомнѣніе. Тѣ комментаріи, которые онъ прочелъ, были ли они правильны? Онъ вспомнилъ разныя цитаты изъ св. Игнатія, гораздо менѣе ясно выраженныя. Можетъ быть, онѣ были преднамѣренно неправильно истолкованы? И вдругъ онъ почувствовалъ недовѣріе къ отцу Пропіаку.

На самомъ дѣлѣ, это недовѣріе началось съ пріѣзда провинціала; но до этого ужаснаго дняонъ еще ни разу ясно не сознавалъ его. При всѣхъ рѣшительныхъ минутахъ своей духовной жизни Леонардъ обращался къ отцу Пропіаку. Если онъ впалъ въ болѣзненный квіетизмъ, виновникомъ этого былъ тоже отецъ Пропіакъ. Кто указывалъ ему на монашескую жизнь, какъ на единственный путь къ спасенію? Отецъ Пропіакъ. И теперь развѣ онъ не склонялъ Леонарда взять его себѣ въ духовные отцы во время уединенія?

Эти самые листки были написаны его слогомъ. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ хотѣлъ хитростью овладѣть имъ, находя, какъ говорилъ г. Артусъ, что «добыча стоитъ труда».

Глаза Леонарда упали на книгу «Упражненій». Разъ онъ по внушенію провидѣнія принесъ съ собой эту книгу, слѣдовало сличить слова святого съ толкованіями монаха. Довольно посвятить одинъ часъ этому чтенію, и всѣ сомнѣнія разсѣются. Леонардъ схватилъ книгу, открылъ ее и... не рѣшился.

— Завтра,—подумалъ онъ,—лучше отложить до завтра, тогда я буду спокойнѣе.

Эта отсрочка, замѣнявшая горестную увѣренность мучитель-

ною неизвѣстностью, являлась до нѣкоторой степени антрактомъ въ его драмѣ.

Насталъ вечеръ, тихій и грустный. Въ одномъ изъ уголковъ сада помѣщалась статуя Богородицы. Воспитанники читали вечернія молитвы, стоя на колѣняхъ передъ нею. Надъ ихъ головами звѣзды благосклонно взирали на трепетное пламя восковыхъ свѣчей. Въ воздухѣ печально проносились летучія мыши. Подобно розамъ, падавшимъ съ кустовъ, падали святыя слова воззваній:

— Rosa mystica!

— Turris eburnea.

Послѣ этого юноши пошли въ дортуаръ, уставленный кроватями съ бѣлоснѣжными постелями. Кровать Шедена стояла между кроватями Леонарда и Берньера.

— Какъ показался вамъ сегодняшній день?—шопотомъ спросилъ Шеденъ.

— Счастливымъ,—отвѣчалъ Берньеръ.

— Длиннымъ,—прошепталъ Леонардъ.

Молчаніе снова водворилось.

Второй день уединенія. Только что всѣ встали, какъ явился братъ спросить Леонарда, не желаетъ ли онъ видѣть отца Пропіака.

— Нѣтъ, не сегодня...

— Въ такомъ случаѣ, онъ вамъ прислалъ вотъ это. Опять листки: «Разсужденіе о двухъ знаменахъ». Леонардъ посмотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ и отложилъ ихъ въ сторону. У него есть на сегодня другое, болѣе важное дѣло

Ужасное утро! Какъ будто угадавъ кризисъ, переживаемый Леонардомъ, отецъ Ане съ своею неизмѣнно кроткою улыбкой говорилъ о смерти и объ адѣ.

Всѣ тѣ страхи, какіе религіозное воспитаніе Сенъ Луи де Гонзагъ вселило въ души юношей, были вызваны его рѣчью и приняли ужасающіе размѣры. Онъ вызывалъ духовъ смерти, онъ говорилъ такія слова, которыя нельзя было слушать, не блѣднѣя.

Какъ ловко построены всѣ эти бесѣды!

Началось съ доказательства неизбѣжности смерти.

— На всякій вопросъ, касающійся жизни, можно дать одинъ только отвѣтъ: «быть можетъ».—Будете ли вы счастливы? Быть можетъ. Будете ли вы спасены? быть можетъ. Будете ли вы обладать талантами, славой или васъ ждетъ нищета, разочарованіе, отвращеніе отъ жизни? Быть можетъ. Но умрете ли вы? Да, несомнѣнно. Куда спастись отъ смерти? Будьте королемъ, будьте геніемъ, скройтесь въ дебряхъ пустыни, заползите, какъ червь, въ нѣдра земли, все равно! Смерть придетъ и найдетъ васъ. Ей одной принадлежитъ будущее, она же поглотила и

прошедшее. Что такое жизнь? клочекъ пѣны на берегу ручья, кучка пыли среди равнины, дымъ, уносимый и безъ слѣда развѣваемый вѣтромъ.

Рѣчь отца Ане—а онъ былъ изъ посредственныхъ ораторовъ, — звучала жгучимъ краснорѣчіемъ.

— Скажите себѣ: я умру, я умру! проникнитесь этимъ словомъ, охватите глубокое значеніе его.

И они проникались имъ. Онъ заставилъ ихъ войти въ полуосвѣщенную комнату умирающаго, осмотрѣть его смятую постель, всѣ вещи, которыя среди полумрака, казалось, кричали: ты умираешь, умираешь на всегда! Вокругъ кровати плачутъ родственники, суетятся огорченные слуги. Они слышатъ предсмертную икоту, они видятъ послѣднія судороги жизни...

Часы отбиваютъ секунды, и кажется, что это капаютъ слезы; воздухъ наполненъ рыданіями; священникъ взволнованнымъ голосомъ читаетъ отходныя молитвы; слышенъ хрипъ умирающаго...

Въ сложенныя руки вложено распятіе, и холодный металлъ какъ бы увеличиваетъ холодъ смерти! Несчастный чувствуетъ, что руки его цѣпенѣютъ, дыханіе колеблется, словно огонекъ, задуваемый вѣтромъ, онъ не можетъ стереть холоднаго пота, капли котораго текутъ по лицу его, онъ съ усиліемъ вздыхаетъ въ послѣдній разъ и вступаетъ въ невѣдомый міръ.

Отецъ Ане сдѣлалъ трагическій жестъ:

— Все кончено въ глазахъ человѣка. Передъ лицомъ Бога трагедія только начинается.

Онъ описалъ судъ и мученія ада.

По окончаніи проповѣди юноши, запуганные, растроенные, бродили по цвѣтущему саду. Каждый прислушивался къ біенію своего сердца, какъ будто сердце это грозило вдругъ остановиться. Они не могли сохранять молчаніе.

Шеденъ подошелъ къ Леонарду.

— Отецъ говорилъ очень хорошо,—замѣтилъ онъ.

Блѣдные отъ ужаса, они вспомнили, какъ мучительно было имъ, когда, послѣ смерти одного изъ монаховъ, ихъ водили молиться у его тѣла.

— Какъ можетъ Богъ предавать адскимъ мученіямъ свое собственное созданіе?—прошепталъ Леонардъ.

— На вѣчность, на всю жизнь!—проговорилъ Шеденъ, качая головой.

Ни малѣйшее сомнѣніе не закрадывалось въ ихъ души. Они не ощущали ничего, кромѣ ужаса.

— Какъ ты думаешь, можно спастись, живя въ мірѣ?—спросилъ Леонардъ.

— Я думаю, можно,—отвѣчалъ Шеденъ.

Леонардъ удалился.

Необходимость принять какое либо рѣшеніе не только не пугала его, какъ наканунѣ, а, напротивъ, успокоивала. Окружающая тишина и безмолвіе были ему пріятны; онъ открылъ книгу «Упражненій» Игнатія Лойолы и принялся внимательно читать ее. Нѣтъ! листки отца Пропіака не лгали! Всѣ эти «Упражненія» были удивительною исторіей равнодушія. Сухая и странная исторія; математическія формулы для искусственнаго вызыванія экстазовъ, воспроизведеніе святости тѣми средствами, какими вызываютъ нервный припадокъ.

Передъ Леонардомъ развернулась вся послѣдовательная лѣстница предписаній. Они всѣ выражены коротко, безъ всякихъ отступленій. Изрѣдка среди нихъ попадаются силлогизмы, смущающіе своею строгостью, и анализъ такихъ глубокихъ тайниковъ души человѣческой, что является желаніе убѣжать, какъ отъ слишкомъ проницательнаго взгляда.

Методъ цѣлесообразенъ, приспособленъ къ окончательному подчиненію душъ.

«Упражненіямъ» предшествовали примѣчанія, предназначенныя для учителей. Игнатій Лойола имѣлъ въ виду, что поучаемый не будетъ читать «Упражненій» одинъ. Духовный отецъ долженъ знакомить съ ними постепенно, сопровождая ихъ объясненіями, принаровленными къ характеру индивида и къ намѣченной цѣли. Не смотря на свои строгія рамки, они могутъ быть смягчены сообразно съ обстоятельствами.

Леонардъ сразу обратилъ вниманіе на одно изъ пояснительныхъ замѣчаній отца Роотгаана.

По мнѣнію отца, всѣ поучаемые должны быть раздѣлены на четыре категоріи: тѣ, которые желаютъ поучаться для того только, чтобы вернуть себѣ потерянное нравственное спокойствіе; тѣ, которые, обладая желаніемъ совершенствоваться, не одарены блестящими способностями; тѣ, которые одарены способностями, но увлечены мірскими заботами и не могутъ отъ нихъ отдѣлаться; тѣ, наконецъ, которые свободны отъ всякихъ заботъ, богато одарены умственными способностями и могутъ извлечь отмѣнную пользу изъ этого изученія.

Когда Леонардъ читалъ эти строки, ему казалось, что онъ слышитъ насмѣшливый голосъ г. Артуса. Онъ не сомнѣвается: его причисляютъ къ четвертой категоріи, къ категоріи способныхъ, отъ которыхъ ожидаютъ «отмѣнной пользы».

Въ душѣ его сразу явилось рѣшеніе вопроса, рѣшеніе опредѣленное, безъ всякихъ колебаній и отступленій. Онъ не будетъ іезуитомъ! Очевидный обманъ убилъ желаніе. Чтобы побудить его принять монашество, въ немъ развивали гордость, и теперь онъ изъ гордости отказывается отъ этого званія. Онъ не чувствуетъ болѣе религіознаго экстаза, онъ не хочетъ мо-

литься, онъ ни о чемъ не жалѣетъ. Все потонуло въ чувствѣ негодованія...

Его принимали за игрушку, но онъ не хочетъ быть жертвой обмана!

А смерть? а возможность адскихъ мукъ, которыя еще въ это утро подавляли Леонарда своимъ ужасомъ? Онъ и не думаетъ о нихъ.

Въ то же время онъ не чувствуетъ ни малѣйшаго удовольствія. Отъ пережитого прошлаго у него осталась одна только ненависть. Онъ ненавидитъ отца Пропіака. Онъ ненавидитъ его, не разбирая, нѣтъ ли другихъ виновныхъ, кромѣ него, не подозрѣвая даже, что этотъ священникъ не болѣе, какъ слабая единица, руководимая болѣе сильною волею. Онъ ненавидитъ его отъ всей души, и ни о чемъ не хочетъ разсуждать.

Для чего Леонарду продолжать чтеніе «Упражненій», разъ его рѣшеніе принято?

А между тѣмъ онъ продолжалъ читать. Онъ чувствовалъ необходимость все узнать. Книга, впрочемъ, не велика и выставляетъ свои положенія съ полнѣйшею откровенностью. Въ ней излагается извѣстная система безъ всякихъ умолчаній, безъ всякой двусмысленности. Латинскіе комментаріи выясняютъ ея смыслъ съ полною точностью.

Да, равнодушіе требуется Лойолой именно то, которое вчера такъ испугало Леонарда. Ни отечества, ни семьи, ничего, кромѣ Бога—таковъ законъ! Въ то время, когда Леонардъ еще мучится сомнѣніемъ, къ нему подходитъ отецъ Ане. Съ требникомъ въ рукахъ онъ обходитъ всѣхъ воспитанниковъ.

— Ну что, Леонардъ?—спрашиваетъ онъ,—молитесь ли вы Господу Богу?

Онъ произноситъ «Господу Богу» съ необыкновенною нѣжностью. Леонардъ дѣлаетъ неопредѣленный знакъ утвержденія, и монахъ идетъ дальше, шепча молитвы.

Леонардъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ: какъ онъ раньше не замѣтилъ полнаго равнодушія этого избранника? Его походка, его жесты, то неизмѣнное добродушіе, съ какимъ онъ предлагаетъ свои вопросы, все указываетъ на его презрѣніе къ жизни. Онъ заботится исключительно о спасеніи своей собственной души и учитъ другихъ, какъ достигнуть неба, только для того, чтобы самому попасть туда; и всѣ они такіе же: отецъ Буажоль со своею постоянною веселостью; отецъ Декюрвиль, мечтающій о вѣнцѣ мученика; отецъ Бартоленъ съ своею бархатною улыбкой; отецъ Сикстъ съ своею непреклонною строгостью,—всѣ одинаковы, всѣ равнодушны! Провинціалъ сказалъ правду: они трупы. И Леонардъ повторяетъ: Никогда!

Никогда не превратится онъ въ одного изъ служителей

этого организованнаго эгоизма! Никогда не станетъ онъ проводить жизнь въ обожаніи самого себя.

А между тѣмъ «Упражненія» съ неумолимою точностью, подробно излагали тотъ методъ, посредствомъ котораго можно было достичь этого. Они давали правила для самонаблюденія, для испытанія совѣсти, для молитвы. Нѣкоторые совѣты, между прочимъ, поражали своею странностью: надобно размышлять о Богѣ въ темнотѣ, всего лучше стоя на колѣняхъ; одинъ вопросъ лучше изучать среди ночи, другой днемъ.

Весь этотъ сводъ правилъ былъ не столько училищемъ благочестія, сколько руководствомъ къ порабощенію человѣческой воли. Къ концу чтенія Леонардъ понялъ, какое захватывающее вліяніе можетъ имѣть такая система.

Въ сердцѣ его, взамѣнъ мучительнаго самоотреченія, вдругъ проснулось увлеченіе надеждой. Онъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенное желаніе жить. Тамъ, въ Неверѣ, вечерніе сумерки начинаютъ окутывать безмолвные дома. Дальше, за видимымъ горизонтомъ предчувствуется необъятное пространство. И Леонардъ упорно глядитъ за предѣлы провинціальнаго городка, уснувшаго подъ звуки Angelus'а. Онъ ищетъ глазами Парижъ!.. Призваніе его умерло, болѣе чѣмъ умерло: онъ его презираетъ!

Третій день уединенія былъ посвященъ «*избранію*».

Доказавъ суетность жизни и значеніе исключительно одной только смерти, отецъ Ане приглашалъ юношей избрать себѣ поприще въ жизни.

— Ихъ всего только два,—говорилъ онъ, чтобы упростить задачу—духовное званіе и жизнь въ мірѣ.

Первое представляло полную возможность спасти душу; во второй—встрѣчалось безчисленное множество опасностей.

Леонардъ слушалъ спокойно. Сердце его не могло уже измѣниться. Кромѣ того, онъ не сомнѣвался, что можно спастись и живя въ мірѣ. Напротивъ, вѣроятно, чтобы оправдать свое отступничество—а развѣ онъ не былъ отступникомъ?—онъ мечталъ вести жизнь вполнѣ христіанскую, честную, благочестивую.

Вечеромъ онъ написалъ отцу Пропіаку:

«Вы были правы, отецъ, обѣщая мнѣ, что Господь Богъ окажетъ мнѣ свою помощь. Теперь я ясно вижу свою душу. По зрѣломъ размышленіи я понялъ, какъ мало способенъ къ тому совершенству, которое вы для меня желали. Я отказываюсь отъ него, исполненный надежды на милость божію, убѣжденный, что, и живя въ мірѣ, могу полезно трудиться для спасенія души своей. Я безъ всякаго сожалѣнія пришелъ къ этому рѣшенію. Оно неизмѣнно, и всякіе дальнѣйшіе разговоры по этому поводу будутъ безполезны. Вы

мнѣ простите, если я перестану обращаться къ вамъ, какъ къ руководителю моей совѣсти. Я остаюсь тѣмъ не менѣе убѣжденнымъ, что лишь горячая доброта заставила васъ преувеличить мои слабыя достоинства.

Леонардъ Кланъ».

Въ этомъ состояли всѣ тѣ замѣтки, которыя онъ написалъ въ дни «уединенія».

Настало, наконецъ, воскресенье, лѣтнее воскресенье, такое же лучезарное, какъ и предшествовавшіе дни. Учебный годъ заканчивался обѣдней. Всѣ ученики собрались для торжественнаго принятія св. таинъ. Все было тоже, что годъ тому назадъ на праздникѣ конгрегаціи, когда Леонардъ получилъ званіе префекта и первый разъ сталъ мечтать о призваніи.

Делестанъ стоялъ на обычномъ мѣстѣ, разсѣянный, какъ всегда; Лани тоже, невозмутимо спокойный; Берньеръ былъ, повидимому, погруженъ въ добросовѣстное чтеніе молитвъ, и Шеденъ, и Серве, и Рандаль... Каждый изъ нихъ чувствовалъ въ глубинѣ души смутное волненіе, какъ при отъѣздѣ, каждый по своему мечталъ о предстоявшей жизни.

Леонардъ опустился на колѣни.

— О, Іисусе!—шепталъ онъ,—я не измѣнился! Погибло только мое заблужденіе; но я вѣренъ тебѣ, и останусь вѣрнымъ навсегда.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Подъ шумъ дождя.

Милый ребенокъ! Когда ты невнятно
Шепчешь мнѣ дѣтскія сказки свои—
Я отдыхаю... О, какъ пріятно
Видѣть порывы невинной души!

Сколько поэзіи въ лепетѣ нѣжномъ:
Все-то готовъ ты, дружокъ, золотить,
Все-то сердечкомъ своимъ безмятежнымъ
Съ вѣрой слѣпою готовъ полюбить.

«Видишь, вонъ небо вдали голубое?—
Божинька добрый на небѣ живетъ,
Онъ ангелочками правитъ въ покоѣ,
Съ ними на землю къ намъ счастіе шлетъ.

«Ночью на небѣ они зажигаютъ
Звѣздочки свѣтлой, веселой толпой:
Къ намъ онѣ съ неба мигаютъ, киваютъ
Часто головкой своей золотой.

«Если-же звѣздочка падаетъ съ неба—
Это на ней ангелочекъ летитъ,
Онъ къ намъ на землю съ котомкою хлѣба
Въ хижину къ бѣдному быстро спѣшитъ.

«Видишь—вонъ мѣсяцъ изъ тучъ выплываетъ—
Богъ ему сторожемъ быть приказалъ;
Вотъ онъ не спитъ по ночамъ—наблюдаетъ,
Сильный чтобъ слабаго не обижалъ.

«Въ прошломъ году, какъ скончалася Маша
Долго я плакалъ, метался безъ сна,
Но мнѣ тогда объяснила мамаша,
Будто-бы ангеломъ стала она!

«Мама цвѣточки мнѣ рвать не велѣла;
Правда-ли будто у гадкихъ дѣтей
Божинька души беретъ изъ ихъ тѣла
И ихъ въ цвѣточки вдуваетъ скорѣй?..

«Вотъ почему ихъ и рвать не годится—
Слезы въ ихъ чашечкахъ утромъ блестятъ,
Нужно намъ, дѣтямъ живымъ, помолиться,
Чтобы Богъ жизнь возвратилъ имъ назадъ.

«Шепчутся грустно цвѣточки съ собою:
Мнѣ-бы хотѣлось подслушать разокъ,
Выбравшись въ садикъ порою ночною,
Что говоритъ... хоть анютинъ глазокъ!?

Горько словамъ я твоимъ улыбаюсь
И всѣми силами, всею душой
Прочь отогнать отъ себя я стараюсь
Мыслей печальныхъ знакомый мнѣ рой.

Милый ребенокъ! Когда ты, играя,
Шепчешь мнѣ дѣтскія сказки свои—
Горькимъ сознаньемъ томлюсь я, страдая:
Жизнь вѣдь развѣетъ всѣ грезы твои!

Полнымъ горячей любви и свободы
Выйдешь ты рано на жизненный путь,
Но—непосильною ношей—невзгоды
Съ первыхъ шаговъ истомятъ твою грудь,

Если, измученъ безплодной борьбою,
Станешь подъ сильной рукой погибать—
Мѣсяцъ, не сжалится другъ, надъ тобою,
О, не придетъ онъ тебя защищать!

Если ты, ежась въ каморкѣ холодной,
Съ позднихъ работъ возвратяся къ себѣ,
Ляжешь на жесткое ложе голодный—
Ангелъ не явится съ хлѣбомъ къ тебѣ!

Мама не будетъ шептать тебѣ сказки,
Мама не будетъ тебя цѣловать,
И безъ любви, утѣшеній и ласки,
Будешь одинъ ты и жить, и страдать.

Звѣзды не станутъ кивать тебѣ въ небѣ
И, равнодушныя, будутъ блестѣть,
Ты, погруженный въ заботы о хлѣбѣ,
Холодно будешь на небо глядѣть.

И не услышишь ты шопота розы,
Что въ твоемъ садикѣ пышно растетъ;
Сила житейской и сѣренькой прозы
Сѣтью желѣзной тебя окуетъ.

А. Гальперинъ.

Философскія воззрѣнія Огюста Конта.

(По поводу столѣтняго юбилея).

Отдѣльное разсмотрѣніе *философскихъ* воззрѣній Ог. Конта самимъ отграниченіемъ темы опредѣляетъ характеръ предстоящей задачи. Если общая совокупность воззрѣній Ог. Конта остается безъ разсмотрѣнія, то тѣмъ самымъ устраняется изъ круга изслѣдованія все то, что относится къ *біографіи* Конта, все то, что можетъ служить для установленія *психологическаго единства* его міровоззрѣнія. Отдѣльное разсмотрѣніе философскихъ воззрѣній Конта неизбѣжно выходитъ за предѣлы его біографіи и принимаетъ *историческій* характеръ; оно приводитъ ко включенію философскихъ воззрѣній Конта въ рядъ *научно-философскихъ* воззрѣній нашего вѣка, какъ части соотносительнаго цѣлаго, и для критической оцѣнки этихъ воззрѣній требуетъ разъисканія одного лишь *методологическаго* ихъ *единства*.

Философскія воззрѣнія Ог. Конта излагались у насъ такое многое множество разъ, что я считаю себя вправѣ отнестись къ нимъ, какъ къ общеизвѣстнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, «законъ трехъ состояній», раздѣленіе наукъ на «абстрактныя» и «конкретныя», линейный «іерархическій» рядъ «классификаціи наукъ»,—все это пользуется у насъ большою популярностью. Я не стану поэтому тратить время на изложеніе основоначалъ Контовой философіи, а прямо приступлю сперва къ установленію правильности выдѣленія философскихъ воззрѣній изъ общей совокупности положеній, образующихъ доктрину Ог. Конта, иначе говоря,—къ констатированію отсутствія методологическаго единства этихъ послѣднихъ, а затѣмъ займусь и самыми философскими воззрѣніями.

Итакъ, первымъ вопросомъ, подлежащимъ нашему разсмотрѣнію является вопросъ о томъ, какъ понималъ самъ Контъ значеніе методологическаго единства своей системы.

«Цѣль этого курса», говоритъ онъ, «заключается вовсе не въ томъ, чтобы представить всѣ естественныя явленія тождественными помимо разнообразія обстоятельствъ. Позитивная философія стала бы, конечно, совершеннѣе, еслибы это было возможно, но условіе это вовсе не является необходимостью, ни для ея систематическаго

уклада, ни для осуществленія великихъ и счастливыхъ послѣдствій, долженствующихъ изъ нея проистечь. Для всего этого нѣтъ надобности въ другомъ единствѣ, какъ *только въ единствѣ метода*,— единствѣ, которое *можетъ* и, очевидно, *должно* существовать, и которое большею частью уже и установлено. Что же касается до ученія, то нѣтъ надобности, чтобы и оно было едино; довольно и того, что оно будетъ *однородно*. Вотъ съ этой-то двойной точки зрѣнія *единства метода* и *однородности ученія* мы и разсматриваемъ въ этомъ курсѣ различные отдѣлы позитивныхъ теорій». (Cours I. 1). Контъ остался вѣренъ этому взгляду вплоть до конца «курса» и въ заключительной главѣ его, говоря о научномъ и логическомъ единствѣ позитивныхъ воззрѣній, какъ дѣлѣ будущаго. настаиваетъ на «*позитивности*», какъ самыхъ низшихъ, такъ и самыхъ высшихъ *понятій, изъ которыхъ слагается его философія*, и самымъ рѣшительнымъ образомъ *отвергаетъ* и *малѣйшую даже примѣсь* къ нимъ какой бы то ни было *философіи* съ его философіей *неоднородной*. Онъ говоритъ затѣмъ о конечномъ обновленіи человѣческаго разума, усматривая это обновленіе въ рѣшительномъ *преобладаніи разума надъ воображеніемъ*, и утверждаетъ, что при этомъ условіи знаніе наше получитъ характеръ *чистой относительности*. Это чисто - относительное знаніе въ связи съ преобладающимъ значеніемъ общественной точки зрѣнія установитъ по отношенію къ дѣйствительности, абсолютное раскрытіе которой никогда не совершится, *рядъ приближеній*, настолько удовлетворительныхъ, насколько то окажется возможнымъ въ каждую данную эпоху человѣческой эволюціи. (Cours, VI, LIX).

Изъ этого видно, что краеугольнымъ камнемъ всей системы является *единство метода*, на немъ строится *однородность ученія*, для которой единство даже и не представляется необходимымъ или обязательнымъ.

Избирая кратчайшій путь для уясненія вопроса о томъ, было ли Контомъ осуществлено единство метода и удалось ли ему сохранить однородность ученія, я обращаюсь къ его взгляду на роль гипотезъ въ позитивной философіи. Взглядъ этотъ, какъ то само по себѣ и очевидно, долженъ отличаться чрезвычайною осторожностью. Ничего вѣдь не можетъ быть легче, какъ создать фиктивное единство ученія упущеніемъ изъ виду нарушенія въ единствѣ метода. Нѣтъ мѣры той осмотрительности, которою долженъ тутъ быть гарантированъ каждый шагъ, каждое движеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, пока Контъ остается истинно позитивнымъ философомъ, онъ строго блюдетъ всевозможную осмотрительность. Въ теченіе этого періода онъ усматриваетъ значеніе гипотезъ въ томъ, что онѣ являются упрежденіемъ результатовъ научнаго изслѣдованія и представляются лишь гадательными предположеніями. Въ этомъ смыслѣ Контъ считаетъ ихъ обходомъ затрудненія и средствомъ значительнаго ускоренія хода изслѣдованія. «Пользованіе

этимъ могущественнымъ искусственнымъ средствомъ, говоритъ онъ, должно быть однакоже всегда подчинено тому основному условію, несоблюденіе котораго могло бы, напротивъ того, замедлить развитіе нашихъ познаній. Это условіе, подвергавшееся до сихъ поръ лишь неопредѣленному обслѣдованію, заключается въ допущеніи *однихъ только такихъ гипотезъ*, которыя по природѣ своей *способны къ положительной провѣркѣ*, хотя болѣе или менѣе и отдаленной, но во всякомъ случаѣ неизбѣжной, и которыя степенью своей точности всегда строго гармонируютъ съ предъявляемымъ соотвѣтствующими изслѣдованіями требованіемъ». Отступленіе отъ этого условія могло бы, по мнѣнію Конта, вывести гипотезы изъ истинно-научной области и сдѣлать ихъ *вредными*. «Всѣ добропорядочные умы признаютъ въ настоящее время, говоритъ онъ, что дѣйствительное изученіе природы строго ограничивается изслѣдованіемъ явленій въ видахъ открытія дѣйственныхъ законовъ ихъ, т. е. постоянныхъ соотношеній ихъ сосуществованія и сходства и, что изслѣдованіе это никакъ не можетъ относиться ко внутренней природѣ явленій,—къ ихъ первой или конечной причинѣ, или же къ ихъ происхожденію. Не могутъ же чисто-произвольныя предположенія (т. е. гипотезы) получить большее значеніе! Такимъ образомъ, всякая гипотеза, остающаяся въ этихъ границахъ и поэтому подлежащая обсужденію, ни въ какомъ случаѣ не должна относиться къ происхожденію явленій, а имѣть въ виду одни лишь заправляющіе ими законы». (Cours, II, XXVIII).

Переходя теперь ко второй части дѣятельности Ог. Конта, мы обратимъ прежде всего вниманіе на то, въ какой мѣрѣ «осуществленіе великихъ и счастливыхъ послѣдствій», долженствовавшихъ проистечь изъ философскихъ воззрѣній Конта, дѣйствительно проистекло изъ нихъ и въ какой мѣрѣ оправдалось руководительное убѣжденіе первой части о *единствѣ* метода, — единствѣ, которое можетъ и должно существовать независимо отъ единства ученія, долженствующаго быть лишь только *однороднымъ*. Слѣдя за осуществленіемъ этихъ тезисовъ, мы увидимъ—удалось ли Конту возвести къ *позитивности*, понятіе которой было ясно и прочно установлено въ первой части, положенія второй части, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшимъ—является-ли эта часть тѣмъ дѣйствительнымъ *обновленіемъ*, въ которомъ нельзя констатировать и *малѣйшей даже примѣси философіи* съ позитивною философіею *не однородной*.

Сравнивая то, что было написано Контомъ послѣ 45-го года, съ тѣмъ, что было написано имъ ранѣе, нельзя не быть пораженнымъ — не говорю несходствомъ, несогласіемъ, дисгармоніей,— нѣтъ, *контрастомъ* между произведеніями этихъ двухъ періодовъ. И если — какъ это всегда и признавалось, начиная съ Литтре и Милля вплоть до нашего времени—позднѣйшія произведенія Конта и содержатъ въ себѣ нѣчто, представляющее отблескъ позитивной философіи, то нельзя не видѣть, что центръ тяжести

міросистемы рѣшительно перемѣстился и, что уже *не методъ*, а *ученіе* представляется преобладающимъ и господствующимъ. Болѣе того, методъ пожертвованъ ученію, являющемуся выработаннымъ, установленнымъ и авторитетно санкціонированнымъ *вопреки* прежнему, *позитивному* методу и въ силу метода новаго, ничего общаго съ прежнимъ, позитивнымъ, научнымъ методомъ не имѣющаго.

И въ самомъ дѣлѣ, теперь уже дѣло не идетъ о подчиненіи воображенія разуму, а, напротивъ того, разумъ подчиняется воображенію и «продолжительному возмущенію разума противъ сердца» полагается конецъ. Итакъ, подобно тому, какъ въ «доброе» старое время, философія была служанкой потребностей сердца, вдохновлявшагося традиціей, такъ и теперь она вновь вступаетъ въ эту роль, отличающуюся отъ прежней только тѣмъ, что традиція оказывается замѣщенною настроеніемъ самого Конта, являющагося въ роли первосвященника человѣчества.

Пробнымъ камнемъ новой фазы опять таки является теорія гипотезъ, такъ какъ въ ней, какъ въ зеркалѣ, отражается нарушеніе единства метода, пріобрѣтенное цѣною фиктивнаго единства ученія. Въ новомъ взглядѣ на гипотезы мы хотя и встрѣчаемъ прежнее положеніе, что гипотезы-де вырабатываются согласно съ совокупностью пріобрѣтенныхъ ранѣе знаній, но положеніе это, утопая въ массѣ другихъ, принципіально его отвергающихъ, превращается въ пустую, ничего не значущую, фразу. И дѣйствительно, теперь намъ уже говорятъ, что «изложеніе вовсе не нуждается непремѣнно въ абсолютной точности», что «разуму, въ видахъ удовлетворенія его склонностей, слѣдуетъ предоставить извѣстную свободу», что «истинно-характеристическое обобщеніе получается лишь съ помощью отвлеченія, болѣе или менѣе разрушающаго реальность воспріятій». Такимъ образомъ, придавая зеркалу, отражающему дѣйствительность, пагубную для него кривизну, Контъ не только не смущается ея послѣдствіями, но санкціонируетъ ихъ. Онъ утверждаетъ, что «истина должна быть достигнута лишь постольку, поскольку она удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ, и что затѣмъ намъ остается извѣстная теоретическая *свобода*, которою мы и будемъ безбоязненно пользоваться въ цѣляхъ *украшенія* нашихъ научныхъ понятій и приданія имъ такимъ образомъ наибольшей полезности». Это реагированіе прекраснаго на истинное особенно важно, по мнѣнію Конта, для высшихъ научныхъ положеній, прямо относящихся къ человѣчеству (Pol. pos. I, p. 301). Изъ всего этого видно, что гипотеза у Конта незамѣтно перешла въ правомѣрный методъ и сознательно поспособствовала извращенію ученія. О какихъ же аргументахъ, доводахъ и доказательствахъ можетъ быть рѣчь, когда «указаніе на необходимость доказательствъ представляется для Конта лишь *возмущеніемъ живыхъ противъ умершихъ*». Но не очевидно-ли, что еслибы и умершіе, въ свое время, разсуждали точно такимъ же образомъ, то

кто же и когда сломилъ бы молчанія печать? Удѣломъ человѣчества давно стало-бъ такимъ образомъ безмолвіе Нирваны!

Разъ гипотеза потеряла считавшуюся ранѣе неотъемлемою провѣряемость и стала источникомъ окрашиванья научныхъ положеній, приспособляемыхъ къ служенію потребностямъ сердца,—вся система смѣщается съ прежняго пути и весь укладъ ея извращается до полной неузнаваемости. Методъ перестаетъ уже сдерживать воображеніе и прилаживается къ произвольной игрѣ его, узурпирующей мѣсто, отведенное возведенному къ «позитивности» «ученію», и вся система въ концѣ концовъ совершенно измѣняетъ свою физіономію. Самъ Контъ, впрочемъ, и не скрываетъ этой эволюціи, а сознательно способствуетъ ей переработкою прежнихъ положеній въ новыя и тщательнымъ выполненіемъ всѣхъ пробѣловъ, считавшихся, въ первомъ періодѣ его дѣятельности, и неизбѣжными, и предохранительными по отношенію къ «неоднороднымъ» примѣсямъ. Такой процессъ Контъ называетъ *устраненіемъ изъ науки ея сухости* и ассоціированіемъ ея съ чувствомъ. «Необходимо», говоритъ онъ, «усовершенствовать наше единство посредствомъ пополненія *научныхъ понятій поэтическими вымыслами* и развитіемъ симпатичныхъ эмоцій и эстетическихъ вдохновеній». Мало того, «необходимо, чтобы область вымысловъ стала столь же систематична, какъ и область доказательствъ, такъ чтобы ихъ взаимная гармонія оказалась сообразною ихъ соотносительнымъ назначеніямъ, одинаково направленнымъ къ подъему личнаго и общественнаго единства».

Рядъ установленій, опирающихся на всѣ эти ниспровергающія основы первой части положенія, слишкомъ длиненъ для полнаго перечисленія всѣхъ его отдѣльныхъ частей. Начиная со «включенія» фетишизма въ систему позитивной философіи, присвоенія людямъ науки званія жрецовъ и возведенія ихъ вмѣстѣ съ банкирами до самой высшей ступени общественнаго строя, вплоть до, такъ называемой, «мозговой гигіены», не допускающей чтенія сочиненій Лукреція, Лукіана, Рабле, Шиллера, Шелли, урѣзывающей Шекспира, Гете и Байрона (изъ сочиненій котораго совсѣмъ выключается «Донъ-Жуанъ) и навязывающая чтеніе сочиненій Ѳомы Кемпійскаго, Шатобріана, Боссюэта, «Макробіотики» Гуфланда и «Трактата о папѣ» де-Мэстра, не говоря уже о восхваленіи охранительныхъ мѣръ противъ ввоза въ Россію иностранныхъ книгъ,—все тутъ рѣзко и ярко отвергаетъ тѣ высшіе интересы человѣчества, пути къ познанію которыхъ были выработаны и выяснены въ «Курсѣ позитивной философіи». Если въ немъ Контъ скромно и съ достоинствомъ заявлялъ, что «неисполнимое для отдѣльнаго ума и отдѣльной жизни можетъ однако быть предъявлено отдѣльною личностью какъ ясное предложеніе»; то въ позднѣйшее время онъ ужъ не предъявлялъ предложеній, а, опираясь на приписываемую себѣ духовную власть, декретировалъ поставленные

внѣ критики и совершенно непререкаемые догматы, такъ же какъ и внушаемыя гипертрофіей его жреческаго самосознанія санкціи, вродѣ, напримѣръ, той, которою онъ увѣнчалъ совершенный Наполеонъ III знаменитый декабрьскій переворотъ. Если эта санкція и есть въ самомъ дѣлѣ послѣднее слово позитивной философіи, то самъ собою возникаетъ вопросъ о томъ, въ чемъ же слѣдуетъ намъ видѣть связующее звено между высшими интересами человѣчества и принципами этики героя знаменитаго coup d'état?

Тщетно станемъ мы искать отвѣта на этотъ роковой вопросъ! Распаденіе позитивной системы на двѣ части, недопускающія ихъ методологическаго объединенія, до такой степени очевидно, что противъ него никогда и не было выставлено никакихъ серьезныхъ возраженій. И въ самомъ дѣлѣ, споры имѣютъ почву лишь по вопросу о единствѣ *психологическомъ*, т. е. возникаютъ лишь тогда, когда разсмотрѣніе философскихъ воззрѣній Конта переносится въ область его біографіи. Что же касается единства *методологическаго*, то его поддерживаютъ одни лишь «вѣрующіе» въ первосвященническую миссію Конта ученики его, эти особаго рода «позитивисты», заслуги которыхъ относятся въ большей степени къ мѣрамъ сохраненія квартиры и вещей Конта, нежели къ развитію его ученія, да, кромѣ ихъ, еще тоже особаго рода біографъ Конта, іезуитскій патеръ Германъ Груберъ, прилагающій все свое стараніе для установленія связи между обѣими частями системы Конта для вящшаго подавленія значенія первой посредствомъ второй. Груберъ можетъ, пожалуй, лелѣять и ту еще мечту, что всѣ мистическія дорожки ведутъ неизбѣжно въ Римъ; но стороннему наблюдателю, чуждому предвзятыхъ мнѣній и традиціонныхъ мечтаній, представляется полная возможность подойти къ философскимъ воззрѣніямъ Конта прямымъ путемъ, минуя какъ прекраснодушіе контовскихъ фамулусовъ, такъ и двоедушіе «себѣ на умѣ» біографа. Мало того, не можетъ подлежать сомнѣнію и полная возможность не останавливаться и передъ мнѣніемъ Льюиса, указывающаго въ «Курсѣ позитивной философіи» такія черты, которыя можно разсматривать какъ предвѣстники окончательно сложившагося потомъ характера «Позитивной политики» и др. позднѣйшихъ сочиненій, которыя—замѣтимъ при этомъ—самимъ Льюисомъ отвергаются. Мы можемъ обойти мнѣніе Льюиса, говорю я, потому, что мнѣніе это имѣетъ во всякомъ случаѣ лишь біографическое значеніе. Разъ Контъ провозгласилъ, что позитивная философія обосновывается *на наукѣ*, онъ привлекъ въ качествѣ краеугольнаго камня всего воздвигнутаго имъ зданія такой элементъ, который находится совершенно внѣ сферы его вліянія и воздѣйствія, который стоитъ выше его собственныхъ личныхъ взглядовъ, сужденій и вкусовъ и различеніе котораго отъ этихъ взглядовъ, сужденій и вкусовъ не представляетъ никакого затрудненія. Поэтому, когда мы противополагаемъ вторую часть дѣятельности Конта, исключительно складывающуюся изъ личныхъ взглядовъ, сужденій и вку-

совъ, первой, то мы противополагаемъ ее не проблескамъ этихъ же составныхъ ея элементовъ, тамъ-сямъ испещряющихъ позитивную философію, а тому именно основному фонду, который имѣетъ значеніе наслѣдія опыта всей умственной жизни человѣчества, а не проявленія изчезающихъ въ массѣ цѣлаго мелкихъ подробностей.

Теперь, для завершенія этой части моего разсужденія, мнѣ остается только поставить вопросъ: какое значеніе могутъ имѣть для моей аргументаціи ссылки на біографическія данныя? Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всѣ вообще подлежащія оцѣнкѣ произведенія гораздо чаще приходится разсматривать внѣ всякой связи съ біографическимъ матеріаломъ, чѣмъ въ большей или меньшей связи съ нимъ. Біографическій матеріалъ очень часто чрезвычайно скуденъ и очень часто совсѣмъ отсутствуетъ. Уже вокругъ именъ XVII столѣтія царитъ глубокая тьма; восходя же далѣе встрѣчаютъ однѣ только даты рожденія и смерти, а еще далѣе—не встрѣчаются и эти указанія. Такимъ образомъ, сведеніе продуктовъ умственной дѣятельности къ индивидуальностямъ творящихъ личностей оказывается возможнымъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и всего чаще приходится обходиться вовсе безъ нихъ. Кромѣ того, случается, что сами авторы принимаютъ мѣры къ сведенію на минимумъ относящагося до нихъ біографическаго матеріала. Заботы Джорджъ Эллiотъ въ этомъ направленіи шли такъ далеко, что «не было бы ничего удивительнаго»—какъ замѣтилъ по этому поводу Джонъ Морлей—еслибъ мы встрѣтили у нея желаніе ограничить біографическій матеріалъ только одними своими сочиненіями (Critical Miscelanies by John Morley. 1886, vol. III, p. 94). Все это наводитъ на мысль, что и оцѣнка произведеній Конта можетъ ничего не проиграть отъ выключенія біографическаго матеріала изъ числа данныхъ, которыми намъ предстоитъ пользоваться. И въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе для этой оцѣнки можетъ получить сведеніе отсутствія методологическаго единства въ общей совокупности воззрѣній Конта на тотъ или другой психологическій моментъ? Что изъ того, что Вентигъ, напримѣръ, укажетъ намъ на присущее всѣмъ вообще психологическимъ крайностямъ стремленіе нейтрализоваться путемъ перехода изъ одной въ другую? Какое пріобрѣтеніе получимъ мы отъ заявленія Дюринга о возрожденіи у Конта аффектовъ ранней поры его жизни? И не болѣе ли дастъ намъ и Милль, видящій причину перемѣны умонастроенія Конта въ ослабленіи его умственныхъ способностей, или Литтре и Эрданъ, усматривающіе у него душевную болѣзнь, или, наконецъ, Ломброзо, указывающій даже специфическія формы этой болѣзни—манію величія и нравственное помѣшательство *). Все это подлежитъ разсмо-

*) См. August Comte und seine Bedeutung fur die Entwicklung der Socialwissenschaft. Von Dr. Heinrich Waentig. 1894.—E. Dühring. Kritiche Geschichte der Nationalökonomie und des Sociaismus. 1875.—

тренію біографовъ; для моей же задачи, такіе вторичные моменты, появляющіеся на сцену *послѣ* прямой и непосредственной оцѣнки подлежавшихъ обсужденію данныхъ, лишены значенія. Мы можемъ даже счесть ихъ къ рѣшенію нашего вопроса и вовсе не относящимися, такъ какъ мнѣ представляется совершенно излишнимъ вводить это рѣшеніе въ связь съ шаткими и спорными мнѣніями біографовъ. Я не нахожу притомъ никакой надобности выжидать, пока біографы разберутся среди нагроможденныхъ передъ ними противорѣчій и предпочтутъ, напримѣръ, судебно-медицинскія свидѣтельства одной стороны прямо имъ противорѣчащимъ свидѣтельствамъ другой. Я еще менѣе склоненъ упреждать рѣшеніе, которое, быть можетъ, никогда не наступитъ. Въ данный же моментъ, попытка, поставившая себѣ цѣлью уяснить этотъ вопросъ, только и совершила, что поспособствовала его затемнѣнію. Противникъ мнѣнія Литтре—г. Дюма—помѣстилъ въ «Revue philosophique» за нынѣшній годъ статью, въ которой онъ старается реабилитировать память Конта отъ нареканій Литтре и усиливается доказать, что хотя самъ Контъ и говоритъ о трехъ, пережитыхъ имъ кризисахъ, но на самомъ дѣлѣ это безразличное пользованіе однимъ и тѣмъ же терминомъ не означаетъ еще однородности соотносительныхъ фактовъ. На самомъ дѣлѣ, послѣдній кризисъ былъ, по увѣренію Дюма, «кризисомъ любви» (une crise d'amour) и такимъ и остался, не переходя ни въ какую психопатологическую форму. Если мы и допустимъ, что ясность біографіи Конта выиграла отъ толкованія кризисовъ въ статьѣ Дюма, то намъ придется еще остановиться надъ вопросомъ о томъ, много ли выиграла память Конта отъ той картины его умственнаго состоянія, которую рисуетъ Дюма. Въ самомъ дѣлѣ, давая отчетъ объ эпизодѣ, содержаніемъ котораго является «кризисъ любви», Дюма представляетъ виновницу этого кризиса, Клотильду де Во воплощеніемъ такого умственнаго убожества и такой бездарантливости, что непомѣрныя восхваленія, расточаемыя по ея адресу Контомъ, неизбѣжно получаютъ крайне удручительное для памяти Конта значеніе. Дюма представляетъ г-жу де Во безталантливой писательницей, занимавшейся литературою съ большею долею охоты, нежели успѣха, писавшей лишенныя интереса и значенія повѣсти и сокрушительно глупыя стихотворенія (quelques vers... d'une désolante niaiserie). И вотъ, эта-то самая Клотильда де Во является подъ перомъ Конта «способною усваивать по своему самыя возвышенныя общественныя понятія», создательницей чудныхъ строфъ, сладости которыхъ позавидовалъ бы Петрарка, талантомъ разнообразнымъ и гибкимъ, призваннымъ къ высшимъ проявленіямъ

E. Littré. Auguste Compte et la philosophie positive. 1863.—A. Erdan. La France Mystique. 1858.—J. Stuart Mill. August Comte and positivism. 1865.—C. Lombroso. L'uomo di genio in rapporte alla psichiatria etc. 1888

(Pol. pos. I, pp. XI, XII). Припомнивъ все это, мы должны будемъ признать, что краски Дюма блещутъ такою яркостью, о которой Литтре никогда и не помышлялъ. Были ли повѣсти г-жи де Во лишены значенія и интереса, были ли стихотворенія ея сокрушительно-глупы, или же тѣ и другія таковы, какими представляетъ ихъ Контъ,—обо всемъ этомъ Литтре не упоминаетъ вовсе. Усердіе г-на Дюма едва-ли не перешло мѣры!

Итакъ, оставляя сведеніе установленной мною въ общей совокупности воззрѣній Конта двойственности на тѣ или иные психологическіе мотивы попеченію біографовъ, я закончу выясненіе вопроса объ этой двойственности замѣчаніемъ Бельфорта Бэкса, дорисовывающимъ очерченное выше историческое положеніе Конта. «Двойственность міровоззрѣнія Конта», говоритъ Бэксъ, «столь же очевидна, какъ и неизбѣжна. Она является результатомъ той половинчатости, которая вообще свойственна продуктамъ умственной дѣятельности всякаго переходнаго времени. Продукты эти представляютъ недостаточное усвоеніе новаго принципа и являются какою-то помѣсью старины и новизны, вымирающаго и нарождающагося». (*E. Belfort Bax*. A Handbook of the History of Philosophy. 1886. p. 376).

Покончивъ съ вопросомъ о правомѣрности устраненія изъ области, подлежащей моему разсмотрѣнію, всей второй части общей совокупности воззрѣній Конта, я получаю возможность сосредоточиться теперь на той части, которая, согласно только что приведенному заключенію Бэкса, представляетъ собою новый нарождающійся принципъ. Представляя этотъ принципъ, какъ это дѣлаетъ и Бэксъ, продуктомъ времени, я тѣмъ самымъ ставлю вопросъ о тѣхъ элементахъ, среди которыхъ возникло представляемое позитивизмомъ новообразованіе въ области мысли, и ближайшею своею задачею ставлю разсмотрѣніе тѣхъ условій, которыя своимъ положительнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ къ новому принципу такъ или иначе вліяли на его возникновеніе и формированіе.

Начнемъ съ указанія на тѣ отношенія, въ которыхъ стали къ позитивизму современники Конта.

За выдѣленіемъ крайне малочисленной группы ученыхъ, могшихъ явиться компетентными цѣнителями новой системы, вся остальная масса ученыхъ и философовъ оставалась позитивизму совершенно чуждою. Самъ Контъ считалъ возможнымъ разсчитывать не болѣе какъ на пятьдесятъ читателей во всей образованной Европѣ. На самомъ дѣлѣ, ихъ, по всей вѣроятности было еще менѣе. По именамъ извѣстны и совсѣмъ ужъ немногіе: Пуансо, Фурье (математики), Дюнуайе, Бруссэ, Эскироль, Карно,—во Франціи; Ал. Гумбольдтъ—въ Германіи; Дж. Ст. Милль, Брустеръ,—въ Англіи. Большинство—либо игнорировало позитивизмъ, либо относилось къ нему враждебно.

Бросимъ бѣглый взглядъ на основныя черты характера міросозерцанія этого большинства.

Во Франціи, эклектизмъ, представляя полярную противоположность новому ученію, и былъ душею той педантократіи, которая своимъ вліяніемъ дѣйствовала угнетающимъ образомъ не только на успѣхи новой философіи, но и на ея основателя. Шаткая и путанная смѣсь несовмѣстимостей, поражающая прежде всего своею безхарактерностью и безцвѣтностью, вела борьбу противъ точно опредѣленной и ярко-характерной теоріи не на поприщѣ принциповъ, а при помощи пріемовъ житейской практики и темныхъ интригъ. Замалчиваніе между прочими средствами было и тогда не изъ послѣднихъ и уже умѣло быть систематическимъ. Что же касается самого эклектизма, то онъ обосновывался на томъ чисто произвольномъ мнѣніи, будто всѣ философскія системы, при неизбѣжно-присущей имъ неполнотѣ, содержатъ однако же въ себѣ извѣстную долю истины. Эклектики утверждали поэтому, что стоило только произвести отборъ этихъ истинъ и сложить ихъ вмѣстѣ, чтобы получить вполнѣ удовлетворительную философскую систему. Отборъ совершался, конечно, произвольно, и начало, руководившее имъ, мѣнялось нерѣдко; сама эклектическая система являлась поэтому произвольною и шаткою, но это нисколько не мѣшало ей однакоже мнить себя на высотѣ положенія и удовлетворять потребностямъ умонастроенія того времени. Нѣкоторые адепты, соревнуя съ главою эклектизма Кузеномъ, самый терминъ «эклектизмъ» провозглашали великимъ и придавали ему универсальное значеніе, полагая при томъ же, что въ 42 году, т. е. въ годъ выхода шестого тома «Курса позитивной философіи» Конта, процвѣтаніе эклектизма едва еще только начиналось и что все значеніе его пока еще обрѣталось въ будущемъ.

Въ Германіи дѣло стояло не лучше. Здѣсь уже съ самаго начала столѣтія начинается «нагроможденіе заблужденій до такой высоты, что они стали замѣтны даже и близорукимъ»; здѣсь самыя фантастическія догматическія системы слѣдовали одна за другой и всякое чувство мѣры было совершенно утрачено. Философы не задруднялись «выводить нѣчто изъ нуля, выдавать противорѣчивое за тождественное, замѣщать логическіе законы принципомъ tertii interventionis и даже доходили до утвержденія, что-де «принудительная очевидность математическихъ истинъ должна считаться выраженіемъ проклятія, наложеннаго на падшее человѣчество». Эта и ей подобная «философская алхимія», какъ называетъ ее Риль, была тогда господствующею и ей ничего не стоило то передѣлывать по своему результаты научнаго изслѣдованія, то просто-напросто игнорировать ихъ и считать «упраздненными».

Очень живо и ярко изображаетъ это умонастроеніе Герценъ послѣ семи лѣтъ своего пребыванія въ разныхъ странахъ западной Европы. «Трудно себѣ представить», говоритъ онъ, въ какомъ безвыходномъ, запаянномъ на-глухо кругѣ понятій бьется современный европейскій человѣкъ и какъ ему трудно достается, какъ его

сбиваетъ съ толку, какъ ему становится ребромъ всякая мысль, неподходящая подъ заученныя имъ правила, подъ заготовленныя имъ рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и главное прилагательныхъ словъ, которыя у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головной болью, думая о своихъ дѣлахъ, такъ, какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ, пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается, напротивъ, съ страшной злобой—какъ незванный гость, его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать».

Вотъ всей этой то массѣ, путавшейся въ разнообразнѣйшихъ перекраиваніяхъ философскаго старья и противопоставилъ Контъ свое ученіе, бывшее дѣйствительно *новымъ*.

Терминъ «новый» имѣетъ, конечно, относительное значеніе, но если мы остановимся на Контовомъ же противопоставленіи теологическихъ и метафизическихъ элементовъ позитивнымъ, то дѣйствительное значеніе термина, *для насъ*, для настоящаго момента, окажется вполнѣ опредѣленнымъ. Самъ Контъ даетъ возможность отыскивать предшествующіе ему элементы позитивизма и опредѣлять его, сперва самопобудительное, а затѣмъ и все болѣе и болѣе приближающееся къ систематическому, развитіе. Итакъ, ново то, что противополагается метафизикѣ, представляющей «простое общее измѣненіе фикцій первобытнаго мышленія», что опирается на наблюденіе и ничего не ищетъ внѣ области опыта, что отрицаетъ мнимое, какъ то мы видимъ у Юма, что презираетъ безсодержательныя, пустыя понятія, какъ то мы встрѣчаемъ у Вольтера. Самую формулировку указываемаго сопоставленія мы можемъ считать тоже унаслѣдованною, такъ какъ она впервые была высказана Тюрго, которому принадлежитъ и первое слово о наукѣ объ обществѣ. Извѣстная доля участія въ подготовительной выработкѣ идеи позитивизма принадлежитъ Кондорсэ, Бюрдену и, въ особенности Сенъ-Симону, а также и всѣмъ вообще поборникамъ научнаго познанія и установителямъ его преобладанія. Элементы позитивизма встрѣчаются и у современниковъ Конта, и не только у хранителей научно-философскихъ преданій въ Англіи, какъ то выяснилъ Дж. Ст. Милль, но и въ самой Франціи, какъ, напримѣръ, у извѣстнаго ученаго Ж. Б. Біо, имя котораго прошло безслѣдно для историковъ философіи, хотя его воззрѣнія и представляютъ глубоко-сознательныя, сильныя и яркія проявленія анти-метафизическаго построенія. Элементы позитивизма, какъ бы они ни были опредѣленны и характерны, продолжали оставаться разрозненными. Объединилъ ихъ

впервые Контъ, и въ этомъ и заключается его заслуга и его роль въ исторіи развитія позитивизма. «Тысячи разработывали науку», говоритъ Льюисъ, «и хотя и имѣли при этомъ блестящій успѣхъ, никто однако же не далъ идеи той философіи, которая должна возникнуть изъ организаціи наукъ. Нѣкоторые видѣли необходимость распространенія научнаго метода на всѣ области изслѣдованія, но никто не видѣлъ, какимъ образомъ распространеніе это можетъ осуществиться... Позитивная философія нова какъ философія, а не какъ совокупность никогда ранѣе не предвидѣнныхъ истинъ. Ея новость заключается въ организаціи существовавшихъ ранѣе элементовъ. Ея истинный принципъ предполагаетъ поглощеніе всего того, что было совершено великими мыслителями; усваивая результаты ихъ работъ, она широко прилагала ихъ методъ. Матеріалъ позитивной философіи былъ Контомъ унаслѣдованъ; организація же этого матеріала была создана имъ самимъ» (G. H. Lewes. Geschichte der neueren Philosophie. 1876). Въ созданіи этой организаціи и заключается великая историческая заслуга О. Конта, такъ какъ именно ею проявляется та высокая творящая сила, которой во всякой эволюціи обязаны своимъ существованіемъ моменты новообразованій.

Всякое новообразованіе представляетъ собою то заключительное состояніе привходящихъ въ данную эволюцію элементовъ, которое устанавливается послѣ того, какъ всѣ стадіи колебаній, сопровождавшихъ процессъ уравновѣшенія этихъ элементовъ, будутъ пройдены и отойдутъ въ прошедшее. Новообразованіе, являясь окончательнымъ результатомъ этого процесса, представляется именно тѣмъ его моментомъ, который можетъ стать исходной точкой новой эволюціи, будь то для того же самаго лица или же для другого. Я только что указалъ на такой моментъ у Конта; но мы знаемъ, что онъ былъ у Конта не заключительнымъ, а представлялъ исходную точку для перехода къ новому, характеризуемому мистико-догматической доктриною послѣдняго фазиса умонастроенія Конта. Дальнѣйшая эволюція воззрѣній Конта ярко обрисовываетъ различіе указываемыхъ двухъ моментовъ и ее нельзя не отмѣтить при настоящемъ случаѣ. Тогда какъ то новообразованіе, которое имѣетъ своимъ выраженіемъ позитивную философію, послужило исходною точкою для великаго научно-философскаго движенія, наполняющаго собою всю вторую половину нашего вѣка;—второе, имѣющее для біографіи Конта въ высшей степени важное значеніе, представляется въ историческомъ отношеніи совершенно ничтожнымъ: будучи не болѣе какъ рядомъ повтореній воззрѣній Конта, послѣдующее прозябаніе мистико-догматической доктрины не отмѣчено своего рода новообразованіемъ, а потому и является однимъ лишь блѣднымъ спискомъ, интересъ котораго всегда уступалъ интересу, возбуждаемому оригиналомъ. Спискомъ этотъ, какъ то и неизбѣжно, всегда оставался и до сихъ поръ остается въ тѣни.

То новообразованіе, которое вылилось у Конта въ форму позитивной философіи, и въ самомъ дѣлѣ стало исходною точкою для новой работы научно-философской мысли въ Европѣ, какъ только мысль эта въ среднемъ уровнѣ своего развитія поднялась настолько, что оказалась способною усвоить такую точку зрѣнія. Черезъ тридцать пять лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Курса» и черезъ двадцать три по выходѣ послѣдняго, Милль констатируетъ возбужденіе интереса къ позитивизму въ Англіи и на континентѣ. Онъ отмѣчаетъ, что теперь уже интересъ этотъ переступилъ границы кружка учениковъ Конта, въ средѣ которыхъ онъ былъ живъ и ранѣе, а выплылъ изъ глубины философіи на ея поверхность. Подымаясь съ тѣхъ поръ все выше и выше, значеніе позитивизма стало настолько виднымъ, вліяніе его настолько обширнымъ, что возникла цѣлая литература позитивизма, о позитивизмѣ и противъ позитивизма. Въ настоящее же время значеніе позитивизма стало высоко, еще и потому, что возникшее и развившееся независимо отъ него научно-философское движеніе, занимая подобно ему антиметафизическое и опирающееся на науку положеніе, представляется, хотя и обошедшимъ его, все же таки близкимъ ему и родственнымъ. Послѣ Милля, Литтре и Твестена научное направленіе философіи выставило цѣлый рядъ такихъ именъ, какъ Лесли Стивенъ, Лэстеръ Уордъ, Коттеръ Морисонъ, Эрнестъ Лаасъ, Алоизъ Риль и, наконецъ, глава эмпиріокритической школы Рихардъ Авенаріусъ. Можно сказать, что ростъ научной философіи былъ поразителенъ; рѣзко оттѣняя всѣ мистическія и метафизическія перемѣны вплоть до необуддизма включительно, онъ рѣшительно вскрывалъ роковую пустоту, скрываемую производимымъ ими шумомъ, и безнадежность ихъ усилій сдвинуться съ мертвой точки, вѣчно пребывать на которой они являются обреченными своими же собственными принципами.

Теперь мы можемъ перейти къ опредѣленію значенія позитивизма для позднѣйшаго времени.

Установленныя Контомъ организаціи позитивныхъ элементовъ основываются, какъ извѣстно, на признаніи превосходства научнаго метода надъ теологическимъ и метафизическимъ, но она нисколько не предполагаетъ—какъ то иногда высказывалось—преувеличенной оцѣнки дѣйствительнаго состоянія научнаго знанія; напротивъ того, Контъ не теряетъ изъ виду и прямо высказываетъ убѣжденіе въ неудовлетворительности ихъ состоянія. Онъ находитъ, что научное знаніе и недостаточно проникнуто философіей, и слишкомъ спеціализировано. Онъ именно и устанавливаетъ его организацію для того, чтобы способствовать дальнѣйшимъ его успѣхамъ. Онъ утверждаетъ, что, страдая отсутствіемъ организаціи, знаніе неизбѣжно подвигается впередъ слишкомъ медленно и что настало время положить этому конецъ (Cours, VI, LIX; I, 1).

Рѣшивъ поэтому дать знанію новую организацію, Контъ раз-

считывалъ на существенное вліяніе ея на весь ходъ дальнѣйшаго научнаго развитія.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ осуществились эти разсчеты, т. е. въ какой мѣрѣ позитивизмъ оказался на уровнѣ послѣдующаго научно-философскаго развитія.

Начнемъ съ «закона трехъ состояній».

Оставляя безъ разсмотрѣнія соціологическое значеніе этого закона, какъ относящееся къ одной изъ отдѣльныхъ наукъ Контовскаго ряда, я остановлюсь только на имѣющемъ общее для всей системы значеніе его—значеніе гносеологическое.

Изъ формулировки «закона трехъ состояній» можно видѣть, что основной идеей этого закона является сведеніе наблюдаемыхъ явленій сперва на олицетворенія, затѣмъ—на объективированія понятій, и наконецъ на доступный наблюденію фактъ закономѣрности явленій, т. е. неизмѣнности отношеній послѣдовательности ихъ и сходства. Всякое сведеніе явленія на другое явленіе или же на предполагаемую внѣ области опыта сущность обыкновенно называется *пониманіемъ* этого явленія или—соотносительно—*объясненіемъ* его. Итакъ, «законъ трехъ состояній» есть законъ пониманія или объясненія явленій въ трехъ различныхъ формахъ умственнаго состоянія. Законъ этотъ показываетъ, что въ первыхъ двухъ фазисахъ, сводящихъ явленія на трансцендентныя сущности, знаніе ставится выше пониманія, *различается* отъ него, тогда какъ въ третьемъ фазисѣ возвышенность надъопытныхъ сущностей признается фиктивною и пониманіе опускается до уровня знанія, *перестаетъ различаться* отъ него. Уже въ первыхъ годахъ настоящаг столѣтія Біо указывалъ на это различное значеніе «объясненій» и выражалъ удивленіе къ благосклонности, съ которою публика относится къ мечтаніямъ кропателей системъ. (Sur l'esprit de systeme: Mercure de France 1809. Перепеч. въ Mélanges scientifiques. 1858). Если же явленія могутъ быть сводимы на явленія же, а надъ опытная область сущностей обращается въ міръ призраковъ, то надъопытныя сущности неизбѣжно обращаются въ примыслы,—въ бремя познанія, и обрекаются на устраненіе. Знаніе же, отъ подгнетности имъ освобожденное, вступаетъ, какъ то само собою и очевидно, на путь «чистаго опыта», понятіе котораго и представляетъ одно изъ основоположеній «научной», точнѣе «эмпиріокритической» философіи.

Если понятіе «чистаго опыта» и остается въ философскихъ воззрѣніяхъ Конта нераскрытымъ, то нельзя не признать, что имплицитно оно присуще имъ: въ нихъ содержатся не только его предпосылки, но и одно изъ положеній, къ которому понятіе это приводитъ. Я разумѣю *отождествленіе философіи съ наукою*, опредѣленно высказанное Контомъ и совершенно неизбѣжное послѣ удаленія со сцены примысловъ, составляющихъ содержаніе метафи-

зики. Пользованіе обоими терминами становится, по мнѣнію Ог. Конта, отнынѣ безразличнымъ.

Ставъ наукою, философія не можетъ имѣть и иного содержанія, какъ только содержанія науки.—Это содержаніе можетъ расчленяться весьма многоразлично, но общая его совокупность останется все таже, и, такъ какъ цѣлое никогда не можетъ стать частью самого себя, то ни при какомъ разчлененіи содержанія научной философіи не можетъ оказаться отдѣльной науки—*философіи*. И въ самомъ дѣлѣ, и классификація наукъ Конта, оставаясь послѣдовательною присущему ей принципу, философіи, какъ отдѣльной науки, въ себѣ не содержитъ. Такимъ образомъ, философія, переставъ быть метафизическою, потеряла всякую обособленность, она слилась съ наукою, растворилась въ ней и, потерявъ фиктивное содержаніе, не могла удержать фиктивной формы.

Послѣднимъ убѣжищемъ философіи, какъ отдѣльной науки, оставалось еще то мнѣніе, будто науки отличаются другъ отъ друга не столько объектомъ изслѣдованія, сколько той точкой зрѣнія, съ которой этотъ объектъ изслѣдуется; напримѣръ, человѣкъ можетъ быть объектомъ различныхъ наукъ, при условіи, чтобы они смотрѣли на него съ различныхъ точекъ зрѣнія—экономической, юридической, анатомической и т. д. Ничто не мѣшаетъ поэтому, разсуждаютъ представители этого мнѣнія, видѣть различіе философіи отъ науки въ томъ, что философія смотритъ на свой объектъ съ самой общей точки зрѣнія, съ точки зрѣнія единства всего бытія; такимъ образомъ философія представляетъ собой такую же науку, и подобно тому, какъ науки отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что каждая имѣетъ свою точку зрѣнія на предметъ, такъ и философія обладаетъ своей спеціальной точкой зрѣнія.

Приведенное разсужденіе имѣло бы значеніе убѣжища для философіи, стремящейся сохранить мѣсто среди отдѣльныхъ наукъ, еслибъ содержанія наукъ въ самомъ дѣлѣ давались точкою зрѣнія, а не *дѣйствительнымъ* разчлененіемъ предмета въ видахъ удобства его изученія. Но, не говоря ужъ о томъ, что экономическіе, юридическіе и анатомическіе факты вовсе не созданы точкою зрѣнія, они еще и не являются составными частями такого общаго содержанія, изученіе котораго могло бы послужить матеріаломъ для такой науки о человѣкѣ, которая являлась бы не суммированіемъ произведенныхъ разчлененій, а дѣйствительно новымъ и однороднымъ съ другими членами ряда отдѣломъ. Никакой антропологъ не согласится включить въ эту науку такое ученіе о строеніи человѣческаго тѣла, которое по всѣмъ пунктамъ не было бы согласно съ содержаніемъ курса анатоміи. Точно также онъ поступитъ и по отношенію этнографіи, права и т. д. Въ концѣ концовъ, его наука окажется *совокупностью* результатовъ частичнаго изученія человѣка и содержаніе ея представится болѣе обширнымъ, чѣмъ содержаніе тѣхъ наукъ, которыя были объединены ея организаціей.

Образовать однородный съ этими науками рядъ не представляется ей поэтому никакой возможности и насильственное включеніе ее въ этотъ рядъ должно быть признано несостоятельнымъ. Точно тоже слѣдуетъ сказать и о философіи, которую хотимъ приравнять къ указанной выше фиктивной антропологіи: такая философія— призракъ; созданіе ея волшебною силою точки зрѣнія—миражъ. Образованіе же ея посредствомъ суммированія результатовъ отдѣльныхъ наукъ есть одно безплодное повтореніе извѣстнаго ранѣе, и притомъ-же повтореніе по формѣ своей не однородное съ произведшими его частями.

Схематичность Контовскаго построенія оказалась несостоятельною вовсе не потому, что въ ней не имѣется ея же двойника, загримированнаго искусственными признаками, присущими исключительно частямъ замкнутаго въ схему цѣлого;—наличность такого призрака могла бы только усугубить недостатки схемы, а не сгладить ихъ. Несостоятельность Контовой схемы оказалась главнымъ образомъ потому, что, будучи подогнана подъ шаблонъ возрастающей сложности и убывающей общности, схема была обречена на неподвижность и вмѣсто живого, текучаго, отвѣчающаго дѣйствительности расчлененія общей совокупности знанія, оно представляетъ отличающуюся догматическою косностью формулу, отымающую у представляемой ею классификаціи наукъ всякое значеніе.

Эта окаменѣлость Контовой схемы и сказалась во всей своей силѣ, когда выяснилась невозможность включенія въ нее такого важнаго звена, какъ теорія познанія. Именно этому новому члену схемы предстояло выработать нормы всеобщаго приложенія научнаго метода и, занявъ въ рядѣ принадлежащее ему мѣсто, переработать самый рядъ совершенно заново.

Совершая эту переработку, теорія познанія, въ своей роли «критики чистаго опыта», должна была бы показать, что то всеобщее обновленіе, которое было предвозвѣщено для всей системы, должно было прежде всего коснуться метода и не оставить безъ переработки самую постановку его основныхъ вопросовъ, страдавшихъ старымъ, унаслѣдованнымъ отъ метафизической системы, раздвоеніемъ. Преодолѣніе этого раздвоенія, совершенное въ наше время эмпиріокритицизмомъ, не представлялось для позитивизма осуществимымъ главнымъ образомъ потому, что его догматическая замкнутость, разъ навсегда порѣшившая со всѣми вопросами, обрекала всю позитивную систему на полную неподвижность. Въ позитивизмъ былъ вложенъ собственно Конту принадлежавшій личный его примыселъ, до такой степени органически сросшійся съ системой, что съ устраненіемъ примысла падала и вся система. Неподвижность позитивной системы была, какъ видно изъ этого, роковая, и вывести ее изъ этой неподвижности не могъ никто, всего же менѣе хранители позитивныхъ традицій и оберегатели неприкосновенности его основъ, не говоря уже о тѣхъ реформа-

торахъ, которые замышляли совершенно невразумительную позитивную метафизику и мечтали о какомъ-то совсѣмъ уже анти-позитивномъ «созерцанiи цѣлаго». Пока позитивисты и псевдо-позитивисты хлопотали надъ специфически-позитивными или мнимо-позитивными вопросами, позитивизмъ былъ принципiально обойденъ, и новое зданiе научной философiи воздвиглось внѣ его влiянiя и воздѣйствiя.

Но, если начно-философскiе вопросы не справляются теперь съ позитивистскими ихъ рѣшенiями, философскiя воззрѣнiя Конта, представляющiя въ высшей степени важный моментъ новѣйшей научно-философской эволюцiи, останутся въ исторiи славнымъ памятникомъ свободныхъ поисковъ истины, вдохновлявшихся высшими интересами человѣчества.

Вл. Лесевичъ.

Новыя книги.

В. О. Стихотворенiя. Спб. 1898.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ Некрасовъ писалъ: „Поэтомъ можешь ты не быть, но гражданиномъ быть обязанъ!“ Его гражданинъ говорилъ съ горькимъ упрекомъ поэту: „съ твоимъ талантомъ стыдно спать, еще стыднѣй въ годину горя красу долинъ, небесъ и моря и ласку милой воспѣвать“. И не только поэты того времени, большого и малого калибра, но и всѣ лучшiе писатели стремились слѣдовать завѣту некрасовскаго гражданина. Но за то какое же это и время было!..

Что же, однако, съ тѣхъ поръ измѣнилось? Прежнiя „обязанности“ потеряли свою силу, что-ли? Наступила година всеобщаго счастья, такъ что стало похвально дѣлать то, что прежде было „стыдно» дѣлать? Выходитъ, какъ будто, такъ... Мы уже знаемъ, что проповѣдуютъ „великаны“ современной поэзiи, гг. Минскiй, Мережковскiй, Бальмонтъ и К°. Въ униссонъ съ ними и маленькiй, безвѣстный г. В. О. дѣлаетъ поэту такiя наставленiя:

Бѣги, бѣги борьбы! Не бойся укоризны,
Которую въ тебя бросаетъ гражданинъ,
Что ты невѣрный сынъ для страждущей отчизны.

Вмѣсто борьбы г. В. О. рекомендуетъ поэзiи „являть красоту въ напѣвахъ откровенья“... Крайне желательно, чтобы г. В. О. поторопился съ своимъ откровенiемъ и „явилъ“ намъ эту обѣщанную красоту. Пока же что, онъ только „отдается

всецѣло любови своей“ и забирается для чего-то „въ дичь изъ пихты и ели смолистой“...

О. Н. Чюмина (Михайлова) Стихотворенія. Спб. 1897.

Г-жа Чюмина извѣстна не только, какъ переводчица иностранныхъ поэтовъ, но и какъ плодовитый авторъ оригинальныхъ стихотвореній, мотивы которыхъ настолько разнообразны, что иногда доходятъ до діаметральной противоположности одинъ другому. Намъ приходилось, по крайней мѣрѣ, читать за ея подписью юбилейно-патріотическія пѣснопѣнія на страницахъ изданій, подобныхъ „Свѣту“, однако ей же принадлежитъ и стихотвореніе „На стражѣ“, первоначально напечатанное въ „Вѣстникѣ Европы“, а теперь стоящее во главѣ разбираемаго нами сборника:

Но души есть, гдѣ истина все та же,
Гдѣ тотъ же свѣтъ божественной любви,—
И если вы, стоящіе на стражѣ,
Погасите свѣтильники свои,
И если вы бѣжите съ поля брани,—
Кто въ сумеркахъ, сгустившихся кругомъ,
Укажетъ намъ невѣдомыя грани,
Различье межъ добромъ и зломъ?
. . . .
Пусть небеса удушливы и мрачны;
Чѣмъ гуще тьма—тѣмъ путнику нужнѣй
Сіяющій во тьмѣ огонь маячный,
Отрадный свѣтъ сторожевыхъ огней!

Прекрасные стихи, читатель, не правда ли? Очень недурна также и другая пьеса:

Я безумной слыву оттого, что мнѣ кажется тѣсенъ
Этотъ будничный міръ, полный мелкихъ тревогъ и заботъ,
Оттого, что душа жаждетъ свѣта, простора и пѣсенъ
И свободной мечтой я стремлюся впередъ.
Я безумной слыву оттого, что болѣзненно чутко
На чужую печаль, на чужой откликаюсь призывъ,
Оттого, что—взамѣнъ хладнокровныхъ рѣшеній разсудка
Признаю я всегда лишь горячій сердечный порывъ.
Я безумной слыву оттого, что открыто и смѣло
Я неправду и зло никогда и ни въ комъ не щажу,
Оттого, что въ борьбѣ за любимое кровное дѣло
Я всѣ силы свои, да и самую жизнь положу!

Къ сожалѣнію,—да проститъ намъ г-жа Чюмина! — мы боимся, что все это одни только красивыя слова... Мы боимся, что никакого такого „любимаго кровнаго дѣла“ у нея нѣтъ, да и упоминается-то о немъ только въ одномъ этомъ стихотвореніи.. О чемъ пѣть, какія рифмы подбирать—нашей по-

этессѣ, повидимому, рѣшительно все равно. Въ одномъ мѣстѣ у нея говорится:

Меня теченіе несетъ
Куда? Къ какой странѣ?

Вотъ именно эти слова могли бы служить прекраснымъ эпиграфомъ ко всей поэзіи г-жи Чюминой. Красота фразы, красота ситуаціи имѣютъ надъ ней власть необоримую... Умираетъ, напр., въ Парижѣ, въ расцвѣтѣ таланта и молодости, извѣстная Башкирцева—и г-жа Чюмина, не раздумывая долго, пишетъ тотчасъ же стихотвореніе „Умирающая художница", гдѣ Башкирцева (какъ извѣстно, себя только одну во всю жизнь любившая) говоритъ: „такъ все любить—природу и людей—и умереть?!" Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ образчиковъ нечуткости нашей поэтессы. Уловить поэтому какой либо опредѣленный характеръ и физіономію ея оригинальной поэзіи является довольно затруднительнымъ дѣломъ.

Съ наибольшей любовью и охотой воспѣваетъ г-жа Чюлина блѣдныя краски осени и неясныя чувства, внушаемыя этой грустной порой года.

Мнѣ что-то говоритъ, что лѣто ужъ прошло,
Что осень близится, а съ нею день итога!..

Къ чести г-жи Чюминой слѣдуетъ сказать, что она совершенно избѣгла декадентской и символической заразы, и въ ея стихахъ, къ тому же отличающихся большей частью недурной обработкой, всегда все просто и ясно.

Изъ 300 страницъ ея новой книги 230 занимаютъ переводы. Г-жа Чюмина имѣетъ репутацію очень добросовѣстной переводчицы; нельзя, однако, и здѣсь не отмѣтить того обстоятельства, что для нея, повидимому, совершенно безразлично, кого ни переводить. У нея нѣтъ какого-либо излюбленнаго писателя, въ котораго она по-преимуществу вкладывала бы свою душу, и въ настоящемъ, напр., сборникѣ помѣщены переводы—шутка сказать!—изъ 22 поэтовъ, относящихся часто одинъ къ другому, какъ огонь къ водѣ: вы встрѣтите здѣсь Байрона съ Викторомъ Гюго, но встрѣтите и Готье съ Катюлломъ Мендесомъ и Хозе-Марія де-Эредіа... Лучше всего, на нашъ взглядъ, удаются г-жѣ Чюминой переводы не лирическаго, а описательно-эпическаго характера.

А. Д. Облеуховъ. Отраженія. Оды.—Поэмы.—Лирика. Москва. 1898.

Какъ извѣстно, на Страстномъ бульварѣ существуютъ не только публицисты, но и поэты. Одинъ изъ нихъ, г. Облеуховъ, выпустившій лежащій передъ нами сборникъ стиховъ,

прославился тѣмъ, что въ лицѣ покойнаго Каткова открылъ русскаго... Прометея. Вотъ въ краткихъ чертахъ содержаніе трактующей объ этомъ поэмы. Искра, вложенная въ души людей титаномъ древности, давно погасла; то-есть, она не совсѣмъ погасла, а скрылась на сѣверѣ, въ какомъ-то горномъ ущельи, и чудомъ, понятнымъ только г. Облеухову, попала въ грудь безпощадныхъ воителей—варяговъ. Послѣдніе поколотили затѣмъ славянъ, и нужно ли удивляться, что прометеева искра перескочила при этомъ въ поколоченныхъ (Варяги уплыли себѣ за море, и неизвѣстно, осталось ли что-нибудь и на ихъ долю отъ чудодѣйственной искры).

Пробудился отъ сна богатырь—великанъ,
И гигантское сердце забилось!

И славянъ никто ужъ не могъ съ этихъ поръ одолѣть— ни татары, ни „ослѣпленные злобой славянства сыны“ —поляки, ни французы 12 и 54 годовъ, потому что всегда въ этихъ случаяхъ „средь гибельной тьмы разгоралась всевластная искра“. Но вотъ опять наступило страшное время:

Вѣтеръ Запада смерти дыханье тлетворное
На отечество наше принесъ.
Западъ! Западъ! блудница, позоромъ клейменная,
Но одѣтая въ царскій виссонъ,
Преходящею призрачной славой прельщенная,
Пьетъ теперь обольстительный сонъ.
. . . .
Было время, Россія заразу ужасную,
Эту немощь больного ума,
Привила въ свое сердце, и силою властною
Вдругъ вездѣ воцаряется тьма.
Вотъ когда твоя искра подъ черною тиною
Погибаетъ, титанъ—Прометей!
Вотъ когда приближается царство змѣиное
И владычество рабскихъ затѣй!
Приближается время неслыханной мерзости.

Но не все погибло: Катковъ носилъ въ себѣ чувство народное, явился съ „золотымъ прометея огнемъ“ и спасъ великую страну.

Такъ поэты пишутъ исторію (да и одни ли поэты?). Невольно является однако желаніе поглубже проникнуть въ психику этого рода „поэтовъ“, познакомиться ближе съ ихъ умственнымъ и душевнымъ строемъ. Достойна въ этомъ отношеніи вниманія лирическая поэма г. Облеухова „Вѣчное зло“. Нашъ поэтъ, оказывается, равнодушенъ къ страданіямъ людей; самъ онъ живетъ мгновеніемъ и не знаетъ, зачѣмъ живетъ. Природа ему противна, какъ противенъ и песъ, лежащій у его ногъ и грѣющійся на солнцѣ.

Лежитъ онъ спокойно на бѣломъ пескѣ,
Съ печальною лаской глядитъ на меня,

А духъ мой томится въ безплодной тоскѣ
И въ злобѣ, палящей, какъ искра огня.
Постыдная жизнь! Я терзаюсь и жду
Увидѣть горящій сочувствіемъ взоръ,
Но всюду встрѣчаю нѣмую вражду,
Язвящее слово и ѣдкій укоръ.
Любовь нахожу я въ собакѣ одной!
И холодъ по жиламъ моимъ пробѣжалъ,
И ненависть вдругъ поднялася волной,
И злоба вонзилась, какъ тысячи жалъ.
Собака немного съ земли поднялась,
Какъ-будто хотѣла мнѣ слово сказать,
И трепетнымъ взоромъ довѣрчивыхъ глазъ
Съ печальною ласкою смотритъ опять.
Я тихо взялъ камень... Болѣзненный жаръ
Меня опалялъ, былъ я злобой объятъ!
И камнемъ нанесъ я собакѣ ударъ,
И рѣзкихъ ударовъ посыпался градъ.
Не помню, что было...
Но помню, я чувствовалъ теплую кровь,
И помню я жалкій, пронзительный взглядъ,
Во взглядѣ предсмертномъ свѣтилась любовь
И эта любовь отравляла, какъ ядъ.

Эта дико-откровенное или откровенно-дикое (не знаемъ, какъ назвать) стихотвореніе является, кажется намъ, ключемъ ко всей поэзіи г. Облеухова. Вездѣ звучитъ у него все таже безпредѣльная злоба, постоянно одинъ и тотъ же хаотическій мракъ окутываетъ его больную душу. Не свѣтлыя и свободныя грезы, а дикія и мрачныя видѣнія даютъ пищу его вдохновеніямъ: „сверкая огнемъ ярко красныхъ зрачковъ", вѣдьмы сидятъ на кладбищѣ и „съ тайнымъ страхомъ ѣдятъ ужасную пищу"; „колдунья въ избушкѣ лѣсной ласкаетъ змѣю и младенческой кровью поитъ жабу, сестру дорогую свою"; изъ устъ милой дѣвушки, станъ которой поэтъ держитъ въ объятіяхъ, вдругъ выставляется рядъ хищныхъ зубовъ; онъ держитъ въ рукахъ безчувственный трупъ, и—о, ужасъ! ощупываетъ рукой шерсть: это оказывается, „собака, когда-то убитая мной, въ моихъ распаленныхъ объятьяхъ лежитъ".

Я въ страхѣ мучительномъ камень схватилъ
И камнемъ себя поражаю въ високъ!

Что это такое? Къ среднимъ вѣкамъ, къ ихъ мрачнымъ кошмарамъ съ шабашами вѣдьмъ и ужасами костровъ возвращаемся мы, что-ли? Доходили ли хоть до чего-нибудь подобнаго наши доморощенные декаденты, недавно поднимавшіе такой шумъ и воспѣвавшіе „мертвецовъ при лунѣ" и прочую чепуху? Въ большинствѣ стихотвореній г. Облеухова приходится натыкаться на кровь, злобу и какое-то непонятное страданіе. Онъ доходитъ до того, что пытается опоэтизировать даже самого Нерона, это классическое чудище свирѣ-

пости, обрызганное кровью родной матери... Подобно этому своему герою, онъ выказываетъ постоянное „презрѣніе къ міру“. Да и къ міру ли только! Въ одной изъ своихъ поэмъ онъ называетъ *страдальцемъ*, добровольно надѣвшимъ на себя „терновый вѣнокъ“ властителя, который предпочиталъ миръ и спокойствіе—шуму браней и пролитію крови! Это значитъ презирать и правду, и самую логику...

При всемъ этомъ мы очень благодарны г. Облеухову за то, что онъ издалъ отдѣльнымъ томомъ свои поэмы и оды, съ которыми раньше мы имѣли удовольствіе знакомиться только на страницахъ извѣстныхъ московскихъ изданій: теперь для насъ въ значительной степени пріоткрывается душевный складъ и строй очень многихъ изъ сотрудниковъ этихъ изданій... Сколько въ ихъ душѣ мрака, ужаса и болѣзненной, сладострастной жестокости! Кого они могутъ любить, эти удивительные поэты и публицисты, какому богу могутъ молиться, когда въ сердцахъ ихъ нѣтъ ничего, кромѣ ужасающей, мрачной пустоты и тупой, безпричинной ненависти ко всему и ко всѣмъ?..

Friedrich Fiedler. Gedichte von Alexander Puschkin. Reclam's Universal Bibliothek. Leipzig.

Вслѣдъ за народными лириками—Кольцовымъ и Никитинымъ, г. Фидлеръ, какъ бы желая увѣнчать свои многолѣтніе и талантливые труды въ дѣлѣ передачи русскихъ поэтовъ на нѣмецкій языкъ, выступаетъ съ переводомъ Пушкина. Кой что въ этомъ направленіи онъ дѣлалъ уже и раньше: онъ перевелъ „Русалку“ и всѣ драмы Пушкина, и въ его сборникѣ „Der russische Parnass“ великій поэтъ занимаетъ соотвѣтствующее своему значенію мѣсто. Теперь переводчикъ даетъ сразу до полутороста стихотвореній, начиная съ „Пѣсни“ (О, Делія драгая)—перваго печатнаго произведенія поэта. Желая дать нѣмецкимъ читателямъ представленіе о ходѣ развитія таланта Пушкина, г. Фидлеръ переводилъ не только произведенія поздней поры, но и лицейскія стихотворенія. Въ его небольшой сборникъ вошло, конечно, не все, что признано критикой лучшимъ у Пушкина; но рядомъ своихъ работъ онъ показалъ, что и онъ поэтъ, прихоти его вдохновенія имѣютъ, стало быть, свои права, съ которыми надо считаться; за то, надо отдать ему справедливость, вещей второстепенныхъ онъ избѣгалъ, и нашъ поэтъ является предъ иноземными читателями въ блескѣ лучшихъ образцовъ своей лирики.

Переводить Пушкина—сравнительно хотя бы съ Кольцовымъ—и легко и трудно. Легко, потому что Пушкинъ болѣе европеецъ, болѣе интернаціоналенъ; при всей своей на-

родности, онъ болѣе понятенъ иностранцу, такъ какъ общечеловѣческій элементъ въ его поэзіи выраженъ весьма сильно; чтобы сдѣлать поэзію истинно народной, не надо было отворачиваться отъ духовныхъ богатствъ болѣе культурныхъ народовъ: надо было лишь избѣгать ихъ шаблона, усвоить ихъ поэтическія настроенія и, на основаніи ихъ опыта, создать свои формы для непередаваемыхъ особенностей народнаго міровоззрѣнія. Пушкинъ, быть можетъ, никогда не станетъ европейскимъ поэтомъ, но онъ будетъ всегда доступенъ европейцу по сути своего содержанія. Не случайно однимъ изъ лучшихъ критиковъ Пушкина былъ нѣмецъ, Варнгагенъ фонъ Энзе.

Но, съ другой стороны, вѣдь, Пушкинъ великій мастеръ слова, и потому его трудно переводить. Извѣстна простота его языка, сила и мѣткость его эпитета, полное отсутствіе ненужныхъ подробностей, ясность и точность его рѣчи. Онъ до такой степени избѣгаетъ недомолвокъ и недоразумѣній, что предпочелъ бы имъ прозаизмы, объясненія, точки надъ *i*. И мы относимся ревниво къ языку создателя нашей литературной рѣчи: его эпитетъ, его образъ дорогъ намъ, и когда ихъ замѣняютъ другими, намъ это непріятно. Когда поэтъ сказалъ:

„Печально младость улетитъ,
Услышу старости угрозы",

а мы читаемъ въ переводѣ:

Die Jugend schwindet ungeküsst,
Statt Rosen harren mein Cypressen,

то никакая внѣшняя близость къ подлиннику въ ритмѣ и размѣрѣ не загладитъ такого нарушенія поэтической воли. Ода „Клеветникамъ Россіи" полна въ передачѣ г. Фидлера такихъ „усиленій" мысли Пушкина, съ которыми онъ едва ли примирился бы. „Народные витіи" получаютъ въ нѣмецкомъ переводѣ названіе „слѣпыхъ болтуновъ", „ораторовъ тщеславнаго народа", „кичливый ляхъ" обратился въ „наглую и фальшивую Польшу", а „вѣрный Россъ" въ „*простую* и вѣрную Россію". Смѣшно, конечно, считать эти прибавки не случайными, но къ чему онѣ? Стоитъ ли стихотворный размѣръ такой жертвы, какъ мысль Пушкина? Мы бы и вообще совсѣмъ не настаивали на непремѣнномъ сохраненіи размѣра во что бы то ни стало, не говоря ужъ о тѣхъ случаяхъ, когда это дѣлается на счетъ внутренняго содержанія стихотворенія. Вѣдь переводчикъ не считался бы съ размѣромъ, если бы переводилъ съ языка, которому свойственна другая система версификаціи. Въ превосходныхъ переводахъ Лермонтова („Горныя вершины" и „На сѣверѣ дикомъ") размѣръ подлинника не сохраненъ; не гнался за его сохраненіемъ и

М. Л. Михайловъ, который пробовалъ переводить сонетъ Гейне четырехстопнымъ ямбомъ; его переводъ чуть не втрое длиннѣе оригинала, но едва ли этотъ сонетъ Гейне будетъ когда либо переведенъ на русскій языкъ полнѣе, энергичнѣе и ближе къ настроенію подлинника. Все равно переводъ не передастъ свѣжести и новизны Пушкинскаго стиха для его эпохи—такъ и не надо гнаться за внѣшнимъ подобіемъ; это, конечно, не значитъ, что его надо переводить въ прозѣ; это значитъ, что у него есть достоинства поважнѣе версификаціи. Съ этими достоинствами бороться, быть можетъ, труднѣе, и уже нѣкоторое приближеніе къ нимъ должно быть вмѣнено въ великую заслугу. Но и то, что сдѣлано г. Фидлеромъ въ передачѣ внѣшней структуры стихотвореній, должно быть отмѣчено и было бы просто поразительно, если бы самъ г. Фидлеръ не показалъ намъ въ своихъ прежнихъ работахъ, какія чудеса онъ продѣлываетъ съ нѣмецкимъ стихомъ. Такія стихотворныя трудности, какъ, напр., въ балладѣ „Женихъ", онъ побѣждаетъ безъ признака напряженія и сохраняетъ свободно четверныя риѳмы „Эхо", при чуткой и почти дословной вѣрности оригиналу. Напрасно только—сказать кстати—онъ переводитъ стихотвореніе „Риѳма" — Rhythmus; Пушкинъ имѣлъ въ виду именно риѳму (Reim)—поэтому онъ сдѣлалъ ея матерью Эхо, а воспитательницами Аонидъ (музъ), а не наядъ, какъ выходитъ у переводчика. Было бы не трудно увеличить значительно число этихъ мелочей, задѣвающихъ слухъ русскаго читателя; но книжка г. Фидлера предназначена для иностранца, который вынесетъ изъ нея достаточно вѣрное представленіе о лирикѣ и балладахъ Пушкина. Многое въ переводѣ г. Фидлера очень, очень удачно; особенно часто „крылатые" стихи Пушкина, вошедшіе во всеобщее употребленіе, переданы у него такъ, что лучше трудно себѣ представить. Укажемъ для примѣра:

«Zwar lässt Begeistrung sich nicht kaufen
«Allein das Manuskript steht feil!»
(„Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать").

Конецъ „Пророка" („Возстань, пророкъ"...)

«Steh auf, Prophet, und sieh, und höre,
Voll meines Willens, allerwärts
Zeug über Länder, über Meere
Und rede Glut ins Menschenherz!»

Въ эпиграммѣ на Каченовскаго:

«Und löst der Tinte Opium
«Mit eines tolleen Hundes Geifer.»

Значеніе работы г. Фидлера усугубляется благодаря тому обстоятельству, что нѣмецкіе читатели имѣютъ о жизни и

произведеніяхъ Пушкина особенно невѣрное представленіе. Еще не такъ давно въ Энциклопедическомъ словарѣ Мейера и даже въ спеціально-литературномъ словарѣ Борнгака сообщалось, что Пушкинъ былъ графъ Мусинъ Пушкинъ, что онъ написалъ „Исторію Петра Великаго"; среди произведеній его нѣтъ ни „Повѣстей Бѣлкина", ни „Каменнаго гостя", ни другихъ драматическихъ сценъ; о лирикѣ даже не упомянуто. За то указана Märchen von Silvan, Harald und der Schwanenprinzessin; едва ли кто либо изъ читателей узнаетъ въ этомъ диковинномъ заглавіи „Сказку о царѣ Салтанѣ". Переводы Боденштедта въ Германіи почти неизвѣстны—и подѣломъ. Талантливый создатель Мирзы Шаффи былъ дурнымъ переводчикомъ.

Въ примѣчаніяхъ г. Фидлера мы нашли кой какія небезъинтересныя указанія, которыя обойдены русскими редакторами Пушкина. Особенно любопытна замѣтка о судьбахъ „Шотландской пѣсни", которая, явившись въ нѣмецкую литературу въ качествѣ перевода изъ Пушкина, подверглась многочисленнымъ перепѣвамъ подъ видомъ оригинальныхъ произведеній.

О. Петерсонъ и Е. Балобанова. Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ съ подлинныхъ текстовъ. Въ трехъ томахъ. Томъ II. Скандинавія. Спб. 1898.

Съ тѣхъ поръ, какъ исторія литературы, съузивъ свои предѣлы и углубивъ свою задачу, поставила главнымъ предметомъ своего изслѣдованія движеніе литературныхъ формъ, ея точка зрѣнія на явленія „первобытной" словесности измѣнилась значительнымъ образомъ. Она видитъ въ нихъ дѣятельныя попытки создать общепонятныя и иногда индивидуальныя формы для выраженія запросовъ духовной жизни; она посвящаетъ имъ тѣмъ большее вниманіе, что изслѣдованіе этихъ зачатковъ словесности оказалось въ высшей степени богатымъ результатами и плодотворнымъ не только для исторіи литературы, но и для ея теоріи. Въ связи съ этимъ непосредственное знакомство съ памятниками древнѣйшей литературы расширяется, и вслѣдъ за переводами признанныхъ классиковъ европейской литературы у насъ является цѣлый рядъ попытокъ ознакомить большую публику съ тѣми знаменитыми, но, въ сущности, мало кому извѣстными произведеніями „народной", „безъискусственной", какъ ее до сихъ иногда называютъ, поэзіи, съ которыхъ, можно сказать, начинается литературная исторія новой Европы. Такъ за послѣдніе годы появились вполнѣ научные стихотворные переводы „Нибе-

лунговъ" и „Пѣсни о Роландѣ", а въ лежащемъ передъ нами сборникѣ сообщаютъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ перевода главнаго сокровища скандинавскаго эпоса—стихотворной Эдды. Рядъ такихъ переводовъ могъ бы, если не ознакомить читателей вполнѣ съ средневѣковой литературой, то хоть дать ясное представленіе объ излюбленныхъ ею сюжетахъ, о пріемахъ творчества, о міровоззрѣніи создавшаго ее общества. Пока—составительницы сборника задались цѣлью представить въ пересказахъ и извлеченіяхъ рядъ крупнѣйшихъ и характернѣйшихъ явленій этой литературы; первый томъ сборника былъ посвященъ главнымъ образомъ литературѣ французской, „какъ представляющей наиболѣе очевидный и яркій примѣръ преемственной смѣны идеаловъ въ народномъ міросозерцаніи". Второй томъ, посвященный скандинавскому эпосу, занятъ обширными извлеченіями изъ Эдды и нѣсколькими сагами. Въ связи съ господствующей въ наукѣ сѣверной миѳологіи теоріей, разграничивающей древнѣйшей и народный культъ Тора отъ привнесеннаго военнаго и придворнаго культа Одина, составительницы при выборѣ пѣсенъ Эдды ограничились тѣми, въ которыхъ полнѣе выступаетъ фигура Тора.

Живой интересъ, возбужденный въ европейскихъ читателяхъ современной скандинавской литературой, долженъ повести къ желанію ознакомиться съ ея первоисточниками; это знакомство можетъ лишь углубить смыслъ модныхъ произведеній скандинавской поэзіи, связанныхъ своимъ своеобразнымъ, глубоко народнымъ характеромъ съ древнѣйшимъ исландскимъ эпосомъ: какъ ни великъ переходъ отъ какого нибудь „Гунлауга — Змѣинаго языка" къ „Строителю Сольнесу", можно считать несомнѣннымъ, что въ нити многовѣкового литературнаго развитія, соединяющей перваго съ послѣднимъ, перерывовъ не было.

Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ. Переводъ съ французскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898.

„Много писалось и будетъ еще писаться исторій англійской литературы—говоритъ авторъ,—область эта такъ привлекательна, что, не смотря на всю трудность задачи, всегда будутъ являться желающіе предпринять столь тяжелое, но чарующее путешествіе по ней". Однако, въ нашей литературѣ не имѣется подходящаго путеводителя для этого „чарующаго путешествія", и книга Жюссерана является у насъ давно жданнымъ цѣльнымъ обозрѣніемъ этой, быть можетъ, наиболѣе любопытной изъ исторій національныхъ литературъ. У насъ есть цѣнныя статьи и самостоятельные труды, посвященные отдѣльнымъ эпизодамъ литературной исторіи Англіи

(Стороженко, Варшера, Спасовича, Лесевича), есть главы, посвященныя Англіи въ общихъ курсахъ исторіи литературы (Шерра, Кирпичникова), есть превосходные переводные обзоры исторіи англійской литературы XVIII (Геттнеръ) и XIX (Брандесъ) вѣковъ. Полнаго курса ея—кромѣ книги Тэна—мы не имѣемъ. Между тѣмъ съ выхода въ свѣтъ классическаго труда Тэна прошло уже около тридцати пяти лѣтъ — срокъ слишкомъ значительный для изслѣдованія древнѣйшаго періода исторіи литературы, обработаннаго съ достаточной обстоятельностью лишь въ теченіе послѣдней четверти вѣка.

Именно этой первобытной стадіи англійской словесности посвященъ первый томъ книги Жюссерана. Онъ назвалъ ее не совсѣмъ обычно „Histoire littéraire du peuple anglais", но онъ имѣлъ на это право. Въ его трудѣ исторія литературы дѣйствительно сливается съ исторіей народа; это не представляетъ непобѣдимыхъ трудностей для того, кто ясно понимаетъ истинное содержаніе этихъ терминовъ, для кого исторія литературы не отождествляется съ хронологическимъ спискомъ книгъ, а исторія народа съ родословными таблицами. Авторъ долго жилъ въ Англіи и изучалъ ее по книгамъ и по живымъ встрѣчамъ; онъ старался проникнуть въ основы ея народнаго духа и пытался объяснить ея литературное развитіе ея національнымъ характеромъ. Индивидуальныя созданія отдѣльныхъ творцовъ отступаютъ поэтому въ его книгѣ на второй планъ предъ народно-психологическими моментами, комбинація которыхъ опредѣляетъ то или иное направленіе личнаго творчества. Это даетъ ему возможность выйти изъ рамокъ національнаго языка и видѣть зачатки англійской литературы въ тѣхъ духовныхъ движеніяхъ, которыя находили себѣ выраженіе во французскихъ поэмахъ и фабліо и въ латинскихъ проповѣдяхъ и хроникахъ; такимъ образомъ эпоха, когда мысль вождей народа выражалась не на народномъ языкѣ, не производитъ въ его изложеніи впечатлѣнія интеллектуальнаго упадка: была англійская литература, потому что не умирала англійская мысль. Матеріалы, которые онъ привлекаетъ къ изслѣдованію, чрезвычайно разнообразны и могли бы внушить мысль, будто авторъ далеко переступаетъ черезъ границы собственно исторіи литературы, если бы онъ не пользовался ими только для послѣдней. И духовныя движенія, и политическая жизнь, и внѣшняя культура гораздо глубже связаны съ литературой, чѣмъ это можетъ показаться поверхностному взгляду; связь эта тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ она тоньше и интимнѣе: она отражается не только на содержаніи литературы, но и на томъ, что принято называть ея формами. Авторъ предполагаетъ въ будущемъ изложеніи обратиться, между прочимъ, къ философамъ, но, конечно, не затѣмъ,

чтобы вводить читателя въ ихъ теоріи по существу—исторія литературы не есть исторія философіи—но потому, что „Бэконъ, Гоббсъ и Локкъ были отцами многочисленныхъ поэтовъ, которые никогда не читали ихъ сочиненій, но дышали той атмосферой, въ которой носились ихъ идеи“. Авторъ ведетъ насъ въ средневѣковой парламентъ, мы видимъ, какъ уже въ это время ростетъ могущество коммунъ и гордое самосознаніе ихъ незнатныхъ представителей, бакалейщиковъ и портныхъ. Ихъ короли говорятъ еще по французски, но они не желаютъ уже francigenare (офранцуживаться); эти практичные, богатые и свободные люди хотятъ быть самими собой — и у нихъ является своя поэзія, бодрая, самобытная, чисто народная и по сюжету, и по настроенію, и по языку; даже стихосложеніе Чосера—новое, единственно пригодное для новаго національнаго языка. Позже мы видимъ, какъ англійская проза достигаетъ значительной степени совершенства благодаря тому, что Виклефъ избралъ народный языкъ своимъ оружіемъ. Еще позже авторъ будетъ имѣть возможность—и, вѣрно, воспользуется ею—показать, какъ развитіе индивидуальности съ непреклонной послѣдовательностью приводитъ изящную литературу къ ея высшей формѣ, къ поэзіи личности—къ новой драмѣ.

Этой части изслѣдованія Жюссерана придется, вѣрно, ждать еще довольно долго: до сихъ поръ изъ предположенныхъ трехъ томовъ вышелъ только первый, заканчивающійся средними вѣками. Это—одно изъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ мы предпочли бы видѣть въ русскомъ переводѣ другой курсъ исторіи англійской литературы. Есть и другія причины. Не то, чтобъ книга Жюссерана была неудачна — наоборотъ, въ ней многое заслуживаетъ полнаго одобренія,— но не съ нея надо было начать. Она не предполагаетъ большой подготовки, она жива и интересна и не требуетъ исчерпывающаго знанія фактовъ—это ея достоинства; но она и не даетъ этого знанія—въ этомъ ея недостатокъ. Грѣшно было бы упрекнуть знанія автора въ поверхностности, но въ этомъ можно упрекнуть его манеру. Нѣмецкія работы (Тэн-Бринка и Брандля, Вюлькера) были, кажется намъ, болѣе пригодны для нашей читающей публики.

Переводъ сдѣланъ старательно и безъ грубыхъ погрѣшностей; переводчикъ, очевидно, знаетъ языкъ, но не имѣетъ тѣхъ свѣдѣній, отсутствіе которыхъ непремѣнно сказывается на переводѣ научнаго труда. Онъ называетъ Женьевру—Геньеврой, Троила—Троиліемъ и представителей анжуйскаго дома Анжуйцами; онъ пишетъ то Азинкуръ, то Азэнкуръ, то Виссаріонъ, то Бессаріонъ, то Матвѣй Парижскій, то Матье Пари. Кентербери имѣетъ у него четыре разныхъ транскрип-

ціи. Онъ боится назвать Патрологію аббата Миня или мейстерзингеровъ по русски и оставляетъ ихъ французскія названія „Patrologie de Migne“, „maîtres—chanteurs“. Напрасно также онъ перевелъ заключительныя строки предисловія, гдѣ говорится, что къ книгѣ „приложенъ краткій перечень историческихъ событій въ хронологическомъ порядкѣ, а также азбучный указатель“: въ русскомъ изданіи—это весьма характерно—нашли возможнымъ обойтись не только безъ этихъ приложеній, но и безъ простого оглавленія, что, конечно, затрудняетъ пользованіе книгой.

Я. В. Абрамовъ. Ибсенъ и Бьернсонъ. Литературная характеристика. (Популярная Библіотека, изд. М. Городецкаго, № 1). Спб.

Я. В. Абрамовъ. Два великихъ француза: благодѣтель человѣчества Луи Пастеръ и апостолъ образованія Жанъ Масэ. (Популярная Библіотека № 3) Спб.

Популярное изложеніе предназначается для тѣхъ читателей, которые не могутъ безъ помощи посредника-истолкователя ознакомиться съ извѣстными истинами, входящими въ кругъ общаго образованія. Популяризаторъ не обѣщаетъ дать что нибудь свое по существу—онъ берется представить уже добытые результаты изслѣдованія въ такой формѣ, которая сдѣлала бы ихъ доступными и неподготовленному читателю. Оригинальность популяризатора заключается въ умѣніи найти такую общепонятную и интересную форму для сложныхъ и трудныхъ истинъ; это не легко, это предполагаетъ извѣстную степень духовной самостоятельности и глубокое знакомство съ матеріаломъ; поэтому то хорошими популяризаторами бываютъ обыкновенно люди, сдѣлавшіе кое что не только для распредѣленія, но и для приращенія богатствъ науки. Двухъ крайностей избѣгаетъ хорошая популярная статья: во первыхъ, банальностей, потому что банальности скучны, во вторыхъ, парадоксовъ, попусту огорошивающихъ робкаго читателя и въ дальнѣйшемъ не получающихъ никакого подтвержденія. Это, разумѣется, не затрагиваетъ правъ настоящей духовной самостоятельности—наоборотъ, это ее предполагаетъ, но даетъ ей другое примѣненіе. Къ тому же мысль самостоятельно думающаго человѣка достаточно глубока и связана съ прошлымъ, чтобы не производить впечатлѣнія парадокса. Иное дѣло, когда за этимъ парадоксомъ нѣтъ ничего.

Представьте себѣ средняго русскаго читателя, для котораго предназначены всѣ эти „популярныя“, „европейскія“, „международныя“, „русскія“, и прочія брошюрки. Онъ не знаетъ ни скандинавскихъ, ни иныхъ писателей и вообще настолько дурно освѣдомленъ по части современной литера-

туры, что пошелъ учиться у г. Абрамова. И вотъ, ему прямо безъ оговорокъ объявляютъ на второй страницѣ: „талантъ Чехова нисколько не уступаетъ таланту Достоевскаго", Пьеръ Лоти долженъ быть по всей справедливости названъ ничтожествомъ, а Кларесси относится къ тѣмъ современнымъ писателямъ, „которые могутъ быть смѣло поставлены рядомъ и даже выше многихъ самыхъ выдающихся корифеевъ прошлаго". *Смѣло*—это главное: смѣлость города беретъ; набравшись смѣлости, можно заявить, что „Коппе по меньшей мѣрѣ стоитъ Гюго" и не удостоить бѣднаго „популярнаго" читателя какимъ бы то ни было подтвержденіемъ этого воззрѣнія. Конечно, всякій воленъ думать о Коппе и Гюго, что ему угодно, но высказывать это не совсѣмъ общепринятое воззрѣніе въ популярной брошюркѣ значитъ вводить въ заблужденіе „малыхъ сихъ". И г. Абрамовъ знаетъ, что это воззрѣніе далеко не принято; онъ даже ужасается, „какой бы гнѣвъ вызвало во Франціи печатное заявленіе, что Коппе стоитъ Гюго". Это, конечно, не такъ: во Франціи также привыкли къ нелѣпостямъ, какъ и у насъ, и также, какъ у насъ, на нихъ не обращаютъ большого вниманія. Впрочемъ, иногда г. Абрамовъ доказываетъ свои оригинальные тезисы. „До какой степени современное французское общество недовольно своей литературой—достаточно наглядно выясняетъ тотъ фактъ, что неоднократно баллотировавшійся въ академію „безмертныхъ" Золя постоянно получаетъ 1—3 голоса". Schlagender Beweis, какъ говорятъ нѣмцы. Не говоря ужъ о томъ, что академія не общество, г. Абрамовъ могъ бы вспомнить, что столь цѣнимые имъ и популярные во Франціи Бурже и Коппе тоже не академики.

Характеристики двухъ столповъ норвежской литературы, представленныя въ брошюрѣ, довольно ординарны—не столько характеристики, сколько вообще всякія свѣдѣнія и размышленія объ Ибсенѣ и Бьернсонѣ. Наше вниманіе остановилось на одной главѣ изъ статейки объ Ибсенѣ: „Проповѣдникъ индивидуализма". Индивидуализмъ—одна изъ тѣхъ темъ, къ которымъ надо подходить съ большой осторожностью и съ большими знаніями. Г. Абрамовъ видитъ въ индивидуализмѣ по преимуществу протестъ личности противъ „дурацкихъ понятій о приличіяхъ", „всякаго рода традицій", „условныхъ понятій и преданій", словомъ, всякой „мѣшанины якобы „общественно-необходимаго". Онъ, вѣроятно, очень удивился бы, узнавъ, что тотъ „крайній индивидуализмъ", проповѣдникомъ котораго онъ—безъ достаточнаго основанія—считаетъ Ибсена, довольно легко мирится съ приличіями, но отрицаетъ многое такое, что кажется г. Абрамову незыблемымъ. Онъ отрицаетъ не только „*якобы* общественно-необходимое", но на-

примѣръ, и всю мораль альтруизма; онъ не столько ставитъ права личности выше правъ общества, сколько права одной личности выше правъ другой. И среди проповѣдниковъ такого, дѣйствительно крайняго индивидуализма голосъ Ибсена далеко не самый сильный. Говорить, что Ибсенъ, настаивая на правахъ личности, мало думаетъ объ ея обязанностяхъ, можно только не зная или не понимая Ибсена, герои котораго только и думаютъ, что о своихъ неисполненныхъ обязанностяхъ.

Гораздо удачнѣе другая книжка г. Абрамова, посвященная дѣятельности Пастера и Масэ; можно сказать, что здѣсь кой что упрощено на счетъ полноты и точности, но изложеніе просто и ясно, а самая мысль ознакомить большой кругъ читателей съ замѣчательной организаторской и просвѣтительной дѣятельностью апостола народнаго образованія Масэ, очень мало извѣстнаго у насъ съ этой стороны, заслуживаетъ полнаго одобренія.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1897.

Дюрингъ—оригинальная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненная непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій фигура современной литературы. Крупный умъ, выдающаяся сила анализа, обширная эрудиція, искренность мысли, литературный талантъ,—чего бы кажется еще надобно, чтобы занять мѣсто въ первыхъ рядахъ всемірной литературы, среди вождей современнаго цивилизованнаго человѣчества? И, однако, чего-то недостаетъ Дюрингу, и чего то очень значительнаго... Современное человѣчество его охотно читаетъ, но вождемъ своимъ не признаетъ, никогда не признаетъ. И нѣтъ такой группы въ составѣ цивилизованнаго человѣчества, которая могла бы или пожелала бы зачислить Дюринга въ свои ряды, не только въ свои вожди. И нѣтъ такой группы въ составѣ современнаго человѣчества, которая не могла бы воспользоваться Дюрингомъ для поддержки своихъ идей и стремленій, будь то реакціонеры, либералы, соціалисты, даже анархисты. Всѣ найдутъ не бѣдную для себя жатву... И, однако, не можетъ быть сомнѣнія, что Дюрингъ—крупный умъ и добросовѣстный мыслитель. Откуда же берутся эти несовмѣстимыя противорѣчія? Тотъ самый писатель, который могъ бы по праву гордиться защитою правъ *человѣческой* личности, обоснованіемъ неотъемлемаго права на полноту жизни и развитія, вслѣдъ за тѣмъ или даже вмѣстѣ съ тѣмъ, подчиняетъ эти неотъемлемыя права этническому элементу, согласенъ или даже

рекомендуетъ калѣчить личность во славу націонализма! И въ концѣ концовъ, вы недоумѣваете, какую же человѣческую личность имѣлъ въ виду мыслитель? Походитъ, что только германскую, но это совсѣмъ не походитъ на другіе выводы мыслителя...

Горе Дюринга (если внимательно и безпристрастно всмотрѣться въ его интеллектуальную физіономію) въ томъ оригинальномъ строеніи его интеллекта, что наряду съ замѣчательно сильнымъ и глубокимъ, зачастую блестящимъ анализомъ, его мыслительный аппаратъ совершенно лишенъ способности серьезнаго синтеза. Но безъ синтеза можно только критиковать. Ученіе создается только гармоническою работою анализа и синтеза, критики и умственнаго творчества. Но Дюрингъ постоянно стремится создавать ученіе, предлагать систему, рекомендовать программу. Ограниченный, однако, въ синтетической работѣ, онъ ее постоянно дополняетъ, порою совершенно замѣняетъ произвольною догмою, которая вмѣсто логическаго обобщенія и распредѣляетъ матеріалъ, добытый анализомъ. Въ результатѣ получается нерѣдко цѣнный матеріалъ, уродливо распредѣленный и освѣщенный. Чтобы недалеко ходить за примѣромъ, возьмемъ его изъ книги Дюринга, названіе которой выше приведено въ заголовкѣ этой рецензіи.

На стр. 11—16 книги встрѣчаемъ разборъ эпической германской поэмы: „Пѣсни о Нибелунгахъ". Анализъ этой поэмы во многихъ отношеніяхъ интересенъ, расчлененіе поэмы на элементы, противоположеніе первой и второй части и многое другое. Передъ Дюрингомъ возникаетъ, въ концѣ концовъ, вопросъ, какъ объяснить этотъ противоположеніе? Съ одной стороны, доблесть и вѣрность, воплощенныя въ Зигфридѣ, героѣ первой частей, а съ другой стороны, жестокость и вѣроломство, наполняющія собою вторую часть, кажутся Дюрингу несовмѣстимыми въ одномъ міровоззрѣніи. Въ сущности, именно въ первобытномъ міровоззрѣніи они не только совмѣстимы, но всегда другъ другу соотвѣтствуютъ, потому что въ извѣстныхъ случаяхъ (какъ долгъ кровавой мести, составляющій содержаніе второй части *Нибелунговъ*) жестокость и вѣроломство признаются доблестью и добродѣтелью. Дюрингъ однако ищетъ объясненія въ другомъ мѣстѣ. „Примѣсь второго, худшаго способа мышленія, несогласуемаго со способностью къ зигфридовскому идеалу, нужно отнести на счетъ франковъ, болѣе приблизившихся къ романскимъ народамъ и менѣе участвовавшихъ въ этомъ отношеніи въ германскомъ типѣ" (стр. 14). Аналитическимъ путемъ къ этому выводу придти нельзя, необходимъ синтезъ, т. е. сопоставленіе чертъ романскаго эпоса съ чертами германскаго эпоса, а въ его средѣ франкскихъ сказаній и обычаевъ со сказаніями и обычаями саксовъ, алле-

мановъ, турингов, швабовъ. Ничего этого Дюрингъ не даетъ. Конечно, не въ пѣсняхъ о Роландѣ, не у трубадуровъ и труверовъ, не въ обычаяхъ провансальскаго рыцарства слѣдуетъ искать параллелей жестокости и вѣроломству второй части *Нибелунговъ*. Впрочемъ, дѣло даже не въ томъ, справедливъ или нѣтъ выводъ Дюринга, а въ томъ, какъ онъ сдѣланъ? Это не синтезъ, сколько нибудь считающійся съ правилами метода, а произвольная догма о превосходствѣ нравственнаго типа германцевъ надъ романскими народами при такомъ же произвольномъ выводѣ о большей близости франковъ романскимъ народамъ. Рѣчь идетъ, конечно, не о салическихъ франкахъ, переселившихся въ Галлію и тамъ романизовавшихся, а объ рипуарскихъ, оставшихся въ Германіи и нынѣ составляющихъ преобладающій элементъ всей западной Германіи.

Этотъ маленькій примѣръ вводитъ насъ не только въ лабораторію Дюринговой мысли, но и въ пониманіе его новаго труда, появленіе котораго на русскомъ языкѣ и подало поводъ къ этимъ замѣткамъ. Вся книга, въ сущности, построена по вышепоказанному способу. Блестящія частности, связанныя воедино не объединяющимъ синтезомъ, а произвольною догмою о недосягаемомъ превосходствѣ индо-европейской расы надъ иными прочими и о такомъ же неизмѣримомъ превосходствѣ германской народности надъ другими индо-европейскими. Борьба германскаго духа съ семитизмомъ (въ формѣ католицизма, который Дюрингу представляется семитическимъ твореніемъ), романствомъ и славянствомъ (особенно послѣднимъ) и постепенное торжество германизма и его возвышенныхъ принциповъ—такова та схема литературной исторіи, которая была продиктована вышеупомянутою произвольною догмою. Для насъ, русскихъ, очень интересна и поучительна глава: „Nichtgrössen und blosse Ausreichnungen im Shlechten und Guten". Здѣсь находимъ разборъ русской литературы, въ русскомъ переводѣ почему то пропущенный. Что въ этомъ виновны не какія либо щекотливыя соображенія, доказывается тѣмъ, что, вскорѣ послѣ выхода книги Дюринга по нѣмецки, въ *Русскомъ Богатствѣ* были приведены всѣ существенныя и самыя рѣзкія сужденія Дюринга о русской литературѣ (см. 1894, № 4, хроника вн. жизни, 123—125). Переводчикъ, такимъ образомъ, самъ не захотѣлъ передать эти мѣста, дѣйствительно исполненныя презрительнаго высокомѣрія къ славянамъ, трактуемымъ, какъ низшая и опасная культурѣ раса. Между тѣмъ для русскаго читателя эти мѣста были бы хорошимъ противоядіемъ противъ такой же нетерпимости Дюринга къ другимъ народностямъ, нетерпимости, свято сохраненной переводчикомъ. Полагаемъ, что переводчикъ не имѣлъ права представлять переводимое имъ сочине-

ніе въ такомъ невѣрномъ освѣщеніи. Цѣнное по частностямъ и ложное по своей идеѣ, сочиненіе Дюринга въ своемъ полномъ видѣ опасно только нѣмцамъ, потому что задѣты въ въ ней всѣ остальныя народности, которыя и возьмутъ только цѣнное, гарантированные отъ всасыванія нетерпимости нетерпимостью, самими испытываемой. Переводчикъ пожелалъ лишить русскаго читателя этой гарантіи.

Т. Циглеръ, профессоръ страсбургскаго университета. **Нѣмецкій студентъ конца XIX вѣка.** Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Н. И. Карѣева. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Нашимъ читателямъ нѣсколько знакома эта книжка: когда она—года три тому назадъ—появилась на нѣмецкомъ языкѣ, о ней подробно сообщалъ германскій корреспондентъ „Русскаго Богатства“. Она произвела въ Германіи значительное впечатлѣніе, вызвала множество статей pro и contra, и когда одна большая нѣмецкая газета въ концѣ 1895 года предложила выдающимся соотечественникамъ высказаться, какую книгу за истекшій годъ они считаютъ лучшей, многіе назвали книжку Циглера. Русскій переводъ ея является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что вопросы университетской жизни, и вообще не сходящіе у насъ съ очереди, въ послѣднее время, какъ будто приближаясь къ пересмотру, особенно интересовали общественное вниманіе. Въ печати говорили о системѣ гонораровъ, о положеніи профессоровъ, о нѣкоторыхъ сторонахъ студенческой жизни. Именно послѣдней и посвящена книжка нѣмецкаго профессора, изложенная имъ первоначально въ видѣ лекцій предъ университетской аудиторіей. Курсы „über das academische Studium“—не рѣдкость и не новость въ Германіи; они читаются обыкновенно спеціалистами по философіи, и тотъ успѣхъ, которымъ они пользуются даже у нѣмецкихъ студентовъ, показываетъ, какъ жадно ждетъ молодежь отъ своихъ оффиціальныхъ учителей слова поученія, а не одной только науки, какъ стремится она—по примѣру Лессинга—„въ университетѣ учиться жить“. Лекціи Циглера нѣсколько уклонились отъ обычной программы: онъ читалъ не „объ университетской наукѣ“, и потому нашелъ возможнымъ исключить изъ своихъ лекцій соображенія о профессорахъ, объ академической свободѣ (въ смыслѣ свободы преподаванія), объ отношеніи университета къ государству, о смыслѣ дѣленія на факультеты. Но за то онъ говорилъ подробнѣе о томъ, что интереснѣе для студента: о студенческой жизни. Эта жизнь имѣетъ въ Германіи свои особенности, но въ общемъ отличіе ея отъ быта нашихъ студентовъ не такъ ужъ велико, какъ могло бы показаться, если бы судить только по различію общихъ куль-

турныхъ условій; и затѣмъ, какъ говоритъ редакторъ перевода, „многое изъ того, что говорится въ этой книжкѣ, можетъ быть примѣнено и ко всякому студенческому быту". Лекціи Циглера распадались на два отдѣла: о частной жизни студента и объ его университетскихъ занятіяхъ. Въ первой части онъ говорилъ объ академической свободѣ студента, т. е. о свободѣ учиться и жить безъ дисциплинарной указки, о студенческой чести, о томъ, поскольку ее нарушаютъ пьянство, распутство, жизнь не по средствамъ, и поскольку ее поддерживаютъ дуэли, о корпораціяхъ и землячествахъ, объ отношеніи студента къ политикѣ и къ соціальному вопросу и о его практической дѣятельности въ этой области; лекція о положеніи студента въ такъ называемомъ „обществѣ" заканчиваетъ эту часть курса Циглера. Во второй половинѣ онъ говорилъ объ университетской наукѣ, о томъ, чего ищетъ въ ней студентъ и чѣмъ она должна быть для него, объ отношеніяхъ студента къ религіи и церкви, къ искусству и литературѣ, къ своимъ учителямъ и обязанностямъ, къ будущему экзамену, университетскому и государственному. Циглеръ заканчивалъ свой интересный курсъ во время бурной полемики по поводу посягательствъ на свободу науки и онъ не задумался въ заключительномъ словѣ бросить вызовъ „людямъ мрака" и ихъ „реакціоннымъ" параграфамъ". Обращая взоры впередъ, онъ увѣщевалъ своихъ слушателей всю жизнь стоять за академическую свободу. „Будемъ доступны тому новому духу, который долженъ-же въ концѣ столѣтія замѣнить собою усталую декадентскую развинченность: это духъ свѣжій и свободный, радостный и мужественный, нравственно-соціальный духъ, который долженъ оживить наступающее двадцатое столѣтіе". Этимъ гуманнымъ, бодрымъ и дѣятельнымъ настроеніемъ проникнуты всѣ лекціи нѣмецкаго профессора.

Переводъ сдѣланъ литературно и точно, но не лишенъ кой какихъ погрѣшностей, которыя мы отмѣчаемъ для исправленій въ новомъ изданіи. Читатель, для котораго понадобился русскій переводъ, конечно, не пойметъ такихъ словъ, какъ Salamander и Gigerlmode—словечко изъ нѣмецкаго langue verte, котораго онъ и въ словарѣ не отыщетъ; то-же надо сказать и о неологизмахъ „коммилитоны" и „пеннализмъ". „Kollegia"—не непонятныя „лекціи коллегіума", а самыя обыкновенныя лекціи, и „Kollegienhonorar"—„не коллегіальный (sic!) гонораръ", а простой профессорскій гонораръ. „Primaner"—не „только что поступившіе новички", а, наоборотъ, ученики послѣдняго класса гимназіи, по нашему „восьмиклассники"; равнымъ образомъ „Tertianer und Secundaner" — не „третьеклассники", а приблизительно „шести—семиклассники"; „Burschenschaft" никакъ нельзя перевести „бурсачество", а названіе извѣ-

стнаго юмористическаго листка „Fliegende Blätter“ и совсѣмъ не слѣдовало переводить; нельзя называть его „Летучіе листки“, какъ мы не называемъ *Times*—„Временами“ и *Revue des deux Mondes*—„Обозрѣніемъ двухъ міровъ“.

Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Густава Адольфа Гирна. Переводъ съ французскаго (изданіе московскаго психологическаго общества). М. 1898.

Имя Гирна пользуется значительною извѣстностью въ ученомъ мірѣ, но эта извѣстность довольно своеобразная. Талантливый инженеръ, которому мы обязаны нѣсколькими прекрасными открытіями, и замѣчательный экспериментаторъ, раздѣляющій съ Джоулемъ и Клаузіусомъ славу опредѣленія механическаго эквивалента теплоты,—Гирнъ, однако, является весьма ненадежнымъ руководителемъ въ области высшихъ отвлеченій современной „натуральной философіи“, хотя именно въ этой области онъ и работалъ съ наибольшимъ усердіемъ и одушевленіемъ.

Для людей, знакомыхъ съ современнымъ положеніемъ физическихъ наукъ, достаточно прочитать нижеслѣдующій отрывокъ изъ разсматриваемой книги, чтобы понять, каково должно быть мѣсто Гирна среди современныхъ физиковъ-философовъ.

„Книга эта, говоритъ авторъ на стр. 7, какъ выраженіе метафизики нашихъ современныхъ наукъ, составляетъ, отъ начала до конца, энергическій протестъ противъ того, что я осмѣливаюсь назвать самымъ крупнымъ заблужденіемъ нашего времени“.

„Много сочиненій, говорю я, появилось о матеріи, о силѣ, о жизни; одинаковое заглавіе, какъ кажется съ перваго взгляда, приличествовало-бы всѣмъ имъ: „Единство силъ природы“, и нѣкоторые изъ авторовъ дѣйствительно избрали такое заглавіе. Это заглавіе, казалось-бы, величественный синтезъ, и еслибы содержаніе сочиненія соотвѣтствовало заглавію, то, конечно, не въ эту сторону могла бы быть направлена критика. Но довольно прочесть страницъ двадцать какого-нибудь изъ нихъ, чтобы убѣдиться, что такое заглавіе слѣдовало бы замѣнить совсѣмъ инымъ: „Отрицаніе силы“.

„Исходя изъ мнимаго утвержденія термодинамики, изъ мнимаго открытія, будто теплота есть ничто иное, какъ *колебательное движеніе* атомовъ матеріи, смѣло распространили тоже образное объясненіе и на явленія свѣта, электричества, магнетизма“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Гирна, ученіе о томъ, что теплота есть родъ движенія, является „*мнимымъ открытіемъ*“, „мнимымъ утвержденіемъ термодинамики“... Однако, всѣ успѣ-

жи физики за послѣднія 50 лѣтъ связаны именно съ этимъ „мнимымъ открытіемъ...“

Гирнъ, какъ мы видѣли, упрекаетъ современныхъ ученыхъ въ томъ, что они подъ видомъ „единства силъ“ преподносятъ „отрицаніе силы“. Для людей недостаточно знакомыхъ съ физикою, мы пояснимъ, что это отрицаніе силы сводится къ отрицанію существованія нѣкоторой самобытной сущности, называемой силою, и къ замѣнѣ понятія силы понятіемъ энергіи, какъ извѣстнаго состоянія матеріи. Поэтому упрекъ Гирна сводится просто къ тому, что современные ученые не хотятъ признать существованія особаго начала: силы. Философія-же самого Гирна сводится къ тому, что существуетъ три самобытныя начала: анимистическій элементъ, сила и матерія.

По мнѣнію Гирна, всѣ философіи, „всѣ эскизы, какъ и всѣ самыя точныя рѣшенія относительно элементарнаго состава вселенной приходятъ окончательно къ спиритуализму, къ пантеизму, или къ матеріализму“ (стр. 2). И, въ связи съ этимъ, онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ цѣль своего сочиненія: „какъ произведеніе философское, оно составляетъ опроверженіе матеріализма и пантеизма, оправданіе самаго безусловнаго спиритуализма; какъ произведеніе чисто научное,—опроверженіе всѣхъ частныхъ теорій, которыя въ физикѣ, въ механикѣ ведутъ всякій толковый, послѣдовательный умъ прямо къ двумъ первымъ ученіямъ“ (стр. 9).

Для опроверженія матеріализма Гирнъ выставляетъ свое ученіе о силѣ, какъ самостоятельной сущности. „Самымъ яснымъ“ и „самымъ рѣшительнымъ“ доказательствомъ справедливости этого своего утвержденія Гирнъ считаетъ то обстоятельство, что „по даннымъ механической теоріи теплоты и при помощи математическаго анализа я (т. е. Гирнъ) доказалъ, въ одной изъ своихъ послѣднихъ работъ, что матерію нельзя признавать дѣлимою до безконечности; что атомъ химиковъ не есть существо чисто условное, которое служитъ только средствомъ для объясненія; но что онъ дѣйствительно существуетъ, что объемъ его безусловно неизмѣняемъ, и что слѣдовательно онъ *не упругъ*. Сила, слѣдовательно, не *въ* атомѣ; она *въ* пространствѣ, раздѣляющимъ атомы другъ отъ друга“ (стр. 56). Но дѣло въ томъ, что въ настоящее время нѣтъ даже надобности разсматривать, вѣренъ или не вѣренъ былъ математическій анализъ Гирна, доказывавшій, что атомъ долженъ быть не упругъ, ибо Гирнъ имѣлъ при этомъ въ виду старую концепцію атома на манеръ Демокрита и Лейкиппа. Между тѣмъ извѣстно, что, благодаря работамъ Гельмгольтца и Вильяма Томсона, вопросъ о строеніи матеріи вступилъ въ новую фазу своего развитія. Всѣмъ извѣстна знаме-

витая гипотеза Томсона о томъ, что вселенная наполнена „совершенною жидкостью" (физики называютъ „совершенною жидкостью" жидкость абсолютно подвижную и несжимаемую) и что такъ называемая матерія есть ничто иное, какъ „вихри" этой абсолютной жидкости. Эта гипотеза извѣстна подъ именемъ гипотезы вихреобразныхъ атомовъ и, какова-бы ни была ея дальнѣйшая судьба, несомнѣнно, что къ ней не примѣнимы всѣ тѣ возраженія, которыя дѣлались противъ прежнихъ гипотезъ.

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: книга Гирна появилась въ 1868 году, слѣдовательно, ровно тридцать лѣтъ тому назадъ. Уже и тогда она не вполнѣ соотвѣтствовала положенію физическихъ наукъ (ибо изслѣдованіе Гельмгольтца о вихреобразномъ движеніи жидкостей появилось въ 1858 году, а знаменитое ученіе В. Томсона о строеніи матеріи появилось въ 1867 году), теперь-же, черезъ тридцать лѣтъ, это несоотвѣтствіе сдѣлалось весьма значительнымъ. Русскій переводъ появился съ двумя предисловіями, небольшою замѣткою проф. Грота и довольно значительною (XXXI стр.) статьею переводчика книги, г. Старынкевича. Но, къ сожалѣнію, въ обоихъ предисловіяхъ не сдѣлано ни малѣйшей попытки дополнить книгу Гирна, показать, какимъ образомъ идеи Гирна могутъ состязаться съ ученіями новѣйшихъ физиковъ, начиная съ Гельмгольтца, Томсона и Клерка Максвелля и кончая Герцомъ.

Но возвратимся къ изложенію идей Гирна. Мы видѣли, что матеріализмъ опровергается Гирномъ указаніемъ на то, что „сила" должна быть не въ атомѣ, а внѣ атома, въ пространствѣ. Противъ пантеизма онъ также выставляетъ свое ученіе объ атомѣ; онъ говоритъ: „пантеизмъ, въ собственномъ смыслѣ, по самому своему опредѣленію, несовмѣстимъ съ представленіемъ о существованіи недѣлимаго матеріальнаго атома, потому что такой атомъ оставался-бы индивидомъ, навсегда отличнымъ отъ великаго Цѣлаго, и никогда не поддавался-бы никакому превращенію въ своей сущности и формѣ. И въ такомъ случаѣ не было бы причины не допускать, что могутъ существовать еще и другія индивидуальности, на всегда отличныя другъ отъ друга и отъ самого атома. Признавъ существованіе атома, неизмѣннаго по величинѣ и формѣ, я отвергъ, слѣдовательно, этимъ самимъ пантеизмъ, въ его самомъ высокомъ и самомъ поэтическомъ выраженіи, въ такомъ, какъ онъ понимается, напримѣръ, нѣкоторыми философами Индіи" (стр. 64—5).

Такимъ образомъ, двѣ изъ трехъ единственно возможныхъ, по мнѣнію Гирна, гипотезъ опровергнуты. Гипотезы мате-

ріализма и пантеизма оказываются несостоятельными; остается, слѣдовательно, только спиритуалистическая гипотеза.

Спиритуализмъ Гирна, какъ мы видѣли, сводится къ признанію трехъ самостоятельныхъ началъ: матеріи, силы и анимистическаго начала. Необходимость существованія самостоятельной сущности, называемой „силою", возникаетъ передъ Гирномъ вслѣдствіе того, что онъ отвергаетъ (*но не опровергаетъ*) кинетическую теорію современныхъ ученыхъ, довольствующихся понятіемъ энергіи. Необходимость же признанія „анимистическаго начала" является у него слѣдствіемъ стремленія олицетворить (гипостазировать, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ философы) „организующую силу" (стр. 92). „Именно анимистическое начало, читаемъ мы на стр. 93, принадлежащее каждому живому существу, организуетъ это существо, даетъ ему внутреннюю и внѣшнюю форму, привлекая для этого элементы изъ окружающей среды и связывая ихъ между собою своимъ регулирующимъ дѣйствіемъ, которое оно производитъ съ помощью силъ".

Мы употребляли термины „сила" и „анимистическое начало" въ единственномъ числѣ. И самъ Гирнъ долго поступаетъ подобнымъ-же образомъ; но на стр. 61 мы читаемъ: „До сихъ поръ я употреблялъ всегда слово *сила* въ единственномъ числѣ. Если мы примемъ въ соображеніе все разнообразіе явленій, хорошо опредѣленныхъ и классифицированныхъ, то приходимъ къ заключенію, что слово это должно быть употребляемо во множественномъ числѣ. Трудно, напримѣръ, смѣшивать силу, которая порождаетъ явленія всемірнаго притяженія, съ тою, которая соединяетъ два химически различныхъ атома, или съ тою, которую съ самаго нананачала этого сочиненія я назвалъ тепловою силою". А на стр. 94 мы читаемъ: „Очевидно необходимо, чтобы существовало столько-же различныхъ анимистическихъ началъ, сколько различныхъ родовъ живыхъ существъ, потому что только родовое различіе въ этомъ началѣ можетъ объяснить непрерывное различіе проявленій жизни".

Читатель видитъ, что, если благодаря своему ученію о силѣ, Гирнъ находится въ противорѣчіи со всею современною физикою отъ Гельмгольтца, Томсона и Клерка Максвелля до Герцâ, то съ другой стороны, своимъ ученіемъ объ организующей силѣ анимистическаго начала онъ пытается свести къ нулю всѣ успѣхи современной біологіи отъ Дарвина до Бючли. Конечно, противорѣчіе высшимъ авторитетамъ своего времени есть одно изъ необходимѣйшихъ условій всякаго поступательнаго движенія въ области науки, но это далеко не единственное условіе прогресса науки; ибо сверхъ этого необходимо выполненіе еще слѣдующихъ двухъ не мало-

важныхъ условій: во первыхъ, необходимо, чтобы мнѣніе этихъ авторитетовъ было дѣйствительно опровергнуто, *а не просто игнорируемо*; во вторыхъ необходимо, чтобы идеямъ авторитетовъ были противопоставлены дѣйствительно *новыя* идеи, а не заржавѣлое старье...

Чтобы закончить изложеніе идей Гирна, намъ остается только указать на взаимное соотношеніе элементарныхъ факторовъ вселенной. Анимистическое начало, сила и матерія, конечно, имѣютъ каждое свое амплуа въ міровой экономіи. „Анимистическое начало" организуетъ „матерію", но это оно дѣлаетъ *не прямо*. „Въ человѣческомъ тѣлѣ, разсматриваемомъ—или какъ орудіе изслѣдованія внѣшняго міра, или какъ двигатель—душа не оказываетъ никакого непосредственнаго дѣйствія на матерію; она становится въ извѣстное отношеніе ко внѣшнему міру и распоряжается движеніями двигателя исключительно только благодаря посредствующему началу, благодаря *силѣ* въ строгомъ смыслѣ этого слова" (стр. 132).

Такимъ образомъ роль „силы" заключается въ посредничествѣ. Различные виды этой „силы", какъ то—„свѣтъ, теплота, электричество являются *посредниками* между разрозненными частями матеріи. Но функціи этихъ составныхъ элементовъ вселенной имѣютъ и другой характеръ, еще болѣе высокій и болѣе общій".

„Я утверждаю, что посредствомъ этихъ началъ одно тѣло *открываетъ* свое существованіе другому тѣлу, одно тѣло *познаетъ* другія тѣла" (стр. 129—130).

Отвергши монистическое міровоззрѣніе (съ которымъ онъ знакомъ только въ лицѣ такихъ несовершенныхъ его представителей, какъ матеріализмъ и пантеизмъ), придя даже не къ дуализму (столь излюбленному спиритуалистами), а къ *тріализму*, Гирнъ естественно долженъ былъ подумать о способѣ взаимодѣйствія своихъ трехъ сущностей. Изъ исторіи философіи онъ, конечно, зналъ, въ какомъ безнадежномъ затрудненіи оказывались философы каждый разъ, какъ пытались указать способъ взаимодѣйствія двухъ разнородныхъ сущностей. Поэтому Гирнъ благоразумно рѣшаетъ, что душа не вліяетъ прямо на тѣло, что это вліяніе совершается при содѣйствіи „посредниковъ", „Силъ". Многимъ, вѣроятно, покажется подобное рѣшеніе весьма остроумнымъ, ибо, какъ это показываетъ исторія мысли, отдаленіе рѣшенія вопроса часто принимается за самое рѣшеніе его. Между тѣмъ Гирнъ не только лишь отдаляетъ рѣшеніе вопроса, но еще при этомъ и удвояетъ затрудненіе, *и именно это удвоеніе затрудненія онъ и принимаетъ за разрѣшеніе его*. Въ самомъ дѣлѣ, если взаимодѣйствіе между *двумя* разнородными сущностями: душою и

тѣломъ немыслимо, то почему болѣе мыслимо взаимодѣйствіе между *тремя* столь же разнородными сущностями; вѣдь здѣсь вмѣсто *одного* немыслимаго взаимодѣйствія, мы имѣемъ *два* столь же немыслимыхъ взаимодѣйствія; а именно взаимодѣйствіе матеріи и силы и взаимодѣйствіе силы и души, причемъ матерія, сила и душа суть три вполнѣ разнородныя сущности.

Выше мы говорили, что ученіе Гирна противорѣчитъ какъ физикѣ, такъ и біологіи. Намъ остается только прибавить, что его концепція матеріи отдаетъ стариннымъ догматизмомъ и какъ эта его концепція, такъ его „тріализмъ" одинаково не стоятъ на высотѣ современной философской мысли.

Кроненбергъ. Философія Канта и ея значеніе въ исторіи развитія мысли. Съ портретомъ Канта. Переводъ съ нѣмецкаго В. Щиглевой. Спб. 1898.

Интересъ къ философіи Канта и по настоящее время настолько великъ, что ежегодно появляются десятки книгъ и статей, посвященныхъ Канту вообще или какой либо части его философіи. Можно даже сказать, что за послѣдніе годы интересъ къ философіи Канта возросъ, внѣшнимъ выраженіемъ чего служитъ хотя бы возникновеніе въ 1896 г. спеціальнаго журнала, посвященнаго Канту: „Kantstudien". Затѣмъ, въ Америкѣ появилась огромная библіографическая работа нѣмецкаго ученаго Адикеса: „German Kantian bibliography", въ которой указано около трехъ тысячъ книгъ и статей, посвященныхъ Канту.

Но кромѣ работъ, предназначенныхъ исключительно для спеціалистовъ, появилось не мало попытокъ популяризовать философію Канта, познакомить съ нею широкую публику.

Разсматриваемая нами книга предназначена не для ученыхъ спеціалистовъ (какъ, напр., Файхингера) и не для студентовъ (какъ, напр., изложенія философіи Канта въ учебникахъ по исторіи философіи), а просто для широкой публики. Главнымъ недостаткомъ этой брошюры слѣдуетъ признать то обстоятельство, что авторъ не даетъ цѣльной картины; онъ какъ-бы механически излагаетъ одно ученіе Канта за другимъ, не умѣя достаточно выяснить ихъ взаимную связь и ихъ логическую послѣдовательность. Но излагаетъ онъ вѣрно, т. е. его нельзя упрекнуть въ явномъ непониманіи и очевидномъ извращеніи Канта. Мы умышленно употребили такія сильныя выраженія, какъ „явное" непониманіе и „очевидное" извращеніе, потому что нѣтъ ничего легче, какъ обвинить любого автора въ нѣкоторомъ непониманіи Канта. Не такъ давно на страницахъ журнала „Вопросы Философіи" велась полемика между

профессорами Каринскимъ и Введенскимъ о томъ, кто изъ нихъ двоихъ неправильно понимаетъ Канта. По этому поводу во французскомъ журналѣ „Revue Philosophique" сдѣлано было ироническое замѣчаніе, что таковъ вообще удѣлъ всякаго ученаго, считающаго себя спеціалистомъ по кантовѣдѣнію, что непремѣнно явится другой спеціалистъ, который станетъ доказывать, что этотъ первый спеціалистъ извращаетъ Канта. И что всего любопытнѣе, такъ это то, что оба противника приведутъ въ подтвержденіе своего мнѣнія множество цитатъ изъ разныхъ сочиненій Канта, и что оба они будутъ, въ сущности, правы...

Послѣ всего этого было бы по меньшей мѣрѣ странно говорить въ простой библіографической замѣткѣ о томъ, согласны ли мы со взглядомъ автора популярной брошюры на Канта. Поэтому мы и ограничиваемся замѣчаніемъ, что „явнаго" непониманія и „очевиднаго" извращенія мы не замѣтили.

Но сверхъ изложенія самой философіи Канта, авторъ старается указать на ея мѣсто въ исторіи человѣческой мысли. Выполненіе этой задачи принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ сторонъ брошюры. Значеніе Локка и Юма очень слабо указано, также, какъ и отношеніе Канта къ Лейбницу. Вмѣсто всего этого, мы встрѣчаемъ только такія общія и, въ сущности, невѣрныя утвержденія, какъ нижеслѣдующее: „три главныхъ поворотныхъ пункта отличаютъ ходъ цивилизаціи, всѣ приблизительно равнаго значенія, и каждый освященъ ореоломъ великаго имени. Въ хронологическомъ порядкѣ имена такъ слѣдуютъ другъ за другомъ: Сократъ, Лютеръ и Кантъ" (стр. 1).

Не достаточно также выяснено и то, почему Канту такъ скоро пришлось отказываться отъ своихъ учениковъ, а также почему эти „продолжатели" Канта скоро пришли къ такимъ построеніямъ, которыя были бы гораздо умѣстнѣе въ томъ случаѣ, если бы Канта никогда и не существовало.

Первобытный человѣкъ. Популярныя бесѣды **Эдуарда Клодда**; переводъ со 2-го англійскаго изданія съ 87 рисунками въ текстѣ. Москва. 1898.

Авторъ задался трудно исполнимой задачей — ознакомить читателей на 186 страничкахъ крошечнаго размѣра съ цѣлымъ рядомъ очень сложныхъ вопросовъ. Онъ начинаетъ свое изложеніе съ протоплазмы, размноженія одноклѣточныхъ и многоклѣточныхъ организмовъ, пытается дать понятіе о теоріи непрерывнаго развитія, переходитъ къ позвоночнымъ, касается вопроса о происхожденіи человѣка и его мѣста въ ряду орга-

мическихъ существъ, геологической древности человѣка, затѣмъ ведется рѣчь о развитіи первобытной культуры, начиная съ палеолитическихъ временъ до начала исторической эпохи. Желая дать понятіе обо всемъ, авторъ касается многихъ вопросовъ вскользь, ничего не выясняя какъ слѣдуетъ. Особенно пострадали отъ этого двѣ первыя главы, посвященныя общимъ біологическимъ и геологическимъ вопросамъ. Мы, напримѣръ, сильно сомнѣваемся, вынесетъ ли читатель, незнакомый съ физіологіей, сколько нибудь правильное понятіе о протоплазмѣ и клѣточкѣ изъ слѣдующаго опредѣленія: „матеріальнымъ основателемъ жизни является студенистое вещество, называемое протоплазмой; оно заключается въ клѣточкѣ съ тонкими стѣнками" (стр. 4). Больше о строеніи клѣточки ни слова; дальше ужъ рѣчь идетъ объ одноклѣточномъ и многоклѣточномъ организмахъ, о размноженіи. Половое размноженіе опредѣляется, какъ „сліяніе, болѣе нежели сложное при безполомъ размноженіи, разнородныхъ клѣточекъ, при чемъ ядро мужской клѣточки, соединяясь съ зародышемъ женской, образуетъ яйцо, изъ котораго развивается клѣточка дѣтенышъ" (стр. 5). Раньше о ядрѣ клѣточкѣ ничего не говорилось, и читатель изъ этого поученія вынесетъ только такой, совершенно новый научный выводъ, что бываютъ клѣточки съ ядрами мужскія и съ зародышами—женскія. Предки человѣка, приматы, жили на деревьяхъ. Пріобрѣтя способность вертикальнаго хожденія, человѣкъ спустился съ дерева и „новый образъ жизни принудилъ его войти въ сношеніе съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ. Ему приходилось вести борьбу за существованіе, которая доставила ему господство, сначала надъ врагами, потомъ надъ всей землей" (стр. 7). Удивительна судьба человѣка! Всѣ живыя существа находятся въ сношеніяхъ съ окружающимъ внѣшнимъ міромъ, всѣ ведутъ борьбу за существованіе. Одинъ только человѣкъ попалъ въ этотъ коловоротъ лишь тогда, когда имѣлъ неосторожность слѣзть съ дерева на землю!

Третичный періодъ, самый важный для выясненія вопроса о происхожденіи человѣка, авторъ дѣлитъ на эоценовый, міоценовый и пліоценовый, (приэтомъ, не знаемъ ужъ, авторъ или переводчикъ утверждаютъ, что слово eos значитъ—*внизъ*). И характеризуетъ эти три періода такъ: „различныя названія указываютъ относительный процентъ раковинъ, найденныхъ въ наслоеніи каждой изъ вышеназванныхъ эпохъ" (стр. 13), т. е. эоцена, міоцена и пліоцена; но какъ же это понять? Гдѣ же относительный процентъ выше? Въ нижнихъ или верхнихъ слояхъ? Какое значеніе можетъ имѣть количество раковинъ въ пласту для опредѣленія его возраста?

Въ цитированной нами фразѣ, не знаемъ, по винѣ ли автора

или переводчика, пропущены два слова, безъ которыхъ она и потеряла всякій смыслъ: еслибъ было сказано—относительный процентъ нынѣ живущихъ раковинъ, находимыхъ въ разныхъ пластахъ и т. д.—все было бы понятно. Ляйэлль, первый предложившій это дѣленіе третичнаго періода на три яруса, этимъ и руководствовался. Верхніе пласты, гдѣ много сходныхъ видовъ съ доселѣ живущими, онъ соединилъ въ пліоценовый ярусъ, слои, гдѣ количество ихъ уменьшается замѣтно, онъ назвалъ міоценовыми. Нижній ярусъ, гдѣ только являются зачатки современной фауны моллюсковъ, онъ назвалъ эоценомъ, отъ слова eos—заря, первые предвѣстники современной фауны.

Археологическая часть труда автора гораздо лучше, хотя и здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ произвольныхъ предположеній, противорѣчій и отсутствіе системы въ изложеніи. Авторъ (стр. 10) считаетъ острый кусокъ кремня первымъ орудіемъ человѣка, хотя навѣрное можно сказать, что гораздо раньше камня, какъ орудіе, служило дерево, такъ какъ сломить сукъ гораздо проще, чѣмъ заострить кусокъ кремня. На страницѣ 21 авторъ указываетъ прародину человѣка въ мѣстности, лежащей между сѣверной Персіей и Манчжуріей, т. е. въ пустыняхъ Монголіи, Тибетѣ, горахъ Тьянь-Шаня и Киргизскихъ степяхъ. Здѣсь онъ является сторонникомъ стараго взгляда на Азію, какъ на прародину рода человѣческаго. На страницѣ же 146 и слѣд. онъ зло подсмѣивается надъ гипотезой переселенія арійцевъ изъ Азіи въ Европу и, повторяя аргументацію Тейлора, доказываетъ, что арійцы были аборигенами Европы.

Въ началѣ главы о металлахъ авторъ приходитъ къ выводу, что золото было извѣстно очень рано, такъ какъ „рѣчное золото привлекало вниманіе и можетъ быть стало извѣстно первобытнымъ арійцамъ“ (стр. 163), на стр. 179 утверждается, что золото... находилось только въ горахъ и добывалось только съ большимъ трудомъ, тѣми же арійцами.

Покончивъ съ описаніемъ остатковъ палеолитическаго періода, авторъ даетъ очеркъ культуры того времени, но, увлекшись, начинаетъ говорить о явленіяхъ, обозначившихся уже только въ неолитическій періодъ, и уже послѣ переходитъ къ описанію послѣдняго.

На страницѣ 160 высказывается гипотеза, что старинная азіатская культура развилась изъ болѣе древней, вѣроятно монгольской, а сами монголы выступаютъ въ исторіи не раньше XI-го вѣка и начатки культуры были заимствованы ими отъ тюркскихъ племенъ и китайцевъ.

Указавъ на недостатки книги, мы должны сказать, что въ нихъ виноватъ не одинъ авторъ. У насъ нѣтъ подлинника,

но, судя по русскому тексту, можно ожидать, что подлинникъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сильно искаженъ переводомъ. Переводчикъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ и общеупотребительными научными понятіями. Вотъ нѣкоторые примѣры.

На стр. 128 переводчикъ пишетъ: Валы (земляныя насыпи въ С. Америкѣ) распадаются на три группы: военные или оборонительные, надгробные или храмы и *животные* (по русски будетъ насыпи, изображающія фигуры животныхъ). Изъ описанія одной насыпи выходитъ, что сама она имѣетъ длину 5 миль, а *искусственныя* украшенія ея 10 миль. Описаніе насыпи въ видѣ змѣи въ системѣ рѣки Огіо еще лучше: „Ея пасть *разверзнута*, какъ еслибы она собиралась проглотить нѣчто *кажущееся* яйцомъ, сравнительно съ гигантскими размѣрами головы, хотя оно и имѣетъ 160 футовъ длины“ (стр. 129).

Говорить о неточностяхъ, неправильной передачѣ терминовъ у насъ не хватаетъ храбрости, когда передъ нами стоитъ разверзнутая пасть и нѣчто кажущееся яйцомъ, хотя оно имѣетъ длину въ 160 футовъ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Каз. Баранцевичъ. Сказки жизни. 13 разсказовъ. Спб. 98. Ц. 1 р.

И. А. Саловъ. Забытыя картинки. Повѣсти и разсказы. Изданіе О. К. Куманиной. М. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Маминъ-Сибирякъ. Сибирскіе разсказы. Изданіе 2-ое Д. Ефимова и М. Клюкина. М. 98. Ц. 1 р.

И. Потапенко. Живая жизнь. Романъ. Изданіе Д. П. Ефимова и М. В. Клюкина. М. 98. Ц. 2 р.

Левъ-побѣдитель. Первый въ русской литературѣ историческій романъ изъ абиссинской жизни. Сочиненіе **Людмилы Шаховской.** М. 98.

Бѣлая неволя. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ изъ галицко-русской жизни. **Ивана Порубольскаго.** Изданіе типографіи А. А. Пороховщикова. Спб. 98. Ц. 1 р.

Ил. Смирновъ. Все правда. Разсказы для дѣтей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 98. Ц. 40 к.

Стрѣлочникъ Даныло. **Григорія Гельмана.** Одесса. 98. Ц. 10 к.

Кенетъ Грэамъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 75 к.

М. А. Лохвицкая (Жиберъ). Стихотворенія. Томъ II. М. 98.

Стихотворенія. **Г. А. Теодоровича.** Витебскъ. 98.

Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ **Н. Гальковскаго.** Сумы. 97.

«Капитанская дочка». Пушкина. Историко-критическій этюдъ. **Н. И. Черняева.** М. 97. Ц. 1 р.

Сочиненія **Н. С. Тихонравова.** Томъ II. Русская литература XVII и XVIII вв. М. 98.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Лекціи. Переводъ П. И. Вейнберга. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 75 к.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Переводъ съ нѣм. А. Страхова. Съ предисловіемъ Н. И. Стороженко. Въ приложеніи статья **Даудена** «Женскіе типы Шекспира». Переводъ съ англ. М. И. Моласъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 2 р.

Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библіографическаго словаря). Собралъ и дополнилъ **А. В. Смирновъ.** Вып. I. Владиміръ. 96. Ц. 1 р. 25 к. Вып. II. 97. Ц. 1 р.

Школьное преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука. **Р. Випперъ.** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

В. Каллашъ. Безсознательно юмористическое направленіе въ современной педагогической литературѣ. (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

Новые труды по исторіи школы и просвѣщенія. **В. Каллашъ.** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

В. Каллашъ. Черты дореформеннаго воспитанія. (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

П. Г. Мижуевъ. Взгляды на дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб. 97. Ц. 40 к.

П. Г. Мижуевъ. Народное образованіе въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Спб. 97.

П. Г. Мижуевъ. Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи. Спб. 98. Ц. 80 к.

Очеркъ состоянія народнаго образованія въ Полтавской губерніи. Изданіе Полтавской Губернской Земской Управы. Полтава. 97.

Отчетъ отдѣла народныхъ развлеченій при саратовскомъ обществѣ трезвой и улучшенной жизни за лѣтній сезонъ 1897 года по устройству народнаго театра. Саратовъ. 98.

Отчетъ общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Псковской губерніи. Годъ I-й. Псковъ. 98.

Отчетъ о дѣятельности астраханскаго литературно-драматическаго общества 1896—7 г. Астрахань. 98.

Отчетъ комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II при харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 98

Годовой отчетъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества за 1896—7 г. Спб. 98.

Артельная мастерская женскихъ рукодѣлій. Изданіе редакціи «Техническаго Образованія». Спб. 98.

Времена года. Географическія картинки. **Д. А. Коропчевскаго.** Изданіе редакціи «Дѣтскаго чтенія». М. 98. Ц. 45 к.

А. А. Черевкова. Очерки современной Японіи. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Въ дебряхъ Азіи. (Очерки путешествія ген.-м. Пѣвцова). По подлиннику обработалъ **Н. Соколовъ.** Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 50 к.

Свѣтъ Азіи. Распространеніе христіанства въ Сибири, въ связи съ описаніемъ быта, нравовъ, обычаевъ и религіозныхъ вѣрованій инородцевъ этого края. Составилъ **Т. А. Догуревичъ.** Изданіе П. П. Сойкина. Спб. 97. Ц. 25 к.

Минусинскіе и ачинскіе инородцы. (Матеріалы для изученія). Статьи **А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова.** Изданіе Енисейскаго губ. статист. комитета. Красноярскъ. 98.

Переселенцы и переселенческое дѣло въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи. Составилъ **В. Михайловъ.** Уфа. 97.

Сѣверный морской путь. **Енисеецъ.** Спб. 98.

П. А. Антроповъ. Финансово-стастистическій атласъ Россіи. 1885—1895. Составленъ по оффиціальнымъ даннымъ. Изданіе А. Ф. Маркса Спб. 98. Ц. 5 р.

Краткія справочныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ русскихъ хозяйствахъ. Изданіе департамента земледѣлія. Спб. 97.

Труды IV областного съѣзда сельскихъ хозяевъ на кіевской выставкѣ 1897 г. Изданы подъ редакціей Т. И. Осадчаго. Кіевъ. 98.

Сельскія огнестойкія постройки. **В. М. Верховскаго.** Изданіе типографіи А. А. Пороховщикова. Спб. 98. Ц. 1 р.

А. Т. Поляковъ. Двойная бухгалтерія по нововведеннымъ формамъ. (Руководство упрощеннаго счетоводства) М. 98. Ц. 1 р.

Бердичевскій календарь на 1898 г. Житоміръ. 97. Ц. 20 к.

Статистическій ежегодникъ Тверской губерніи за 1897 годъ. (Съ 2 картограммами). Изданіе тверского губернскаго земства. Тверь. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ полтавскаго губернскаго земства на 1897 годъ. Полтава 97. Ц. 1 р.

Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1897 году и состояніе озимей осенью 1897 г. въ Полтавской губ. По сообщеніямъ корреспондентовъ. Полтава. 97.

О наивыгоднѣйшемъ направленіи желѣзной дороги изъ г. Астрахани. Записка **Ѳ. Малышева.** Астрахань. 97.

Ошибки, незнаніе или намѣренная подтасовка? Отвѣтъ Ф. С. Малышеву. **А. Владимірскаго.** Спб. 97.

С. И. Гальперинъ. Отголоски закона о ростовщичествѣ. Екатеринославъ. 98. Ц. 15 к.

Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Изслѣдованіе **Владиміра Пискорскаго.** Кіевъ. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Шарль Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Переводъ съ франц. подъ редакціей В. Поссе. Т. II. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. за оба тома 4 р.

А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Къ исторіи нищенства на Руси. **С. В. Сперанскаго.** (Оттискъ изъ журнала «Вѣстникъ Благотворительности». Спб. 97.

Петръ Великій, его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ. **И. М. Иванова.** (Біографическая библіотека Ф. Павленкова). Съ портретомъ. Спб. 98. Ц. 25 к.

Проф. К. Ярошъ. Психологическая параллель. Іоаннъ Грозный и Петръ Великій. Харьковъ. 98.

Проф. К. Ярошъ. Характеры былого времени. Харьковъ. 98.

Проф. К. Ярошъ. Русско-польскія отношенія. Харьковъ. 98.

Г. Е. Аѳанасьевъ. Наполеонъ I. Кіевъ. 98. Ц. 75 к.

Д-ръ Теодоръ Герцль. Біографическій этюдъ. Переводъ съ древне-еврейскаго языка. Съ приложеніемъ портрета и рѣчи Герцля на конгрессѣ сіонистовъ въ Базелѣ. Екатеринославъ. 98. Ц. 20 к.

Другъ несчастныхъ Ѳ. П. Гаазъ. Біографическій очеркъ **Е. Н. Красногорской**. Съ портретомъ Гааза. Составлено по книгѣ А. Ѳ. Кони. Изданіе редакціи «Дѣтскаго Чтенія». М. 98. Ц. 6 к.

Германъ Ольденбергъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Переводъ П. Николаева. Изданіе 3-е Д. П. Ефимова. М. 98. Ц. 2 р.

И. Громогласовъ. Тираспольское дѣло. Сергіевъ Посадъ. 98. Ц. 40 к.

Графъ Л. Н. Толстой и Фр. Ницше. Очеркъ философско-нравственнаго ихъ міровоззрѣнія. **В. Г. Щеглова**. Ярославль. 98. Ц. 1. 25 к.

Положительная логика **Дж. Ст. Милля**. Ея основныя начала, и научная постановка. Общедоступное изложеніе подъ редакціей А. П. Федорова. Спб. 97. Ц. 75 к.

Блезъ Паскаль. Письма къ провинціалу о морали и политикѣ іезуитовъ. Переводъ съ примѣчаніями и введеніемъ, подъ редакціей А. И. Попова. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 2 р.

Альберъ Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Переводъ съ англ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Карлъ Бюхеръ. Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. (Двѣ публичныхъ лекціи). Переводъ съ нѣм. подъ редакціей С. Н. Булгакова. Изданіе М. И. Водовозовой. Спб. 97. Ц. 50 к.

Н. М. Спиліоти. Къ вопросу о продажѣ національныхъ имуществъ. Кіевъ. 97.

С. Войславъ. Землевладѣніе и развѣдки полезныхъ ископаемыхъ. Изданіе Бюро изслѣдователей почвы. Спб. 98.

Клейнъ. Астрономическіе вечера. Переводъ подъ редакціей К. П. Пятницкаго. Съ портретами, иллюстраціями, таблицами и картами. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 2 р.

Начальный учебникъ химіи. Составила **Вѣра Богдановская**. Съ 15 рис. въ текстѣ. Спб. 97. Ц. 35 к. (Изданъ въ пользу высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ).

Гипотеза функціи атомнаго вѣса элементовъ. **Н. Симоновича**. Тверь. 98. Ц. 40 к.

Исторія средневѣковой медицины. Вып. II. Составилъ **С. Ковнеръ**. Кіевъ. 97. Ц. 2 р. 40 к.

Матеріалы къ характеристикѣ физическаго развитія дѣтей. Діаметры груди и вѣсъ тѣла. **Н. Зака**. Спб. 98.

Руководство для отправляющихся на кавказскія минеральныя воды. Составилъ **Н. В. Десницкій**. Изданіе 5-е. Спб. 98.

Die Rechtsphilosophie des J. J. Rousseau. Ein Beitrag zur Geschichte der Staatstheorien. Von dr. **M. Liepmann**. Berlin. 98.

Nazarénové v Uhrách. Sepsal **Dusan Makovicky**. V Praze. 96.

Изъ Англіи.

I.

По обѣимъ сторонамъ огромныя статуи въ костюмахъ всѣхъ вѣковъ. Это—великіе коммонеры, содѣйствовавшіе укрѣпленію народной свободы въ Англіи. Тутъ—Пиль, Фоксъ, Эдмондъ Боркъ, Чанингъ, Питъ и др. Далѣе видны суровые рыцари, впервые вырвавшіе хартію свободы у Іоанна Безземельнаго. Мы въ корридорахъ Вестминстерскаго дворца. На каждомъ шагу васъ останавливаютъ съ вопросомъ: «your ticket», «вашъ билетъ». Чтобы попасть въ палату общинъ, необходимо нужно имѣть разрѣшеніе знакомаго коммонера. Наконецъ джентельмэнъ въ костюмѣ XVIII вѣка, со шпагой у пояса, покажетъ вамъ послѣднюю дверь. Мы—въ сравнительно небольшой, прямоугольной залѣ, которой сплошная отдѣлка изъ рѣзного дуба придаетъ видъ церкви. Еще нѣтъ двухъ часовъ, поэтому зала пуста. Прямо противъ насъ огромное кресло подъ балдахиномъ. Это мѣсто спикера, т. е. президента палаты. Направо и налѣво отъ насъ—ряды широкихъ скамей, обитыхъ черной кожей. Надъ кресломъ спикера—галлерея прессы. Около двадцати журналистовъ занимаютъ уже ее, расположивъ предъ собою всѣ снасти репортера. Въ задней комнатѣ дежуритъ очередная репортерская смѣна и цѣлая армія мальчиковъ разсыльныхъ. По мѣрѣ того, какъ рѣчь произносится, — ее ужъ набираютъ въ типографіи. Развертывая газету, англичанинъ, прежде всего, пробѣгаетъ, что говорили сегодня «въ домѣ». Въ журналистахъ англичане видятъ бдительный контроль надъ своими представителями. Теперь рѣшительно не мыслимы тѣ дикія сцены въ парламентѣ, которыя происходили тогда, когда засѣданія были не гласны; когда грубые помѣщики (country gentlemen) являлись въ палату общинъ, какъ въ свою конюшню или же въ псарню. Рѣшительно невозможна также та широкая система подкуповъ депутатовъ, которую ввелъ Георгъ VI. Журналистамъ пришлось выдержать упорную борьбу за право присутствовать во время засѣданія. Въ прошломъ столѣтіи Самуэлю Джонсону приходилось прибѣгать къ крайне эксцентричнымъ мѣрамъ, чтобы узнать, что говорилось въ палатѣ общинъ, и чтобы составить отчетъ объ этомъ въ газетѣ. Наконецъ, въ 1760 г. право составленія отчетовъ было дано; но представители, такъ называемыхъ, pocket borougs, «карманныхъ избирательныхъ округовъ» подняли бурю. Неудобство почувствовалъ также извѣстный всесильный министръ того времени графъ Бютъ. И вотъ, въ 1770 г. журналистовъ вновь изгнали изъ парламента. Это повело къ настоящему мятежу. Лондонцы сожгли на кострахъ изображенія Бюта,

отдѣльныя толпы, съ веревками въ рукахъ, искали графа по всему городу. Запрещеніе сняли. Страннымъ, вѣроятно, покажется то, что до сихъ поръ нѣтъ закона, разрѣшающаго представителямъ печати составлять отчеты. Журналисты, такимъ образомъ, могли бы быть изгнаны изъ палаты общинъ во всякое время, если бы обычное право не защищало ихъ больше, чѣмъ писанный законъ. Какъ и очень многое въ Англіи, контроль печати поддерживается чѣмъ то болѣе могучимъ, нежели писанная строка: общественнымъ мнѣніемъ и готовностью грудью отстоять свои права, если кто либо посягнетъ на нихъ.

Въ сущности, еще болѣе непрочно чувствують почву подъ ногами «посторонніе», всѣ тѣ зрители, которые собрались на strangers' gallery. По закону (относящемуся къ XV вѣку), посторонніе не впускаются, такъ что мы присутствуемъ лишь потому, что «насъ» не видятъ.

До недавняго времени достаточно было кому либо изъ депутатовъ обратить вниманіе на то, что въ залѣ есть посторонніе, какъ послѣдніе немедленно удалялись. Такимъ образомъ, въ 1878 г. былъ удаленъ принцъ Уэльскій, наслѣдникъ престола. Теперь, «усмотрѣвшій постороннихъ» не можетъ сейчасъ же очистить залъ: вопросъ долженъ быть поставленъ на баллотировку. Въ сущности говоря, имѣющій въ карманѣ билетъ за подписью коммонера, можетъ теперь сидѣть на галлереѣ, или же на мѣстахъ «under the gallery» такъ же спокойно, какъ у себя дома. Далеко не такъ удобно чувствують себя дамы. Вы оглядываетесь внимательно кругомъ:— всюду лишь черные сюртуки и цилиндры. Дамъ нѣтъ. Ихъ запрятали въ особую клѣтку, за частой желѣзной рѣшеткой. Клѣтка находится за кресломъ спикера, выше скамьи для журналистовъ. Бѣдныя зрительницы, въ сущности, являются отвѣтственными за то, что одинъ изъ спикеровъ въ началѣ этого вѣка оказался поклонникомъ дамъ. Тогда дамы сидѣли какъ разъ противъ спикера, не за рѣшеткой. Во время одного изъ бурныхъ засѣданій,—коммонеръ нарушилъ основной законъ палаты: онъ прошелъ между кресломъ спикера и столомъ, гдѣ лежитъ скипетръ парламента. Нарушеніе замѣтили многіе; но спикеръ «не назвалъ депутата по имени» (въ такомъ случаѣ депутатъ долженъ немедленно удалиться изъ залы). Коммонеры рѣшили, что произошло невѣроятное: что спикеръ заснулъ. Оказалось другое. Спикеръ заглядѣлся на необыкновенно красивую даму. Ихъ всѣхъ немедленно удалили. И съ тѣхъ поръ выстроили для нихъ клѣтку съ частой рѣшеткой *позади* кресла спикера.

Залъ наполняется. Вотъ вышелъ спикеръ, одѣтый въ длинную черную мантію, въ старинномъ сѣдомъ парикѣ. Впереди спикера несутъ скипетръ его, огромную золоченую дубину, которая помѣщается на спеціальномъ столѣ. Какъ и во всемъ, у англичанъ величественное и торжественное облачено въ ста-

ринныя формы, отъ которыхъ, большею частью, осталась лишь одна тѣнь. Палица спикера относится къ этой же категоріи. Безъ нея засѣданіе парламента не возможно. Отъ того, *какъ* лежитъ палица, зависитъ многое. Въ началѣ новаго парламента, прежде, чѣмъ изберутъ спикера, скипетръ хранится подъ столомъ, и особый чиновникъ (the clerk of the table) охраняетъ его. Какъ только изберутъ спикера, палицу кладутъ передъ нимъ. Ни одинъ коммонеръ не можетъ пройти между столомъ, гдѣ лежитъ скипетръ, и кресломъ спикера. Hatsel такъ формулируетъ значеніе скипетра: «когда онъ *на* столѣ, засѣданіе называется парламентомъ; когда *подъ* столомъ—комитетомъ. Когда палицы *нѣтъ* въ залѣ,—никакія дѣла не могутъ обсуждаться». Лишь суровый Кромвель рѣшился посягнуть на освѣщенный временемъ обычай. Когда лордъ протекторъ вошелъ въ первый разъ въ палату общинъ,—онъ указалъ мечемъ на палицу и сказалъ:

— Take away that bauble! (Уберите эту игрушку).

Съ реставраціей Стюартовъ палица опять явилась на прежнемъ мѣстѣ.

Мѣста заполнены. На правыхъ скамьяхъ, занятыхъ министерской партіей, и на лѣвыхъ, занятыхъ оппозиціей,—всюду джентельмэны въ цилиндрахъ, сдвинутыхъ на затылокъ или же нахлобученныхъ на самые глаза. Сидѣть въ шляпахъ это—прерогатива коммонеровъ. Съ непокрытой головой депутатъ долженъ быть лишь тогда, когда входитъ, или же когда встаетъ, чтобы говорить. Отсутствіе мундировъ придаетъ палатѣ общинъ совершенно своеобразный и гражданственный, если можно такъ выразиться, характеръ. Спокойствіе коммонеровъ, гордое сознаніе своего достоинства, вмѣстѣ съ своеобразной физіономіей самой залы, напоминающей нѣсколько протестантскую церковь своими украшенными рѣзьбой стѣнами и своеобразнымъ освѣщеніемъ,—все это производитъ сильное, импонирующее впечатлѣніе.

II.

Обратимся вначалѣ къ министерскимъ скамьямъ. Врядъ ли когда либо прежде онѣ представляли такую пеструю смѣсь, такую разнообразную коллекцію мнѣній, какъ теперь. На этихъ скамьяхъ сидѣли когда то сторонники широкихъ реформъ, затѣмъ тѣ, которые вѣрили, что Англія должна принадлежать одному классу. Все это были партіи съ рѣзко обозначенной физіономіей. Меньше всего можно сказать послѣднее о нынѣшней министерской партіи. Вотъ высокій, сѣдой джентельмэнъ, съ военной выправкой, съ огромнымъ букетомъ изъ бѣлыхъ буквицъ въ петлицѣ сюртука. Это—Лаутеръ, своего рода англійскій братъ некрасовскаго «Послѣдыша» («Кому на Руси жить хорошо»). Прислушавшись къ его рѣчамъ, можно подумать, что то говоритъ country-gentleman XVIII вѣка, который

проспалъ полтора столѣтія и не имѣетъ представленія о реформахъ 1832, 1866 и 1888 годовъ. Лаутеръ мечтаетъ о власти country-gentleman'а сажать въ тюрьму непочтительныхъ крестьянъ, о томъ, что правительство должно поддержать классовые интересы и пр. Онъ обвиняетъ консервативныхъ министровъ въ «революціонныхъ тенденціяхъ». А рядомъ съ Лаутеромъ — тори школы покойнаго лорда Черчиля, говорящіе, что въ программѣ радикаловъ нѣтъ ни одного пункта, который не могъ бы быть выставленъ консерваторами. Вотъ и ярый туркофилъ сэръ Эллисъ Ашметъ-Бартлетъ, типичный джинго школы Биконсфильда, ненавистникъ массъ, считающій стремленіе дать массамъ хорошее образованіе—крайне вреднымъ и пагубнымъ. А черезъ два мѣста отъ него длиннобородый старикъ, съ умнымъ, мягкимъ взглядомъ. Это—представитель лондонскаго университета, сэръ Джонъ Лэббокъ, хорошо извѣстный у насъ въ Россіи авторъ трудовъ: «Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка», «Муравьи, пчелы и осы», и т. д. Англія же его знаетъ и уважаетъ еще, какъ горячаго защитника массъ, какъ сторонника высшаго образованія для народа. Лэббокъ внесъ въ парламентъ около двадцати биллей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны Bank Holidays Act и Bills of Exchange Act, стремящіеся дать отдыхъ служащимъ. Теперь сэръ Джонъ разрабатываетъ аналогичный же Shop Hours Bill, который установитъ нормальный день для служащихъ въ лавкахъ. Лэббокъ — одинъ изъ учредителей народнаго университета, что на Ормондъ-Стритъ (Working men's college). По книгамъ его «The Beauties of Nature» или же «The Pleasures of Life» видно, какой горячій поклонникъ природы сэръ Джонъ. Онъ стремится также къ тому, чтобы массы могли получить возможность наслаждаться ею. Лэббокъ —одинъ изъ видныхъ дѣятелей лиги, устраивающей на кооперативныхъ началахъ поѣздки мелкихъ служащихъ, рабочихъ и т. д. на берегъ моря, въ глубь страны или же на континентъ. Трудно, кажется, найти что нибудь общее между Лэббокомъ и Ашметъ-Бартлетомъ, сидящими на однѣхъ и тѣхъ же скамьяхъ.

Едва ли не самой интересной фигурой здѣсь является министръ колоній Джозефъ Чамберлэнъ, вѣроятно, самый талантливый дѣятель въ рядахъ министерской партіи. Онъ сидитъ, откинувшись назадъ, крѣпко скрестивъ руки. По сморщеннымъ, плотно сжатымъ губамъ ползетъ легкая саркастическая усмѣшка. По обыкновенію, въ глазъ вставленъ монокль, а въ петлицу—алая роза. Каждый лепестокъ ея—ярко-красный у черешка и все болѣе блѣднѣющій къ краю, гдѣ принимаетъ цвѣтъ совсѣмъ бѣлый,—является, своего рода, символическимъ изображеніемъ политической карьеры Чамберлэна. Онъ выступилъ съ рѣчами, которыя приводили въ ужасъ консерваторовъ; самые крайніе радикалы двадцать лѣтъ тому назадъ были слишкомъ умѣренны для него; а теперь онъ уже десять лѣтъ какъ числится въ перебѣжчикахъ. Недѣли три тому назадъ

вышла крайне интересная книжка: «Before Joseph came into Egypt», т. е. «Чѣмъ былъ Іосифъ до прибытія въ Египетъ». Іосифъ это—Чамберлэнъ; Египетъ—консервативная партія. Неизвѣстный составитель собралъ вмѣстѣ политическія рѣчи, которыя Чамберлэнъ произнесъ, когда тронъ фараона еще не соблазнилъ его. Въ концѣ приложены двѣ-три рѣчи послѣдняго времени. Контрастъ получается очень любопытный. И совсѣмъ уже слаба должна быть дѣятелями партія, принимающая съ распростертыми объятіями «Іосифа», который еще недавно съ такой проницательностью и съ такою ѣдкостью отмѣчалъ всѣ слабыя стороны ея. «Я твердо убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго, какъ бороться, добиться рѣшенія представителей тридцати милліоновъ населенія, и все для того лишь, чтобы это рѣшеніе было отвергнуто тремя стами господъ, засѣдающихъ въ золоченой палатѣ (т. е. въ палатѣ лордовъ). Эти господа являются наслѣдниками добродѣтелей или пороковъ предковъ, умершихъ много вѣковъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, къ несчастью, предки не передали тѣхъ талантовъ, которые доставили имъ когда то мѣсто въ палатѣ лордовъ. Джентельмэны, именно о господахъ, засѣдающихъ въ палатѣ лордовъ, величайшій лордъ, жившій когда либо въ Англіи—Бэконъ писалъ: «они похожи на картофель, ибо лучшая часть ихъ находится *подъ землей*. Конечно, нужно слишкомъ высоко цѣнить наслѣдственныя привилегіи, чтобы допустить, что никому неизвѣстный лордъ, не свершившій самъ рѣшительно ничего, имѣетъ право наложить veto на постановленіе десяти тысячъ гражданъ, высказанное ихъ представителемъ въ палатѣ общинъ». Это говорилъ Іосифъ до прибытія въ Египетъ. «Палата лордовъ! — сказалъ Чамберлэнъ тогда же. — Она покровительствовала всѣмъ злоупотребленіямъ; она охраняла наиболѣе несправедливыя привилегіи, упорно сопротивлялась всѣмъ реформамъ. Палата лордовъ упряма и въ то же время труслива; служитъ верховнымъ судьею и не знаетъ основы справедливости; дерзка и въ то же время невѣжественна». «Я явился сегодня для того, чтобы защищать права палаты лордовъ». Это сказалъ тотъ же Іосифъ; но только «послѣ прибытія въ Египетъ».

«Что намъ нужно?» «Free schools, free labour, free land and free church» (свободная школа, свободный трудъ, свободная земля и свободная церковь). Это сказалъ главный представитель того министерства, которое пыталось, хотя неудачно, подчинить школу клерикаламъ и которое поднесло лэндлордамъ гостинецъ въ два милліона. «Въ будущую сессію предъ нами, быть можетъ, явится реакціонерный парламентъ. Въ Англіи такъ много людей, которые желаютъ отстоять свои интересы и привилегіи, что они, по всей вѣроятности, не пощадятъ силъ. Пасторъ и лэндлордъ, аристократы по рожденію и плутократія—всѣ они соединятся вмѣстѣ, чтобы построить плотину и загородить прибывающій потокъ демократіи». Трудно было тогда предсказать, что «пасторъ и лэндлордъ», по-

терявшіе надежду самимъ выстроить плотину, позовутъ на помощь никого иного, какъ самого оратора.

Безъ сомнѣнія, Чамберлэнъ—будущій премьеръ консервативной партіи, п. ч. онъ самый талантливый среди нихъ. Онъ знаетъ хорошо, однако, что если консервативная партія можетъ доставить власть и почести, то самое ее вынести на верхъ можетъ не «пасторъ и лэндлордъ», а именно тотъ потокъ, загородить который плотиной его призвали. Чамберлэнъ стоитъ за то, чтобы въ программѣ были намѣчены соціальныя реформы. «Чамберлэновскіе козыри», съ которыхъ удачно пошли консерваторы на послѣднихъ общихъ выборахъ, это—восьмичасовой рабочій день и законъ объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь служащихъ. Впрочемъ, тому же Чамберлэну принадлежитъ политическій афоризмъ: «However much a party may gain by making promises, it always loses by fulfilling them» (насколько политическая партія можетъ выиграть, давая обѣщанія, настолько она теряетъ, исполняя ихъ). Въ силу этого, министръ колоній того мнѣнія, что «вынимать кота изъ мѣшка» (англійская пословица—to let the cat out of the bag) вообще не слѣдуетъ. Если же вытащить и отдать его ужъ абсолютно необходимо, то прежде всего слѣдуетъ снять съ него и оставить у себя шкуру. Билль объ отвѣтственности предпринимателей не касается многихъ служащихъ (сельскихъ рабочихъ, матросовъ, прислуги). Тѣмъ не менѣе, «непримиримые» консерваторы, какъ Лаутеръ, не могутъ простить и этихъ реформъ Чамберлэну и, по старой памяти, величаютъ его не иначе, какъ опаснымъ радикаломъ и разрушителемъ. Когда названный выше билль былъ внесенъ въ палату лордовъ, графъ Уеймсъ выступилъ съ горькими упреками по адресу Салисбюри. «Я не могу понять,—началъ благородный лордъ,—какимъ образомъ премьеръ могъ допустить, чтобы такое беззаконіе (т. е. внесеніе билля) могло быть совершено. Workman Compensation Bill чреватъ бѣдствіями и ошибками. Правительство гибельно желаетъ вмѣшиваться между хозяиномъ и рабочимъ. Настоящее правительство избрано для защиты правъ и привилегій,—между тѣмъ Салисбюри проглотилъ всѣ тѣ пилюли, которыя выкаталъ для него революціонеръ (т. е. Чамберлэнъ). Если такой билль былъ бы внесенъ оппозиціей, его сейчасъ вышвырнули бы, какъ крайне опасный, а теперь само министерство должно пронести его на своихъ плечахъ». Еще болѣе рѣзко противъ Чамберлэна высказался лордъ Лондондерри, который пригрозилъ премьеру бунтомъ консерваторовъ.

Нынѣшнее министерство стало у власти послѣ выборовъ 1895 г. Оно соединило въ одну партію крупныхъ промышленниковъ, лэндлордовъ, либераловъ, не согласныхъ съ принципами гомруля, правовѣрныхъ джинго, твердо и неуклонительно вѣрующихъ, что лишь «Great Britain has an exclusive right as a land grabler throughout the world» (лишь Великобританія имѣетъ исключительное право

захватывать всюду земли), поклонниковъ кулачной расправы въ политикѣ, послѣднихъ представителей отжившей Англіи и новыхъ каменноугольныхъ и водочныхъ королей. Получилась до невѣроятности пестрая партія, объединившая Леббока и героя драки въ парламентѣ, полковника Саундерсона. Интересы объединенныхъ были, порой, діаметрально противоположны. Крупнымъ промышленникамъ нужна была свободная торговля; лэндлорды же мечтали о поощрительныхъ преміяхъ. Англійскіе консерваторы желали усиленія власти клерикаловъ; шотландскіе юніонисты боялись этого, какъ огня. Часть, такъ называемыхъ, ольстерцевъ (ирландскіе консерваторы) согласна съ націоналистами, что Ирландія обременена налогами. Другіе консерваторы раздѣляютъ мнѣніе Бальфура, что никакого обремененія нѣтъ, а все дѣло въ томъ, что ирландцы пьютъ много виски, тогда какъ англичане пьютъ пиво. Налогъ на пиво меньшій, чѣмъ на виски. Если понадобилось бы сравненіе, министерская партія могла бы быть уподоблена смѣси воды и масла въ стаканѣ. Правительство съ самаго начала вынуждено было повести странную политику угожденія составнымъ элементамъ министерской партіи. Оно симпатизировало больше всего крупнымъ промышленникамъ и должно было, въ то же время, угождать новымъ избирателямъ—рабочимъ. Лэндлорды, клерикалы, крупные промышленники—всѣ требовали биллей въ свою пользу. Чтобы выполнить обѣщаніе, данное на выборахъ, министерство провело билль объ отвѣтственности предпринимателей. Билль взятъ былъ изъ колчана радикаловъ. Не смотря на то, что онъ былъ значительно урѣзанъ,—консерваторы подняли бурю. Они обвинили министерство въ желаніи «забѣжать впередъ радикаловъ». Меньше всего остались довольны тѣ, для которыхъ билль предназначался. Министерство не удовлетворило никого. На частныхъ выборахъ оно то пробовало сыграть чисто торійскую игру и выставляло программой «блескъ Англіи»; то шло съ Чамберленовскихъ козырей. Но массы перестали вѣрить консерваторамъ. Они начали терять мѣсто за мѣстомъ. Въ консервативномъ журналѣ «Judy» въ концѣ прошлаго года помѣщенъ былъ такой рисунокъ. Члены кабинета Салисбюри, Чамберлэнъ, Гошенъ и др. видятъ поднимающагося изъ гроба Биконсфильда. Послѣдній окруженъ сіяніемъ. Онъ указываетъ впередъ, гдѣ видится надпись: «Муниципальные выборы 1898 г.». Подпись гласитъ: «Перестаньте быть гладстоніанцами. Будьте вполнѣ консерваторами. Вспомните старую политику». Журналъ намекалъ на выборы въ county council; на то, что консерваторы должны употребить всѣ усилія, чтобы уничтожить «прогрессистовъ» (такъ называется либеральная партія въ county council). Салисбюри попробовалъ быть «вполнѣ консерваторомъ». Въ результатѣ — страшное пораженіе «умѣренныхъ» (т. е. консерваторовъ) на выборахъ, состоявшихся 3 марта (н. с.). Посмотримъ на дѣятельность министерской партіи съ тѣхъ поръ, какъ она у власти.

Она внесла въ 1896 г. школьный билль, который отдавалъ начальное образованіе въ руки духовенства. Не смотря на то, что министерская партія располагала огромнымъ большинствомъ въ 150 голосовъ, она должна была взять билль обратно, чтобы внести его въ значительно смягченномъ и измѣненномъ видѣ въ слѣдующемъ году. За школьнымъ биллемъ въ 1896 г. послѣдовалъ «the Landowners, Relief Bill». Это и была огромная, полуторамилліонная (въ ф. ст.) подачка лэндлордамъ. Въ 1897 г. послѣдовалъ школьный билль № 2. Онъ составленъ былъ гораздо болѣе скромно. Министерство не пыталось болѣе совершенно уничтожить свѣтскую начальную школу, чтобы замѣнить ее конфессіональной. Билль долженъ былъ успокоить требованія клерикаловъ подачкой: 600.000 ф. ст. въ годъ конфессіональнымъ школамъ. Министерство должно было дать субсидію, правда, въ меньшихъ размѣрахъ, и свѣтскимъ школамъ. Интересно, что въ самомъ министерствѣ произошелъ расколъ во взглядахъ на билль. Противъ него косвенно выступилъ Горстъ, министръ народнаго просвѣщенія. Статья его, помѣщенная въ North American Review, не оставляетъ никакого сомнѣнія, какому типу школъ, свѣтскому или же конфессіональному, симпатизируетъ министръ. Приведу здѣсь, кстати, интересную выдержку изъ рѣчи Горста, произнесенной на банкетѣ въ Бристолѣ, въ концѣ прошлаго года. «Власть въ нашей странѣ находится теперь въ рукахъ аристократической партіи, поддерживаемой не вполнѣ развитой демократіей. Кто же изъ обѣихъ указанныхъ сторонъ станетъ заботиться объ образованіи массъ? Этого не сдѣлаетъ правительственная партія, потому что члены ея вышли изъ класса, не достаточно убѣжденнаго въ необходимости или же въ желательности высшаго образованія для народа. Классъ этотъ полагаетъ, что есть нѣкоторыя функціи въ современномъ обществѣ, которыя народъ будетъ лучше всего исполнять тогда, когда онъ не образованъ» и т. д. Въ маѣ 1897 г. внесенъ былъ билль объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь рабочихъ (Workmen's Compensation Bill), о которомъ я говорилъ уже. Такъ какъ онъ не касался ни сельскихъ рабочихъ, ни матросовъ, ни прислуги, ни приказчиковъ,—то онъ не удовлетворилъ тѣхъ, для кого билль предназначался. Съ другой стороны, онъ озлобилъ крупныхъ промышленниковъ, увидавшихъ въ биллѣ, своего рода, измѣну со стороны министерства. Итакъ, до сихъ поръ внутренняя политика министерской партіи создавала лишь ей враговъ. Она сознаетъ необходимость опереться на новыя силы Англіи и не можетъ этого сдѣлать, потому что каждая попытка готова вызвать революцію въ собственномъ лагерѣ.

Джинго и крупные промышленники требуютъ отъ министерской партіи округленія британскихъ владѣній. Одни желаютъ «блеска», другимъ нужны новые рынки. Положеніе дѣлъ хорошо объяснено въ одной изъ рѣчей лорда Розбери. «Въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ мы пытались захватить всякій клочекъ земли, смежный съ нашими

владѣніями. Въ результатѣ получилось то, что мы возбудили зависть въ другихъ государствахъ, преслѣдующихъ тоже колоніальную политику. Многія государства, дружественныя прежде, относятся теперь къ намъ враждебно. Мы соорудили, такъ сказать, «неперееваренную имперію» (undigested empire), которая такъ велика, что пройдутъ года, прежде, чѣмъ мы устроимъ ее или же найдемъ средства защищать ее». При «округленіи» пренебрегались всѣ элементарные законы человѣческаго права. Въ особенности это проявилось въ Африкѣ, въ этой «язвѣ министерства иностранныхъ дѣлъ», какъ выразился лордъ Салисбюри. Одинъ набѣгъ Джемсона чего стоитъ! Къ несчастью для министерской партіи, она и тутъ терпѣла рядъ неудачъ. Въ 1895 г. консервативныя газеты, восхваляя премьера, выставляли его своего рода геніемъ дипломатіи. Въ дѣйствительности оказалось, что божество правовѣрныхъ джинго человѣкъ самый дюжинный, на придачу, крайне нерѣшительный. Изъ ряда дипломатическихъ осложненій премьеръ выпутывался далеко не такъ, какъ хотѣлось бы джинго. На востокѣ, въ Венецуэлѣ, въ Мадагаскарѣ, въ Сіамѣ лорду Салисбюри приходилось отступать и далеко не съ честью. Въ Индіи министерство затѣяло пограничную войну съ афридіями и теперь не знаетъ, какъ выпутаться изъ нея. И вотъ въ ультра-консервативныхъ газетахъ, въ «Globe», въ «St. James's Gazette» и въ др. появились рѣзкія нападки на идола партіи, обвиненія въ слабости и въ томъ, что Салисбюри не достаточно заботится о «блескѣ». Съ другой стороны, оппозиція выставляетъ на видъ, что въ Африкѣ правительство, въ угоду акціонерной компаніи, владѣющій Родезіей, возстановило фактически рабство; что невольничество находится подъ такимъ же протекторатомъ въ Занзибарѣ, что въ Индіи введены новые законы, стремящіеся зажать ротъ мѣстной прессѣ; что война съ афридіями была верхомъ беззаконія. Обвиненія до того тяжки и до того неопровержимы, что, будь оппозиція не такъ слаба, какъ теперь,— министерство, вѣроятно, должно было бы подать въ отставку послѣ разоблаченій африканскихъ дѣлъ. Въ этомъ году мы видимъ опять рядъ полумѣръ. Возбужденіе въ Ирландіи достигло крайней степени, какъ по случаю голода, такъ и вслѣдствіе поминокъ 1798 г., о которыхъ дальше. И вотъ, внесенъ въ парламентъ билль, составляющій нѣчто среднее между старымъ порядкомъ и гомрулемъ: именно, билль о мѣстномъ самоуправленіи Ирландіи. «Правительство вноситъ теперь билль о мѣстномъ самоуправленіи,—сказалъ Джонъ Морлей на большомъ митингѣ 26 января (н. с.) этого года. Но если мы допустимъ, что успокоимъ ирландцевъ тѣмъ, что предоставимъ имъ самимъ заботиться о своихъ дорогахъ, рабочихъ домахъ и пр.; если мы думаемъ, что все это равный эквивалентъ признанію національныхъ правъ,—мы глубоко ошибемся. Въ такую же точно ошибку впало когда то правительство въ Шотландіи. На придачу, нужно имѣть въ виду, что теперь 1898 годъ, что 100

лѣтъ тому назадъ былъ 1798 годъ. Намъ послѣдняя дата говоритъ очень мало; но въ Ирландіи она пробуждаетъ воспоминанія, которыя никогда не изгладятся. Безъ сомнѣнія, въ этомъ году ирландцы станутъ говорить о 1798 годѣ въ такихъ выраженіяхъ, которыя покажутся англичанамъ слишкомъ рѣзкими. Но имѣйте въ виду, что событія 1798 года выжжены каленымъ желѣзомъ въ сердцахъ ирландцевъ. Конечно, очень жаль, что нація вспоминаетъ все былое; но это неизбѣжно будетъ до тѣхъ поръ, пока вы не откроете предъ ней впереди новые горизонты, которые заставятъ ее забыть мрачное прошедшее. Не слѣдуетъ забывать, что у насъ есть враждебная сила за океаномъ въ видѣ 12 милліоновъ ирландцевъ. Я никогда не сталъ бы сторонникомъ гомруля, еслибы не сознавалъ, что въ государственныхъ интересахъ слѣдуетъ примирить эти 12 милліоновъ отчужденныхъ гражданъ съ Англіей. И меньше всего сдѣлаетъ послѣднее новый билль».

III.

Морлей не даромъ ссылался на 1798 годъ. Газеты, прибывающія изъ Ирландіи, полны отчетами о бурныхъ манифестаціяхъ; въ парламентѣ ирландцы не разъ уже касались этихъ событій. Двадцать четвертаго февраля Диллонъ сдѣлалъ запросъ по поводу вмѣшательства полиціи во время митинговъ, посвященныхъ 1798 году. И запросъ этотъ повелъ къ рѣзкому столкновенію между Диллономъ и Бальфуромъ. Въ іюнѣ этого года въ Дублинѣ предстоятъ празднества, которыя въ глазахъ консерваторовъ кажутся своего рода государственной измѣной. Ирландцы собираются поставить памятникъ своему герою 1798 года—генералу Улфу Тону, вождю «великаго мятежа», of the great rebellion. Положеніе страны тогда было ужасно. Англичане изгнали католиковъ изъ парламента, изъ магистрата, изъ цеховъ, изъ университета, изъ адвокатскаго званія; ирландцы не могли быть избирателями въ парламентъ; ихъ не могли назначать констеблями, шерифами, присяжными. Они не могли служить въ арміи или во флотѣ. Ирландецъ не могъ быть какимъ бы то ни было надсмотрщикомъ, хотя бы полевымъ сторожемъ. Онъ не могъ быть ни правительственнымъ, ни частнымъ учителемъ. Ирландцамъ запрещали посылать своихъ дѣтей учиться за границу и не принимали ихъ въ англійскія школы. Явились тайные учителя, которые учили въ кустахъ, или же въ придорожныхъ канавахъ. Тогда правительство назначило награду за каждаго пойманнаго учителя. Въ особенности же оно было сурово противъ католическихъ священниковъ. Правительство внесло ихъ всѣхъ въ реестръ. Каждый не зарегистрованный священникъ подлежалъ смертной казни. Епископы не были назначены вовсе; мѣсто умершаго священника такъ и оставалось вакантнымъ. Правительство хотѣло такимъ образомъ совершенно уничтожить католицизмъ. Въ

горахъ, въ пещерахъ, въ оврагахъ появились тогда тайные священники. Англичане назначили «priest-hunters», охотниковъ на священниковъ. За изловленіе епископа давалось 50 ф. ст.; за незарегистрованнаго священника—20 ф.; за школьнаго учителя—10 ф. Изданъ былъ законъ, въ силу котораго у каждаго ирландца старше 16 лѣтъ можно было потребовать, подъ страхомъ тюремнаго заключенія,—показанія подъ присягой, гдѣ онъ слушалъ обѣдню въ послѣдній разъ. Если же службу правилъ священникъ, не внесенный въ списокъ,—онъ долженъ былъ быть казненъ. «Главнымъ результатомъ этой мѣры,—говоритъ англійскій историкъ Ирландіи,—была ненависть къ закону и симпатія къ нарушителямъ его. Священники не могли проповѣдывать повиновеніе закону, если сама жизнь ихъ зависѣла отъ нарушенія его».

Ирландецъ, подъ страхамъ штрафа въ 500 ф., не могъ быть опекуномъ. Женщина, заявившая желаніе перейти въ протестантство, могла потребовать по закону у мужа половину состоянія его. По ея желанію, бракъ расторгался. Католики фактически были изгнаны изъ многихъ городовъ. Ирландецъ не могъ носить оружія или же хранить его у себя дома; не могъ отлучаться изъ дому безъ паспорта далѣе, чѣмъ на разстояніе 5 миль. Законы ограничивали не только личныя, но и имущественныя права католиковъ. Въ прежнее время въ Ирландіи было общинное землевладѣніе. Земля принадлежала цѣлому клану, который поручалъ распредѣленіе ея старшинѣ. При завоеваніи Ирландіи, англичане отобрали землю и роздали большую часть ея нѣсколькимъ «усмирителямъ». Чтобы окончательно передать землю въ руки протестантовъ, введенъ былъ рядъ аграрныхъ законовъ. Католикъ не могъ купить землю; не могъ взять ее въ долгосрочную аренду; не могъ завѣщать ее одному лишь старшему сыну. Если ферма католика приносила ежегоднаго дохода больше, чѣмъ треть уплачиваемой за нее ренты,—всякій протестантъ могъ отобрать себѣ землю. Достаточно было лишь клятвеннаго подтвержденія факта со стороны протестанта *). Англичанинъ, доказавшій, что ирландецъ держитъ ферму подъ фиктивнымъ именемъ протестанта, могъ отобрать ее себѣ. Лэндлорды взимали съ фермеровъ чрезмѣрныя ренты. Короткій арендный срокъ (большею частью, годичный) связывалъ фермера по рукамъ и по ногамъ. Фермеры должны были еще платить десятину протестантскому священнику. Большинство викаріевъ имѣли по пяти-шести приходовъ, а сами жили въ Англіи. Приходъ отдавался въ аренду, такъ называемому, tithe proctor'у. Мелкій фермеръ, который не всегда имѣлъ хлѣбъ для дѣтей, особенно чувствовалъ горечь необходимости платить десятину тому, кто въ его глазахъ былъ еретикомъ, тому, кого онъ никогда не видалъ. Всякій неурожай велъ за собою страшный голодъ. Особенно памятенъ былъ 1746 г.

*) *Gregg*, «Irish History», p. 82.

когда матери ѣли дѣтей, а дѣти—трупъ своей матери. Населеніе было раззорено, невѣжественно, голодно. Оно не могло даже жаловаться, п. ч. было лишено права митинговъ. У него не было друзей, кромѣ священниковъ, большею частью такихъ же невѣжественныхъ и голодныхъ, какъ ихъ прихожане.

Скоро бѣдствія обрушились на населеніе не только, какъ на католиковъ, но и какъ на ирландцевъ. Англичане глядѣли на Ирландію, какъ на опасную соперницу въ промышленности и въ торговлѣ. При Карлѣ II воспрещенъ былъ привозъ на англійскіе рынки скота, мяса, ветчины, сыра и масла изъ Ирландіи. Въ силу этого, ирландскіе фермеры превратили свои поля въ пастбища для овецъ, и скоро островъ могъ доставлять самую лучшую шерсть въ Европѣ. Часть ея вывозилась въ видѣ сырья въ Испанію и во Францію; часть стала обрабатываться на мѣстѣ. Въ Ирландіи, въ особенности на сѣверѣ, появилось много фабрикъ, на которыхъ валяли отличное сукно, находившее потребителей не только на мѣстѣ, но и въ Англіи. Промышленность вызвала зависть и опасеніе въ англійскихъ фабрикантахъ. Въ началѣ XVIII вѣка изданъ былъ законъ, воспрещавшій подъ страхомъ штрафа въ 500 ф. и конфискаціи всего груза—вывозъ за границу изъ Ирландіи шерсти въ издѣліяхъ или же въ сырьѣ. Оставался лишь одинъ рынокъ—Англія. Послѣдняя, такимъ образомъ, обезпечила себѣ лучшую шерсть въ Европѣ. Не имѣя другого сбыта, ирландцы вынуждены были отдавать шерсть за сколько предлагали. Вышло слѣдующее. Во Франціи фунтъ руна стоилъ 2 ш. 6 пенсовъ, тогда какъ въ Англіи фунтъ ирландской шерсти шелъ по 4 пенса, т. е. въ $7^1/_2$ разъ меньше. Ирландскіе фермеры терпѣли страшные убытки; чтобы вознаградить себя хоть отчасти, они установили на широкихъ началахъ контрабандный вывозъ шерсти во Францію. По словамъ историка, въ графствѣ Керри всѣ прибрежныя пади и пещеры были набиты контрабандной шерстью. «Береговая стража не могла ничего сдѣлать съ французскими контрабандистами, ввозившими въ Ирландію вино, водку, да незарегистрированныхъ прелатовъ и вывозившими шерсть да своеобразный грузъ, отмѣчаемый въ корабельныхъ книгахъ: «дикіе гуси». Подъ этой записью скрывались ирландскіе рекруты для французскихъ полковъ. Еще болѣе, чѣмъ фермеры, страдали ирландскіе ткачи. Это были, большею частью, протестанты,—потомки первыхъ шотландскихъ засельщиковъ. Вслѣдствіе закона, воспрещавшаго вывозъ шерсти за границу, сорокъ тысячъ ткачей очутились безъ работы. Имъ оставалась или сѣсть на землю, гдѣ уже и безъ того было много нищихъ-кандидатовъ, или же эмигрировать. Корабли, отправлявшіеся изъ ирландскихъ портовъ, были наполнены людьми, которые увозили въ груди отчаяніе и мрачную, непримиримую злобу къ англичанамъ. И сильна, должно полагать, была эта ненависть, если потомки этихъ первыхъ эмигрантовъ сохранили ее за океаномъ

въ такой же силѣ! Эмигранты отплатили часть этой ненависти во время борьбы за независимость американскихъ колоній.

У Ирландіи оставались еще двѣ важныя отрасли промышленности: изготовленіе полотна и судостроеніе. Въ прежнее время густые, дремучіе дубовые лѣса покрывали всѣ холмы Зеленаго Эрина. Побѣдители истребили значительную часть ихъ, разрабатывая руды; но въ восемнадцатомъ вѣкѣ лѣсовъ было еще много. Дубы доставляли отличный строительный матеріалъ для кораблей. Но Англія сама строила суда. И вотъ издается законъ, въ силу котораго товары могутъ вывозиться изъ Ирландіи *только* въ Англію и только на корабляхъ, построенныхъ на англійскихъ верфяхъ. Владѣльцы ирландскихъ верфей были разорены; тысячи корабельныхъ плотниковъ очутились безъ работы. Цѣлый рядъ бойкихъ приморскихъ городовъ въ нѣсколько лѣтъ превратились въ жалкія рыбачьи деревушки. Корабельнымъ плотникамъ приходилась тоже или эмигрировать, или приняться за хлѣбопашество. Англія, щадя свои лѣса, вырубила всѣ дубы въ Ирландіи. Теперь тамъ нѣтъ болѣе ни одной рощи. Оставалось убить только полотняныя фабрики. Онѣ были уничтожены точно также, какъ и суконныя. Въ городахъ улицы наполнились ткачами, потерявшими работу. Одно фатальное утѣшеніе осталось разоренной, умирающей отъ голода націи: англичане ограбили Ирландію, но разрѣшили безпошлинный ввозъ рома. Та часть молодежи, которая не эмигрировала въ Америку и не успѣла поступить въ иностранные полки,—думала лишь о мести. Послѣдняя носила такой же дикій, грубый характеръ, какъ и притѣсненія англичанъ. За то стали появлятся въ деревняхъ «бѣлые ребята», whiteboys, эти феніи—террористы XVIII вѣка. Начались поджоги, убійства, калѣченіе скота лэндлордовъ. Англичане не оставались въ долгу. Десятки подозрѣваемыхъ были повѣшены, сотни—гнили въ тюрмахъ; но аграрныя преступленія не исчезали. Вмѣсто «бѣлыхъ ребятъ», явилось правильно организованное тайное общество «oakboys».

Жестокія казни только озлобляли соучастниковъ тайныхъ обществъ. Таковы были условія, вызвавшія страшныя событія 1798 года. Среди нѣсколькихъ молодыхъ людей возникла мысль повести борьбу за освобожденіе Ирландіи на исключительно легальной почвѣ. Молодые люди принадлежали къ богатому, обезпеченному классу. Большею частью, это были прекрасно образованные протестанты, какъ напр., лордъ Фицджеральдъ, Теобальдъ Улфъ-Тонъ, Симонъ Бутлеръ, Джемсъ Тэнди и др. На своихъ плечахъ они не испытали всей тяжести лишенія гражданскихъ правъ. Это были типичные ирландскіе «кающіеся дворяне». Молодые люди организовали общество «соединенныхъ ирландцевъ» (The United Irishmen). Какъ показываетъ названіе, общество должно было объединить всѣхъ ирландцевъ, разъединенныхъ вѣрой. Часть сочленовъ вели въ парламентѣ агитацію въ пользу Shan van Vocht» (*бѣдной старухи*,

такъ ирландцы называютъ свой островъ;) другіе съ той же цѣлью издавали газеты; третьи, наконецъ, агитировали въ деревняхъ. Главнымъ органомъ общества была газета «Northern Star», издававшаяся Самуэлемъ Нельсономъ въ Бельфастѣ. «Парламентская реформа, основанная на широкомъ, дѣйствительномъ представительствѣ народа и эмансипація католиковъ»—такъ формулированы были въ первымъ нумерѣ цѣли и задачи «Соединенныхъ ирландцевъ». Въ деревняхъ агитація шла крайне успѣшно. Голодный, несчастный, упавшій духомъ фермеръ увидалъ, что есть еще надежда. Въ Англіи все растущее движеніе вызвало безпокойство. И вотъ правительство рѣшило разомъ покончить съ «Соединенными ирландцами», какъ покончило съ промышленностью острова. Въ одну ночь были арестованы главные вожди. Нѣкоторые изъ нихъ были отвезены въ Лондонъ, въ Ньюгэтскую тюрьму, гдѣ ихъ повѣсили почти безъ суда, на основаніи ничтожныхъ уликъ. Аресты и казни произвели страшное впечатлѣніе въ Ирландіи. Всюду стали организоваться отряды и начался «the ninety-eight», мятежъ девяносто восьмого года, одна изъ наиболѣе кровавыхъ страницъ въ исторіи Англіи. Я не стану говорить здѣсь о подробностяхъ возстанія. Ограничусь нѣсколькими словами. Улфъ Тонъ бѣжалъ во Францію. Безъ связей, безъ денегъ, безъ знанія языка, онъ успѣлъ убѣдить французское правительство послать нѣсколько кораблей въ Ирландію. Буря помѣшала десанту. Улфъ-Тонъ опять сталъ хлопотать, и опять его послали во главѣ трехъ французскихъ кораблей. Десантъ былъ отбитъ англичанами. Послѣ отчаяннаго боя они взяли корабль, на которомъ былъ Улфъ-Тонъ. Вождь возстанія былъ узнанъ, отправленъ въ Лондонъ въ цѣпяхъ и присужденъ къ повѣшенью; но наканунѣ казни онъ зарѣзался въ тюрьмѣ. Ирландскіе крестьяне нѣсколько разъ одерживали верхъ надъ англичанами; но послѣдніе взяли верхъ. Мятежъ былъ подавленъ, и оставалось лишь наказать повстанцевъ. Именно это наказаніе имѣлъ въ виду Джонъ Морлей, когда говорилъ, что воспоминанія о 1798 годѣ выжжены каленымъ желѣзомъ въ сердцахъ ирландцевъ. Напоминаніе объ усмирителѣ мятежа, о «горлорѣзѣ Кастельри» (carotid-artery-cutting Castlereagh) вызываетъ теперь краску стыда и негодованія на лицѣ всякаго культурнаго англичанина. Англія постаралась поскорѣе забыть такихъ усмирителей, какъ верховный судья Найфбордъ, прозванный «кровавымъ Джэмомъ», который приказывалъ вѣшать странствующихъ музыкантовъ, если они играли національныя пѣсни. Но усмирителей не забыла Ирландія. Тюрьмы были набиты. Въ палатѣ лордовъ Клэйръ выступилъ съ требованіемъ пытокъ для арестованныхъ. И требованіе было принято. «Днемъ и ночью въ Дублинѣ слышались стоны и крики тѣхъ, которыхъ пытали и сѣкли, чтобы вывѣдать показанія. Мостъ весь былъ утыканъ кольями съ головами казненныхъ»,—говоритъ Греггъ...

Но довольно объ этомъ. Дѣйствительно, Морлей правъ.

Подобныя воспоминанія забываются лишь при видѣ новыхъ широкихъ горизонтовъ впереди... Посмотримъ теперь, можетъ ли настоящее заставить Ирландію забыть то прошлое, которое поминки освѣтили въ памяти. Невольно напрашивается сравненіе между Ирландіей и Англіей. Сто лѣтъ тому назадъ первая имѣла 5, а вторая десять милліоновъ населенія. Теперь въ Ирландіи $4^1/_2$, а въ Англія 34 милліона жителей, другими словами, «бѣдная старуха» потеряла 10%, тогда какъ Джонъ Буль пріобрѣлъ 240%. Если бы населеніе въ Ирландіи увеличилось въ такой же пропорціи,—она должна была бы имѣть теперь 16 милліоновъ жителей. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Ирландія имѣла $8^1/_2$ милліоновъ населенія. Во время голода 1848 г. она потеряла 2 милліона. Сравнимъ теперь экономическое положеніе двухъ острововъ. Въ Англіи оно быстро улучшалось; въ Ирландіи — становилось все болѣе и болѣе тягостнымъ. Въ Англіи голодъ теперь невозможенъ; тогда какъ въ Ирландіи онъ является послѣдствіемъ каждаго недорода. Въ настоящее время югъ Ирландіи въ такомъ же почти состояніи, какъ былъ весь островъ въ 1848 г. Англія вывозитъ изъ Ирландіи лучшую часть ея жизненныхъ продуктовъ и даетъ въ замѣнъ тощій индійскій хлѣбъ и плохое американское сало. Ирландія по количеству скота занимаетъ четвертое мѣсто (пропорціонально съ населеніемъ) въ мірѣ; по количеству же потребляемаго въ пищу мяса—лишь шестнадцатое. Въ Англія—цифры эти находятся въ обратной пропорціи *)? Въ 1864 г. въ Ирландіи на тысячу населенія было 52 нищихъ, а въ Англіи—49. Въ 1895 г. на тысячу населенія въ Ирландіи приходилось 95 нищихъ, а въ Англіи—лишь 26. Эмиграція отняла у «Бѣдной старухи» лучшихъ сыновъ. Молодежь поплыла за океанъ искать счастья. Остались лишь старики да немощные. Такимъ образомъ, населеніе обречено на вырожденіе. Результаты нищеты и эмиграціи уже сказались: процентъ душевно больныхъ, слѣпыхъ и глухо-нѣмыхъ въ Ирландіи значительно выше, чѣмъ въ Англіи. За послѣднія сто лѣтъ города въ Ирландіи опустѣли, такъ какъ фабричная промышленность, какъ мы видѣли, была убита. Торговля въ Ирландіи почти совершенно убита. Значительная часть доходовъ страны поглощается рентой, уплачиваемой лордамъ абсентеистамъ. Заработки въ Ирландіи на половину меньше, чѣмъ въ Англіи, за то налоги вдвое больше.

Картина получается до крайности мрачная. Но неужели прошли безцѣльно сто лѣтъ? Неужели пробужденіе демократіи въ Англіи не отразилось въ Ирландіи? Къ счастью, тутъ мы видимъ значительный шагъ впередъ. Если ирландскій крестьянинъ такъ же бѣденъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ, за то онъ ужъ не такъ забитъ;

*) Лучшимъ и наиболѣе краснорѣчивымъ очеркомъ современнаго экономическаго положенія Ирландіи является вышедшая только что въ Дублинѣ книжка Эдуарда Блэка (члена парламента) „The Over-Taxation of Ireland". Приведенные мною факты взяты оттуда.

онъ знаетъ, что ему нужно. Теперь въ парламентѣ Ирландію представляютъ 82 депутата. Угнетенія личности отошли въ область преданій. Правда, свобода сходокъ и слова въ Ирландіи, порой, не такъ широка, какъ въ Англіи; но все же населеніе высказываетъ свое мнѣніе и высказываетъ, притомъ, такъ рѣшительно, что, несмотря на враждебное отношеніе министерской партіи къ «Бѣдной старухѣ»,—она вынуждена была внести очень демократическій билль о мѣстномъ самоуправленіи, о которомъ, повидимому, министерство прежде не думало, такъ какъ билля этого нѣтъ въ избирательной программѣ консерваторовъ. Билли о реформахъ 1867 и 1888 годовъ призвали и въ Ирландіи къ общественной жизни новые слои, которые прежде были совершенно оторваны отъ нея.

IV.

Обратимся теперь къ скамьямъ оппозиціи, благо «whips» партіи засуетились и созвали изъ корридоровъ и читальни отсутствовавшихъ депутатовъ. Готовится голосовка. Но прежде всего, что такое «whips»? Этотъ терминъ внесли въ парламентъ country gentlemen, помѣщики, знавшіе гораздо больше толку въ псовой охотѣ, чѣмъ въ политикѣ. Обозначаетъ онъ псаря, вожатаго гончихъ. Когда-то парламентскій whips давалъ знакъ грубымъ помѣщикамъ, когда слѣдуетъ кричать, протестовать или одобрять рѣшеніе. Послѣ уничтоженія «pocket boroughs», «карманныхъ избирательныхъ мѣстечекъ», т. е. фиктивныхъ округовъ—такіе помѣщики не появляются уже больше въ парламентѣ. Теперь обязанность whip'а состоитъ въ томъ, чтобы сзывать свою партію, когда предстоитъ голосованіе или же когда неимѣющіе значенія дебаты вдругъ принимаютъ важный характеръ. Парламентскій whip отлично знаетъ всѣ привычки своихъ товарищей. Если ихъ нѣтъ въ корридорахъ, онъ знаетъ въ какой клубъ, ресторанъ или же театръ слѣдуетъ послать за ними. Кэбы мчатся тогда во всѣ концы Лондона.

Если министерская партія слаба и пестра, то еще съ большимъ правомъ можно сказать это объ оппозиціи. Правительственная партія состоитъ изъ четырехъ главныхъ элементовъ: фабрикантовъ и банкировъ (131), country gentlemen (100), адвокатовъ (87) и офицеровъ (52). Составъ оппозиціи гораздо болѣе разнообразенъ. Рядомъ съ фабрикантами (71) и адвокатами (50) мы видимъ представителей новыхъ теченій англійской жизни: депутатовъ отъ рабочаго класса и отъ сельскаго населенія. Снилось ли когда либо лихому питуху и собачею сквайру Вестерну (герою романа Фильдинга «Томъ Джонсъ Найденышъ»), что ему придется сидѣть въ парламентѣ вмѣстѣ со своимъ крестьяниномъ, чернымъ Джорджемъ, напримѣръ, котораго онъ не хотѣлъ даже признавать человѣкомъ! Но объ этомъ дальше. Министерская партія составляетъ унію консерваторовъ и

либераловъ; такую же унію представляетъ и оппозиція. Въ ней 182 либерала, которыхъ, въ отличіе отъ либераловъ уніонистовъ, называютъ радикалами или же гладстоніанцами, да 82 представителя Ирландіи. Послѣдніе раздѣляются, въ свою очередь, на двѣ партіи: на націоналистовъ (71) и націоналистовъ-парнелистовъ (11).

На скамьяхъ, занятыхъ ирландцами, не мало крайне типичныхъ лицъ. Вотъ красивый, страшно блѣдный брюнетъ со сверкающими черными глазами. Плотно сжатыя губы его нервно вздрагиваютъ. Это — вождь партіи, докторъ Джонъ Диллонъ, сынъ Джона Диллона, ирландскаго героя 1848 г. Онъ началъ политическую карьеру въ 1886 г. (теперь Диллону 47 лѣтъ) участіемъ въ такъ называемомъ «Plan of Campaign», въ сообществѣ, стремившемся улучшить аграрное положеніе фермеровъ въ Ирландіи. «Plan of Compaign» былъ признанъ англійскими властями противозаконнымъ сообществомъ. Диллонъ поплатился за участіе 15 мѣсяцами тюремнаго заключенія. Онъ обладаетъ бурнымъ, пламеннымъ краснорѣчіемъ. Сила послѣдняго заключается въ жгучемъ сарказмѣ. Диллонъ часто прибѣгаетъ къ образамъ и къ сравненіямъ, которые показываютъ, что представитель округа Майо надѣленъ поэтической фантазіей. Онъ пользуется большимъ авторитетомъ въ Ирландіи. Послѣ того, какъ извѣстный историкъ Макъ-Карти отказался отъ званія лидера, замѣщеніе вакансіи Диллономъ никого не удивило. Полную противоположность съ нервнымъ, подвижнымъ Диллономъ представляетъ спокойный, однорукій сосѣдъ его, журналистъ Майкель Дэвиттъ. Правую руку свою онъ потерялъ въ молодости, на фабрикѣ, гдѣ работалъ ткачемъ. Майкелю Дэвитту съ тѣхъ поръ пришлось пережить очень многое. Съ девятнадцати лѣтъ онъ принялъ участіе въ націоналистическомъ движеніи. «Мой отецъ былъ мелкій фермеръ,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи.—Когда мнѣ было шесть лѣтъ, его прогнали съ земли за то, что онъ не могъ уплатить ренты. Эта сцена врѣзалась мнѣ въ память. Я никогда не забуду ея. Она преслѣдуетъ меня постоянно». А между тѣмъ, у Майкеля Дэвитта было много тяжелыхъ испытаній. Въ 1867 г. онъ, вмѣстѣ съ другими молодыми ирландцами, былъ арестованъ за подготовленіе къ возстанію и присужденъ къ 15 годамъ каторжныхъ работъ. Онъ провелъ въ тюрьмѣ 9 лѣтъ. «Девять лѣтъ меня постоянно мучилъ голодъ»,—пишетъ онъ въ своей книгѣ «My prison life». Режимъ въ англійскихъ каторжныхъ тюрьмахъ до крайности суровъ, а для Дэвитта и товарищей его не дѣлалось никакихъ смягченій. Онъ былъ освобожденъ до срока, какъ ticket of leave man; но вскорѣ вновь арестованъ за произнесенную рѣчь. Онъ просидѣлъ еще 15 мѣсяцевъ. Послѣ освобожденія онъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ познакомился съ Генри Джорджемъ, систему «единаго налога» котораго онъ первый привезъ въ Англію. Въ парламентѣ Майкель Дэвиттъ засѣдаетъ съ 1893 г. Онъ пользуется огромнымъ авторитетомъ, въ особенности среди ирландцевъ, живущихъ за океа-

номъ. Въ прошломъ году онъ объѣхалъ Америку, Австралію и Новую Зеландію и привезъ большія суммы для ирландскаго дѣла. Тонъ рѣчей Дэвитта такъ же спокоенъ, какъ и книги его. Страданія, вынесенныя въ каторжной тюрьмѣ, не озлобили его. Когда «Times» открылъ позорную кампанію противъ покойнаго Парнеля, кампанію, основанную на подложныхъ документахъ,—онъ хотѣлъ обвинить и Майкеля Дэвитта, который ужъ тогда обратилъ на себя вниманіе въ парламентѣ. Одна изъ наиболѣе злобныхъ статей серіи «Parnelism and Crime» была направлена противъ представителя Керри. Майкель Девиттъ, точно также, какъ и Парнель, доказалъ тогда ложность обвиненія.

Позади той скамьи, на которой сидятъ Дэвиттъ и Диллонъ,—видѣнъ сѣдой джентельменъ, съ длинной бѣлой бородой, съ маленькой черной шапочкой, прикрывающей голый черепъ. Это—Патрикъ О'Бріенъ, присужденный въ 1867 г. за участіе въ возстаніи къ повѣшенью, а затѣмъ къ колесованью. Казнь была замѣнена пожизненными каторжными работами. Но старикъ О'Бріенъ уже давно сидитъ въ парламентѣ рядомъ съ «сладчайшимъ Редмондомъ», представителемъ парнелистовъ. «Сладчайшимъ» прозвали послѣдняго не даромъ. Онъ встаетъ; лицо его принимаетъ необыкновенно сладостное выраженіе; голосъ умильный, ласковый, весь насыщенный, кажется, медомъ. Повидимому, онъ собирается сказать рядъ комплиментовъ министерской партіи. Между тѣмъ, каждое ласковое слово напоено ядомъ; рѣчь его дышетъ сарказмомъ. Медовые обороты Редмонда хлещутъ, какъ бичемъ. Когда «сладчайшій» поднимается, чтобы говорить, можно заранѣе сказать, что рѣчь вызоветъ страстный, раздражительный отвѣтъ со стороны сидящихъ на министерской скамьѣ. Я помню Редмонда во время обсужденія адреса къ королевѣ. Ораторъ весь побѣлѣлъ отъ сдержаннаго негодованія; онъ просилъ сдѣлать поправку, которая, если прошла бы, вызвала бы отставку кабинета. Взбѣшенный Бальфуръ вскочилъ, какъ ужаленный, и въ отвѣтной рѣчи не поскупился на энергичные термины. Между тѣмъ, голосъ Редмонда все время не переставалъ быть такимъ же сладкимъ, и улыбка не исчезала съ лица.

Отъ ирландской партіи перейдемъ теперь къ радикаламъ—гладстоніанцамъ. Было время, когда подъ знамена партіи становились всѣ оппозиціонныя силы страны. Лозунги, выставленные на этихъ знаменахъ, зажигали сердца. Они служили боевымъ кличемъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, пока были въ Англіи классы, оторванные отъ участія въ общественной жизни. Но вотъ рядъ реформъ осуществилъ то, что казалось несбыточнымъ во время чартистскаго движенія. Участіе въ общественной жизни Англіи получили не только средніе классы, не только рабочее населеніе, но и безправый Hodge (презрительная кличка англійскаго мужика), о которомъ во всѣхъ реформахъ, вплоть до проведенія «County franchise act» 1884 г., какъ то забывали. Новыя теченія общественной жизни принесли

съ собой новые идеалы. Пробудившаяся молодая Англія выставила новыя требованія, помимо политическихъ реформъ; но старая либеральная партія не подняла новыхъ знаменъ, вокругъ которыхъ сгруппировались бы эти молодыя силы. Одни изъ дѣятелей старой либеральной партіи не хотѣли вѣрить тому, что былые лозунги, великолѣпные когда то, теперь устарѣли; другіе—испугались новыхъ запросовъ и поспѣшили перейти къ консерваторамъ; третьи, хотя и сознавали необходимость соціальныхъ реформъ, но остановились въ нерѣшительности. Въ парламентъ прибывали новые, невиданные до тѣхъ поръ въ стѣнахъ Вестминстерскаго дворца коммонеры, представители только что пріобщенныхъ къ общественной жизни слоевъ; они говорили о томъ, что слѣдуетъ сдѣлать шагъ впередъ; но вожди либеральной партіи предлагали имъ Ньюкэстельскую программу, выработанную въ 1891 г. національной либеральной федераціей, программу исключительно политическаго характера. Въ концѣ прошлаго года національная либеральная федерація собралась въ Дерби и выработала новую программу; но она, въ сущности, повторяла ньюкэстельскую. Нѣкоторые вожди вообще возстали противъ какой бы то ни было программы.

«У меня три возраженія противъ стряпни программъ (programmongering),—сказалъ недавно на банкетѣ въ шотландскомъ Reform Club сэръ Генри Камбель-Баннерманъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ представителей старой либеральной партіи. Во первыхъ, тактика не позволяетъ дѣлать того, что отъ васъ требуютъ противники. (Въ прошломъ году консерваторы часто напирали на то, что у либераловъ нѣтъ программы). Нужно вамъ сказать, что я крайне подозрителенъ. Во вторыхъ, я не думаю, чтобы было особенно выгодно раскрыть заранѣе противнику свои карты и сказать ему, что хочешь сдѣлать. Немножко молчанія, правда, не совсѣмъ вѣжливо, за то полезно. Есть еще у меня и третье возраженіе, пожалуй, самое вѣское. Шотландская пословица говоритъ: «обжогшееся дитя боится огня» (burnt bairns dread the fire). У насъ тоже былъ опытъ подобнаго рода. Врядъ ли насъ обвинитъ кто, если мы воздержимся отъ показыванія программы». Зачѣмъ программа? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что такое либерализмъ. «Детальности же выработаются сами собой, когда наступитъ пора». Какъ видите, это рѣчь тонкаго политика, считающаго всѣ запросы молодой Англіи «деталями». Бѣда лишь въ томъ, что новые элементы въ странѣ отказываются поддерживать партію, если имъ не скажутъ этихъ «деталей».

Партія не имѣетъ своего вождя послѣ отказа Розбери. Временнымъ лидеромъ радикаловъ является сэръ Вильямъ Гаркортъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и почтенныхъ дѣятелей партіи. Его монументальная крупная фигура сразу бросается въ глаза на front bench, на первой скамьѣ оппозиціи. По англійскимъ понятіямъ сэръ Вильямъ еще въ полной силѣ; по нашимъ—глубокій старикъ;

ему семьдесятъ два года. Гаркортъ сидитъ въ парламентѣ съ 1868 г. До того времени онъ былъ блестящимъ публицистомъ, статьи котораго, подписанныя псевдонимомъ Historicus, читаются съ удовольствіемъ еще теперь, затѣмъ—однимъ изъ наиболѣе ученыхъ адвокатовъ Англіи, потомъ профессоромъ международнаго права въ Кембриджскомъ университетѣ. Въ кабинетѣ Гладстона онъ дважды былъ канцлеромъ казначейства. Бюджетъ, составленный Гаркортомъ на 1894 г., содержащій проектъ прогрессивнаго налога на наслѣдства,—считается, своего рода, недосягаемымъ образцомъ. Въ 1896 г., когда Бальфуръ внесъ свой школьный билль № 1, Гаркортъ разбилъ этотъ проектъ. И министерство, имѣющее подавляющее большинство въ 142 голоса, должно было взять свой законъ обратно. Но Гаркортъ политикъ старой школы. Когда я всматривался въ эту крупную фигуру, когда наблюдалъ это умное, старческое лицо съ насмѣшливыми губами и съ прищуренными, блестящими еще глазами, то мнѣ приходило въ голову, что, вѣроятно, сэръ Вилльямъ представляетъ себѣ парламентскую борьбу точно также, какъ представлялъ ее себѣ лордъ Пальмерстонъ. Тори и Виги это два боксера. Избиратели это—bottle holder, тотъ секундантъ, который присутствуетъ при боксѣ съ бутылкой и съ губкой въ рукахъ. Конечно, глотокъ воды или влажная губка, проведенная по лицу, сильно освѣжаютъ во время боя; но дѣло не въ bottle holder'ѣ. Самое главное, это нанести противнику хорошій ударъ въ скулу, въ то время, какъ оба вертятся на аренѣ. Сэръ Вилльямъ скептически относится къ какимъ бы то ни было программамъ. Онъ не вѣритъ въ необходимость перемѣнить знамена. Еще меньше вѣритъ въ это добродушный сосѣдъ Гаркорта, развалившійся возможно удобнѣе, надвинувъ цилиндръ на самые глаза. Это сэръ Генри Камбель-Баннерманъ. Въ кабинетѣ Гладстона онъ занималъ постъ морского министра. «Великій старецъ» сказалъ какъ то: «Campbell Bannerman is wanting in push», т. е. Камбеля-Баннермана нужно все подталкивать впередъ. Дѣйствительно, у сэра Генри нѣтъ ни врожденной потребности борьбы за то, что онъ считаетъ истиной, ни честолюбія. Это добродушный, вполнѣ «корректный» (въ лучшемъ смыслѣ слова), сказочно богатый эпикуреецъ, который пошелъ въ палату общинъ, потому что нужно что либо дѣлать. Камбеля-Баннермана одно время прочили въ премьеры; но онъ слишкомъ любитъ покой и слишкомъ «is wanting in push», чтобы стоять во главѣ министерства. Видной фигурой на front bench является Джонъ Морлей, извѣстный населенію, любящему давать прозвища выдающимся дѣятелямъ, подъ почетнымъ именемъ Honest John, честнаго Джона. Морлей хорошо знакомъ намъ, русскимъ, какъ авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ трактатовъ о французскихъ энциклопедистахъ («Вольтеръ», «Дидро»), и книги «О компромиссѣ», которая, если не ошибаюсь, у насъ вышла вторымъ изданіемъ. Онъ же написалъ образцовыя біографіи Коб-

дена, демагога XVIII вѣка Эдмунда Бёрка и Вальполя. Въ 1880—83 гг. Морлей редактировалъ Pall Mall Gazette, которая была тогда корректнымъ изданіемъ и приняла шуструю, уличную физіономію, какъ только перешла къ Стэду. Затѣмъ онъ редактировалъ долго лучшій англійскій *ежемѣсячный* журналъ, который почему то называется *Fortnightly* Review, т. е. *двухнедѣльнымъ* обозрѣніемъ. Миссъ Бетси Тротвудъ, тетушка Давида Копперфильда, сказала бы навѣрное, что журналъ называется Fortnightly точно на томъ же основаніи, на какомъ домъ, гдѣ родился герой, назывался Blunderstone Rookeru, хотя тамъ и помину не было о грачахъ. Политическая дѣятельность Морлея началась въ 1883 г., когда онъ въ первый разъ былъ посланъ въ парламентъ депутатомъ отъ Ньюкестля-на-Тайнѣ. Когда Гладстонъ выступилъ со своимъ проектомъ гомруля, премьеръ нашелъ въ Морлеѣ горячаго приверженца. Онъ разработалъ значительную часть билля. Морлею хорошо извѣстно положеніе дѣлъ въ Ирландіи, такъ какъ онъ былъ тамъ нѣсколько лѣтъ главнымъ министромъ (chief secretary). Honest John не человѣкъ трибуны и, еще меньше, онъ человѣкъ борьбы. Говоритъ онъ спокойно, академически, съ многочисленными цитатами изъ любимыхъ классиковъ. Въ чтеніи рѣчи эти крайне убѣдительны; но слушатели всегда остаются нѣсколько холодны. «Честный Джонъ» по преимуществу человѣкъ кабинетный. Клокочущій потокъ новой жизни не можетъ захватить его всего. Морлей и идеальный министръ; но, вѣроятно, никогда не будетъ и не можетъ быть премьеромъ.

Если Honest John слишкомъ кабинетный и положительный человѣкъ, за то полной антитезой ему является сосѣдъ, редакторъ журнала «Truth», маленькій Генри Лабушеръ, черты котораго отлично знакомы каждому лондонцу: ни одинъ членъ парламента такъ часто не фигурируетъ на страницахъ карикатурныхъ журналовъ, какъ депутатъ отъ Нортгамптона. Лабушеромъ въ газетахъ его никто не зоветъ; онъ извѣстенъ подъ именемъ «Лэби». Потомокъ французскаго эмигранта, онъ унаслѣдовалъ галльскую живость, подвижность, остроуміе и... нѣкоторую легкомысленность и пристрастіе къ неожиданнымъ бутадамъ. Говорятъ, его прадѣдъ родомъ изъ Гаскони. Въ молодости Лэби пробовалъ сдѣлаться дипломатомъ. Онъ побывалъ attaché въ Вашингтонѣ, Мюнхенѣ, Стокгольмѣ, Петербургѣ и въ Константинополѣ, но дипломатія ему не понравилась. Лэби возвратился въ Лондонъ и сталъ издавать свой журналъ, въ которомъ редакціонныя статьи написаны въ духѣ Рошфора. Въ парламентѣ Лэби извѣстенъ не столько своими рѣчами (большіе доклады не въ его духѣ и не удаются ему), какъ отвѣтами и запросами. Они всегда остроумны, всегда жгучи, всегда слушаются съ большимъ интересомъ. Коммонеры часто любятъ блеснуть въ своихъ рѣчахъ знаніемъ классиковъ. Лэби тоже большой охотникъ до цитатъ, но чаще всего ихъ беретъ изъ... Беранже. Помню, въ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ по поводу Сесиля Родса и афри-

канскихъ дѣлъ. Лэби началъ ядовитый запросъ свой слѣдующимъ обращеніемъ къ биржевикамъ и спекулянтамъ Родезіи:

«Vite en carrosse,
Vite à la noce;
Juif ou chrétien, tout le monde est prié.
Vite en carrose,
Vite à la noce;
Alleluia!

Нужно сказать, что рѣчи Лабушера по поводу набѣга Джемсона принадлежатъ къ лучшимъ, которыя депутатъ отъ Нортгамтона когда либо произносилъ. Лабушеръ не принадлежитъ, собственно говоря, ни къ одной партіи. Это человѣкъ, который всегда будетъ въ оппозиціи, какая бы партія ни находилась у власти.

Въ 1891 г. въ лондонскомъ судѣ разбирался скандальный великосвѣтскій процессъ, извѣстный въ прессѣ подъ названіемъ «Baccarat trial». Дѣло шло объ игорномъ домѣ, въ которомъ велась «foul play», т. е., по-просту, гдѣ шуллерничали. Въ качествѣ обвиняемыхъ фигурировали тогда «верхи верховъ» лондонской аристократіи. Свидѣтелями были вызваны такія лица, которыхъ даже въ Англіи законъ не можетъ коснуться. Тогда огромное впечатлѣніе произвела рѣчь одного изъ адвокатовъ, нарисовавшаго мрачную картину англійскаго Олимпа. Адвокатъ этотъ былъ Асквитъ, сидящій теперь на front bench представителемъ Файфа. Въ парламентѣ онъ быстро выдвинулся послѣ первой же своей рѣчи. Ему Гладстонъ поручилъ сдѣлать поправку къ адресу, которая повела къ паденію министерства Салисбюри въ 1892 г. Никого не удивило, когда въ новомъ кабинетѣ Асквитъ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ выступилъ съ заявленіемъ, что радикальное министерство должно намѣтить рядъ соціальныхъ реформъ. Асквитъ внесъ детально разработанный билль объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и здоровье рабочихъ. Въ палатѣ общинъ билль встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны консерваторовъ. Проектъ былъ сильно изуродованъ поправками. Палата лордовъ докончила то, чего не могли сдѣлать консерваторы. Билль былъ изуродованъ до неузнаваемости. Когда консервативная партія стала вновь у власти въ 1895 г., она провела билль Асквита въ измѣненномъ видѣ. Асквитъ, однако, никогда, по всей вѣроятности, не будетъ премьеромъ. Его рѣчи слишкомъ сухи и холодны; онъ не обладаетъ краснорѣчіемъ *вождя*, зажигающаго сердца и увлекающаго всѣхъ за собою. На придачу, теперь Асквитъ почти утерянъ для палаты общинъ. Не обладая состояніемъ, онъ долженъ заниматься адвокатской практикой, которая отнимаетъ у него почти все время. Когда Асквитъ былъ министромъ, онъ могъ всецѣло отдаться общественной дѣятельности, потому что жалованье (50 тыс. руб.) обезпечивало его вполнѣ. Другой дѣятель, обѣщавшій сдѣлаться премьеромъ, утерянъ совершенно, какъ вождь, по другой причинѣ.

Я говорю о Чарльзѣ Дилькѣ, о которомъ упоминалъ уже въ прошлой статьѣ.

Перейдемъ теперь къ новымъ типамъ въ парламентѣ, къ представителямъ тѣхъ молодыхъ силъ Англіи, которыя призваны къ общественной жизни лишь въ послѣднія десятилѣтія. Пока ихъ очень немного (12 ч.) и они не составляютъ особой партіи или же даже группы въ палатѣ общинъ. Они идутъ рука объ руку съ радикальными гладстоніанцами. Какъ англичане, они, прежде всего, преслѣдуютъ практическія цѣли, не особенно интересуясь абстрактными идеалами. Мнѣ кажется, читателямъ будетъ не безъинтересно познакомиться съ двумя типичными представителями новыхъ теченій. Одинъ является депутатомъ отъ англійскихъ мужиковъ, другой—отъ городскихъ рабочихъ. Посѣтителямъ парламента хорошо знакома огромная, широкоплечая фигура, съ большими волосатыми руками, сидящая на третьей скамьѣ оппозиціи. Это Джозефъ Арчъ, или «Большой Джо», Big Joe, какъ прозвали его. Это — первый представитель въ парламентѣ класса, котораго всѣ реформаторы обходили. «Большого Джо» послалъ *Hodge*, англійскій мужикъ, безпочвенный, оторванный отъ земли, до послѣдняго времени совершенно невѣжественный, забитый и безправый. Въ теченіе многихъ десятилѣтій Hodge находился въ полной зависимости у помѣщика (squire) и пастора. Онъ не имѣлъ права голоса на выборахъ. Но тутъ, мнѣ кажется, лучше всего намъ обратиться къ крайне интересной автобіографіи англійскаго мужика. Я говорю о книгѣ «The Autobiography of Joseph Arch», вышедшей въ началѣ этого года. Изъ нея мы познакомимся, какъ съ Hodge'омъ, такъ и съ личностью перваго представителя крестьянства. Джозефу Арчу теперь за семьдесятъ. Родился онъ въ 1826 г. Отецъ его имѣлъ небольшой клочекъ земли. И этому обстоятельству Арчъ придаетъ огромное значеніе. Онъ много разъ повторяетъ въ своей книгѣ, что земля дала независимость, какъ отцу, такъ и ему. Имъ не приходилось трепетать ежеминутно, какъ другимъ мужикамъ, что сквайръ разсердится и вышвырнетъ его на улицу изъ избы. Арчъ разсказываетъ объ агитаціи въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Петиція циркулировала для подписи по странѣ; но помѣщики, которые были за хлѣбные законы, воспретили мужикамъ подписывать ее. Отецъ Арча подписался. Его внесли въ «черный списокъ» и въ теченіе 5 мѣсяцевъ старикъ Арчъ нигдѣ не могъ достать работы. «Я часто говорилъ себѣ,—пишетъ Джозефъ Арчъ,—слѣдующее: Джо, если у тебя есть за что благодарить Бога, такъ это за клочекъ земли и за избу. На немъ ты—король самого себя, какъ были твой отецъ и дѣдъ». Положеніе безземельныхъ мужиковъ было отчаянное. «Въ большинствѣ избъ кусокъ сала—былъ роскошью. Мука была дорогая; мы ѣли преимущественно ячменный хлѣбъ. Чай стоилъ 6—7 шиллинговъ за фунтъ (теперь—одинъ шиллингъ), сахаръ—8 пенсовъ. (Теперь $^1/_2$ пенса). Свѣжаго мяса мы не ви-

дали мѣсяцами». Чтобы не умереть отъ голода, мужики крали рѣпу и картофель съ полей помѣщика, рискуя за это каторжными работами, тѣмъ болѣе, что судъ въ деревнѣ находился въ рукахъ сквайра. Надъ Hodge командовали всѣ. Сквайръ и пасторъ предписывали законы по своему произволу. Даже жена пастора пыталась быть законодательницей. Молодого Джозефа послали въ школу шести лѣтъ, а взяли оттуда девяти лѣтъ и пристроили къ дѣлу: онъ сталъ живымъ пугаломъ. За 4 пенса въ день онъ прогонялъ воронъ и воробьевъ съ нивы. Двѣнадцати лѣтъ его повысили въ погонщики при плугѣ. Время было суровое. «Фермеры жестоко били погонщиковъ; пахари тоже не жалѣли ни кнута, ни каблуковъ». Тѣмъ не менѣе, время изгладило огорченія, причиненныя шлычками и колотушками. Осталось впечатлѣніе, произведенное природой. «Я счастливъ, что не родился сыномъ фабричнаго, и не знаю ничего болѣе жестокаго, притупляющаго и деморализующаго, чѣмъ фабрика. Надо мною было небо. Если бывали холодные дожди и пронизывающіе вѣтры, за то потомъ блестѣло солнце. Я не думалъ тогда о мѣняющейся красотѣ природы, но воспринималъ ее, тѣмъ не менѣе». Затѣмъ, Арчъ становится самъ пахаремъ и косцомъ. Онъ съ такою же гордостью говоритъ о томъ, какъ получилъ прозваніе «перваго косаря въ графствѣ», какъ о томъ, что былъ избранъ въ парламентъ. Съ двадцати лѣтъ Джозефъ Арчъ отправился на полевые заработки съ цѣлой партіей подручныхъ. Онъ обошелъ тогда всѣ земледѣльческія графства въ Англіи, присматриваясь по пути къ положенію Hodge. Нищета и безпомощность мужиковъ поразили его. «Они не имѣли права голоса, коснѣли во тьмѣ, потеряли всякую надежду. Я разспрашивалъ, наблюдалъ, обдумывалъ. Меня тревожилъ вопросъ, я ли долженъ быть той трубой, которая возгласитъ по всей странѣ о страданіяхъ Hodge»? Джозефъ Арчъ собиралъ факты очень долго. Лишь въ 1870 г. онъ началъ выступать на мѣстныхъ митингахъ. Мужики все болѣе и болѣе привязывались къ нему, а деревенская аристократія, какъ пасторъ или же лавочникъ, аттестовали его не иначе, какъ «a firebrand in the parish» (подстрекателемъ всего прихода). Но, тѣмъ не менѣе, даже сквайръ долженъ былъ признать, что Арчъ—первоклассный работникъ, мастеръ на всѣ руки, a good all-round man. Наконецъ моментъ широкой общественной дѣятельности наступилъ. 1872 г. былъ особенно благопріятенъ для національнаго богатства Англіи и особенно тяжелъ для мужиковъ. Въ февралѣ сосѣди пришли сказать Арчу, что деревня проситъ его на митингъ. Мужики рѣшили составить союзъ, какъ это давно совѣтовалъ имъ Большой Джо. Арчъ особенно подробно описываетъ, какъ собирался на этотъ памятный митингъ. «Когда я шелъ по грязной дорогѣ, мнѣ все приходили на память тѣ три дорчестерскихъ мужика, которыхъ не задолго до того засудили въ каторжныя работы. Они тоже подговаривали устроить союзъ; но съ вступающихъ брали клятвы. Судъ,

поэтому, взглянулъ на союзъ, какъ на тайное сообщество. На минуту мой духъ упалъ; наконецъ я сказалъ самому себѣ: «Джо Арчъ, не будь трусомъ. Ты долженъ быть мужчиной и исполнить то, что велитъ тебѣ долгъ». И я смѣло пошелъ впередъ».

На митингъ подъ деревьями собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ. Онъ составляетъ историческое явленіе въ исторіи труда. На немъ положено было начало огромнаго National agricultural labourer's union, объединившаго всѣхъ англійскихъ мужиковъ. Джозефъ Арчъ, прежде всего, посовѣтовалъ собравшимся избѣгать всякаго насилія. «Мы собрались сюда для того, чтобы сбить съ рукъ старыя, заржавленныя цѣпи,—сказалъ онъ, а не для того, чтобы выковать на нихъ новыя заклепки... Я хочу быть *мирнымъ* Уатомъ Тейлоромъ полей. Мы пришли сюда для того, чтобы завоевать свободу мирными путями, а не для того, чтобы потерять ее беззаконіемъ».

Стемнѣло. Но собравшіеся принесли фонари, развѣсили ихъ на деревьяхъ, и митингъ продолжался. Вмѣстѣ съ организаціей союза, рѣшено было добиваться повышенія заработной платы. Она была тогда 12 шиллинговъ въ недѣлю; союзъ потребовалъ 16. Нужно сказать, что по вычисленію Чарльса Будса standard of life, т. е. тотъ минимальный предѣлъ въ заработкѣ, ниже котораго начинается проголодь, въ Англіи равняется 25 шил. въ недѣлю. Hodge объявилъ стачку. Консервативныя газеты требовали немедленнаго ареста «агитатора», т. е. Джозефа Арча. Епископъ Глостерскій обличалъ его, какъ посланника ада, но въ церкви же союзъ нашелъ могучихъ защитниковъ. Рѣшительное вліяніе на исходъ осложненія имѣла пресса, главнымъ образомъ, «Daily News». Газета послала въ деревни своего знаменитаго военнаго корреспондента Арчибальда Форбеса. Въ результатѣ былъ рядъ замѣчательныхъ статей, рисовавшихъ положеніе деревни. Общественное мнѣніе стало всецѣло на сторонѣ Hodge. Онъ получилъ свои прибавочныхъ 4 шиллинга, получилъ затѣмъ политическія права. И первымъ представителемъ своимъ англійскій мужикъ послалъ Большого Джо. Джозефу Арчу, подобно Рескину, кажется, что въ будущемъ деревенское населеніе Англіи, окрѣпшее и просвѣтленное, будетъ играть огромную роль. Пока, онъ доказываетъ необходимость пріобрѣтенія крестьянами клочковъ земли, которые, по его мнѣнію, даютъ возможность Hodge быть болѣе независимымъ. Деревенскіе сходы (parish meetings), которые со времени реформы 1888 г. замѣнили власть помѣщика и пастора, имѣютъ право, между прочимъ, снимать земли и отдавать ихъ мелкими участками въ аренду односельчанамъ. Эти участки называются allotements. Въ только что вышедшемъ «Constitutional Jearbook» на 1898 г. находимъ нѣсколько любопытныхъ цифръ касательно Allotements. Оказывается, съ каждымъ годомъ число этихъ мелкихъ участковъ увеличивается *).

*) Въ 1886 г. въ Англіи, Шотландіи и Валлисѣ было 357.795 лицъ,

Если Джозефъ Арчъ является типичнымъ представителемъ Hodge'a, то такимъ же представителемъ городскихъ рабочихъ является «good old Jack», какъ называютъ въ Батерси Джона Бернса. О немъ я писалъ уже когда то въ *Русскомъ Богатствѣ*. На послѣднихъ муниципальныхъ выборахъ консервативная партія употребила всѣ усилія, чтобы провалить Бернса. Противъ него былъ открытъ правильный походъ. Результаты получились крайне плачевные для консерваторовъ. «Old Jack» прошелъ поразительнымъ большинствомъ. Благодаря вліянію Бернса, совѣтъ лондонскаго графства принялъ законъ о восьмичасовомъ днѣ для рабочихъ, нанимаемыхъ county council, провелъ minimum платы, ниже котораго она не должна пасть, устроилъ «департаментъ работъ» для производства городскихъ построекъ хозяйственнымъ путемъ, безъ участія посредниковъ. Теперь къ Джону Бернсу приглядѣлись въ парламентѣ. Его присутствіе кажется такимъ же естественнымъ, какъ и любого сквайра, засѣдающаго на министерскихъ скамьяхъ. А между тѣмъ, въ 1886 г. консервативныя газеты пришли въ ужасъ, когда узнали, что свою кандидатуру въ палату общинъ выставилъ «демагогъ изъ Батерси», котораго совершенно напрасно считали виновникомъ, такъ называемаго, «west-end riot», когда толпа выбила стекла въ нѣкоторыхъ аристократическихъ клубахъ. На другой день послѣ «мятежа» газеты сообщали самыя невѣроятныя извѣстія. «Бернсъ съ 60 тысячами человѣкъ идетъ на Лондонъ»,—кричали разносчики газетъ. «А въ это самое время вышеназванный демагогъ, съ двумя пенсами въ карманѣ, искалъ какую нибудь поденную работу», — говоритъ Бернсъ въ автобіографической замѣткѣ. На первыхъ выборахъ Бернсъ получилъ всего 598 голосовъ. Въ наказаніе за кандидатуру предприниматели шесть мѣсяцевъ бойкотировали Бернса, не давая ему работы (Онъ по профессіи инженеръ). Бернсъ былъ избранъ въ парламентъ своимъ *роднымъ* Батерси въ 1892 г...

Уже за полночь. Депутаты устали. Скамьи пустѣютъ, тѣмъ болѣе, что обсуждаемый вопросъ не интересенъ и имѣетъ частный характеръ. Пора по домамъ; но спикеръ не имѣетъ права самъ отложить засѣданіе. Это долженъ предложить кто-либо изъ депутатовъ. За это право долго боролись, потому что въ прошломъ столѣтіи правительство широко пользовалось правомъ спикера прекращать засѣданія. Дебаты прекращались, какъ только они принимали непріятный для правительства оборотъ. Теперь спикеръ долженъ сидѣть, пока засѣданіе не разрѣшитъ ему встать.

Посѣтитель выходитъ изъ Вестминстерскаго дворца съ массой новыхъ впечатлѣній. Онъ сознаетъ, что какъ ни противоположны, порой, теченія, представленныя въ палатѣ, они, въ концѣ концовъ,

---

державшихъ allotements; въ 1890 г.—445.005; въ 1895 г.—488.550. Относительно участковъ отъ 1—5 акровъ, указаны, къ сожалѣнію, лишь цифры а послѣдній отчетный годъ (1895). (Constit. Jearbook, 1898. p. 394).

естественно должны слиться въ одинъ широкій, мощный потокъ. Джонъ Буль не только настойчивъ до чрезвычайности, но и на рѣдкость практиченъ: онъ не станетъ прать противъ рожна, какъ только убѣдится, что это и безполезно, и не выгодно.

Діонео.

Изъ Франціи.

Читатель, конечно, уже знаетъ изъ газетъ, что за нелѣпыя, что за возмутительныя и глубоко печальныя сцены разыгрались недавно въ странѣ «Провозглашенія правъ человѣка и гражданина» и даже на улицахъ «Города-свѣточа». Дикій вой толпы: долой жидовъ! въ воду! отбрасывающій насъ въ ночь средневѣковья; кулаки и палки, опускающіеся на голову «измѣнниковъ», осмѣливающихся кричать: да здравствуетъ республика! принцъ Орлеанскій, лобызающій папскаго зуава темнаго происхожденія, присвоившаго себѣ венгерскую фамилію Эстергази и воплощающаго честь французской арміи; студенты въ патріотическихъ беретахъ, надсаживающіеся надъ крикомъ: смерть Золя! Рошфоръ, идущій рука объ руку съ Дрюмономъ и Кассаньякомъ въ возвеличеніи тѣхъ самыхъ представителей милитаризма, которыхъ онъ такъ еще недавно обзывалъ «идіотами» и «скотами»; выступленіе снова на политическую сцену такихъ клоуновъ шовинизма, какъ Милльвуа, извѣстный своимъ приключеніемъ съ фальшивыми бумагами Нортона; страхъ всѣхъ парламентарныхъ партій, за рѣдкими личными исключеніями, передъ «патріотическимъ чувствомъ націи» на предстоящихъ выборахъ; и въ воздухѣ смутное ожиданіе новаго буланжизма, которому не достаетъ лишь «всадника» хотя бы и «безъ головы», но съ султаномъ и на ворономъ конѣ...

Да, есть отъ чего призадуматься надъ грядущей судьбой великаго, но дѣтски впечатлительнаго народа, у котораго отъ героическаго до смѣшного одинъ шагъ, котораго не сдѣлали осторожнѣе ни рѣки благородной крови, ни періодическое торжество ненавистной реакціи, который беззаботно выпускаетъ изъ своихъ рукъ тѣ самыя пріобрѣтенія цивилизаціи, что стоили ему стольнихъ жертвъ. Бѣдный великій народъ, несчастная героическая Франція... Какъ то въ одной изъ своихъ статей я попытался мистифицировать читателя, выдавши рѣчь Перикла за образецъ французскаго краснорѣчія и тутъ же признавшись въ этой маленькой хитрости: я хотѣлъ лишь показать рельефное сходство между древнимъ аѳинянинномъ и современнымъ французомъ. Послѣднія событія завершаютъ это сход-

ство. Нѣсколько дней тому назадъ, вдосталь наглядѣвшись на возбужденную «улицу», досыта наслушавшись позорныхъ криковъ антисемитствующихъ «патріотовъ», я почувствовалъ такую щемящую боль, такой жгучій стыдъ за Францію конца XIX-го вѣка, что мнѣ захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ «чести знамени» и «бордеро», писемъ генерала Гонса и краснорѣчія генерала де-Пеллье, таинственной дамы, прикрывающейся вуалемъ, и военной Ѳемиды, выглядывающей изъ-подъ повязки, — уйти, напримѣръ, подъ безоблачное небо древней Эллады, въ страну оливъ и кипарисовъ, гдѣ боги дружески примѣшивались къ толпѣ смертныхъ и люди возносились до боговъ... Но судьба преслѣдовала меня, и, перелистывая Плутарха, который столько разъ вдохновлялъ великихъ предковъ современныхъ республиканцевъ, я, самъ не знаю почему, остановился на жизнеописаніи Алквіада, а едва пробѣжалъ нѣсколько страницъ, какъ снова очутился въ Парижѣ V-го вѣка до Р. Х. съ его блескомъ и шумомъ, героизмомъ и безтолочью, скептицизмомъ и легковѣріемъ, безпрестанными переливами настроенія толпы, переходящей отъ великихъ чувствъ къ низкимъ побужденіямъ. Даже нашелся такой же таинственный, полный всевозможныхъ недоразумѣній и неправильностей процессъ, или вѣрнѣе рядъ разбирательствъ, какимъ угощали насъ недавно Аѳины XIX-го вѣка. Помните государственное преступленіе, изуродованіе статуй Гермеса, показавшееся соотечественникамъ Алквіада началомъ «заговора, направленнаго на великія перемѣны»? Помните, какъ молва обвинила въ томъ Алквіада, уже готовившагося отплыть съ войскомъ въ Сицилію? А заключеніе въ тюрьму нѣкоего Андокида, котораго аѳиняне въ отсутствіе Алквіада бросаютъ въ темницу вмѣстѣ со многими другими, обвиненными сначала по навѣтамъ рабовъ демагога Андрокла, а затѣмъ на основаніи показаній Діоклида, Тевкра и комическаго писателя Фриниха, который, къ слову сказать, напоминаетъ знаменитаго памфлетиста Рошфора и издѣвается въ слѣдующихъ стихахъ надъ людьми, обвиняющими его и товарищей въ клеветѣ:

Гермесъ любезный, берегись, не падай!
Не то, разбившись, дашь ты пищу
Для клеветы злодѣю Діоклиду *).

А Андокидъ, который рѣшается донести на себя и другихъ невинныхъ узниковъ, желая доносомъ спасти себя, по совѣту Тимея, играющаго до нѣкоторой степени роль полковника Дюпати де-Клама? А оффиціальные обвинители, которые такъ добросовѣстно дѣлаютъ свои показанія, что на вопросъ слѣдователей, какъ могутъ они узнать святотатцевъ, одинъ изъ свидѣтелей отвѣчаетъ: «я видѣлъ ихъ при лунномъ свѣтѣ», хотя въ ночь преступленія было новолуніе? И такъ далѣе, и такъ далѣе... Съ тяжелымъ чувствомъ за-

*) Πλουτάρχου Ἀλκιβιάδης, XX.

крылъ я древняго біографа, который не только не заставилъ меня забыть о современной Франціи, но вдвойнѣ растравилъ мою рану, развернувъ мнѣ картину героическаго, изящнаго и легкомысленнаго народа, который погибъ жертвою своей неустойчивости... Но довольно этихъ вздоховъ и сожалѣній: ими, конечно, не можетъ исчерпываться роль обозрѣвателя французской жизни. И на этотъ разъ я попытаюсь, какъ дѣлалъ то до сихъ поръ, разобраться въ общихъ причинахъ быстро несущихся событій, исхода которыхъ никто не можетъ предвидѣть...

Мнѣ какъ то пришлось на этихъ дняхъ имѣть долгій и вполнѣ откровенный разговоръ съ однимъ изъ старыхъ друзей Гамбетты, страстнымъ поклонникомъ «великаго патріота» и умѣреннымъ, но искреннимъ республиканцемъ. Такъ какъ мой собесѣдникъ хотя и бываетъ въ правящихъ сферахъ, но самъ не принадлежитъ къ нимъ въ настоящее время, то его глаза не застилаетъ тотъ спеціальный туманъ, который вызываетъ оптическія иллюзіи у людей, стоящихъ у власти, и налагаетъ на окружающіе предметы розовые оттѣнки оптимизма. Наоборотъ, мой собесѣдникъ очень мрачно смотритъ на настоящее и ближайшее будущее Франціи. Неразрывные отнынѣ крики толпы «да здравствуетъ армія! долой жидовъ», заглушающіе обычный крикъ «да здравствуетъ Франція», кажутся ему оскорбленіемъ республиканскихъ принциповъ и дурнымъ предзнаменованіемъ для прочности современныхъ учрежденій. «Благородный патріотизмъ Гамбетты», съ жаромъ говорилъ мой собесѣдникъ, «пришелъ бы въ ужасъ отъ этихъ святотатственныхъ криковъ, потому что, слитые въ одно, они подчеркиваютъ преклоненіе передъ грубой силой и призываютъ гражданъ разныхъ расъ и религій къ междуусобной войнѣ. Посмотрите на Ранка, который вѣрно хранитъ традиціи гамбеттовской политики: кто усомнится въ его патріотизмѣ? Но развѣ вы не замѣчаете, какъ, оцѣнивая священную миссію арміи для защиты отечества, онъ указываетъ ей надлежащее мѣсто, опредѣляетъ ея спеціальную роль, выходя изъ которой она становится государствомъ въ государствѣ и вѣчною опасностью для мирнаго развитія гражданскаго общества».

И много еще другого, и жалуясь, и негодуя, говорилъ мой собесѣдникъ. Но, вдумываясь въ его жалобы, прислушиваясь къ его негодующимъ словамъ, я замѣтилъ, что въ аргументаціи страстнаго гамбеттиста было больное мѣсто, заключалось внутреннее противорѣчіе, на которое я обратилъ вниманіе моего собесѣдника, но въ которомъ онъ ни за что не хотѣлъ признаться (ниже я указываю на этотъ слабый пунктъ).

Во всякомъ случаѣ этотъ и страстный, и продолжительный разговоръ навелъ меня на мысль развить передъ читателемъ то, что я могъ лишь намѣтить въ спорѣ и что отчасти было внушено мнѣ чтеніемъ небольшой книжки, подводящей итоги результатамъ той

оффиціальной «морали», которую распространяетъ въ націи вотъ уже скоро тридцать лѣтъ оппортунистская республика *).

Забѣгая нѣсколько впередъ выводовъ, я предпочитаю сейчасъ же ввести читателя въ сердце вопроса, сказавъ, что однимъ изъ основныхъ положеній этого оффиціальнаго катехизиса является усиленное культивированіе чувствъ реванша и слѣпое преклоненіе передъ арміей въ ущербъ другимъ, ужъ, конечно, не менѣе ея важнымъ элементамъ въ благоустроенномъ обществѣ. Говоря такъ, я нисколько не думаю становиться на сторону той «силы», которая подавила «право», которая двадцать семь лѣтъ тому назадъ опустила свою окровавленную желѣзную перчатку на побѣжденную, обезсиленную Францію и вырвала, можно сказать, изъ ея сердца еще трепещущія, еще дышащія пыломъ войны провинціи. Это насиліе объединенной Германіи надъ французской націей въ то время, какъ нѣмцы сами же заявили въ началѣ кампаніи, что ведутъ борьбу противъ Наполеона, но не противъ Франціи,—это насиліе, говорю я, скоро должно было принести горькіе плоды, вызвавъ тотъ фатальный антагонизмъ между двумя великими народами, который такъ тяжело давитъ на развитіе современнаго человѣчества. Съ какой грустью приходится читать заднимъ числомъ пророчества Тэна въ одной изъ статей, написанныхъ имъ въ самый разгаръ войны, въ октябрѣ 1870 г. **) «Мы теперь не шовинисты», говоритъ авторъ, но если нѣмцы будутъ настаивать на своихъ невозможныхъ условіяхъ мира, то слѣдуетъ опасаться почти неизбѣжнаго развитія ненависти побѣжденныхъ къ побѣдителямъ. Требовать присоединенія Эльзаса и Лотарингіи къ Германіи значитъ совершать

„громадную несправедливость, достойную Наполеона I, котораго нѣмцы проклинаютъ какъ злодѣя... Несправедливость является неистребимымъ сѣменемъ войны; о томъ, за недостаткомъ сердца, говоритъ достаточно громко исторія; нѣмцамъ стоитъ лишь обратиться къ своимъ воспоминаніямъ о 1807 и 1813 г., чтобы видѣть, какъ гнетъ, висѣвшій надъ ними, вызвалъ ихъ возстаніе, и какъ плодомъ Ваграма и Іены явились Лейпцигъ и Ватерло". ***)

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что французскій шовинизмъ достигъ за четверть вѣка такихъ размѣровъ, что малѣйшая критика Наполеона считается теперь большинствомъ французовъ за преступленіе: вспомните, какіе громы посыпались двадцать лѣтъ спустя на того же Тэна за его этюдъ о Наполеонѣ, и какое комическое негодованіе даже среди здѣшнихъ республиканцевъ вызвалъ эпитетъ «выскочка» (parvenu), приложенный Вильгельмомъ II въ одной изъ его импровизированныхъ рѣчей къ Чингисъ-хану текущаго столѣтія.

---

*) Comment l'etat enseigne la morale? Парижъ, 1897.

**) L'opinion en Allemagne et les conditions de la paix; вошло въ его Essais de critique et d'histoire; Парижъ, стр. 415—431 седьмого изданія 1896 г.

***) l. c., стр. 422 и стр. 430—431, passim.

Еще одно попутное замѣчаніе. Даже въ такой гуманной и мыслящей поэзіи, какъ поэзія Сюлли-Прюдомма, обнаруживается подъ впечатлѣніемъ войны реакція противъ общечеловѣческихъ идеаловъ:

«Mon compatriote, c'est l'homme»,
Naguère ainsi je dispersais
Sur l'univers ce coeur français:
J'en suis maintenant économe и т. д. *).

И съ другой стороны я знаю образованныхъ французовъ, которые считаютъ крайне анти-патріотическимъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ и энергичныхъ сонетовъ Сюлли-Прюдомма, посвященныхъ «Франціи», въ которомъ поэтъ мыслитель высказываетъ въ сущности очень невинную вещь, а именно свойство француза (увы, прежнихъ лѣтъ!) любить человѣчество именно благодаря своей особой широкой любви къ отечеству:

Je compte avec horreur, France, dans ton histoire
Tous les avortements que t'a coûtés ta gloire:
Mai je sais l'avenir qui tressaile en ton flanc.
Comme est sorti le blé des broussailles epaisses,
Comme l'homme est sorti du combat des espèces,
La suprême cité se pètrit dans ton sang...
Je tiens de ma patrie un coeur qui la déborde,
Et plus je suis Français, plus je me sens humain **).

Итакъ, повторяю, я вовсе не стою за ту историческую несправедливость, которой завершилось «торжество побѣдителей», разгромившихъ Францію: насиліе народа надъ народомъ качественно настолько же возмутительно, какъ насиліе личности надъ личностью, а количественно возрастаетъ въ той самой степени, въ какой увеличивается число чувствующихъ и страдающихъ существъ. Но что имѣетъ право констатировать безпристрастный наблюдатель, такъ это тотъ свирѣпый человѣконенавистническій характеръ, который приняла во Франціи пропаганда отмщенія нѣмцамъ, политика реванша, становящаяся съ теченіемъ времени тѣмъ крикливѣе и необузданнѣе на словахъ, чѣмъ далѣе и далѣе отодвигается возможность реванша на дѣлѣ. Дойдя до извѣстной степени развитія и не находя реальнаго исхода, ненависть къ нѣмцу вполнѣ естественно

---

*) „Мой соотечественникъ—это вообще человѣкъ», такъ я расточалъ еще недавно для всей вселенной это французское сердце: теперь я сталъ экономенъ".

**) И съ ужасомъ, о Франція, я пересчитываю въ твоей исторіи всѣ неудавшіяся попытки, которыхъ стоила тебѣ слава; но я знаю то будущее, которое трепещетъ въ твоихъ нѣдрахъ. Какъ хлѣбъ выростаетъ изъ густого кустарника, какъ человѣкъ вырабатывается изъ борьбы видовъ, такъ и высочайшее общежитіе образуется изъ твоей крови. Я унаслѣдовалъ отъ отечества сердце, которое переливается за его предѣлы, и чѣмъ болѣе я являюсь французомъ, тѣмъ болѣе считаю себя вообще человѣкомъ.

превращается въ чисто реторическое чувство, въ искусственно поддерживаемое настроеніе, при которомъ человѣкъ, обуреваемый этимъ безрезультатнымъ по обстоятельствамъ аффектомъ, обращаетъ его на самого себя, на своихъ соотечественниковъ, и какъ скорпіонъ, смертельно ранящій себя своимъ же хвостомъ, видитъ повсюду въ своихъ согражданахъ шпіоновъ и измѣнниковъ и готовъ ихъ растерзать при малѣйшемъ сомнѣніи. Эта психологія, достойная варваровъ, должна была рано или поздно вызвать неизбѣжно какъ то идолопоклонство передъ арміей, которое такъ шумно проявилось за послѣднее время, такъ и ту ненависть къ «постороннимъ», «чуждымъ Франціи» элементамъ, которая обращается на самыхъ подлинныхъ французскихъ гражданъ, лишь бы они казались подозрительными маніакамъ или паяцамъ шовинизма.

Но въ этомъ настроеніи «улицы» виноваты тѣ самые «мудрые республиканцы» и «истинные патріоты», которые играли въ теченіе столькихъ лѣтъ на нервахъ толпы, а теперь начинаютъ сами приходить въ ужасъ отъ напряженности и свирѣпой безпорядочности рефлексовъ, обнаружившихся въ этой толпѣ. Тутъ-то и заключается то больное мѣсто, то внутреннее противорѣчіе оффиціальной республики, на которое я указалъ своему собесѣднику. Прислушайтесь къ тому, что толпа воетъ теперь на улицѣ. Этотъ вой—заключеніе того звѣринаго силлогизма, посылки котораго усиленно пропагандировались въ странѣ цѣлую четверть вѣка правящими сферами, причемъ выдающаяся роль принадлежала именно друзьямъ и политическимъ сторонникамъ Гамбетты. Оппортунисты и радикалы могутъ теперь сколько угодно воздѣвать въ отчаяніи руки къ небу, жалуясь на развитіе «демагогическихъ страстей» въ странѣ: эти чувства усиленно культивировались въ населеніи его политическими пастырями, и толпа лишь прямолинейнѣе и логичнѣе своихъ наставниковъ, когда она хочетъ досказать начатый урокъ до самаго конца. Правда, она досказываетъ этотъ урокъ далеко не въ академической формѣ, но не говоря уже о томъ, что у нея нѣтъ ни времени, ни возможности усовершенствоваться въ политическомъ краснорѣчіи, сами представители народа дали намъ недавно очень яркое доказательство своей склонности замѣнять парламентарные аргументы кулачнымъ боемъ, когда разыгрываются страсти.

Я постараюсь доказать самими фактами, въ какой степени отвѣтственность за недавніе подвиги улицы лежитъ на руководителяхъ страны и выразителяхъ общественнаго мнѣнія. Перенесемся ко времени франко-прусской войны и послѣдовавшимъ за нею событіямъ. Когда первые порывы военнаго урагана пронеслись по Франціи, обнаруживъ позорную слабость Имперіи и поваливъ наполеоновскій тронъ, страна очутилась, можно сказать, почти безза-

щитной передъ нѣмецкимъ нашествіемъ *). Въ Парижѣ большинство населенія было одушевлено, правда, самой горячею рѣшимостью сопротивляться врагу до послѣдней капли крови. Но правительство такъ называемой національной защиты, выражавшее близорукія и эгоистическія стремленія буржуазіи, сдѣлало все отъ него зависѣвшее, чтобы ослабить, парализовать героическій пылъ парижанъ и своими нерѣшительными, прямо двусмысленными распоряженіями погубило массу человѣческихъ жизней безъ всякаго результата. Достаточно сослаться, въ числѣ множества документовъ, на недавнюю біографію Бланки, написанную Жеффруа, въ которой талантливый авторъ развертываетъ эту печальную сторону парижской осады **).

Въ своей безпристрастной и интересной «Исторіи гражданской войны» Луи Фіо очень убѣдительно доказываетъ съ своей стороны, что само движеніе 18-го марта въ значительной степени было вызвано патріотическимъ негодованіемъ народа, который былъ возмущенъ трусостью временнаго правительства, только и мечтавшаго о томъ, какъ бы обезоружить населеніе ***). Провинція же, можно сказать, вплоть до октября, т. е. до выступленія Гамбетты въ роли организатора сопротивленія, была рѣшительно противъ дальнѣйшей войны. Послушайте, что говоритъ историкъ, принадлежащій къ оффиціальному персоналу третьей республики (я говорю о Зевортѣ, ректорѣ Канскаго университета):

«Если бы выборы были произведены въ концѣ сентября или началѣ октября, то всеобщая подача голосовъ, взволнованная внезапностью и громадностью пораженій и увѣренная, подобно всѣмъ спеціалистамъ, въ невозможности продолжать борьбу, дала бы своимъ представителямъ точныя инструкціи для немедленнаго заключенія мира» ****)...

Когда благодаря энергіи Гамбетты, Фрейсинэ и другихъ сторонниковъ «войны до конца» и безуспѣшному, но отчаянному сопротивленію импровизированныхъ армій (въ особенности луарской), боровшихся противъ завоевателей, Франція оправилась отъ первоначальнаго оцѣпенѣнія, патріотизмъ пробудился и въ провинціи. Но его проявленія далеко не носили общаго характера: ошеломленная первыми неудачами, привыкшая гораздо болѣе къ нападенію, чѣмъ къ защитѣ, легко переходящая отъ героизма къ

---

*) Съ легкой руки генерала де-Пельё, вознегодовавшаго на Золя въ самой залѣ суда за романъ «Разгромъ», шовинистскія газеты пытаются чуть не реабилитировать генеральный штабъ Наполеона. Совѣтую читателю прочитать первыя семь главъ безхитростной и интересной книжки участника въ этой войнѣ (Lieutenant colonel Patry, La guerre telle qu'elle est; Парижъ, безъ даты: вышла на этихъ дняхъ), чтобы видѣть, что Золя былъ скорѣе снисходителенъ, чѣмъ жестокъ въ своемъ приговорѣ.

**) Gustave Geffroy, L'Enfermé; Парижъ, 1897, стр. 290—365.

***) Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871; Парижъ, 1879, особенно стр. 2—10.

****) Emile Zevort, «La France sous le régime du Suffrage Universel»; Парижъ (1894), стр. 132.

малодушію, французская нація сочла все потерянным, героизмъ жителей того или другого города, мѣстечка, селенія только рѣзче подчеркивалъ широко распространенныя чувства страха, усталости, эгоистической покорности судьбѣ. Особенно отличался этимъ крестьянинъ, который, по выраженію Жеффруа, готовъ былъ отдать всю Францію за свой огородъ. Если и проявлялся героизмъ между ними, то по большей части въ формѣ мщенія за личное разореніе. Я напомню хотя бы повѣсть Альфонса Додэ «Робертъ Гельмонъ», въ которой описывается именно такой герой, сначала, подобно другимъ крестьянамъ, смотрѣвшій на приближеніе войны «съ нѣкоторымъ безпокойствомъ на своекорыстно-безстрастномъ лицѣ» *), а затѣмъ отчаянно защищавшій свою ферму отъ враговъ, чуть было не повѣшенный ими и превратившійся послѣ разгрома въ настоящаго звѣря.

...Спрятавшись въ обломкахъ взорваннаго моста, питаясь сырой рѣпой и дикими сливами, я присутствовалъ при разграбленіи моего имущества: мои амбары опустошались; цѣлый день скрипѣлъ блокъ, на которомъ спускались сверху мѣшки съ хлѣбомъ; посреди двора горѣли дрова, зажигались большіе костры, вокругъ которыхъ распивали мое вино, а моя мебель и скотъ растаскивались по дорогамъ. Наконецъ, когда ничего не осталось, они отправились, гоня передъ собой кнутомъ мою послѣднюю корову, и подожгли домъ. Въ тотъ вечеръ, когда я обошелъ свое пепелище, когда, думая о дѣтяхъ, я разсчиталъ, что никогда мнѣ не нажить больше такого имущества, хоть бы я цѣлый вѣкъ надрывался надъ работой, то я обезумѣлъ отъ ярости. Какъ только я встрѣтилъ перваго пруссака на дорогѣ, я прыгнулъ на него, какъ дикій звѣрь, и перерѣзалъ ему горло вотъ этимъ (указывая на садовыя ножницы)... Съ того времени у меня только и есть одна мысль: охота за пруссаками. Я подстерегаю ихъ и ночью, и днемъ, бросаюсь и на отставшихъ солдатъ, и на мародеровъ, на курьеровъ и на часовыхъ. Всѣхъ, что я убиваю, я оттаскиваю въ лѣсъ, въ каменоломни, или же бросаю въ воду. Вотъ это только и тяжело. А то они въ моихъ рукахъ тихи, какъ ягнята: что хочу, то и дѣлаю съ ними **).

Но, повторяю, даже и такой своекорыстный свирѣпый героизмъ былъ исключеніемъ. Большинство населенія не могло дождаться, когда кончится война, и готово было согласиться на любыя условія. Состоятельные люди изъ Парижа и провинціи старались уйти подальше отъ непріятеля и жить спокойно гдѣ-нибудь въ Пиринеяхъ, или въ отдаленной Бретани: морскія купанья отъ Сенъ-Мало до Бреста пошли въ ходъ именно со «страшнаго года», когда многія богатыя семейства прожили на берегу Ламанша и Атлантическаго океана зиму и весну 1870—1871 г. и, затянувъ свое пребываніе здѣсь до осени, вернулись во-свояси съ самыми лучшими воспоминаніями о мирно проведенномъ времени...

За исключеніемъ Парижа и нѣкоторыхъ другихъ большихъ

*) L. c., стр. 44.

**) Alphonse Daudet, «Robert Helmont». «Journal d'un solitaire»; Парижъ, изд. Fayard'a 1897 г., стр. 5.

центровъ, населеніе толкало правящія сферы къ скорѣйшему миру, а эти сферы и не желали ничего лучшаго. Я попрошу лишь читателя припомнить нѣкоторые всѣмъ извѣстные факты. Жюль Фавръ, тотъ самый фразистый Фавръ, который въ сентябрѣ мѣсяцѣ гордо возвѣщалъ міру о своемъ рѣшеніи не уступить врагамъ «ни одного дюйма нашей территоріи, ни одного камня нашихъ крѣпостей», въ январѣ подносилъ Бисмарку ключи Парижа и заключалъ перемиріе съ такою стремительностью, что совсѣмъ позабылъ при этихъ переговорахъ о существованіи Восточной арміи и буквально погубилъ ее, а съ другой стороны не предупредилъ даже бордосскую делегацію объ условіяхъ перемирія. Медоточивый Жюль Симонъ былъ спеціально отправленъ на югъ къ Гамбеттѣ, чтобы заставить послѣдняго отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія и подчиниться волѣ Бисмарка, который требовалъ отъ временнаго правительства скорѣйшаго созванія Національнаго собранія и вотировки мирнаго договора. Бордосское національное собраніе, выбранное 8-го февраля 1871 г. и состоявшее главнымъ образомъ изъ монархистовъ, съ необыкновенною готовностью приняло тяжелыя условія мира. И я помню, какъ въ одной страстной рѣчи, произнесенной въ 1890 г. на публичномъ собраніи, Гэдъ нарисовалъ разительную картину контраста между уполномоченными Франціи, Фавромъ и Пуйе-Кертье, которые весело чокались бокалами шампанскаго съ Бисмаркомъ при подписаніи франкфуртскаго договора (10 мая 1871 г.) и тѣми «измѣнниками отечества», которые въ это самое время защищали въ Парижѣ республику противъ реакціонныхъ замысловъ тогдашней палаты.

Усталость, страхъ передъ дальнѣйшими лишеніями, желаніе во чтобы то ни стало покончить скорѣе съ необычнымъ положеніемъ вещей и вернуться къ мирному сидѣнію подъ смоковницей, обдѣлыванію дѣлишекъ и наживанію капиталовъ—таковы были чувства, наполнявшія въ то время душу средняго французскаго обывателя. Франція переживала въ общемъ въ эту пору настроеніе почтенныхъ пассажировъ дилижанса въ знаменитомъ разсказѣ Мопассана «Boule de suif»: подъ внѣшними благообразными формами большинство крупныхъ и мелкихъ собственниковъ обуревалось самымъ свирѣпымъ эгоизмомъ и смотрѣло на энтузіастовъ борьбы съ такою же непріязнью и досадой, какъ уже упомянутые путешественники на камелію—патріотку...

И вотъ, когда миръ былъ заключенъ, а опасность миновала, когда дѣло уступило мѣсто словамъ и жестамъ, тутъ-то какъ разъ правящія сферы и занялись усердной пропагандой идеи реванша. Мы видѣли, что во время погрома героизмъ и безкорыстное стремленіе жертвовать частными интересами великому національному дѣлу были удѣломъ меньшинства; и что въ самомъ временномъ правительствѣ преобладающей нотой было желаніе мира во чтобы то

ни стало, принявшее, какъ извѣстно, въ началѣ 1871 г. такія формы, что Гамбетта заклеймилъ поведеніе своихъ товарищей по національной защитѣ въ Парижѣ словами «пагубное легкомысліе». За то не успѣли еще засохнуть чернила на франкфуртскомъ договорѣ, какъ все то, что могло только держать перо или разглагольствовать среди привилегированныхъ сословій, пустилось въ самый неистовый патріотизмъ, или, вѣрнѣе, шовинизмъ. Казалось бы, эта точка зрѣнія могла послѣдовательно проводиться людьми по меньшей мѣрѣ въ родѣ Гамбетты, которые обнаружили дѣйствительную готовность бороться съ врагомъ, когда было еще время. Не тутъ-то было: носителями идеи реванша явились поголовно всѣ представители имущихъ и правящихъ классовъ, и между тѣмъ, какъ передовая часть трудящихся массъ молчала, подавленная страшными воспоминаніями кровавой майской недѣли, бонапартисты и легитимисты, консервативные, умѣренные и радикальные республиканцы, всѣ старались наперерывъ проповѣдовать «мщеніе Тевтону».

Особенно интересно прослѣдить въ этомъ отношеніи тѣ идеи, которыя спеціально пропагандировались среди подростающихъ поколѣній: повторяя пресловутую фразу, пущенную въ обращеніе по Европѣ послѣ австро-прусской войны и гласившую, что «побѣдилъ при Садовѣ прусскій школьный учитель», правящія сферы Франціи обратили особое вниманіе на распространеніе идей реванша въ школѣ. «Республика безъ республиканцевъ», столь дорогая сердцу Тьеровъ, Леоновъ Сэевъ и Дюфуровъ, смѣнялась республикой республиканцевъ и, одерживая побѣды надъ попытками монархическихъ партій, слегка двигалась справа налѣво; умѣренныя программы окрашивались нѣкоторыми радикальными стремленіями; оппортунистская политика подвергалась сильному нападенію со стороны радикально-цезаристской демагогіи; республика, защищаемая всѣми искренними республиканцами, отбивала этотъ яростный напоръ, но проникалась консервативными элементами. И однако чрезъ всѣ эти различныя перипетіи двадцатипятилѣтняго существованія третьей республики, пропаганда реванша проходитъ красною нитью, лишь измѣняя степень своей рѣзкости сообразно временамъ и обстоятельствамъ.

Повторяю, никакой искренній защитникъ свободы и справедливости не можетъ относиться равнодушно къ тому насилію, которое совершила Германія надъ Франціей, отнявъ у послѣдней противъ ихъ воли болѣе полутора милліона живыхъ существъ; и мы знаемъ, что въ самой Германіи нашлись люди, (Либкнехтъ и Бебель), которые въ самый разгаръ побѣды, среди всеобщаго опьяненія ею, не побоялись предостеречь страну противъ этого историческаго преступленія. Но что поражаетъ васъ въ пропагандѣ французами реванша, это, во первыхъ, внутреннее противорѣчіе между дѣломъ и словомъ, обнаружившееся въ вяломъ сопротивленіи большинства страны, въ «преступномъ легкомысліи» самого правительства, между

тѣмъ какъ сейчасъ же по заключеніи мира шовинистская пропаганда настроилась по необыкновенно высокому діапазону; это, во вторыхъ, человѣконенавистническій и невозможно самохвальствующій характеръ упомянутой пропаганды. Считать врага звѣремъ и отказывать ему въ обыкновенныхъ человѣческихъ качествахъ потому только, что онъ побѣдитель, значитъ возводить въ квадратъ тотъ зоологическій элементъ, который и безъ того, къ сожалѣнію, проскидывается еще такъ ярко между различными народами. А распространяться на каждомъ шагу о своихъ достоинствахъ, считать себя избранной націей, вмѣнять свои пораженія въ непростительную вину, въ особо тяжкое преступленіе всему человѣчеству, которое не остановило руку нѣмцевъ, значитъ обрекать себя на національное фанфаронство и исключать малѣйшую самокритику, которая во многихъ случаяхъ только и можетъ спасать какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлые народы. Если я являюсь жертвою чьей либо несправедливости, я борюсь противъ этой несправедливости, не потому, что я умнѣе, лучше, благороднѣе другихъ, но потому, что не смотря на различіе—можетъ быть, не въ мою пользу между мною и окружающими, я считаю свое человѣческое достоинство равносильнымъ достоинству какъ самаго великаго героя, такъ самаго зауряднаго существа. Борясь противъ насилія, нація черпаетъ необходимую энергію не въ сознаніи своего превосходства надъ другими націями, а въ томъ, что она имѣетъ одинаковое съ ними право на свободу, жизнь и счастіе...

Не такъ думаютъ французскіе «патріоты». Ихъ возмущаетъ не насиліе вообще, а насиліе, совершенное надъ ними, и не потому, что оно насиліе, а потому, что обыкновенная нація осмѣлилась поднять святотатственную руку на великій, на единственно великій народъ. Мы даже не говоримъ ни о полусумасшедшихъ фанатикахъ шовинизма, въ родѣ Деруледа, ни объ арлекинахъ его, въ родѣ Мильвуа. Нѣтъ, прислушайтесь къ рѣчамъ оффиціальныхъ патріотовъ, которые представляютъ интеллигенцію третьей республики, напр., хотя бы къ публичной лекціи нѣкоего мосье Андрэ, инспектора народныхъ училищъ въ Реймсѣ и, стало быть, лица, дающаго направленіе пропагандѣ патріотизма въ школахъ. Какъ вамъ нравится такое восхваленіе своей родины, основанное на полнѣйшемъ игнорированіи заслугъ другихъ народовъ:

... Эту французскую землю многіе иностранцы предпочитаютъ даже своему собственному отечеству, не только по причинѣ ея красоты и ея богатства, но и вслѣдствіе вѣжливости, доброты, привѣтливости ея жителей и той свободы, которою она пользуется... Франція—храбрая нація... Что касается до ея мирной славы, то она стоитъ выше всѣхъ прочихъ. Какая страна можетъ привести столько именъ славныхъ ученыхъ, знаменитыхъ артистовъ? Какая страна произвела столько литературныхъ шедевровъ, написанныхъ на этомъ ясномъ, точномъ, элегантномъ, гармоничномъ, короче сказать, несравненномъ языкѣ? Франція — благородная страна: она всегда брала въ свои руки защиту угнетенныхъ и обнаружи-

вала живое чувство состраданія ко всѣмъ слабымъ и обездоленнымъ... Франція, больше всѣхъ другихъ,—страна свободы. На основаніи всего этого мы и стараемся вкоренить въ душѣ дѣтей любовь къ французскому отечеству *).

Эта тирада, еслибы даже выражала вполнѣ точно истину, можетъ считаться очень нескромной въ устахъ людей, которые являются въ данномъ случаѣ одновременно и тяжущейся стороной и судьей: восхваленіе собственныхъ качествъ надо предоставить другимъ. А эти другіе скажутъ, что если дѣйствительно Франція въ моменты героизма и идейнаго энтузіазма вызываетъ восторгъ всѣхъ истинныхъ друзей политическаго и соціальнаго прогресса, то въ другіе моменты, въ моменты ослѣпленія военной славой и національнаго тщеславія, ея роль бываетъ рѣшительно вредна въ развитіи человѣчества, и тѣмъ болѣе вредна, чѣмъ импульсивнѣе французская нація. Не мѣшаетъ припомнить хотя бы войны первой имперіи, которыя стоили человѣчеству столько милліоновъ полезныхъ работниковъ, и, кромѣ того, имѣли своею цѣлью и результатомъ нѣчто очень далекое отъ «защиты угнетенныхъ».

Не мѣшаетъ, съ другой стороны, обратить вниманіе на то обстоятельство, что именно съ половины 80-хъ годовъ, когда шовинистская литература приняла форму широкой и мутной рѣки, оффиціальная Франція крайне мало заботится о «слабыхъ и угнетенныхъ» какъ у себя дома, такъ и въ другихъ концахъ свѣта, а большинство органовъ печати даже прямо издѣвается надъ «донъ-кихотствомъ Франціи въ прошломъ» и упорно приглашаетъ страну жить исключительно «трезвой политикой интересовъ». Выходитъ даже какъ будто, что въ современной Франціи находится въ обращеніи двѣ морали: одна для юношества, которая повторяетъ заѣзженныя фразы насчетъ благородства и безкорыстія французовъ; другая для взрослыхъ, которая проповѣдуетъ національной эгоизмъ.

Какъ бы то ни было, шовинистская теорія избраннаго народа приводитъ просвѣтителей юношества къ самому забавному противорѣчію. Иностранцамъ гг. наставники французской націи рекомендуютъ и, можно сказать, чуть не вмѣняютъ въ обязанность «любить Францію больше своей страны» (см. выше г. Андрэ); они считаютъ это вполнѣ естественнымъ и даже подкрѣпляютъ эти взгляды въ головѣ учениковъ разными «максимами», въ родѣ слѣдующей: «у всякаго человѣка двѣ родины: своя собственная и Франція» **). Но горе французамъ, которые вздумали бы повернуть или даже просто расширить эту максиму, примѣняя ее къ другимъ странамъ! Предусмотрительный моралистъ обрушивается на своихъ маленькихъ соотечественниковъ горячей филиппикой противъ «космополитизма, или *преступнаго индифферентизма* того

*) M. André, Conférence faite à Ay, 28 novembre 1891.

**) F. Lechantre, Cours complet d'instruction morale et civique; Сэнъ-Кантэнъ, 1896, стр. 33.

изъ насъ, кто не замѣчаетъ благодѣяній, которыми онъ обязанъ отечеству, и кто *не предпочитаетъ его всѣмъ иностраннымъ землямъ*». Мало того, онъ вбиваетъ въ головы малышей необходимость слѣдующаго обращенія съ иностранцами — вѣроятно, въ награду за любовь ихъ къ Франціи: «маленькіе французы... должны быть очень осторожны съ иностранцами, которые могутъ шпіонить между ними съ намѣреніемъ повредить ихъ отечеству» *).

И вся эта курьезная мораль, доходящая до шпіономаніи, вполнѣ естественно коренится во взглядѣ здѣшнихъ просвѣтителей на Францію, какъ на единственную страну въ мірѣ. Прислушайтесь еще къ слѣдующему восторженному гимну:

Франція, наше отечество, знала и прежде несравненное величіе. Богатство ея почвы, прелесть ея климата, справедливость ея законовъ, благородство ея чувствъ, ея поразительные успѣхи въ искусствахъ, литературѣ, наукахъ и промышленности, побѣды ея арміи и дѣянія ея великихъ людей сдѣлали изъ нея царицу цивилизованнаго міра. Увы! Франція испытывала также и ужасныя несчастія... Но она всегда оправлялась отъ своихъ бѣдствій, и въ настоящее время она славнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда бы то ни было **).

Нечего удивляться, что, стоя на этой точкѣ зрѣнія, французскій воспитатель юношества и прямо, и косвенно старается внушить будущимъ гражданамъ, что тѣ самыя «дѣянія», которыя должны считаться славными и похвальными, если ихъ совершаютъ французы по отношенію къ другимъ народамъ, превращаются въ ужасныя преступленія, если эти другіе народы совершаютъ ихъ по отношенію къ французамъ. Возьмите, напр., такого наставника, который въ качествѣ бывшаго профессора университета, бывшаго министра и бывшаго президента палаты, долженъ отличаться умѣренностью и осторожностью: я говорю о Шарлѣ Дюпюи. Но вдумайтесь въ то, что говоритъ этотъ, можно сказать, столпъ оппортунистской республики. Развертываю его гражданскій катехизисъ морали и нахожу 40-й вопросъ: «учили-ли вы исторію Франціи» ***), на что ученикъ долженъ отвѣчать (для этого отвѣта я предпочитаю взять, какъ болѣе связную, книжку морали для самого учителя):

Я изучаю исторію Франціи: я знаю, что Франція всегда была храброй и благородной, что она всегда боролась среди народовъ за право, за человѣческое достоинство, за свободу и за справедливость. Вся жизнь ея полна славы. Въ 1870—1871 она, правда, была побѣждена, не смотря на доблесть своихъ солдатъ, и Эльзасъ съ Лотарингіей были вырваны у нея, какъ дѣти у матери. Но я вѣрю нашему учителю, который говоритъ намъ, что настанетъ день, когда эти дорогія провинціи снова вернутся къ намъ и отечество будетъ попрежнему цѣльно ****).

---

*) ibid, стр. 31.
**) ibid., p. 32.
***) Charles Dupuy, «L'année de certificat d'études. Livret de morale»; Парижъ, 1896. стр. 12.
****) Charles Dupuy, «Livret de morale. Opuscule du maître; Парижъ, 1896, стр. 14-15.

Итакъ, Францiя была всегда благородна и всегда боролась за свободу и справедливость, что не мѣшало этому избранному народу, подобно прочимъ, грѣшнымъ нацiямъ, округлять свои владѣнiя путемъ насилiя и завоеванiй. Откуда, напр., взялись хотя бы «дорогiя провинцiи»? Лотарингiя, не смотря на всѣ усилiя мѣстныхъ герцоговъ лавировать между Германiей и Францiей и спасти отъ алчности сильныхъ сосѣдей «независимое герцогство» (*non incorparabilis ducatus*), въ теченiе почти всего XVII-го вѣка была опустошаема французскими армiями, пока наконецъ въ слѣдующемъ столѣтiи (а именно по смерти герцога Станислава Лещинскаго, въ 1766 г.) не была окончательно прибрана къ рукамъ Францiей. Что касается до Эльзаса, то онъ былъ проглоченъ Францiей въ два прiема: по Вестфальскому договору (1648 г.), который далъ возможность французамъ вырвать у обезсиленной тридцатилѣтнею войною Германiи большую часть Эльзасской земли, и въ 1681 г., когда Лувуа внезапно захватилъ Страсбургъ—замѣтьте среди полнаго мира!—и закончилъ такимъ образомъ завоеванiе территорiи (подтвержденное Рисвикскимъ договоромъ (1697 г.). Тоже, какъ видите, «дѣти вырывались у матери!» Конечно, можно на это сказать слѣдующее: разъ уже такое историческое насилiе было совершено и разъ захваченныя силою провинцiи настолько уже срослись съ Францiей, что тяготѣли къ ней вполнѣ сознательно, а не по принужденiю только, то напрасно Германiя возобновила тоже самое насилiе, но уже въ свою пользу, и дала новую пищу враждѣ двухъ нацiй. Но оба эти насилiя, эти коллективныя преступленiя, раздѣленныя промежуткомъ въ два столѣтiя, ничѣмъ собственно не отличаются другъ отъ друга. И странно было бы признавать роль особенно обиженной страны за Францiей, которая такъ часто нисколько не стѣснялась прибѣгать къ завоеванiямъ и насилiямъ.

Но именно такая претензiя и поддерживается до сихъ поръ въ населенiи «патрiотической» пропагандой господствующихъ классовъ, которые лишь въ моменты обостренiя ими же раздуваемаго шовинизма спохватываются, что «улица» заходитъ уже черезчуръ далеко и можетъ создать опасныя международныя усложненiя. Подобно волшебнику восточныхъ сказанiй, который вызвалъ магическимъ словомъ страшныхъ духовъ, но забылъ другое слово, чтобы прогнать ихъ, и трепещетъ передъ имъ же самимъ развязанными силами тьмы и злобы, французская буржуазiя отъ времени до времени бьетъ тревогу и ужасается при видѣ звѣриныхъ проявленiй шовинизма среди распропагандированныхъ ею слоевъ населенiя. И эту вину ея передъ мирнымъ развитiемъ человѣчества усугубляетъ еще то обстоятельство, что воинственное настроенiе толпы вовсе, какъ мы видѣли, не было выраженiемъ настоящихъ чувствъ нацiи въ 1870—1871 г., а было вызвано мало по малу упорной и безпрестанной проповѣдью ненависти къ нѣмцу со стороны такъ называемыхъ пастырей народа.

Тутъ слѣдуетъ остановиться на нѣкоторыхъ особо печальныхъ условіяхъ этой пропаганды. Начать съ того, что, какъ уже мною было замѣчено выше, ей предавались чуть не всѣ фракціи республиканской партіи (за исключеніемъ самыхъ крайнихъ, да и эти въ послѣднее время все больше и больше поддаются теченію). И предавались, можно сказать, главнымъ образомъ въ пику монархическимъ партіямъ. Уже неоднократно было замѣчено въ парламентарной исторіи Франціи, что, напр., радикальныя министерства ведутъ себя очень часто авторитарнѣе умѣренныхъ съ цѣлію показать имущимъ классамъ, что не смотря, молъ, на наши ужасъ какія передовыя программы, вы, господа, можетъ вполнѣ положиться на нашу энергію и нашъ «зажимъ» (poigne) по части подавленія разныхъ противо-общественныхъ стремленій. Подобное же явленіе на болѣе широкой сценѣ обнаружилось и среди людей третьей республики, которые приняли на себя тяжелые долги Имперіи. Они хотѣли показать, что могутъ развить въ странѣ элементъ милитаризма почище всякой монархіи, что республика можетъ создать военную организацію, не только не уступающую, но даже превышающую военныя организаціи предшествовавшихъ режимовъ. Имперія, молъ, ввергла васъ, о граждане, въ бездну злополучія и довела до національнаго пораженія; республика же обѣщаетъ вамъ самый блистательный реваншъ надъ нѣмцемъ!

Немудрено, что на этой почвѣ третья республика должна была скоро впасть во внутреннее противорѣчіе съ своими принципами. Ибо дѣло ясно: истинная республика должна главнымъ образомъ заботиться о рѣшеніи основныхъ задачъ демократіи, о возможно широкимъ развитіи общаго счастія и соціальной справедливости; миръ, искренній и прочный миръ съ сосѣдними народами, и неустанная работа у себя на дому въ области общественныхъ учрежденій—вотъ основная программа республиканскаго строя. Но крикливая и бьющая на эффектъ политика реванша представляетъ прямое отрицаніе такой программы. Представители старыхъ партій въ родѣ Кассаньяка совершенно справедливо указываютъ на противоположность республиканскаго принципа и «политики славы» (т. е. завоеваній для завоеваній). Къ несчастію, съ легкой руки Гамбетты республиканцы черезчуръ усердно принялись доказывать, что по части внѣшней славной политики республика будетъ даже куда выше монархіи. И это основное противорѣчіе вызвало немало второстепенныхъ противорѣчій, недомолвокъ и неискреннихъ фразъ.

Такъ, напр., третья республика устами своихъ представителей вотъ уже болѣе четверти вѣка повторяетъ, что она вернетъ Франціи то, что потеряла Имперія (читай: Эльзасъ и Лотарингію). Но тутъ является вопросъ: какимъ образомъ? Если протестомъ противъ совершенной несправедливости, то всякій врагъ насилія примкнетъ къ этому протесту; но, къ сожалѣнію, при данномъ положеніи вещей этого недостаточно: стѣны нѣмецкихъ крѣпостей не па-

дуть отъ звука іерихонскихъ трубъ, хотя бы онѣ разносили по всему міру самые краснорѣчивые звуки протеста. Новой войной съ нѣмцами, рѣшительной политикой реванша? Но тогда не говорите, что республика, если и занимается такъ усиленно военной организаціей, то исключительно въ интересахъ мира! Сами французы вмѣстѣ со всей Европой хорошо знають, что Германія вовсе не желаетъ снова рисковать своимъ теперешнимъ положеніемъ въ интересахъ дальнѣйшихъ завоеваній, а охраняетъ лишь добытыя провинціи; всѣ старанія нѣмцевъ и сводятся къ тому, чтобы остаться на почвѣ франкфуртскаго договора, всѣ ихъ приготовленія, ихъ союзы ведутъ къ этой цѣли. Значитъ, когда французы продолжаютъ тратить каждый годъ по 900 милліоновъ и болѣе франковъ *) на армію и флотъ, и въ то же время упорно твердятъ о вѣчной опасности, грозящей имъ со стороны Германіи, то это выражаетъ лишь худо скрытое недовольство противъ нѣмцевъ, по поводу того, что они не даютъ имъ возможности легко устроить столь желанный реваншъ.

Эта недомолвка ведетъ за собою другую. Неискренняя политика правящихъ классовъ рано или поздно должна была повести къ коалиціи противъ Франціи тѣхъ государствъ, которыя стоятъ за statu quo, а эта коалиція должна была вызвать среди французовъ желаніе сблизиться съ Россіей, сближеніе же породило въ странѣ новое недоразумѣніе, которое эксплоатируется людьми, стоящими у власти. Дѣйствительно, не нужно быть особенно глубокимъ политикомъ, чтобы понять, что Россія можетъ находить интересъ въ поддержаніи такъ называемаго европейскаго равновѣсія и противодѣйствіи гегемоніи германской имперіи на континентѣ, но что она во всякомъ случаѣ не пойдетъ за Франціей, если этой послѣдней придетъ въ голову поставить на карту реванша миръ всей Европы; тутъ несомнѣнно дороги двухъ «дружественныхъ націй» начинаютъ расходиться, и Россія скорѣе придержитъ, чѣмъ толкнетъ свою союзницу по этому опасному пути. Но во Франціи и оффиціальные и добровольные «патріоты» всячески стараются дать понять странѣ, что союзъ съ Россіей именно и обозначаетъ болѣе или менѣе близкое торжество идей реванша. Они, правда, не могутъ сказать этого прямо, ибо политическій партнеръ могъ бы сейчасъ же опровергнуть это воинственное истолкованіе мирнаго договора; но они дѣлаютъ это косвенно, многозначительно подмигивая глазомъ наивной публикѣ и давая понять, что у нихъ хранятся на этотъ счетъ самые убѣдительные документы. Достаточно прислушаться ко всѣмъ этимъ «тсс!» и «шш!», которые раздаются въ палатѣ и печати, всякій разъ, когда какой-нибудь нетерпѣливый патріотъ или, наоборотъ, политическій скептикъ ставитъ прямой

*) Болѣе 880 милліоновъ въ 1897 г., не считая издержекъ на колоніальную армію.

вопросъ насчетъ того, какъ же теперь дѣло обстоитъ съ реваншемъ...

Тутъ будетъ вполнѣ кстати коснуться того отношенія къ Россіи, какое замѣчается у средняго француза: на этомъ пунктѣ яснѣе всего виденъ вполнѣ эгоистичный, не согрѣтый никакою высшею идеею характеръ франко-русскаго союза (пусть читатель не забываетъ, что я говорю о взглядѣ на этотъ союзъ со стороны французовъ). И вотъ я долженъ къ прискорбію сознаться, что отношеніе французовъ къ намъ, русскимъ, не смотря на дѣланную восторженность и обязательные комплименты, совершенно чуждо истинной симпатіи. По странной ироніи исторіи, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда о русскомъ союзѣ мало кто здѣсь думалъ, замѣчалось довольно сильное идейное увлеченіе Россіею, и наши великіе художники, Толстой, Достоевскій, Щедринъ (уже не говоря о Тургеневѣ) читались на расхватъ. Въ настоящее время, когда, казалось бы, Франція связана съ Россіею самыми тѣсными политическими узами, знакомство съ нашей литературой считается чуть не признакомъ претенціознаго педантизма или, какъ выражаются англоманствующіе французы, «снобизма.» Ихъ интересуетъ не вся Россія въ цѣломъ, не жизнь нашего народа съ его радостями и горестями и не жизнь нашей интеллигенціи съ ея идеалами и разочарованіями: военная сила громадной имперіи—вотъ что исключительно останавливаетъ на себѣ вниманіе французовъ. Поговорите съ обыкновеннымъ здѣшнимъ гражданиномъ на счетъ Россіи, и онъ черезъ четверть часа нарисуетъ вамъ такую идиллію: новый Персей въ образѣ громаднаго русскаго казака съ бородой; онъ на конѣ произаетъ копьемъ германскаго змѣя и освобождаетъ (въ союзѣ съ проворнымъ французскимъ «солдатикомъ»—pioupiou) цѣлую пару плачущихъ сестеръ Андромедъ,—Эльзасъ и Лотарингію (Alsace, какъ извѣстно, по французски женскаго рода). Засимъ благородный французъ—побѣдитель братается съ нѣмцемъ и рыцарски утѣшаетъ его въ пораженіи, а бородатый казакъ, дружески кивнувъ помирившимся камрадамъ, садится на своего донского коня и исчезаетъ за горизонтомъ по направленію къ востоку... чтобы уже больше не мѣшаться въ сложныя западныя дѣла...

Но пока въ головѣ средняго француза поэзія справляетъ эти воздушныя оргіи, проза здѣшней жизни идетъ своимъ чередомъ, и безпристрастному наблюдателю приходится отмѣтить еще одну, уже трагикомичную сторону французскаго шовинизма. По мѣрѣ того, какъ широкіе слои населенія, увлеченные пропагандой правящихъ классовъ, все нетерпѣливѣе и шумнѣе выражаютъ свой «патріотизмъ» и надежду на скорый реваншъ, наиболѣе трезвые между самими виновниками пропаганды все менѣе и менѣе вѣрятъ въ возможность возврата утраченныхъ провинцій. Эти здравые политики ясно видятъ, что «великій утѣшитель—время», какъ говаривалъ Вольтеръ, дѣлаетъ неустанно свое дѣло: высыхаютъ слезы,

ветшаетъ и сваливается по немногу трауръ, все рѣже и рѣже смущаетъ живыхъ людей появленіе дорогого призрака; а тутъ, на мѣстѣ снесенныхъ бурей деревьевъ выростаютъ свѣжіе побѣги и снова «младая будетъ жизнь играть», и снова зазвучитъ смѣхъ и зацвѣтетъ радость...

Мнѣ приходилось говорить, что называется, по душѣ съ умными французами. Не одинъ изъ нихъ,—разумѣется, подъ секретомъ,—признавался, что лично онъ ждетъ не дождется, когда же, наконецъ, всѣмъ французамъ станетъ видно, что въ Эльзасъ-Лотарингіи подымается и выростаетъ новое поколѣніе, чуждое тѣхъ крайностей злобы противъ побѣдителя, которую питали ихъ отцы; что каждый годъ работаетъ въ этомъ направленіи; что, въ концѣ концовъ, черезъ десятокъ—другой лѣтъ желать возврата потерянныхъ провинцій, а тѣмъ болѣе добиваться этого силою, будетъ означать такую же несправедливость, какую совершили сами нѣмцы, отнявъ сросшіяся съ Франціей земли. Это уже начинаетъ, какъ оказывается, чувствоваться жителями завоеванныхъ территорій, и последніе три года сознаніе безполезности идеи реванша и новой войны проникаетъ даже въ тѣ сферы, которыя еще недавно отличались своею непримиримостью *). И вотъ наиболѣе разумная часть французской интеллигенціи тайно призываетъ всѣми силами души наступленіе того момента, когда кошмаръ реванша исчезнетъ изъ франко-германскихъ отношеній и напряженное стояніе подъ ружьемъ обѣихъ націй смѣнится мирнымъ и производительнымъ трудомъ обоихъ сосѣдей.

Но къ этимъ гуманнымъ соображеніямъ у извѣстной части французской буржуазіи примѣшиваются корыстные разсчеты, которые въ свою очередь работаютъ въ пользу сохраненія Эльзаса и Лотарингіи въ составѣ имперскихъ земель. Поговорите съ глазу на глазъ съ владѣльцами бумагопрядильныхъ и бумаготкацкихъ заведеній въ Руанѣ, Лиллѣ, Рубэ, Реймсѣ, Шалонѣ-на Марнѣ, Труа и т. п. Они признаются вамъ, что перспектива присоединенія потерянныхъ провинцій къ Франціи не только не обрадовала бы, но прямо испугала бы ихъ: теперь они защищены таможенной стѣной отъ конкурренціи знаменитой хлопчатобумажной промышленности въ Эльзасѣ (сконцентрированной главнымъ образомъ въ Мюльгаузенѣ); пусть рухнетъ этотъ экономическій брустверъ—и патріотическіе крики ликованія утонутъ въ воплахъ и жалобахъ фабрикантовъ Нормандіи, Фландріи и Шампани.

Такъ и идеальныя, и низменныя стремленія начинаютъ подрывать шовинизмъ среди представителей буржуазіи. Но именно въ послѣдніе десять лѣтъ, когда внутренняя вѣра въ полезность

*) Укажу, сверхъ того, на тяжесть налоговъ во Франціи сравнительно съ Германіей, вслѣдствіе чего жителей присоединенныхъ провинцій не можетъ особенно тянуть къ прежнему отечеству.

«патріотической» пропаганды все болѣе и болѣе исчезаетъ у самихъ проповѣдниковъ, они принуждены публично растекаться въ самыхъ пылкихъ и невѣроятно-напыщенныхъ фразахъ насчетъ вѣчной и непримиримой вражды къ нѣмцу. А принуждены, опять таки говорю, потому, что развинтивъ нервы, отравивъ душу населенія наркотическими снадобьями шовинизма, они не могутъ, подъ страхомъ прослыть за измѣнниковъ, прекратить это дальнѣйшее отравленіе народа. Это—знаменитый психо-физіологическій законъ Фехнера, приложенный къ цѣлой націи: и у этой послѣдней «ощущеніе возрастаетъ лишь, какъ логариѳмъ раздраженія». Можете себѣ представить, въ какой степени профессіональные «патріоты» должны повышать свой голосъ и усиливать человѣконенавистническій характеръ своей проповѣди, чтобы щипнуть нервы привычныхъ слушателей сильнѣе своихъ конкуррентовъ, имъ же имя теперь легіонъ. Мы разъ уже присутствовали при взрывѣ самой грязной полемики и взаимнаго обвиненія въ измѣнѣ отечеству: то было въ пору буланжизма, затѣмъ во время Панамы; на этихъ дняхъ намъ пришлось снова пережить эту пляску св. Витта по поводу процесса Золя. Все это какъ нельзя болѣе въ порядкѣ вещей...

Мнѣ бы хотѣлось лишь коснуться теперь одной спеціальной черты французскаго шовинизма, которая отличаетъ его отъ шовинизма другихъ націй. Собственно я уже упомянулъ о ней мимоходомъ выше, но считаю полезнымъ остановиться здѣсь нѣсколько на ней: я говорю о положительномъ обоготвореніи арміи или, вѣрнѣе, военнаго мундира, «султана» (panache), какъ выражаются французы. И другія націи могутъ въ извѣстныя времена и при извѣстныхъ обстоятельствахъ заходить въ самообожаніи такъ далеко, что законный патріотизмъ превращается у нихъ въ крикливый и несносный шовинизмъ. Но однѣ хвалятся притомъ неподкупностью своей юстиціи, другія блескомъ своей литературы, третьи политическимъ величіемъ, и пр. Французамъ же третьей республики выпало на долю, не отличаясь скромностью по части вышеупомянутыхъ пунктовъ, выдѣлить особо изъ прочихъ элементовъ государственной и общественной жизни элементъ военный и окружить его тройнымъ ореоломъ. Въ одной изъ своихъ корреспонденцій, говоря о проявленіяхъ современной реакціи во Франціи, я привелъ нѣсколько типичныхъ образчиковъ этого спеціальнаго культа арміи: я указалъ, съ какимъ восторгомъ нація возводитъ въ рангъ національныхъ героевъ разныхъ генераловъ, которые пожинали лавры не на поляхъ битвъ съ Германіей, а на улицахъ Парижа, среди бѣдствій гражданской войны; я цитировалъ комичныя фразы республиканцевъ, которые ничуть не хуже приверженцевъ стараго режима увѣряютъ насъ, будто до сихъ поръ настоящее понятіе о

чести сохранилось лишь въ арміи, и т. д. Возвращаться снова къ этому я не буду...

Армія перестаетъ быть очень полезнымъ, если хотите, временами необходимымъ, но все же обыкновеннымъ человѣческимъ учрежденіемъ и превращается въ метафизическое, божественное существо, не подлежащее ни критикѣ, ни даже простой оцѣнкѣ. Что папа для изувѣра—католика, то армія для французскаго шовиниста! И хотите знать, откуда порою слышатся протесты противъ такого ужасающаго взгляда на военный элементъ? Со столбцовъ бонапартистской газеты «L'Autorité», гдѣ Кассаньякъ, этотъ яростный апологетъ арміи и непримиримый врагъ республики, жалуется тѣмъ не менѣе на рабское отношеніе парламента къ проектамъ и предложеніямъ военнаго министерства: «въ самомъ дѣлѣ», такъ говорилъ приблизительно уже не одинъ разъ этотъ закоренѣлый защитникъ Имперіи, «въ самомъ дѣлѣ, мы все упрекаемъ нѣмцевъ въ лакействѣ передъ милитаризмомъ, но въ Берлинѣ проекты военнаго министерства все же обсуждаются въ парламентѣ и порою пересматриваются правительствомъ и даже берутся назадъ подъ давленіемъ оппозиціи; а у насъ, въ странѣ парламентарной болтовни par excellence, стоитъ только военному министру выйти на трибуну и сказать нѣсколько словъ, какъ сейчасъ же со всѣхъ скамей палаты раздаются крики: браво! браво! и депутаты вотируютъ какую-нибудь глупость, какъ одинъ человѣкъ»...

И это совершенно естественно: я уже указывалъ, какъ съ самыхъ первыхъ дней своего существованія республика задалась цѣлью убѣдить гражданъ, что по части милитаризма она даже превзойдетъ монархію, и за эти двадцать восемь лѣтъ можно было, дѣйствительно, насмотрѣться вдосталь и на курьезныя, и на глубоко горестныя вещи. Я, конечно, не говорю объ обязательной воинской повинности, которая была введена здѣсь вскорѣ послѣ несчастной войны: тутъ Франція, подобно другимъ европейскимъ государствамъ, подчинялась необходимости. Но кому пришлось въ это время жить по сю сторону Рейна, тотъ не забудетъ ни пресловутыхъ школьныхъ батальоновъ, состоявшихъ изъ дѣтей и маршировавшихъ на смотру въ день національнаго праздника (нынѣ бюджетные дефициты положили конецъ этой воинственной забавѣ); ни многочисленныхъ гимнастическихъ обществъ, члены которыхъ ломались на трапеціяхъ и горизонтальныхъ брусахъ во славу отечества; ни оглушительной игры на солдатскихъ рожкахъ, которой граждане предавались по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; ни той пропаганды національной свирѣпости и военнаго пыла въ школахъ, которая, можно сказать, испортила цѣлое поколѣніе. Присмотритесь, дѣйствительно, къ тому, что проповѣдуется въ школьныхъ хрестоматіяхъ и книгахъ для чтенія.

Развертываю, напр., очень популярный «сборникъ патріотическихъ разсказовъ и уроковъ», носящій заглавіе «Ты будешь сол-

датомъ» и принадлежащій боевому перу нѣкоего г. Эмиля Лависса, «капитана въ 8-мъ стрѣлковомъ батальонѣ». Чтобы показать, какимъ успѣхомъ пользуется эта книжка въ школахъ, достаточно упомянуть, что у меня въ рукахъ ея 13-е изданіе *). Цѣль ея достаточно видна уже изъ предисловія:

Поучая дѣтей тѣмъ бѣдствіямъ, которыя претерпѣвали французскіе солдаты въ нѣмецкомъ плѣну, разсказывая имъ о страданіяхъ отечества, повторяя имъ на каждомъ шагу, чего стоило намъ нашествіе нѣмцевъ я хотѣлъ тронуть (озлобить, г. Лависсъ?) ихъ сердце и укрѣпить въ нихъ любовь къ отечеству (ненависть къ Германіи?).

Но чтеніе самой книжки еще поучительнѣе. Здѣсь на цѣлыхъ трехстахъ страницахъ развертываются различныя односторонне подобранныя и ложно подтасованныя сцены главнымъ образомъ изъ послѣдней войны, сцены, изъ которыхъ явствуетъ, напр., что нѣмцы настоящіе звѣри, которые всячески мучаютъ плѣнниковъ и истязаютъ даже сумасшедшихъ (стр. 18 — 19), тогда какъ французы отличаются неизмѣнно «великодушнымъ сердцемъ» (см. о «générosité d'un coeur français» на стр. 23), неспособны даже къ военному шпіонству вслѣдствіе «нашего честнаго и открытаго характера» (стр. 112) и вообще представляютъ собою идеальный народъ въ мірѣ. Но иногда у патріотическаго автора вырываются, очевидно безсознательно, многозначительныя признанія, которыя рисуютъ въ странномъ свѣтѣ «великодушіе французскаго сердца». Рекомендую, между прочимъ, читателю обратить вниманіе на французскую солдатскую пѣсню (заимствованную изъ мемуаровъ капитана Куанье), которая, по мнѣнію мосье Лависса, должна, конечно, «трогать дѣтское сердце»:

On va leur percer le flanc,
Ran tan, ran tan plan, tire lire!
On va leur percer le flanc.
Que nous allons rire.

т. е.: «имъ проткнутъ бокъ, тра-та-та! имъ проткнутъ бокъ: то-то мы посмѣемся»...

Вы скажете: что-жъ, изъ пѣсни слова не выкинешь; это—безхитростная солдатская пѣсня, имѣющая свою исторію, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы она особенно рекомендовалась подростающему поколѣнію третьей республики. Да, читатель? Но теперь послушайте, что распѣваютъ, что принуждены распѣвать по командѣ учителя дѣти въ народныхъ школахъ въ лѣто Божіею милостію 1898-е. Передо мною сборникъ «народныхъ пѣсенъ для школъ» г. Мориса Бушора, положенныхъ на музыку г. Жюльеномъ Тьерсо. Пѣсня тринадцатая, или «пѣснь меча». Въ ключѣ три діеза и обозначеніе «очень энергично»; темпъ двѣ четверти. Начинаемъ: до-до-си-до-фа и т. д.

---

*) Emile Lavisse, «Tu seras soldat. Recits et leçons patriotiques d'instruction et d'éducation militaires»; Парижъ, 1897.

Chant du glaive de bataille,
Cher au dur guerrier!
Il fera plus d'une entaille,
Il fera crier!
Tann! tann! dir! oh! dir!
Bois le sang et mords la chair.
Tu vas resplendir,
Glaive au rouge éclair! *)

т. е.: «о тебѣ пѣснь, о, боевой мечъ, отрада суроваго воителя! Не одну рану нанесетъ онъ, не одинъ исторгнетъ крикъ!.. Трахъ-трахъ... Пей кровь и кусай тѣло! Ты заблестишь, мой мечъ, обвитый кровавой молніей!»

Представьте себѣ всю эту массу свирѣпой поэзіи и прозы, которая болѣе двадцати пяти лѣтъ преподносится націи ея руководителями, и вы нисколько не удивитесь, что, напр., на процесѣ Золя большинство публики вело себя настоящими «каннибалами», какъ вырвалось у романиста при видѣ этой пляски краснокожихъ въ самой залѣ суда. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось наблюдать дѣйствіе, производимое на французовъ приближающимися звуками военной музыки и появленіемъ красныхъ панталонъ. Вся улица, ротозѣи и идущіе по своимъ дѣламъ, торговцы и покупатели, мужчины и женщины, сбѣгаются и останавливаются шпалерами по тротуарамъ, чтобы впиться восторженнымъ взоромъ въ проходящіе ряды солдатъ, въ то время, какъ цѣлая туча мальчишекъ несется съ боковъ отряда и пресерьезно старается вытягивать маленькія ноженки, чтобы идти въ тактъ съ арміей. А если тутъ еще проѣдетъ офицеръ на конѣ, восторгамъ и умиленію нѣтъ конца: можно прямо подумать, что передъ нами парадируетъ герой, который возвратилъ Франціи по меньшей мѣрѣ десятокъ Эльзасовъ и Лотарингій. Не спорю, что это восхищеніе носитъ въ значительной степени реторическій и платоническій характеръ: такъ тѣ самые приказчики и ресторанные лакеи, которые готовы, кажется, лопнуть отъ энтузіазма при видѣ солдатъ, лишь только сами попадаютъ въ казарму, начинаютъ клясть военную службу и ждутъ не дождутся, когда заплатятъ «священный долгъ отечеству»; и тѣ самые семинаристы и студенты-патріоты, которые готовы были растерзать Золя за якобы оскорбленную «честь арміи», съ необыкновеннымъ, но мало патріотическимъ, усердіемъ защищаютъ свою привилегію служить всего годъ солдатомъ (вмѣсто трехъ). Но если этого реторическаго и платоническаго патріотизма недостаточно, чтобы побѣдить нѣмца, то его хватитъ на то, чтобы разнести цѣлой толпой безоружнаго человѣка, который осмѣлится крикнуть: «да здравствуетъ республика», вмѣсто теперешняго патріотическаго крика: «да здравствуетъ Эстергази!» А это мы и видѣли въ теченіе двухъ недѣль на улицахъ Парижа...

---

*) Maurice Bouchor et Julien Tiersot, «Chants populaires pour Ecoles»; Парижъ, 1897, стр. 18.

Мнѣ собственно остается прибавить одинъ лишній штрихъ къ заброcанной мною картинѣ «патріотической Франціи» послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ: я разумѣю антисемитизмъ, который становится все болѣе и болѣе признакомъ крикливаго шовинизма. Но въ этомъ вопросѣ нельзя скользить по поверхности, а слѣдуетъ взять его нѣсколько глубже, и вотъ каково мое мнѣніе на этотъ счетъ. Во Франціи антисемитизмъ не имѣетъ корней въ широкихъ слояхъ населенія: въ этомъ отношеніи послѣднія событія нисколько не измѣнили во мнѣ взгляда, который я высказалъ года полтора тому назадъ въ корреспонденціи, спеціально посвященной французскому антисемитизму. Можно говорить еще о враждѣ туземцевъ къ евреямъ въ Алжиріи, гдѣ капиталистическая цивилизація, разрушающая племенной и общинный строй арабовъ, явилась передъ наивными «сынами пустыни» въ образѣ еврея-ростовщика. Но въ самой Франціи надо быть усерднымъ читателемъ «соціологической» галиматьи Дрюмона, чтобы видѣть въ здѣшнихъ евреяхъ «національную опасность». Въ самомъ дѣлѣ, крестьянинъ лично, можно сказать, совсѣмъ не знаетъ еврея и почти не сталкивается съ нимъ. Для рабочаго еврейскій вопросъ тоже не существуетъ, ибо въ сферѣ промышленности христіанскій капиталъ играетъ выдающуюся роль. Въ самой аристократіи часть благородныхъ графовъ и бароновъ, дѣйствительно, пылаютъ къ еврею ненавистью, ненавистью несостоятельнаго должника, но другая часть съ восторгомъ женится на еврейскихъ милліонахъ и отдаетъ своихъ дочерей за богатыхъ сыновъ Сима (одна газета насчитала недавно около тридцати самыхъ аристократическихъ фамилій, вродѣ принца де-Линь или герцога де ла-Рошфуко-Бизаччіа, близко породнившихся съ евреями). И остаются въ сущности извѣстные слои буржуазіи, по преимуществу спекулирующей на биржѣ, да довольно значительное меньшинство интеллигенціи, которые ненавидятъ въ евреяхъ своихъ болѣе способныхъ и болѣе счастливыхъ соперниковъ,—одни на поприщѣ финансоваго пиратства, другіе въ сферѣ умственнаго труда, въ либеральныхъ профессіяхъ или на государственныхъ должностяхъ.

Таково настоящее положеніе вещей, свидѣтельствующее о томъ, что еврейскій вопросъ именно не существуетъ во Франціи въ качествѣ «національнаго» вопроса. Но постепенное развитіе шовинизма, въ связи съ угрожающимъ движеніемъ все усиливающейся католической реакціи (о чемъ я говорилъ неоднократно), должно было рано или поздно придать очень узкому и ограниченному теченію фиктивные размѣры народнаго потока и якобы повсемѣстнаго возмущенія противъ евреевъ. Въ самомъ дѣлѣ, люди третьей республики вотъ уже четверть вѣка занимаются культивированіемъ шовинизма въ массахъ и натравливаніемъ ихъ на нѣмцевъ, затѣмъ англичанъ, итальянцевъ и т. д. Что же удивительнаго, если населеніе, пріобрѣтя вкусъ къ «патріотическому» сыску и открытію

повсюду враговъ отечества, занялось выискиваніемъ «чуждыхъ элементовъ» у себя дома и нашло ихъ во французскихъ гражданахъ, имѣющихъ несчастіе отличаться своимъ культомъ или, вѣрнѣе, нѣкоторыми своими традиціями и привычками отъ большинства населенія. Присоедините къ этому крахъ буржуазнаго либерализма и свободомыслія, смѣнившагося кокетничаніемъ съ «новымъ духомъ», умиленіемъ передъ «великими соціальными достоинствами» католицизма, и вы поймете, почему во Франціи конца XIX-го вѣка сталъ возможенъ дикій крикъ: «долой жидовъ!» Воображаю, что теперь должны испытывать крупные оппортунисты изъ евреевъ, ну, напримѣръ, хотя бы Жозефъ Рэнакъ, который цѣлую четверть вѣка неистово щипалъ гитару патріотизма, обличалъ интернаціоналистовъ, «не имѣющихъ отечества» (sans-patrie), а послѣдніе пять лѣтъ съ необыкновеннымъ усердіемъ проповѣдовалъ «мудрую и умѣренную политику» примиренія съ католицизмомъ! Вотъ уже можно сказать, что выковалъ цѣпи для своихъ же рукъ!..

Но погодите, крикъ «долой жидовъ» означаетъ лишь начало «истинно-національной» политики: этотъ крикъ естественно вызываетъ за собой крики «долой протестантовъ», «долой свободныхъ мыслителей», «долой» всѣхъ, кромѣ шовинистовъ и католиковъ! И «французы Франціи» идутъ на предстоящіе выборы подъ этимъ знаменемъ. Но дѣйствительно ли удастся восторжествовать этому новому буланжизму надъ истинно республиканской Франціей, это будетъ зависѣть отъ поведенія наиболѣе передовыхъ группъ населенія; группы же эти, къ сожалѣнію, держатся до сихъ поръ въ выжидательномъ положеніи.

Мнѣ хотѣлось бы сказать въ заключеніе кое-что о самомъ процессѣ Золя и о тѣхъ соображеніяхъ, которыя онъ вызываетъ. Я, конечно, не могу брать на себя роль газетнаго корреспондента или репортера, повторяющаго, словно фонографъ, читателямъ ежедневной печати всѣ звуки и отголоски, которые родятся среди потрясенной общественой атмосферы. Вѣрный своему обычному пріему, я пытался и въ этой статьѣ по поводу частныхъ, хотя и крупныхъ, событій разобраться въ общихъ, «длящихся» причинахъ тѣхъ поразившихъ весь міръ явленій, ареной которыхъ была Франція и особенно Парижъ. Но читатель вправѣ ждать отъ меня личнаго впечатлѣнія. И что же? Тяжело это впечатлѣніе, но не совсѣмъ неожиданно. И весь процессъ, и осужденіе Золя, возмутившее всѣхъ истинныхъ друзей справедливости и прогресса, вполнѣ въ порядкѣ вещей. Мы видѣли, что шовинизмъ и милитаризмъ двѣ органическія болѣзни современной Франціи; а въ послѣднее время онѣ обострились и приняли спеціально злокачественный характеръ подъ вліяніемъ католической реакціи и проповѣди антисемитизма со стороны отживающихъ партій. Золя своимъ не-академическимъ, но благороднымъ

въ самой рѣзкости движеніемъ сорвалъ мнимо-патріотическую трехцвѣтную повязку съ этого гноища: вы можете себѣ представить, какіе свирѣпые скачки, какія извиванья и кувырканья должны были продѣлывать выставленные на яркій дневной свѣтъ всѣ эти бациллы, бактеріи и вибріоны, питающіеся болѣзненными процессами, въ общемъ все же здоровой и сильной націи. Коснуться ихъ—значило, видите-ли, оскорбить всю Францію; позволить себѣ усомниться въ ихъ паразитной натурѣ—значило стать измѣнникомъ отечества. Съ этой точки зрѣнія главнымъ образомъ и интересно дѣло Золя, какъ интересны событія, подготовившія его.

Возьмите самый процессъ Дрейфуса. Вопросъ не въ томъ, дѣйствительно ли измѣнилъ капитанъ: можетъ быть, измѣнилъ, а, можетъ быть, и нѣтъ; вопросъ въ томъ, что онъ былъ противозаконно осужденъ. Сердцевѣдцы генеральнаго штаба пытаются играть на психологіи толпы, увѣряя ее, что невозможно допустить, чтобы Дрейфусъ былъ невиненъ, разъ онъ былъ осужденъ своими товарищами. Великолѣпный аргументъ! Да кто же не знаетъ въ Парижѣ, что бывшій въ то время военнымъ министромъ генералъ Мерсье представляетъ собою наилучшее украшеніе той «іезуитни» (jésuitière) съ улицы св. Доминика, которую Золя заклеймилъ въ своемъ письмѣ; что упомянутый генералъ яростный антисемитъ и въ качествѣ таковаго различаетъ совершенно во вкусѣ Дрюмона «еврейскія шпаги» въ арміи отъ «истинно французскихъ шпагъ», что онъ, загипнотизированный ненавистью къ семитамъ, рѣшилъ переломить одну изъ «еврейскихъ» шпагъ надъ головою, можетъ быть, невиннаго человѣка и хвастался чуть не публично, что надѣется послѣ такого «спасительнаго» примѣра на выходъ изъ арміи всѣхъ «жидовъ». Но каковъ попъ, таковъ и приходъ: опять-таки, кто же не знаетъ, что громадное большинство офицеровъ, «товарищей» Дрейфуса, ревностные клерикалы, проходящіе черезъ католическія частныя гимназіи, въ родѣ шикарнаго «коллежа» Станислава и реакціонную Сен-Сирскую школу. У такихъ людей должно было существовать естественное предубѣжденіе противъ еврея, который, кромѣ того, какъ говорятъ, отличался способностями и могъ стать имъ опаснымъ конкуррентомъ по части карьеры. Достаточно было, чтобы на эту благопріятную почву предубѣжденія упало малѣйшее зерно подозрѣнія—и вотъ вамъ готова «измѣна», вотъ вамъ найденъ «Іуда—предатель». А тутъ вѣдь генераломъ Мерсье было брошено не простое зерно подозрѣнія, а чуть не прямое предписаніе «патріотическаго» обвиненія.

Теперь возьмите пресловутый секретный документъ, рѣшившій судьбу злополучнаго капитана и—замѣтьте это!—представленный судьямъ совершенно противозаконно въ тихомолку отъ Дрейфуса и его защитника. И опять таки, кто теперь не знаетъ здѣсь, какую важность придавать этой бумажонкѣ? Послѣ процесса Золя языки развязались; любой журналистъ и политиканъ даже изъ враждебнаго

Дрейфусу лагеря признается вамъ,—конечно, въ интимной бесѣдѣ, что упомянутый документъ, дѣйствительно, фальшивый. Онъ поддѣланъ Эстергази, по приказанію начальства, которое, молъ, имѣло противъ Дрейфуса самыя вѣскія, но, къ сожалѣнію, лишь нравственныя, а не юридическія улики, и за неимѣніемъ таковыхъ заставило своего агента сдѣлать настоящій подлогъ.

Очевидно, Золя хорошо зналъ это обстоятельство, когда онъ написалъ свой—отнынѣ историческій протестъ. Но надо было видѣть поразительный эффектъ, произведенный этимъ письмомъ въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ: радостное изумленіе среди защитниковъ попранной справедливости, и неистовую ярость противниковъ пересмотра процесса. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ можно было даже надѣяться, что этотъ актъ гражданскаго мужества и личной иниціативы пробудитъ уснувшій въ послѣдніе годы идейный энтузіазмъ среди передовыхъ слоевъ населенія и прокатится призывомъ по всей Франціи... Увы, четверть вѣка шовинистской и милитаристской пропаганды, десять лѣтъ все усиливающейся католической реакціи и проповѣди антисемитизма сдѣлали свое дѣло: защита еврея, нападеніе на клерикализмъ высшихъ военныхъ чиновъ, обвиненіе генеральнаго штаба въ легкомысліи и упорствѣ,—все это показалось «улицѣ» рядомъ тяжелыхъ преступленій. И очень былъ типиченъ составъ этой бушевавщей улицы въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ центрахъ: студенты—католики и студенты—шовинисты, мелкая буржуазія,—приказчики, маленькіе чиновники и маленькіе рантье,—прислуга, разносчики, семинаристы и воспитанники католическихъ гимназій, и наконецъ та накипь, тѣ шлаки городского населенія, которые соотвѣтствуютъ нашимъ «босякамъ» и «золоторотцамъ». То тамъ, то самъ, среди этой свирѣпой и вмѣстѣ съ тѣмъ трусливой толпы, кричащей «ура, полиція» при приближеніи городовыхъ, замѣчаешь профессіональнаго агитатора—антисемита, въ родѣ пресловутаго Герэна, или члена гимнастическо-патріотическаго общества... Настоящаго «народа» большихъ центровъ, т. е. рабочаго населенія предмѣстій, нѣтъ и помину: въ то время, какъ болѣе или менѣе праздная «улица» манифестируетъ, рабочій остается возлѣ станка или передъ доменной печью, подавленный заботами о пропитаніи семьи. Дѣло происходитъ по большей части днемъ: броситъ-ли настоящій рабочій свою работу, чтобы цѣлыми часами шататься съ толпой по улицамъ съ разными патріотическими криками, разносить стекла еврейскихъ магазиновъ?

Но если народъ предмѣстій не манифестировалъ противъ Золя, то не манифестировалъ и за. Процессъ разбирался при давленіи на присяжныхъ со стороны генеральнаго штаба, большинства печати и бушевавшей улицы. Можно было, дѣйствительно, наблюдать очень характерное явленіе: толпа бѣсновалась особенно въ тѣ дни, когда на засѣданіи фигурировали въ качествѣ свидѣтелей военные въ полной формѣ. Вопросъ о правильныхъ формахъ суда, о законности, о гарантіи

обвиняемыхъ, совершенно исчезалъ для «истинныхъ французовъ» передъ оскорбленіемъ якобы чести арміи. Когда раздалась знаменитая фраза, смыслъ которой заключался въ томъ, что если, молъ, вы, господа присяжные засѣдатели, не обвините Золя, весь генеральный штабъ подастъ въ отставку; когда, говорю, это насиліе надъ совѣстью жюри было сдѣлано въ самой залѣ суда, никому изъ «патріотовъ» и въ голову не пришло, что это былъ настоящій, хотя и безкровный coup d' Etat. Наоборотъ, энтузіазму, реву и оваціямъ «чести арміи» не было конца. Именно послѣ этого мастерского удара по чашкѣ вѣсовъ Ѳемиды, и «улица», и подтасованная (какъ оказалось послѣ изъ письма полковника Дюпати-де-Клама къ адвокату Оффрэ) публика въ залѣ суда пришли въ положительное неистовство. Тотъ, кому пришлось быть на послѣднемъ засѣданіи, никогда, конечно, не забудетъ свирѣпыхъ возгласовъ этой публики, багровыхъ лицъ, выпученныхъ глазъ, широко раскрытыхъ ртовъ, сжатыхъ кулаковъ публики, въ то время, какъ судъ читалъ присяжнымъ поставленные имъ вопросы. А этотъ вой скопившейся толпы въ сосѣднихъ залахъ и корридорахъ окружнаго суда, вой, напоминавшій ревъ дикихъ звѣрей въ лѣсу и заглушавшій, не смотря на затворенныя двери, послѣднія членораздѣльныя слова процесса! А этотъ болѣе отдаленный, но не менѣе свирѣпый ревъ, которымъ толпа привѣтствовала на улицѣ разнесшуюся «благую вѣсть» о высшемъ наказаніи, постигшемъ смѣлаго и убѣжденнаго гражданина...

Вотъ гдѣ нуженъ былъ противовѣсъ настоящаго народа, здоровыхъ слоевъ населенія, которое питаетъ всю Францію и которому такъ дорого приходится отплачиваться всякій разъ за шовинизмъ во внѣшней политикѣ и реакцію въ политикѣ внутренней. И вотъ гдѣ на французскихъ представителей этого народа ляжетъ тяжелая отвѣтственность передъ исторіей за то равнодушное и трусливо-оппортунистское отношеніе къ дѣлу Золя, которое они выказали въ этотъ критическій моментъ; имъ дали въ этомъ отношеніи урокъ libertaire'ы, «независимые» и даже—о иронія исторіи!—декаденты... Какъ! во всей странѣ темныя силы реакціи группируются и идутъ въ аттаку противъ вѣковыхъ пріобрѣтеній цивилизаціи, противъ элементарныхъ требованій правосудія, которыми держится и живетъ современное общество; пренія въ судѣ ведутся такимъ образомъ, что обвиненію позволено говорить что угодно, а защитѣ зажимаютъ ротъ авторитетомъ «рѣшенной по суду (беззаконно!) вещи»! пугаютъ страну фальшивымъ призракомъ «скорой бойни» и возбуждаютъ улицу противъ человѣка, который ненавистенъ имъ, между прочимъ, мастерскимъ изображеніемъ «разгрома», обрушившагося на націю по винѣ прежняго генеральнаго штаба... И въ этотъ-то самый моментъ, когда Франція пришла, можетъ быть, къ узловой точкѣ своего историческаго развитія, партія мучится въ теченіе трехъ дней страшными потугами политическихъ родовъ и разрѣшается отъ бремени... трехсаженнымъ манифестомъ, въ которомъ

есть все, кромѣ интереса дня, кромѣ яснаго указанія народу, какова должна быть его роль въ минуту крайняго возбужденія и великихъ, и низкихъ страстей. Составители манифеста ухитрились даже представить все движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ въ видѣ борьбы двухъ враждебныхъ фракцій капиталистическаго класса, оппортунистовъ-евреевъ (только однихъ евреевъ?) и реакціонеровъ-католиковъ и посовѣтовали рабочему классу смотрѣть чуть не совсѣмъ безучастно на эти «взаимныя гримасы двухъ половинокъ капиталистическаго лица». Руководители пролетаріата, очевидно, загипнотизированные мыслью о предстоящихъ выборахъ, испугались шовинистской и антисемитской пропаганды выживающаго изъ ума Рошфора, католическаго демагога Дрюмона и патріотическаго акробата Милльвуа, и порѣшили хранить благоразумное молчаніе, боясь, какъ бы сбитые съ толку избиратели не забраковали смѣльчаковъ, дерзнувшихъ говорить о попранной справедливости!.. Въ рядахъ парламентарной народной партіи нашелся одинъ человѣкъ, который рѣшительно сталъ и въ палатѣ и на судѣ на сторону общечеловѣческаго права и употребилъ свой великолѣпный ораторскій талантъ на защиту современной цивилизаціи противъ натиска темныхъ силъ: я назвалъ Жореса. Если присоединить къ Жоресу двухъ-трехъ другихъ депутатовъ, Жеро-Ришара, Шовэна, высказавшихся на публичныхъ собраніяхъ противъ антисемитизма, то этимъ и исчерпывается тотъ персоналъ народныхъ представителей, которые осмѣлились занять опредѣленное положеніе въ жгучемъ вопросѣ дѣйствительности. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ обращать вниманіе на келейное восхищеніе Жоресомъ и внутреннее сочувствіе агитаціи въ пользу Золя, обнаруженныя нѣкоторыми другими депутатами!...

Во всякомъ случаѣ мы присутствуемъ теперь при очень любопытномъ явленіи: великія историческія силы современнаго періода, заполняющія весь міръ шумомъ своей борьбы, въ данный моментъ воздержались отъ активнаго вмѣшательства въ ту «злобу дня», которая, не смотря на свой частный характеръ, означаетъ ни много, ни мало какъ столкновеніе двухъ основныхъ міровоззрѣній,—мирнаго и свѣтскаго настоящаго и военно-клерикальнаго прошлаго. За то на арену борьбы выступили «идеологи». Уже давно во Франціи мы не присутствовали при такомъ движеніи «интеллигенціи» (intellectuels, какъ вошло теперь здѣсь въ моду называть людей этой категоріи), давно мы не видѣли такого искренняго возмущенія несправедливостью со стороны мыслящей части буржуазіи, причемъ люди шли даже противъ своихъ «реальныхъ интересовъ». Пусть читатель припомнитъ хотя бы благородное поведеніе на судѣ Эдуарда Гримо, профессора химіи въ политехнической школѣ, котораго недовольное правительство заставило выйти въ отставку, чѣмъ возмутило даже такую солидную и умѣренную газету, какъ «Le Temps». А сколько было другихъ защитниковъ права изъ буржуазіи, защитниковъ, которые не побоялись рисковать своимъ по-

ложеніемъ въ интересахъ истины! Конечно, не надо преувеличивать это движеніе, которое все же захватило лишь меньшинство интеллигенціи; но было бы крайне несправедливо и отрицать, что это меньшинство довольно значительно и проявило замѣчательную энергію убѣжденія, борясь противъ всколыхнутой звѣриными страстями улицы. Интересенъ хотя бы уже тотъ результатъ этого протеста стольких и ученыхъ, и профессоровъ, и литераторовъ, что онъ произвелъ серьезную разслойку въ рядахъ антисемитовъ: часть ихъ, состоящая изъ убѣжденныхъ сторонниковъ этого варварскаго движенія, окончательно укрѣпилась въ своихъ чудовищныхъ идеяхъ; но другая, болѣе значительная часть, кокетничавшая антисемитизмомъ ради моды (увы, эта мода развилась вмѣстѣ съ модой на католицизмъ!), устыдилась своихъ бывшихъ товарищей и союзниковъ и рѣшительно отшатнулась отъ нихъ...

Возвращаясь къ настроенію трудящихся массъ, я долженъ отмѣтить, что когда депутаты рабочихъ смѣло и рѣзко ставили вопросъ о чудовищности этой реакціи, большинство избирателей отвѣчало очень недвусмысленно, осуждая агитацію «патріотовъ» и антисемитовъ. Въ Сюрени, подъ Парижемъ, двухтысячное публичное собраніе рѣшительно высказалось противъ шовинистскихъ глупостей Милльвуа, организовавшаго этотъ митингъ, и почти единодушно приняло очередной порядокъ, предложенный депутатомъ Шовэномъ и подчеркивающій мирныя и общечеловѣческія стремленія пролетаріата. Въ тринадцатомъ парижскомъ округѣ анти-шовинистская проганда Жеро-Ришара, первое время вздумавшаго было кокетничать съ Рошфоромъ, а теперь борющагося противъ буланжистской реакціи, пользуется довольно большимъ успѣхомъ. Печать рабочей партіи въ Сѣверномъ департаментѣ все время рѣшительно стояла за Золя.

Н. п.

Политика.

I. О современномъ моментѣ политической исторіи.—Историческіе вопросы тридцать лѣтъ назадъ, вопросы культуры, свободы и прогресса.—Современные историческіе вопросы международнаго хищенія и международнаго соперничества.—Международная организація, какъ миссія періодовъ, подобныхъ современному.—II. Текущіе вопросы.—Австрійскія дѣла. —Министерство гр. Туна.—Сущность австрійскаго историческаго процесса.—Современный кризисъ.—III. Венгерскія дѣла.—Крестьянскіе мятежи.—Экономическое положеніе.—Національные вопросы.—Вопросъ объ австровенгерскомъ соглашеніи.—Другія страны и другіе вопросы текущей политической жизни міра.—Историческая проблема нашего времени.

I.

Лѣтъ тридцать уже съ лишкомъ, какъ на моихъ глазахъ всемірная исторія мѣрно и неустанно катитъ свои волны изъ безконечной дали прошлаго въ безконечную даль будущаго. На нихъ, на этихъ порою высокихъ и бурныхъ, порою плоскихъ и плавныхъ, историческихъ волнахъ отражается, какъ въ миріадахъ движущихся зеркалъ, вся сложная безконечность человѣческаго прошлаго. На ихъ же безпрерывно мѣняющихся поверхностяхъ отражается и отблескъ всей сложной безконечности человѣческаго будущаго, всего неизвѣстнаго ужаса и всего невѣдомаго счастья наступающихъ вѣковъ... И какое безконечное разнообразіе завѣтовъ прошлаго и обѣтовъ будущаго несутъ на своихъ хребтахъ эти измѣнчивыя волны человѣческой исторіи! Много-ли тридцать пять лѣтъ, что я могу обнять своимъ личнымъ взглядомъ? Что значитъ эта треть вѣка среди безчисленнаго ряда вѣковъ, приведшихъ человѣчество къ историческому мгновенію, мною пережитому? И среди другого безчисленнаго ряда вѣковъ, которые еще предстоитъ пережить человѣчеству послѣ этихъ годовъ моихъ наблюденій? А между тѣмъ, какіе контрасты наполняютъ эту треть вѣка! Что есть общаго между тѣми событіями и стремленіями, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, когда только что начиналъ сознательно относиться къ окружающему, и тѣми, что вижу и переживаю теперь? Передъ нами какъ бы двѣ эпохи, или даже двѣ исторіи двухъ различныхъ человѣчествъ... То были какъ будто люди съ другою природою, другою нравственностью, другимъ разумомъ, другою цивилизаціей... Когда вмѣстѣ съ тѣми людьми иной природы самъ переживалъ эту иную исторію, эти иныя страданія и радости, и когда и теперь дѣлишь съ современнымъ человѣчествомъ его исторію, его новыя страданія и радости, новыя надежды и опасенія, этотъ контрастъ кажется особенно непримиримымъ, даже прямо несообразнымъ и почти невозможнымъ! А между тѣмъ факты на лицо.

Чего тогда, треть вѣка назадъ, желали люди, что совершали, въ чемъ была ихъ исторія? Во Франціи цезаризмъ, которому трусливая буржуазія вручила власть изъ боязни республиканской демократіи, тщетно старался упрочить свое положеніе и завоевать симпатіи націи. Все мыслящее и просвѣщенное, все благородное и патріотическое во Франціи отказывало эпигону бонапартизма въ своемъ признаніи, съ самоотверженіемъ, энергіей и талантомъ ведя неустанную борьбу съ цезаремъ, задумавшимъ наложить оковы на свободную націю. Эта борьба съ узурпаціей и деспотизмомъ, эта защита принциповъ свободы и демократіи, эти идеалы общаго блага и самоотверженнаго труда на общую пользу и были содержаніемъ внутренней исторіи Франціи въ то время, какъ во внѣшней исторіи даже узурпаторъ не смѣлъ сойти съ традиціонныхъ путей защиты угнетенныхъ народовъ... Что осталось изъ всего этого въ современной Франціи? Та же трусливая своекорыстная плутократія и теперь стоитъ у власти, но она уже не трепещетъ надвигающейся отвѣтственности передъ націей. Она высоко несетъ голову и болѣе не конфузится своего владычества. Она—соль земли. Она—надежда отечества, которое уже забыло объ угнетенныхъ народахъ, но съ жадностью ищетъ пріобрѣтенія новыхъ территорій, покоренія новыхъ народовъ (хотя бы и дикихъ). Это отечество переполнено сверхъ того жаждою реванша, перемѣшаннаго съ плохо скрываемымъ чисто животнымъ страхомъ тевтонскаго нашествія. Внутри застой, разнообразящійся лишь громкими скандалами, какъ Вильсона, Панамы, Дрейфуса, Эстергази, до самоновѣйшаго Грефюль-Бретона включительно, а во внѣ—колоніальные захваты, страхъ нѣмцевъ и платоническія утѣхи реванша, становящагося все менѣе осуществимымъ и возможнымъ — такова политическая исторія Франціи, такова политическая программа, которой не посмѣли бы никогда провозгласить ни Бурбоны, ни Бонапарты, но которую, не конфузясь, проводитъ правительство націи, называющей себя демократической республикой!

Треть вѣка тому назадъ Италія билась за свою свободу и за свое единство. Это былъ вѣкъ Мадзини и Гарибальди, вѣкъ героевъ, вѣкъ великихъ жертвъ во имя великихъ цѣлей, великое время, бывшее свидѣтелемъ, какъ вѣковыя цѣпи спадали съ Италіи, съ одной изъ самыхъ благородныхъ націй, какихъ знала исторія. То была великая радость не для одной Италіи, но для всѣхъ благородныхъ сердецъ и просвѣщенныхъ умовъ на всемъ земномъ шарѣ. Великая радость эта несла и великія надежды. Получилъ свободу развитія одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и старо-культурныхъ народовъ міра: какой толчекъ умственному движенію должно было дать это освобожденіе итальянской мысли и генія! Появлялась новая великая держава, родившаяся и сложившаяся подъ прямымъ вліяніемъ принциповъ справедливости и свободы: какую могучую поддержку должны были пріобрѣсти въ ней эти принципы! Великая

радость того времени, конечно, осталась навсегда великою радостью, но великія надежды не оказались-ли только великими иллюзіями? Геніи и таланты, если они и нарождались въ Италіи, растеряны въ страстной борьбѣ за наживу, въ этомъ зеленомъ, но безплодномъ лѣсу скороспѣлаго (и вмѣстѣ запоздалаго) итальянскаго капитализма. Международная справедливость и защита угнетенныхъ народовъ оставлены въ удѣлъ неисправимыхъ «идеологовъ», создавшихъ, однако, свободную Италію, которая послѣдовала за другими державами по пути территоріальныхъ хищеній, но остановлена была единственно своею слабостью. Созданная жертвами и трудами «идеологовъ», Мадзини, Гарибальди и другихъ, Италія, предающаяся «реальной» политикѣ по бисмарковскому идеалу, — какая горькая иронія! И что бы еще ярче подчеркнуть эти печальные контрасты, исторія поручила проведеніе этой «реальной» политики ближайшимъ сподвижникамъ Гарибальди, его бывшимъ послѣдователямъ и друзьямъ, Никотерѣ и Криспи. Послѣдній гарибальдіецъ съ громкимъ именемъ, не унесенный этимъ «матеріалистическимъ» потокомъ, Кавалоти недавно убитъ на дуэли... Эти старые люди иной природы какъ будто и не ко двору современному человѣчеству.

И на Пиринейскомъ полуостровѣ треть вѣка тому назадъ шла борьба за идеалы свободы и принципы справедливости. Революція Прима и Серрано низвергла реакціонное правительство королевы Изабеллы и открывало новую эру свободной Испаніи. Эта нація, вынесшая изъ вѣковой борьбы съ владычествомъ мавровъ недостатки и тягостные завѣты, казалась возрождающеюся къ новой жизни и новому мощному развитію. Въ идеяхъ Фигвераса и Пи-и-Маргаля, двухъ одинъ за другимъ слѣдовавшихъ президентовъ испанской республики, страна обрѣла широкую и благородную программу, которая должна была предложить Европѣ опытъ великой націи, построившей свой политическій бытъ на началахъ свободной федераціи. Всѣ историческія области, столь различныя между собою по культурѣ, традиціямъ, стремленіямъ и нарѣчіямъ, получали автономію и могли устраивать свои внутреннія дѣла, не справляясь съ ходомъ дѣлъ въ Кастиліи. Провансальцы Каталоніи, Наварры и Гвипускои, баски Гвипускои и Бискайи, южане Андалузіи и Гренады, лузитане Эстремадуры, гордые своимъ прошлымъ и своею славою граждане Аррагоніи, все это разнообразіе пиринейскихъ племенъ, не уступающихъ другъ другу въ патріотизмѣ, но исторически отличныхъ отъ кастильцевъ и не желающихъ превращаться въ кастильцевъ, ни ломать свой бытъ по кастильскому образцу, всѣ эти элементы испанскаго народа получали право свободнаго развитія и возможность, каждое по своему, служить благоденствію, прогрессу и славѣ общаго отечества. Такую же автономію получали и колоніи, Куба, Порто-Рико, Канары, Филлипины... Если бы эта благородная и просвѣщенная программа удержалась въ Испа-

ніи до нашихъ дней, не пришлось бы испанцамъ бороться уже третій годъ съ инсуррекціей на Кубѣ и второй годъ съ инсуррекціей на Филиппинахъ. Не пришлось бы опасаться и войны съ Соединенными Штатами, угрожающей теперь Испаніи громадными потерями... А съ другой стороны, кто знаетъ, свободная федеративная Испанія не обратила-ли бы къ себѣ сердца сорока пяти милліоновъ испанцевъ Южной и Центральной Америки? Однако, эта свободная федеративная Испанія осталась мечтою просвѣщенныхъ испанскихъ патріотовъ и нынѣшняя Испанія очень мало походитъ на страну, которая тридцать лѣтъ тому назадъ пыталась осуществить возвышенные идеалы Фигвераса и Пи-и-Маргаля. Съ неспособнымъ правительствомъ во главѣ, деспотически управляемая, поддерживающая вооруженною силою покорность даже нѣкоторыхъ европейскихъ провинцій (карлистскихъ Бискайи, Гвипускои и Наварры, республиканской Каталоніи), въ открытой войнѣ съ колоніями, централизованная, разоренная, даже не обсуждающая своихъ былыхъ стремленій,—такова современная Испанія. Цѣлая пропасть лежитъ между Испаніей Фигвераса и Зорильи, и нынѣшней Испаніей Кановаса и Сагасты. Либерализмъ послѣдняго заключается, строго говоря, только въ симпатіяхъ къ Франціи, а выборы въ кортесы при Кановасѣ и при Сагастѣ одинаково давали всегда министерское большинство, потому что правительство распоряжается выборами депутатовъ такъ же полновластно, какъ и назначеніемъ чиновниковъ. За исключеніемъ, конечно, нѣсколькихъ крупныхъ центровъ...

Если Франція, Италія, Испанія переживали треть вѣка тому назадъ—періодъ благородной и самоотверженной борьбы за идеалы справедливости и свободы, то не менѣе славнымъ является этотъ періодъ и въ исторіи Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, обезпеченіе правосудія, распространеніе самоуправленія, широкое умственное и литературное движеніе отличали въ Россіи ту эпоху, обыкновенно называемою эпохою шестидесятыхъ годовъ. Было бы напрасно утверждать, что русское общество и русская литература удержались на той же высотѣ... Не тоже-ли и въ Америкѣ, гдѣ великія идеи, сопровождавшія грандіозную борьбу за освобожденіе негровъ, нынѣ уступили мѣсто вопросамъ таможеннаго тарифа и денежной валюты. «Матеріалистическій» потокъ здѣсь даже многоводнѣе и сильнѣе европейскаго.

Тѣ же контрасты видимъ и въ центрѣ Европы. Освобожденіе венгерской, польской, хорватской народностей отличаетъ австрійскую исторію треть вѣка назадъ, взаимное поѣданіе національностей и нетерпимость характеризуютъ австрійскую современность. Первые ростки гражданской свободы зеленѣли въ издавна деспотической Австріи; эти ростки развились въ чертополохъ «обструкціи»...

Идеалъ объединенной Германіи, свободной, мирной и федеративной, давно сданъ въ архивъ. Развитіе милитаризма и колоніальные захваты занимаютъ нынѣ вниманіе нѣмцевъ. Наконецъ, даже Японія, возрождавшаяся тридцать лѣтъ тому назадъ изъ своего средневѣкового варварства и жадно усвоивавшая европейскую культуру, могла тогда радовать всѣхъ друзей человѣчества своими мирными успѣхами. Та же Японія нынѣ охвачена духомъ милитаризма и жадностью къ захватамъ. Таковы печальные контрасты двухъ историческихъ эпохъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга не болѣе, какъ одною третью вѣка. Чему же учатъ насъ эти контрасты? Неужели тому, что человѣческая исторія движется не къ эпохѣ справедливости и просвѣщенія, какъ то пріуготовляло историческое движеніе предыдущаго періода, а къ новому варварству съ обездоленною и одичалою массою, съ новыми капиталистическими феодалами, съ непрекращающеюся братоубійственною рѣзнею и ненавистью? Не явный ли шагъ къ этому одичанію представляетъ современное состояніе въ сравненіи съ непосредственно ему предшествовавшимъ періодомъ?

Много ли тридцать пять лѣтъ, спрашивали мы выше, а между тѣмъ, какіе контрасты нагромоздила исторія за эту одну треть вѣка. Мы остановились затѣмъ на этихъ контрастахъ. Мы ихъ видѣли во весь ихъ печальный ростъ. Мы должны вспомнить теперь то, съ чего начали. Именно, что это всего одна треть вѣка, одно мгновеніе въ исторіи человѣчества. Если мы поэтому оглянемъ болѣе широкій горизонтъ, хотя бы только горизонтъ шириною въ одно столѣтіе, то легко замѣтимъ, что передъ освободительною и прогрессивною эпохою, о которой мы говорили выше и которая непосредственно предшествовала современной эпохѣ, исполненной всяческой реакціи и нетерпимости, европейское человѣчество переживало такую же эпоху реакціи и нетерпимости послѣ болѣе ранней, освободительной и прогрессивной. Реакціонная эпоха 1815—1847 годовъ являлась такимъ же яркимъ и непримиримымъ констрастомъ ей предшествовавшему періоду, какимъ намъ представляется наша современность по сравненію съ шестидесятыми годами. И однако реакціонная эпоха первой половины этого вѣка не помѣшала освободительному и прогрессивному движенію, за нею послѣдовавшему, какъ и настоящая реакція не помѣшаетъ, а лишь подготовитъ новое движеніе. Въ какомъ смыслѣ эти эпохи застоя, сопровождающагося возрожденіемъ всяческой дикости и варварства, могутъ являться подготовительными періодами новаго движенія, лучше всего можетъ научить сличеніе этихъ эпохъ не только съ періодами движенія, но и другъ съ другомъ, между собою. Посмотримъ съ этой точки зрѣнія на наше время по сравненію съ реакціей первой половины XIX вѣка.

Обѣ эпохи, въ 1815 и въ 1870 годахъ, начались разгромомъ Франціи и переходомъ руководящей роли къ представителямъ кон-

сервативнаго германизма, къ Меттерниху въ первомъ случаѣ, къ Бисмарку во второмъ. Въ обоихъ случаяхъ исторія Франціи послѣ разгрома началась роялистской реакціей *), которую потомъ замѣнило въ обоихъ же случаяхъ господство эгоистической и трусливой плутократіи. Періодъ Орлеанской монархіи въ этомъ отношеніи совершенно подобенъ современному. То же самодовольство буржуазіи, столь же мало стыдившейся своего эгоизма и своей трусости, столь же полно забывшей объ отвѣтственности передъ націей, объ отвѣтственности, часъ которой уже былъ не за вѣками. Въ Испаніи разные Фердинанды и Нарваэцы такъ же мало ожидали приближавшихся событій, какъ мало объ этомъ думаютъ современные испанскіе правители. Англія была такъ же изолирована. Только полицейско-бюрократическій деспотизмъ времени Меттерниха смѣнился въ Германіи милитаризмомъ и капитализмомъ нашего времени. Но и тогда и теперь запретительные тарифы и правительственныя монополіи отличаютъ экономическую политику Германіи, за которою по этому пути, какъ и по пути милитаризма, слѣдуютъ и другіе народы Европы, Италія въ томъ числѣ, разоряющая себя и этимъ непосильнымъ бременемъ милитаризма. и еще болѣе непосильнымъ бременемъ капитализма, преждевременнаго для неготовой страны и всетаки опоздавшаго въ историческомъ процессѣ!

Эти немногія строки сравненія двухъ эпохъ не указываютъ-ли уже ясно, что, принимая во вниманіе измѣнившееся состояніе міра, современная эпоха развивается въ *политическомъ* отношеніи по тому же общему плану, по которому развивалась Европа послѣ 1815 года. И первый періодъ, наиболѣе варварскій и регрессивный, соотвѣтствующій періоду 1815—1830 годовъ, уже пережитъ нами. Мы переживаемъ второй періодъ. Болѣе умѣренное варварство, окрѣпшая ему оппозиція, критическое движеніе въ литературѣ, перегруппировка политическихъ силъ отличали второй періодъ реакціи начала этого вѣка, періодъ 1830—1848 гг. Не замѣчаемъ ли мы тѣхъ же явленій и въ настоящее время? Пробужденіе народной совѣсти во Франціи, хотя еще не торжествующей, но уже не робѣющей передъ буржуазною безпринципностью и развязностью; нѣкоторые симптомы подобнаго же движенія въ Италіи; тяжелые уроки, переживаемые Испаніей и заставляющіе пробудиться національное самосознаніе; непоправимый кризисъ искусственной системы австрійской государственности; все усиливающееся движеніе германской демократіи; все яснѣе сказывающееся возвращеніе Англіи къ принципамъ либеральной партіи; общественное оживленіе, чувствуемое у насъ, въ Россіи, — таковы несомнѣнные факты, указующіе на при-

*) Національное собраніе 1871—1876 гг. было монархическое и только излишняя требовательность Генриха Шамбора помѣшала его реставраціи, оттолкнувъ отъ него орлеанистовъ.

ближеніе конца переживаемой нами реакціонной эпохи. Много есть и иныхъ симптомовъ, печальныхъ и ничего добраго не обѣщающихъ. Но вѣдь мы и не говоримъ, что реакціонная эпоха уже окончилась и что человѣчество уже возвратилось къ заботамъ объ общемъ счастьи, свободѣ и просвѣщеніи... Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ даже напротивъ. Націи еще переполнены идеями нетерпимости, чувствами ненависти, алчностью къ захватамъ.

Реакціонная эпоха 1815—1848 годовъ завѣщала человѣчеству одно крупное дѣло, именно то, что именують нынѣ европейскимъ концертомъ. Concert Européen (собственно говоря, европейское *согласіе*) впервые изобрѣтенъ Меттернихомъ. Изобрѣтенъ онъ былъ явно съ реакціонными цѣлями, въ видахъ международнаго упроченія реакціи единеніемъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Сначала дѣйствительно эта европейская организація служила упроченію реакціи, но затѣмъ пригодилась и для иныхъ задачъ. Первая попытка объединенія Европы и ея международной организаціи сдѣлана была, такимъ образомъ, реакціонною эпохою. Не поучительно ли, что нѣкоторые новые успѣхи въ этомъ направленіи сдѣланы опять въ реакціонную эпоху, именно въ наше время? Распространеніе европейской цивилизаціи на другіе материки Стараго Свѣта есть тоже историческая заслуга доживаемаго нами періода. Это постоянное объединеніе Европы, совершаемое на почвѣ повелительныхъ матеріальныхъ интересовъ, и это распространеніе европеизма, обязанное въ значительной степени разгулу европейскаго хищничества, именно и представляются тою невольною подготовительною работою, которую наша реакціонная эпоха дѣлаетъ для обезпеченія будущему движенію и большаго единства, и болѣе широкаго распространенія. И вотъ почему сложная неурядица и путаница международной исторіи, не преднамѣренно творящая это дѣло, и представляетъ такой серьезный интересъ, такую всемірно-историческую важность. Между тѣмъ, съ другой стороны, внутренняя исторія современныхъ націй должна интересовать преимущественно съ точки зрѣнія тѣхъ симптомовъ приближающагося конца доживаемой эпохи, которые могутъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторымъ указаніемъ будущаго.

Да не посѣтуетъ читатель на это немного длинное вступленіе къ сегодняшней нашей бесѣдѣ о современной политической исторіи. Нѣкоторое выясненіе ея общихъ чертъ не окажется безполезнымъ, когда мы займемся частностями, всѣми этими текущими злобами дня современнаго момента.

II.

Внутренняя политическая жизнь европейскихъ націй въ послѣднее время испытываетъ нѣкоторое затишье, нѣкоторую передышку передъ новыми трудами и новою борьбою. Исключеніе представ-

ляетъ Габсбургская монархія, гдѣ ожесточенная національная борьба ни на минуту не прекращается, разгораясь въ настоящій политическій пожаръ. Событія начала 1898 года, нынѣ подлежащія нашему обзору, отличались въ Австріи и частью въ Венгріи тѣмъ характеромъ и тѣмъ печальнымъ смысломъ человѣческой нетерпимости, на почвѣ которыхъ выростаютъ и роскошно развиваются всяческія плевелы реакціи и одичанія.

1897 годъ кончился въ Австріи тѣмъ, что старый императоръ уступилъ нѣмецкой обструкціи и уволилъ министерство гр. Бадени, виновное передъ нѣмцами въ изданіи указа 5 апрѣля (24 марта) 1897 г. объ оффиціальномъ языкѣ въ Богеміи и Моравіи. Оба языка, употребляемые населеніемъ этихъ областей, нѣмецкій и чешскій, были признаны, въ предѣлахъ названныхъ провинцій, вполнѣ равноправными. Всѣ чиновники, служащіе въ Богеміи и въ Моравіи, были обязаны этимъ указомъ знать оба языка, а все дѣлопроизводство въ правительственныхъ учрежденіяхъ должно было, по смыслу указа, производиться въ каждомъ данномъ случаѣ на томъ языкѣ, на которомъ было просителемъ возбуждено дѣло. Извѣстно, какое страшное возбужденіе вызвало изданіе этого указа. Нѣмцы почувствовали себя глубоко оскорбленными предписанною равноправностью. Памятуя, что Богемія и Моравія входили въ составъ бывшей германской имперіи, что попытки чеховъ вернуть свою независимость были подавлены силою и что не давнѣе 1866 года эти области считались составною часть германскаго союза, нѣмцы приняли чешскую равноправность за прямое нарушеніе цѣлости общаго нѣмецкаго отечества, за посягательство на священнѣйшія и неоспоримыя права германизма. Восемьсотъ профессоровъ изъ Германіи поддержали въ самой рѣзкой и прискорбно нетерпимой формѣ эти протесты австрійскихъ нѣмцевъ. Началась тогда извѣстная ярая борьба, наполнившая собою вторую половину прошедшаго года. Формальныхъ поводовъ для борьбы было два. Съ одной стороны, оспаривалось право короны регулировать вопросъ о языкахъ указами и настаивалось, что подобныя мѣропріятія должны проходить черезъ парламентъ. А съ другой стороны, ссылались на конституцію, которая обезпечивала населенію каждой мѣстности свободное употребленіе родного языка, а между тѣмъ въ Богеміи есть довольно значительныя пространства, населенныя исключительно нѣмцами и гдѣ введеніе какого бы то ни было другого языка является съ этой точки зрѣнія нарушеніемъ конституціи. Послѣ неслыханной скандальной «обструкціи», переходившей въ рукопашную въ стѣнахъ палаты и грозившей перейти въ вооруженное столкновеніе на улицахъ Вѣны, Линца, Штейера, Праги и другихъ, нѣмцы одержали *относительную* побѣду и прошлый годъ, какъ уже замѣчено выше, окончился увольненіемъ славянскаго министерства. Было назначено дѣловое министерство барона Гауча. Императорскимъ повелѣніемъ 29 (17) декабря засѣ-

данія парламента были отсрочены, а указомъ 28 (16) декабря продолжено временное соглашеніе съ Венгріей на четыре мѣсяца до 1 мая (19 апрѣля) 1898 года. Это продолженіе соглашенія утвердила и венгерская палата хотя послѣ нѣкотораго колебанія. Такое наслѣдство оставилъ въ Австріи прошедшій годъ настоящему.

Сосредоточившись на вопросѣ о законности указа 5 апрѣля, споръ однако объемлетъ гораздо болѣе обширныя и сложныя задачи австрійской государственной жизни. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій австрійская монархія была первенствующею нѣмецкою державою, руководительницею германской исторіи и проводницею германизма на славянскій юго-востокъ. Еще на порогѣ новой исторіи въ составѣ австрійскихъ земель развѣ одинъ только Тироль былъ нѣмецкою страною. Остальныя земли, не исключая даже обоихъ эрцгерцогствъ Верхней и Нижней Австріи, были населены славянами, надъ которыми властвовали частью нѣмецкіе, частью туземные болѣе или менѣе германизованные феодалы. Къ началу XIX вѣка все измѣнилось, и Австрія съ такимъ успѣхомъ выполнила свою германизаторскую миссію, что, казалось, не могло и возникнуть никакого славянскаго вопроса въ земляхъ, нынѣ называемыхъ Цислейтаніей. Однако, усилія нѣсколькихъ славянскихъ патріотовъ, вмѣстѣ съ общимъ движеніе къ возрожденію національностей, охватившимъ Европу, обнаружили, что австрійская имперія есть и въ настоящее время въ значительной мѣрѣ страна славянская. Въ австрійской половинѣ имперіи нѣмцы составляютъ приблизительно одну треть населенія (восемь милліоновъ съ лишкомъ). Около двухъ милліоновъ надо еще отчислить на итальянцевъ, румыновъ, ретовъ, евреевъ, цыганъ. Славянъ останется около четырнадцати милліоновъ, со включеніемъ сюда же отдѣльно лежащихъ Галиціи, Буковины и Далмаціи, земель, на которыя австрійскіе нѣмцы не предъявляютъ притязаній. Такимъ образомъ, Цислейтанія въ тѣсномъ смыслѣ (т. е. земли, входившія до 1866 года въ составъ германскаго союза) заключаетъ въ составѣ своего населенія 8 милліоновъ нѣмцевъ, около 1½ милліоновъ разныхъ не нѣмецкихъ и не славянскихъ народностей и не болѣе 6½ милліоновъ славянъ (въ томъ числѣ 5 милл. чеховъ, остальные словинцы и поляки). Если къ этому прибавить, что нѣмцы культурнѣе, не подѣлены, какъ славяне, на племена и пользуются поддержкою не нѣмецкихъ и не славянскихъ народностей, то нельзя не признать нѣкотораго ихъ права на главенство въ *западной* половинѣ имперіи, хотя бы *вся* имперія и заключала славянъ вдвое болѣе, нежели нѣмцевъ. Отчего однако нѣмцы составляютъ меньшинство въ вѣнскомъ рейхсратѣ? На это есть нѣсколько причинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя призваны будутъ играть болѣе или менѣе значительную роль и въ событіяхъ этого года.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить присутствіе въ рейхсратѣ представителей Галиціи, Буковины и Далмаціи, земель, отдѣлен-

выхъ отъ Цислейтаніи Венгріей и не связанныхъ съ нею ни экономически, ни національно, ни исторически. Эти восемдесятъ депутатовъ съ лишкомъ придаютъ рейхсрату славянскій характеръ и позволяютъ чехамъ и словинцамъ выдерживать иначе неравную борьбу съ австрійскими нѣмцами. Но и этой посторонней поддержки едва-ли бы было достаточно, если бы въ средѣ самихъ нѣмцевъ не было разлада. Нѣмецкіе представители рейхсрата дѣлятся на шесть отдѣльныхъ группъ: клерикально-феодальную, христіанскихъ соціалистовъ, крупныхъ землевладѣльцевъ-конституціоналистовъ, прогрессистовъ, демократовъ (Volkspartei) и соціалъ-демократовъ, не считая антисемитовъ, которые распредѣлены между клерикалами и Volkspartei. Изъ этихъ шести группъ двѣ первыя все время поддерживали министерство гр. Бадени, хотя и съ нѣкоторыми колебаніями. Ихъ будущее поведеніе представляло нѣкоторое время центральный вопросъ всего политическаго положенія: увлекутся-ли они общимъ національно-нѣмецкимъ движеніемъ? Или же сохранятъ свои связи съ славянами, которые выше всего ставятъ свои узко-національные интересы и готовы за поддержку поступиться въ пользу клерикаловъ и феодаловъ, чѣмъ угодно? Сохранится-ли, словомъ, парламентское большинство сессіи 1897 г.,— въ этомъ вопросѣ одно время сходились всѣ нити современнаго гордіева узла австрійской внутренней политики. Областные сеймы Тироля, Верхней и Нижней Австріи, засѣдавшіе въ теченіе января и февраля настоящаго года, энергически высказались противъ указа 5 апрѣля и за единеніе всѣхъ нѣмцевъ въ борьбѣ съ славянскими федеративными стремленіями. Если принять во вниманіе, что въ Тиролѣ и особенно въ Верхней Австріи клерикалы и феодалы пользуются очень значительнымъ вліяніемъ, то приходилось признать за упомянутыми постановленіями ландтаговъ довольно серьезное симптоматическое значеніе. Нѣмцы какъ будто готовились послѣдовать примѣру славянъ и національные интересы поставить выше всякихъ иныхъ, экономическихъ, культурныхъ, политическихъ и соціальныхъ. Если съ этой точки зрѣнія обращали на себя вниманіе ландтаги Тироля и Верхней Австріи, вообще рѣдко играющіе политическую роль, то все же центромъ общаго вниманія былъ въ это время сеймъ богемскій, гдѣ давалась одна изъ серьезныхъ битвъ, пріуготовлявшихъ генеральное сраженіе въ рейхсратѣ.

10 января открыты были засѣданія богемскаго ландтага. Нѣмцы, которые нѣсколько лѣтъ воздерживались отъ участія въ богемскомъ сеймѣ, на этотъ разъ явились въ полномъ составѣ. Борьба и началась съ предложенія нѣмецкаго депутата, извѣстнаго Вольфа. Онъ внесъ резолюцію, въ которой предлагалъ просить правительство о признаніи нѣмецкаго языка государственнымъ языкомъ всѣхъ цислейтанскихъ областей за исключеніемъ Галиціи и Далмаціи. Другою резолюціей Вольфъ предлагалъ просить о смѣнѣ богемскаго

губернатора Конденгове, виновнаго въ энергическомъ примѣненіи указа 5 апрѣля, въ нарушеніи при этомъ конституціи и въ насиліяхъ надъ пражскимъ университетомъ. Самый же указъ 5 апрѣля предлагалось признать незаконнымъ. Нѣмецкій депутатъ Шлезингеръ въ энергической и искусной рѣчи доказывалъ эту незаконность. Нѣмцамъ отъ имени чешскаго большинства отвѣчали Сильда-Таронка, Букой и кн. Лобковицъ, все чешскіе феодалы. Они стояли на почвѣ исторической обособленности чешскаго королевства. Въ концѣ концовъ предложеніе Вольфа и Шлезингера было отклонено большинствомъ 114 голосовъ противъ 54, а предложеніе Букоя и кн. Лобковица объ образованіи коммиссіи для разсмотрѣнія поднятыхъ вопросовъ съ точки зрѣнія чешскаго историческаго права было принято большинствомъ 133 голосовъ противъ 62. Такимъ образомъ, тѣсный союзъ всѣхъ чешскихъ партій, феодаловъ, предводимыхъ кн. Лобковицемъ, и недавнихъ демократовъ младочеховъ далъ въ богемскомъ сеймѣ это торжество славянамъ. Коммиссія, какъ и слѣдовало ожидать, высказалась за полное равенство обоихъ языковъ во всѣхъ земляхъ чешской короны, т. е. въ Богеміи, Моравіи и Силезіи (на послѣднюю не распространялось дѣйствіе указа 5 апрѣля). Среди страстныхъ преній, возбужденныхъ докладомъ коммиссіи, одинъ изъ младочешскихъ вождей Герольдъ внесъ предложеніе подать императору адресъ съ поздравленіемъ по поводу его юбилея и включить въ адресъ просьбу о возстановленіи чешскаго государственнаго права. Послѣ того, какъ предложеніе Герольда было принято тѣмъ же большинствомъ, нѣмецкіе депутаты заявили протестъ противъ этого посягательства на единство имперіи и демонстративно оставили залу сейма, принявшаго, по ихъ мнѣнію, незаконное и противоконституціонное рѣшеніе. Эти постановленія богемскаго сейма нашли поддержку въ параллельныхъ резолюціяхъ сейма галиційскаго, тоже выразившаго разныя федералистическія пожеланія и тоже руководимаго мѣстною аристократіей. Сеймъ Силезіи постановилъ ходатайствовать о распространеніи указа 5 апрѣля на эту область; сеймъ Далмаціи—объ автономіи; сеймъ Крайны — объ основаніи словинскаго университета. Если прибавимъ къ этому рѣзкое столкновеніе между нѣмцами и словинцами въ ландтагѣ Штиріи, то исчерпаемъ все, имѣвшее политическое значеніе въ сессіи австрійскихъ сеймовъ, засѣдавшихъ въ январѣ и февралѣ этого года. Борьба, однако, не ограничивалась залами сеймовъ. Она вышла на улицу и, по своей печальной страстности, едва-ли уступала современнымъ ей волненіямъ во Франціи по дѣлу Эмиля Зола.

Въ Прагѣ существуетъ два университета, нѣмецкій и чешскій Кромѣ того, тамъ же имѣется и нѣмецкій политехникумъ. Это скопляетъ въ Прагѣ довольно значительное число нѣмцевъ, профессоровъ и студентовъ. Между тѣмъ, Прага городъ чешскій, преисполненный самаго сильнаго чешскаго націонализма. Обостривъ-

шаяся политическая борьба не могла не отразиться и на отношеніяхъ между этимъ пришлымъ академическимъ населеніемъ и туземными фанатиками. Случаи столкновенія и насилія становились все чаще. Обычай нѣмецкихъ студентовъ носить корпоративные цвѣта дѣлалъ ихъ легко узнаваемыми и подвергалъ оскорбленіямъ и насиліямъ со стороны чешской толпы. Это внушило губернатору неудачную идею запретить студентамъ носить корпоративные цвѣта и тѣмъ нарушить одну изъ освященныхъ вѣками академическихъ вольностей. Отвѣтомъ на эту мѣру явилось постановленіе совѣтовъ университета и политехникума о прекращеніи лекцій въ виду незаконнаго вторженія администраціи въ академическую жизнь. Въ Лейтмерицѣ, въ Богеміи, состоялся съѣздъ академическихъ дѣятелей, протестовавшій противъ мѣры, принятой пражскимъ губернаторомъ. Десять университетовъ присоединились къ протесту пражскаго университета. Произошли во многихъ университетахъ студенческіе безпорядки. Студенты нѣмцы всюду прекращали посѣщеніе лекцій и силою старались принудить къ тому же студентовъ славянъ. Происходили прискорбныя сцены насилія. Въ вѣнскомъ университетѣ дѣло дошло до выстрѣловъ... Правительство сознало сдѣланную ошибку и поспѣшило успокоить возбужденіе, ускоривъ закрытіе семестра. 7 февраля (26 января) лекціи были повсемѣстно прекращены, семестръ всѣмъ зачтенъ, и открытіе новаго назначено на 7 марта. Возбужденіе успѣло улечься, а отмѣна запрещенія носить корпоративные цвѣта уничтожила поводъ для новой агитаціи и новаго возбужденія.

Первоначально на 24 (12) февраля было назначено возобновленіе засѣданій рейхсрата. Изъ обзора событій въ январѣ и въ февралѣ, только что нами сдѣланнаго, явствуетъ, что къ мирному возобновленію парламентской сессіи ничего еще не было сдѣлано. Сессіи областныхъ сеймовъ и университетское движеніе никакъ не умиротворили оппозицію и не успокоили страстей. Императорскій указъ еще разъ отсрочилъ возобновленіе сессіи парламента до 21 (9) марта. Тѣмъ временемъ изданъ былъ, наконецъ, новый указъ о языкахъ, которымъ отмѣнялся указъ 5 апрѣля. Чешскія земли раздѣляются этимъ новымъ указомъ на три разряда, нѣмецкихъ, чешскихъ и смѣшанныхъ. Для первыхъ дѣйствіе указа гр. Бадени безусловно отмѣняется, чѣмъ устраняется одно изъ возраженій оппозиціи. Однако, регулированіе вопроса именнымъ указомъ сохраняетъ въ силѣ главное возраженіе о нарушеніи конституціи внѣпарламентскими распоряженіями. Къ тому же въ большинствѣ округовъ новый сохранялъ положеніе, созданное гр. Бадени. Уступки же въ нѣкоторыхъ округахъ возбудили чеховъ. Словомъ, февральскій указъ былъ встрѣченъ недружелюбно и нѣмцами, и славянами. Это обстоятельство, въ связи съ неуспѣшностью переговоровъ съ мадьярами о финансовомъ соглашеніи, повлекло паденіе министерства барона Гауча. Его кратковременная исторія, изложенная нами,

не внушала никому сожалѣнія о его паденіи. Безъ принциповъ и безъ программы, эти чиновники не могли справиться съ исторической задачею, одною изъ самыхъ сложныхъ и трудныхъ въ политической исторіи нашего времени. Въ чемъ же заключается мудреная задача, за которую теперь взялся гр. Тунъ-фонъ-Гогенштейнъ?

Мы уже говорили выше о составѣ населенія Австріи. Девять милліоновъ нѣмцевъ и мелкихъ не славянскихъ народностей склонны къ централизаціи, тяготѣютъ къ Германіи. Нѣмецкая династія, нѣмецкая бюрократія, нѣмецкая образованность и нѣмецкія историческія традиціи влекутъ Австрію по тому же пути. Система дуализма была изобрѣтена для осуществленія той же германизаторской и централистской программы. Однако, четырнадцать милліоновъ славянъ этого не желаютъ, одинаково не соглашаясь мириться ни съ германизаціей, ни съ централизаціей. Федеративная Австрія—идеалъ этой очень значительной части населенія. Распадаясь на шесть племенъ (чехи, поляки, малороссы, словинцы, хорваты и сербы), славяне и не могутъ лелѣять другой программы, кромѣ федеративной. Принадлежащіе большею частью къ крестьянскому сословію, малокультурному и еще менѣе того состоятельному, славяне едва ли могли бы разсчитывать на какую бы то ни было замѣтную роль, еслибы не сохранили въ своей средѣ двѣ могущественныя и блестящія аристократіи, стоящія въ непосредственной близости къ трону, именно чешскую аристократію въ Богеміи и польскую въ Галиціи. Соединеніе этихъ могущественныхъ сословій и дало силу славянскому федеративному движенію.

Когда тридцать лѣтъ тому назадъ создавалась въ Австріи система дуализма и проводилась сопровождавшая ее программа гр. Бейста «прижать славянъ къ стѣнѣ», польская аристократія Галиціи являлась однимъ изъ устоевъ этого новаго австрійскаго курса. Польское возстаніе въ Россіи тогда только что окончилось. Польское общество, въ томъ числѣ и галиційское, было еще все полно чувствами, вынесенными изъ этого испытанія. Оно было непримиримо враждебно Россіи и переносило эту вражду и на австрійскихъ славянъ, которые, какъ чехи и сербы, относились къ Россіи сочувственно. За то, съ другой стороны, эта ненависть къ Россіи находила сочувствіе и среди мадъяръ и среди австрійскихъ нѣмцевъ. Эти послѣдніе свою непріязнь къ чехамъ и словинцамъ переносили и на русскихъ, подобно тому, какъ поляки свою вражду къ русскимъ переносили на австрійскихъ славянъ. Такимъ образомъ, естественно, если нѣмцы и мадьяры, смотрѣли на поляковъ Галиціи, какъ на свой вѣрный авангардъ противъ Россіи и какъ на лучшаго союзника въ борьбѣ съ славянскими федералистами. Получивъ нѣкоторую автономію, выдѣленные изъ общей программы прижиманія къ стѣнѣ, обнадеженные въ своихъ патріотическихъ стремленіяхъ, поляки Галиціи являлись опорою и поддержкою системы дуализма.

вѣрные католики, они находили ободреніе и въ Ватиканѣ, гдѣ Пій IX велъ систематическую борьбу съ Россіей.

Сначала такъ же далека была отъ идей федерализма и чешская аристократія Богеміи. Самые знатные и знаменитые роды австрійской аристократіи принадлежатъ Богеміи. Шварценберги, Кауницы, Ностицы, Лобковицы, Виндишгрецы, Бенедеки, наполняющіе своими именами австрійскія хроники, всѣ родомъ отсюда, всѣ члены гордаго и могущественнаго сословія чешскихъ магнатовъ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, многія столѣтія, они окружали тронъ Габсбурговъ, являясь его лучшею опорою. Къ половинѣ настоящаго вѣка они были почти совершенно онѣмечены. Только привычка жить въ своихъ родовыхъ замкахъ заставляла ихъ иногда пользоваться языкомъ предковъ для сношенія съ окружающимъ населеніемъ. Горячее и безпощадное гоненіе, воздвигнутое на чешскій языкъ и говорящее на немъ населеніе дуалистическимъ правительствомъ при гр. Бейстѣ, вызвало въ нѣкоторыхъ изъ нихъ пробужденіе дремавшаго національнаго чувства. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ провинилось это всегда вѣрное правительству чешское населеніе? Что опаснаго или презрѣннаго и въ его языкѣ? Одинъ изъ крупныхъ магнатовъ Богеміи, нынѣ уже покойный гр. Кламъ-Мартиницъ взялъ на себя иниціативу новаго аристократическаго чешскаго движенія. Вмѣсто тогда очень непріятнаго австрійцамъ принципа національности, который лишилъ Австрію итальянскихъ провинцій и выдворилъ изъ Германіи, но на который опирались славянскіе федералисты того времени, чешская аристократія выдвинула ученіе объ историческомъ правѣ. Старочехи послѣдовали за чешскими феодалами по этому пути, а нынѣ и младочехи опираются на тѣ же истлѣвшіе пергаменты. Какъ бы то ни было чешско-аристократическое движеніе все развивалось за это время и теперь вся дѣятельная чешская аристократія не только сама вошла въ федералистское движеніе, но и много посодѣйствовала вступленію въ его ряды и польской аристократіи. Подавленіе полонизма въ Пруссіи помогло этой эволюціи и постепенно обратило австрійскихъ поляковъ отъ нѣмцевъ къ славянамъ. Папа Левъ XIII оказалъ покровительство этому славяно-католическому союзу. Его клерикальный и аристократическій характеръ даровалъ ему сочувствіе нѣмецкихъ клерикаловъ и феодаловъ Австріи. Такимъ образомъ, стали другъ противъ друга два историческихъ теченія: нѣмецкое и славянское, германизаторское и федералистское, либеральное и клерикально-феодальное. Примирить эти два теченія невозможно. Австрія должна выбирать одно изъ нихъ и задача габсбургской политики съумѣть остановиться *на болѣе жизненномъ* и дать ему окончательное торжество. Что можетъ обѣщать въ этомъ смыслѣ новое министерство гр. Туна?

Очень скоро ходъ событій уже отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Гр. Тунъ принадлежитъ къ древнему роду чешскихъ магнатовъ, но со-

вершенно онѣмеченному. Родовыя помѣстья графовъ Туновъ лежатъ въ той части Богеміи, гдѣ и крестьянское населеніе уже чисто нѣмецкое. Не мудрено, если и роднымъ языкомъ графовъ Туновъ служитъ нѣмецкій. Это не помѣшало нынѣшнему министру-президенту примкнуть въ свое время къ программѣ гр. Кламъ-Мартиница о возстановленіи чешскаго историческаго права. Уже въ зрѣломъ возрастѣ графъ научился и чешскому языку. Одно время онъ состоялъ намѣстникомъ Богеміи и тогда вызвалъ тамъ неудовольствіе своими крутыми мѣрами противъ омладинистовъ, которыхъ онъ не всегда отличалъ отъ младочеховъ. Чтобы угодить послѣднимъ, гр. Бадени отозвалъ гр. Туна. Теперь, однако, одинъ изъ младочеховъ, д-ръ Кайцль вступилъ въ кабинетъ гр. Туна вмѣстѣ съ клерикаломъ Кастомъ и либеральнымъ феодаломъ Бернрейтеромъ. Все это слишкомъ пестро, чтобы опереть какія нибудь соображенія. Заключеніе соглашенія съ Венгріей, быть можетъ, и есть главная задача кабинета. Несомнѣнно одно, что, благодаря этому пестрому кабинету, прежнее большинство рейхсрата сохранилось въ цѣлости. Выборъ Фукса (нѣмца-клерикала) предсѣдателемъ рейхсрата указываетъ, что славяне еще идутъ согласно съ нѣмецкими клерикалами. Съ другой стороны, первое же засѣданіе рейхсрата обнаружило, что значительная часть нѣмецкой оппозиціи остается непримиримою. Первая рѣчь гр. Туна не дала никакихъ указаній на его политику. Ближайшее будущее разъяснитъ эти интересные вопросы. Когда эти строки попадутъ на глаза читателю, многое уже выяснится и здѣсь предложенное обозрѣніе явится лишь комментаріемъ къ событіямъ, которыя должны вскорѣ произойти въ Австро-Венгріи и которыя касаются интересовъ и будущности далеко не однихъ только народовъ этой имперіи.

III.

Довольно запутанное и неустойчивое оказывается положеніе и въ другой половинѣ Габсбургской имперіи, именно въ Венгерскомъ королевствѣ. Положеніе здѣсь обрисовывается, однако, нѣсколько въ другомъ свѣтѣ, нежели въ Австріи и неустойчивая неопредѣленность обязана нѣсколько инымъ причинамъ. Національные раздоры и здѣсь волнуютъ общество и націю, но благодаря болѣе полному господству мадьяризма и совершенно беззастѣнчивымъ пріемамъ мадьярскихъ господъ при политической слабости другихъ народностей, ключъ кризиса, переживаемаго Венгріей, лежитъ менѣе въ національныхъ раздорахъ и болѣе въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ.

Страна натуральнаго хозяйства и земледѣльческой культуры, страна крупнаго землевладѣнія и крестьянской аренды, малокультурная и малоимущая, Венгрія попала въ круговоротъ капиталистическаго процесса, отчасти по собственной неосторожности и лег-

комыслію (подобно Италіи и Японіи), отчасти же вслѣдствіе промышленнаго сожительства съ Австріей, страной сильной капиталистической промышленности. Что изъ этого должно было произойти, легко предвидѣть. Обнищаніе населенія и аграрные мятежи, столь характерные для Италіи, Ирландіи, Галиціи и другихъ странъ того же хозяйственнаго строя, должны были стать и составною частью венгерскаго хозяйственнаго развитія. Уже въ 1897 году Венгрія испытала эпидемію мужицкихъ бунтовъ. Съ новою силою эта эпидемія возобновилась въ минувшемъ февралѣ. Въ началѣ этого мѣсяца (въ концѣ января по ст. ст.) вспыхнули безпорядки въ Альфельдѣ. Селеніе это расположено въ Шабольческомъ комитатѣ. Другое селеніе того же комитата (такъ называются главныя административныя единицы въ Венгріи), Караши вошло въ движеніе вслѣдъ затѣмъ. Крестьяне предъявляли притязанія на частновладѣльческую землю, требуя ея перехода въ общинное владѣніе сельскихъ обществъ и распредѣленія между сообщественниками. Въ Карашахъ, гдѣ власти успѣли было арестовать нѣсколькихъ крестьянъ, предполагаемыхъ коноводовъ движенія, все селеніе, около 300 человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ явились требовать ихъ освобожденія. Не располагавшія достаточною вооруженною силою, мѣстныя власти увидѣли себя вынужденными освободить арестованныхъ. Этимъ было избѣгнуто кровопролитіе въ Карашахъ, но это же торжество карашанъ дало новый толчокъ распространенію движенія. Одно за другимъ входили въ движеніе селенія вышеупомянутаго комитата: *Цинеры*, гдѣ владѣльческій замокъ былъ осажденъ вооруженною толпою мѣстныхъ крестьянъ, требовавшихъ земли; *Патахи*, гдѣ мерія, принявшая сторону владѣльца, была взята приступомъ и разрушена; *Клейнварденъ* и *Доги*, гдѣ собравшіеся крестьяне домохозяева открыто постановили о томъ, что приступаютъ къ общему передѣлу земель округа; *Манданъ*, гдѣ произошли столкновенія съ властями и полиціей изъ-за арестованія нѣсколькихъ крестьянъ, пропагандировавшихъ тѣ же идеи. Перепуганные этимъ движеніемъ помѣщики комитата отправили къ президенту министерства, барону Банфи, депутацію, которая просила правительство принять сильныя и энергическія мѣры для подавленія крестьянскаго движенія, направленнаго противъ частной поземельной собственности и угрожающаго, по мнѣнію Шабольческихъ землевладѣльцевъ, самыми серьезными опасностями. Баронъ Банфи обѣщалъ принять необходимыя мѣры и отправить въ охваченный волненіями комитатъ войска для поддержанія властей и полиціи, безсильныхъ противъ многочисленной и вооруженной толпы, озлобленной нищетою и разореніемъ.

Движеніе въ Шабольчѣ скоро послужило и темою для преній въ будапештскомъ парламентѣ. Представитель крупнаго землевладѣнія депутатъ Рогончи потребовалъ отъ правительства энергическихъ мѣръ противъ бунтующихъ мужиковъ и приписывалъ дви-

женіе подстрекательству соціалистовъ. Съ другой стороны, нѣкоторые демократы ссылались на народное разореніе и указывали, что одними репрессивными мѣрами нельзя помочь въ этомъ случаѣ; въ прошломъ году были подобныя же движенія и ихъ подавленіе, даже съ кровопролитіемъ, не предупредило новыхъ подобныхъ же волненій и въ этомъ году; необходимо, стало быть, подумать объ экономическомъ возрожденіи сельскаго населенія. Отъ имени правительства отвѣчалъ ораторамъ правой и лѣвой министръ земледѣлія Дараньи. Онъ отрицалъ связь между прошлогодними волненіями на югѣ королевства и нынѣшними въ Шабольчѣ. Тѣ, прошлогоднія, были вызваны сильною задолженностью крестьянъ, желавшихъ уклониться отъ исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, тогда какъ настоящія волненія направлены противъ частнаго землевладѣнія. Министръ допускаетъ, что здѣсь могло быть вліяніе соціалистической пропаганды. Противъ соціалистской прессы уже приняты необходимыя мѣры, а въ Шабольчъ направлены значительныя военныя подкрѣпленія. Если обстоятельства потребуютъ, правительство не остановится передъ объявленіемъ осаднаго положенія, но можно надѣяться, что достаточно будетъ военной экзекуціи въ бунтующихъ селеніяхъ и деревняхъ. Парламентъ принялъ къ свѣдѣнію заявленія министра. Ему некогда было входить въ подробности и останавливаться на вопросѣ, столь мало имѣющемъ отношенія къ вопросамъ національнымъ и политическимъ, къ которымъ и поспѣшили вернуться представители венгерскаго народа.

Министръ земледѣлія былъ, однако, нѣсколько оптимистиченъ въ своихъ мнѣніяхъ объ ограниченности района распространенія новаго крестьянскаго движенія. Оно скоро вышло изъ границъ комитата Шабольча и разлилось по всей внутренней Венгріи, преимущественно въ средѣ чисто мадьярскаго крестьянскаго населенія, лишь отчасти захвативъ смежныя словацкія селенія. Почти одновременно съ описанными выше безпорядками въ комитатѣ Шабольчѣ произошли такія же волненія и среди крестьянъ комитата Бекеза, откуда движеніе перекинулось въ комитаты Унгеръ, Шанадъ, Шонградъ, Торонталь, Бакша, Бараньи и Пакчъ, охвативъ громадную территорію и большое число селеній. Министръ земледѣлія ошибся и въ другомъ своемъ утвержденіи. Распространяясь, движеніе крестьянское соединило оба требованія, нынѣшнее, впервые заявленное въ Шабольчѣ, объ обращеніи частной земельной собственности въ общественную, и прошлогоднее о сложеніи задолженности. Дѣло въ томъ, что въ Венгріи очень распространенъ среди частныхъ землевладѣльцевъ и ихъ повѣренныхъ обычай нанимать на хозяйственныя работы крестьянъ не тогда, когда наступаетъ время этихъ работъ, а впередъ, выдавая задатки. Пользуясь все растущею крестьянскою нуждою, нѣкоторые владѣльцы понижаютъ условливаемую такимъ способомъ наемную плату до очень низкаго уровня, порою прямо разорительнаго. Непризнанія обязан-

ности отрабатывать по этой пониженной цѣнѣ и требовали крестьяне, волновавшіеся въ 1897 году. То же требованіе предъявили и крестьяне, взбунтовавшіеся въ минувшемъ февралѣ. Возникли волненія едва-ли по подстрекательству соціалистовъ, какъ то думаетъ Рогончи и соглашается Дараньи, но соціалисты, конечно, воспользовались движеніемъ и поспѣшили во взволнованныя мѣстности. Впрочемъ, времени воспользоваться волненіями для пропаганды имъ дано не было. Быстро двинутые славянскіе и нѣмецкіе полки скоро заняли всю охваченную волненіями мѣстность (опасались, что мадьярскіе полки слишкомъ сочувствуютъ бунтующимъ) и реквизиціями, постоями, арестами, а порою и прямо вооруженною силою подавили движеніе, отъ котораго теперь въ Венгріи осталось только горькое воспоминаніе, да новые убытки и потери, новая нужда и лишенія. Говоря о причинахъ этихъ аграрныхъ волненій въ Венгріи, отнюдь не соціалистическая, даже отнюдь не демократическая газета, мюнхенская *Allgemeine Zeitung* прямо указываетъ на безысходное экономическое положеніе венгерскихъ крестьянъ. Собственные надѣлы ихъ недостаточны даже для прокормленія. Они пополняли дефицитъ заработками на частновладѣльческихъ земляхъ. Однако, и Венгрія не была исключеніемъ и земледѣльческій кризисъ охватилъ и ея помѣстныя хозяйства. Это вынуждаетъ помѣщиковъ, съ одной стороны, сокращать хозяйство, тѣмъ оставляя все болѣе значительное количество населенія безъ заработка, а съ другой стороны, всякими правдами и неправдами понижать заработную плату. Противъ послѣдняго направлено было требованіе прошлогодняго мятежа, повтореннаго снова и въ февралѣ настоящаго года; противъ перваго же зла (сокращенія частновладѣльческихъ хозяйствъ) крестьяне выдвинули въ этомъ году новое требованіе, объ отобраніи невоздѣланныхъ земель. Оба требованія несовмѣстимы съ принципами современнаго признаннаго права и правительство Венгріи отвѣтило на нихъ примѣненіемъ вооруженной силы. Какую же программу думаетъ предложить правительство вмѣсто отвергнутой крестьянской? Корреспондентъ упомянутой мюнхенской газеты перечисляетъ нѣкоторыя предпологаемыя мѣропріятія: организація ссудъ крестьянамъ деньгами и зерномъ; содѣйствіе кустарной промышленности; колонизаціонные проекты; поднятіе уровня образованія; урегулированіе долговыхъ отношеній; введеніе нормальныхъ договоровъ найма и аренды; распространеніе на сельскихъ рабочихъ законодательства о городскихъ рабочихъ... Корреспондентъ полагаетъ, однако, что непосредственной нужды мадьярскаго сельскаго люда, уже не обезпеченнаго даже minimum'омъ средствъ существованія, эти мѣропріятія, разсчитанныя на долгій срокъ, не удовлетворятъ.

Бѣдствія постигли и волненія охватили преимущественно коренныя мадьярскія территоріи. Это даетъ надежду, что тѣ во

всякомъ случаѣ важныя мѣропріятія, которыя перечисляетъ цитированный корреспондентъ (важныя, впрочемъ, въ зависимости отъ *содержанія* проектовъ, корреспондентомъ только *названныхъ*), будутъ осуществлены. Они не будутъ безполезны и помогутъ, если не всему венгерскому крестьянству, то значительнымъ по численности его группамъ, всѣмъ тѣмъ, которые еще не настолько обнищали, чтобы не могли ждать. Но и эта помощь будетъ временная, потому что процессъ экономической эволюціи будетъ продолжаться, помѣстное хозяйство будетъ сокращаться, заработная плата понижаться, кустарные промыслы исчезать, а съ тѣмъ вмѣстѣ крестьянство венгерское, которое живетъ лѣтнимъ заработкомъ на помѣстномъ хозяйствѣ и зимнимъ заработкомъ отъ кустарныхъ промысловъ, будетъ лишаться этихъ его единственныхъ средствъ существованія. Только расширеніе его землевладѣнія съ одной стороны, а съ другой обобществленіе его промысловъ, лѣтнихъ и зимнихъ, могло бы явиться программою, способною помѣряться съ гангреною современной экономической эволюціи въ Венгріи. Но объ этой программѣ что то въ Венгріи не слышно. Гораздо больше говорятъ о мѣропріятіяхъ противъ свободы печати, которая будто бы рисуетъ слишкомъ мрачную картину и тѣмъ возбуждаетъ страсти. На эту тему распространялся въ парламентѣ уже выше упомянутый Рогончи, принадлежащій къ правительственной партіи. Ему вторилъ и вождь оппозиціи, Аппоньи. Правительство, однако, отвѣтило, что оно не считаетъ удобнымъ прибѣгать къ гоненіямъ прессы, къ мѣропріятіямъ, «не соотвѣтствующимъ духу XIX вѣка». Правительство, впрочемъ, возбудило нѣсколько судебныхъ преслѣдованій противъ газетъ, особенно рѣзко обсуждавшихъ современное положеніе. Оно такъ же перехватывало на почтѣ произведенія соціалистовъ, направляемыя въ волновавшіяся мѣстности.

Крестьянскіе мятежи на время приковали къ себѣ общественное вниманіе въ Венгріи, обыкновенно поглощенное иными вопросами. Маленькій народъ въ семь милліоновъ душъ, властвующій надъ девятью милліонами душъ другихъ народностей (словаки, хорваты, сербы, румыны, малороссы, нѣмцы, евреи, цыгане), претендующій, однако, на серьезную историческую роль, мадьяры прежде всего жаждутъ претворить подвластныя народности въ мадьяръ. Поэтому мадьяризація не мадьярскихъ народностей является тою основною осью, вокругъ которой вращается внутренняя политика всѣхъ партій и министерствъ. То обстоятельство, что высшее сословіе во всей Венгріи сплошь мадьярское, а среднее большею частью мадьярское и еврейское и лишь незначительною частью нѣмецкое и славянское, даетъ этой программѣ значительную силу и ставитъ двѣ половины дуалистической имперіи совершенно въ разныя условія при выполненіи задачи, условленной въ 1867 году между вождями мадьяровъ и австрійскихъ нѣмцевъ при созданіи ими дуализма. Нѣмцы имѣютъ противъ себя могущественныя аристократіи

Богеміи и Галиціи, богатое среднее сословіе Богеміи и Моравіи, обширную славянскую интеллигенцію, городское славянское рабочее сословіе и многочисленное крестьянство, являющееся надежнымъ резервомъ и опорою передовымъ бойцамъ. Въ Венгріи же только это славянское крестьянство и существуетъ, резервъ безъ главной арміи и вождей. Почти тоже самое и относительно румыновъ. Нѣсколько иное положеніе хорватовъ, но за то они и добились нѣкоторой автономіи.

Обозрѣваемый нами февраль 1898 года обогатился двумя фактами изъ только что упомянутой программы мадъяризаціи. Парламентъ принялъ законъ, по которому всѣ города, селенія и мѣстности, носящія не мадъярскія имена, получаютъ новыя имена мадъярскія, которыя и будутъ впредь обязательными названіями. Одновременно съ этимъ, министерство предложило чиновникамъ не мадъярскаго происхожденія омадъярить свои фамиліи подъ угрозою лишенія мѣста. Эти мѣропріятія вызвали сильное неудовольствіе среди не мадъярскаго населенія. Выразителемъ этихъ чувствъ явился въ будапештскомъ парламентѣ нѣмецъ Мерцль. Надо замѣтить, что еще въ XVIII вѣкѣ значительное число нѣмцевъ переселилось изъ Саксоніи въ Трансильванію, образовавъ здѣсь обширную сѣть благоденствующихъ колоній. Какъ нѣмцы, они считали себя внѣ программы омадъяренія, и довольно равнодушно смотрѣли на мадъяризаторскіе эксперименты, производившіеся надъ ихъ сосѣдями румынами. Теперь, однако, и отъ нихъ потребовали переименованія селеній и перемѣны фамилій. Они рѣшились протестовать. Мерцль и явился ихъ истолкователемъ, но рѣчь его была встрѣчена очень несочувственно, раздались крики: «ступайте въ свою Саксонію!» и палата одобрила и законопроектъ, и правительственныя мѣропріятія, послѣ чего всѣ саксонскіе депутаты (что то около полудесятка) перешли въ оппозицію. Сейчасъ это для мадъярскаго кабинета небольшая потеря, но на будущихъ выборахъ трансильванскіе саксы могутъ оказать существенную поддержку румынской оппозиціи Седмиградіи.

Мы уже упоминали, что хотя національные вопросы и главенствуютъ во внутренней жизни Венгріи, однако преобладаніе мадъяръ такъ прочно, что политическая борьба обращается на другіе вопросы, или, вѣрнѣе, на другой вопросъ, именно на вопросъ объ отношеніи къ Австріи. Не безсильна въ Венгріи партія, желающая совершеннаго обособленія Венгріи, а нѣкоторые даже и отдѣленія. Новѣйшія неурядицы въ Австріи даютъ новую силу этимъ стремленіямъ въ Венгріи, но по этому важному вопросу не произошло въ послѣднее время ничего значительнаго. Скоро, однако, онъ станетъ во весь ростъ и долженъ будетъ рѣшиться въ ту или другую сторону. Тогда, конечно, мы и вернемся къ нему. Первостепенное историческое значеніе этого рѣшенія выясняется этимъ само собою, и такъ какъ оно въ значительной степени зависитъ отъ того слож-

наго ряда внутреннихъ событій Австріи и Венгріи, которыя съ такою напряженностью и тревожною опасностью волновали эти страны въ обозрѣваемый нами періодъ этого года, то мы и остановились на нихъ съ нѣкоторою подробностью, уже не оставляющею сегодня мѣста для другихъ политическихъ вопросовъ этого періода. Изъ нихъ, впрочемъ, насъ могли бы надолго занять только еще опасныя перепитіи китайскаго вопроса и не менѣе тревожное развитіе испанско-американскаго столкновенія. Въ остальномъ мірѣ обозрѣваемый періодъ принесъ мало новаго, почти ничего такого, что выясняло бы направленіе развитія.

Критское дѣло, какъ и другіе турецкіе вопросы, не выяснились. Во Франціи улеглось волненіе, вызванное смѣлою иниціативою Эмиля Зола; правительство продолжаетъ свои проскрипціи противъ сторонниковъ знаменитаго писателя; нація же все болѣе и болѣе поглощена предстоящими черезъ нѣсколько недѣль общими выборами въ палату (по сообщенію газетъ, выборы эти предполагаются 8 мая, т. е. 26 апрѣля по ст. стилю). Въ Германіи этимъ лѣтомъ тоже предстоятъ общіе выборы въ рейхстагъ и страна все менѣе интересуется текущими вопросами и сосредоточивается на предстоящемъ ей случаѣ сказать вѣское слово по вопросу о ближайшемъ направленіи отечественной исторіи. И во Франціи и въ Германіи оппозиціонныя партіи развиваютъ самую энергическую дѣятельность и питаютъ наилучшія надежды. Начинаетъ готовиться къ выборамъ и Америка. Здѣсь въ сентябрѣ предстоятъ выборы въ палату депутатовъ конгресса. Повидимому, снова вопросъ о валютѣ и биметаллизмѣ явится главнымъ нервомъ американской избирательной кампаніи. Изъ другихъ важныхъ политическихъ вопросовъ, постепенно развивающихся въ настоящее время, еще отмѣтимъ шведско-норвежскій конфликтъ. Онъ медленно подвигается къ неизвѣстному рѣшенію. Обѣ стороны упорно стоятъ на своихъ непримиримыхъ точкахъ зрѣнія. Задача короля Оскара въ этомъ случаѣ не легче задачи императора Франца-Іосифа. Колоніальные раздоры между державами, индійскія бѣдствія и внутренняя политика отсрочки всякихъ назрѣвающихъ задачъ наполняли собою остальное содержаніе всемірной исторіи за эти два первые мѣсяца 1898 года. Общій ихъ характеръ мы установили въ первой главѣ этой хроники. Къ частностямъ будемъ возвращаться по мѣрѣ ихъ развитія и выясненія. Немного отраднаго можно ожидать отъ нашихъ наблюденій, но не мало интереснаго и поучительнаго. Политическій кризисъ, столь обострившійся въ Австріи, надвигается и на другія страны, ближайшая задача которыхъ уразумѣть сокровенныя причины кризиса и предупредить его взрывъ въ опасной и неразрѣшимой формѣ. Націонализмъ, милитаризмъ, капитализмъ, такъ называются три фуріи современнаго человѣчества, которому давно пора серьезно подумать объ освобожденіи отъ господства этого тріумвирата историческихъ силъ, столько же разори-

тельныхъ, сколько деморализующихъ. Примѣръ Австріи особенно поучителенъ для значенія націонализма. Въ свое время, другія событія покажутъ намъ съ неменьшею доказательностью другія стороны этой исторической эволюціи, которая нынѣ господствуетъ въ мірѣ...

С. Южаковъ.

Литература и жизнь.

Опроверженіе г. Захарьина-Якунина. — «Что такое искусство?» — статья г. Л. Н. Толстого.—Эстетическіе взгляды Федорова и Эннекена.—Герои и толпа въ искусствѣ.—Четыре художественныя выставки.

Въ февральской книжкѣ «Русскаго Богатства» мы напечатали, на основаніи 139 статьи устава о цензурѣ и печати, «Опроверженіе» г. Захарьина-Якунина. Опроверженія этого рода должны быть напечатаны безъ всякихъ измѣненій въ ближайшемъ номерѣ журнала, на томъ же мѣстѣ и тѣмъ же шрифтомъ, какъ и опровергаемая статья, и безъ всякихъ возраженій въ томъ же номерѣ.

Въ точности исполнивъ всѣ эти требованія закона, мы можемъ теперь, спустя мѣсяцъ, вернуться къ «Опроверженію».

Г. Захарьинъ настаиваетъ почему то на анонимности рецензіи его стихотвореній: «анонимная статья», «анонимный рецензентъ», «анонимный г. критикъ», «г. анонимъ», опять «анонимный рецензентъ» и еще разъ «анонимный рецензентъ». Можетъ быть, это шестикратное, на пространствѣ одной странички, упоминаніе анонимности рецензіи есть дѣло случайности, но мы считаемъ все-таки нужнымъ отмѣтить, что анонимности въ данномъ случаѣ не слѣдуетъ придавать какое нибудь особенное значеніе. Всѣ статьи или, вѣрнѣе, замѣтки, печатающіяся въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала,—анонимны. И это не потому, конечно, чтобы именно въ этомъ отдѣлѣ сотрудники «Русскаго Богатства» имѣли надобность или желаніе прятаться, а просто потому, что размѣры рецензій слишкомъ незначительны и авторы рецензій не придаютъ значенія своему авторству. Если бы рецензентъ нашелъ нужнымъ полнѣе развить свои мысли о поэтическихъ произведеніяхъ г. Захарьина и поэтому рѣзче выразить свою собственную индивидуальность въ болѣе обширной статьѣ, онъ, вѣроятно, подписался бы.

Что касается той части «Опроверженія» г. Захарьина, въ которой содержится дѣйствительно опроверженіе, то нужно пожалѣть, что поэтъ не обратилъ вниманія на одно замѣчаніе рецензента. А именно рецензентъ пишетъ: «Справедливо гордясь тѣмъ, что его

книга выходитъ уже 4-мъ изданіемъ, онъ (г. Захарьинъ) прежде всего сообщаетъ намъ драгоцѣнное библіографо-историческое свѣдѣніе, что первое изданіе появилось въ 83-мъ году, и, къ сожалѣнію, умалчиваетъ почему-то (должно быть, изъ скромности) лишь о количествѣ экземпляровъ всѣхъ 4-хъ изданій». Г. Захарьинъ, какъ видно изъ рецензіи, столь охотно сообщаетъ всякаго рода библіографическія свѣдѣнія, касающіяся его произведеній, что отсутствіе данныхъ о количествѣ изданныхъ экземпляровъ составляетъ даже пробѣлъ, какъ въ предисловіи къ его стихотвореніямъ, такъ и въ «опроверженіи». А еслибы г. Захарьинъ прежде, чѣмъ прибѣгать къ главному управленію по дѣламъ печати для понужденія насъ напечатать его опроверженіе, обратился къ намъ, то мы указали бы ему единственно вѣрный и безспорный способъ «опроверженія», которое и напечатали бы безъ всякаго сторонняго понужденія. Мало вѣроятно, чтобы четыре изданія, изъ которыхъ первое появилось въ 1883 г., а послѣднее въ 1896 г. (13 лѣтъ), были фотографически тождественны. И еслибы г. Захарьинъ показалъ, что въ теченіе 13 лѣтъ онъ прибавилъ къ своимъ «Грезамъ и пѣснямъ» хоть одно, самое незначительное стихотвореніе или, наоборотъ, хоть одно вынулъ изъ перваго изданія; еслибы онъ указалъ на разницу въ форматѣ или шрифтѣ изданій или хоть на одну опечатку, исправленную въ послѣдующихъ изданіяхъ или, наоборотъ, вновь вкравшуюся,—рецензенту оставалось бы только признать, что высказанное имъ подозрѣніе не можетъ относиться къ г. Захарьину.

Въ «Опроверженіи» г. Захарьина есть нѣчто и кромѣ опроверженія. Онъ пишетъ: «Г. анонимный рецензентъ распространился не только о моей книжкѣ, но и обо мнѣ лично—въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Изъ естественнаго чувства деликатности, столь чуждаго самому г. Захарьину»... «Намъ стыдно за него» (за меня то-есть) и т. д.»

На этомъ пунктѣ г. Захарьинъ вовсе не опровергаетъ рецензента, да и какое же тутъ можетъ быть предъявлено опроверженіе? Но г. Захарьинъ не только не опровергаетъ, а и не сообщаетъ, къ чему именно относится «чувство деликатности» и «стыдъ» рецензента. Это обязываетъ насъ возстановить въ памяти читателя соотвѣтственныя мѣста рецензіи, тѣмъ болѣе, что ими затрогивается любопытный общій вопросъ искусства и художественной критики:

«Давно уже не испытывали мы болѣе удручающаго чтенія, какъ чтеніе «Пѣсни о погибшемъ сынѣ». Мы вполнѣ, конечно, вѣримъ тому, что утрата любимаго сына была для г. Захарьина невыносимо тяжкимъ испытаніемъ, и тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе... намъ вчужѣ стыдно за него. Стыдно, что на «базаръ житейской суеты» онъ вынесъ такіе интимные, такіе завѣтные факты и черты своей семейной жизни, чувства и мысли, которыя каждый маломальски чуткій человѣкъ бережно таитъ въ глубинѣ души отъ са-

мыхъ порой близкихъ ему людей. Правда, даже очень крупные поэты, великаны-поэты, нерѣдко намъ описываютъ дѣйствительно пережитыя ими событія и чувства, но какъ они это дѣлаютъ? Какъ *настоящіе* поэты. *Свое личное* они умѣютъ воплощать въ образы *общіе* и тѣмъ дѣлаютъ его для всѣхъ интереснымъ и поэтичнымъ. У г. же Захарьина, какъ мы, надѣемся, успѣли убѣдить читателей, нѣтъ ни искорки поэтическаго таланта. Глубоко трогательный эпизодъ своей жизни онъ описываетъ съ раболѣпною буквальностью, не поступаясь ни одной черточкой, ни одной мелочью, и у читателя получается такое же впечатлѣніе, какъ если бы онъ увидѣлъ какого нибудь почтеннаго знакомаго въ ночномъ колпакѣ и засаленномъ домашнемъ халатѣ».—И далѣе: «Изъ естественнаго чувства деликатности, столь чуждаго самому г. Захарьину, мы пройдемъ молчаніемъ страницы, посвященныя описанію смерти и похоронъ. Повторяемъ, тяжело читать это, тяжело говорить объ этомъ».

Читатель видитъ, что правъ или неправъ нашъ рецензентъ, но его мысли о «стыдѣ» и «чувствѣ деликатности» не имѣютъ ровно никакого отношенія къ предмету «опроверженія» г. Захарьина. Я лично думаю, что рецензентъ во всякомъ случаѣ правъ, утверждая, что «свое личное» г. Захарьинъ не умѣетъ «воплощать въ образы общіе и тѣмъ дѣлать его для всѣхъ интереснымъ и поэтичнымъ», и что у него «нѣтъ ни искорки поэтическаго таланта». Припомнимъ, напримѣръ, разсказъ г. Захарьина о томъ, какъ онъ съ супругой, въ виду болѣзни сына, рѣшили—

Взять доктора для помощи ему
(Хотя прошло уже почти четыре года,
Какъ въ нашемъ домѣ не было врача,
И мы всегда ихъ избѣгали видѣть).
И вотъ вошелъ къ намъ въ домъ съ значкомъ ученымъ,
Дающимъ право убивать людей,
Врачъ неспособный, съ страшнымъ самомнѣньемъ,
Равнявшимся невѣжеству его.
Сталъ шарлатанъ лѣчить. Онъ ежедневно
Прописывалъ различныя лѣкарства—
И ни одно изъ нихъ не помогало!
Затѣмъ мы стали замѣчать болѣзнь
Другую—тифъ вдругъ появился...
Открылось—ужъ потомъ!—что докторъ
Самъ перенесъ къ намъ въ домъ заразу эту:
Имѣлъ онъ двухъ своихъ дѣтей больныхъ—
И развозилъ болѣзнь по паціентамъ...

Далѣе г. Захарьинъ разсказываетъ, какъ «шарлатанъ изслѣдовалъ, стучалъ и слушалъ распаренное тѣльце, снявъ повязки... И мальчикъ былъ простуженъ—началъ кашлять. Болѣзнь въ немъ новая явилась — пневмонія». И т. д., и т. д. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, это поэзія? Конечно, нѣтъ. И не потому только, что форма стихотворенія груба, неуклюжа, а и потому, что за этими прото-

кольными подробностями совершенно скрывается то «общее», что могло бы быть вложено въ подобное стихотвореніе. И г. Захарьинъ самъ, повидимому, чувствовалъ, что въ обнародованіи его «Пѣсни о погибшемъ сынѣ» есть что то не ладное. Онъ писалъ: «Не для чужихъ слагаю пѣсню эту, а только лишь для близкихъ мнѣ людей: для тѣхъ кто зналъ несчастнаго страдальца иль слышалъ о мученіяхъ его». Правда, онъ прибавляетъ: «или для тѣхъ, кто въ жизни потерялъ, подобно мнѣ, возлюбленнаго сына». Но и это расширеніе сферы воздѣйствія «Пѣсни о погибшемъ сынѣ» совершенно незаконно. Можетъ быть тѣ, кто зналъ бѣднаго мальчика (въ семьѣ его звали «Колюхенъ»), и растрогаются стихотвореніемъ, но оно навѣрное не тронетъ вообще людей, имѣвшихъ несчастіе потерять ребенка. Между ними и своимъ горемъ г. Захарьинъ воздвигъ непроницаемую перегородку изъ множества чисто личныхъ чертъ и подробностей. Я не читалъ «Пѣсни о погибшемъ сынѣ», какъ и «Грезъ и пѣсенъ» г. Захарьина вообще, но и того, что приведено нашимъ рецензентомъ достаточно, чтобы судить о характерѣ «Пѣсни», а рецензентъ еще, «изъ естественнаго чувства деликатности», былъ очень умѣренъ. Мы узнаемъ, напримѣръ, что «Колюхенъ» желалъ быть похороненнымъ съ музыкой, что онъ негодовалъ на «этихъ евреевъ», мучившихъ Христа, и боялся позабыть за время болѣзни французскій языкъ:

Какъ *тихо* по французски? какъ *бульваръ*?
Спросилъ онъ мать однажды: я забылъ.

Все это до такой степени лично и такъ всего этого много, что «Пѣсня о погибшемъ сынѣ» заслуживаетъ упрека, по малой мѣрѣ, въ художественной безтактности, которой художнику стыдиться, конечно, слѣдуетъ. Ибо что такое искусство?

«Что такое искусство?»—Такъ называется статья гр. Л. Н. Толстого, появившаяся первоначально въ московскомъ журналѣ философіи и психологіи, а затѣмъ въ отдѣльномъ изданіи («Посредника»). Въ эту минуту у меня въ рукахъ только первый выпускъ этого изданія, но и то, что въ немъ содержится, достойно полнаго вниманія и наводитъ на серьезныя размышленія. Да и какъ могло бы быть иначе? Великій художникъ пишетъ объ искусствѣ!... Да, но къ сожалѣнію огромнаго большинства читателей гр. Толстого, такъ хорошо выраженному въ предсмертномъ письмѣ Тургенева, графъ проклялъ свою прежнюю художественную дѣятельность, хотя и теперь даритъ насъ время отъ времени художественными произведеніями. Объ искусствѣ писалъ онъ и раньше, но это было такъ прямолинейно и не тонко, что и теперь позволительно было бы скептическое отношеніе къ его отвѣту на вопросъ: что такое искусство? Быть можетъ продолженіе статьи и оправдаетъ этотъ скептицизмъ,—за гр. Толстого никогда нельзя поручиться, слишкомъ капризны ходъ его мыслей и смѣна его настроеній,—но

первый выпускъ, во всякомъ случаѣ, содержатъ въ себѣ нѣчто значительное и цѣнное. Нѣкоторая безпорядочность мысли, свойственная вообще философскимъ произведеніямъ гр. Толстого, даетъ себя знать и здѣсь, равно какъ и нѣкоторая излишняя самоувѣренность, не разъ уже ставившая графа въ недостойное его славы положеніе то открывателя открытыхъ Америкъ, то человѣка, презрительно относящагося къ вещамъ, отнюдь презрѣнія не заслуживающимъ. Одна изъ странностей гр. Толстого состоитъ въ увѣренности, что у него нѣтъ предшественниковъ, кромѣ Конфуція, Будды и другихъ, вѣками и тысячелѣтіями отдаленныхъ отъ насъ авторитетовъ. Черта эта проглядываетъ и въ статьѣ «Что такое искусство?» Но на этотъ разъ гр. Толстой далъ себѣ, по крайней мѣрѣ, трудъ просмотрѣть нѣкоторыя книги, касающіяся предмета его статьи, и нашелъ между ними кое что «хорошее», «очень недурное» и даже «очень хорошее». Онъ приводитъ длинный рядъ предложенныхъ разными философами и учеными опредѣленій красоты и искусства. Правда, большинство этихъ опредѣленій онъ беретъ изъ вторыхъ рукъ (изъ книгъ нѣмца Шасслера и англичанина Найте) и даже Шопенгауера, въ которомъ видѣлъ нѣкогда альфу и омегу мудрости, цитируетъ не по подлиннику. Всѣми этими опредѣленіями гр. Толстой болѣе или менѣе недоволенъ и даетъ свое собственное, какъ ему кажется, совершенно новое. Это не совсѣмъ вѣрно. Я не знакомъ со всею обширною литературою предмета, но, какъ читатель увидитъ, въ состояніи буду указать нѣкоторые пробѣлы въ обзорѣ гр. Толстого, пропуски нѣкоторыхъ эстетическихъ взглядовъ, въ которыхъ онъ могъ бы найти поддержку своему отвѣту на вопросъ «что такое искусство?» Но графъ поддержки не любитъ, онъ все самъ... Это не мѣшаетъ однако его отвѣту быть въ высокой степени интереснымъ.

Гр. Толстой начинаетъ съ указанія на то, какое огромное мѣсто въ нашемъ обиходѣ занимаетъ искусство и какихъ оно огромныхъ денегъ стоитъ,—художественныя академіи, выставки, консерваторіи, драматическія школы, театры, романы, повѣсти, стихи. Но не только все это денегъ стоитъ, денегъ и разнообразнаго усиленнаго труда. Гр. Толстой вспоминаетъ, какъ онъ однажды присутствовалъ на репетиціи какой то оперы. «Трудно видѣть болѣе отвратительное зрѣлище», говоритъ онъ. Не говоря о безсмысленности сюжета, его поразила невидная для публики закулисная сторона приготовленій къ спектаклю: начальство—дирижеръ оркестра, режиссеръ мучили актеровъ и музыкантовъ, заставляя ихъ десять разъ повторять недававшіяся имъ движенія и звуки, мучились сами и злобно ругались. «Слова: «ослы, дураки, идіоты, свиньи», обращенныя къ музыкантамъ и пѣвцамъ, я слышалъ въ продолженіе часа разъ сорокъ». «Вся эта гадкая глупость изготовляется не только не съ доброй веселостью, не съ простотой, а со злобой, съ звѣрской жестокостью. Говорятъ, что это дѣлается для искусства, а что искусство есть

очень важное дѣло. Но правда ли, *что это искусство* и *что искусство* есть такое *важное дѣло*, что ему могутъ быть принесены такія жертвы? Вопросъ этотъ особенно важенъ потому, что искусство, ради котораго приносятся въ жертву труды милліоновъ людей и самыя жизни человѣческія *и, главное, любовь между людьми*, это самое искусство становится въ сознаніи людей все болѣе и болѣе чѣмъ то неяснымъ и неопредѣленнымъ... Искусство, поглощающее огромные труды народа и жизней человѣческихъ и *нарушающее любовь между ними*, не только не есть нѣчто ясно и твердо опредѣленное, но понимается такъ разнорѣчиво своими любителями, что трудно сказать, что вообще разумѣется *подъ искусствомъ и въ особенности хорошимъ, полезнымъ искусствомъ*, такимъ, во имя котораго могутъ быть принесены тѣ жертвы, которыя ему приносятся».

Остановимся немного на этихъ словахъ. «Великій писатель русской земли», какъ красиво назвалъ гр. Толстого Тургеневъ, великій, какъ художникъ, какъ тонкій наблюдатель внѣшняго и внутренняго, душевнаго міра и какъ творецъ образовъ и картинъ необычной яркости и силы. Это не мѣшаетъ ему крайне небрежно обращаться съ русскимъ языкомъ. Въ этомъ большой бѣды, конечно, нѣтъ, но иногда небрежность языка является у гр. Толстого отраженіемъ нѣкоторой безпорядочности мысли. Прошу читателя обратить вниманіе на подчеркнутыя въ только что цитированной страницѣ слова: Брань, которою театральное начальство осыпало пѣвцовъ, музыкантовъ, танцовщицъ (мелкую сошку, потому что съ г. Фигнеромъ или съ г-жой Кшесинской такъ не обращаются, конечно), свидѣтельствуетъ, что извѣстный родъ искусства «нарушаетъ любовь между людьми». Это заставляетъ думать, что между театральнымъ начальствомъ и театральной мелкой сошкой была любовь и только вотъ репетиція или вообще театръ «нарушила» этотъ будто бы основной фонъ человѣческихъ отношеній. Въ этомъ позволительно, конечно, сомнѣваться. Далѣе гр. Толстой хочетъ отвѣтить на вопросъ, совершенно ясно и просто поставленный: что такое искусство? Но уже въ самомъ приступѣ къ отвѣту на этотъ вопросъ послѣдній осложняется другими, его затемняющими: есть ли именно опера, изображенная авторомъ въ комическомъ видѣ *) искусство? есть ли искусство (и на этотъ разъ искусство вообще) «важное дѣло?» что слѣдуетъ разумѣть подъ искусствомъ и «въ особенности хорошимъ, полезнымъ искусствомъ»? Сбитые въ одну безпорядочную кучу въ самомъ приступѣ къ дѣлу,

*) Я не привожу этого комическаго описанія шествія людей въ желтыхъ башмакахъ съ фольговыми алебардами на плечахъ, человѣка, „наряженнаго въ какого то турка, который, странно раскрывъ ротъ, пѣлъ: „я невѣсту сопровожд-а-аю", и т. п. Напомню только, что въ четвертой части „Войны и міра" есть подобное же описаніе какой то оперы.

эти вопросы и читателя путають, и заставляють опасаться, что и въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ вплететъ въ свой отвѣтъ на свой же коренной вопросъ много посторонняго, что невыгодно отразится на всей его работѣ. Это и случилось съ гр. Толстымъ. Но въ одномъ мѣстѣ онъ даетъ ничѣмъ не затемненное и по истинѣ превосходное опредѣленіе искусства, которое я и приведу теперь же:

«Вызвать въ себѣ разъ испытанное чувство и, вызвавъ его въ себѣ, посредствомъ движеній, линій, красокъ, звуковъ, образовъ, выраженныхъ словами, передать это чувство такъ, чтобы другіе испытали то же чувство,—въ этомъ состоитъ дѣятельность искусства. Искусство есть дѣятельность человѣческая, состоящая въ томъ, что одинъ человѣкъ сознательно, извѣстными внѣшними знаками передаетъ другимъ испытываемыя имъ чувства, а другіе люди заражаются этими чувствами и переживаютъ ихъ».

Повторяю, это опредѣленіе превосходно и притомъ столь ясно, что если бы гр. Толстой напечаталъ только его, безъ всякой даже аргументаціи, то, повидимому, оставалось бы его лишь приложить къ дѣлу критики... ну хоть «пѣсни о погибшемъ сынѣ» г. Захарьина-Якунина: не смотря на то, что чувства г. Захарьина облечены въ стихотворную форму, его «пѣснь» не заслуживаетъ названія художественнаго произведенія, потому что не способна заразить этими чувствами другихъ; а неспособна потому то и потому то.

Но гр. Толстой не ограничился приведеннымъ опредѣленіемъ. Онъ комментируетъ его. Онъ предпослалъ ему обширное вступленіе, которымъ мы сейчасъ займемся, а впереди насъ ждетъ еще продолженіе статьи, за достоинства котораго есть основанія опасаться.

Въ опредѣленіи искусства мы встрѣчаемъ чрезвычайное разнообразіе у разныхъ мыслителей и ученыхъ, въ томъ числѣ и спеціалистовъ по эстетикѣ. Что же касается «средняго человѣка», то онъ «твердо убѣжденъ въ томъ, что всѣ вопросы искусства очень просто и ясно разрѣшаются признаніемъ красоты содержаніемъ искусства; для средняго человѣка кажется яснымъ и понятнымъ то, что искусство есть производство красоты, и красотою объясняются для него всѣ вопросы искусства». Но если его спросить—что такое сама красота?—то онъ окажется въ затрудненіи отвѣтить. Да и мыслители и ученые опять же очень на этотъ счетъ разногласятъ. Приведя длинный рядъ разныхъ опредѣленій красоты, гр. Толстой раздѣляетъ ихъ на двѣ группы: одни—объективныя опредѣленія, другія—субъективныя. Но затѣмъ оказывается слѣдующее: «Красотой въ смыслѣ субъективномъ мы называемъ то, что доставляетъ намъ извѣстное наслажденіе. Въ объективномъ же смыслѣ красотой мы называемъ нѣчто абсолютно совершенное и признаемъ его таковымъ только потому, что получаемъ отъ проявленія этого абсолютно совершеннаго извѣстнаго рода наслажденіе, такъ что объективное опредѣленіе есть не что иное, какъ только иначе вы-

раженное субъективное. Въ сущности, и то и другое пониманіе красоты сводится къ получаемому нами извѣстнаго рода наслажденію, т. е. что мы признаемъ красотою то, что намъ нравится». Отсюда гр. Толстой заключаетъ, что опредѣленіе искусства должно быть установлено совершенно помимо понятія о красотѣ. Вся существующая эстетика безъ толку бьется около этого пункта. Будь она достойна названія науки, она должна бы была «опредѣлить свойства и законы искусства или прекраснаго, если оно есть содержаніе искусства, или свойство вкуса, если вкусъ рѣшаетъ вопросъ объ искусствѣ и о достоинствѣ его, и потомъ, на основаніи этихъ законовъ, признавать искусствомъ тѣ произведенія, которыя подходятъ подъ эти законы, и откидывать тѣ, которыя не подходятъ подъ нихъ». Но современная эстетика видитъ свою задачу наоборотъ въ томъ, чтобы, «разъ признавъ извѣстныя произведенія хорошими, потому что они намъ нравятся, составить такую теорію искусства, по которой всѣ произведенія, которыя нравятся извѣстному кругу людей, вошли бы въ эту теорію».

Можно удивляться, что, говоря о безуспѣшности построенія теоріи искусства на понятіи красоты и вкуса, гр. Толстой не прибѣгъ къ пріему, очень обычному въ его философскихъ произведеніяхъ. Еслибы можно было опросить всѣ полтора мильярда населенія земного шара, то, конечно, подавляющее его большинство— всѣ эти эскимосы, зулусы, австралійцы, краснокожіе, готентоты, даже китайцы, японцы и проч. не найдутъ красоты ни въ какой нибудь нашей премированной красавицѣ, ни въ перлахъ нашего искусства. Австраліецъ былъ бы оскорбленъ въ своихъ лучшихъ эстетическихъ чувствахъ формой носа Аполлона Бельведерскаго и отсутствіемъ въ его ноздряхъ кольца или палочки, а готентотъ нашелъ бы, что задняя часть тѣла Венеры Милосской должна быть втрое шире. И гр. Толстой могъ бы, по своему обыкновенію, побѣдоносно сказать: $^{9}/_{10}$ (или сколько тамъ) человѣчества съ презрѣніемъ или отвращеніемъ отнесутся къ произведеніямъ Фидія, Рафаэля, Бетховена, Шекспира,—какое же основаніе имѣемъ, $^{1}/_{10}$, горсть такъ называемыхъ цивилизованныхъ людей, выдавать свой вкусъ за единственно правильный?—Аргументъ этотъ, однако, не столь побѣдоносенъ, какъ кажется.

Въ длинномъ спискѣ сочиненій по эстетикѣ, знакомыхъ гр. Толстому изъ первыхъ рукъ или по цитатамъ, нѣтъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыхъ, вполнѣ достойныхъ его вниманія. Боюсь, что такихъ найдется даже не мало. но я могу указать только на два.

Въ 1876 г. вышла Vorschule der Aesthetik знаменитаго Фехнера, одного изъ отцовъ психо-физики, самое имя котораго, казалось бы, должно привлечь къ себѣ вниманіе человѣка, желающаго не только отвѣтить на вопросъ: что такое искусство? но и пересмотрѣть различныя, до него выставленныя эстетическія теоріи. Я, къ сожалѣнію, знаю только первую часть сочиненія Фехнера, но и то, что

въ этой первой части содержится, представляетъ нѣчто для насъ поучительное. Въ предисловіи Фехнеръ «отказывается отъ попытки установить понятіе объективной сущности Прекраснаго и развить изъ него эстетическую систему». Центръ тяжести его работы лежитъ «болѣе въ законахъ вкуса (des Gefallens), чѣмъ въ логическихъ выводахъ изъ опредѣленія Красоты», онъ «замѣняетъ идею такъ называемаго объективно Прекраснаго идеею того, что *должно* нравиться въ связи съ идеей Блага». Фехнеръ оговаривается, что его задача не исчерпываетъ всей области эстетики, а что значитъ подчеркнутое слово «*должно*», видно изъ слѣдующаго. На стр. 16 читаемъ: «Одинъ можетъ находить прекраснымъ то, что другой исключаетъ изъ области прекраснаго. Но не все то, что нравится, *должно* нравиться. Есть не только законы, которыми фактически управляются различные вкусы, но и законы въ смыслѣ предписаній (Foderungsgesetze), правила хорошаго вкуса и вытекающія изъ нихъ правила воспитанія вкуса, которыя не находятся въ противорѣчіи съ первыми, а лишь опредѣляютъ ихъ цѣнность». Фехнеръ говоритъ, что онъ вовсе не считаетъ возможнымъ найти принципъ, съ точки зрѣнія котораго разрѣшались бы *всѣ* споры, основанные на различіи вкусовъ, но, говоритъ онъ, направленіе, въ которомъ подобные споры слѣдуетъ вести, указать можно. Еслибы гр. Толстой не обошелъ книги Фехнера, онъ, можетъ быть, не сказалъ бы съ такою увѣренностью, что «объясненія того, почему одно нравится одному и не нравится другому, и наоборотъ, нѣтъ и не можетъ быть» (стр. 38 изданія «Посредника»). У Фехнера онъ нашелъ бы многія высоко интересныя указанія именно въ томъ смыслѣ, что «законы вкуса» могутъ и должны быть установлены. Не очень, надо думать, презрительно отнесся бы гр. Толстой и къ той высшей инстанціи, въ которую Фехнеръ предлагаетъ передавать споры о вкусахъ. По мнѣнію Фехнера, принципъ этой инстанціи очень простъ, почти до очевидности, и только примѣненіе его часто очень трудно. Дѣло, говоритъ онъ, идетъ не объ томъ, нравится ли вамъ что нибудь или не нравится, то-есть даетъ или не даетъ непосредственное наслажденіе,—это фактъ вкуса,—а объ томъ, *хорошо* ли, что это вамъ нравится, а то не нравится, то есть соотвѣтствуетъ ли вашъ вкусъ благу, счастію человѣчества (256). Таковъ общій принципъ и, повторяю, Фехнеръ очень хорошо понимаетъ трудность его практическаго примѣненія къ отдѣльнымъ конкретнымъ случаямъ споровъ о вкусахъ. Съ другой стороны, однако, вкусы не такъ ужъ капризны, какъ кажется, въ особенности, когда они захватываютъ болѣе или менѣе значительное число людей. Напримѣръ, нашимъ предкамъ нравились огромные парики, на нашъ теперешній вкусъ нелѣпые и безобразные. Говорятъ, что эта мода возникла изъ желанія плѣшиваго короля скрыть свою лысину. Еслибы парикъ надѣлъ какой нибудь мужикъ, то никто не обратилъ бы на это вниманія и во всякомъ случаѣ не стали бы подражать ему, а тутъ случилось иное.

Сначала придворные люди стали подражать просто изъ лести, не видя въ чудовищномъ парикѣ ничего хорошаго; но постепенно къ этому дикому украшенію люди привыкли, а затѣмъ съ нимъ ассоціировалось представленіе знатности, могущества, величія, и въ связи съ этимъ люди вошли во вкусъ париковъ, парики стали нравиться. Такимъ же образомъ объясняется то, что китайцамъ нравятся уродливо маленькія ноги женщинъ, толстые животы мужчинъ, длинные ногти мандариновъ. Толстыми брюхами китайцы надѣляютъ даже своихъ боговъ, какъ идеальной формой тѣла, и если китайцу показать статую Аполлона Бельведерскаго, то онъ найдетъ, что это какой то несчастный и безобразный проходимецъ весьма низкаго происхожденія, который не имѣетъ возможности жить въ свое удовольствіе и долженъ много бѣгать. Такимъ образомъ вкусъ, хотя бы на первый взглядъ и самый капризный, не есть что нибудь, выскакивающее изъ цѣпи причинъ и слѣдствій и изъ общей связи явленій общественной и личной жизни. Онъ возникаетъ и исчезаетъ, измѣняется подъ вліяніемъ вполнѣ опредѣленныхъ, хотя иногда трудно уловимыхъ условій. Вкусы европейца и китайца, человѣка XV и человѣка XIX столѣтія, нѣмецкаго барона и нѣмецкаго крестьянина всѣ одинаково законны въ смыслѣ законности ихъ происхожденія при извѣстныхъ условіяхъ и въ томъ смыслѣ, что ими люди непосредственно жили или живутъ: кольцо въ носу новозеландца доставляетъ ему такое же эстетическое удовольствіе, какъ видъ толстаго брюха китайцу, какъ извѣстные костюмы намъ и т. д. Изъ этой своего рода равноцѣнности и безспорности всѣхъ вкусовъ не слѣдуетъ, однако, что нѣтъ мѣрила достоинства вкусовъ, надо только его искать гдѣ нибудь внѣ сферы самихъ вкусовъ. И мы можемъ смѣло осуждать вкусы, напримѣръ, китайцевъ, такъ какъ слишкомъ маленькія ноги, толстые брюхи, непомѣрно длинные ногти подлежатъ осужденію съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ несомнѣнныхъ благъ, хотя бы здоровья. Конечно, эти блага, составляющія высшую инстанцію для оцѣнки вкусовъ, не всегда столь несомнѣнны и въ свою очередь подлежатъ расцѣнкѣ, но это уже другой вопросъ. А такъ какъ въ число условій, опредѣляющихъ вкусы данной эпохи, даннаго народа или класса, входятъ воспитаніе и общественное мнѣніе, то возможна не только оцѣнка вкусовъ, а и исправленіе ихъ, направленіе ихъ въ «хорошую» сторону. Та агитація, которая нынѣ ведется по поводу корсетовъ и другихъ подробностей дамскаго туалета, если реформа женскихъ костюмовъ осуществится, послужитъ нагляднымъ примѣромъ того, какъ, по совсѣмъ не эстетическимъ мотивамъ здоровья, удобства и проч., измѣняются вкусы: по всей вѣроятности нарождающимся поколѣніямъ будутъ нравиться совсѣмъ не тѣ женскіе облики, какіе нравятся намъ. Въ всякомъ случаѣ Фехнеръ, рекомендуя чрезвычайную осторожность въ оцѣнкѣ различныхъ вкусовъ, всетаки считаетъ себя вправѣ сказать, что «вкусъ цѣлыхъ

эпохъ и націй можетъ быть признанъ въ томъ или другомъ отношеніи дурнымъ, и всеобщность вкуса въ данную эпоху или въ данной націи еще не рѣшаетъ вопроса о его достоинствѣ» (261).

Это послѣднее гр. Толстой знаетъ. Протестуя противъ «художественнаго канона», въ который эстетики включаютъ то, что имъ нравится, и отметаютъ то, что имъ не нравится, онъ замѣчаетъ: «Какъ будто никогда не было въ исторіи эпохъ, въ которыя въ извѣстныхъ, исключительныхъ кругахъ людей не было принимаемо и одобряемо ложное, безобразное, безсмысленное искусство, не оставивши никакихъ слѣдовъ и совершенно забытое впослѣдствіи». Разница однако между Фехнеромъ и гр. Толстымъ, на что у перваго мы видимъ основанія, по которымъ онъ можетъ или, по крайней мѣрѣ, хочетъ различать хорошіе и дурные вкусы (вмѣсто Geschmack Фехнеръ часто говоритъ Gefallen und Missfallen, что нравится и не нравится); гр. же Толстой такихъ основаній не даетъ.

Вернемся къ его вышеприведенному превосходному, но требующему дополненій опредѣленію искусства. Подходитъ онъ къ нему слѣдующимъ образомъ. «Для того, чтобы точно опредѣлить искусство, надо прежде всего перестать смотрѣть на него, какъ на средство наслажденія, а разсматривать искусство, какъ одно изъ условій человѣческой жизни. Разсматривая же такъ искусство, мы не можемъ не увидѣть, что искусство есть одно изъ средствъ общенія людей между собой. Всякое произведеніе искусства дѣлаетъ то, что воспринимающій вступаетъ въ извѣстнаго рода общеніе съ производившимъ или производящимъ искусство и со всѣми тѣми, которые одновременно съ нимъ прежде или послѣ его восприняли или воспримутъ то же художественное впечатлѣніе... Дѣятельность искусства основана на томъ, что человѣкъ, воспринимая слухомъ или зрѣніемъ выраженія чувства другого человѣка, способенъ испытывать тоже самое чувство, которое испыталъ человѣкъ, выражающій свое чувство». Дѣятельность искусства основана «на способности людей заражаться чувствами другихъ людей». Но, «если человѣкъ заражаетъ другого и другихъ прямо, непосредственно своимъ видомъ или производимыми имъ звуками въ ту самую минуту, какъ онъ испытываетъ чувство, заставляетъ другого человѣка зѣвать, когда ему самому зѣвается, или смѣяться, или плакать, когда самъ чему либо смѣется или плачетъ, или страдаетъ, то это еще не есть искусство. Искусство начинается тогда, когда человѣкъ съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его». Чувства самыя разнообразныя, очень сильныя и очень слабыя, очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя составляютъ предметъ искусства». Затѣмъ слѣдуетъ окончательное опредѣленіе искусства, которое гр. Толстой печатаетъ курсивомъ, дабы сосредоточить на немъ наше вниманіе. Я уже привелъ его

выше, но рекомендую читателю вновь внимательно перечитать его,—оно стоитъ того, чтобы въ него вдуматься. Мы имѣемъ здѣсь ясную, точную формулу, не оставляющую мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Но непосредственно вслѣдъ за этой формулой встрѣчаемъ такую фразу: искусство не есть то-то или то-то (перечисляются различныя опредѣленія) «главное—не есть наслажденіе, а есть необходимое для жизни и для движенія *къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества* средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ» (46). Откуда взялась эта прибавка? Она отнюдь не вытекаетъ изъ формулы. Авторъ вѣдь только что пояснилъ намъ, что «чувства самыя разнообразныя, *очень значительныя и очень ничтожныя, очень дурныя и очень хорошія*, если только они заражаютъ читателя, зрителя, слушателя, составляютъ предметъ искусства». Въ самомъ дѣлѣ, французскіе психіатры Legrand-de-Saulle «La folie devant les tribunaux», Despine «De la contagion morale», Aubry «La contagion de meurtre» не разъ съ особенною настойчивостью указывали на вредное дѣйствіе бульварныхъ романовъ и соотвѣтственныхъ драматическихъ представленій, въ которыхъ изображаются кровавыя убійства, отравленія и т. п. Вредное ихъ дѣйствіе состоитъ въ томъ, какъ это фактически доказано, что они заражаютъ зрителей и читателей и наталкиваютъ, «наводятъ» кое кого изъ нихъ прямо на преступленія. По точному смыслу формулы гр. Толстого, эти бульварные романы и драмы суть произведенія искусства, да и едва ли кто откажетъ имъ въ этомъ титулѣ, какъ бы низко мы ихъ ни цѣнили; но, ужъ конечно, никто не увидитъ въ нихъ представителей «необходимаго для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средства общенія людей, соединяющаго ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ». А между тѣмъ выкинуть ихъ за бортъ корабля искусства мы, на основаніи формулы гр. Толстого, не имѣемъ никакого права. Формула эта уравниваетъ всѣ произведенія искусства ихъ сознательною заразительностью, и если допускаетъ мѣрило совершенства, то исключительно количественное? Мы видѣли, что, по мнѣнію гр. Толстого, цѣлыя эпохи можетъ господствовать «ложное, безобразное, безсмысленное искусство, не оставившее никакихъ слѣдовъ и совершенно забытое впослѣдствіи». Эпитеты «ложное, безобразное, безсмысленное»—совершенно неумѣстны съ точки зрѣнія формулы гр. Толстого, объединяющей всѣ произведенія искусства единственнымъ признакомъ—заразительностью. И если онъ тѣ или другія художественныя произведенія называетъ безсмысленными и безобразными, то дѣлаетъ эту оцѣнку на основаніи какихъ то другихъ принциповъ, намъ неизвѣстныхъ, быть можетъ просто потому, что эти произведенія ему «не нравятся», а вѣдь онъ это мѣрило рѣшительно отвергъ. Другое дѣло, если произведенія искусства «не оставили никакихъ слѣдовъ и совершенно забыты впослѣдствіи»... Но это уже мѣрило только количественное: одни художественныя произве-

денія «заражаютъ» большее количество читателей, зрителей, слушателей, другія—меньшее, одни—только современниковъ, другія оказываютъ свое заразительное дѣйствіе цѣлые вѣка. Указаній на возможность какихъ бы то ни было другихъ критеріевъ для расцѣнки произведеній искусства—нѣтъ въ формулѣ гр. Толстого. Онъ ихъ долженъ искать гдѣ нибудь внѣ этой формулы и по всей вѣроятности будетъ искать ихъ тамъ же, гдѣ нашелъ ихъ Фехнеръ. Да онъ уже и теперь идетъ по слѣдамъ Фехнера. Тотъ видитъ высшую инстанцію для разбора споровъ о вкусахъ въ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи ихъ «благу, счастію человѣчества», гр. же Толстой указываетъ, хотя и не послѣдовательно, на «благо отдѣльнаго человѣка и человѣчества», какъ на рѣшающій моментъ въ опредѣленіи достоинства художественнаго произведенія.

Фехнеръ, говоря объ томъ, какъ складываются вкусы, упоминаетъ о психической заразѣ, но дѣлаетъ это мимоходомъ, а въ одномъ мѣстѣ говоритъ даже, что это явленіе не имѣетъ большого значенія для предмета его книги. Статья гр. Толстого показываетъ, напротивъ, какое огромное значеніе имѣетъ психическая заразительность въ вопросахъ искусства. Вполнѣ признавая заслугу нашего великаго художника, надо однако замѣтить, что онъ не первый обратилъ вниманіе на эту въ высшей степени важную сторону дѣла, и не совсѣмъ правъ, утверждая, что доселѣ никѣмъ ничего не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Не говоря объ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, мимоходомъ высказываемыхъ въ разныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ общему вопросу о психической заразѣ, подражаніи и проч. (я обратилъ бы вниманіе заинтересованнаго читателя, напримѣръ, на главы объ искусствѣ въ книгѣ Рамбоссона Phénoménes nerveux intellectuels et moraux, leur transmission par contagion, 1883), я укажу на одно спеціально эстетическое сочиненіе, основные принципы котораго весьма близки къ нѣкоторымъ пунктамъ статьи гр. Толстого, а вмѣстѣ съ тѣмъ примыкаютъ и къ изложенному взгляду Фехнера. Говорю о книгѣ Эннекена (Hennequin, La critique scientifique, 1888; если не ошибаюсь, есть русскій переводъ). Мы сейчасъ къ ней обратимся, а теперь попробуемъ поближе присмотрѣться, какъ къ самой формулѣ гр. Толстого, такъ и къ тѣмъ комментаріямъ, которыми онъ ее сопровождаетъ.

Искусство не есть то-то, не есть и то-то, а «главное—не есть наслажденіе». Не будемъ придираться къ неточности этой фразы и будемъ въ ней видѣть лишь выраженіе желанія если не совсѣмъ упразднить, то умалить роль наслажденія въ искусствѣ. И дѣйствительно, въ формулѣ гр. Толстого нѣтъ и помину о наслажденіи, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы, развертывая эту формулу для истолкованія конкретныхъ фактовъ, мы не встрѣтились съ наслажденіемъ. Гр. Толстой думаетъ, что люди, «считающіе цѣлью искусства наслажденіе», подобны дикарямъ, для которыхъ «цѣль и назначеніе пищи въ наслажденіи, получаемомъ отъ при-

нятія ея». Разумѣется, «цѣль и назначеніе» пищи не въ наслажденіи, а въ поддержкѣ организма, но наслажденіе есть несомнѣнно проводникъ къ этой цѣли, притомъ наслажденіе двоякое: во первыхъ, вкусовое,—даже вегетаріанцы, издавая свои кулинарныя руководства, указываютъ, что рекомендуемая ими пища, кромѣ всего прочаго, вкусна, если ее приготовить такъ-то и такъ-то; во вторыхъ, наслажденіе удовлетворяемой потребности. Еслибы можно было себѣ представить организмъ, не знающій, по крайней мѣрѣ, этого послѣдняго наслажденія, то онъ во всякомъ случаѣ не долго прожилъ бы, какъ не долго просуществовалъ бы родъ человѣческій, еслибы, по какимъ-нибудь причинамъ, исчезло наслажденіе полового акта. Точно также и въ искусствѣ. Формула гр. Толстого совершенно вѣрна, но дѣло въ томъ, что проводникомъ заразительности художественныхъ произведеній является всетаки наслажденіе, и опять таки двоякое: во первыхъ, эстетическое, а во вторыхъ то особое, очень сложное, часто жуткое и граничащее со страданіемъ наслажденіе, которое мы испытываемъ, сочувственно переживая чужую жизнь или какіе-нибудь отдѣльные ея моменты. Эстетика экспериментальной психо-физической школы указываетъ на извѣстныя сочетанія линій, красокъ, звуковъ, эстетическая оцѣнка которыхъ заложена въ устройствѣ нашей нервной системы и органовъ чувствъ. Насъ физіологически отталкиваютъ одни изъ этихъ сочетаній и привлекаютъ другія. И это, конечно, одно изъ условій, съ которыми художественное произведеніе должно считаться при преслѣдованіи цѣли, указываемой гр. Толстымъ. Оно не достигнетъ этой цѣли, не заразитъ слушателей, зрителей, читателей, не проведя ихъ черезъ этотъ, если позволительно такъ выразиться, эстетическій корридоръ. Извѣстно, что въ далекой древности не только поэзія, подходящая подъ формулу гр. Толстого, какъ и всякое другое искусство, а и законодательство, и правила морали, и практическія руководства по разнымъ отраслямъ дѣятельности излагались ритмической и отчасти даже риѳмованной рѣчью, остатки чего мы и нынѣ видимъ въ пословицахъ. Но съ теченіемъ времени ритмъ и риѳма, то есть извѣстныя эстетически дѣйствующія сочетанія звуковъ, оказались нужными только для поэзіи, именно потому, что они составляютъ условія, облегчающія зараженіе читателя и слушателя извѣстными чувствами. Законодательства, правила морали, практическія руководства сами по себѣ, въ этихъ формахъ не нуждаются, такъ какъ они нѣчто предписываютъ, дѣйствуютъ на волю преимущественно чрезъ посредство разума, а не непосредственно заражаютъ чувствами.

Въ маленькомъ этюдѣ Спенсера о «граціозности» кратко, но ясно указаны физіологическія условія того наслажденія, которое мы испытываемъ при видѣ граціозныхъ тѣлодвиженій и позъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ эстетическими условіями заразы, мы имѣемъ уже и самую заразу: мы безсознательно переживаемъ ту пріятную лег-

кость, съ которою искусный танцоръ или конькобѣжецъ совершаетъ извѣстныя движенія, и отраженнымъ образомъ сами испытываемъ эту пріятную легкость. Но это случай очень элементарный и именно по своей элементарности мало что объясняющій въ задачахъ искусства. Хорошо исполненное живописное изображеніе, напримѣръ, человѣка, наслаждающагося отдыхомъ, или счастливой пары влюбленныхъ и т. п., конечно, можетъ возбудить пріятное чувство, которымъ и хотѣлъ художникъ заразить зрителя. Это не удивительно. Но какъ уживается художественное наслажденіе рядомъ съ отрицательными чувствами страданія, ужаса, отвращенія, негодованія, которыми заражаютъ насъ художники слова, кисти, рѣзца, звука? Это очень сложный и спорный вопросъ, который я не думаю разрѣшать. Я хотѣлъ бы лишь подойти къ нему съ точки зрѣнія формулы гр. Толстого.

Помните знаменитый монологъ Гамлета:

Не дивно-ли: актеръ, при тѣни страсти,
При вымыслѣ пустомъ, былъ въ состояньи
Своимъ мечтамъ всю душу покорить;
Его лицо отъ силы ихъ блѣднѣетъ;
Въ глазахъ слеза дрожитъ и млѣетъ голосъ,
Въ чертахъ лица отчаянье и ужасъ
И весь составъ его покоренъ мысли.
И все изъ ничего—изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ, что она ему?
Что плачетъ онъ о ней? О, еслибъ онъ,
Какъ я, владѣлъ порывомъ къ страсти,
Чтобъ сдѣлалъ онъ? Онъ потопилъ бы сцену
Въ своихъ слезахъ и страшными словами
Народный слухъ бы поразилъ, преступныхъ
Въ безумство бы повергъ, невинныхъ въ ужасъ,
Незнающихъ привелъ бы онъ въ смятенье,
Исторгъ бы силу изъ очей и слуха.

Гамлетъ ошибается, думая, что ему недостаетъ только силы характера и мужества («А я? презрѣный, малодушный рабъ»... «Я голубь мужествомъ») для того, чтобы сказать потрясающее «слово за короля, надъ чьимъ вѣнцомъ и жизнью совершено проклятое злодѣйство». Ему для этого недостаетъ художественнаго дарованія. И въ томъ же монологѣ, рѣшаясь приступить «къ дѣлу», онъ начинаетъ съ обращенія къ помощи актеровъ же:

Гм! слышалъ я, не разъ преступныхъ душу
Такъ глубоко искусство поражало,
Когда они глядѣли на актеровъ,
Что признавалися они въ злодѣйствахъ.

Поэтъ, изобразившій страданія Гекубы, и актеръ, усугубившій это изображеніе своей декламаціей, переживали скорбь жены убитаго Пріама, и хотя это была отраженная скорбь, но такъ какъ актеръ «своимъ мечтамъ всю душу покорилъ» и «весь составъ его покоренъ мысли», то скорбь получаетъ у него даже физиче-

ское выраженіе настоящей, неподдѣльной блѣдности лица, подлинныхъ, неподдѣльныхъ слезъ и проч.; и хотя, далѣе, онъ переживаетъ скорбь, но въ самомъ фактѣ этого переживанія и этой передачи зрителямъ и слушателямъ — испытываетъ нѣкоторое своеобразное наслажденіе. То же самое происходитъ и со зрителями и слушателями, которымъ поэтъ и актеръ внушаютъ скорбныя чувства, заражаютъ ихъ скорбью: скорбь отраженная, но несомнѣнная; переживается скорбь, но вмѣстѣ съ тѣмъ получается наслажденіе. Тоже и въ другихъ искусствахъ, съ тою лишь разницей, что собственно въ драматическомъ искусствѣ эффектъ усиливается еще всѣмъ видомъ театральнаго зала, всею совокупностью сочувствующихъ, сострадающихъ, сорадующихся зрителей; этимъ облегчается процессъ психической заразы. Кто не испытывалъ мучительнаго наслажденія при чтеніи большинства произведеній Достоевскаго? Силою своего жестокаго таланта этотъ человѣкъ заставляетъ насъ переживать ужаснѣйшія, мучительнѣйшія положенія, и однако мы испытываемъ при этомъ наслажденіе. Самъ Достоевскій объяснилъ бы эту странную двойственность своими извѣстными двумя афоризмами: «человѣкъ деспотъ отъ природы и *любитъ* быть мучителемъ», «человѣкъ до страсти *любитъ* страданіе». Это однако ничего не объясняетъ, ибо мы знаетъ, что есть художники, вдохновляющіеся свѣтлыми, радостными, веселыми образами и картинами и внушающіе намъ соотвѣтственныя чувства. Очевидно, объясненіе, чтобы быть правильнымъ, исчерпывающимъ, должно охватить и эти, очень многочисленные случаи. Это разъ. А во вторыхъ, и самые афоризмы Достоевскаго, въ такой общей формѣ, суть несомнѣнно плоды больного сердца и эксцентрическаго ума. Безспорно есть люди, испытывающіе наслажденіе при видѣ чужого страданія, наслажденіе самодовлѣющее, чуждое мотивовъ мести, личной злобы и т. п. Но это—единицы, исключенія, подлежащія вѣдѣнію психіатріи. Есть и люди, жаждущіе страданій, но это или опять таки психіатрическіе субъекты, или же страданіе для нихъ является средствомъ потушить еще большія страданія, причиняемыя имъ, напримѣръ, чувствомъ грѣховности. Вообще же говоря, человѣкъ ищетъ наслажденія и бѣжитъ страданія. Надо только помнить сложность человѣческой души, сложность ея реагированія на явленія жизни,—жизни и искусства.

Спрашивается, какое же такое наслажденіе манитъ насъ перечитывать мучительнѣйшія страницы Достоевскаго, слушать похоронный маршъ или горькую пѣснь «надгробнаго рыданія», смотрѣть, какъ надрываются «бурлаки» на картинѣ Рѣпина или какъ готовятся къ казни «стрѣльцы» на картинѣ Сурикова, присутствовать при перевоплощеніи страданій Дездемоны или Гекубы? И что тянетъ самихъ художниковъ къ переживанію всѣхъ этихъ скорбей, мученій, страданій? Я не говорю теперь о физіологическихъ условіяхъ, въ силу которыхъ извѣстныя сочетанія линій, звуковъ,

красокъ, свѣта и тѣни ласкаютъ наши нервы и органы слуха и зрѣнія. Есть очевидно еще нѣчто, чарующее насъ въ приведенныхъ случаяхъ. Что же это такое? Гекуба страдала, а поэтъ и актеръ, вдохновляющіеся этимъ страданіемъ, наслаждаются перевоплощеніемъ этого страданія; страдаютъ, мучаются собственнымъ мученіемъ они, напротивъ, тогда, если имъ, по ихъ убѣжденію, не удалось достаточно ярко выразить страданіе Гекубы, достаточно проникнуться имъ. Зритель, слушатель, читатель тоже переживаютъ скорбь Гекубы, наслаждаются перевоплощеніемъ этого страданія и, наоборотъ, если не страдаютъ, то по крайней мѣрѣ испытываютъ непріятное чувство, если художникъ не достаточно полно и ярко выразилъ страданіе.

Мы никогда не выйдемъ изъ этого противорѣчія, если не признаемъ, что переживаніе чужой жизни, чужого настроенія, какъ бы всасываніе его въ себя *можетъ* само по себѣ быть наслажденіемъ, которое и лежитъ въ основѣ искусства, какъ для художника, такъ и для зрителя, слушателя, читателя. Я подчеркнулъ слово «*можетъ* быть наслажденіемъ». Сила психической заразительности сказывается во множествѣ явленій, какъ обыденной личной, такъ и общественной жизни. Особенность ея въ искусствѣ точно опредѣляется формулой гр. Толстого, но еще лучше однимъ изъ его комментаріевъ къ ней: «если человѣкъ заражаетъ другого или другихъ прямо, непосредственно своимъ видомъ или производимыми имъ звуками въ ту самую минуту, какъ онъ испытываетъ чувство... то это еще не есть искусство; искусство начинается тогда, когда человѣкъ, съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство, снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его». Но здѣсь то и важенъ тотъ элементъ наслажденія, отъ котораго гр. Толстой хочетъ отгородить искусство. Въ жизни дѣйствительной мы радуемся чужой радости и сострадаемъ чужому страданію (вообще говоря, то есть, при отсутствіи встрѣчныхъ мотивовъ зависти, мести и проч.), именно потому, что заражаемся этими настроеніями и испытываемъ сами наслажденіе или же страданіе. Видъ страданій Гекубы въ дѣйствительной жизни и переживаніе ихъ наслажденія не даютъ. Напротивъ, мы испытываемъ при этомъ только большее или меньшее страданіе, которое и стремимся такъ или иначе прекратить: или просто отходимъ, чтобы не видѣть страданія, или стараемся лаской, сочувствіемъ утѣшить, или, если это возможно, удалить самую причину страданія. Не то въ искусствѣ. Въ театрѣ мы любуемся, наслаждаемся видомъ мастерского переживанія чужихъ страданій и страдаемъ, если актеръ дѣлаетъ это дурно, если онъ нарушаетъ цѣльность скорбящаго образа какимъ нибудь, напримѣръ, комическимъ штрихомъ, который самъ по себѣ могъ бы насъ заставить улыбнуться. Сами мы не играемъ роли, но настолько полно переживаемъ изображаемую на сценѣ жизнь, что неловкій штрихъ насъ коробитъ.

Иллюзія должна быть полная, но это всетаки иллюзія, иначе мы или бросились бы между Отелло и Дездемоной, чтобы предупредить убійство, или убѣжали бы изъ театра, чтобы не быть свидѣтелемъ его. Нѣчто въ этомъ родѣ, впрочемъ, бываетъ. Есть люди очень наивные или очень нервные, для которыхъ произведеніе искусства и соотвѣтственное житейское явленіе сливаются въ одно цѣлое, и тогда искусство болѣе или менѣе перестаетъ быть для нихъ источникомъ наслажденія въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетъ произведенія окрашенъ скорбью, страданіемъ, ужасомъ. Извѣстно, что простые люди часто вмѣшиваются въ ходъ дѣйствія драмы: громогласно указываютъ, напримѣръ, герою, гдѣ спрятался злодѣй, или выражаютъ аплодисментами одобреніе не игрѣ актера, то есть не искусству, а благороднымъ чувствамъ или удачно исполненной хитрости и т. п. Это именно потому, что граница между жизнью и искусствомъ для нихъ затушевывается. Это тоже переживаніе чужой жизни и психическая зараза, но скорбь въ этихъ случаяхъ только скорбь, только страданіе, почти не осложненное художественнымъ наслажденіемъ. Вотъ почему такъ часто дѣти, а иногда и взрослые, не любятъ читать «печальныя исторіи», хотя бы и въ высокой степени художественно изложенныя.

Сила искусства есть сама по себѣ сила стихійная, не вѣдающая ни добра, ни зла. Гр. Толстой ошибается, утверждая, что искусство «не есть наслажденіе, а есть необходимое для жизни и для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія людей, соединяющее ихъ въ однихъ и тѣхъ же чувствахъ». Искусство не есть наслажденіе,—эти два понятія не покрываютъ другъ друга; однако наслажденіе есть необходимое условіе искусства. Но искусство и не *есть* «необходимое для движенія къ благу отдѣльнаго человѣка и человѣчества средство общенія». Что оно таковымъ *должно быть*, что это желательно, это другой вопросъ. Это вопросъ принципа, а фактъ тотъ, что искусство «объединяетъ» людей въ очень различныхъ, по своему нравственному достоинству, чувствахъ. Если Гамлетъ припоминаетъ случаи, когда «преступныхъ душу такъ глубоко искусство поражало, что признавалися они въ злодѣйствахъ»; если, другими словами, искусство можетъ будить совѣсть и внушать добрыя или великодушныя чувства, то бываетъ и наоборотъ, что искусство пробуждаетъ или питаетъ звѣрскіе инстинкты.

Изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ вышеуказанными французскими психіатрами, укажу на одинъ. Знаменитый юный убійца цѣлаго семейства Тропманъ (увѣковѣченный для русскихъ читателей Тургеневскимъ описаніемъ его казни), по его собственному показанію, зачитывался бульварными уголовными романами и увлекался ихъ кровожадными героями (Moreau, Le monde des prisons; Aubry, La contagion du meurtre). Очень плохи эти романы, но они во всякомъ случаѣ оказались достаточно сильными, чтобы заразить

Тропмана.—Много лѣтъ тому назадъ я читалъ въ «Новомъ Времени» рождественскую сказку г. Вагнера (Кота Мурлыки). Не помню ни названія сказки, ни большинства ея чрезвычайно тщательно разработанныхъ подробностей, но полученное отъ нея впечатлѣніе врѣзалось неизгладимо. Помнится, какая та еврейка необычайной красоты и огромнаго богатства, въ видахъ посрамленія или даже искорененія христіанства, должна родить сына отъ какого то русскаго князя. При этомъ какое то особенное значеніе имѣли родословныя древа дѣйствующихъ лицъ: выходило какъ то, что по различнымъ вычисленіямъ и пророчествамъ мудрецовъ сліяніе кровей, текущихъ въ жилахъ князя и еврейки, должно дать плодъ, грозный для христіанства. Чары красоты еврейки, развертываемыя ею въ одуряющей роскошной обстановкѣ, начинаютъ овладѣвать княземъ. Но въ послѣднюю минуту еврейка требуетъ, чтобы князь снялъ съ своей шеи крестъ (тоже какой то особенный) и наступилъ на него ногой. Передъ этимъ требованіемъ князь съ ужасомъ отступаетъ, и все предпріятіе еврейки рушится, потому что зачатіе таинственнаго ребенка должно произойти именно въ опредѣленную минуту (помнится, когда бьетъ полночь), иначе будетъ поздно. Еврейка разражается проклятіями... Не знаю, какое впечатлѣніе произвела бы на меня эта сказка теперь, но тогда я былъ пораженъ. Въ художественномъ смыслѣ сказка превосходна (или казалась мнѣ такою тогда); тщательная разработка деталей, гармонія частей, чувство мѣры, не смотря на фантастичность фабулы и восточную роскошь красокъ, постепенность, съ которою развертывается дѣйствіе,—какъ то льстиво, но цѣпко захватывали душу и навязывали ей художественное наслажденіе, хотя я сознавалъ отвратительность тенденціи сказки. Я увѣренъ (или былъ тогда увѣренъ), что сказка эта, талантливо, «проникновенно» прочитанная вслухъ передъ толпой простого народа, и въ особенности въ рождественскую ночь, способна была бы вызвать крикъ: «бей жидовъ!» и соотвѣтственные поступки.

Читателю можетъ показаться, что два послѣдніе примѣра противорѣчатъ вышесказанному о предѣлахъ заразы или внушенія въ искусствѣ. «Искусство начинается тогда, когда человѣкъ, съ цѣлью передать другимъ людямъ испытанное имъ чувство, снова вызываетъ его въ себѣ и извѣстными внѣшними знаками выражаетъ его». Искусство выражаетъ не непосредственныя чувства, а отраженныя, и всякое хорошее произведеніе искусства даетъ иллюзію, возможно полную по условіямъ данной отрасли искусства, но всетаки иллюзію. И мы это знаемъ. Поэтому то мы, при всемъ сочувствіи къ ужасному положенію Дездемоны, не заступаемся за нее, и тѣмъ паче не раскланиваемся передъ превосходно написаннымъ портретомъ нашего знакомаго и т. п. Если однако этимъ объясняется двойственное чувство художественнаго наслажденія и вмѣстѣ страданія при видѣ горестныхъ или ужасныхъ положеній, воспроизво-

димыхъ искусствомъ, то вышеупомянутый Эннекенъ идетъ уже слишкомъ далеко въ своемъ разграниченіи реальныхъ и художественныхъ впечатлѣній. Послѣднія, по его мнѣнію, потому пріятны даже при непріятныхъ или тяжелыхъ зрѣлищахъ, что даютъ лишь слабое, легкое возбужденіе, не причиняющее настоящаго страданія и не вызывающее никакого дѣйствія, никакого поступка съ нашей стороны. Это не совсѣмъ такъ. Мы не вмѣшиваемся въ непосредственно происходящее передъ нами дѣйствіе (да и то, какъ мы видѣли, съ очень нервными или наивными людьми это бываетъ), но, чувства, внушенныя намъ искусствомъ, могутъ разрѣшаться извѣстнаго рода дѣйствіями, поступками, совершаемыми подъ давленіемъ этихъ чувствъ. Это мы и видимъ въ біографіи Тропмана, въ извѣстной эпидеміи самоубійства, вызванной Гетевскимъ Вертеромъ, въ цѣломъ рядѣ явленій русской жизни, когда мы стремились копировать Печорина или потомъ Базарова, наконецъ, и въ гипотетическомъ случаѣ—чтеніи вслухъ предъ толпой простого народа сказки г. Вагнера. Эннекенъ долженъ лучше всякаго другого понимать это. Установивъ въ началѣ книги приведенное различіе между реальными и художественными эстетическими впечатлѣніями, подчеркнувъ, что «эстетическое волненіе есть бездѣйственная форма обыкновеннаго волненія» (L'emotion esthetique est une forme inactive de l'emotion ordinaire, 31), Эннекенъ, приближаясь къ концу своего изслѣдованія, вноситъ слѣдующую «поправку»: „Волненіе, вызываемое произведеніемъ искусства, не разрѣшается непосредственно дѣйствіемъ и этимъ отличается отъ сильныхъ реальныхъ волненій. Но, имѣя въ самомъ себѣ цѣль и не производя немедленно практическихъ слѣдствій, оно съ теченіемъ времени вызываетъ таковыя, и очень важныя" (203). За развитіемъ этой мысли, которая послѣ сказаннаго и безъ того понятна, мы слѣдить не будемъ, а обратимся къ нѣкоторымъ другимъ сторонамъ эстетической теоріи Эннекена.

Основная мысль Эннекена состоитъ въ томъ, что, подобно гр. Толстому (вѣрнѣе было бы сказать, что гр. Толстой дѣлаетъ это подобно Эннекену), онъ видитъ въ искусствѣ средство зараженія читателя, зрителя, слушателя, — внушенія (suggestion) имъ извѣстныхъ чувствъ. Но онъ понимаетъ, что достиженіе этой цѣли искусствомъ немыслимо безъ элемента художественнаго наслажденія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи рѣшающимъ моментомъ является вкусъ. Въ искусствѣ, говоритъ онъ, нѣтъ критерія, который позволялъ бы расцѣнивать произведенія, одинаково волнующія, одинаково совершенныя въ смыслѣ экспрессіи. Но «книги, статуи, картины, музыкальныя произведенія существуютъ не одни въ пустомъ мірѣ. Если вѣрно, что образы и чувства, внушаемые этими произведеніями, оставляютъ слѣдъ въ душѣ человѣка, нравственныя качества котораго не безразличны для ему подобныхъ; если вѣрно, что эти образы и чувства вліяютъ на природу и силу души, — съ

общественной точки зрѣнія нельзя признать всѣ произведенія искусства равнозначительными для блага даннаго общества или, беря предметъ шире, человѣчества» (207 — 8; затѣмъ слѣдуетъ ссылка на Vorschule der Aesthetik Фехнера).

Спрашивается, каковы, такъ сказать, количественные предѣлы зараженія чувствами, вложенными художникомъ въ свое произведеніе? Сотни тысячъ людей читаютъ французскіе уголовные бульварные романы и любуются соотвѣтственными театральными спектаклями, но не все же это Тропманы, хотя онъ, конечно, и не одинъ, и быть можетъ у очень многихъ изъ этихъ читателей и зрителей шевелятся звѣрскіе инстинкты, не разрѣшающіеся дѣйствіемъ. Эстетическіе вкусы этихъ людей удовлетворяются грубыми, на болѣе тонкій вкусъ прямо безобразными формами бульварныхъ романовъ и драмъ; но, кромѣ того, въ наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ по извѣстнымъ условіямъ жизни душевныхъ свойствахъ этихъ людей должно быть нѣчто предрасполагающее къ воспринятію извѣстныхъ чувствъ. Это нѣчто можетъ всю жизнь оставаться въ потенціальномъ состояніи, не обнаруживаясь внѣшнимъ образомъ, но можетъ, такъ сказать, обласканное художественнымъ наслажденіемъ, вспыхнуть цѣлымъ пожаромъ. Въ нашемъ второмъ примѣрѣ, гипотетическомъ, дѣло яснѣе. Здѣсь мы имѣемъ группу людей, наивныхъ и грубыхъ, воспитанныхъ въ извѣстныхъ предразсудкахъ и антипатіяхъ, каковыми и подготовлена бурная вспышка съ кулачной расправой. Людей, иначе обставленныхъ всѣми условіями жизни, сказка г. Вагнера не заразитъ.

Эннекенъ и настаиваетъ на томъ, что у художника и его поклонниковъ, почитателей (admirateurs), то есть людей, которыхъ онъ заражаетъ своими произведеніями, должна быть нѣкоторая общая почва. Художникъ, совершенно чуждый какъ эстетическимъ вкусамъ, такъ и чувствамъ и наклонностямъ извѣстной группы людей, не произведетъ на нее никакого впечатлѣнія, хотя бы въ другой общественной средѣ волновалъ зрителей, слушателей, читателей до глубины души. Художникъ есть самъ продуктъ извѣстной среды, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобы его роль была совершенно пассивна. Напротивъ, художникъ властно привлекаетъ къ себѣ тѣ «массы», которыя способны заразиться его творчествомъ, воспринять тѣ чувства, которыя онъ внушаетъ. Художникъ часто самъ создаетъ «среду» своихъ почитателей, внушая имъ свои чувства.

Въ концѣ книги Эннекенъ дѣлаетъ набросокъ исторической теоріи, въ силу которой исторія есть взаимодѣйствіе выдающихся личностей—героевъ, вождей и массъ. Онъ горячо протестуетъ противъ столь же «ложнаго», какъ и «легко воспринимаемаго» положенія, «отдѣляющаго одинъ отъ другого оба элемента, которыми совершается каждое историческое событіе,—вождей и массы, — и дающаго перевѣсъ послѣднему надъ первымъ» (189). Насъ не

интересуетъ здѣсь историческая теорія Эннекена, да и у него она является какъ бы придаткомъ къ эстетической теоріи. Она служитъ ему лишь для поясненія послѣдней путемъ параллели между историческими «героями» и художниками, съ одной стороны, толпою, «массами» и почитателями художника—съ другой. Было бы однако очень рискованно придавать титулъ героя всякому художнику, хотя бы и имѣющему большій или меньшій кругъ почитателей. По крайней мѣрѣ, надо въ этомъ разобраться и условиться. Можно, пожалуй, уподобить историческому герою, властно ведущему толпу за собой, всякаго талантливаго художника,—живописца, поэта, актера, музыканта, пѣвца, внушающаго зрителямъ, слушателямъ и читателямъ извѣстныя чувства и въ этомъ смыслѣ властвующаго надъ ними. Но можно требовать отъ героя въ искусствѣ и большаго, — такой яркой оригинальности, которая вызвала бы не только почитателей, проникающихся его образами и картинами, но еще «толпу» въ другомъ смыслѣ,—многочисленныхъ подражателей, иногда высоко талантливыхъ, которые въ свою очередь чаруютъ слушателей, читателей, зрителей. Такими героями, напримѣръ, въ русской литературѣ были Пушкинъ и Гоголь.

Приближеніе весны въ Петербургѣ ежегодно бываетъ отмѣчено какимъ то пароксизмомъ художественныхъ наслажденій. Еще не успѣваютъ закрыться двери театровъ, какъ уже начинаются художественныя выставки, число которыхъ ростетъ съ каждымъ годомъ, потомъ концерты, еще концерты, еще выставки. И всѣ концерты и выставочные залы полнымъ полны, да и внѣ ихъ, на улицѣ, дома, въ гостяхъ, въ газетахъ вы сталкиваетесь съ отголосками пережитыхъ художественныхъ впечатлѣній: идутъ разговоры о собственномъ нашемъ г. Фигнерѣ и чужестранныхъ знаменитыхъ концертантахъ, объ англійской выставкѣ, финляндской, передвижной, академической. Что это значитъ? Дѣйствительно ли мы, петербуржцы, такъ жаждемъ художественныхъ наслажденій въ смыслѣ переживанія чужой жизни? Спустимся немножко съ этихъ высотъ чистой теоріи и посмотримъ на нѣкоторыя осложненія того интереса къ искусству, который мы только что въ минувшій сезонъ обнаружили.

Я не былъ на выставкѣ картинъ англійскихъ художниковъ, но вотъ что читаемъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» объ эффектѣ, произведенномъ этой выставкой, въ Москвѣ. Выставка «пользуется очень большимъ успѣхомъ у публики. За недѣлю ея пребыванія въ Москвѣ администрація выставки получила входной платы 2616 р. Посѣтителей за это время перебывало до 4000 человѣкъ. Картинъ продано пока всего пять на сумму 12,000 руб., что съ пріобрѣтенными въ Петербургѣ картинами составитъ болѣе 80 нумеровъ. Въ настоящее время большинство выдающихся полотенъ уже рас-

продано. Выставка особенно усердно посѣщается по вечерамъ, отъ 7-ми до 11-ти часовъ, когда играетъ цыганскій оркестръ I. Риго, красиво и съ огнемъ исполняющій преимущественно Штраусовскій репертуаръ. Въ эти часы залы совершенно переполнены, что значительно затрудняетъ осмотръ выставленныхъ произведеній. Много мѣшаетъ также электрическое освѣщеніе, благодаря которому значительно мѣняется колоритъ масляныхъ картинъ и совершенно пропадаютъ акварели. Не совсѣмъ удачно освѣщены и нѣкоторыя картины въ верхнихъ рядахъ».

Вдумайтесь въ эту замѣтку. Сравнительно недавно народился новый видъ искусства или, по крайней мѣрѣ, новое сочетаніе старыхъ художественныхъ элементовъ,—мелодекламація. Мнѣ не удавалось присутствовать при хорошемъ исполненіи, но я могу себѣ представить, что этотъ родъ искусства способенъ производить сильное и цѣльное впечатлѣніе, если, разумѣется, кромѣ хорошаго исполненія, текстъ читаемаго произведенія и сопровождающая его музыка совпадаютъ въ тонѣ; потому что если, напримѣръ, разсказъ Горбунова будетъ сопровождаться музыкальнымъ мотивомъ, напоминающимъ похоронный маршъ, такъ ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Быть можетъ, возможны сочетанія музыки и съ живописью. Но когда на выставкѣ картинъ съ разнообразнѣйшими сюжетами играетъ цыганскій оркестръ Риго, то чѣмъ красивѣе и чѣмъ съ большимъ огнемъ онъ исполняетъ Штраусовскій репертуаръ, то тѣмъ нелѣпѣе долженъ оказаться результатъ выставки. Хорошо исполненный вальсъ Штрауса очень пріятно послушать. Но, заразившись бьющимъ изъ этого вальса весельемъ, какъ могу я заразиться, какъ могу я тутъ же воспринять вложенное художникомъ въ пейзажъ настроеніе тишины, грусти, одиночества? И наоборотъ: проникнувшись настроеніемъ кающейся Магдалины, какъ могу я слушать вальсъ? Скажутъ, можетъ быть, что вѣдь и на выставкѣ имѣются картины на разнообразные сюжеты: веселый жанръ рядомъ съ тихимъ пейзажемъ, трагической сценой, портретомъ, nature morte. Это такъ. Но вѣдь я могу сосредоточить свое вниманіе на любой изъ этихъ картинъ въ теченіе любого времени, тогда какъ звуки вальса сопровождаютъ меня неотступно и не могутъ не раздваивать впечатлѣніе. А между тѣмъ вотъ «залы переполнены» именно въ тѣ часы, когда играетъ цыганскій оркестръ и когда, вдобавокъ, благодаря электрическому освѣщенію «значительно мѣняется колоритъ масляныхъ картинъ и совершенно пропадаютъ акварели». Ясно, что публика—не говорю, конечно, вся—толпится на выставкѣ не затѣмъ, чтобы проникаться настроеніями художниковъ и переживать изображенную ими жизнь; не ради художественнаго наслажденія, а если и ради художественнаго, то самаго низменнаго сорта: «насытить кристаллъ очей» красивыми пятнами и линіями, благо это не мѣшаетъ въ то же время насыщать и органъ слуха красивыми звуками. И это, можетъ быть, еще наивысшій мо-

тивъ для многихъ: сами по себѣ картины, безъ вальса, *надо* смотрѣть, потому что такова мода, потому что всѣ смотрятъ, потому что нельзя же хлопать ушами въ салонѣ, когда говорятъ о такой то картинѣ или такой то статуѣ.

Ну, а художники? Изъ того, что публика смотритъ на картины, по безсмертному выраженію Гоголя, «ковыряя въ носу», не слѣдуетъ, что эти картины не суть произведенія искусства. Онѣ только слабо исполняютъ свою функцію или, можетъ быть, совсѣмъ не исполняютъ ея, какъ, такъ называемые, рудиментарные, зачаточные органы. Причина такого положенія вещей можетъ лежать и въ публикѣ, и въ художникахъ, и въ обоихъ вмѣстѣ. Художники и публика не находятъ другъ друга. Явленіе,—параллельное тому, которое выражено въ знаменитой горькой фразѣ Щедрина: «писатели пописываютъ, читатели почитываютъ». Публика даже съ чрезвычайною охотою смотритъ картины, но эти обзоры выставокъ составляютъ для нея просто развлеченіе, подогрѣтое модой, а не то средство общенія съ душою художника, объ которомъ говорятъ Эннекенъ и гр. Толстой. Картины, повидимому, и покупаются въ значительномъ числѣ, но не смотрятъ ли на нихъ покупатели, просто какъ на украшеніе своихъ кабинетовъ, гостиныхъ, столовыхъ?

Пойдемте на выставку «русскихъ и финляндскихъ художниковъ». Я долженъ предупредить читателя, что отнюдь не беру на себя роли эстетическаго судьи. Подобно всѣмъ смертнымъ, я не лишенъ чувства красоты, но не съумѣю объяснить, почему то-то мнѣ кажется красивымъ, а то-то—некрасивымъ, или даже вообще почему одно мнѣ нравится, а другое не нравится. Техническихъ знаній, нужныхъ для полной оцѣнки произведеній живописи, какъ живописи, я не имѣю. Но думаю, что ихъ не имѣетъ и подавляющее большинство посѣтителей выставки. Я—одинъ изъ этого большинства, только памятующій вышесказанное о задачахъ и предѣлахъ искусства.

Итакъ, мы на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Вотъ три номера, выставленныхъ г. Боткинымъ. Въ каталогѣ выставки они записаны такъ:

47. Три женскихъ силуэта. Опытъ декоративнаго мотива въ желтыхъ тонахъ. 1200 р.
48. Женскій силуэтъ } могутъ служить проектомъ для вышивки шерстью по 500 р.
49. Женскій силуэтъ }

Уже сама эта запись свидѣтельствуетъ, что художникъ преслѣдовалъ цѣли украшенія квартиры, а не искусства въ смыслѣ передачи зрителямъ извѣстнаго настроенія, внушенія имъ извѣстныхъ чувствъ. Конечно, и предметъ украшенія можетъ наводить на тѣ или другія чувства, хотя, напримѣръ, подушку, вышитую шерстью по проекту г. Боткина, всего естественнѣе подложить себѣ подъ

бокъ или подъ голову, лежа на диванѣ. Но дѣло въ томъ, что и въ душѣ художника вы ничего не усмотрите, кромѣ желанія написать три (а можетъ быть и болѣе) картины «въ желтыхъ тонахъ». На желтомъ фонѣ три нагія женщины въ разныхъ позахъ, желтаго же, но болѣе блѣднаго цвѣта, среди какихъ то желтыхъ же, только очень темныхъ растеній.

Мѣстомъ жительства г. Боткина показанъ въ каталогѣ Парижъ, и можно бы было думать, что женская нагота, le nu, играющая такую выдающуюся роль въ произведеніяхъ французскихъ живописцевъ, увлекла и нашего художника. Но и женская нагота, повидимому, сравнительно мало занимала его. На всѣхъ трехъ его картинахъ мы имѣемъ именно «силуэты», лишенные рельефа, а кромѣ того натура ослабляется и равномѣрностью желтаго цвѣта. Такъ написаны «три силуэта», потомъ одинъ силуэтъ и еще одинъ силуэтъ. Передъ однимъ изъ этихъ одиночныхъ силуэтовъ я долго стоялъ въ недоумѣніи: что это такое? какъ будто и женщина, а какъ будто и чортъ знаетъ что. На желтомъ фонѣ желтая нагая женщина цвѣтомъ поблѣднѣе среди желтыхъ растеній цвѣтомъ потемнѣе. Но волосы женщины художникъ написалъ тѣмъ же темно-желтымъ цвѣтомъ, что и растенія, и закрылъ ими съ переди лицо и грудь женщины, такъ что волосы смѣшиваются съ листьями растеній, и вы долго не можете понять, что же значитъ эта нижняя часть женскаго тѣла, обрывающаяся къ верху какимъ то темно-желтымъ неправильной формы пятномъ. Все это вмѣстѣ составляетъ такой странный капризъ художника, который едва ли во многихъ возбудитъ пріятныя эстетическія впечатлѣнія, не говоря уже о болѣе широкихъ задачахъ искусства.

Желтыя голыя женщины г. Боткина стоятъ особнякомъ на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Я хочу сказать, что ни сплошь желтыхъ, ни сплошь синихъ и проч. картинъ на ней больше нѣтъ. Но столь же, повидимому, необъяснимыхъ художественныхъ капризовъ очень много. До такой степени много, что, насмотрѣвшись на эти чудныя (не чудныя, читатель) картины, вы съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаетесь не только на картинѣ г. Эдельфельда «Похороны ребенка», но и на гораздо болѣе слабой «Улицѣ въ Москвѣ въ XVII в.» г. Рябушкина. Если я сопоставляю эти двѣ картины, то вовсе не для сравненія ихъ между собою и вообще не для того, чтобы объ нихъ распространяться. На всякой другой выставкѣ онѣ вовсе не такъ бы бросались въ глаза: обыкновенныя житейскія сцены, обыкновенные люди, обыкновенными пріемами и обыкновенными красками написанные. Но на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ—«тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ, русалка на вѣтвяхъ сидитъ». Разумѣю не только сюжеты, а и изображаемые предметы, и пріемы изображенія, и краски. Безсмыслица здѣсь споритъ съ безобразіемъ.

Скажутъ, это новые пути въ искусствѣ. Прежде, чѣмъ поближе посмотрѣть на нихъ, позвольте мнѣ разсказать два анекдота. Но къ одному изъ нихъ мнѣ хочется сдѣлать еще приступъ.

Только что умеръ И. И. Шишкинъ, «лѣсной царь», какъ его называли, работы котораго есть и на нынѣшней передвижной выставкѣ. Но на ней есть, кромѣ того, и превосходный портретъ Шишкина, работы г. Ярошенко. Глядя на него, въ особенности подъ впечатлѣніемъ смерти Шишкина, невольно вспоминается другой, старый, тоже превосходный портретъ покойнаго пейзажиста, работы Крамского. Тамъ вы видите могучаго, полнаго силъ человѣка, стоящаго, опершись на палку, въ полѣ. При немъ ящикъ съ красками и зонтикъ, и по спокойной позѣ, по спокойной вдумчивости глазъ, устремленныхъ вдаль,—надо думать, на лѣсъ, который онъ сейчасъ будетъ писать,—вы чувствуете, что это полный хозяинъ этого лѣса и своего дѣла. Тутъ, на портретѣ г. Ярошенко,—то же красивое, но уже блѣдное, усталое лицо, обрамленное сѣдыми волосами и длинной сѣдой бородой; Шишкинъ сидитъ въ креслѣ, устало наклонивъ голову и опершись на колѣна руками, держащими палитру, кисти, муштабель...

Однажды мнѣ пришлось быть въ обществѣ, въ которомъ было нѣсколько художниковъ, въ томъ числѣ Шишкинъ. Это было давно, когда въ нашей музыкѣ прокладывались какіе то новые пути, и разговоръ зашелъ, между прочимъ, о новой оперѣ. Совершенно незнакомый съ этой оперой, да и о новыхъ путяхъ зная лишь по наслышкѣ, такъ какъ они тогда гремѣли,—я чувствовалъ однако фальшь, неискренность въ чрезмѣрно восторженныхъ отзывахъ нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ: чуялось что то подогрѣтое, а не настояще горячее. Шишкинъ рѣзко выразилъ свое несогласіе съ этими похвалами. «Да вы сколько разъ видѣли эту оперу?»—спросили его.—«Какъ сколько? одинъ».—Ну вотъ то-то и есть, а ее надо прослушать двадцать разъ, вотъ какъ я».—«Двадцать разъ?!—негодующе воскликнулъ Шишкинъ,—да будь я не Иванъ Иванычъ, а Болванъ Болванычъ, если и во второй разъ пойду слушать эту ерунду»!—Можетъ быть, Шишкинъ былъ не правъ въ своей оцѣнкѣ оперы, а правы были восторженные хвалители. Но Шишкинъ былъ искрененъ, а хвалители—что чувствовалось—подогрѣвали себя въ угоду моднымъ «новымъ путямъ». Если не ошибаюсь, эти пути теперь брошены и во всякомъ случаѣ болѣе не гремятъ...

Второй анекдотъ я слышалъ отъ другихъ. При одномъ талантливомъ художникѣ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и остроумный человѣкъ, зашла рѣчь о новыхъ путяхъ въ искусствѣ, выражающихся въ стремленіи возродить наивную живопись старыхъ мастеровъ. По комнатѣ ползалъ ребенокъ, у котораго рубашенка задралась совсѣмъ къ верху, и онъ былъ почти совсѣмъ голенькій. Остроумный художникъ сказалъ, что всякому овощу свое время, что и наивность была въ свое время хороша, когда соотвѣтствова-

ла всему тогдашнему складу мыслей, чувствъ, вѣрованій. «Вотъ вѣдь,—прибавилъ онъ, указывая на ползающаго ребенка,—какъ мила эта наивность, ну, а если бы мы всѣ такъ, задравши рубахи, забѣгали, то это была бы просто гадость».

Оба эти анекдота вспомнились мнѣ по поводу выставки русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Здѣсь представлены новые пути, и многіе этими новыми путями восторгаются, но восторги эти кажутся мнѣ неискренними (многіе, впрочемъ, чуть что не отплевываются), а новые пути, вообще говоря, состоятъ именно въ той наивности, которая, задравъ рубаху, самодовольно прогуливается. Я не хочу этимъ сказать, что на этой выставкѣ царитъ неприличіе въ нравственномъ смыслѣ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи ни за что не зацѣпится самое строгое пуританское чувство. Мы видѣли, что голыя желтыя женщины г. Боткина по возможности не похожи на голыхъ женщинъ. А затѣмъ, не говоря уже о какихъ нибудь скабрезныхъ сюжетахъ, «le nu», самое скромное, можно сказать совсѣмъ отсутствуетъ на выставкѣ. Сидитъ, правда, на акварели г. Энкеля «Поэма», голый человѣкъ съ необыкновенно глупой физіономіей на берегу какого то прудка и держитъ въ рукахъ лиру, а къ нему подплываютъ черные лебеди; но его нагота чрезвычайно похожа на трико. Тотъ же г. Энкель выставилъ картину «Адамъ и Ева». Натурой художнику служили благообразный безбородый, а можетъ быть тщательно выбритый и во всякомъ случаѣ коротко остриженный финнъ и хорошенькая, лукаво улыбающаяся чухоночка, и г. Энкель былъ вѣренъ натурѣ; но почему это Адамъ и Ева, а не просто благообразный финнъ и хорошенькая чухоночка—неизвѣстно. Можно бы было думать, что это аллегорія или символъ. Повидимому, взятъ моментъ соблазна Евою Адама, хотя съ рѣшительностью этого сказать нельзя въ виду нѣсколько тупой неопредѣленности выраженія лица Адама. Въ такомъ случаѣ художникъ хотѣлъ сказать, что вотъ, дескать, это вѣчная исторія, повторяющаяся и въ Финляндіи. Однако, Адамъ и Ева изображены безъ одежды, чего, какъ говоритъ мужикъ въ «Плодахъ просвѣщенія» гр. Толстаго, «клеймáтъ не позволяетъ» дѣлать на нашемъ сѣверѣ. Но любопытно, что объ отсутствіи одежды на Адамѣ и Евѣ свидѣтельствуетъ только одна рука и верхняя часть груди Адама. Картина срѣзана внизу такъ, что туловища Адама не видать, а у Евы, которая ростомъ пониже, видна даже только одна голова.

Итакъ, припоминая анекдоты о ребенкѣ съ задранной рубашенкой, я вовсе не имѣлъ въ виду указать на какую нибудь нескромность гг. русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что то, что приличествуетъ дѣтскому возрасту, не годится для великовозрастныхъ. О прокладывающихъ новые пути въ живописи можно часто услышать, что они не гонятся за правдою въ смыслѣ воспроизведенія дѣйствительности, какъ она есть; для нихъ важно настроеніе, овладѣвающее художникомъ и передавае-

мое имъ зрителю. Казалось бы, чего же лучше? Точной копіей съ дѣйствительности даннаго момента произведеніе искусства никогда не можетъ, да и не должно быть. Художникъ вноситъ въ него нѣчто свое,—свое пониманіе и настроеніе. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы реальная дѣйствительность была извращаема и намѣренно уродуема. Посмотрите на эти деревья въ большинствѣ пейзажей на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Такъ рисуютъ дѣти и вообще неумѣлые или бездарные люди, но рисуютъ отъ чистаго сердца, прилагая всѣ старанія приблизиться къ природѣ, а здѣсь вы видите намѣреніе изобразить нѣчто ни съ чѣмъ несообразное. Конечно, притворяться, что не умѣешь рисовать, когда въ самомъ дѣлѣ не умѣешь,—очень легко, а потому людямъ бездарнымъ на этихъ новыхъ путяхъ, что называется, лафа. Это мы и въ поэзіи видимъ. Риема, ритмъ, правда, смыслъ,—чтобъ сочетать все это, нужно особенное дарованіе, которое не стѣснялось бы этими условіями, а, напротивъ, черпало бы изъ нихъ силу для воздѣйствія на читателя. Ну, а если ничего этого не нужно на новыхъ путяхъ, такъ не нужно и поэтическаго таланта. Но вѣдь не все же бездарности фигурируютъ на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ. Напротивъ, тутъ навѣрное есть талантливые люди, и тѣмъ прискорбнѣе видѣть, какъ они себя уродуютъ въ угоду модной художественной тенденціи. Тенденція эта въ общемъ отрицательнаго характера: реакція противъ реализма. Не вполнѣ, но въ значительной степени эта тенденція характеризуется стихотвореніемъ г-жи Гиппіусъ:

Стремлюсь къ тому, чего я не знаю,
  Не знаю..
И это желанье не знаю откуда
  Пришло, откуда.
. . . .
О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
  Никогда не бываетъ.
. . . .
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
  Чего нѣтъ на свѣтѣ.

Эта тенденція, какъ имѣющая свои глубокіе корни въ условіяхъ современной общественной жизни, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Но не слѣдуетъ преувеличивать ея значенія. Оно очень ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что движеніе становится моднымъ и потому неискреннимъ: людямъ кажется, что *поза* человѣка, которому нужно то, «чего нѣтъ на свѣтѣ» и «чего не бываетъ, никогда не бываетъ», очень красива, и они охотно принимаютъ эту позу, не испытывая въ дѣйствительности соотвѣтственныхъ чувствъ. И нужна смѣлость Шишкина, чтобы въ извѣстныхъ кругахъ сказать: «Будь я не Иванъ Ивановичъ, а Болванъ Болвановичъ, если пойду еще разъ смотрѣть эту ерунду!» Какъ бы то ни было однако, а мы видимъ цѣлый рядъ художественныхъ произведеній, въ которыхъ искренно или

не искренно отражается тяготѣніе къ тому, чего не бываетъ, никогда не бываетъ. Къ этой общей цѣли художники подходятъ съ разныхъ сторонъ: то изображаютъ событія, какихъ не бываетъ, то пишутъ деревья, какихъ нѣтъ на свѣтѣ, то пускаютъ въ ходъ краски, не соотвѣтствующія дѣйствительности, то комбинируютъ реальныя черты съ невозможными. Спрашивается, какое же «настроеніе» внушается всѣмъ этимъ зрителю?

На выставкѣ, о которой идетъ рѣчь, есть нѣсколько картинъ г. Эдельфельда. По правдѣ сказать, этому талантливому художнику какъ будто и не мѣсто въ такой компаніи: слишкомъ онъ для нихъ простъ и ясенъ, слишкомъ приверженъ къ тому, что и есть, и что бываетъ И, напримѣръ, его упомянутая уже картина «Похороны ребенка» вызываетъ вполнѣ опредѣленное настроеніе грусти. Но вотъ его же картина «Магдалина». Стоитъ Христосъ въ бѣлой одеждѣ, съ выраженіемъ кротости на лицѣ, какъ его обыкновенно пишутъ, только выраженіе это не ярко, можетъ быть потому, что Христосъ стоитъ въ профиль. Словомъ, Христосъ традиціонный, ничѣмъ не выдѣляющійся изъ безчисленныхъ изображеній Спасителя. Передъ нимъ на колѣняхъ, простирая къ нему руки и съ полными слезъ глазами стоитъ Магдалина. Скорбь грызущей совѣсти, можетъ быть уже облегченная этими слезами и надеждой на прощеніе, передана очень сильно. А такъ какъ г. Эдельфельдъ, къ счастію, не щеголяетъ ни намѣренною неправильностью рисунка, ни нелѣпостью красокъ, ни другими подобными вздорами, мѣшающими зрителю войти въ данное положеніе, пережить преображенную жизнь, то между зрителемъ и художникомъ, и зрителемъ и кающеюся Магдалиною возникаетъ то осложненное художественнымъ наслажденіемъ общеніе, которое составляетъ конечную задачу искусства. Одна бѣда: эта прекрасно написанная Магдалина, въ противоположность Христу, вполнѣ современна. Это—современная типичная чухонка въ кофточкѣ и современномъ костюмѣ вообще. Зачѣмъ это? Конечно, и современная финнская, какъ и всякая другая грѣшница можетъ испытывать чувства скорби и покаянія и надежды искупленія совершенно такъ же, какъ Магдалина, и точно такъ же выражать ихъ. Но одно изъ двухъ: или Магдалина должна быть современна Христу, а не намъ, или Христосъ долженъ ей явиться въ видѣніи, въ мечтѣ, пожалуй въ видѣ художественнаго произведенія, скульптурнаго или живописнаго. Я знаю, что г. Эдельфельдъ не первый прибѣгаетъ къ этому сочетанію евангельскихъ чертъ съ современными,—у французовъ уже есть подобныя картины. Но это не мѣшаетъ быть этому новому пути въ живописи ложнымъ, по той простой причинѣ, что онъ разбиваетъ цѣльность впечатлѣнія. Такъ и хочется разрѣзать картину г. Эдельфельда пополамъ.

Минуя картину г. Нестерова «Чудо», хотя она могла бы дать поводъ для интересныхъ соображеній о поддѣлкѣ подъ наивность, отмѣтимъ цѣлый рядъ иллюстрацій къ сказкамъ: эпизодъ изъ «Ка-

левалы» г. Бломстеда, два эпизода изъ нея же г. Галена, рядъ иллюстрацій къ бретонскимъ сказкамъ г. Лансере, иллюстраціи къ сказкамъ «Царь Салтанъ» и «Русланъ и Людмила» г. Малютина. Здѣсь уже самымъ сюжетомъ художники наталкиваются на то, чего нѣтъ на свѣтѣ и чего не бываетъ. И надо отдать справедливость гг. художникамъ: они вполнѣ пользуются этимъ благопріятнымъ поводомъ. Оно и какъ будто и законно въ этомъ случаѣ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ эпизодовъ изъ «Калевалы», вдохновившихъ г. Галена: «Ужасная Лоухи обратилась въ страшнаго орла и, преслѣдуя славнаго Вейнемэйнена, похитителя сокровища Сампо, сѣла на мачту его ладьи. Подъ крыльями у нея сто ратниковъ, а на хвостѣ тысяча. Послѣ ужасной битвы Вейнемэйненъ обломалъ чудовищу крылья и ратники упали въ воду. Орелъ съ ужаснымъ шумомъ ухватился послѣднимъ оставшимся когтемъ за Сампо и столкнулъ его въ пучину моря». Соотвѣтственно этому и въ картинѣ столько чудовищнаго и безобразнаго, что даже смотрѣть скверно. Въ условіяхъ сказки художники находятъ какъ будто законный просторъ для якобы наивности сюжета, аляповатости формъ и красокъ, безобразія рисунка. Однако это лишь до извѣстной степени законно. Примитивное народное творчество, создавая всѣхъ этихъ «ужасныхъ Лоухи» съ тысячами ратниковъ на хвостѣ и т. п., совсѣмъ не было столь увѣрено, что такъ «не бываетъ», сколь увѣрены въ этомъ мы. Къ настроенію, даваемому наивной вѣрой въ возможность ужасныхъ Лоухи, для насъ нѣтъ возврата. Потому такъ и трудны подѣлки подъ примитивное творчество, и трудность эта отнюдь не преодолѣвается механическимъ воспроизведеніемъ подробностей сказки и простымъ нагроможденіемъ ужасовъ на ужасы и безобразій на безобразія.

Но то сказка. А вотъ не угодно ли полюбоваться, напримѣръ, на «Августъ» г. Сомова. Ни цвѣтомъ, ни формами ни на что не похожій пейзажъ, среди котораго написано какое то небольшое водное пространство,—не то лужа, не то прудокъ, а немного въ сторонѣ сидитъ человѣкъ, мужчина, вытянувъ ноги и выпрямивъ станъ, точно аршинъ проглотилъ; лицо его ровно ничего не выражаетъ, даже чувства неловкости его позы; на колѣняхъ у него лежитъ женщина, ничкомъ, вытянувшись вдоль его ногъ; ей тоже было бы очень неловко такъ лежать, если бы это была натура, а не картина. Почему это «Августъ»? и что это такое вообще? Уловить настроеніе художника невозможно, кромѣ развѣ того, что ему хочется написать нѣчто такое, «чего не бываетъ», или по крайней мѣрѣ *какъ* не бываетъ. И зритель отходитъ отъ картины съ единственнымъ результатомъ: да, такъ не бываетъ... Можетъ быть эта пустынность тоскливо монотоннаго пейзажа, этотъ безжизненный прудокъ, эти неловкія позы двухъ людей, въ которыхъ тоже нѣтъ жизни,—можетъ быть все это должно внушать зрителю чувство тоски. Можетъ быть, но это тоска, отъ которой вы отворачиваетесь,

къ сочувственному къ ней отношенію не ведетъ васъ художественное наслажденіе...

Уйдемте куда нибудь съ этой выставки. Пойдемте на ея прямую противоположность,—передвижную. Здѣсь мы увидимъ только то, что есть, что бываетъ и именно какъ бываетъ. Когда то это было тоже новое теченіе, долго подготовлявшееся условіями нашей жизни и, наконецъ, прорвавшееся съ шумомъ и блескомъ. Кто былъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, тотъ помнитъ волненія, вызванныя первыми передвижными выставками: и «тузовые» восторги г. Стасова, и негодованіе другихъ критиковъ, и собственныя впечатлѣнія зрителей. Въ прошломъ году въ Москвѣ началъ выходить альбомъ передвижныхъ выставокъ за 25 лѣтъ. Къ сожалѣнію, у меня подъ руками только первый выпускъ этого изданія, а то стоило бы хоть слегка пройтись по этой четверти вѣка художественныхъ воспоминаній. Новизна состояла именно въ намѣреніи изображать дѣйствительность, какъ она есть, освободившись отъ условныхъ формъ академическаго искусства и отъ далекихъ отъ жизни темъ. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и можно услышать мнѣніе, что передвижники отжили свой вѣкъ, причемъ отчасти возрождаются и тѣ упреки, которые имъ дѣлались въ самомъ началѣ.

Было бы слишкомъ долго рыться въ старыхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ, но у меня записанъ въ высшей степени характерный отзывъ критика «Русскаго Вѣстника» о картинѣ г. Рѣпина «Бурлаки», которая, хотя появилась и не на передвижной выставкѣ, но вполнѣ соотвѣтствовала духу ея. Критикъ писалъ: «Бурлаки» сильно отзывались стихотвореніями г. Некрасова и явно били на гражданскій смыслъ. Но, помимо этого недостатка, картина отличалась самыми положительными достоинствами. Группа бурлаковъ выдѣлялась превосходнымъ пятномъ на огромномъ холстѣ... Громадный поволжскій пейзажъ, необыкновенно трудный по своей пустынности, служитъ превосходнымъ фономъ для этой сбившейся въ кучу толпы». Итакъ, «гражданскій смыслъ»—вотъ недостатокъ; «превосходное пятно на превосходномъ фонѣ»— вотъ достоинство. Это было написано въ 70-хъ годахъ, но и въ послѣднее время вы могли услышать нѣчто подобное. Критики и зрители этого сорта требуютъ отъ картины превосходныхъ пятенъ на превосходномъ фонѣ. Превосходное, конечно, превосходно. Но, стараясь по возможности приблизиться къ этому техническому превосходству (въ общемъ никто не упрекнетъ ихъ въ небрежной работѣ), передвижники думали, что насытить кристалъ очей превосходными пятнами— еще не значитъ взять съ искусства все, что оно можетъ и должно дать; что эти превосходныя пятна должны служить проводниками для передачи настроенія художника зрителю, для внушенія ему извѣстныхъ чувствъ. Представители этого теченія дѣйствовали искренно и сознательно, тогда какъ критики, исповѣдывавшіе исключительный культъ превосходныхъ пятенъ, либо находились во власти

недоразумѣнія, либо сознательно лгали. Въ сущности, они протестовали только противъ того, что они называли «*гражданскимъ* смысломъ», и еслибы они встрѣтили въ картинѣ то, что они называли «патріотическимъ» настроеніемъ,—они бы ничего не имѣли противъ и находили бы вполнѣ законнымъ *такое* воздѣйствіе на зрителей при посредствѣ превосходныхъ пятенъ. Это и въ литературѣ было. «Русскій Вѣстникъ» и подобные ему органы громили тенденціозные романы во славу чистаго искусства и въ то же время восторгались тенденціознѣйшими романами Болеслава Маркевича, г. Авсѣенко и т. п. Подъ видомъ борьбы съ тенденціей за чистое искусство шла, въ сущности, борьба съ одной тенденціей за другую. Задачи искусства можно бы было съ этой точки зрѣнія совсѣмъ въ сторонѣ оставить и обмѣниваться рѣчами «о любви къ отечеству и народной гордости».

Такъ оно отчасти и было. Передвижники обличались въ томъ, что они выбираютъ для художественнаго воспроизведенія скорбныя, темныя стороны русской жизни и обходятъ свѣтлыя; въ томъ, далѣе, что они «провоняли искусство полушубкомъ» и тѣмъ заслонили отъ общества болѣе высокія, болѣе тонкія тревоги и радости такъ называемыхъ культурныхъ классовъ. Въ совокупности этихъ чертъ и состоитъ «инкриминируемый гражданскій смыслъ», а отсюда уже идетъ нить къ упреку въ ущербѣ, нанесенномъ красотѣ, какъ единственному предмету искусства. О недоразумѣніи или сознательной лжи, связаннымъ съ этимъ послѣднимъ пунктомъ обвиненія, я сейчасъ говорилъ. Прибавлю еще одно замѣчаніе: и въ тѣхъ случаяхъ, когда художникъ, повидимому, ничего, кромѣ красоты не преслѣдуетъ, онъ всетаки желаетъ нѣчто внушить зрителю, а именно свой восторгъ передъ красотой—женскаго тѣла, пейзажа, изящнаго или богатаго наряда. Такъ что и здѣсь художникъ не избѣгаетъ общаго закона искусства. Нужно правду сказать, что произведеній этого характера мало бывало на передвижныхъ выставкахъ. Бывали нарядные костюмы едва ли не исключительно ради ихъ нарядности, но ихъ было во всякомъ случаѣ мало, и не они давали тонъ выставкамъ. Голаго женскаго тѣла что то и совсѣмъ не помню. Пейзажей было много (и съ каждымъ годомъ все больше), но за то же и красоты въ нихъ было много. Стоитъ только вспомнить имена Шишкина, Волкова, Дубовского, посмотрѣть ихъ пейзажи и на нынѣшней выставкѣ, да посравнить съ пейзажами на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ, чтобы понять, что такое настоящая красота. Надо однако замѣтить, что пейзажи, какъ я старался объяснить въ другомъ мѣстѣ, есть символъ и одно изъ условій одиночества. И кромѣ художественнаго наслажденія, чрезъ посредство его, пейзажъ внушаетъ зрителю спокойное, радостное, скорбное—смотря по обстоятельствамъ—чувство одиночества. Такъ называемой *чистой* красоты хорошо написанный пейзажъ не даетъ и не мо-

жетъ дать. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Вернемся къ упрекамъ въ «гражданскомъ смыслѣ».

Упреки эти частію совершенно нелѣпы; частію фактически невѣрны. Послушать ихъ, такъ пришлось бы признать, что изображеніе свѣтлыхъ сторонъ русской жизни лишено гражданскаго смысла или же представляетъ собою гражданское безсмысліе. Да оно дѣйствительно такъ и есть, если подъ любовью къ отечеству разумѣется исключительно восхваленіе его и устраняется скорбь о его бѣдахъ и язвахъ. А что касается «полушубка» и противопоставленія его такъ называемымъ культурнымъ классамъ, то развѣ этотъ полушубокъ идеализировался, напримѣръ, въ «Раздѣлѣ» г. Максимова, въ его же «Приходѣ колдуна на свадьбу» и проч., проч.,—всего не упомнишь. Да и если полушубокъ бросался въ глаза на передвижныхъ выставкахъ, такъ вовсе не потому, что имъ исчерпывалось ихъ содержаніе, а только потому, что до нихъ онъ не считался достойнымъ художественнаго произведенія. Во имя жизни и правды они ввели его, и въ этомъ, конечно, ихъ великая заслуга.

Говорятъ, что передвижники утратили свой raison d'être, какъ обособленная группа. Они внесли нѣчто въ русское искусство, и это нѣчто не составляетъ уже теперь ихъ исключительной принадлежности; въ свою очередь и они у другихъ кое чѣмъ позаимствовались, утратили яркость своей обособленности, и теперь ничто не мѣшало бы имъ слиться съ другими художественными учрежденіями и обществами. Указываютъ въ частности на то, что жанръ, составлявшій прежде центръ тяжести передвижныхъ выставокъ, на нынѣшней выставкѣ находится въ умаленіи, количественномъ и качественномъ, тогда какъ на академической выставкѣ, гдѣ онъ прежде почти отсутствовалъ, равно какъ на выставкѣ «С.-Петербургскаго общества художниковъ» жанръ представленъ, если и не блестяще, то, по крайней мѣрѣ, обильно. Было бы интересно сравнить жанры этихъ двухъ выставокъ съ жанрами передвижниковъ, но у меня и безъ того остается слишкомъ мало времени и мѣста. Я остановлюсь лишь на тѣхъ элементахъ упомянутыхъ двухъ выставокъ, которыхъ нѣтъ на передвижной; нѣтъ, и, думается, не можетъ быть, или, по крайней мѣрѣ, появившись по какимъ нибудь случайнымъ постороннимъ обстоятельствамъ, они шли бы въ разрѣзъ ея духу и производили бы впечатлѣніе диссонанса.

«Христіанская Дирцея въ циркѣ Нерона» г. Семирадскаго (на выставкѣ «С.-Петербургскаго общества художниковъ»). Это огромное полотно, составляющее «гвоздь» выставки, вызвало столько печатныхъ и устныхъ разговоровъ, что къ нему страшно приступиться. А пожалуй что и не страшно, потому что отзывы крайне противорѣчивы. Въ каталогѣ говорится слѣдующее:

Сюжетъ картины заимствованъ изъ сказаній Климента Римскаго и Гигина. Эпизодъ появленія на аренѣ цирка неукротимаго быка съ привязанной къ нему молодой христіанской дѣвушкой долженъ былъ напомнить

собой такую же казнь, какой подверглась миѳическая царица Дирцея по приговору пасынковъ ея, Амфіона и Цета. Привязанная къ быку веревками, перевитыми цвѣтами, а къ рогамъ волосами, дѣвушка казалась безжизненной отъ испытанныхъ ею ужаса, стыда и физическихъ страданій. Животное истекаетъ кровью, умерщвленное гладіаторами (bestiarii), назназначенными для звѣриной травли. Зрѣлище окончено. Нерона снесли на арену въ раззолоченныхъ носилкахъ нумидійскіе невольники. Въ сопровожденіи своего любимца, префекта преторіанцевъ, жестокаго и развратнаго Тигелина и нѣсколькихъ приближенныхъ, Неронъ подошелъ къ своимъ жертвамъ, любуясь необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ миѳологической группы.

Картина повѣшена такъ, что близко подойти къ ней нельзя, и я, по близорукости, не могъ разсмотрѣть выраженія лица мученицы. Пусть она дѣйствительно «кажется безжизненной отъ испытаннаго ею ужаса, стыда и физическихъ страданій». Но превосходно выписанная, со множествомъ «превосходныхъ пятенъ», картина и вся безжизненна. Не говоря о стоящихъ на вытяжку нумидійскихъ невольникахъ и другихъ стражникахъ съ ничего не выражающими тупыми лицами, «жестокій и развратный Тигелинъ» стоитъ опустя голову и въ полъ-оборота къ зрителю, а Неронъ... въ описаніи картины сказано, что онъ «любуется», но, признаюсь, я ничего не усмотрѣлъ на этомъ лицѣ. За то мнѣ кажется несомнѣннымъ, что самъ художникъ «любуется необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ миѳологической группы». Самъ художникъ любуется тѣмъ, чѣмъ любовался Неронъ, тоже своего рода художникъ, но жестокій и безумный властитель, для удовлетворенія своихъ эстетическихъ потребностей не задумавшійся надругаться надъ этой несчастной дѣвушкой. Неужели же есть что нибудь родственное въ душахъ этого безумнаго звѣря и нашего художника? Картина г. Семирадскаго напомнила мнѣ бывшую на одной изъ изъ недавнихъ академическихъ выставокъ картину г. Новоскольцева изъ временъ Ивана Грознаго. Въ домѣ опальнаго боярина хозяйничаютъ опричники. Центръ картины занимаетъ обнаженная дѣвушка, дочь боярина, надъ которой только что звѣрски надругались опричники. Отецъ боярышни сидитъ связанный, а опричники, увѣренные въ своей безнаказанности, тутъ же, въ присутствіи — не помню ужъ трупа или только «кажущейся безжизненной» дѣвушки, — весело пируютъ. Какой сюжетъ! Какая страшная, потрясающая тема, и какъ долженъ содрогаться зритель, прикованный, не смотря на свой ужасъ, къ картинѣ художественнымъ наслажденіемъ переживанія этого самаго ужаса!.. Но ничего подобнаго зритель не испытываетъ. «Сердце въ томъ не убѣдится, что не отъ сердца говорится». Г. Новоскольцевъ, «любуется необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ quasi исторической сцены», какъ *могли бы* любоваться ими опричники (*могли бы*, потому что на картинѣ они даже не обращаютъ вниманія на дѣло рукъ своихъ). Что же,—возродилась въ

г. Новооскольцевѣ душа звѣря опричника? Конечно, нѣтъ. Опричнику доставляла наслажденіе борьба, драка, разрушеніе, кровь, а г. Новооскольцевъ устроилъ въ разгромленной комнатѣ такой чистенькій, аккуратный безпорядокъ и вообще такъ убралъ и вымылъ всѣ слѣды борьбы, что для ужаса не остается никакого повода. Поклонники «чистой» красоты скажутъ, что въ этомъ то и состоитъ достоинство картины, такъ какъ въ ней нѣтъ «гражданскаго смысла», а есть «красивыя («превосходныя» —въ данномъ случаѣ слишкомъ сильное слово) пятна». Но тогда не зачѣмъ выбирать подобные сюжеты, — мало-ли другихъ поводовъ для изображенія красоты женскаго тѣла. У нѣкоторыхъ французскихъ художниковъ «клеймàтъ позволяетъ» разгуливать женщинамъ нагишомъ по лѣсу. Это безсмыслица, такъ «не бываетъ», но это не оскорбляетъ васъ въ такой мѣрѣ, какъ холодное и лживое трактованіе звѣрскаго преступленія. Оно холодно и лживо, ибо нельзя себѣ представить, чтобы дѣвушка на картинѣ г. Новооскольцева, не сопротивлялась, чтобы ее просто раздѣли, не нанеся ей ни одной царапины, не обагривъ ея дѣвственнаго тѣла ни единой каплей крови, и не получивъ въ свою очередь никакого поврежденія своимъ лицамъ и костюмамъ: опричники такіе чистенькіе, точно сейчасъ ванну взяли, и костюмы на нихъ съ иголочки, ни одна пуговица въ свалкѣ не оборвалась... Вотъ почему картина холодна и лжива. И по той же причинѣ холодно и лживо произведеніе г. Семирадскаго. Г. Семирадскій, какъ и Неронъ, «любуется необычайностью и прелестью пластики воспроизведенной имъ сцены». Но г. Семирадскій не Неронъ, и потому его Дирцея столь же цѣла и невредима, какъ боярышня г. Новооскольцева, и столь же мало на аренѣ цирка слѣдовъ безпорядка и борьбы. По этой же причинѣ и его Неронъ не выражаетъ на своемъ лицѣ того особаго жестокаго удовольствія, ради котораго онъ затѣялъ воспроизведенія миѳа о Дирцеѣ. Голыхъ женщинъ, самыхъ красивыхъ, Неронъ могъ имѣть сколько угодно и любоваться ими вволю, а въ данномъ случаѣ ему нужно было красивое тѣло въ особенной, кровавой обстановкѣ: ея нѣтъ на картинѣ, нѣтъ и отраженія ея на лицѣ Нерона...

Не смотря на выдающуюся талантливость г. Семирадскаго, его «Дирцея» была бы неумѣстна на передвижной выставкѣ, представляла бы собой диссонансъ на ней, какъ теперь, хотя и по другой причинѣ, представляетъ диссонансъ картина г. Нестерова «Благовѣщеніе». Евангельскія темы не разъ и прежде занимали передвижниковъ. Достаточно вспомнить «Христа въ пустынѣ» Крамского, рядъ картинъ Ге и проч. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ художники старались вложить *свое* настроеніе и *свое* пониманіе въ изображеніе того или другого евангельскаго эпизода. Это пониманіе могло быть ошибочнымъ, но его настроеніе было искренно, свое. Г. же Нестеровъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ старается выразить не свое, а чужое, примитивно наивное настроеніе. И глядя на его

«Благовѣщеніе», я опять таки вспомнилъ два вышеприведенные анекдота. А, впрочемъ, я слышалъ, какъ одинъ изящнѣйшій кавалерійскій офицеръ, остановившись передъ картиной г. Нестерова, обратился къ своей спутницѣ, тоже очень изящной и нарядной дамѣ, съ восклицаніемъ: Ah, que c'est beau!..

Передвижная выставка уже не производитъ нынѣ того впечатлѣнія, какое производила когда то. Частію потому, что кое какія ея спеціальныя черты дѣйствительно до извѣстной степени перестали быть спеціальными и усвоены другими учрежденіями и обществами. Этимъ передвижники могутъ только гордиться. Но есть и другія, печальныя стороны дѣла. Знамя передвижныхъ выставокъ остается неприкосновеннымъ, но нѣкоторые сильные носители этого знамени покончили свое земное поприще, а «иные ему измѣнили» и—не скажу «продали кисти свои», но отошли въ сторону. А на смѣну имъ нарождается что то мало большихъ силъ (такимъ казался, напримѣръ, г. Богдановъ-Бѣльскій, таковъ несомнѣнно есть г. Касаткинъ). На нынѣшней выставкѣ преобладающую роль играютъ пейзажи, между которыми есть истинно превосходные: не говоря уже о послѣднихъ произведеніяхъ Шишкина, «Везувій» г. Ярошенко, «Осеннее утро» г. Мясоѣдова, «Передъ вечеромъ» г. Волкова, и въ особенности изумительный «Тихій вечеръ» г. Дубовского,—вотъ вѣдь тоже «желтые тона», вѣрнѣе: золотые, а посмотрите, что значитъ писать не модель для вышивки шерстью, а подлинное пережитое впечатлѣніе, воспроизведенное для внушенія его же зрителю... Однако, пейзажъ самъ по себѣ не есть что нибудь характерное, какъ ради живописи, для передвижной выставки. Онъ лишь въ послѣдніе годы сталъ завоевывать себѣ относительно большее мѣсто, въ ущербъ жанру и исторической живописи. Тамъ—въ жанрѣ и исторической живописи—жизнь и жажда жизни, здѣсь—въ пейзажѣ—удаленіе отъ жизни и жажда покоя. Любопытно: г. Мясоѣдовъ, когда то блестящій жанристъ, лишь изрѣдка обращавшійся къ пейзажу, на одной изъ предъидущихъ выставокъ далъ картину «Вдали отъ міра»,—одинокій монахъ въ лѣсу или въ полѣ; а на нынѣшней выставкѣ г. Мясоѣдовъ уже исключительно пейзажистъ, ушелъ въ лѣсъ, въ поле, «вдаль отъ міра». Недостаетъ, чтобы неистощимый, кипящій жизнью г. В. Маковскій ушелъ «вдаль отъ міра»; его жанровъ на нынѣшей выставкѣ и меньше прежняго, и какъ то они случайны, анекдотичны. Что это значитъ: личная усталость, или наша оскудѣлая жизнь не даетъ достаточнаго возбужденія?

Читатель пробѣжалъ не обзоръ четырехъ художественныхъ выставокъ. Я этой претензіи не имѣлъ и обошелъ многое, достойное въ разныхъ отношеніяхъ вниманія. Я не говорилъ объ огромномъ и вполнѣ безобразномъ «декоративномъ пано» г. Врубеля «Утро» на выставкѣ русскихъ и финляндскихъ художниковъ, о картинѣ г. Рубо «Живой мостъ» (у академиковъ), представляющей

разительный примѣръ несоотвѣтствія за сердце хватающаго сюжета съ холодностью исполненія; объ очень интересныхъ, хотя и загадочныхъ маленькихъ сепіяхъ г. Котарбинскаго и его же нисколько не интересной огромной «Оргіи» и проч., и проч. Я хотѣлъ лишь нѣсколькими примѣрами иллюстрировать вышеизложенныя теоретическія положенія о задачахъ и предѣлахъ искусства.

Ник. Михайловскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Еще нѣсколько словъ о продовольственной нуждѣ.

Наступаетъ самая тяжелая пора для населенія мѣстностей, захваченныхъ неурожаемъ прошлаго года. Весенніе мѣсяцы, какъ извѣстно, самые трудные въ голодную годину. Всѣ запасы пріѣдены, все, что можно было продать, продано, вопросъ о томъ, какъ существовать далѣе, принимаетъ острыя формы; а между тѣмъ именно теперь, къ началу полевыхъ работъ, расходы на пищу и для людей, и для рабочаго скота неизбѣжно должны подниматься въ крестьянскомъ бюджетѣ. Затѣмъ необходимы усиленныя дачи кормовъ и рабочей скотинѣ. Нельзя пахать на той тошади, которую подвѣшиваютъ въ хлѣву на веревкахъ, такъ какъ она не можетъ держаться на ногахъ. Время наибольшей потребности совпадаетъ такимъ образомъ съ временемъ наибольшей скудости. Если осенью мы встрѣчаемся съ «недородомъ», а затѣмъ слѣдуетъ постепенное разрушеніе хозяйства, то къ веснѣ вопросъ идетъ уже о голодовкѣ, не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ. Продовольственная помощь нуждающемуся населенію съ наступленіемъ весеннихъ мѣсяцевъ становится необходимѣе, чѣмъ когда либо. Если для этого нужны фактическія подтвержденія, ихъ можетъ дать въ изобиліи печальный опытъ 1891—92 голоднаго года. И тогда существовало то же стремленіе, которое высказывается и теперь, ограничить періодъ продовольственной поддержки населенія только временемъ до открытія полевыхъ работъ, но жизнь рѣшительно его опрокинула. Наибольшая часть выданныхъ пособій упала именно на весну и начало лѣта. Если взять за 100 всю сумму продовольственныхъ выдачъ, за 14 мѣсяцевъ, (съ іюля 1891 по августъ 1892 г. включительно), то на первые 6 мѣсяцевъ (іюль—декабрь 1891) придется около 13 ея процентовъ, на послѣдніе 2 мѣсяца (іюль—августъ 1892) падаетъ до 5%, остальные 82% приходятся на 6 среднихъ мѣсяцевъ; причемъ ростъ выдачъ идетъ въ такой постепенности:

январь	9,9 %
февраль	12,8 »
мартъ	15,5 »
апрѣль	15,6 »
май	14,8 »
іюнь	14,0 » *).

Кульминаціоннаго пункта продовольственная нужда достигала въ мартѣ и апрѣлѣ, май и іюнь представляютъ уже нѣкоторое паденіе, хотя всетаки по размѣрамъ выдачъ онѣ превышаютъ всѣ остальные мѣсяцы, кромѣ марта и апрѣля. Въ іюлѣ выдачи падаютъ уже до 4%, т. е. ниже той величины, на которой они стояли въ декабрѣ (6,6%). Аналогичный рядъ представляетъ и распредѣленіе по мѣсяцамъ общаго числа «ѣдоковъ», т. е. лицъ, воспользовавшихся ссудой. Самое большее число нуждающихся приходилось кормить въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, причемъ maximum'а своего этотъ рядъ достигаетъ въ апрѣлѣ—маѣ, мартъ и іюнь даютъ нѣсколько меньшія цифры. Въ весенніе мѣсяцы пришлось выйти и изъ предѣловъ той продовольственной нормы, — 30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока,—которая такъ настойчиво рекомендовалась въ голодный годъ (такъ же какъ рекомендуется и теперь): уже въ февралѣ *средній* размѣръ выдачи, недостигавшій въ сентябрѣ-декабрѣ 1891 г. даже и законныхъ 30 ф.—составлялъ 32 ф. на ѣдока, въ мартѣ онъ поднялся до 32,8 ф.; въ іюлѣ онъ упалъ опять до minimum'а.—19,6 ф. на одно лицо.

Такимъ образомъ все говоритъ намъ, что теперь мы стоимъ на порогѣ періода самой острой въ настоящемъ хозяйственномъ году продовольственной нужды. Естественно возникаетъ вопросъ, что же мы знаемъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ этой нужды и о тѣхъ средствахъ, какія имѣются на лицо для борьбы съ нею?

Къ сожалѣнію, слѣдуетъ сознаться, что данныя, которыми мы располагаемъ для отвѣта на этотъ вопросъ, оставляютъ желать очень многаго—въ особенности, поскольку они касаются второй его половины. Если для опредѣленія объема народной продовольственной нужды у насъ не достаетъ часто точныхъ числовыхъ показателей, то во всякомъ случаѣ въ нашемъ распоряженіи имѣется достаточно большой фактическій матеріалъ, чтобы составить заключеніе о характерѣ и значеніи переживаемыхъ продовольственныхъ затрудненій. Не такъ стоитъ дѣло по отношенію къ мѣрамъ борьбы съ этими затрудненіями. Здѣсь очень многое все еще остается большимъ—и, при условіяхъ даннаго момента, очень тревожнымъ вопросомъ. До сихъ поръ нельзя даже подвести хотя бы

*) «Статистическія данныя по выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе и продовольствіе населенію, пострадавшему отъ неурожая въ 1891—1892 гг.». Временникъ Ц. Ст. Комитета М. В. Д., № 28, 1894, стр. 5 и сл.

приблизительныхъ итоговъ—какъ велики размѣры тѣхъ средствъ для продовольственной помощи населенію, которыми располагаютъ учрежденія, вѣдающія этою помощью, и насколько соотвѣтствуютъ они разсчетамъ, сдѣланнымъ на мѣстахъ. Мы можемъ судить объ этомъ только по отрывочнымъ сообщеніямъ, имѣющимся въ газетныхъ извѣстіяхъ. Точно также неполны и свѣдѣнія о томъ, какъ и кѣмъ составлялись разсчеты необходимой помощи. Еще болѣе скудны проникающія въ печать извѣстія о ходѣ самой раздачи пособій нуждающемуся населенію. Какъ организовано это дѣло на мѣстахъ, какія силы привлечены къ участію въ немъ, въ какихъ размѣрахъ производятся выдачи, съ какого срока началась раздача пособій и много-ли хлѣба и денегъ уже выдано нуждающемуся населенію,—все это еще остается подъ вопросомъ. Во время продовольственной операціи 1881—92 гг. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ публиковались въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» ежемѣсячныя вѣдомости о количествѣ разрѣшенныхъ ссудъ, о заготовкѣ хлѣбныхъ запасовъ и о размѣрахъ розданныхъ за отчетный мѣсяцъ пособій, по каждой изъ постигнутыхъ продовольственной нуждою губерній. Ничего подобнаго теперь мы не имѣемъ. Та широкая гласность, которая сопровождала въ 1891—92 гг., по крайней мѣрѣ нѣкоторые отдѣлы продовольственной операціи, въ настоящее время совершенно отсутствуетъ.

Мы не можемъ такимъ образомъ дать сколько-нибудь полной картины положенія продовольственнаго дѣла въ настоящій моментъ; однако, даже по тѣмъ скуднымъ даннымъ, какими мы располагаемъ, можно отмѣтить нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, характеристическія его черты. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что выдающейся особенностью нынѣшней продовольственной операціи можно назвать *стремленіе къ экономіи*, проявляющееся въ дѣятельности и высшихъ, и низшихъ учрежденій, прикосновенныхъ къ продовольственному дѣлу. На всѣхъ ступеняхъ продовольственной организаціи замѣтно выступаетъ впередъ особая заботливость объ ограниченіи помощи предѣлами самаго необходимаго минимума, рискуя скорѣе опуститься ниже этого минимума, чѣмъ допустить «излишество» въ пропитаніи голодающаго населенія.

Напоминанія о необходимости крайней бережливости при назначеніи пособій мы встрѣчаемъ уже въ первомъ циркулярѣ, отъ 10 іюня 1897 г., открывшемъ собою продовольственную кампанію этого года. Циркуляромъ этимъ, въ виду неблагопріятныхъ извѣстій о видахъ на урожай, рекомендовалось губернаторамъ образовать особыя мѣстныя совѣщанія для выясненія размѣровъ продовольственной нужды и способовъ ея удовлетворенія. Въ руководство совѣщаніямъ даны были и нѣкоторыя общія указанія о томъ, какъ слѣдуетъ исчислять необходимыя пособія. Такъ именно: въ циркулярѣ напоминалось, что помощь населенію должна заключаться не въ возмѣщеніи происшедшихъ отъ неурожая потерь, «а лишь въ

нѣкоторомъ облегченіи нуждъ недостаточнаго населенія»; поэтому въ число нуждающихся въ пособіи не должны входить лица рабочаго возраста, разсчетъ требуемыхъ пособій предлагалось производить по нормѣ 30 фунтовъ въ мѣсяцъ хлѣба на ѣдока (кромѣ рабочихъ мужчинъ; приэтомъ исключались и дѣти до 3-хъ лѣтняго возраста) и выдача ссудъ должна закончиться апрѣлемъ 1898 года, такъ какъ въ это время для населенія открывается возможность заработковъ.

Сдерживающія указанія центральныхъ учрежденій, завѣдующихъ продовольственными источниками и охраняющихъ ихъ цѣлость—дѣло обычное, повторяющееся при каждомъ обращеніи къ этимъ источникамъ. На этотъ разъ такія указанія пали—мѣстами по крайней мѣрѣ—на очень подготовленную почву и вызвали стремленія къ экономіи, идущія даже далѣе намѣченной цѣли. Яркій примѣръ этого представляетъ исторія составленія продовольственной смѣты въ Калужской губерніи. Калужское земство имѣетъ въ своемъ распоряженіи организованное статистическое бюро; это должно было, конечно, облегчить для него работу собиранія необходимыхъ для продовольственной смѣты данныхъ. На земское статистическое бюро и возложено было составленіе первоначальнаго разсчета продовольственной и сѣменной нужды населенія губерніи. Въ результатѣ вычисленій, произведенныхъ двумя взаимно провѣряющими другъ друга пріемами, статистическое бюро пришло къ выводу, что для оказанія помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая и отъ возвышенія цѣнъ на покупной хлѣбъ, необходима затрата до 2.000,000 р. Параллельно съ этимъ составлялись разсчеты и на мѣстахъ, уѣздными управами. По сопоставленіи тѣхъ и другихъ разсчетовъ совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ остановилось на уѣздныхъ исчисленіяхъ, дававшихъ цифры значительно меньшія противъ губернскихъ. На продовольственныя нужды признано было достаточнымъ ассигнованіе 224 т. р., на сѣменныя—537,4 тыс., за округленіемъ на непредвидѣнныя нужды общій итогъ продовольственной смѣты опредѣленъ былъ въ 770 т. р. Вслѣдъ за тѣмъ собралось второе продовольственное совѣщаніе, смѣшанное, изъ представителей земства и мѣстной администраціи. На этомъ совѣщаніи смѣта собственно продовольственныхъ пособій сведена была къ нулю, а размѣръ сѣменной ссуды ограниченъ 300 т. р. Этотъ разсчетъ принятъ былъ и губернскимъ земскимъ собраніемъ, не смотря на возраженія губернской земской управы, отстаивавшей расчеты своего статистическаго отдѣленія, и на письменный протестъ предводителя дворянства одного изъ пострадавшихъ уѣздовъ, заявлявшаго, что дѣйствительная нужда населенія этого уѣзда оказалась гораздо значительнѣе предположеній, принятыхъ на первомъ совѣщаніи и значительно урѣзанныхъ на послѣдующемъ. Нужно замѣтить, что, по оффиціальнымъ даннымъ, средній сборъ хлѣбовъ въ Калужской губерніи въ 1897 году не достигалъ и $^2/_3$ средняго

(65,4%); особенно пострадали яровые хлѣба: средній сборъ овса по всей губерніи составлялъ самъ 1,1, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не покрылъ сѣмянъ.

Подобные же примѣры урѣзки продовольственныхъ смѣтъ по мѣрѣ ихъ разсмотрѣнія мы встрѣчаемъ и въ нѣсколькихъ другихъ губерніяхъ. Орловская губернская земская управа, на основаніи данныхъ, доставленныхъ управами уѣздными, вычислила потребность въ продовольственныхъ ссудахъ для 7 уѣздовъ, предъявившихъ свои требованія,—въ 1,365 т. пуд. Коммиссія изъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, которой переданъ былъ этотъ разсчетъ, уменьшила его до 923 т. пуд. Экономія достигнута была приведеніемъ всѣхъ выдачъ къ 30-фунтовой нормѣ и къ 4-мѣсячному сроку, до начала полевыхъ работъ.

Въ 1892 г. въ маѣ и іюнѣ въ Орловской губерніи потребовались очень крупныя продовольственныя выдачи (за эти 2 мѣсяца роздано было болѣе 586 т. пуд. продовольственныхъ ссудъ или 26,6% общаго ихъ количества за весь годъ); трудно понять, поэтому, на чемъ основывалось предположеніе, что на нынѣшній разъ нужда въ пособіяхъ прекратится съ началомъ полевыхъ работъ. Вѣдь въ Орловской губерніи наиболѣе распространенъ наемъ на работы съ осени, съ выдачею впередъ крупныхъ задатковъ или даже всей договоренной суммы. Конечно, въ голодный годъ запродажа труда практиковалась особенно широко и, по всей вѣроятности, вся плата, которую причиталось получить населенію, была уже проѣдена осенью и зимой, такъ что открытіе полевыхъ работъ никакой перемѣны къ лучшему въ положеніи нуждающагося населенія принести не могло. Въ Нижегородской губерніи на первоначальномъ продовольственномъ совѣщаніи приблизительная потребность въ продовольственной ссудѣ для всей губерніи вычислена была въ 698.450 п., на экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ ноябрѣ мѣсяцѣ размѣръ этой ссуды уменьшенъ былъ до 382.800 пуд. собственно на продовольствіе и 68.700 пуд. на обсѣмененіе яровыхъ полей и т. д.

Еще большимъ урѣзкамъ мѣстныя продовольственныя смѣты подвергались въ центральныхъ учрежденіяхъ. Кажется, ни одно земское ходатайство о ссудѣ не было удовлетворено полностью. Какъ велики были сокращенія въ земскихъ смѣтахъ, можно видѣть на результатахъ ходатайствъ тамбовскаго губернскаго земства. Тамбовское земство еще въ сентябрѣ прошлаго года, послѣ экстреннаго земскаго собранія, ходатайствовало о правительственной ссудѣ въ размѣрѣ 1.237 тыс. руб. Продовольственная помощь исчислялась при этомъ по нормѣ 1 пудъ въ мѣсяцъ на каждаго ѣдока, исключая дѣтей до 2 лѣтъ и рабочихъ мужчинъ. Ходатайство было отклонено, какъ недостаточно обоснованное. На очередномъ собраніи 14—15 декабря продовольственный вопросъ подвергнутъ былъ новому обсужденію. Губернская управа доложила притомъ, что,

по болѣе тщательному подсчету, размѣръ нужды во всѣхъ уѣздахъ опредѣляется цифрами, гораздо высшими, чѣмъ это предполагалось первоначально. Если даже принять въ основаніе норму продовольственной помощи въ 30, а не въ 40 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока, нехватка составитъ болѣе 5.200,000 пуд. Собраніе постановило вторично ходатайствовать о ссудѣ въ 1987 т. пуд. ржи на продовольствіе, 772 пуд. овса на обсѣмененіе полей и 956 т. руб. на прокормъ скота (губернскою управою эта послѣдняя сумма опредѣляется въ 1238 т. р., собраніе ее нашло возможнымъ уменьшить). Въ отвѣтъ на это ходатайство земству отпущено: на продовольствіе 500 тыс. пуд. и на сѣмена 600 т. пуд.; въ ссудѣ на прокормленіе скота совершенно отказано, по неимѣнію необходимыхъ для того въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ средствъ. Главнымъ мотивомъ для уменьшенія размѣровъ оказанной ссуды послужила недостаточная обоснованность ходатайства губернскаго земства, опирающагося на разсчетахъ, сдѣланныхъ уѣздными земскими управами и собраніемъ. Провѣрка земскихъ выводовъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ земскими начальниками, и по подсчетамъ центральнаго статистическаго комитета о сборѣ хлѣбовъ въ Тамбовской губ. привела министерство къ убѣжденію въ томъ, что для продовольственой помощи населенію губерніи достаточно $^1/_4$ той ссуды, которую считало минимально необходимою мѣстное земство. Значительнымъ сокращеніямъ подверглись и ходатайства нѣкоторыхъ другихъ земствъ, свѣдѣнія о которыхъ проникли въ печать. Рязанское губ. земство просило 831 т. р. и получило только 400 т. Орловскому земству на ходатайство объ отпускѣ на продовольствіе 1.047,000 пуд. отпущено было только 700.000 пуд., хотя—какъ мы видѣли выше—земство и само уже принимало мѣры къ сокращенію смѣты. Принимая во вниманіе, что испрашиваемыя ссуды исчислены въ крайнихъ размѣрахъ, такъ что уменьшеніе ихъ должно повлечь за собою оставленіе безъ помощи острой нужды населенія,—очередное земское собраніе рѣшило возобновить ходатайство объ отпускѣ ссуды въ первоначально испрашивавшемся размѣрѣ. Какая судьба постигла это ходатайство—неизвѣстно.

Указанія на нѣкоторую шаткость и статистическую необоснованность разсчетовъ, на которыхъ строятся земскія продовольственныя смѣты, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ слѣдуетъ признать правильными. Трудно понять, однако, на чемъ основывается предположеніе, что разсчеты эти грѣшатъ всегда въ одномъ направленіи, и почему всѣ поправки къ земскимъ исчисленіямъ нужды дѣлаютъ въ сторону ихъ *сокращенія*. Судя по господствующему теперь настроенію, гораздо болѣе вѣроятной и болѣе опасной является ошибка въ противоположную сторону, въ смыслѣ преуменьшенія, а не преувеличенія дѣйствительной нужды. Нельзя не замѣтить затѣмъ, что отсутствіе точной продовольственной статистики не всегда можетъ быть поставлено на счетъ земскимъ учрежденіямъ. Такъ,

уже въ періодъ нынѣшнихъ продовольственныхъ затрудненій, курское губернское земство вынуждено было закрыть существовавшее при губернской управѣ статистическое бюро «въ виду обстоятельствъ, не зависящихъ ни отъ земства, ни отъ состава статистическаго бюро»; независящія обстоятельства помѣшали также и организаціи статистическихъ работъ въ Тульской губерніи, одной изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая нынѣшняго года. Въ Калужской губерніи губернская земская управа, вслѣдствіе неполученія надлежащаго разрѣшенія, лишена была возможности собрать въ нынѣшнемъ году подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ урожая, при помощи пріемовъ, испытанныхъ и давшихъ удачные результаты въ году минувшемъ и т. д.

Крупныя сокращенія испытали и такія земскія ходатайства, которымъ нельзя поставить упрека въ статистической необоснованности. Укажемъ для примѣра на судьбу ходатайства воронежскаго губернскаго земства.

Воронежская губернія принадлежитъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая прошлаго года. Общій сборъ всѣхъ хлѣбовъ по губерніи не достигалъ въ этомъ году (по даннымъ центральнаго статистическаго комитета) и половины средняго (47,2%). Не уродились и яровые, и озимые хлѣба. Если раздѣлить все количество хлѣбовъ, снятыхъ и съ владѣльческихъ, и съ крестьянскихъ полей (за вычетомъ сѣмянъ) на число душъ внѣгородского населенія, получится на 1 душу 10,68 пуд. (5,03 п. озимыхъ и 5,65 яровыхъ). Такъ какъ населеніе губерніи живетъ почти исключительно земледѣльческимъ трудомъ, то оно, естественно, должно было очутиться въ очень критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что слѣды бѣдствія 1891—92 г., носившаго здѣсь очень острыя формы, далеко не успѣли еще изгладиться. Губернская управа еще въ іюлѣ мѣсяцѣ приняла мѣры для выясненія размѣровъ предстоящей продовольственной нужды и необходимой помощи населенію. Собраніе на мѣстахъ нужныхъ для этого свѣдѣній поручено было статистическому отдѣленію управы, выполнившему уже въ 1891 году аналогичную работу, давшую въ высшей степени цѣнные результаты. Экстренное губернское земское собраніе 28 августа 1897 г., на основаніи подсчетовъ статистическаго отдѣленія, опредѣлило число лицъ, нуждающихся въ продовольственной помощи, въ 1.104,400 душъ. Принимая затѣмъ тѣ нормы продовольственныхъ выдачъ, которыя установлены были въ губерніи въ 1882 и въ 1891 гг. (по 1 пуду въ мѣсяцъ для взрослыхъ работниковъ и работницъ съ 1 ноября по 1 мая и для стариковъ и подростковъ по 1 іюля и по 20 ф. для дѣтей до 7 лѣтъ, кромѣ грудныхъ, съ 1 ноября по 1 іюля)—губернское собраніе вычислило общую сумму продовольственной помощи въ 6.836,400 пуд. За вычетомъ изъ этой суммы 4.230,000 пуд., имѣвшихся на лицо въ общественныхъ магазинахъ нуждающихся обществъ,—цифра необходимой ссуды опредѣлилась въ 2.606,000 п.

Для пріобрѣтенія этого хлѣба земство разсчитывало на суммы губернскаго продовольственнаго капитала, израсходованныя въ 1891—92 гг. и подлежащія возмѣщенію изъ казны, по мѣрѣ поступленія съ населенія уплатъ по выданнымъ ему въ тѣ годы ссудамъ. Въ счетъ этихъ суммъ земству было уже отпущено 170 тыс. руб. Губернское собраніе постановило ходатайствовать объ отпускѣ ему и остальныхъ 1.396,000 р. теперь же, не дожидаясь пока они накопятся изъ поступленія съ населенія. Сначала въ удовлетвореніи этого ходатайства было совсѣмъ отказано, затѣмъ—послѣ повторенія его вторымъ экстреннымъ собраніемъ 5 ноября—на Воронежскую губернію назначено было изъ правительственныхъ запасовъ 735 т. пуд. хлѣба (съ зачетомъ его стоимости въ подлежащія возврату суммы губернскаго продовольственнаго капитала). Губернское земское собраніе, собравшись въ третій разъ, 15 декабря, и находя совершенно невозможнымъ обойтись тѣмъ количествомъ хлѣба, которое назначено было министерствомъ, опять возобновило прежнее свое ходатайство. Оно и на этотъ разъ было отвергнуто; въ дополненіе къ разрѣшенной уже ссудѣ добавлено было только 160,000 р. на пріобрѣтеніе яровыхъ сѣмянъ. Въ отвѣтѣ на земское ходатайство было при этомъ указано, что урожай 1897 г. въ Воронежской губ., по свѣдѣніямъ центральнаго статистическаго комитета, значительно превышаетъ сборъ 1891 года, что въ общественныхъ магазинахъ находится теперь хлѣба на $2^{1}/_{2}$ мил. пуд. болѣе, чѣмъ тогда, и что цѣны на хлѣбъ стоятъ въ настоящее время умѣренныя; между тѣмъ число нуждающихся опредѣляется земствомъ въ 1.104,000, тогда какъ 1891—92 гг. число это не доходило до 1.000,000. Въ виду всего этого разсчеты земства признавались преувеличенными, и ассигнованное количество хлѣба (735,000 пуд. вмѣсто 2.606,000 т.) для удовлетворенія продовольственныхъ потребностей губерніи достаточнымъ. Созванное еще разъ, въ январѣ, губернское земское собраніе вновь вошло въ подробное разсмотрѣніе продовольственной нужды населенія, причемъ оказалось, что дѣйствительность превзошла уже первоначальныя предположенія. Такъ, уѣздныя земства, поставленныя въ необходимость выдавать ссуды населенію, выдали по 15 января 1.116,144 п. хлѣба, а въ 1891 году за тоже время было выдано 1.238,245 п., т. е. меньше лишь на 9,9%, чѣмъ въ настоящемъ году. Такой результатъ, по заключенію собранія, никакъ нельзя считать неожиданнымъ: если неурожай 1891 года былъ больше, чѣмъ въ 1897 году, то теперь крестьянское населеніе стоитъ въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ оно было передъ началомъ 1891 года. Подвергнувъ обсужденію всѣ возраженія, сдѣланныя противъ его разсчетовъ, собраніе постановило: представить ихъ на усмотрѣніе г. министра внутреннихъ дѣлъ и ходатайствовать о доассигнованіи ссуды до первоначально испрашивавшейся суммы. Отрицательный отвѣтъ на это ходатайство полученъ былъ въ февралѣ. Передавая этотъ отвѣтъ губернской земской управѣ,

воронежскій губернаторъ сообщалъ, что, въ виду особенной важности настоящаго положенія продовольственнаго дѣла въ Воронежской губерніи, онъ испросилъ по телеграфу разрѣшеніе министра на созваніе 6 марта чрезвычайнаго губернскаго собранія и предлагалъ губернскому земству озаботиться, за неимѣніемъ надежды на полученіе дальнѣйшихъ пособій отъ министерства,—изысканіемъ мѣстныхъ источниковъ помощи, для предупрежденія упадка крестьянскаго хозяйства. На земскихъ учрежденіяхъ,—говорилось въ обращеніи губернатора къ губернской управѣ — «лежитъ громадная отвѣтственность не только за настоящее положеніе дѣла, но и за послѣдствія, которыя по истощеніи нынѣ всѣхъ натуральныхъ запасовъ, собранныхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, могутъ быть ужасны въ смыслѣ безвыходнаго и бѣдственнаго положенія населенія» *). Чрезвычайное собраніе состоялось въ назначенный срокъ. Во время преній въ собраніи, какъ сообщаетъ корреспонденція «Русскихъ Вѣдомостей» **), многими гласными были приведены факты, иллюстрирующіе тяжелое положеніе крестьянства Воронежской губ. въ настоящее время: скотъ распродается за безцѣнокъ или рѣжется на шкуры за отсутствіемъ корма, и такая убыль скота считается тысячами по каждому уѣзду; за слабостью лошадей отъ бескормицы крестьяне отказываются возить на своихъ лошадяхъ хлѣбъ для продовольствія со станцій желѣзныхъ дорогъ; крестьяне забираютъ въ долгъ подъ работу у владѣльцевъ и состоятельныхъ крестьянъ кормъ для скота и хлѣбъ на продовольствіе, такъ какъ выдаваемой ссуды положительно не хватаетъ. Далѣе были сообщены данныя о количествѣ выданныхъ ссудъ на продовольствіе: съ января по мартъ текущаго года роздано 1,418 т. пудовъ, а въ 1892 г. за то же время 1,437 тыс. пудовъ и «управа думаетъ,—заявилъ предсѣдатель губернской управы,—что разница продовольственной нужды въ настоящемъ году и въ 1891—92 г. весьма небольшая» и «что по всей вѣроятности, намъ еще потребуется до 3,168 т. пудовъ хлѣба». Гласные Томановскій (представитель задонскаго у.) и Русановъ (землянскаго у.) добавили, что цифры выданныхъ ссудъ во многихъ уѣздахъ не могутъ рисовать дѣйствительное состояніе дѣла, такъ какъ, за отсутствіемъ средствъ у земства, выдано и выдается значительно меньше, чѣмъ слѣдуетъ, и результатъ такой ненормальности, конечно, явится самъ-собой: наступитъ разореніе, продажа и падежъ скота, переселенія и проч.

По обсужденіи предложенія начальника губерніи объ изысканіи мѣстныхъ источниковъ для помощи населенію, губернское собраніе пришло къ заключенію, что, за отсутствіемъ средствъ, оно не имѣетъ возможности произвести дополнительное ассигнованіе необходимыхъ денежныхъ суммъ на продовольствіе населенія губерніи и

*) «Русск. Вѣдом.», 1898, № 62.
**) «Р. В.» 1898, № 71.

потому признаетъ предложеніе воронежскаго губернатора въ этой части не выполнимымъ. Какое дальнѣйшее направленіе приметъ продовольственное дѣло въ Воронежской губерніи, — для сужденія объ этомъ у насъ нѣтъ пока данныхъ.

Приведенныхъ примѣровъ, какъ намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы составить заключеніе о той крайней сдержанности въ назначеніи продовольственныхъ пособій, которою характеризуется продовольственная операція настоящаго года. Едва ли можетъ подлежать какому нибудь сомнѣнію, что помощь въ формѣ ссудъ оказывается только въ минимальныхъ предѣлахъ. Населеніе должно справляться съ бѣдствіемъ собственными средствами, разсчитывая лишь на «нѣкоторое облегченіе» своихъ нуждъ, насчетъ продовольственныхъ фондовъ и притомъ «въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ».

Намъ нечего прибавлять, что сдержанность учрежденій, ex officio призванныхъ къ дѣлу продовольственной помощи, не находитъ въ настоящемъ году корректива и въ сколько нибудь широкомъ развитіи частной иниціативы въ этомъ дѣлѣ. Ни о чемъ подобномъ той широкой волнѣ благотворительной помощи голодающимъ и деньгами, и хлѣбомъ, и личнымъ трудомъ, которую мы видѣли въ 1891—92 г., теперь нѣтъ и рѣчи. Даже такія крупныя благотворительныя организаціи — какъ общество Краснаго креста, до сихъ поръ еще не приступали къ мобилизаціи своихъ силъ на борьбу съ голодомъ. Нѣсколько тысячъ рублей пожертвованій, собранныхъ газетами (главнымъ образомъ послѣ письма графа Л. Н. Толстого), отрывочные слухи о нѣсколькихъ столовыхъ, открытыхъ, кажется, на Кавказѣ, да кое-какія извѣстія объ открывающихся или предполагаемыхъ къ открытію благотворительныхъ попечительствахъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ,—вотъ едва-ли не все, что можно назвать въ данный моментъ,—когда на порогѣ уже весна, со всѣми ея невзгодами.

Мы не можемъ входить здѣсь въ обсужденіе очень сложнаго вопроса, чѣмъ именно объясняется такое, болѣе чѣмъ спокойное отношеніе къ бѣдствію, переживаемому нынѣ страною. Во всякомъ случаѣ причинъ этихъ нельзя искать въ томъ, чтобы это бѣдствіе, по значенію и характеру своему, не возбуждало самаго серьезнаго и самаго тревожнаго къ себѣ вниманія.

При разсужденіяхъ о томъ, какъ долженъ отразиться на положеніи населенія пострадавшихъ районовъ недородъ нынѣшняго года, очень часто выдвигается впередъ, какъ соображеніе успокоивающаго свойства, то обстоятельство, что недородъ этотъ не достигъ размѣровъ неурожая 1891 года и поразилъ меньшую территорію, чѣмъ тогда. По вычисленіямъ центральнаго статистическаго комитета чистый остатокъ всѣхъ хлѣбовъ (за вычетомъ сѣмянъ) на 1 душу внѣгородского населенія составлялъ (въ среднемъ для 60 губерній Европейской Россіи) въ 1891 году всего 17,22 пуда, въ

1897 г. онъ опредѣляется въ 21,34 пуд., на 4,12 пуда болѣе, хотя и не достигаетъ средней нормы для пятилѣтія 1892—96 г.—26,72 пуда. Неурожайный районъ нынѣшняго года въ Европейской Россіи охватываетъ 17 губерній (къ которымъ нужно присоединить еще 2 губерніи Сѣвернаго Кавказа), тогда какъ въ 1891—92 продовольственная помощь изъ общихъ средствъ требовалась для 22 губерній (не считая Сибири). Съ другой стороны, и хлѣбныя цѣны въ нынѣшнемъ году далеко не поднялись до того уровня, до какого онѣ доходили въ 1891—92 гг. По разсчетамъ, опубликованнымъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ» *), цѣны на рожь въ августѣ—январѣ 1897—98 г., въ среднемъ выводѣ изъ биржевыхъ отмѣтокъ на всѣхъ главныхъ внутреннихъ рынкахъ, не поднимались выше 61% надъ среднею за годовой періодъ съ 1 іюля 1896 по 1 іюля 1897 г. Для овса такое повышеніе измѣрялось только 55%. Хлѣбъ для голодающихъ заготовлялся въ дорогое время по 70—75 коп. за пудъ ржи, тогда какъ въ кампанію 1891—92 гг. средняя заготовительная цѣна ржи составила 131,2 коп. за пудъ; пудъ овса обошелся въ 91,2 коп. и т. д.

Всѣ эти фактическія указанія совершенно правильны; но тѣ заключенія объ относительной силѣ бѣдствія, переживаемаго теперь, сравнительно съ бѣдствіемъ 1891 года, которыя на нихъ строятся, идутъ часто совсѣмъ въ разрѣзъ съ истиной.

Нельзя брать за масштабъ для измѣренія степени народной нужды соотношенія между валовыми цифрами по всей странѣ или по крупнымъ районамъ и еще менѣе—соотношенія между высотами хлѣбныхъ цѣнъ въ разные періоды времени: при томъ пестромъ характерѣ неурожая, какимъ, по общимъ отзывамъ, отличается нынѣшній годъ, средніе валовые выводы являются очень не точными показателями дѣйствительнаго положенія. Плюсы и минусы балансирують другъ друга только въ итогахъ вычисленій; въ жизни дѣло стоитъ иначе. Крестьянину, который ничего не собралъ съ своей нивы, не легче отъ того, что у его сосѣда получился избытокъ, покрывающій его недочетъ въ общемъ итогѣ. Точно также довольно условно и значеніе высокихъ и низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, когда нужда переходитъ за извѣстные предѣлы; послѣ того, какъ цѣна хлѣба повысилась настолько, что пріобрѣтеніе его становится непосильнымъ для истощеннаго хозяйства, дальнѣйшее возрастаніе цѣнъ дѣлается для него уже безразличнымъ. Та или другая высота ея представляетъ большую важность для учрежденій, на обязанности которыхъ лежитъ заготовка запасовъ продовольствія, но для получающихъ продовольственныя пособія размѣры нужды не уменьшаются пропорціонально пониженію хлѣбныхъ цѣнъ. Имъ нужно одинаковое количество хлѣба для пропитанія, будетъ ли онъ дорогъ

*) В. Ф., 1898, № 9.

или дешевъ; только задолженность ихъ въ первомъ случаѣ будетъ больше, чѣмъ во второмъ.

Но и валовые итоги урожая 1897 года оказываются очень неблагопріятными, если ихъ брать не для всей страны—т. е. и для пострадавшихъ, и непострадавшихъ районовъ, вмѣстѣ—а ограничиться только неблагополучнымъ въ продовольственномъ отношеніи райономъ. Въ среднемъ по 19 губерніямъ, входящимъ въ этотъ районъ, сборъ всѣхъ хлѣбовъ въ 1897 году составлялъ 773 м. пуд., въ среднемъ же за предыдущее пятилѣтіе собиралось въ годъ 1,218 мил., недоборъ опредѣляется такимъ образомъ въ 445 милл. пуд. или въ 36% средняго сбора. Для 6 губерній центральнаго земледѣльческаго района сборъ 1897 года составилъ только 57,4% средняго, для Воронежской губерніи это отношеніе опускается до 47,2%; въ Донской области получено было 43,1% средняго сбора, въ Ставропольской губ.—всего 27,4%. Не нужно забывать, что все это *среднія* цифры, при выводѣ которыхъ приняты въ разсчетъ и благополучныя, и неблагополучныя хозяйства. Если въ общемъ *по цѣлой губерніи* сборъ составляетъ менѣе половины средняго, это значитъ, что собственно въ неблагополучныхъ районахъ этой губерніи дѣло стоитъ гораздо хуже.

Если, вмѣсто общихъ итоговъ, мы возьмемъ данныя о среднемъ количествѣ хлѣбовъ, приходящемся на 1 душу, то и здѣсь цифры оффиціальныхъ источниковъ даютъ очень неблагопріятныя указанія, разъ мы ограничимся предѣлами пострадавшихъ отъ неурожая губерній, не вводя въ разсчетъ благополучныхъ районовъ. Такъ, если въ среднемъ по всей Россіи чистый остатокъ всѣхъ хлѣбовъ на 1 душу (за вычетомъ зерна, нужнаго для посѣвовъ) составилъ, какъ мы видѣли 21,34 пуда, то для наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній центральной земледѣльческой области средняя эта опредѣляется только въ 14 пудовъ; въ частности, въ губерніяхъ—Воронежской на душу приходится менѣе 11 пудовъ (10,68), въ Рязанской—11,8, и въ Ставропольской—7,5 пуд. вмѣсто обычныхъ 57 пудовъ. Напомнимъ, что при этихъ вычисленіяхъ въ разсчетъ взятъ сборъ со всѣхъ полей и крестьянскихъ, и владѣльческихъ. То количество хлѣба, которымъ дѣйствительно располагаетъ крестьянское населеніе, должно давать гораздо меньшія душевыя среднія; еще ниже онѣ оказались бы, если бы мы могли отдѣлить собственно неурожайныя мѣстности каждой губерніи отъ тѣхъ, которыя дали обильную или достаточную жатву.

Итакъ, уже по приведеннымъ валовымъ цифрамъ оффиціальнаго статистическаго сборника можно видѣть, что нехватки хлѣба на пропитаніе должны быть очень значительны для огромной массы крестьянскаго населенія земледѣльческой полосы Россіи.

И дѣйствительно, мы имѣемъ категорическія показанія объ этомъ, идущія съ мѣстъ нужды, отъ хозяевъ, хорошо знакомыхъ съ положеніемъ мѣстнаго населенія. Оставляя въ сторонѣ всѣ газетныя

извѣстія и ограничиваясь только данными оффиціальныхъ изданій, приведемъ нѣсколько указаній, которыя мы находимъ въ недавно опубликованномъ V выпускѣ сельско-хозяйственнаго обзора прошлаго года («1897 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи», изд. Министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ).

Такъ, по словамъ министерскаго сборника, въ Курской губ. «судя по полученнымъ сообщеніямъ, до новины хватитъ хлѣба едва ли ¼ части крестьянъ, большинство прокормится лишь до святой, а у многихъ и въ октябрѣ уже не было своего хлѣба». Въ Орловской губерніи, по сообщенію огромнаго числа корреспондентовъ министерства, «продовольственныхъ хлѣбовъ, даже въ лучшемъ случаѣ можетъ оказаться достаточно лишь до начала марта». Еще хуже стоитъ дѣло въ Тульской губерніи. Здѣсь «собственнаго хлѣба въ лучшемъ случаѣ можетъ хватить не болѣе, чѣмъ на 4—4½ мѣсяца, и лишь у болѣе зажиточныхъ крестьянъ, имѣющихъ запасы отъ прежнихъ лѣтъ—до масляницы, остальная же часть населенія должна будетъ (корреспонденціи относились къ осени) прибѣгнуть къ покупкѣ продовольственнаго хлѣба уже въ началѣ зимы, а мѣстами пріобрѣтеніе таковаго началось тотчасъ послѣ посѣва озимыхъ хлѣбовъ, на который зачастую также не хватало своихъ сѣмянъ». Въ Рязанской губ. собственнаго хлѣба у значительной части населенія должно было хватить только до января; нѣкоторые же крестьяне покупали хлѣбъ не только въ концѣ октября, но должны были закупать рожь на посѣвъ». Аналогичныя извѣстія идутъ и изъ Тамбовской губ. Здѣсь, судя по имѣющимся отзывамъ, лишь у одной трети крестьянъ собраннаго хлѣба можетъ хватить до новины, а остальнымъ ²/₃ приходится пользоваться покупнымъ хлѣбомъ въ лучшихъ случаяхъ съ января, а то и съ декабря; многіе изъ крестьянъ покупали хлѣбъ уже въ октябрѣ, употребивъ все собранное зерно на посѣвъ. Въ Воронежской губерніи, по большинству полученныхъ отзывовъ, собственнаго хлѣба на прокормленіе до новины хватитъ лишь у незначительной части крестьянъ, принадлежащихъ къ разряду зажиточныхъ. Средняя масса крестьянскаго населенія можетъ прокормиться своимъ хлѣбомъ въ лучшемъ случаѣ лишь до весны, скорѣе же только до февраля—января; бѣдняки же и малоземельные крестьяне начали покупать хлѣбъ уже съ ноября, и по нѣкоторымъ указаніямъ даже съ сентября».

Всѣ приведенные отзывы относятся къ злополучной центральной земледѣльческой области. Не многимъ благопріятнѣе представляется положеніе вещей и въ другой части неурожайной полосы—среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ. Въ Саратовской, Симбирской, Пензенской, Казанской, Нижегородской губ. собственнаго хлѣба для значительной части крестьянъ должно было хватить никакъ не дольше, какъ до марта—апрѣля, чаще только до января. Въ арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. нуждающіеся крестьяне уже

въ октябрѣ покупали рожь въ долгъ по очень высокимъ цѣнамъ (не ниже 1 р. за пудъ). Въ пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ Самарской губерніи необходимость пріобрѣтать хлѣбъ покупкою на сторонѣ должна была явиться уже съ января или декабря, а коегдѣ пріобрѣтали продовольствіе уже съ октября. Бѣднѣйшая часть населенія Астраханской губ. принуждена была прибѣгнуть къ покупкѣ хлѣба уже въ половинѣ зимы. Точно также и въ губерніи Оренбургской новаго хлѣба съ трудомъ должно было хватить до половины зимы; «крестьяне, не обладающіе старыми запасами хлѣбовъ, мѣстами уже въ октябрѣ продовольствовались за счетъ общественныхъ магазиновъ».

Неурожай 1897 г. захватилъ и районъ усиленнаго отпуска избытковъ хлѣба въ обыкновенное время—Сѣверный Кавказъ и Донскую область. Въ нынѣшнемъ году во многихъ мѣстностяхъ Донской области собраннаго урожая мѣстному населенію «на лучшій конецъ хватитъ не болѣе, чѣмъ до марта»; такія же извѣстія идутъ и изъ Ставропольской губерніи. На Кубани «многимъ хозяевамъ продовольственный хлѣбъ придется покупать съ половины зимы или съ весны, а иные уже осенью, истощивъ свои небольшіе запасы, прибѣгали къ покупкѣ продовольствія на сторонѣ».

Въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ покупка хлѣба для продовольствія составляетъ нормальное явленіе: въ нынѣшнемъ году къ этому рессурсу населенію пострадавшихъ отъ неурожая нечерноземныхъ губерній пришлось прибѣгнуть много ранѣе обыкновеннаго. Такъ, прямыя указанія на это имѣются въ министерскомъ сборникѣ для Калужской губ. «Вслѣдствіе недорода озимыхъ, а главнымъ образомъ яровыхъ хлѣбовъ—читаемъ мы въ цитуемомъ обзорѣ—населеніе принуждено будетъ закупать хлѣбъ для своего продовольствія ранѣе, чѣмъ обыкновенно, а нѣкоторые крестьяне уже покупали его въ октябрѣ». Въ Московской губерніи, судя по большинству полученныхъ сообщеній, «даже тѣ крестьяне, которые занимаются исключительно земледѣльческимъ трудомъ, могли обойтись своимъ хлѣбомъ лишь до новаго года, до февраля» и лишь въ немногихъ хозяйствахъ собраннаго хлѣба хватитъ на больший срокъ.

Мы перебрали всѣ 19 губерній, входящихъ въ составъ неурожайнаго района.

Сгруппированные въ сборникѣ министерства земледѣлія отзывы корреспондентовъ изъ этихъ губерній подтверждаютъ, что всюду хлѣбные дефициты у крестьянскаго населенія оказываются очень значительными.

Но, помимо того, въ данномъ году не уродились повсемѣстно въ неурожайной полосѣ и корма для скота, что дѣлаетъ положеніе еще серьезнѣе. Указанія на отсутствіе или недостатокъ кормовъ и на непомѣрное повышеніе цѣнъ на сѣно и яровую солому, дѣлающее покупку ихъ недоступною для массы нуждающагося населенія, мы встрѣчаемъ въ отзывахъ корреспондентовъ министерства земледѣлія

изъ всѣхъ пострадавшихъ губерній. Такъ изъ Курской губерніи пишутъ, что кормами для скота населеніе обезпечено еще хуже, чѣмъ продовольственнымъ хлѣбомъ. Цѣны возросли до чрезвычайныхъ размѣровъ. «Цѣна старой ржаной или пшеничной соломы урожая 1894 г., почти единственной соломы, еще сохранившейся во многихъ мѣстностяхъ у владѣльцевъ и болѣе зажиточныхъ крестьянъ, доходила до 75 коп. копна; новая овсяная солома продавалась по 1 р. 20 к.—2 р. копна, вѣсомъ пудовъ въ 8 не болѣе, а ржаная солома отъ 1 р. копна, причемъ даже по такой цѣнѣ ея зачастую негдѣ было достать. Недостатокъ корма вынудилъ крестьянъ продать массу скота по самымъ дешевымъ цѣнамъ». Въ Рязанской губерніи сборы сѣна и главнымъ образомъ соломы получились повсемѣстно весьма скудные. Насколько поднялись цѣны на кормъ, можно судить по тому, напр., что въ данковскомъ у. за пудъ ржаной соломы платили въ первыхъ числахъ ноября по 30 коп., а за пудъ сѣна 50—60 коп.; въ раненбургскомъ у. возъ ржаной соломы стоилъ 2 р., а овсяной 4 р., но и по этимъ цѣнамъ достать соломы было почти невозможно. Въ зарайскомъ уѣздѣ крестьяне еще въ концѣ октября «потравили весь уродившійся кормъ и заняты сгребаніемъ березоваго и дубоваго листа въ лѣсахъ у землевладѣльцевъ, который пологаютъ употреблять на кормъ скоту, а на подстилку косятъ и дергаютъ въ поляхъ полынь». Въ Воронежской губ., такъ сильно пострадавшей отъ недорода продовольственныхъ хлѣбовъ, настоящій годъ дѣлается еще болѣе тягостнымъ въ виду слишкомъ малаго запаса кормовыхъ средствъ, обусловленнаго плохимъ урожаемъ сѣна и неурожаемъ яровой соломы. Кормовъ уже осенью въ большинствѣ крестьянскихъ хозяйствъ было настолько мало, что весь лишній скотъ пришлось спѣшно распродавать. Къ половинѣ зимы—по отзывамъ корреспондентовъ—кормовъ не станетъ и для оставшагося минимальнаго количества скота. Совершенно однородныя извѣстія идутъ и изо всѣхъ остальныхъ губерній затронутаго неурожаемъ района. На крайній недостатокъ и дороговизну кормовъ жалуются и въ Поволожьѣ, и на югѣ, на Дону и въ Предкавказьѣ и въ промышленномъ районѣ. Всюду послѣдствіемъ безкормицы является массовая распродажа скота и рѣзкое уменьшеніе размѣровъ и безъ того скуднаго крестьянскаго инвентаря, создающее очень плохія предсказанія и для будущаго. Если прибавить къ этому еще недостатокъ топлива, сильно дававшій себя чувствовать въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ, вынужденныхъ протапливаться соломой, и паденіе стороннихъ заработковъ—то мы получимъ рѣзко выраженную картину крупнаго бѣдствія, бѣдствія, которое, во многихъ мѣстностяхъ, по мнѣнію мѣстныхъ людей, должно отразиться не меньшими потрясеніями на положеніи крестьянскаго хозяйства, чѣмъ памятная голодная година 1891—92 гг. Такъ, въ Курской губерніи, по общему отзыву корреспондентовъ министерства земледѣлія, настоящій годъ «обѣщаетъ отразиться крайне тяжело на благосостояніи

крестьянскаго населенія, тяжелѣе даже, чѣмъ въ 1891—92 г., когда уродились хоть яровые, картофель далъ даже отличные сборы, были еще старые запасы корма, а денежныя средства у населенія были лучше. Надолго подорвавъ благосостояніе большинства крестьянъ, отчетный годъ улучшитъ матеріальное положеніе лишь немногихъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ, сохранившихъ значительные запасы стараго хлѣба». Точно также и для Тульской губерніи сопоставленіе результатовъ двухъ неурожайныхъ годовъ оказывается не въ пользу теперь переживаемаго. «Сравнивая вліяніе урожая отчетнаго года съ таковымъ же въ неурожайные 1891 и 1992 гг.—читаемъ мы въ цитуемомъ сборникѣ—многіе хозяева считаютъ настоящій болѣе тяжелымъ, главнымъ образомъ по причинѣ недорода яровыхъ хлѣбовъ и недостатка кормовыхъ средствъ для скота, количество котораго крестьяне повсемѣстно сократили до крайнихъ предѣловъ». «Отчетный годъ—пишутъ изъ Воронежской губерніи—обусловитъ плохое питаніе, продажу инвентаря и вообще паденіе средняго хозяйства». Онъ неизбѣжно долженъ отозваться «весьма печально на положеніи крестьянскаго населенія, которое, ликвидировавъ свой живой и отчасти мертвый инвентарь, обезсилѣетъ окончательно, тѣмъ болѣе, что мѣстные заработки въ текущемъ году не могли дать сколько нибудь существенной поддержки населенію».

Въ этихъ отзывахъ едва ли можно видѣть преувеличенія. Неурожай 1897 года, хотя и менѣе сильный, чѣмъ въ 1891—92 гг., палъ на почву уже подготовленную; расшатанное крестьянское хозяйство могло оказать очень слабое сопротивленіе бѣдѣ, на него надвинувшейся. Въ этомъ, быть можетъ, слѣдуетъ искать главнѣйшую причину тѣхъ ужасающихъ послѣдствій настоящаго бѣдствія, на которыя указываютъ мѣстные наблюдатели положенія дѣлъ въ неурожайномъ районѣ. Районъ этотъ, какъ мы уже упоминали, захватываетъ 19 губерній—17 въ Европейской Россіи и 2 въ Предкавказьѣ (Ставропольскую и Кубанскую). Изъ этихъ 19 губерній 13 (всѣ 6 губерній центральной земледѣльческой области *) и 7 губерній Поволжскихъ **), стояли въ спискѣ голодающихъ и въ 1891—92 гг. Теперь къ нимъ прибавились еще съ юга—губерніи Астраханская, Донская, Ставропольская, Кубанская и съ сѣв.-зап. Калужская и Московская. Такимъ образомъ, для большей части неблагополучной въ продовольственномъ отношеніи полосы нынѣшняя голодовка является уже рецидивомъ на продолженіи очень короткаго промежутка времени. Насколько затронуты были названныя 13 губерній неурожаемъ 1891 года, можно судить уже по цифрѣ затраченныхъ на нихъ продовольственныхъ пособій. Общая сумма ссуды на продовольствіе и на обсѣмененіе полей, выданная въ 1891—

*) Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская.
**) Симбирская, Саратовская, Пензенская, Казанская, Нижегородская, Самарская и Оренбургская.

92 гг. изъ продовольственныхъ капиталовъ и изъ суммъ государственнаго казначейства, составила, по счетамъ государственнаго контроля, 151,4 м. р. Изъ этого числа на 13 губерній падаетъ наибольшая часть—123,4 м. р. Теперь онѣ опять стоятъ лицомъ къ лицу съ послѣдствіями новаго крупнаго недорода. Можно ли думать, что послѣдствія пережитого недавно кризиса успѣли уже изгладиться и опустошенія, произведенныя въ крестьянскомъ хозяйствѣ голоднымъ годомъ, заполнены въ послѣдующіе годы? Отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно не позволяетъ уже одна громадная задолженность населенія губерній, о которыхъ идетъ рѣчь. Продовольственнаго долга по ссудамъ 1891—92 гг. оставалось, по всѣмъ губерніямъ, ими воспользовавшимися, къ 1 янв. 1897 г. 33,7 м. р. (какъ извѣстно, наибольшая часть этого долга была списана со счетовъ, а не уплачено населеніемъ; 85% этой суммы лежитъ на 13 губерніяхъ. Срочныхъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ числилось къ тому же времени въ общемъ итогѣ за всѣмъ крестьянскимъ населеніемъ 76,6 м. р.—на счетъ 13 губерній приходилось отсюда 59,5 м. р. Если присоединить къ срочнымъ недоимкамъ и недоимки разсроченныя, отношеніе между задолженностью всего населенія и населенія 13 губерній опредѣлится числами 126,7 и 102,2 м. р. Итогъ срочнаго долга по выкупнымъ платежамъ и продовольственной операціи 1891—92 г. составлялъ къ началу 1897 г. для всей страны 110,3 м. р., для 13 губерній—88,1 м. р. При такихъ размѣрахъ задолженности и при практикующихся мѣрахъ взысканія платежей могли ли оказаться у массы крестьянства (не беря въ разсчетъ небольшой группы зажиточныхъ хозяйствъ), какіе нибудь «излишки» и сбереженія, чтобы покрыть ими недочеты неурожайнаго года? Не нужно забывать при этомъ, что, кромѣ заботы о собственномъ пропитаніи и о поддержаніи своего хозяйства, крестьянинъ долженъ былъ въ этотъ годъ нести на себѣ и обычное бремя государственныхъ и мѣстныхъ повинностей. Земскія собранія большинства пострадавшихъ отъ неурожая губерній возбуждали ходатайства объ отсрочкѣ взысканія казенныхъ податей и сборовъ. Мы не знаемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ на это ходатайство, но, какъ видно изъ опубликованныхъ данныхъ объ исполненіи росписи 1897 года, крупныхъ уменьшеній податныхъ поступленій во всякомъ случаѣ не послѣдовало. За 11 мѣсяцевъ 1896 года выкупныхъ платежей взыскано было 78,5 м. р., за тотъ же періодъ 1897 года—75,5 милл., т. е. всего на 3 м. р. менѣе, по всей Россіи.

Откуда же населеніе должно было добывать средства, чтобы заткнуть дыры въ бюджетѣ, вызванныя недородомъ. Первымъ ресурсомъ для этого являлась продажа рабочей силы. Но могъ ли этотъ источникъ доставить сколько нибудь значительные экстренные прибавки?

Если оставить въ сторонѣ губерніи Московскую и Калужскую

всѣ остальныя губерніи неблагополучнаго района почти исключительно земледѣльческія; главный заработокъ населенію даетъ здѣсь работа около земли, своей или чужой. Для значительной части крестьянства даннаго района сторонніе заработки внѣ своего надѣла являются при этомъ необходимымъ подспорьемъ, чтобы сводить концы съ концами и въ обычное время. Центральныя земледѣльческія губерніи и среднее Поволжье—представляютъ собою густо населенныя и малоземельныя мѣстности, гдѣ предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ спросъ. Каждое лѣто огромныя партіи рабочаго люда идутъ отсюда на югъ и юго-востокъ, въ Новороссію, въ Донщину, на Кубань и въ Заволжскія степи въ поискахъ за работою и за хлѣбомъ. Эти отхожіе заработки представляютъ изъ себя своего рода лоттерею, гдѣ, при счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, можно получить крупную плату, но гораздо чаще приходится вернуться домой ни съ чѣмъ. Мѣстныя рабочія платы крайне низки всегда, а въ неурожайные годы въ особенности, и самыя условія найма носятъ на себѣ извѣстный кабальный характеръ. Рабочіе заподряжаются за долго впередъ, съ осени, а иногда и раньше и получаютъ въ задатокъ большую часть договоренной платы или даже всю эту плату полностію. Выполненіе работы является такимъ образомъ отработкою долга, а самый наемъ имѣетъ видъ своеобразной кредитной операціи; при чемъ и такой кредитъ достается населенію далеко не дешево. Центральный земледѣльческій районъ, гдѣ наиболѣе распространена эта форма найма, является вмѣстѣ съ тѣмъ и райономъ минимальнаго уровня рабочихъ цѣнъ.

Въ нынѣшнемъ неурожайномъ году эти цѣны должны были еще понизиться, такъ какъ и спросъ на работу былъ меньше, и предложеніе ея возросло противъ средняго. Переполненію рабочаго рынка должно было способствовать и то обстоятельство, что неурожаемъ захвачена была значительная часть района земледѣльческаго отхода. Донская область, Сѣверный Кавказъ, Заволжье въ нынѣшнемъ году не могли пропитать и своего собственнаго населенія. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новороссіи—въ Бессарабіи и нѣсколькихъ уѣздахъ Херсонской губерніи—предъявлялся усиленный спросъ на рабочія руки во время жатвы. Но, по жестокой ироніи жизни, здѣсь то этихъ рукъ и не оказалось, такъ что конкуррентомъ голодающаго мужика явились въ данной мѣстности солдаты расположенныхъ тамъ войскъ. За исключеніемъ указаннаго района(Бессарабіи и части Херсонской губерніи), повсюду въ земледѣльческихъ районахъ цѣны на наемный трудъ (по даннымъ, сгруппированнымъ въ сельскохозяйственномъ обзорѣ 1897 года, изданнымъ министерствомъ земледѣлія *) обнаруживали сильную

*) См. 1897 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Вып. IV, ст. XVIII—XIX, 122—37 и др.

тенденцію къ пониженію. Въ общемъ, годъ по отношенію къ заработкамъ крестьянскаго населенія оказался неблагопріятнымъ,— эта статья дала въ крестьянскомъ бюджетѣ не плюсъ, а минусъ сравнительно съ обычною ея величиною.

Другимъ источникомъ для полученія необходимыхъ средствъ, помимо продажи рабочей силы, должна была явиться распродажа зерна, предназначеннаго для обсѣмененія полей весной, и распродажа хозяйственнаго инвентаря. Къ обоимъ этимъ рессурсамъ крестьянство дѣйствительно и прибѣгло въ нынѣшнемъ году и притомъ такъ рано и такъ широко, что теперь, предъ началомъ полевыхъ работъ невольно возникаетъ сомнѣніе: на чемъ будетъ пахать крестьянинъ неурожайной полосы и чѣмъ онъ обсѣетъ свое яровое поле. Въ особенности ужасающіе размѣры приняла распродажа, а частію и просто истребленіе крестьянскаго скота. Всѣ сообщенія изъ пострадавшихъ мѣстностей полны указаніями на это. Цѣны на скотъ пали до невѣроятныхъ размѣровъ. Мѣстами скотъ совсѣмъ нельзя было продать, его убивали для шкуры или просто потому, что нечѣмъ было кормить. Пользуясь опять исключительно оффиціально опубликованными данными, приведемъ для примѣра нѣсколько извѣстій изъ разныхъ мѣстностей, опуская массу остальныхъ. По сообщеніямъ, полученнымъ министерствомъ земледѣлія изъ Курской губерніи, «недостатокъ корма вынудилъ крестьянъ продать массу скота по самымъ дешевымъ цѣнамъ; такъ, напримѣръ, рабочія лошади продавались на базарахъ и ярмаркахъ отъ 6 до 10 руб., коровы отъ 6—8 до 10—12, овцы—отъ 1 до 2 и 2 р. 50 к. не дороже». Массовыя продажи скота начались очень рано, такъ что по многимъ извѣстіямъ «крестьянское неселеніе въ концѣ октября успѣло уже продать болѣе половины имѣвшагося у него скота». Въ Тульской губ. вслѣдствіе усиленной распродажи скота цѣны на него достигли небывало низкаго уровня; нерѣдко лошади продавались лишь «за шкуру» (Каширскій уѣздъ). Въ Рязанской губерніи, въ виду отсутствія кормовъ, крестьяне «стали усиленно продавать свой скотъ, нерѣдко не оставляя самаго необходимаго для хозяйства». Многіе, «не находя покупателей, рѣзали рогатый скотъ на мясо, а лошадей на кожи». Въ Тамбовской губ. «количество скота, оставляемаго на зиму, пришлось сократить до минимума, особенно крестьянамъ, которые спѣшили сбыть его съ рукъ. Осенніе ярмарки и базары были переполнены скотомъ, его предлагали за безцѣнокъ, но и то не находили покупателей или же скотъ брался лишь за стоимость шкуръ». Такія же извѣстія идутъ и изъ Поволжскаго района. Въ Саратовской губ. скотъ усиленно сбывался «по крайне низкимъ цѣнамъ, иногда только за стоимость кожи, и на осеннихъ базарахъ можно было, напр., пріобрѣсть лошадь средняго качества за 4—5 р.». По сообщеніямъ изъ Симбирской губерніи, вслѣдствіе значительнаго сокращенія заработковъ и крайне скуднаго сбора кормовъ, крестьянскому населенію пришлось, для уплаты повин-

ностей и погашенія разнаго рода обязательствъ, обратиться къ массовой продажѣ скота, цѣны на который упали почти до уровня 1891 года. Въ Самарской губ. крестьяне, «не имѣя возможности прокормить скотъ, сбывали его по очень дешевой цѣнѣ, лишь бы съ корма долой, но далеко не всегда находили покупателей, такъ какъ и во владѣльческихъ имѣніяхъ кормовыхъ средствъ было запасено не много». Мы не будемъ продолжать далѣе нашихъ выписокъ. Всѣ сообщенія носятъ на себѣ совершенно однородный характеръ и притомъ идутъ они не только изъ района, оффиціально признаннаго не благополучнымъ. О массовыхъ распродажахъ скота за безцѣнокъ пишутъ и изъ Приуралья (Пермская, Вятская, Уфимская губ.), и изъ Тверской губерніи, и изъ многихъ другихъ мѣстностей.

Распродажа инвентаря есть вѣрный шагъ къ разоренію, но этимъ путемъ населеніе всетаки пріобрѣло нѣчто, чтобы перебиться нѣсколько времени. Однако и этотъ рессурсъ далеко не неистощимъ. Къ настоящему моменту онъ, вѣроятно, уже совершенно изсякъ. Что же остается далѣе, съ наступленіемъ той третьей стадіи нужды, когда уже нечего выручать ни отъ запродажи рабочей силы, ни отъ ликвидаціи хозяйственнаго инвентаря? Остается послѣднее средство для приведенія въ соотвѣтствіе средствъ пропитанія съ численностію населенія—сокращеніе этой численности. Выполненіе этой задачи беретъ на себя усиленная болѣзненность и смертность, сопровождающая всегда періоды сильной нужды. Не нужно думать, чтобы для этого необходимы были какія либо особенныя «голодныя» болѣзни. Наибольшая часть заболѣваній носятъ обычныя формы, только истощенный организмъ оказываетъ меньшую силу сопротивленія недугу. Иногда на помощь приходятъ эпидеміи, развивающіяся на почвѣ недостаточнаго питанія и плохихъ гигіеническихъ условій—главнымъ образомъ разные тифы и цынга.

Неурожай 1891 года имѣлъ всѣ эти послѣдствія, хотя помощь нуждающемуся населенію тогда была во много разъ обильнѣе, чѣмъ теперь. Не говоря о широкой организаціи благотворительности, частной и общественной, однихъ продовольственныхъ ссудъ роздано было до 70 милл. пуд. хлѣбомъ и болѣе 2 милл. руб. деньгами. И однако, не смотря на все это, слѣдующій за неурожайнымъ 1892 годъ далъ огромное усиленіе болѣзненности и смертности населенія. По отчету медицинскаго департамента м. в. д. коэффиціентъ смертности въ этомъ году поднялся до 38,2 на тысячу, тогда какъ въ среднемъ онъ опредѣляется только въ 32,7 pro mille, При 119 милл. населенія, насчитывавшагося въ 1892 году, повышеніе коэффиціента смертности даетъ въ общемъ итогѣ *656,000 лишнихъ смертей*. Вотъ цѣна, которою въ послѣднемъ счетѣ страна оплатила бѣдствіе голоднаго года.

Въ 152 уѣздахъ оказался перевѣсъ смертей надъ рожденіемъ, т. е. не приростъ, а убыль населенія. Эти 152 уѣзда, входятъ въ

составъ 35 губерній, причемъ въ 20 губерніяхъ убыль населенія обнаруживала и *по губернскіе итоги*, въ 15—такая убыль оказалась только по нѣкоторымъ уѣздамъ. Губерніи съ общимъ дифицитомъ населенія образовали большую сплошную область, захватывавшую собою все Поволжье, начиная съ Казанской губ. (губ. Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская) и прилегающія къ нему мѣстности: съ запада (губ. Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Донская область), съ востока (Пермская, Тобольская, Уфимская, Оренбургская, Уральская обл.) и съ юга (губ. и области: Ставропольская, Кубанская, Терская, Дагестанская, Бакинская). Внѣ этой сплошной территоріи убыль населенія показывали итоги по всѣмъ 3 округамъ остр. Сахалина.

Если оставить въ сторонѣ данныя относительно Кавказа и азіатскихъ областей, отличающіяся сравнительно меньшею точностію, то для остальныхъ 12 губерній Европейской Россіи вмѣстѣ съ губ. Тобольскою, ближе къ нимъ подходящею, мы находимъ въ отчетѣ медицинскаго департамента слѣдующія итоговыя данныя. На пространствѣ, занятомъ названными 13 губерніями, въ 1892 году насчитывалось 26.790,000 человѣкъ населенія обоего пола. Въ среднемъ за 9 предшествовавшихъ лѣтъ здѣсь рождалось ежегодно 1.368,000 челов., въ 1892 г. цифра рожденій упала на 1.209,500 чел., т. е. родилось *менѣе* на 159,000 человѣкъ. Средняя ежегодная смертность за тотъ же періодъ составляла 983,300 челов. Въ 1892 году умерло 1.451,000 чел., т. е. *на 466,700 человѣкъ болѣе* *).

Въ среднемъ естественное движеніе населенія давало прирость въ 385,000 человѣкъ въ годъ, въ 1892 году, вслѣдствіе перевѣса смертей надъ рожденіями получилась *убыль въ 242,000 человѣкъ*. Населеніе сдѣлало шагъ не впередъ, а назадъ.

Въ 1892 г., какъ извѣстно, Россію посѣтила страшная гостья—азіатская холера, сильно развившаяся на почвѣ, созданной неблагопріятными условіями голоднаго года. Въ 13 губерніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, умерло отъ холеры 134,767 человѣкъ. Общее количество лишнихъ смертей въ этомъ районѣ составляло, какъ мы видѣли, 466,700, значитъ 332,000 смертей остается на другія обычныя формы заболѣваній.

Эти результаты голоднаго года обнаружились съ особою силою во второй его половинѣ. Данныя о движеніи населенія 1891-го, собственно неурожайнаго года не обнаруживали рѣзкой разницы отъ среднихъ; только на слѣдующій годъ, когда нужда должна была достигнуть высшаго предѣла,—населеніе стало вымирать. И теперь мы стоимъ на порогѣ самаго остраго и тяжелаго періода продовольственныхъ затрудненій, вызванныхъ неурожаемъ прошлаго года.

*) Намъ уже приходилось касаться этихъ цифръ въ замѣткѣ, посвященной анализу отчета Мед. Д-та, при выходѣ его въ свѣтъ. См. «Русск. Богатство», 1896 г., IX, Хрон. внутр. жизнь, 153—59.

Большая часть губерній, давшихъ тогда перевѣсъ смертей надъ рожденіями, и теперь значится въ спискѣ голодающихъ.

Н. Анненскій.

P. S. Наша статья была уже закончена, когда мы прочли въ № 7923 «Новаго Времени» (отъ 19 марта) слѣдующее извѣстіе о положеніи продовольственнаго вопроса въ Уфимской губерніи, заимствованное «Новымъ Временемъ» изъ «Волжскаго Вѣстника»:

«По словамъ казанской газеты, опасность недостатка продовольствія была указана уфимскимъ губернаторомъ въ его циркулярѣ уѣзднымъ управамъ, предлагавшимъ внести вопросъ о народномъ продовольствіи на обсужденіе уѣздныхъ собраній. Тогда еще было видно, что у населенія не хватитъ запасовъ на обсѣмененіе и, пожалуй, и продовольствіе; что вслѣдствіе плохого урожая травъ скоту предстоитъ безкормица, начавшаяся уже и въ то время и повлекшая за собою усиленную его распродажу. Уѣздныя собранія, обсудивъ вопросъ, обратились къ губернскому съ просьбой открыть кредитъ на продовольствіе населенія въ 189 т. р. Губернская управа нашла необходимымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія о видахъ на урожай озимей и о положеніи скота у крестьянъ. Озими оказались въ плохомъ состояніи, и по нѣкоторымъ уѣздамъ предстоитъ около одной пятой ихъ предстоящей весной перепахать. Что же касается скота, то въ бирскомъ уѣздѣ, напр., до ноября уже было продано 40 проц. скота; въ белебеевскомъ—свыше 30 проц.; надо ожидать, что въ мензелинскомъ уѣздѣ населеніе лишится четверти всего скота. Однако губернская управа, въ своемъ докладѣ очередному губернскому собранію, нашла возможнымъ сократить испрашиваемый уѣздными собраніями кредитъ. Губернское собраніе приняло докладъ управы, сокративъ просимую уѣздами ссуду до 105 т. р. Вскорѣ затѣмъ уѣздныя земства одно за другимъ стали обращаться въ губернскую управу съ заявленіями объ увеличеніи ссудъ. Одновременно съ этимъ уфимскій губернаторъ предпринялъ поѣздку по губерніи съ цѣлью на мѣстѣ ознакомиться со степенью нужды. Въ белебеевскомъ уѣздѣ, наиболѣе пострадавшемъ отъ неурожая, имъ было созвано совѣщаніе изъ лицъ мѣстной администраціи, на которомъ подтвердилась «безусловная» необходимость помощи населенію. Дѣло оказалось настолько серьезнымъ, что совѣщаніе нашло своевременнымъ сдѣлать постановленіе, въ которомъ предусматривается появленіе болѣзней «отъ недостатка питанія на людяхъ и падежъ скота отъ безкормицы». О положеніи скота у крестьянъ совѣщаніе высказалось такъ:

«Безкормица—явленіе въ уѣздѣ повсемѣстное; скотъ кормится соломою; иногда разбираются крыши на кормъ скоту; въ иныхъ мѣстахъ скотъ пасется (!). Число скота въ уѣздѣ значительно со-

кратилось. Пока заболѣваемость скота въ крупныхъ размѣрахъ наблюдается, но уже и падежъ встрѣчается».

Уфимская губернія до сихъ поръ не стояла въ числѣ неблагополучныхъ; между тѣмъ мы находимъ здѣсь всѣ черты рѣзко выраженной продовольственной нужды. Необходимо признать, слѣдовательно, что область дѣйствительнаго распространенія этой нужды гораздо шире того района, который очерчивается итогами статистическихъ данныхъ о размѣрахъ урожая, сгруппированными въ оффиціальныхъ сборникахъ.

II.

Цензурныя условія провинціальной печати.—Печать и общество.—Освобожденіе земскихъ изданій отъ предварительной цензуры.—Тверское губернское земское собраніе.—Можайское земство и земская агрономія.—Къ реформѣ предварительнаго слѣдствія.

Наступившій годъ подарилъ провинціи нѣсколько новыхъ мѣстныхъ изданій. Въ г. Екатеринославлѣ сразу вышли въ свѣтъ двѣ газеты: еженедѣльная «Днѣпровская Молва» («Приднѣпровье») и ежедневная «Приднѣпровскій Край», въ Херсонѣ получено разрѣшеніе на изданіе газеты «Югъ», въ Курскѣ начала выходить вторая газета «Курская Газета», въ Екатеринбургѣ тоже вторая—«Рудокопъ» и еженедѣльное изданіе «Уральское Горное Обозрѣніе», въ Нарвѣ два раза въ недѣлю будетъ выходить «Нарвскій Листокъ», армянская газета «Мшакъ» будетъ выходить ежедневно, вмѣсто трехъ разъ въ недѣлю. Кромѣ того, получили разрѣшеніе въ столицахъ и провинціи нѣсколько справочныхъ спеціальныхъ и техническихъ изданій.

Привѣтствуя этотъ ростъ провинціальной печати, «Приднѣпровскій Край» утверждаетъ, что ея развитіе въ послѣднія 10—15 лѣтъ идетъ «не по днямъ и даже не по часамъ, а по минутамъ». Но, вѣдь, дѣло конечно, не въ численности органовъ прессы, а въ устойчивости ихъ существованія. А оно,—увы!—бываетъ очень эфемерно. Рѣдкіе изъ нихъ переживаютъ опаснѣйшій по статистикѣ смертности періодъ первыхъ 1—5 лѣтъ жизни. За то же десятилѣтіе, о которомъ говоритъ «Днѣпровская Молва» исчезъ цѣлый рядъ органовъ областной печати: «Терекъ» во Владикавказѣ, «Кубань» въ Екатеринодарѣ, «Югъ» и «Ростовскія на Дону Извѣстія» въ Ростовѣ, «Казачій Вѣстникъ» въ Новочеркасскѣ, «Сибирская Газета», «Амуръ» и многія другія. И если новый годъ принесъ намъ нѣсколько новыхъ изданій, то еще неизвѣстно сколько похоронитъ онъ изъ числа старыхъ. Уже въ настоящее время, въ самомъ началѣ его, нѣсколько провинціальныхъ газетъ прекратили свое существованіе въ виду недоразумѣній

редакціи съ издателями или мѣстною цензурой, другія понесли административныя кары, близкія къ закрытію: пріостановлено было на 8 мѣсяцевъ изданіе газетъ: «Крымскій Вѣстникъ» и «Нижегородскій Листокъ», издаваемой въ Тифлисѣ на армянскомъ языкѣ газеты «Ардзагано» и «Казбекъ». Издававшаяся въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры газета «Сибирь» получила третье предостереженіе съ примѣненіемъ къ ней примѣчанія къ ст. 144 и временно пріостановилась выходомъ. Наконецъ, 7 марта было пріостановлено изданіе газетъ: «Одесскій Листокъ» и «Одесскія Новости» на одинъ мѣсяцъ и изданіе газеты «Донская Рѣчь» на два мѣсяца.

Перечисленные факты показываютъ, что ожидать съ новаго года существенныхъ измѣненій въ условіяхъ дѣятельности провинціальной прессы врядъ ли есть какія либо основанія. Правда, замѣтка «Биржевыхъ Вѣдомостей» еще въ концѣ минувшаго года, возвѣстившая «новую эпоху въ русской журналистикѣ» въ виду слуха о предполагаемомъ освобожденіи областной прессы отъ предварительной цензуры, нашла себѣ нѣкоторое оправданіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ 10 января разрѣшилъ одной изъ старѣйшихъ провинціальныхъ газетъ «Кіевлянину» издаваться безъ предварительной цензуры. Принципіальное значеніе этого распоряженія безспорно: до сихъ поръ, на основаніи установившейся практики, ни одно повременное изданіе не могло издаваться въ провинціи иначе, какъ подъ предварительной цензурою, исключая лишь нѣкоторыхъ изданій, печатаемыхъ учрежденіями, получившими право своей цензуры. Освобожденіе «Кіевлянина» отъ предварительной цензуры является отступленіемъ отъ этой практики. Но, прежде чѣмъ возвѣщать на основаніи этого примѣра «новую эпоху въ русской журналистикѣ», важно убѣдиться, что мѣра эта не исключительная, что вопросъ дѣйствительно идетъ объ уравненіи правъ столичной и провинціальной печати. Что, какъ не полный просторъ или вопіющему неравенству и господству случайностей, или новому, еще большему стѣсненію въ области провинціальной журналистики звучитъ въ слѣдующей аргументаціи въ пользу освобожденія областной печати отъ предварительной цензуры, которую предлагаетъ нижегородская газета «Волгарь»:

«По отношенію къ громадному большинству областныхъ газетъ, съ вполнѣ установившимся profession de foi и многолѣтнимъ прошлымъ, цензурный контроль давно утратилъ свое первоначальное регулирующее и направляющее значеніе.

«Серьезная областная газета всегда выдвигаетъ на первую очередь разработку мѣстныхъ вопросовъ и очень рѣдко разрабатываетъ вопросы обще-государственные, ограничиваясь перепечаткой правительственныхъ извѣстій, распоряженій, циркуляровъ и т. п. Обширная область внутренней и внѣшней политики, принципіальные литературные споры, статьи полемическаго содержанія и проч. занимаютъ первое мѣсто въ очень и очень немногихъ газетахъ.

«Испытанная добросовѣстность редакторовъ, ведущихъ свое дѣло на протяженіи десятка лѣтъ, можетъ быть достаточной гарантіей аккуратнаго и безупречнаго въ извѣстномъ смыслѣ выпуска повременныхъ изданій, разрабатывающихъ лишь краевые вопросы и злобы дня.»

Напрасно нижегородская газета полагаетъ, что обсужденіе однихъ лишь областныхъ вопросовъ наряду съ «аккуратнымъ и безупречнымъ въ извѣстномъ смыслѣ» выпускомъ газетныхъ номеровъ даетъ право считать себя серьезнымъ областнымъ органомъ. Въ провинціальной печати мѣстный матеріалъ всегда будетъ привлекать главное вниманіе, но для того, чтобы умѣть въ немъ разбираться, для того, чтобы помочь разобраться въ немъ и читателю, нужно стоять выше мелкихъ интересовъ и мѣняющихся настроеній мѣстной общественной жизни, а тѣмъ болѣе случайныхъ и постороннихъ вліяній. Нѣсколько иначе выясняетъ свой взглядъ на задачи мѣстной прессы вновь открывшійся въ Екатеринбургѣ органъ «Рудокопъ».

«Кромѣ изслѣдованія мѣстныхъ вопросовъ и изученія края, говоритъ редакція, газета будетъ выполнять и болѣе широкую культурную миссію, направляя свои силы на разработку вопросовъ просвѣщенія и распространенія знаній въ народѣ, повышеніе въ его средѣ культуры и самосознанія, а также на вопросы, касающіеся мѣстнаго самоуправленія, причемъ редакція надѣется, что статьи, посвященныя этимъ предметамъ, являясь подготовительными трудами для проведенія въ жизнь тѣхъ или иныхъ начинаній, при удачной постановкѣ газеты, будутъ имѣть и руководящее значеніе среди мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей.

«Зачисляя себя въ ряды культурныхъ работниковъ, «Рудокопъ» будетъ привѣтствовать всякое прогрессивное явленіе русской жизни, всякую живую общественную иниціативу, не затемненную сословными и иными предразсудками. Въ виду того, что только свободное развитіе всѣхъ элементовъ страны можетъ служить залогомъ ея культурнаго роста, на столбцахъ «Рудокопа» не будетъ мѣста ни сословной розни, ни племенной, ни религіозной нетерпимости. И, наоборотъ, каждую мѣру, клонящуюся къ упраздненію всякихъ исключеній и неравенствъ въ объемѣ гражданскихъ правъ между цѣлыми сословіями и отдѣльными лицами, «Рудокопъ» будетъ встрѣчать съ живѣйшимъ сочувствіемъ».

Конечно, только будущее укажетъ, въ какой мѣрѣ съумѣетъ и будетъ въ силахъ выполнить свои обѣщанія редакція новой газеты, но уже пріятно отмѣтить, что она съ первыхъ шаговъ становится на путь лучшихъ традицій провинціальной прессы, чуждой искательства, честно и открыто высказывающейся противъ всякаго рода неравноправія и привилегій.

Всѣ затрудненія и стѣсненія, стоящія на пути дѣятельности провинціальной печати, вызываются, безъ сомнѣнія, не столько дѣйствительными интересами общегосударственной и мѣстной жизни,

сколько глубоко укоренившеюся непривычкою къ общественному контролю. Мы видимъ странное явленіе: пользу, значеніе прессы признаютъ, повидимому, всѣ, кромѣ развѣ какихъ нибудь особенно откровенныхъ и ярыхъ обскурантовъ; но, какъ только дѣло касается въ частности того или другого «безпокойнаго» органа печати, въ рядахъ его антагонистовъ вы найдете порой и просвѣщеннаго бюрократа, и дореформеннаго типа Держиморду, господствующаго надъ какимъ нибудь захолустьемъ, и представителей гласнаго суда, и членовъ городскаго и земскаго самоуправленія, и просто членовъ мѣстныхъ клубовъ, обществъ ученыхъ, филантропическихъ и проч. Провинціальныя газеты не перестаютъ сообщать объ отказахъ ихъ репортерамъ въ свѣдѣніяхъ со стороны тѣхъ или иныхъ учрежденій и даже въ правѣ присутствовать на такого рода засѣданіяхъ, которыя по закону считаются гласными и публичными. Послѣдній инцидентъ этого рода произошелъ въ таврическомъ земскомъ собраніи, гдѣ, по выраженію мѣстныхъ газетъ, «гласность была удалена» путемъ довольно своеобразнаго пріема. Обсужденіе всѣхъ наиболѣе щекотливыхъ вопросовъ переносилось въ засѣданія особо назначаемыхъ коммиссій, въ которыя однако входилъ чуть не полный составъ собранія. Было ли это сдѣлано дѣйствительно намѣренно или нѣтъ, во всякомъ случаѣ результатъ, конечно, былъ тотъ, что открылся еще болѣе широкій просторъ для всякихъ догадокъ и слуховъ, можетъ быть, и неосновательныхъ, но клонящихся, конечно, не въ пользу земства.

Самолюбіе нашихъ общественныхъ дѣятелей никакъ не можетъ примириться съ правомъ печати обсуждать ихъ дѣятельность, критически относиться къ принимаемымъ ими мѣрамъ и высказывать по ихъ поводу свои соображенія. Бывшій одесскій городской голова г. Крыжановскій одной изъ причинъ своего удаленія выставляетъ отношеніе къ нему печати. По словамъ «Одесскихъ Новостей», которыя, однако, выборъ его городскимъ головою встрѣтили съ одобреніемъ, «г. Крыжановскій всякое неодобрительное слово о его проектахъ и начинаніяхъ разсматривалъ, какъ личную для себя обиду, и даже пытался однажды лишить или, по крайней мѣрѣ, съузить для газетъ возможность обсужденія дѣйствій управы, отдавъ распоряженіе не выдавать репортерамъ управскихъ докладовъ до разсылки ихъ гласнымъ! Вся печать высказалась, конечно, противъ этого распоряженія, въ высшей степени характернаго для г. К—аго. Онъ, бывшій представитель гласнаго суда, является сторонникомъ канцелярской тайны!..» Удивительно-ли, что при такихъ взглядахъ на печать г. К—ій остался ею недоволенъ? Удивительно-ли, что онъ не могъ оставаться при такихъ взглядахъ на печать на своемъ посту, пока, по крайней мѣрѣ, закономъ не запрещено прессѣ обсуждать дѣятельность членовъ «городского общественнаго управленія»?..

Господство канцелярско тайны, бюрократическое пренебре-

женіе къ указаніямъ и голосу общественнаго мнѣнія, болѣзненная нетерпимость къ оцѣнкѣ своихъ дѣйствій, всѣ эти остатки дореформенныхъ понятій и нравовъ прочно гнѣздятся еще въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Даже выборные дѣятели не доросли у насъ до пониманія того, что мѣстная печать, несетъ ли она съ съ собою поддержку или порицаніе, является неотъемлемымъ орудіемъ общественнаго контроля и благодѣтельнаго господства гласности. Ея самыя несправедливыя нападки лучше глухихъ обвиненій, самыя рѣзкія выходки ничто передъ сплетней и клеветой, идущими потаеннымъ путемъ. На первыя всегда можно отвѣчать, бороться съ ними путемъ печати же и суда, противъ вторыхъ нѣтъ спасенія и нѣтъ оправданія.

Играя роль овода, не дающаго провинціи погружаться въ обычную спячку, печать вызываетъ къ себѣ враждебное чувство всѣхъ, кому дороги старыя формы общежитія. Въ этомъ смыслѣ очень характерны тѣ обостренныя отношенія, которыя существуютъ во многихъ провинціальныхъ городахъ между мѣстными клубами и печатью. Провинціальные клубы, служившіе до сихъ поръ неприступными цитаделями карточной игры и, самое большее, если еще и мѣстомъ не всегда невинныхъ праздничныхъ развлеченій, теперь почти повсемѣстно борются съ духомъ времени, который старается придать болѣе осмысленный и содержательный характеръ этому проявленію провинціальной общественности. Мѣстная печать всюду является дѣятельной участницей этой борьбы, развивая идею о необходимости преобразованія клубной жизни, поднятіи нравовъ, изгнаніи азартныхъ игръ, маскарадовъ, а взамѣнъ того учрежденіи при клубахъ библіотекъ, литературныхъ чтеній и вечеровъ. Это превращеніе клубовъ въ учрежденія, преслѣдующія культурно-просвѣтительныя задачи, достигло значительныхъ успѣховъ въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ,—Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани, Калугѣ и пр. При этомъ надо замѣтить, что наиболѣе упорными въ прежнихъ танцовально-игорныхъ традиціяхъ повсемѣстно остаются такъ наз. «благородные» или дворянскіе клубы, составъ которыхъ, однако, давно уже не имѣетъ сословнаго характера, а обнимаетъ и мѣстное дворянство, и высшее чиновничество, и образованное купечество. Наиболѣе же отзывчивыми къ преслѣдованію не однихъ цѣлей развлеченія, но просвѣтательнаго вліянія, оказываются клубы относительно недавняго происхожденія, «соединенные всѣхъ сословій», «клубы канцеляристовъ», «приказчиковъ» и проч. Очевидно, потребность въ поднятіи умственнаго и культурнаго уровня сказывается въ этой группѣ провинціальнаго общества особенно сильно. Движеніе это, конечно, не обходится безъ сопротивленія со стороны приверженцевъ рутины, сопротивленія, которое прежде всего обрушивается на мѣстную печать. Въ Царицынѣ въ минувшемъ году на двухъ собраніяхъ мѣстнаго клуба происходилъ судъ надъ мѣстною же га-

зетою «Волго-Донскимъ Листкомъ». Послѣдній помѣстилъ нѣсколько замѣтокъ, въ которыхъ осудилъ клубскихъ заправилъ за то, что они отказали обществу приказчиковъ отдать безплатно домъ клуба, подъ публичныя лекціи. На эти замѣтки обидѣлось 28 членовъ клуба, преимущественно изъ мѣстной «интеллигенціи»: врачи, адвокаты, инженеры, учителя—и потребовали созыва общаго собранія, чтобы судить непочтительную газету. Старшины клуба требовали отъ редакціи мѣстной газеты, чтобы она открыла имя автора замѣтокъ, но встрѣтили, конечно, вполнѣ понятный отказъ. Въ первомъ состоявшемся по этому поводу собраніи членовъ клуба большинствомъ голосовъ, хотя и незначительнымъ, замѣтки «В. Д. Листка» были признаны оскорбительными для клуба и рѣшенс было привлечь газету къ судебной отвѣтственности. Однако позднѣе, посовѣтовавшись съ саратовскими адвокатами, старшины царицынскаго клуба отказались отъ намѣренія привлечь газету къ суду, а рѣшили раздѣлаться съ предполагаемымъ авторомъ замѣтокъ своимъ судомъ, исключивъ его изъ членовъ клуба безъ преній, какъ ранѣе это было сдѣлано съ редакторомъ неоффиціальной части «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»—Кишкинымъ. Избравъ жертвою своихъ подозрѣній фактическаго редактора «Листка», старшины предложили его къ исключенію, но, къ чести клуба, собраніе котораго отличалось необычнымъ многолюдствомъ, баллотировка дала результатъ отнюдь для старшинъ нежелательный.

Подобная же ожесточенная борьба происходила въ теченіе прошлаго года въ Н.-Новгородѣ между мѣстными органами печати «Нижегородскимъ Листкомъ» и «Волгаремъ», съ одной стороны, и старшинами соединеннаго клуба—съ другой и въ Астрахани между правленіемъ клуба и «Астраханскимъ Листкомъ». И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло шло объ изгнаніи азартныхъ игръ и маскарадовъ; кромѣ того, нижегородскія газеты, какъ и въ Царицынѣ, ставили въ обвиненіе правленію клуба отказъ въ предоставленіи клубной залы подъ народныя чтенія.

Однообразіе приведенныхъ фактовъ показываетъ, что въ основѣ ихъ лежатъ черты, общія нашей провинціальной жизни: боязнь публичной критики съ одной стороны, возрастающее вліяніе прессы на ходъ общественной жизни—съ другой. Безъ сомнѣнія, вліяніе это опирается не на какую либо самодовлѣющую внутреннюю силу; оно черпаетъ ее изъ незамѣтнаго, но упорнаго роста общественнаго сознанія, культурныхъ запросовъ, но печать, по самому свойству своего назначенія и дѣятельности, проявляетъ свои руководящія тенденціи послѣдовательно, безъ уступокъ и компромиссовъ, которыми такъ полна жизнь.

Если исключить изъ общей массы того, что печатается въ провинціи, частныя повременныя изданія, то слѣдующую самую зна-

чительную группу печатнаго матеріала, представятъ тамъ изданія органовъ самоуправленія, городовъ и земствъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о земствахъ: каждый годъ они выпускаютъ въ свѣтъ, кромѣ журналовъ своихъ постановленій, отчетовъ и докладовъ, множество работъ и изслѣдованій, имѣющихъ не только широкій практическій интересъ, но и теоретическое значеніе для ознакомленія съ нашей экономической дѣйствительностью, санитарнымъ состояніемъ Россіи, положеніемъ народнаго образованія и проч. Вся масса этихъ изданій, за ничтожнымъ исключеніемъ, отсылаемыхъ въ цензурный комитетъ, проходитъ черезъ цензуру мѣстной администраціи, губернаторовъ. Безъ предварительной цензуры, на основаніи особо изданныхъ циркуляровъ мин. вн. дѣлъ, могутъ быть издаваемы доклады и протоколы собраній лишь по числу гласныхъ земства и представителей вѣдомствъ, присутствующихъ на его собраніяхъ.

Стѣсненіе, въ которое ставятъ выходъ земскихъ изданій существующія правила, отражается весьма существеннымъ образомъ и на практической сторонѣ земскаго дѣла. Доклады, представляемые очереднымъ земскимъ собраніямъ, заключая въ себѣ нерѣдко обстоятельную разработку вопросовъ, поднятыхъ не далѣе, какъ годъ тому назадъ, большею частью не могутъ быть готовы ранѣе, какъ передъ самымъ собраніемъ. А тутъ является еще новая задержка въ видѣ необходимости отдачи ихъ подъ предварительную цензуру. Земскіе доклады, отчеты, изслѣдованія—все это скопляется къ одному моменту года и все это поступаетъ на спѣшное разсмотрѣніе какого-нибудь чиновника губернскаго правленія, мало компетентнаго въ роли цензора. Еще большія проволочки происходятъ въ томъ случаѣ, если земское изданіе, не имѣя характера доклада или отчета, отсылается въ общую цензуру, какъ литературно-научная работа или изслѣдованіе. Благодаря запозданію въ выходѣ, подобныя работы могутъ существенно потерять для даннаго земства въ своемъ текущемъ практическомъ значеніи.

Непосредственная близость земствъ къ нуждамъ и интересамъ населенія, ихъ обширный опытъ въ примѣненіи многоразличныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію его образованія и благосостоянія, имѣютъ настолько крупную важность для цѣлей управленія, что формальныя ограниченія гласности въ земскомъ дѣлѣ никакъ не могутъ быть оправдываемы ни съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ, ни съ точки зрѣнія интересовъ государства. Въ общей суммѣ мѣстныхъ пользъ и нуждъ, предоставленныхъ закономъ заботамъ земства, есть такія, удовлетвореніе которыхъ важно въ предѣлахъ не одной губерніи, а цѣлыхъ областей и даже всей страны. Въ такихъ случаяхъ необходимъ возможно болѣе широкій обмѣнъ мнѣніями, и опытомъ среди всѣхъ земствъ. Исходя изъ этого соображенія, а также изъ общихъ соображеній о значеніи свободы печати, предсѣдатель касимовской земской управы и гласный ря-

занскаго губернскаго земства, П. Оленинъ, обратился во всѣ губернскія земскія собранія съ особой запиской, въ которой предлагаетъ возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ предварительной цензуры всѣхъ земскихъ изданій. По мнѣнію г. Оленина «вся предыдущая дѣятельность земствъ даетъ имъ право на такое довѣріе. Тогда явится возможность возникновенія такого органа, который бы объединилъ дѣятельность земствъ и далъ бы имъ не случайную, а дѣйствительную возможность обмѣна мыслей». Важность этого послѣдняго для правильнаго развитія земской дѣятельности г. Оленинъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ:

«До сихъ поръ земскія учрежденія являются нарушеніемъ того общепринятаго въ Россіи порядка, цѣль котораго есть объединеніе различныхъ народностей, законовъ и мѣропріятій по всему лицу земли русской. Только земскія учрежденія дѣйствуютъ порознь, каждое на свой образецъ, безъ достаточной связи между собою; мѣропріятія, удавшіяся въ одномъ земствѣ, нерѣдко неизвѣстны въ другомъ. Такимъ образомъ лучшія мѣстныя силы, работающія въ земствахъ, оказываются несолидарными между собой и дѣятельность ихъ является разобщенной. Эта разрозненность земствъ отражается на самой плодотворности земской работы. Вслѣдствіе такого отсутствія единства, одни земства идутъ впередъ, въ то время, какъ другія еще только вступаютъ на пройденный уже ими путь и лишь случайно имѣютъ возможность пользоваться чужимъ опытомъ. Все это въ значительной степени объясняется недостаточнымъ развитіемъ гласности въ Россіи».

Предложеніе г. Оленина встрѣтило уже сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ земствъ: костромское губернское собраніе постановило ходатайствовать въ смыслѣ указаннаго предложенія, воронежская губернская управа отъ своего лица выразила сочувствіе мысли г. Оленина, въ самарскомъ земствѣ вопросъ оставленъ открытымъ до представленія списка изданій земства, которыя желательно освободить отъ цензуры. Нѣтъ сомнѣнія, что и еще многія изъ земствъ сочувственно откликнутся на указанное предложеніе: каждое изъ нихъ на себѣ испытываетъ всѣ неудобства существующихъ правилъ.

Насколько своевременно возбужденіе даннаго вопроса, наглядно показываютъ факты, выяснившіеся не далѣе, какъ въ послѣднюю очередную сессію новоторжскаго земскаго собранія, гласные котораго остались безъ протоколовъ и докладовъ предшествующей сессіи, что значительно затруднило отправленіе дѣлъ въ собраніи. «Въ первомъ же засѣданіи, пишутъ въ «Сынѣ Отечества» (№ 52), управа доложила, что она не рѣшилась печатать протоколы и журналы собранія съ тѣми выпусками, какіе сдѣланы бывшимъ тверскимъ губернаторомъ. При разсмотрѣніи этихъ протоколовъ оказалось, что, помимо нѣкоторыхъ рѣчей и заявленій гг. гласныхъ, исключены изъ печати цѣлые доклады какъ управы, такъ

и ревизіонной коммиссіи, а именно: 1) докладъ коммиссіи о 2-хъ постановленіяхъ губернскаго земскаго присутствія: по отзыву земства въ коммиссію по судебной реформѣ о необходимости возстановленія судебныхъ уставовъ и по вопросу о сокращеніи рабочаго дня на фабрикахъ, нынѣ уже правительствомъ разрѣшенному; 2) доклады управы и коммиссіи по вопросу объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, 3) по поводу неутвержденія земскаго врача, допущеннаго къ отправленію должности, г-жи Розановой, завѣдующею народной читальней, по той единственной причинѣ, что она женщина; 4) предисловіе въ докладѣ по медицинской части, заключающее характеристику дореформенной медицины. Кромѣ того, исключены и нѣкоторыя постановленія земскаго собранія, вошедшія въ законную силу и подлежащія исполненію. Приэтомъ управа дополнила, что ей на ея отдѣльное представленіе отказано даже въ напечатаніи журналовъ и протоколовъ безъ пропусковъ по числу гласныхъ и представителей отъ вѣдомствъ въ количествѣ 34 экземпляровъ, а отказъ этотъ и не внесенъ на обсужденіе земскаго присутствія». Коммиссія земскаго собранія, на разсмотрѣніе которой было передано это дѣло, пришла къ слѣдующему заключенію:

«Въ виду сосредоточенія по земскому положенію цензурной власти для земской печати въ рукахъ губернаторовъ и замѣстительства ими въ губерніяхъ всѣхъ общихъ цензурныхъ учрежденій и органовъ по дѣламъ земской печати, всѣ недоразумѣнія и разнорѣчія между этими земскими цензорами, т. е. губернаторами, и земствами подлежатъ разрѣшенію (на основаніи 103 ст. земскаго положенія) земскаго присутствія, представляющаго собою учрежденіе, вѣдающее всѣ недоразумѣнія и пререканія между земскими учрежденіями и губернаторами по всѣмъ отраслямъ управленія, не исключая, конечно, и недоразумѣній въ области устава о цензурѣ. Земству, въ виду отказа г. начальника губерніи исполнить законное требованіе управы, основанное на 103 ст. зем. положенія, ничего не остается, какъ принести жалобу лицу, стоящему во главѣ цензурнаго управленія, т. е. министру внутреннихъ дѣлъ. Принесеніе жалобы необходимо, по мнѣнію коммиссіи, еще и потому, что, во 1-хъ, всѣ недозволенныя г. губернаторомъ части протоколовъ засѣданій касаются по преимуществу обсужденія неправильныхъ дѣйствій его, губернатора, и заключены постановленіями ихъ обжаловать, и, во 2-хъ, потому, что недопущенные къ печати доклады управы и коммиссіи могли быть напечатаны еще въ 1896 году, на основаніи циркулярныхъ предложеній министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 8-го октября 1867 г. № 217, и 7-го февраля 1874 г. № 762—въ числѣ 34 экземпляровъ для раздачи членамъ собранія сессіи 1896 года. Наконецъ, жаловаться нужно, по заключенію коммиссіи, еще и потому, что воспрещеніемъ печатать 34 экземпляра бывшій тверской губернаторъ за-

труднилъ занятія членовъ собранія настоящей очередной сессіи, въ виду физической невозможности пользоваться одновременно 34 лицамъ однимъ писаннымъ экземпляромъ».

Собраніе согласилось съ заключеніемъ коммиссіи. Весь этотъ случай лишній разъ доказываетъ основательность мысли о необходимости освободить земскую печать отъ цензуры администраціи. «Моск. Вѣдомости» не преминули, конечно, отнести предложеніе г. Оленина къ числу новыхъ «либеральныхъ затѣй», называя его «грубо-тенденціознымъ», а поводъ къ нему «наивной нелѣпостью». Но очевидно, что само правительство не раздѣляетъ въ данномъ случаѣ мнѣнія московской газеты. По послѣднимъ извѣстіямъ, оно разрѣшило таврическому земству печатать свои изданія безъ предварительной цензуры, за отвѣтственностью самого земства. Намъ неизвѣстно, однако дано ли это разрѣшеніе съ какими либо ограниченіями или касается всѣхъ земскихъ изданій.

Въ первыхъ числахъ января въ Твери происходило очередное губернское земское собраніе съ новымъ составомъ гласныхъ. Первое же засѣданіе сессіи открылось инцидентомъ, имѣвшимъ отношеніе къ тому же, разсмотрѣнному нами выше, вопросу о цензурѣ земскихъ изданій. Покончивъ съ выборомъ членовъ редакціонной коммиссіи, причемъ въ выборахъ, вопреки протестамъ нѣсколькихъ гласныхъ, опираясь на разрѣшеніе, данное имъ предсѣдателемъ собранія В. П. Трубниковымъ, участвовали и члены управы, срокъ назначенія которой уже истекъ, собраніе готовилось было приступить къ разсмотрѣнію докладовъ. Но тутъ, какъ передаетъ корреспондентъ «Ниж. Л.»—нѣкоторые гласные заявили, что считаютъ прежде всего необходимымъ указать собранію на то, въ какомъ видѣ выпущены управою протоколы прошлогодняго собранія. Е. де Роберти говоритъ, что «его рѣчи искажены такъ, что получается безсмыслица», М. И. Петрункевичъ—что изъ его доклада о санитарномъ бюро выпущены три четверти; приводятся мнѣнія и предложенія и ни одного изъ доводовъ, которыми онъ подкрѣплялъ ихъ; онъ «не можетъ признать того, подъ чѣмъ напечатано его имя, за дѣйствительно сказанное имъ». Е. де-Роберти заявляетъ, что, если протоколы останутся въ томъ же видѣ, какъ они теперь напечатаны, онъ можетъ считать себя вправѣ обратиться къ прокурору и возбудить дѣло о диффамаціи, такъ какъ послѣ упоминанія о его фамиліи говорится, что рѣчи его были нецензурны, но ни одного слова изъ нихъ не приводится. «Если-бы такъ было, вѣдь меня бы должны лишить правъ гласнаго, а этого нѣтъ,—получается безсмыслица». Ив. Ил. Петрункевичъ, въ качествѣ предсѣдателя ревизіонной коммиссіи, ознакомившись со всѣми протоколами, находитъ, что они представляютъ какіе-то обрывки мыслей безъ связи; все, что было говорено на собраніи, такъ искажено, что и «гласнымъ, и обществу приходится теперь, вмѣсто

настоящихъ протоколовъ, имѣть дѣло съ тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется подложными документами».—Гласные новаго состава И. Ладыженскій и Кузминъ-Караваевъ тоже признали, что, читая протоколы, они получили крайне смутное впечатлѣніе и не могутъ теперь составить опредѣленнаго сужденія о дѣятельности прошлаго собранія, а между тѣмъ это имъ необходимо.

Изъ объясненій управы выяснилось слѣдующее. Прошлогоднее собраніе постановило, чтобы управа печатала протоколы въ количествѣ, равномъ числу гласныхъ, безъ цензуры, на что даетъ земству право законъ. Бывшій губернаторъ опротестовалъ это постановленіе. Управа, болѣе заинтересованная въ огражденіи правъ собранія, конечно, не оставила бы этого дѣла безъ послѣдствій и во всякомъ случаѣ довела бы до свѣдѣнія гласныхъ о протестѣ губернатора и искаженіи протоколовъ. Но тверская управа этого не сдѣлала. Какъ бы то ни было, собраніе признало, что оставить этотъ вопросъ безъ разсмотрѣнія,—значило бы допустить существенное нарушеніе правъ земства и потому постановило передать на обсужденіе редакціонной коммиссіи слѣдующіе вопросы: 1) имѣлъ-ли право губернаторъ опротестовать упомянутое постановленіе собранія; 2) правильно-ли поступила управа; 3) слѣдуетъ ли обжаловать дѣйствія губернатора, и 4) ограничиться-ли изъятіемъ изъ обращенія искаженныхъ протоколовъ или, кромѣ того, возстановить ихъ въ томъ видѣ, какой они имѣли въ дѣйствительности? Тщательно сличивъ настоящій текстъ протоколовъ съ находящимися въ употребленіи экземплярами, коммиссія единогласно пришла къ заключенію о необходимости перепечатанія послѣднихъ, такъ какъ только незначительная часть поправокъ носитъ редакціонный характеръ и не измѣняетъ смысла, большую же часть изъ нихъ нельзя назвать иначе, какъ искаженіемъ: особенно много измѣненій подобнаго рода найдено въ докладѣ о положеніи Бурашевской колоніи. Никакихъ отступленій даже отъ общихъ цензурныхъ правилъ, примѣняемыхъ къ періодическимъ изданіямъ, въ текстѣ протоколовъ коммиссія не нашла. Въ виду этого она единогласно предложила собранію: 1) ходатайствовать передъ губернской администраціей о разрѣшеніи напечатать протоколы вновь въ ихъ первоначальномъ видѣ и 2) въ случаѣ отказа въ этомъ, предложить управѣ уничтожить оставшіеся экземпляры, а лицамъ и учрежденіямъ, которымъ они уже разосланы, указать на то, что они несогласны съ дѣйствительнымъ текстомъ и непригодны для справокъ и для ознакомленія съ дѣятельностью прошлаго собранія. Оба предложенія приняты единогласно.

Не съ такимъ единодушіемъ прошелъ вопросъ объ отвѣтственности въ этомъ случаѣ управы. Одни находили, что «управа не имѣла иного выхода, кромѣ напечатанія измѣненныхъ протоколовъ, что ей приходилось считаться съ различными группами гласныхъ, съ различными взглядами ихъ на этотъ предметъ», другіе—что «лучше было получить что нибудь, чѣмъ ничего». Въ отвѣтъ на эту за-

щиту И. И. Петрункевичъ указалъ на то, «что всякое распоряженіе губернатора можетъ быть обжаловано или министру, или въ сенатъ, слѣдовательно власть его ограничена, и земству предоставлены закономъ права, которыя всякій гласный обязанъ охранять. Ораторъ настаивалъ на томъ, что управа могла и должна была пріостановить печатаніе протоколовъ. Никакія соображенія объ образѣ мыслей той или иной группы гласныхъ не должны были тутъ имѣть мѣста: вопросъ отличается полнымъ отсутствіемъ партійнаго характера—дѣло идетъ о нарушеніи личнаго права. Всякій имѣетъ право требовать, чтобы то, что онъ говорилъ или писалъ, не предлагалось обществу въ извращенномъ видѣ. Обжаловать распоряженіе губернской администраціи было возможно. Какія же могли встрѣтиться съ ея стороны препятствія къ напечатанію разсужденій о Бурашевѣ»?

Однако собраніе большинствомъ одного голоса (30 противъ 29) признало управу въ данномъ случаѣ не отвѣтственной. Исходъ этой баллотировки уже предвѣщалъ собранію большія затрудненія при выборѣ состава новой управы. И дѣйствительно, когда 19 января собраніе, открывшись при полномъ почти составѣ, приступило къ выбору предсѣдателя управы изъ двухъ предложенныхъ по спискамъ кандидатовъ, въ результатѣ баллотировки не былъ выбранъ ни одинъ. Голоса раздѣлились поровну. Точно также не состоялись и выборы членовъ управы. Дальнѣйшіе выборы были отложены, но 24 изъ числа гласныхъ подали на слѣдующій же день протестъ предсѣдателю собранія, признавая дѣйствія его на выборахъ неправильными, такъ какъ онъ допустилъ къ участію въ нихъ бывшихъ членовъ управы А. С. Паскина, П. С. Карякина и В. Ѳ. Оттъ; по мнѣнію гласныхъ, основанному на разъясненіи сената 11-й ст. положенія, отъ 1868 года, сохранившемъ свою силу и до нынѣ, толкованіе г. предсѣдателемъ 121 ст. зак. пол. неправильно; лица, могущія участвовать въ рѣшающей дѣятельности собранія, не принявъ присяги одновременно съ гласными, точно указаны въ законѣ,—это гг. предводители дворянства и представители вѣдомствъ, о должностныхъ лицахъ земства не упоминается. 13 дней продолжалась январьская сессія Тверского губернскаго земскаго собранія, но, за исключеніемъ упомянутыхъ вопросовъ и еще дорожнаго, почти ничего существеннаго не было сдѣлано. Въ виду раздѣленія собранія на двѣ равныя половины, не могли быть произведены выборы ни въ члены санитарнаго совѣта, ни въ губернскій училищный совѣтъ, ни въ члены отъ земства въ земское присутствіе, ни въ лѣсной комитетъ, ни въ другія должности. Положеніе оказывалось безвыходнымъ и собраніе рѣшило сдѣлать перерывъ сессіи.

Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 27) объясняетъ подобные «итоги сессій» «послѣдними попытками староземской партіи (лѣвыхъ) удержать свое прежнее вліяніе на весь ходъ земскаго

дѣла, которое становится все меньше и меньше. Измѣнившіяся здѣсь условія жизни настоятельно требовали и требуютъ существенныхъ поправокъ въ программѣ этой партіи и эмансипаціи земскаго здѣсь дѣла отъ прежняго исключительнаго руководства этой партіи». Въ чемъ именно заключается то измѣненіе «условій жизни» въ Тверской губерніи, которое требуетъ «существенныхъ поправокъ» въ программѣ старыхъ земскихъ дѣятелей, и въ чемъ заключаются эти «поправки», корреспондентъ «Бирж. Вѣд», къ сожалѣнію, не поясняетъ. Мы видимъ одно: что какъ въ тверскомъ земскомъ собраніи прошлогодней сессіи, такъ и въ настоящемъ году группа старыхъ земскихъ дѣятелей выступала прежде всего, какъ твердые защитники законныхъ правъ и законной самостоятельности земства. Основательность ихъ прежнихъ представленій и тактики въ земскомъ дѣлѣ была, повидимому, засвидѣтельствована достаточно ярко. Происходившіе въ губерніи выборы и цѣлый рядъ земскихъ постановленій, связанныхъ съ ихъ именами, опротестованные бывшимъ начальникомъ губерніи, были въ нынѣшнемъ году признаны правильными и мотивы къ ихъ опротестованію незаконными.

Посмотримъ же теперь, что несутъ съ собой тѣ, кто задался цѣлью «эмансипировать земское дѣло отъ староземской партіи», въ чемъ ихъ программа, задачи и пріемы? Что обусловило усилившееся вліяніе ихъ на аренѣ земской дѣятельности, объ этомъ говорить излишне: достаточно указать моментъ реформы земскаго положенія, который открывалъ дорогу носителямъ всевозможныхъ «поправокъ» въ традиціи прежняго земства, лишь бы «поправки» эти отвѣчали «измѣнившимся условіямъ жизни». Не будемъ останавливаться на какой то формирующейся, по мнѣнію кор—та «Бирж. Вѣд.», группѣ «независимыхъ гласныхъ», которая, занявъ «центръ» между «староземцами» и «новоземцами» должна своими вотумами направлять ту или другую партію во всѣхъ земскихъ начинаніяхъ «ко благу губерніи» и «къ какому либо рѣшенію». «Благо губерніи» и «какое либо рѣшеніе»—этого болѣе чѣмъ недостаточно для программы: «благо губерніи» можно понимать разно, а «какое либо рѣшеніе» можетъ быть очень плохимъ рѣшеніемъ. О «староземцахъ» авторъ корреспонденціи отзывается не болѣе опредѣленно. Они, видите ли, добиваются «уравнительности и облегченія земскаго обложенія», что они и доказали въ настоящую сессію постановленіемъ объ упраздненіи содержимой на общегубернскій счетъ губернской земской больницы, служившей, будто бы, исключительно для тверского уѣзда, и нѣкоторыми другими постановленіями. Это старый, знакомый типъ «земскихъ экономовъ»! Гораздо полнѣе даютъ характеристику этой группы тверскихъ гласныхъ «Московскія Вѣдомости» (№ 67). Они, во первыхъ, никакъ несогласны на такое подраздѣленіе тверскихъ земскихъ дѣятелей, по которому одни являются «староземцами», другіе «новоземцами». По ихъ мнѣнію послѣдніе такіе же «староземцы», какъ и первые: нѣкоторые

изъ нихъ 20 лѣтъ, другіе съ основанія земства состоятъ его гласными, только раньше они «всегда были въ оппозиціи и оставались въ меньшинствѣ». «Въ этой группѣ нѣтъ пришельцевъ, разночинцевъ, тутъ нѣтъ фиктивныхъ болотныхъ цензовъ, здѣсь, наоборотъ, представители крупнаго землевладѣнія. Это люди съ опредѣленнымъ направленіемъ, знаніемъ нуждъ народныхъ, не кричащіе громкихъ фразъ въ собраніяхъ для полученія дешевыхъ апплодисментовъ неразборчивой уличной публики, но люди сохранившіе свои гнѣзда, которымъ угрожаетъ разореніе, люди поработавшіе и работающіе. Они знаютъ цѣну деньгамъ и знаютъ положеніе землевладѣнія, условія, въ какихъ оно находится, особенно въ послѣдніе годы, и ту задолженность, въ которой состоитъ крестьянское населеніе».

И вотъ, эта та «благоразумная», по выраженію газеты, партія «ввѣрила свое (земское?) обширное хозяйство нынѣшнему предсѣдателю управы А. С. Паскину, зная А. С., за его болѣе чѣмъ 20-лѣтнюю дѣятельность губернскимъ гласнымъ, какъ человѣка, всегда стоявшаго за разумное хозяйство, имѣющаго незаложенными и свои собственныя двѣ усадьбы. Это свидѣтельствуетъ, что онъ не дурной хозяинъ, что и подтвердилось на практикѣ въ бытность его предсѣдателемъ губернской управы, гдѣ всѣ отдѣлы упорядочены; то, что не давало доходовъ, или давало убытки, стало приносить доходы, стоимость содержанія больныхъ въ Бурашевской колоніи за три года дала экономіи, по сравненію съ прежнимъ, около 100 тысячъ, при пониженіи % смертности больныхъ. Всѣ постройки сооружены и ремонтированы капитально и основательно. Купленъ прекрасный домъ для помѣщенія губернской управы на лучшемъ мѣстѣ въ городѣ за 42 тысячи, стоющій не менѣе ста тысячъ».

Въ докладѣ очередному земскому собранію прошлой сессіи о состояніи Бурашевской колоніи душевно-больныхъ указывалось губернской земской управой на громадный процентъ заболѣваемости чахоткою въ колоніи. Въ прошломъ декабрѣ мѣсяцѣ ревизіонная коммиссія губернскаго земскаго собранія, производившая фактическую ревизію Бурашевской колоніи, обратила вниманіе на то, что остатки пищи послѣ больныхъ отдавались въ помояхъ рогатому скоту, молоко котораго шло въ пищу больнымъ и служащимъ въ колоніи. Приглашенный въ коммиссію управляющій хозяйственной частью колоніи, г. Благовѣщенскій, объяснилъ, что раньше остатки пищи отъ больныхъ отдавались свиньямъ, но, по распоряженію директора колоніи, доктора Совѣтова, помои стали отдавать коровамъ. Коммиссія, основываясь на научныхъ данныхъ, признающихъ воспріимчивость рогатаго скота къ заболѣваніямъ чахоткою и передачу чахоточной бактеріи людямъ чрезъ молоко заболѣвшей коровы, предложила губернской земской управѣ сдѣлать распоряженіе объ отмѣнѣ такой антисанитарной экономіи.

Экономія была соблюдена, забыто было только одно обстоя-

тельство—человѣкъ, его способность къ заболѣванію и возможной смерти. За то постройки ремонтировались капитально.

Не безъ удивленія читаемъ мы также въ панегирикѣ московской газеты, что «всѣ отдѣлы управы были упорядочены». Изъ газетъ намъ были извѣстны до сихъпоръ факты, знаменующіе совершенно обратное: губернскій аптекарскій складъ въ первый разъ съ открытія его далъ въ прошломъ году убытокъ, завѣдующій медико-статистическимъ бюро вышелъ въ отставку и нѣсколько мѣсяцевъ не могли найти ему замѣстителя, дѣятельность экономическаго бюро замираетъ совершенно, оцѣночно-статистическое отдѣленіе вынуждено было закрыться, библіотека въ полномъ безпорядкѣ.

Но самымъ характернымъ для губернской управы тверскаго земства было, конечно, то, что, смѣнивъ въ 1895 году по назначенію управу выборную, она заняла совершенно исключительное, независимое положеніе по отношенію къ земству. Руководствуясь лишь предписаніями извнѣ, чиновная управа совершенно потеряла характеръ исполнительнаго органа губернскаго земства и игнорировала волю собранія. Особенно рѣзко выразилось это въ вопросѣ объ удаленіи старшаго врача Бурашевской психіатрической больницы, г. Совѣтова, чего требовало земское собраніе прошлогодней сессіи. Г. Совѣтовъ такъ и остался на своемъ мѣстѣ до настоящаго времени. Постановленіе земскаго собранія по этому поводу было отмѣнено земскимъ присутствіемъ, которое не признало за собраніемъ права увольнять своихъ служащихъ, права, по толкованію присутствія, принадлежащаго только управѣ. Когда въ нынѣшнемъ году въ собраніи зашла рѣчь о томъ, почему не было исполнено постановленіе собранія объ удаленіи врача, управа сослалась на рѣшеніе земскаго присутствія. Даже довольно благосклонно относящійся къ ея дѣятельности авторъ корреспонденціи въ «Бирж. Вѣд.». говоритъ, что подобная защита съ точки зрѣнія земской представлялась совершенно неправильной: она свидѣтельствовала, что «собраніе имѣетъ дѣло съ управой казенной, которая защищалась формализмомъ и правомъ своимъ не творить воли собранія».

Какъ бы то ни было, на вторичныхъ выборахъ—22—24 февраля путемъ компромисса партій были избраны на должность предсѣдателя губернской управы В. Трубниковъ и членовъ ея гг. Есауловъ, Апостоловъ и Мясниковъ; изъ нихъ первые двое принадлежатъ къ одной партіи, вторые — другой. Хотя подобный составъ управы предвѣщаетъ ей не мало затрудненій въ будущемъ при отправленіи ея обязанностей, но, безъ сомнѣнія, онъ болѣе отвѣчаетъ общественнымъ интересамъ населенія и развитію его въ духѣ законности.

Издающаяся съ новаго года газета, о которой мы уже упоминали выше, «Рудокопъ», касаясь характеристики современнаго

земства въ интересномъ рядѣ статей: «Къ изученію Пермскаго края» (№ 28) высказываетъ слѣдующія глубоко вѣрныя соображенія: «Формы земской жизни установились уже давно, и она, повидимому, спокойно течетъ по опредѣленному руслу, все въ одномъ и томъ же направленіи. Но это только повидимому. Несомнѣнно лишь то, что перемѣнить фронтъ земство уже не можетъ. Все, что поставлено и пущено въ ходъ прежними дѣятелями, нельзя ни остановить, ни разрушить. Это наслѣдіе прошлаго насильно повело бы за собой современныхъ дѣятелей и заставило бы продолжать прежнее дѣло даже и вопреки ихъ волѣ. Поэтому содержаніе и смыслъ земской дѣятельности въ общемъ дѣйствительно остаются прежними и не могутъ быть иными. Но составъ земства, настроеніе и взгляды современныхъ дѣятелей на его задачи, права и обязанности, отношеніе ихъ къ дѣлу—существенно измѣнились.

«Главное, что особенно чувствуется въ современномъ земствѣ,—это недостатокъ живой, творческой силы. Нельзя сказать, чтобы и теперь оно чуждалось новыхъ задачъ, или не отвѣчало на запросы жизни, но воодушевленія, какое бывало прежде, теперь уже не замѣчается. Тонъ земской жизни понизился, и все замѣтнѣе въ ней становится преобладаніе рутины и канцелярской письменности.

«За немногими исключеніями, нѣтъ и прежнихъ работниковъ, типичныхъ «земскихъ людей», носителей лучшихъ завѣтовъ и традицій прежняго земства. Общіе принципы земскаго самоуправленія для многихъ современныхъ дѣятелей утратили свое прежнее руководящее значеніе, и въ противовѣсъ взглядамъ, обнимающимъ интересы всего края, съ возрастающей настойчивостію выдвигаются выгоды отдѣльныхъ группъ и мѣстностей».

Земская жизнь — явленіе весьма сложное. Въ томъ комплексѣ общественныхъ интересовъ, которые въ ней сталкиваются и даютъ направленіе земской дѣятельности, не всегда легко выдѣлить частное вліяніе того или другого изъ нихъ. Поэтому иногда на общемъ фонѣ земской жизни могутъ возникать явленія, на первый взглядъ не совсѣмъ понятныя. Чѣмъ, напримѣръ, объяснить всѣмъ еще памятный случай въ полтавскомъ земскомъ собраніи, когда, при открытой баллотировкѣ вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, большинство собранія высказалось въ пользу ходатайства объ отмѣнѣ, а при закрытой, тутъ же послѣдовавшей баллотировкѣ — ходатайство было отвергнуто. Очевидно, было нѣчто, что позволило нѣкоторой части собранія высказаться противъ своего прежняго мнѣнія. Очевидно, были какіе-то мотивы и въ томъ загадочномъ постановленіи можайскаго уѣзднаго земскаго собранія, относительно котораго было столько разговоровъ на послѣднемъ собраніи московскаго губернскаго земства.

Московское земство уже нѣсколько лѣтъ энергично работаетъ

въ дѣлѣ поднятія мѣстнаго сельскаго хозяйства. Его агрономическая организація достигла не малыхъ успѣховъ, привлекая къ своей дѣятельности вниманіе прочихъ земствъ. Развитіе правильнаго травосѣянія, распространеніе усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ орудій, снабженіе крестьянъ улучшенными сѣменами—вотъ система мѣръ къ поднятію производительности земледѣлія, которая практиковалась губернскимъ земствомъ при дружномъ содѣйствіи нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, въ числѣ которыхъ съ 1894 года было и можайское уѣздное земство. При содѣйствіи агронома отъ губернскаго земства оно также положило не мало средствъ и усилій къ улучшенію обработки почвы и распространенію травосѣянія. И въ послѣднемъ отношеніи старанія его увѣнчались столь полнымъ успѣхомъ, какого только можно было ждать. Съ 1894 года по 1897 годъ правильное травосѣяніе было заведено всего въ 19-ти селеніяхъ. Но въ 1897 году прекрасный урожай клевера въ этихъ селеніяхъ при всеобщей безкормицѣ произвелъ настолько рѣшительное впечатлѣніе, что, подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, количество сельскихъ приговоровъ о заведеніи правильнаго травосѣянія при помощи земской организаціи достигло въ 1897 году небывалой цифры 25, причемъ къ концу года можно было ожидать еще и увеличенія этой цифры. Крестьянское хозяйство можайскаго уѣзда оказалось наканунѣ очень крупнаго шага впередъ въ смыслѣ перехода отъ трехпольной системы къ многопольной. Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное.

Можайское очередное земское собраніе, выслушавъ докладъ о содѣйствіи сельскому хозяйству въ уѣздѣ, рядомъ убѣдительныхъ цифръ и фактовъ доказывавшій, что принятыя до сихъ поръ мѣропріятія по улучшенію сельскаго хозяйства отвѣчаютъ дѣйствительно назрѣвшей потребности и получаютъ достойную оцѣнку и признаніе со стороны населенія, постановило: должность агронома уничтожить и всѣ предложенія управы о различныхъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ отклонить. Постановленіе это состоялось большинствомъ 21 голоса противъ 7. При этомъ въ журналъ можайскаго земскаго собранія не было занесено никакихъ мотивовъ состоявшагося постановленія, клонившагося, очевидно, къ полному прекращенію земской сельскохозяйственной дѣятельности въ уѣздѣ.

Можайская управа, всегда сочувственно относившаяся къ задачамъ земской агрономической организаціи, желая помочь 25-ти сельскимъ обществамъ, просившимъ завести у нихъ травосѣяніе, препроводила ихъ приговоръ въ губернскую управу съ просьбой представить эти ходатайства на распоряженіе губернскаго земскаго собранія. Губернская управа предполагала было сначала усилить агрономическій составъ при губернскомъ земствѣ, поручить губернскому агроному распланировать поля крестьянъ въ можай-

скомъ уѣздѣ для травосѣянія и открыть имъ кредитъ изъ губернскихъ суммъ. Но впослѣдствіи, обсудивъ этотъ вопросъ совмѣстно съ экономическимъ совѣтомъ, она отказалась отъ своего намѣренія въ виду соображеній, что оказаніе со стороны губернскаго земства, помимо уѣзднаго, помощи крестьянамъ могло послужить прецедентомъ и для другихъ уѣздныхъ земствъ къ прекращенію агрономической дѣятельности на средства уѣздныя. Кромѣ того, вмѣшательство губернскаго земства въ дѣла уѣзднаго земства будетъ нарушеніемъ правъ и самостоятельности послѣдняго. Рѣшено было перенести вопросъ на обсужденіе губернскаго земскаго собранія.

Докладъ губернской управы о содѣйствіи сельскому хозяйству, прочтенный 17-го января въ засѣданіи очередного московскаго губернскаго земскаго собранія, могъ внушить ему только чувство истиннаго удовлетворенія. Всѣ операціи земства по этому отдѣлу шли съ достаточнымъ успѣхомъ, но въ особенности мѣры по развитію правильнаго травосѣянія. Количество селеній, въ которыхъ введено травосѣяніе при помощи земства, достигло въ прошломъ году внушительной цифры 184, съ надѣльной площадью въ 62,386 десятинъ. Быстрота распространенія травосѣянія свидѣтельствовала, по мнѣнію губернской управы, о томъ, что дѣло окончательно упрочилось, и періодъ сомнѣній и колебаній для многихъ мѣстностей губерніи остался далеко позади. Наплывъ приговоровъ сельскихъ обществъ о введеніи травосѣянія былъ необычайнымъ: по волоколамскому уѣзду 32, по можайскому — 25, по рузскому 22 и т. д. Судя по этимъ цифрамъ, можно было ожидать, что въ текущемъ году число селеній съ травосѣяніемъ увеличится на огромную цифру. Но во всемъ этомъ торжествѣ земской агрономіи полнымъ диссонансомъ звучало постановленіе можайскаго земства о закрытіи въ уѣздѣ агрономической организаціи. Фактъ этотъ естественно привлекъ къ себѣ особое вниманіе губернскаго собранія.

Гласный собранія Н. И. Щепкинъ, указавъ на то, какое тяжелое впечатлѣніе производитъ постановленіе можайскаго земскаго собранія, на то, что его нельзя признать случайнымъ, такъ какъ оно принято было огромнымъ большинствомъ 21 голоса противъ 7, заявилъ, что подобное рѣшеніе уѣзднаго земства можетъ имѣть принципіальное значеніе и для губернскаго земства. «Если такое большинство гласныхъ, какъ 21, признаетъ распространеніе травосѣянія ненужнымъ, то выступаетъ крупный вопросъ о цѣлесообразности всѣхъ мѣропріятій губернскаго земства, направленныхъ къ поднятію крестьянскаго земледѣлія; а если эти мѣропріятія нецѣлесообразны, то возникаетъ вопросъ о совершенномъ ихъ прекращеніи. Пусть же гласные отъ можайскаго уѣзда объяснятъ это недоразумѣніе и скажутъ, какими мотивами руководилось можайское земское собраніе, упраздняя должность уѣзднаго агро-

нома. Къ запросу, сдѣланному гл. Н. Щепкинымъ, присоединился и исполняющій должность предсѣдателя губ. управы, Д. Н. Шиповъ, находя также, что представители можайскаго земства должны объяснить причину такого печальнаго постановленія уѣзднаго земскаго собранія, къ которому въ журналѣ и докладахъ не приведено никакихъ мотивовъ. Тогда въ собраніи произошелъ слѣдующій инцидентъ, который мы и передаемъ подлинными словами «Рус. Вѣд.» (№ 18).

«Предсѣдатель земской управы и предводитель дворянства въ можайскомъ уѣздѣ, А. К. Варженевскій, заявляя, что онъ не можетъ дать отвѣта на вопросъ о мотивахъ разсматриваемаго постановленія можайскаго собранія, изложилъ исторію возникновенія въ уѣздѣ земской агрономической организаціи. Сначала агрономическая часть въ можайскомъ уѣздѣ устроена была на средства губернскаго земства на одинъ годъ, но затѣмъ можайское земство, не имѣя средствъ, просило губернское собраніе продлить еще на годъ свои ассигновки на агрономическую организацію въ уѣздѣ. Черезъ два года уѣздное земство пригласило уже на свой счетъ агронома. Съ каждымъ годомъ дѣло травосѣянія въ уѣздѣ расширялось, но теперь перемѣнился составъ гласныхъ въ можайскомъ уѣздѣ, и должность агронома рѣшено упразднить. Онъ не можетъ объяснить мотивовъ такого постановленія. Двое другихъ гласныхъ можайскаго уѣзда — Г. Л. Катуаръ и М. М. Людоговскій—просили заявить собранію, что и они не могутъ указать этихъ мотивовъ; можетъ быть, ихъ укажетъ третій гласный Можайскаго уѣзда К. К. Вагнеръ. Гл. М. П. Щепкинъ находилъ, что, разъ вопросъ объ упраздненіи должности агронома обсуждался въ собраніи и каждый слышалъ доводы, то отчего же не высказать того, что говорилось публично въ собраніи. Гл. Н. Н. Щепкинъ недоумѣвалъ, неужели такое важное постановленіе состоялось безъ всякихъ преній. Можайскій предводитель дворянства А. К. Варженевскій отвѣчалъ, что преній было много, даже бурныхъ преній, засѣданіе было шумное, но, къ сожалѣнію, дебаты носили личный характеръ, и онъ не можетъ говорить о нихъ. Гл. Н. Н. Щепкинъ заявилъ, что, можетъ быть, представитель можайскаго уѣзда К. К. Вагнеръ скажетъ о причинѣ упраздненія должности агронома въ уѣздѣ. Но отвѣта со стороны г. Вагнера не послѣдовало».

Обсудивъ послѣ того вопросъ о правѣ губернскато земства поступить въ дѣлѣ помощи можайскому населенію помимо уѣзднаго земства, губернское собраніе огромнымъ большинствомъ отклонило заключеніе губернской управы: просить можайское земство пересмотрѣть его постановленіе объ упраздненіи должности уѣзднаго агронома. Оно присоединилось, очевидно, къ заключенію гл. Н. Щепкина, что «губернскому собранію не стоитъ ни просить, ни предлагать можайскому собранію пересматривать его постановленіе, а слѣдуетъ умыть въ этомъ дѣлѣ руки».

Но, вѣдь, не можетъ же быть, чтобы серьезное дѣло было рѣшено, дѣйствительно, на основаніи личныхъ мотивовъ? Пренія могли имѣть личный характеръ, но коллективное рѣшеніе могло состояться лишь на основаніи интересовъ общественныхъ, интересовъ цѣлой группы лицъ, объединенныхъ общимъ отношеніемъ къ самому предмету обсужденія. Чѣмъ могли быть заинтересованы можайскіе земцы въ вопросѣ о распространеніи правильнаго травосѣянія на крестьянскихъ земляхъ? Не забудемъ, что среди нихъ должно быть не мало тѣхъ «крупныхъ землевладѣльцевъ», «знающихъ цѣну деньгамъ», о которыхъ говорилъ авторъ «Моск. Вѣдомостей». Не забудемъ и того, что повсемѣстно состояніе частновладѣльческаго и крестьянскаго хозяйства стоятъ между собою въ тѣсной связи. Чѣмъ характеризуется эта связь въ можайскомъ уѣздѣ? Для сужденія объ этомъ у насъ имѣется единственный источникъ: «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи, т. V, вып. II. Хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ». Это изданіе московскаго губернскаго земства относится къ началу 80-хъ годовъ и составляетъ разработку статистическихъ матеріаловъ о частновладѣльческомъ хозяйствѣ 6-ти уѣздовъ Московской губерніи, произведенную извѣстнымъ статистикомъ, нынѣ проф—мъ московскаго сельско-хозяйственнаго института, К. Вернеромъ. Посмотримъ, что говорятъ намъ эти матеріалы по отношенію къ затронутому вопросу. На страницѣ 104 находимъ мы таблицу сравнительнаго отношенія различныхъ угодій въ общемъ количествѣ десятинъ земли, принадлежащей владѣльцамъ 6 уѣздовъ. Оказывается, что на 100 десятинъ земли у владѣльцевъ можайскаго уѣзда приходится 32% сѣнокосныхъ угодій и заливныхъ луговъ—болѣе чѣмъ въ какомъ либо иномъ изъ разсмотрѣнныхъ 6 уѣздовъ. Какимъ образомъ эксплоатируются эти сѣнокосныя угодья? Отвѣтъ на это мы находимъ въ сводныхъ поуѣздныхъ таблицахъ по можайскому уѣзду, гдѣ по длинному ряду имѣній, о которыхъ были собраны свѣдѣнія, показано количество земли, которая находится обычно въ раздачѣ мелкимъ съемщикамъ, крестьянамъ. Все это выгонъ и покосъ, въ рѣдкихъ случаяхъ старая пашня. Самую цѣнную часть этой аренды составляютъ, конечно, сѣнокосныя угодья. На какихъ же условіяхъ они сдаются? И снова съ утомительнымъ однообразіемъ по всему ряду приведенныхъ имѣній показано, что, за рѣдкими исключеніями, они сдаются подъ работу. О характерѣ этой работы мы узнаемъ въ графѣ о томъ, какъ производится уборка полей частныхъ владѣльцевъ: въ большей части показаній она производится крестьянами за угодья. На страницѣ 141 «Сборника» говорится: «вольнонаемный способъ работы распространенъ главнымъ образомъ въ звенигородскомъ и бронницкомъ уѣздахъ, во всѣхъ же остальныхъ онъ встрѣчается только въ ⅓ имѣній, а другія ⅔ пріобрѣтаютъ рабочихъ главнымъ образомъ за угодья. Этотъ послѣдній способъ въ особенности раз-

вить въ волоколамскомъ и можайскомъ уѣздахъ, въ которыхъ болѣе всего такихъ имѣній, въ которыхъ всѣ работы, а не одна только уборка хлѣбовъ, производятся за угодья». Мы видимъ, какія это угодья, — главнымъ образомъ сѣнокосы. Естественно, что частные владѣльцы можайскаго уѣзда должны быть не мало заинтересованы возможностью сдавать ихъ въ аренду мелкимъ съемщикамъ, также естественно и то, что эти послѣдніе берутъ ихъ изъ году въ годъ лишь по недостатку собственныхъ надѣльныхъ луговъ и корма скоту. На помощь именно этому то недостатку и приходитъ введеніе правильнаго травосѣянія. Результаты его примѣненія сказались въ самомъ же началѣ. Въ докладѣ московской губернской земской управѣ о содѣйствіи сельскому хозяйству за 1895 годъ мы находимъ слѣдующее: «Результаты травосѣянія въ селеніяхъ, посѣявшихъ клеверъ въ прошломъ году, были очень удачны. Крестьяне деревни Горки, напримѣръ, снимали обыкновенно покосовъ рублей на 300, въ этомъ году, снявъ первый укосъ клевера, они не только не покупали покосовъ, но сдали своихъ на 200 руб. Въ дер. Березнякахъ также снимали покосовъ на 150 рублей, а въ этомъ году покосовъ не снимали вовсе».

Намъ представляется, что дальнѣйшіе комментаріи къ вопросу становятся излишними. Послѣ того, какъ 19 селеній можайскаго уѣзда уже ввели у себя травосѣяніе, а ко времени губернскаго земскаго собранія поступило еще до 30 приговоровъ отъ сельскихъ обществъ, пожелавшихъ завести его у себя, можайскимъ крупнымъ землевладѣльцамъ оставалось опасаться, что или поля ихъ будутъ оставаться неубранными, или имъ придется расплачиваться за ихъ уборку наличными деньгами. И нѣтъ сомнѣнія, что описанный инцидентъ въ можайскомъ земствѣ имѣетъ глубокое принципіальное значеніе въ вопросѣ о цѣлой системѣ мѣръ къ поднятію крестьянскаго хозяйства и благосостоянія. Пока мѣры эти ограничиваются ничтожными ассигновками и столь же ничтожными результатами, онѣ могутъ разсчитывать на общее сочувствіе, но для того, чтобы стать прочнымъ факторомъ улучшенія условій сельской жизни, онѣ должны опираться на иную систему земскаго представительства, чѣмъ представительство отдѣльныхъ группъ и частныхъ интересовъ.

Необходимость реформы предварительнаго дознанія уже давно признана настоятельной въ судебной и общей прессѣ. Лишеніе свободы безъ достаточныхъ поводовъ къ принятію мѣръ пресѣченія, жестокости, побои и истязанія, имѣющіе характеръ пытки или вынужденія желательныхъ показаній — вотъ практика этихъ дознаній, раскрываемая цѣлымъ рядомъ процессовъ, происходившихъ въ прошломъ и началѣ нынѣшняго года. Не говоря уже о томъ, въ какой мѣрѣ недостатки полицейскаго дознанія отра-

жаются на дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія и судебнаго процесса, важно то, что подобный, слишкомъ часто встрѣчающійся порядокъ производства дознанія не только не искореняетъ, но скорѣе поддерживаетъ привычку къ самосуду и, вопреки духу судебныхъ уставовъ, внушаетъ окружающей средѣ отношеніе къ подсудимому, какъ къ человѣку безправному, съ которымъ можно дѣлать все, что пожелаешь. Вотъ нѣсколько иллюстрацій къ сказанному, иллюстрацій, на которыя жизнь не скупится.

Въ тифлисскомъ окружномъ судѣ разсматривается громкое дѣло И. Хубларова, къ которому мы намѣрены вернуться еще разъ въ виду его бытового интереса. Въ числѣ свидѣтелей по этому дѣлу выступаетъ нѣкто Кара Алекперъ Оглы, который, будучи приведенъ къ слѣдователю въ первый разъ приставомъ, далъ показанія, изобличающія другихъ лицъ. Позднѣе, явившись къ слѣдователю уже одинъ, онъ заявилъ, что ранѣе онъ далъ показаніе совершенно ложное, въ виду истязаній и мученій, которымъ подвергалъ его старшина Кадыры по приказанію заинтересованнаго лица: 7 сутокъ держалъ онъ его у себя безъ пищи, подвергалъ побоямъ и, наконецъ, выведя его на дворъ, жегъ ему правую руку раскаленнымъ въ каминѣ шампуромъ. Слѣдователь, позвавъ врача, осмотрѣлъ руку Кара и нашелъ слѣды обжоговъ каленымъ желѣзомъ, произведенные шесть недѣль назадъ. Посѣтивъ мѣстожительство Кара, слѣдователь убѣдился со словъ его односельчанина, что Кара говорилъ правду.

Какъ легко при такихъ условіяхъ производства дознанія запутать всякое болѣе или менѣе сложное дѣло, показываетъ примѣръ дѣла объ убійствѣ адвоката Старосельскаго. По слухамъ оно будетъ возбуждено въ третій разъ въ виду того, что слѣдственной властью добыты вѣскія улики, которыя послужатъ къ освѣщенію всего дѣла. Роль, которую занимаютъ иногда въ этомъ случаѣ лица, производящія дознаніе, ярко характеризуетъ слѣдующее дѣло, разбиравшееся, по словамъ «Сына Отечества», на дняхъ въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. Бывшій кошунскій полицейскій приставъ Александръ Вавиловскій обвинялся въ преступленіяхъ по должности. 17-го января 1894 года въ селеніи Конакенты (Бакинскаго уѣзда) скончался, при весьма подозрительной обстановкѣ, мѣстный житель Абдулъ-Мамедъ-Керимъ-Оглы. Изъ рапорта старшины видно, что покойный передъ смертью, въ присутствіи сельскихъ судей, заявилъ, что его отравила жена, Гюль-Доста. Отправивъ этотъ рапортъ судебному слѣдователю, приставъ Вавиловскій явился для производства дознанія въ ближайшее селеніе и арестовалъ, по подозрѣнію въ отравленіи Абдулъ-Мамедъ-Керима, его роднаго брата.

Впослѣдствіи свидѣтели показали, что Вавиловскій по прибытіи въ селеніе получилъ черезъ одного изъ сельчанъ отъ отца Гюль-Досты 98 рублей съ просьбой помочь ей. Получивъ пачку съ деньгами, Вавиловскій пересчиталъ ихъ и бросилъ на полъ со словами:

«Сволочь! нашелъ девяносто восемь рублей, а двухъ рублей не могъ найти». Два рубля были ему доставлены. Въ протоколѣ допроса свидѣтелей у Вавиловскаго значилось, что всѣ они никакихъ обвиненій противъ Гюль-Досты отъ покойнаго не слышали, что онъ былъ передъ смертью въ безсознательномъ состояніи и ничего говорить не могъ. Но на допросѣ у судебнаго слѣдователя свои показанія они взяли назадъ, заявивъ, что они измѣнили ихъ лишь вслѣдствіе настоянія пристава Вавиловскаго и видя тѣ мученія, которымъ подвергалъ Вавиловскій ихъ односельчанина, сельскаго судью Магера-Ма-Оглы, за то, что онъ продолжалъ настаивать на томъ, что покойнаго отравила жена. Вавиловскій билъ и истязалъ его такъ, что крики его слышны были во дворѣ, гдѣ находились не допрошенные еще свидѣтели, и, наконецъ, его заключили въ конюшню на всю ночь, связаннаго по рукамъ и ногамъ, со свиньей. Но этого мало. У пристава былъ письмоводитель—лишенный всѣхъ правъ состоянія Владиміръ Козловскій. Какъ начальникъ обрабатывалъ отца заподозрѣнной въ отравленіи Гюль-Досты, такъ и его ближайшій помощникъ насѣлъ на несчастнаго Магераму, вынужденнаго провести ночь въ непріятномъ сосѣдствѣ со свиньей; онъ объявилъ ему, что ему предстоитъ перспектива безконечнаго сидѣнья, если онъ не дастъ ему взятку въ 100 рублей. Сумма была назначена такая, которую Магерамъ и сосчитать не могъ. Начался торгъ, закончившійся тѣмъ, что Магерамъ далъ «Володькѣ» 10 рублей, да и тѣ были собраны его сострадательными односельчанами.

Странная была участь этого дѣла, говоритъ далѣе газета. Окружный судъ, установивъ, что слѣдуетъ довѣрять не тѣмъ показаніямъ, которыя фигурируютъ въ протоколѣ дознанія, а тѣмъ, которыя свидѣтели дали у судебнаго слѣдователя и, въ общемъ, подтвердили на судѣ,—призналъ Гюль-Досту виновною въ отравленіи мужа и приговорилъ къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ. Въ судебной палатѣ дѣло приняло неожиданный оборотъ, и Гюль-Доста была оправдана. Въ мотивахъ этого приговора мы читаемъ, что палата отдала предпочтеніе показанію пристава Вавиловскаго, какъ лица интеллигентнаго и по служебному своему положенію стоящаго выше всякихъ подозрѣній въ пристрастіи въ пользу Гюль-Досты, и этотъ приговоръ, какъ необжалованный, вступилъ впослѣдствіи въ законную силу.

Привлеченные однако къ слѣдствію Вавиловскій и Козловскій были приговорены палатою, въ виду доказанности представленныхъ противъ нихъ обвиненій: первый на житье въ Томскую губернію, второй на отдачу въ арестантскія роты на 1 годъ 1 мѣс.

До какой виртуозности доходятъ наши доморощенные слѣдователи изъ полицейскихъ нижнихъ чиновъ, чтобы добиться нужныхъ имъ показаній, видно изъ слѣдующаго факта, передаваемаго въ газ. «Волынь». Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1897 г. въ луцкомъ отдѣленіи окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, разсматри-

валось уголовное дѣло о крестьянахъ Максютинскомъ и друг., обвиняемыхъ въ кражѣ. На судѣ выяснились очень интересныя подробности произведеннаго дознанія. Подсудимый не сознавался въ своей винѣ и полицейскій урядникъ 2-го стана острожскаго уѣзда, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ Максютинскаго, прибѣгнулъ къ довольно оригинальному, чтобы не сказать больше, пріему. У урядника какимъ то образомъ оказалась электрическая машинка, и вотъ онъ, желая вынудить признаніе у подсудимаго, пригрозилъ послѣднему, что если онъ не сознается, то онъ пуститъ въ ходъ «машинку», и она «убьетъ его на мѣстѣ». Это такъ перепугало Максютинскаго, что онъ не на шутку струсилъ и, весь дрожа отъ дѣйствія тока, пущеннаго урядникомъ, чистосердечно сознался. На судѣ Максютинскій заявилъ, что машинка такъ подѣйствовала на него, что «всѣ внутренности чуть не выскочили». Конечно, подсудимый на судѣ пояснилъ, что онъ наговорилъ на себя подъ вліяніемъ дѣйствія электрической машинки...

Въ дѣлѣ Мултанскихъ вотяковъ становой приставъ, Шмелевъ, проводилъ свидѣтелей подъ медвѣдемъ, вынуждая у нихъ показанія суевѣрнымъ страхомъ передъ почитаемымъ звѣремъ. Но Шмелевъ былъ человѣкъ отсталый, прибѣгалъ къ пріемамъ устарѣвшимъ, теряющимъ свою силу. Другое дѣло Максютинскій: онъ утилизируетъ съ тою же цѣлью успѣхи науки.

Чего же ожидать отъ окружающей темной и некультурной среды, которая является свидѣтельницей подобныхъ пріемовъ отысканія виновнаго, подобнаго отношенія къ подозрѣваемому. Безчисленные факты говорятъ намъ, что въ своемъ самосудѣ эта среда дѣйствуетъ тѣми же пріемами, которые нерѣдко наблюдаются въ практикѣ дознаній, и исходитъ изъ принциповъ, одобряемыхъ тѣми представителями закона, которые стоятъ къ ней всего ближе. Вотъ характерные примѣры этой общности понятій и пріемовъ дѣйствія.

8 января въ отдѣленіи тобольскаго окружнаго суда въ г. Тюмени слушалось дѣло бывшаго полицейскаго стражника тюменской полиціи Михаила Нарбатова и крестьянъ Костина, Чуклина и Брызгунова. Въ іюнѣ 1896 г. въ тюменское окружное полицейское управленіе былъ доставленъ человѣкъ, *задержанный въ кражѣ*, который былъ настолько сильно избитъ, что тутъ же умеръ до прибытія врача. Онъ оказался ялуторовскимъ мѣщаниномъ изъ ссыльныхъ Константиномъ Марцибродскимъ. При осмотрѣ и вскрытіи трупа установлено, что Марцибродскому было нанесено болѣе десяти ранъ острымъ орудіемъ и масса побоевъ по туловищу, конечностямъ и отчасти по головѣ. Слѣдствіемъ было выяснено, что Марцибродскій ночевалъ у Костина; ночью проснувшаяся дочь послѣдняго увидѣла, что онъ уходитъ изъ квартиры, унося самоваръ и разныя вещи, и подняла тревогу. Марцибродскаго догнали, тѣмъ болѣе, что онъ былъ разбитъ параличемъ и не могъ идти скоро. У него были отобраны самоваръ, пальто и другія вещи, и затѣмъ его

стали бить, сначала Костинъ кулаками и ногами, какъ только могъ, а затѣмъ и всѣ окружающіе. Подошелъ городовой Нарбатовъ и тоже билъ обнаженной шашкой, а когда кто то хотѣлъ его остановить, то онъ отвѣтилъ: «Нечего давать потачку ворамъ». Одна свидѣтельница прибавила, что когда стражника уговаривали бросить бить шашкой, онъ сказалъ, что за это еще можетъ быть награда. Награды, конечно, онъ не получилъ, а былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и каторжнымъ работамъ на 6 лѣтъ. «Крымскій Вѣстникъ» недавно сообщалъ случай необыкновеннаго звѣрства. Какой то плотникъ, заподозривъ молодую дѣвушку, работавшую на одной изъ мѣстныхъ табачныхъ плантацій, въ томъ, что она украла у него деньги, началъ у нея выпытывать сознаніе. Та отрицала свою виновность. Тогда онъ жарко растопилъ желѣзную печь и, посадивъ на нее дѣвушку, сталъ ее «поджаривать», пока она не созналась. Потомъ дѣвушку сдали урядику, который препроводилъ ее въ Ялту въ участокъ, какъ обвиняемую въ кражѣ. Въ одномъ изъ мѣстъ ея дальнѣйшаго заключенія на ея состояніе обратили вниманіе и пригласили доктора. Осмотрѣвъ несчастную, онъ нашелъ у нея на тѣлѣ сильные ожоги, могущіе повести къ омертвѣнію пораженныхъ частей кожи.

24 февраля нижегородскимъ окружнымъ судомъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсмотрѣно было нѣсколько дѣлъ о полицейскихъ служителяхъ нижегородской полиціи, между прочимъ, дѣло о городовыхъ Иванѣ Платоновѣ и Федорѣ Дунаевѣ, обвинявшихся въ нанесеніи побоевъ при исполненіи служебныхъ обязанностяхъ мѣщанину Бабинову. Этотъ послѣдній 8 іюня прошлаго года былъ въ гостяхъ на частной квартирѣ у нѣкоей Щ., когда къ ней пришелъ писецъ полицейской части Василій Сапфирскій и, выдавая себя за агента сыскной полиціи, обратился къ Бабинову говоря, что онъ его арестуетъ. Бабиновъ попросилъ Сапфирскаго выйти изъ квартиры. Черезъ нѣкоторое время Сапфирскій снова явился уже въ сопровожденіи двухъ городовыхъ—Платонова и Дунаева. По приказанію Сапфирскаго, городовые взяли Бабинова и отправили въ часть. Дорогой, когда Бабиновъ оказывалъ сопротивленіе, Сапфирскій начиналъ бить его палкой; городовые также наносили ему побои, причемъ свалили на землю и били пинками. Одинъ изъ свидѣтелей этого происшествія обратился къ ночному караульщику съ вопросомъ: почему онъ не заступится. Караульщикъ отвѣтилъ: «Это дѣло не мое; у насъ такъ водится». Бабиновъ былъ приведенъ въ часть, гдѣ онъ находился до утра. Утромъ, когда Бабиновъ съ опухшимъ лицомъ хотѣлъ сдѣлать заявленіе, Платоновъ спросилъ его, хорошо ли его поколотили. Сапфирскій къ отвѣтственности привлеченъ не былъ. На служ[illegible] онъ уже не состоитъ (Н. Вр. № 7905). Судъ призналъ обоихъ подсудимыхъ виновными и приговорилъ одного къ двухнедѣльному, другого къ недѣльному аресту.

Въ Аккерманѣ полицейскій урядникъ Ѳеофилъ Карвасовскій заперъ въ кордегардію и жестоко избилъ поселянина Карпа Бака за невинный свистъ въ свистокъ, найденный имъ на базарной площади. Карвасовскій былъ приговоренъ кишиневскимъ окружнымъ судомъ къ 3 мѣсяцамъ ареста при тюрьмѣ (Од. Н. № 4124). Въ Екатеринославлѣ дворникъ и городовой на глазахъ многихъ свидѣтелей избили до полусмерти какого то крестьянина за то, что онъ взялъ горсть сливъ изъ боченка, который раскупоривали рабочіе въ складѣ бакалейнаго магазина. Они били его каблуками сапогъ по чемъ ни попало, пока несчастный не пересталъ стонать и, окровавленный, былъ уведенъ въ часть (Днѣпр. Молва № 6).

М. Плотниковъ.

Продовольственная неурядица.

(*Письмо изъ Н.-Новгорода*).

Еще не успѣло забыться бѣдствіе 1891—92 года и связанные съ нимъ вопросы, еще у всѣхъ свѣжи въ памяти яркіе эпизоды, возникавшіе на этой почвѣ, какъ опять надвигается, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, призракъ той же бѣды,—и увы!—тѣ же вопросы встаютъ во всей своей свѣжести, какъ будто недавняго опыта совсѣмъ не бывало. Въ извѣстной книжкѣ В. Г. Короленко — «Въ голодный годъ» приведено много фактовъ, доказывающихъ несовершенство самобытныхъ доморощенныхъ, «истинно практическихъ» способовъ: опредѣленія продовольственныхъ нуждъ: такъ продовольственная нужда лукояновскаго уѣзда по этому способу была сперва опредѣлена въ 4.700,000 р., а потомъ столь же рѣшительно объявлена не превышающей 300,000...

Такъ было въ 1891 году. Прошло семь лѣтъ, много было сказано и написано объ изъянахъ продовольственной организаціи, но и недороду 1897-го года выпало на долю быть опредѣляемому по тому же методу. Къ 12 ноября 1897 г. продовольственный недочетъ ардатовского уѣзда былъ опредѣленъ въ 15 т. р. Въ январѣ 1898 г. эту цифру уменьшили до 3500 р.; иными словами, была обнаружена *ошибка* въ 76%. Васильскій уѣздъ въ ноябрѣ потребовалъ на обсѣмененіе 68 т. пуд., а въ январѣ 46 т. пуд. *Ошибка* въ 30%... Въ лукояновскомъ уѣздѣ продовольственная нужда была опредѣлена въ размѣрѣ 268 т. пуд., потомъ, наканунѣ собранія, эта цифра была передѣлана въ 116 т. пуд., а въ январѣ 1898 г. превратилась въ 144 т. пуд. Въ сергачскомъ уѣздѣ ноябрьскія 265 т. пуд. превратились въ январѣ въ 295 т. пуд., къ которымъ неожиданно при-

соединились еще 128 т. пуд., необходимыхъ на обсѣмененіе... Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти шатанія и колебанія имѣли мѣсто въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, то есть въ тѣ зимніе мѣсяцы, когда всѣ хлѣбные запасы уже на лицо и, значитъ, допускаютъ довольно точный учетъ.

Можно ли относиться съ довѣріемъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя говорятъ, что надо 15,000 рублей, а чрезъ шесть недѣль по тому же методу заявляютъ о достаточности и 3500 рублей, т. е. въ 4 раза менѣе... Которая цифра вѣрна? Которая гадательна? Очевидно, что продовольственный учетъ и организація всего этого дѣла представляетъ изъ себя хаосъ, въ свое время въ правительственныхъ сообщеніяхъ отнесенный къ непорядкамъ, нуждающимся въ самой скорой и коренной реорганизаціи.

Въ 1891—92 гг. на продовольственную нужду Нижегородской губерніи было истрачено 6,600 тыс. руб. Въ текущемъ году размѣръ недорода опредѣленъ въ одиннадцать разъ меньше: изъ 11 уѣздовъ четыре (балахнинскій, семеновскій, макарьевскій и горбатовскій) отнесены къ ненуждающимся въ помощи, а на остальные ассигновано около 576 т. руб. Конечно, къ этой цифрѣ нельзя не отнестись скептически, такъ какъ она составилась изъ слагаемыхъ, мѣнявшихъ свои размѣры всякія шесть недѣль... Но, за неимѣніемъ лучшихъ данныхъ, приходится пользоваться и показаніемъ завѣдомо плохого свидѣтеля.

Впрочемъ, неоспоримо, что размѣры теперешняго голода въ Нижегородской губ. несравненно менѣе бѣдствія 1891—92 гг. Это видно уже изъ того, что въ то время пудъ ржи стоилъ дороже 1 р. 50 к., а теперь наименѣе удачныя продовольственныя закупки колеблются около 70—72 коп. за пуд. Но дѣйствительно ли въ *одиннадцать* разъ слабѣе сила бѣдствія—сказать нельзя. Мы переживаемъ періодъ, когда общественное вниманіе слишкомъ поглощено нуждами крупнаго землевладѣнія, дворянъ, сахарозаводчиковъ и вообще крупной промышленности. Поглощенное этими нуждами общественное вниманіе хладнокровно относится къ отрывочнымъ и случайнымъ отголоскамъ робко заявляющимъ о недочетахъ крестьянства.

Можно сказать навѣрное, что цифра 576 т. руб., выставленная, какъ показательный градусъ нужды Нижегородской губерніи въ текущемъ году, есть ничто иное, какъ одно изъ колебаній, искусственно остановленное въ январѣ и объявленное окончательнымъ и вѣрнымъ результатомъ. Жизнь, однако, отвергаетъ фантастическую точность этой цифры, и та самая «практика», на которую такъ любятъ ссылаться представители современныхъ настроеній, заявляетъ о себѣ самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Въ *Недѣлѣ* была напечатана корреспонденція, гласящая, что въ селеніяхъ лукояновскаго уѣзда, Скородумовкѣ и Большой Арѣ «нѣкоторыя семьи уже перешли на лебеду». Въ *Нижегородскомъ Листкѣ*

говорится, что въ селѣ Старомъ-Ахматовѣ семьи крестьянъ Шиловыхъ, Шимаровыхъ, Блиновой и Трошина голодаютъ, «муки у нихъ нѣтъ и они ѣдятъ суррогаты: мякину, лебеду и отруби». Въ той же газетѣ мы находимъ извѣстіе изъ княгининскаго уѣзда, свидѣтельствующее, что во многихъ селеніяхъ, въ виду безкормицы, «крестьяне поспѣшили распродать не только лишнюю, но даже и всю имѣющуюся скотину». Въ с. Шараповѣ сергачскаго уѣзда нужда настолько остра, что крестьяне «обращаются за хлѣбомъ къ своему благодѣтелю-поставщику, который отпускаетъ бѣднякамъ до осени въ долгъ только по 1 р. 25 к.—1 р. 50 к. за пудъ... между тѣмъ въ Лукояновѣ можно купить хлѣбъ лучшаго качества отъ 65 до 70 к. пудъ». Крестьяне Запрудной слободы княгининскаго уѣзда «не собрали и половины того хлѣба, который потребовался на посѣвъ... они начинаютъ употреблять вмѣсто ржаной муки чечевичную.» Въ селеніяхъ Акаево, Каменка, Симбухово, Маресево и Погибловка лукояновскаго уѣзда «вообще урожай былъ плохой; мѣстами даже очень... запасъ хлѣба былъ лишь у 3—4 крестьянъ въ селеніи... нищенство воскресло и побиральцы по кусочкамъ точно откуда то выплыли, (это напечатано въ *Нижегородскомъ Листкѣ* 1-го февраля), даже жившіе порядочно пустились «въ кусочки»... Кому можно было уйти на сторону отъ семьи, тѣ уходятъ на заработки. Изъ нѣкоторыхъ селеній ушло на дальніе заработки въ одиночку до 40 человѣкъ, въ работники по близости до 15 человѣкъ, изъ нѣкоторыхъ— до 20—25 человѣкъ; а изъ этихъ селеній раньше почти никто не уходилъ, напротивъ, раньше въ эти селенія изъ другихъ еще приходили на заработокъ... Въ январѣ начали выдавать пособіе по 30 ф. въ мѣсяцъ на *неработника*... Человѣкъ съ лошадью съ половины сентября по 4-ое января приносилъ домой, за вычетомъ расходовъ, 2 р. 70 к. или 3 р.» Изъ заштатнаго города Починокъ лукояновскаго уѣзда пишутъ, что 30 ф. пособія въ мѣсяцъ на «неработника» не избавляетъ населеніе отъ острой нужды, такъ какъ при недородѣ земледѣльцамъ трудно найти себѣ заработокъ: «Здѣсь заработковъ нѣтъ, кромѣ вязанья варежекъ и тканья рогожъ и кулей, но этими приработками крестьянинъ не въ состояніи прокормить семьи», вслѣдствіе чего бѣднякамъ приходится занимать у мѣстныхъ ростовщиковъ и уплачивать имъ по меньшей мѣрѣ 20 коп. на каждый рубль». Въ васильскомъ уѣздѣ сильно нуждается населеніе, живущее за Ургой: оттуда крестьяне Воскресенской и Мигинской волостей отправились почти цѣлыми деревнями въ Ветлужскій край для сбора милостыни, такъ какъ на мѣстѣ, къ сожалѣнію, полное отсутствіе заработковъ... Ссудъ на удовлетвореніе нужды не хватаетъ; *безземельные крестьяне ни отъ кого и ни откуда вспомоществованія не получаютъ*»... И т. д.

Аналогичныхъ извѣстій можно бы набрать очень много въ мѣстныхъ газетахъ и въ отвѣтахъ земскихъ корреспондентовъ. Но и приведенныхъ достаточно, чтобы заключить, что далеко не всѣ про-

довольственные недочеты облегчены помощью. Рабочее населеніе и беззамельные крестьяне лишены ссудъ, а заработковъ нѣтъ, такъ какъ настоящіе земледѣльцы не знаютъ ремеслъ, а на 2 р. 70 к. и на 3 рубля не прокормить семьи «съ половины сентября до 4-го января»... Повсюду замѣчается усиленная, роковая и зловѣщая распродажа скота, число «безлошадниковъ» растетъ, дѣти лишаются молока, о ржаной мукѣ мечтаютъ, какъ о лакомствѣ, замѣняя ее въ лучшихъ случаяхъ чечевицей, а въ худшихъ—мякиной, отрубями и лебедой. Смертность, особенно дѣтская, увеличивается; болѣзни, коренящіяся на почвѣ дурного питанія, рѣзко усиливаются... Будущее сулитъ лишь грустныя картины нужды и обѣднѣнія.

Даже при хорошо организованной продовольственной статистикѣ всегда возможно пропустить отдѣльныя нуждающіяся семьи; при теперешнемъ же методѣ опредѣленія нужды ошибокъ вѣроятно больше, чѣмъ правды. Вычисленіе общихъ размѣровъ продовольственной нужды лежало въ нынѣшнемъ году почти исключительно на уѣздныхъ органахъ. Губернскою земскою управою разработаны были, на основаніи свѣдѣній корреспондентовъ статистическаго бюро, только предварительныя предположенія объ ожидавшемся неурожаѣ. Извѣстно, что первоисточникомъ всякихъ уѣздныхъ свѣдѣній съ древнихъ временъ у насъ является всевѣдающій и на все отвѣчающій волостной писарь. Онъ изображаетъ на бумагѣ, гдѣ какой урожай, у кого какіе запасы и кому сколько необходимо получить. Какъ добываетъ онъ эти мудреныя подворныя свѣдѣнія—это его тайна. Въ волостномъ правленіи получается запросъ; писарь бойко строчитъ отвѣтъ; иногда этотъ отвѣтъ кажется вопрошателю «преувеличеннымъ» и тогда писарь получаетъ предложеніе «откровенно сознаться» въ гиперболѣ. «Сознаніе» не заставляетъ себя ждать; послушныя цифры сокращаются, итоги колеблются въ предѣлахъ отъ 15-ти тысячъ до 3½ тысячъ. Нуждающіеся, какъ бы по волшебству, то сотнями появляются въ «достовѣрныхъ» спискахъ, то внезапно изъ этихъ документовъ испаряются. Уѣздныя земскія собранія обсуждаютъ эти «матеріалы» и... степень нужды объявляется выясненной.

Предполагается, что волостные писаря основываютъ свои сообщенія на данныхъ, полученныхъ отъ сельскихъ и деревенскихъ властей, на данныхъ, записанныхъ сельскими писарями Допустимъ, что такъ это и происходитъ въ дѣйствительности, но въ такомъ случаѣ утѣшительнаго всетаки мало, такъ какъ сельскій писарь есть существо, статистическія способности котораго соотвѣтствуютъ размѣрамъ изумительно нищенскаго его содержанія. Во время всенародной переписи въ Н.-Новгородѣ работало много семинаристовъ и, по отзывамъ лицъ, наблюдавшихъ за ихъ дѣятельностью, семинаристы да и прочіе счетчики допустили многое множество ошибокъ; чего же можно ожидать отъ малограмотнаго сельскаго писаря?

На основаніи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, нижегородское губернское земство рѣшило позаимствовать для пособій до 80% наличныхъ общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ, принадлежащихъ ненуждающимся селеніямъ. Этихъ денегъ набралось до 293 тыс. руб. Большая часть общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ хранятся въ %-ыхъ бумагахъ въ кассахъ уѣздныхъ земскихъ управъ и получить ихъ губернскому земству не составило труда. Но въ горбатовскомъ уѣздѣ съ давнихъ временъ былъ заведенъ иной порядокъ: каждое селеніе вносило свои продовольственные капиталы въ мѣстную сберегательную кассу на свое собственное имя. Губернское земство должно было получить съ горбатовскаго уѣзда около 36 тысячъ рублей и съ этой цѣлью оно обратилось чрезъ горбатовскую уѣздную управу въ соотвѣтствующія сельскія общества съ требованіемъ взять деньги изъ сберегательной кассы и прислать ихъ въ Н.-Новгородъ. Нѣсколько селъ безпрекословно выполнили требованіе и выслали 14 тысячъ рублей; но другія сельскія общества, владѣющія остальными 22 тысячами рублей не изъявили желанія подчиниться земскому требованію, а сберегательная касса отказалась выдавать вклады, иначе какъ вкладчикамъ или ихъ довѣреннымъ. Получилась оригинальная путаница: съ одной стороны, сельскіе продовольственные капиталы должны быть взяты земствомъ и безъ согласія обществъ — хозяевъ этихъ капиталовъ, съ другой стороны, нельзя взять эти капиталы изъ сберегательной кассы безъ *добровольно* выданной обществами довѣрености..... По этому поводу въ горбатовскую уѣздную земскую управу поступило интересное отношеніе земскаго начальника г. Обтяжнова, который совершенно справедливо пишетъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать съ тѣми обществами, которыя отказываются *по требованію добровольно* дать довѣрительные приговора.... Дѣйствительно, положеніе нелегкое: *требовать*, чтобы люди *добровольно* дали приговоръ... «Прибѣгать въ такихъ случаяхъ, пишетъ г. Обтяжновъ—къ мѣрамъ карательнымъ по ст. ст. 61 и 62 Пол. о Земск. Нач.— *безнравственно*... такимъ требованіемъ, можно окончательно сбить съ толку и безъ того малоосмысленное (?) общество и обезличить значеніе власти, такъ какъ въ случаѣ отказа пришлось бы постыдно отступить отъ неправильнаго и спѣшнаго требованія. Да и по духу законоположенія отъ 19 февраля 1861 г. подъ понятіемъ о приговорахъ сельскихъ обществъ подразумѣвается не принужденное, а свободное рѣшеніе». Далѣе г. Обтяжновъ говоритъ, что, находя «безнравственнымъ» *заставлять* общество выдавать «*добровольно*» вѣрительные приговоры, онъ тѣмъ не менѣе готовъ «принадлежащею ему властью *отобрать* отъ подлежащихъ обществъ тѣ книжки», по которымъ внесены деньги въ сберегательную кассу... Здѣсь г. Обтяжновъ, очевидно, противорѣчитъ самъ себѣ: *насильно* отбирать вкладныя книжки,—это равносильно *требованію* «добровольныхъ» приговоровъ.

«Въ виду вышесказанныхъ положеній, заканчиваетъ г. Обтяжновъ свою интересную бумагу, (я) не рѣшусь лично отъ себя предъявлять къ обществамъ какихъ либо требованій по настоящему вопросу ... такъ какъ для сохраненія достоинства и значенія власти къ обществамъ предъявлять слѣдуетъ лишь тѣ требованія, на исполненіи коихъ можно настоять.»

Губернское земство обратилось къ нижегородскому губернатору съ просьбой исходатайствовать у министра финансовъ распоряженіе, разрѣшающее горбатовской сберегательной кассѣ выдать крестьянскіе вклады безъ согласія вкладчиковъ, но губернаторъ отклонилъ это ходатайство, потому что отказы горбатовскихъ обществъ являются пока еще только въ «предполагательномъ» видѣ. Да, повидимому, нельзя и ожидать, чтобы общее положеніе о сберегательныхъ кассахъ было нарушено для горбатовскаго уѣзда сепаратнымъ распоряженіемъ министра финансовъ. Губернское земство рѣшило оставить на время этотъ вопросъ и эти 22 тыс. руб. въ покоѣ такъ какъ, можетъ быть, удастся обойтись и безъ этой суммы.

Въ заключеніе—маленькій, но характерный эпизодъ:

Какъ выше упомянуто, въ *Недѣлѣ* была напечатана корреспонденція, *перепечатанная совершенно точно Новостями*, о томъ, что въ селеніяхъ лукояновскаго уѣзда Скородумовкѣ и Б. Арѣ «*нѣкоторыя* семьи» ѣдятъ лебеду. По этому поводу въ *Волгарѣ* выступилъ съ опроверженіемъ нѣкто В. В. Яшеровъ, отрекомендовавшій себя читателямъ «кореннымъ» лукояновцемъ, прожившимъ въ уѣздѣ болѣе 30-ти лѣтъ, правившимъ должность мирового посредника и члена земской управы,—однимъ словомъ, предъ читателями выступилъ «старый опытный воробей», котораго «на мякинѣ не проведешь» и который знаетъ всѣ «плутни мужика», какъ свои пять пальцевъ. Расхваливши себя такимъ убѣдительнымъ образомъ, г. Яшеровъ приступилъ къ опроверженію «наивнаго нытья» о крестьянскихъ нуждахъ.

«Въ корреспонденціи этой, пишетъ г. Яшеровъ, прямо названы два селенія Большая Аря и Скородумовка, *которыя*, якобы еще съ осени, перешли на лебеду». Начавши съ этой неточности, такъ какъ въ корреспонденціи говорилось лишь о «*нѣкоторыхъ семьяхъ*», г. Яшеровъ утверждаетъ, что въ Скородумовкѣ и Б. Арѣ «о лебедѣ и помину нѣтъ», что крестьяне послѣдняго селенія даже и не просили о пособіи, не поддались до сихъ поръ «влеченію *всякаго* мужика, даже и богатаго, *поклянчить* что нибудь тамъ, гдѣ только представится случай что нибудь *выклянчить*»... «Бѣдныя или призрачно нуждающіяся семьи, къ несчастью, составляютъ обыденно явленіе не въ одной Скородумовкѣ... вездѣ есть келейники и келейницы, которые ... всю жизнь живутъ подаяніемъ, *разгуливая* по міру и исправно проѣдая, а болѣе *пропивая* свои сборы ... Существуетъ также не мало настоящихъ *пропоицъ*... Для такихъ нужна не ссуда хлѣба, а что нибудь *болѣе раціональное*... Отно-

сительно неудержимой *склонности мужика урвать*, что возможно и гдѣ возможно на даровщинку, возьму примѣръ на выдержку: въ одномъ большомъ селѣ Шутиловской волости гумна крестьянъ сплошь заставлены одоньями... но семьи занимаютъ по пуду муки, пекутъ ее *пополамъ съ мякиной* и исправно кушаютъ... смѣсь муки съ мякиной, во первыхъ, *не вредна* всеварящему крестьянскому желудку, а, во вторыхъ, *пожалуй и разжалобитъ какого нибудь заѣзжаго, неопытнаго интеллигента... Такими мужиками въ уѣздѣ хоть прудъ пруди.*

Нижег. Листокъ указалъ г. Яшерову, что онъ сочинилъ, а не процитировалъ корреспонденцію *Недѣли*. Но г. Яшеровъ съ изумительной развязностью вновь повторилъ въ *Волгарѣ*, что въ корреспонденціи *Недѣли* говорится о всѣхъ крестьянахъ селеній Скородумовки и Б. Ари, а не о «*нѣкоторыхъ* семьяхъ»...

Такъ пишется исторія. Человѣкъ, не умѣющій процитировать правильно трехъ газетныхъ строкъ, свидѣтельствуетъ, что крестьяне «сплошь» клянчи, пропойцы лицемѣры и обманщики, «кушающіе» мякину лишь съ цѣлью «разжалобить заѣзжаго, неопытнаго интеллигента. Какъ видите—старая исторія.

С. Д. Протопоповъ.

Изъ Тамбова.

Церковно-приходская школа въ Тамбовскомъ уѣздѣ.

Когда дѣятельность тамбовскаго уѣзднаго земства по народному образованію развилась до такой степени, что возникла потребность подвести ей итоги и произвести подсчетъ того, сколько еще осталось сдѣлать для достиженія цѣли всеобщаго обученія народа,— естественно возникъ вопросъ: принимать ли во вниманіе существующія церковно-приходскія школы и считать ли мѣстности, гдѣ такія школы существуютъ, не нуждающимися въ заботахъ со стороны земства. Докладъ управы «о мѣрахъ подготовительныхъ ко введенію всеобщаго обученія въ тамбовскомъ уѣздѣ» разрѣшалъ этотъ вопросъ такимъ образомъ:

«Программа церковно-приходскихъ школъ, какъ это было доказано путемъ подробнаго разбора и сличенія еще въ извѣстной запискѣ Ѳ. Самарина, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ программы земскихъ начальныхъ училищъ. Но въ то время, какъ въ земскихъ училищахъ эта программа выполняется въ теченіе 3-хъ лѣтъ, курсъ церковно-приходской школы ограниченъ 2 годами; въ то время, какъ въ земской школѣ преподаваніе ведется непре-

мѣнно особо приглашенными лицами, въ церковно-приходской учителями могутъ быть, а въ тѣхъ случаяхъ, когда школа дѣйствительно существуетъ на средства прихода, непремѣнно бываютъ члены мѣстнаго причта, на обязанности которыхъ прежде всего лежитъ исполненіе обычныхъ церковныхъ требъ, а затѣмъ уже педагогическая дѣятельность. Эти двѣ особенности, въ связи съ меньшей требовательностью епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ при выборѣ учителей, неминуемо должны были повести къ тому, что церковно-приходскія школы стали школами низшаго типа сравнительно съ земскими. Ясно, что при сокращеніи учебнаго времени на $1/2$, при неблагопріятномъ подборѣ учительскаго персонала одна и та же программа не можетъ выполняться съ тѣмъ же успѣхомъ, что и въ земскихъ училищахъ.

«Если церковно-приходская школа не удовлетворяетъ требованіямъ той программы, съ которою у насъ связывается понятіе о начальномъ обученіи, то еще менѣе удовлетворительной въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать постановку дѣла въ школахъ грамоты, которыя являются, въ сущности говоря, пережиткомъ дореформенной эпохи, когда отставные солдаты и случайные грамотѣи обучали крестьянскихъ ребятъ часослову и псалтыри».

Кромѣ того, докладъ управы отмѣчаетъ и еще одно, чрезвычайно важное обстоятельство: «церковныя школы поставлены внѣ фактическаго контроля со стороны представителей иныхъ вѣдомствъ, кромѣ вѣдомства православнаго исповѣданія, и въ силу этого земство, предоставляя свои средства въ пользу церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, было бы лишено возможности руководить употребленіемъ этихъ денегъ». Наконецъ, населеніе разныхъ селъ, въ одинаковой степени несущее земскія повинности, ео ipso имѣетъ право въ одинаковой степени пользоваться и плодами народно-просвѣтительной дѣятельности земства.

«Если же въ нормальную сѣть будутъ включены церковно-приходскія школы, то одни изъ плательщиковъ будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи школу высшаго разряда, другіе—школу похуже и притомъ, стоящую внѣ всякаго контроля самихъ плательщиковъ». Въ виду всѣхъ этихъ соображеній докладъ управы заключаетъ, что «нѣтъ никакихъ основаній включать въ проектъ нормальной сѣти церковно-приходскія школы и школы грамоты». Земское собраніе вполнѣ согласилось съ мнѣніемъ управы.

Постановленіе земскаго собранія вызвало большую сенсацію среди лицъ, причастныхъ къ церковнымъ школамъ, — тѣмъ болѣе, что оно *прошло безъ всякихъ возраженій, единогласно*. Въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ появилась статья, горячо протестовавшая противъ несправедливой и пристрастной, будто бы, оцѣнки церковныхъ школъ, сдѣланной земской управою и собраніемъ.

Статья эта была подписана именемъ «наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты тамбовской епархіи, протоіерея *Сергія*

Бѣльскаго», и тѣмъ же именемъ подписана лежащая передъ нами брошюра: «Оо. завѣдующимъ и законоучителямъ, учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ тамбовской епархіи». Отзывами и данными этой брошюры мы воспользуемся для того, чтобы объяснить себѣ мотивы постановленія уѣзднаго земскаго собранія.

О. Сергій Бѣльскій такъ характеризуетъ преподаваніе въ церковныхъ школахъ:

1. Русскій языкъ: а) чтеніе.

«Нельзя не отмѣтить здѣсь недостатка осмысленности и назидательности... Читаются стихотворенія по большей части безъ всякаго выраженія, а пересказываются даже въ двухклассныхъ школахъ не совсѣмъ удовлетворительно... Объяснительный элементъ въ чтеніи—особенно стихотвореній—почти отсутствуетъ. Невыразительно прочитанное, неудовлетворительно объясненное и плохо пересказанное, стихотвореніе весьма рѣдко назидаетъ читающаго». Насколько мало развиваетъ церковная школа своихъ питомцевъ, показываетъ перечень словъ, которыхъ часто не понимаютъ «ученики *лучшихъ* одноклассныхъ, даже двухклассныхъ школъ»—это, напр., *всадникъ*, *нива*, *стрекоза*, *бомба*, *посадъ*, *командиръ* и т. п. *).

1. Русскій языкъ: б) письмо.

«Правописаніе церковныхъ школьниковъ *въ общемъ ниже удовлетворительнаго*... Нерѣдко пишется: царствие Божые невслове а всиле, нагаре, дѣйствие, иерусалимъ, атъдиревьифъ, яро горятъ звезды, сатъ, прекъ-красное... шѣлъ впиретъ, особинно, вычела паульце, зажегъ вѣта время, выдумайся, отъ холыда, снѣва ны гулубомъ небе. на свищенный беломъ светомъ земле, адияніе налужайки, маслечное деревя и т. п... Отмѣченные недостатки вполнѣ понятны, если принять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ диктантъ начинается лишь съ 3-го года, т. е. ведется всего 5—6 мѣсяцевъ... **).

Что же касается до способности питомцевъ церковныхъ школъ разсуждать и правильно выражать свои мысли, то о. Бѣльскій даже и не заикается объ этомъ. Да послѣ всего вышесказаннаго это и лишнее...

II. Ариѳметика: а) счисленіе.

«Учащіе весьма рѣдко задаются цѣлью научить ихъ (дѣтей) производить *съ разумѣніемъ* дѣйствія надъ числами... Изустный же счетъ едва ли не въ полномъ пренебреженіи даже въ двухклассныхъ школахъ... Наконецъ, таблица умноженія страдаетъ весьма часто, а торговые счеты почти всюду покрыты пылью...» ***).

II. Ариѳметика: б) теоретическая часть.

---

*) Названная брошюра, стр. 11.
**) Тамъ же, стр. 13.
***) Тамъ же, стр. 13—14.

Вмѣсто хотя-бы указанія на развивательное значеніе математики, какъ *науки*, а нетолько практическаго искусства, въ брошюрѣ г. Бѣльскаго находимъ лишь прекрасное, но едва ли практичное пожеланіе, чтобы «исчисленіе назидало — воспитывало бы въ дѣтяхъ *добрыя чувства*» *) Самый идеальный педагогъ врядъ ли съумѣетъ достигнуть этой благой цѣли посредствомъ счисленія...

Но можетъ, пожалуй, явиться мысль, что это все неважно: «механическими знаніями» можно пренебречь для другихъ, болѣе важныхъ задачъ церковной школы. Важно ея религіозно-нравственное вліяніе.

Обратимся къ тому же авторитетному источнику — брошюрѣ наблюдателя церковныхъ школъ тамбовской епархіи — и поищемъ въ ней отвѣта на вопросъ: насколько достигается церковными школами эта главная задача ихъ—поднятіе религіозно-нравственнаго уровня школьниковъ. Уже на стр. 14 мы находимъ мѣсто, которое способно возбудить сомнѣнія и удивленіе... Оказывается, что «хуже всего поставлено въ церковныхъ школахъ церковное пѣніе...» «отвѣты по закону Божію не достаточно осмыслены... Дѣти, за весьма рѣдкими исключеніями, почти дословно передаютъ свѣдѣнія учебника... но пользы для души своей изъ всего этого мало получаютъ» **). «Изъ ученія о богослуженіи дѣти въ церковной школѣ въ большинствѣ случаевъ узнаютъ лишь объ устройствѣ храма, о церковныхъ принадлежностяхъ и одеждахъ, самое же богослуженіе, его языкъ и священнодѣйствія всего чаще не разумѣются ими, что весьма и весьма печально» ***) Церковную школу должно бы отличать истовое церковное чтеніе; между тѣмъ въ дѣйствительности она *едва ли преимуществуетъ имъ передъ школами другихъ наименованій* ****). Даже «первое впечатлѣніе отъ церковной школы не въ пользу ея—мало говоритъ о ея *церковности* (курсивъ подлинника)». «Молитва предъ ученіемъ читается и поется школьниками всего чаще безъ молитвеннаго настроенія, чего (т. е. молитвеннаго настроенія?!) такъ не желаетъ объяснительная записка». «Церковные школьники въ большинствѣ случаевъ крестное знаменіе полагаютъ на себѣ не истово, а иногда даже небрежно; дѣти спѣшно крестятся и кланяются въ одно и то-же время, махаютъ рукою, киваютъ головою...» «И сами учащіе часто крестятся не лучше школьниковъ... «Тому же маханію бѣси радуются» — невольно припоминается тогда рѣченіе Златоуста...» ****).

Вотъ каково компетентное мнѣніе ревностнаго сторонника церковной школы, духовнаго лица, стоявшаго въ непосредственной близости къ дѣлу,—въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ по должности наблю-

---

*) Тамъ же, стр. 14.
**) Тамъ же, стр. 2.
***) Тамъ же, стр. 8.
****) Тамъ же, стр. 9.
*****) Тамъ же, стр. 1.

давшаго за церковными школами тамбовской епархіи. Между тѣмъ въ его же статьѣ, напечатанной въ «Вѣдомостяхъ» *), мы читаемъ: «Къ сожалѣнію, оно (земство) слишкомъ плохого мнѣнія о своемъ союзникѣ въ дѣлѣ народнаго образованія (т. е. духовенствѣ) и не желаетъ пользоваться его услугами». Но, во первыхъ, мы видѣли, что и самъ почтенный «наблюдатель» школъ духовнаго вѣдомства нарисовалъ картину ихъ современнаго состоянія далеко не отрадными чертами, а во вторыхъ, изъ чего же слѣдуетъ, что земство не желаетъ пользоваться услугами или помощью церковныхъ школъ въ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ? Изъ того, что оно желаетъ устраивать земскія школы и тамъ, гдѣ есть уже церковныя?

Стоитъ только внимательно просмотрѣть проектъ нормальной сѣти, чтобы убѣдиться, что, за двумя-тремя исключеніями, всѣ селенія тамбовскаго уѣзда, даже такія, въ которыхъ существуетъ по двѣ школы, могутъ доставить достаточный контингентъ безграмотныхъ на одну, двѣ, иногда даже на три школы? Самая нормальная сѣть тамбовскаго земства разсчитана на первое время лишь на всеобщее обученіе мальчиковъ, а такъ какъ въ земскія школы принимаются и дѣвочки, то, даже при полномъ осуществленіи этой ближайшей цѣли земства, церковнымъ школамъ всетаки останется не менѣе широкое поле дѣятельности, чѣмъ то, какое къ этому времени будетъ завоевано земскою школой.

Стало быть, дѣло вовсе не въ томъ, что услуги духовенства нежелательны земскому собранію. Выходитъ какъ будто, напротивъ: что церковныя школы не желаютъ близости земскихъ, ихъ вторженія въ районы церковныхъ школъ, какъ будто это—два конкуррентныя учрежденія, а не два работника на народную пользу, на одномъ и томъ же поприщѣ народнаго образованія!

Есть и еще одинъ вопросъ, сильно озабочивающій тамбовское земство и на который слѣдовало бы обратить вниманіе всѣмъ, не увлеченнымъ партійной борьбой ревнителямъ просвѣщенія. Это вопросъ о законоучительствѣ—одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ земскихъ школахъ тамбовскаго уѣзда. Вотъ что мы читаемъ о немъ въ «приложеніи къ проекту нормальной сѣти школъ для всеобщаго обученія», содержащемъ «статическія свѣдѣнія и матеріалы по народному образованію въ тамбовскомъ уѣздѣ» (стр. 82): «Въ весьма значительномъ числѣ случаевъ дѣятельность законоучителей является чисто-фиктивною, и если, тѣмъ не менѣе, учащіеся являются на экзаменъ подготовленными по закону Божію, то это происходитъ лишь благодаря тому, что учителя добровольно берутъ на себя вмѣстѣ съ другими предметами и преподаваніе по закону Божію. Въ половинѣ нашихъ бланокъ **) имѣются отвѣты о не-

*) «Тамб. Губ. Вѣд» № 122.

**) Вопросные бланки, разсылавшіеся для заполненія соотвѣтственными свѣдѣніями всѣмъ учителямъ земскихъ школъ.

аккуратномъ посѣщеніи школы законоучителями. Приводимъ нѣкоторые, наиболѣе характерные, изъ учительскихъ отзывовъ. «За три года законоучитель не далъ ни одного урока». «Посѣщаетъ очень рѣдко, мѣшаютъ требы». «Священникъ не посѣщаетъ уроковъ, потому что живетъ слишкомъ далеко и не имѣетъ призванія къ учительству». Не посѣщаетъ, когда ѣздитъ по дѣламъ миссіонерства». «Почти не посѣщаетъ, такъ какъ живетъ далеко, а подводы не даютъ крестьяне». «Аккуратно, за исключеніемъ Великаго Поста».

Здѣсь сгруппированны самые характерные отзывы: каждый изъ нихъ намѣчаетъ какую нибудь опредѣленную, особенную причину непосѣщенія земской школы. Составитель упомянутаго и цитированнаго только что «приложенія къ проекту нормальной сѣти» говоритъ: «Не слѣдуетъ забывать, что и при добромъ желаніи со стороны дьякона и священника требы, великопостныя службы и въ особенности многоверстныя разстоянія могутъ мѣшать посѣщенію школы и что гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь, скажется вліяніе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій, когда число школъ станетъ значительно больше числа приходовъ, когда даже удаленныя отъ церквей деревни обзаведутся школами. Тогда единственнымъ исходомъ будетъ предоставленіе учителямъ и учительницамъ оффиціальнаго права преподаванія закона Божія, т. е. санкціонированіе порядка, фактически давно установившагося едва ли не въ половинѣ школъ уже въ настоящее время» (тамъ же стр. 82). Итакъ, сама жизнь выдвигаетъ вопросъ — не о замѣнѣ земской школы церковно-приходской, а о предоставленіи свѣтскимъ учителямъ права преподаванія закона Божія, что и теперь дѣлается по необходимости, за недостаткомъ времени у священниковъ. Тогда въ земской школѣ остались бы лишь тѣ законоучители—священники, которые чувствуютъ призваніе къ педагогіи.

Викторъ Черновъ.

Издатели: Вл. Короленко. Н. К. Михайловскій.

Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

Жизнь Замѣчательныхъ Людей.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ ея войдетъ около 200 біографій замѣчательныхъ людей. Каждому изъ нихъ посвящается особая книжка, объемомъ отъ 80 до 160 страницъ, снабженная портретомъ. Къ біографіямъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ—прилагаются географ. карты, снимки съ карт. и ноты.

Цѣна каждой книжки отдѣльно—25 коп.

До конца октября 1897 г. вышли слѣдующія 180 біографій:

I. Представители религіи и церкви: Будда (Сакія-Муни), Григорій VII, Гусъ, Кальвинъ, Конфуцій, Лойола, Магометъ, Савонарола, Торквемада, Франциськъ Ассизскій, Цвингли.—Аввакумъ (глава рус. раскола), патріархъ Никонъ.

II. Государственные люди и народные герои: Бисмаркъ, Гарибальди, Гладстонъ, Гракхи, Кромвель, Линкольнъ, Мирабо, Томасъ Моръ, Ришелье.—Воронцовы, Дашкова, Іоаннъ Грозный, Канкринъ, Меншиковъ, Потемкинъ, Скобелевъ, Сперанскій, Богданъ Хмельницкій.

III. Ученые: Беккарія и Бентамъ, Бокль, Галилей, Гарвей, А. Гумбольдтъ, Даламберъ, Дарвинъ, Дженнеръ, Кеплеръ, Кетле, Кондорсе, Коперникъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ и Эйлеръ, Лассаль, Линней, Ляйелль, Мальтусъ, Милль, Монтескье, Паскаль, Ньютонъ, Прудонъ, Адамъ Смитъ, Фарадей.—К. Бэръ, Боткинъ, Ковалевская, Лобачевскій, Пироговъ, Соловьевъ (историкъ), Струве.

IV. Философы: Аристотель, Бэконъ, Декартъ, Джіордано Бруно, Гегель, Кантъ, Огюстъ Контъ, Лейбницъ, Локкъ, Платонъ, Сенека, Сократъ, Спиноза, Шопенгауэръ, Юмъ.

V. Филантропы и дѣятели по народному просвѣщенію: Говардъ, Оуэнъ, Песталоцци, Франклинъ.—Каразинъ (основатель харьков. университета), баронъ Н. А. Корфъ, Новиковъ, К. Д. Ушинскій.

VI. Путешественники: Колумбъ, Ливингстонъ, Стэнли.—Пржевальскій.

VII. Изобрѣтатели и люди широкаго почина: Гутенбергъ, Дагеръ и Ніэпсъ (изобрѣтатели фотографіи), Лессепсъ, Ротшильды, Стефенсонъ и Фультонъ (изобрѣтат. жел. дорогъ и пароходовъ), Уаттъ, Эдисонъ и Морзе.—Демидовы.

VIII. Писатели русскіе и иностранные:

Иностранные писатели: Андерсенъ, Байронъ, Бальзакъ, Беранже, Бёрне, Боккачіо, Бомарше, Вольтеръ, Гейне, Гете, Гюго, Дантъ, Дефо, Дидро, Диккенсъ, Жоржъ-Зандъ, Золя, Ибсенъ, Карлейль, Лессингъ, Маколей, Мильтонъ, Мицкевичъ, Мольеръ, Рабле, Ренанъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, Теккерей, Шекспиръ, Шиллеръ, Джоржъ Эліотъ.

Русскіе писатели: Аксаковы, Бѣлинскій, Гоголь, Гончаровъ, Грибоѣдовъ, Державинъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жуковскій, Кантемиръ, Карамзинъ, Кольцовъ, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ. Никитинъ, Писаревъ, Писемскій, Пушкинъ, Салтыковъ (Щедринъ), Сенковскій (баронъ Брамбеусъ), Левъ Толстой, Тургеневъ, Фонвизинъ, Шевченко.

IX. Художники: Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэль, Рембрандтъ.—Ивановъ, Крамской, Перовъ, Ѳедотовъ.

X. Музыканты и актеры: Бахъ, Бетховенъ, Вагнеръ, Гаррикъ, Мейерберъ, Моцартъ, Шопенъ, Шуманъ.—Волковъ (основатель русск. театра), Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ, Щепкинъ.

Приготовляются къ печати біографіи слѣдующихъ лицъ:

Вашингтона, Герцена, Демосѳена и Цицерона, Екатерины II, Лютера, Макіавелли, Меттерниха, Наполеона I, Некрасова, Островскаго, Пастера, Петра Великаго, Суворова и др.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графиньи.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздуш. звонкахъ. Съ 121 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. 3-е изд. Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай.** *А. Альмедингена.* Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмедингена.* Ц. 60 к.—7) **Дѣтскій докторъ.** Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра *Варіо.* Съ франц. подъ редакціей проф. *Пономарева.* Ц. 1 р.—9) **Гигіена дѣтства.** *Э. Перье.* Ц. 50 к.—9) **Уходъ за больными въ семьѣ.** *Энцлера.* Ц. 50 к.—10) **Уходъ за больными дѣтьми.** *Э. Перье.* Ц. 50 к.

